
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СОЦИОЛОГИЯ:
ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ,
МЕТОДОЛОГИЯ

Учебник

Под редакцией проф. *Д. В. Иванова*

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 316(075.8)
ББК 60.5я73
С69

Рецензенты: д-р социол. наук, проф. *Н. Н. Покровская* (С.-Петербург. гос. экон. ун-т);
канд. социол. наук *Е. А. Здравомыслова* (Европейский ун-т в С.-Петербурге)

Авторы: Д. В. Иванов (гл. 1–8, 10–12, 15, 17, 18, словарь терминов, указатель персоналий); Ю. В. Асочаков (гл. 7), Е. С. Богомяккова (гл. 9, 18); А. О. Бороноев (гл. 13, 14); В. И. Бочкарёва (гл. 14); С. С. Бразевич (гл. 14); Н. А. Головин (гл. 2, 3, 5); О. И. Иванов (гл. 5, 9, 16); М. В. Ломоносова (гл. 13); Д. В. Мионов (гл. 13); Е. А. Орех (гл. 3, 18); Е. А. Островская (гл. 7, 11, 12, 15); П. И. Смирнов (гл. 1, 5); В. Х. Тхакахов (гл. 2); В. Я. Фетисов (гл. 11)

*Печатается по решению
Учебно-методической комиссии факультета социологии
Санкт-Петербургского государственного университета*

Социология: теория, история, методология: учебник / под ред.
С69 Д. В. Иванова. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. — 480 с.
ISBN 978-5-288-05888-2

В учебнике классические представления о теоретических основах современной социологии и истории ее развития интегрированы с инновационными подходами к анализу новейших тенденций в теории и методологии социологии, к изучению социальных процессов и социальных проблем, характерных для общества XXI века. Учебник написан в полном соответствии с федеральными государственными стандартами высшего профессионального образования и предназначен для подготовки социологов на уровне бакалавриата и магистратуры.

Издание адресовано студентам, обучающимся по направлению «Социология», оно может быть полезно преподавателям социологии в других социогуманитарных направлениях, а также широкому кругу читателей, интересующихся современными социальными процессами и вопросами их научного познания.

УДК 316(076.8)
ББК 60.5я73

ISBN 978-5-288-05888-2 © Санкт-Петербургский государственный университет, 2019
© Авторы, 2019

Оглавление

Предисловие	7
Раздел I. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ	
Глава 1. Понятие теории в социологии	12
Глава 2. Парадигмы в социологии	21
2.1. Макросоциологические парадигмы	22
2.2. Микросоциологические парадигмы	33
Глава 3. Проблема мультипарадигмальности и варианты ее решения	49
3.1. Интегративные парадигмы в социологии	52
3.2. Альтернативные подходы к решению проблемы мультипарадигмальности	59
3.3. Многообразие теорий и единство теоретической социологии	67
Глава 4. Общество как базовая категория теоретической социологии	76
4.1. Понятие общества в социологии	76
4.2. Исторические типы общества	79
4.3. Общество как система	85
4.4. Общество как дискурс	90

4 Оглавление

Глава 5.	Модели социального взаимодействия и коммуникации	96
5.1.	Социальные взаимодействия и социальные отношения	97
5.2.	Социологические модели коммуникации	106
5.3.	Социализация	110
Глава 6.	Концепции социальной структуры	126
6.1.	Социальные институты	127
6.2.	Социальная дифференциация и стратификация	135
6.3.	Структурные факторы социальных проблем	142
Глава 7.	Социологические концепции культуры.....	148
7.1.	Институциональные и структурно-функциональные концепции культуры.....	149
7.2.	Концепции культуры как системы производства и потребления	153
7.3.	Концепции глобальной культуры и проект культурсоциологии	157
7.4.	Общество как комплексный феномен культуры	164
Глава 8.	Теории социальных изменений	171
8.1.	Классические теории развития общества	171
8.2.	Теории модернизации	175
8.3.	Теории глобализации.....	179
8.4.	Теории виртуализации	190
Глава 9.	Теории социальных проблем.....	215
9.1.	Концепции социальных проблем в классических социологических теориях.....	216
9.2.	Конструкционистские теории социальных проблем	229
9.3.	Комплексный подход к исследованию и решению социальных проблем	233

Раздел II. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИИ

Глава 10. Эволюция социологии	240
Глава 11. Социальные учения от Античности до эпохи Просвещения	261
11.1. Предпосылки возникновения социологии как науки ...	261
11.2. Социальные учения Античности	264
11.3. Социальные учения Средневековья.....	269
11.4. Социальные учения эпохи Возрождения	271
11.5. Социальные учения Нового времени	274
11.6. Социальные учения эпохи Просвещения	278
Глава 12. Основоположники и классики мировой социологии	286
12.1. Основоположники науки об обществе в XIX веке	286
12.2. Первые классики социологии на рубеже XIX и XX веков.....	295
12.3. Новые классики социологии XX века	303
Глава 13. Институционализация социологии в России	316
Глава 14. Классики российской социологии.....	333
14.1. Классики субъективной школы русской социологии....	334
14.2. Представители неокантианского направления в российской социологии	338
14.3. Классики неопозитивистского направления в российской социологии.....	344
14.4. Марксисты в российской социологии.....	348
Глава 15. Тенденции развития теоретической социологии в XX — начале XXI века	354

Раздел III. МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИИ

Глава 16. Методология социального познания.....	383
Глава 17. Методологические основы социологического исследования	413
Глава 18. Методы сбора и анализа данных в социологии	433
Словарь терминов.....	452
Указатель персоналий.....	462
Сведения об авторах.....	475
Contents.....	477

Предисловие

Данный учебник представляет собой результат работы коллектива авторов, являющихся сотрудниками кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета, которая была создана в 1989 г. За почти три десятилетия преподавания и проведения фундаментальных социологических исследований авторским коллективом накоплен богатейший материал, созданы оригинальные теоретические концепции и учебные курсы, опубликованы сотни научных статей, более тридцати монографий и учебников по социологии. В учебнике «Социология: теория, история, методология» интегрированы классические представления о теоретических основах современной социологии, истории ее развития и инновационные подходы к анализу новейших тенденций в теории и методологии социологии, к изучению социальных процессов и социальных проблем, характерных для общества XXI в.

Теоретическая социология — это большой и постоянно растущий комплекс идей и научно-исследовательских подходов. Этот комплекс образуют не только собственно социологические теории, которые представляют собой концептуальные модели социальных явлений и процессов, предлагающие объяснения того, как устроена и изменяется совместная жизнь людей. Существенным компонентом теоретической социологии является история социологии, в которой функция историографической фиксации прошлого научной дисциплины подчинена основной задаче — теоретической реконструкции логики развития социологии. Именно такая реконструкция может указать исследователям перспективные способы нового прочтения социологической классики и пути открытия в научном наследии недооцененных ранее источников теоретизирования, создания концептуальных новинок. Еще одним компонентом теоретической социологии является социологическая методология — анализ научной состоятельности теорий и методов, применяемых социологами, и дальнейшая разработка общих принципов и конкретных способов исследования социальных явлений и процессов.

Масштабы, комплексный характер и постоянное развитие теоретической социологии создают проблему в профессиональной подготовке социологов,

поскольку теоретическая социология должна служить одновременно и элементарной основой профессиональной подготовки, и системой базовых понятий, исследовательских подходов. В традиционных учебниках по социологии, представляющих научную дисциплину в целом, обязательно присутствуют разделы по теории, истории и методологии социологии. Однако для успешного освоения материала специальных теоретических дисциплин нужны учебники, дающие более глубокое и детальное представление о теоретической социологии. Требуются специальные учебники, сфокусированные на вопросах теории, истории и методологии социологии. Таких учебников явно не хватает российским студентам и преподавателям социологии. Эту проблему можно решить совместными усилиями ученых, преподавателей, издателей, и вклад в решение этой задачи авторский коллектив учебника «Социология: теория, история, методология» считает своей миссией. Учебник создан авторским коллективом, объединившим социологов, широко известных в России и в международном социологическом сообществе своими научными работами и снискавших высокий авторитет среди коллег и студентов в качестве квалифицированных преподавателей.

Учебник написан в полном соответствии с образовательными стандартами Санкт-Петербургского государственного университета и с федеральными государственными стандартами высшего профессионального образования по направлению «Социология» (квалификация «бакалавр» и «магистр»). Книга будет способствовать освоению материала таких учебных дисциплин, как «Основы социологии», «Общая социология», «Теоретическая социология», «История социологии», входящих в образовательные программы академического бакалавриата по указанному направлению. Также учебник может быть использован на уровне магистратуры по направлению «Социология», особенно студентами, обучающимися в магистратуре и имеющими степень бакалавра по другим направлениям подготовки. Он может оказаться полезным и в преподавании учебной дисциплины «Социология» в рамках образовательных программ уровня бакалавриата по другим социогуманитарным направлениям.

Цель учебника — дать компактное и при этом систематическое и глубокое представление о теоретических основах социологии, ее предмете и методах исследовательской работы, об основных теоретических подходах и направлениях исследования современных социальных процессов. Материал книги организован так, чтобы способствовать формированию у обучающихся как общекультурных, так и профессиональных компетенций.

По изучении курса на основе учебника «Социология: теория, история, методология» студенты должны:

- *знать* основные определения предмета социологии, структурные компоненты современной социологии, *усвоить* базовые понятия и положения наиболее важных социологических парадигм, этапы подготовки и проведения социологического исследования, характеристики

- исторических типов общества, социологические определения культуры, социальной структуры, социальных институтов, социального неравенства, концепции социальных проблем и социальных изменений;
- *уметь* отличать социологический подход к изучению явлений и процессов от подходов других наук, описывать различные социальные явления и процессы, используя понятийный аппарат социологических теорий, формулировать цель исследования, определять предмет и объект исследования, анализировать социальные явления с применением понятий социального института и социальной стратификации, анализировать социальные явления в динамике с использованием классических и современных теорий трансформации общества;
 - *владеть навыками* социологической интерпретации явлений, описания социальных явлений и процессов с использованием различных теоретических подходов, обоснования применения различных методов сбора и анализа эмпирических данных, выявления признаков социального института в различных сферах жизнедеятельности людей, определения характеристик социальных групп в современном обществе, выявления тенденций социальных изменений, исходя из данных официальной статистики и социологических исследований.

Учебник построен с учетом того, что в современной социологии сосуществуют различные, иногда диаметрально противоположные теоретические подходы и концепции, называемые в научном сообществе парадигмами. Несмотря на свою мультипарадигмальность, вызывающую острые дискуссии между сторонниками различных парадигм и методов исследовательской работы, социология являет собой единую систему знания и практической деятельности. В данном учебнике социология представлена как система, в которой каждая концепция, каждая теоретическая модель, каждый метод — это элемент, взаимосвязанный с другими элементами. Указанные особенности видения авторами современной социологии обусловили структуру учебника.

Раздел I — «Социологические теории» — дает представление о специфике социологического взгляда на мир, о социологии в целом и о месте в ней теоретического знания, раскрывает содержание и логику основных подходов, определяющих направление и характер социологических исследований. Раздел II — «История развития социологии» — освещает условия становления и общий ход развития социологии в мире и в России в XIX — начале XXI в. Раздел III — «Методология социологии» — описывает основные принципы изучения социальных явлений и процессов, а также конкретные методы сбора и анализа данных.

Освоение материала учебника может быть модульным. Для студентов, изучающих основы социологии в рамках образовательных программ по направлениям, не связанным с профессиональной подготовкой социологов, можно

сократить материал за счет подразделов, раскрывающих проблемы, важные прежде всего для профессионального становления социологов-исследователей.

Книга написана с учетом интересов и запросов студентов и преподавателей. Везде, где это возможно, текст представлен в виде компактных и однозначных определений, причем принципиально важные определения выделены особо.

Основные термины и положения, на которые при чтении следует обратить внимание, которые нужно дополнительно обдумать и проанализировать, выделены курсивом. В конце каждой главы даны тестовые задания, включающие по 10 контрольных вопросов с вариантами ответов, примерные темы рефератов (докладов), а также задания для самостоятельной работы, нацеленные на развитие навыков анализа социологического материала. Списки литературы в конце глав сведены к минимуму, необходимому для решения главной учебной задачи — формирования у студентов адекватных представлений о структуре, понятийном аппарате и основной проблематике современной теоретической социологии.

Учебник снабжен кратким словарем социологических терминов и указателем персоналий.

Раздел I

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ

Глава 1. Понятие теории в социологии

Глава 2. Парадигмы в социологии

Глава 3. Проблема мультипарадигмальности
и варианты ее решения

Глава 4. Общество как базовая категория теоретической
социологии

Глава 5. Модели социального взаимодействия
и коммуникации

Глава 6. Концепции социальной структуры

Глава 7. Социологические концепции культуры

Глава 8. Теории социальных изменений

Глава 9. Теории социальных проблем

Глава 1

ПОНЯТИЕ ТЕОРИИ В СОЦИОЛОГИИ

Предмет социологии и концепция социологического воображения

Отправной пункт теоретизирования в социологии — это определение ее предмета. Само название науки должно было по замыслу ее основателей указывать на предмет исследований. Термин «социология», впервые введенный французским мыслителем Огюстом Контом (1798–1857), происходит от латинского *societas* («общество») и греческого *λόγος* («слово, учение»). В буквальном смысле слова социология — это наука об обществе. Это значение сейчас может служить не исчерпывающим определением социологии, но отправной точкой для понимания того, чем она является в современном мире.

В обыденном языке слово «общество» означает совокупность или организованную группу людей. Это значение заложено в таких выражениях, как «высшее общество», «общество защиты животных», «общество филателистов» и т. п. Однако язык науки отличается от обыденного языка. На языке социологии «общество» — это исторически сложившийся тип социальной организации, который охватывает все явления и процессы совместной жизни людей в данной стране, или в данную эпоху, или на данной стадии технологического и экономического развития. Например, социологи могут выделять как особые типы российское общество, или средневековое общество, или индустриальное общество. Общество как тип социальной организации явлений и процессов возникает вследствие совместной жизни, взаимодействий людей, оказывает влияние на их мышление и поведение, проявляется в их поступках и высказываниях, вещах, сделанных ими. Таким образом, социологи наблюдают за совместной жизнью, взаимодействиями людей, но изучают социальные явления и процессы.

Один из основоположников социологии, выдающийся французский ученый Эмиль Дюркгейм (1858–1917) в своем труде «Правила социологического метода» (1895) писал, что предмет социологии составляют *социальные факты*, под которыми он понимал «способы мышления, деятельности, чувствования», распространенные в обществе и существующие вне индивидов и оказывающие на индивидов принудительное действие. Говоря более современным языком, социальные факты — это ценности и нормы, которым ин-

дивид вынужден следовать, чтобы успешно взаимодействовать с другими людьми. Социальные факты, по мнению Дюркгейма, образуют реальность особого рода. Он призывал социологов рассматривать социальные факты как вещи, т.е. как реальные объекты. Если принять определение Дюркгейма, то следует признать, что социальная реальность существует объективно, подобно физическим объектам, и эта реальность не исследуется и не может исследоваться никакой другой наукой, кроме социологии. Поэтому между предметом социологии и предметами других наук, таких как психология, экономика, юриспруденция и т.п., объективно существует четко определенная граница.

Определение предмета социологии как «социальных фактов», т.е. фактов социальной обусловленности явлений, сохраняет свою значимость. Но в целом подход Дюркгейма и тех, кто разделяет его точку зрения на предмет социологии, ныне выглядит несколько устаревшим, поскольку объект социологии и других общественных и гуманитарных наук зачастую один и тот же: совместная жизнь людей. Об этом совпадении объекта свидетельствует, например, то, что внутри самой социологии постепенно сложились такие отрасли науки, как экономическая социология, социология личности, социология политики, социология права и т.п. Трудно или даже невозможно провести четкие границы между совокупностями событий, действий, вещей, которые изучаются социологами, и совокупностями, которые изучаются представителями других наук — экономики, психологии, политологии, правоведения и т.д. Однако концепция Дюркгейма сыграла положительную роль в начальный период развития социологии — в конце XIX в., когда новая наука нуждалась в обосновании ее необходимости.

Совместная жизнь людей служит для социологов материалом научных изысканий, т.е. объектом изучения. Под объектом науки понимается та реальность, на которую направлен исследовательский интерес. Объект социологии в общем совпадает с объектом других наук, которые принято называть общественными науками. Совместная жизнь людей является объектом экономики, демографии, социальной психологии, политологии, этнографии и т.п. Но у каждой из общественных наук есть свой специфический предмет. Именно предмет, а не объект определяет содержание той или иной науки. Предмет науки — это те аспекты или особенные черты, которые исследователи выделяют в объекте, руководствуясь своими научными интересами, т.е. представлениями о важных, существенных явлениях и процессах. Выделенные аспекты или особенные черты — это не часть реально существующего объекта, а его научный образ, особый способ видения объекта, характерный для данной науки.

Предмет науки — это всегда результат *концептуализации*, под которой понимается процесс формирования при помощи понятий (концептов) отдельной области познания. Социологический подход предполагает выявление социальной обусловленности как поступков людей, так и ситуаций, склады-

вающихся в результате множества поступков многих людей, а также вещей, созданных или используемых людьми.

Предмет современной социологии может быть определен как социальная обусловленность любых явлений.

Умение выявить социальную обусловленность явлений требует особого свойства мышления, которое принято называть «социологическим воображением». Концепция социологического воображения была сформулирована знаменитым американским социологом Чарльзом Райтом Миллсом (1916–1962). В своей книге, которая так и названа («Социологическое воображение»), он заявил, что «исследователь, обладающий социологическим воображением, умеет связать, скажем, развитие нефтяной промышленности и современной поэзии, семейный доход с мировым бюджетом»¹.

Студентам-социологам Миллс рекомендовал выработать у себя социологическое воображение, выявляя взаимосвязь и взаимовлияние человека и общества, биографии и истории, личности и мира. Социологическое воображение — это такое свойство мышления, которое поможет увидеть личные проблемы как общественные, рассматривать индивидуальные события как проявления общественной жизни.

Повседневные дела и заботы, составляющие содержание жизни отдельного человека, осознаваемые и решаемые им проблемы — это факты индивидуальной биографии. Общественные процессы, не подконтрольные индивиду, но влияющие на его повседневную жизнь (экономические кризисы, смена правительства, образовательная реформа, война и т. д.), составляют иную категорию фактов. Чтобы малое (жизнь индивида) понимать в тесной связи с большим (общественными процессами), надо развивать социологическое воображение. Оно позволяет увидеть, что частные события — это проявление общих процессов. Например, когда в городе со стотысячным населением один безработный, то это его личная, частная проблема. Но когда в таком городе безработных несколько тысяч, а в стране подобных городов много, то отсутствие работы у человека уже не столько частная проблема, сколько проблема устройства общества. Таким образом, социологический подход позволяет узнать об индивидуальной биографии больше, чем мог бы рассказать сам индивид.

Концепция социологического воображения Ч. Р. Миллса наглядно показывает, что специфику предмета социологии определяет не круг изучаемых явлений, который может меняться, а особый способ их рассмотрения — выяв-

¹ Mills C. W. The sociological imagination. N. Y.: Oxford University Press, 1959. P. 7.

ление их социальной обусловленности. Социологическое воображение — это общая основа исследовательской деятельности социолога и способ мышления, необходимый для развития теоретической социологии.

Соотношение теоретической и эмпирической социологии

Современная социология — сложная, внутренне дифференцированная сфера исследовательской деятельности, включающая различные компоненты. По критерию способа познания социологию принято разделять на теоретическую и эмпирическую. *Теоретическая социология* — это совокупность исследований, основным содержанием которых является *построение концептуальных моделей*, т. е. систем логически связанных утверждений, описывающих и объясняющих социальные явления. Особенностью теоретических исследований является то, что они ведутся без обращения к объекту непосредственно в процессе его изучения. *Эмпирическая социология* — это совокупность исследований, основным содержанием которых является *сбор и анализ фактических данных* об объекте.

Фактическими данными для социолога являются не любые сведения, а только те, что получены в результате применения специальных научных процедур. К числу таких процедур относятся:

- 1) методы организации объекта исследования — экспериментальное исследование, выборочное исследование, панельное исследование², исследование отдельного случая (*case study*);
- 2) методы сбора данных — опрос (анкетирование, интервью), наблюдение, анализ документов (текстовых, визуальных, звуковых);
- 3) методы обработки и анализа данных — статистический (количественный) анализ, логико-смысловой (качественный) анализ, сравнительно-исторический анализ³.

Таким образом, факты для социологии — это не сама изучаемая реальность, а особым образом созданный научный материал, на основании которого можно делать научно значимые выводы об изучаемой реальности. Фактические данные, которыми оперируют социологи, подразделяются на три уровня:

- 1) собственно эмпирические факты — совокупность данных, характеризующих каждую единичную ситуацию исследования (содержание ответов на вопросы анкеты или интервью, содержание протокола наблюдения или дневника исследователя и т. п.);

² Панелью (англ. *panel* — список присяжных) в социологии принято называть специально отобранную совокупность людей, которая периодически обследуется на протяжении длительного времени.

³ Описание всех названных процедур дано в Разделе III «Методология социологии».

- 2) аналитические (сводные и статистические) факты — данные о результатах агрегирования⁴ и группировки эмпирических фактов (в виде таблиц, процентных распределений, диаграмм и т. п.);
- 3) эмпирические обобщения — формулируемые при помощи социологических понятий выводы о выявленных устойчивых связях (тенденциях, закономерностях и т. п.) между эмпирическими и аналитическими фактами.

Эмпирическое обобщение является высшим уровнем исследовательской работы в эмпирической социологии и одновременно формой исследовательской работы в теоретической социологии, поскольку оно представляет собой концептуализацию эмпирических данных.

Теория — это концептуальная модель изучаемого объекта.

Моделирование — общий метод познания в естественных и общественных науках. В основе этого метода лежит способность человеческой психики моделировать реальные процессы и явления. Выдающийся немецкий социолог Макс Вебер (1864–1920) дал имя теоретическому средству, общему для социологии и естествознания, введя понятие «идеальный тип». Вебер исходил из того, что социологии необходимо выработать понятия, позволяющие ориентироваться в многообразии исторического материала, не вгоняя вместе с тем этот материал в предвзятую схему. Формулируя понятие идеального типа, он интуитивно стремился внедрить в обществоведение простейшие модели для изучения социальных явлений, подобные тем, что издавна используются в естествознании («идеальная жидкость», «идеальный газ», «абсолютно твердое тело» и т. д.). В социологии в ближайшее время едва ли удастся построить столь же простые и строгие модели, но создание даже приближенных и несовершенных их образцов может быть полезно для познания общества.

Первичными моделями, наиболее тесно связанными с процессом теоретического познания, являются представления и понятия. Закрепление их с помощью слов позволяет создавать различные описания: бытовые, художественные (литературные), идеологические и собственно научные. Эти описания различаются степенью включенности в них представлений, понятий, ценностных установок, математического аппарата. Все описания можно рассматривать как модели, которые один человек, создав их в своей голове, хочет передать другим людям.

⁴ Агрегирование (от лат. *aggregare* — соединять) — операция перевода единичных данных в обобщающую информацию.

Теоретические понятия, называемые концептами, служат формами компактного и общезначимого выражения накопленного научного знания. Систематизация знания путем введения научных понятий и установления логических связей между ними составляет суть теоретизирования. В социологии можно выделить *три основные формы теоретизирования*:

- 1) эмпирическое обобщение — фиксация тенденций, регулярностей в наблюдаемых социальных явлениях и процессах;
- 2) типологизация — выделение логически возможных типов социальных явлений и процессов, не существующих в реальности в чистом виде, но служащих идеальными моделями, с которыми исследователь соотносит наблюдаемые явления и процессы;
- 3) построение концептуальных схем — установление каузальных (лат. *causalis* — причинный) и функциональных зависимостей между социальными явлениями и процессами, которые представлены в виде понятий — переменных.

По степени общности в социологии можно выделить *три уровня теоретического знания*:

- 1) объяснение *ad hoc* (лат. — по случаю), т. е. концептуальная модель, создаваемая в данное время в данном месте в качестве теории наблюдаемого единичного явления;
- 2) теория среднего уровня⁵, т. е. частная или специальная теория, с помощью которой описывается и объясняется некоторый ряд или определенная категория социальных явлений;
- 3) общесоциологическая теория, т. е. универсальная теория, с помощью которой можно было бы описывать и объяснять любые социальные явления и процессы.

В начальный период развития социологии, на рубеже XIX–XX вв., велись дискуссии о том, какой способ познания является главным — построение теорий или сбор эмпирических данных. Одни социологи считали главным создание теорий, способных объяснить и заменить логически связанной системой понятий и утверждений большие, но разрозненные массивы фактических данных. Другие же полагали, что главное — получение конкретной информации, непосредственно характеризующей объект и способной заменить абстрактные рассуждения о нем. В современной социологии теоретическая и эмпирическая составляющие исследовательской деятельности связаны отношениями взаимобмена. Теории служат источником исследовательских подходов и гипотез, на-

⁵ Выражение *middle range theory*, использованное американским социологом Робертом Мертоном для обозначения этого типа теорий, можно перевести на русский язык и как «теория среднего радиуса действия».

Рис. 1.1. Логическая структура исследовательской работы⁶

правляющих процесс сбора и анализа эмпирических данных, а эмпирические обобщения — материалом для построения концептуальных моделей.

Существующие теории и сбор эмпирических данных социологи связывают в общий процесс исследовательской работы посредством *дедукции* (лат. *deductio* — выведение) — логических построений, выводящих из «общего» (теоретических положений) «частное» (гипотезы, допускающие проверку фактами). Полученные эмпирические данные и построение новой теории социологи связывают посредством *индукции* (лат. *inductio* — наведение) — логических построений, приводящих от «частного» (отдельных фактов) к «общему» (обобщению, позволяющему строить концептуальную модель). Содержание эмпирической социологии составляет фундамент науки о социальной обусловленности явлений, определяет основу ее развития. Содержание теоретической социологии определяет достигнутый уровень и направление дальнейшего развития науки о социальной обусловленности явлений (рис. 1.1).

Представленная структура исследовательской деятельности показывает, что на практике деление социологии на теоретическую и эмпирическую довольно условно. Нужно понимать, что приведенная здесь модель структуры социологии — это не установление реальных границ, разделяющих социологов на группы с принципиально разными интересами, а схема, позволяющая систематизировать разные виды и аспекты исследовательской деятельности, объединяющей социологов в профессиональное сообщество.

Контрольные вопросы

1. Что является предметом социологии?
 - А) общество и его структуры
 - Б) социальная обусловленность явлений
 - В) совместная жизнь людей
2. Кому принадлежит идея, что предмет социологии составляют социальные факты?
 - А) Огюсту Контю
 - Б) Максиму Веберу
 - В) Эмилю Дюркгейму

⁶ Иванов Д. В. Социология: теория и история. СПб.: Питер, 2006, С. 31.

3. Кто является автором концепции социологического воображения?
 - А) Макс Вебер
 - Б) Чарльз Райт Миллс
 - В) Эмиль Дюркгейм
4. Какая из данных составляющих социологии представляет собой совокупность исследований, которые ведутся без обращения к объекту непосредственно в процессе исследования?
 - А) теоретическая социология
 - Б) общая социология
 - В) академическая социология
5. Какое понятие ввел в социологию М. Вебер?
 - А) идеальное общество
 - Б) идеальный случай
 - В) идеальный тип
6. Какие уровни теоретического знания существуют в социологии?
 - А) объяснение *ad hoc*, частные теории, общесоциологическая теория
 - Б) объяснение *ad hoc*, типологизация, концептуальная схема
 - В) эмпирическое обобщение, теории среднего уровня, общая теория
7. Кто ввел термин «социология»?
 - А) Огюст Конт
 - Б) Эмиль Дюркгейм
 - В) Макс Вебер
8. Что такое теория?
 - А) полное описание объекта
 - Б) концептуальная модель объекта
 - В) когнитивное отображение объекта
9. Для какой категории исследований главным содержанием работы исследователя являются сбор и анализ фактических данных об объекте?
 - А) для прикладной социологии
 - Б) для микросоциологии
 - В) для эмпирической социологии
10. Какой тип логических построений характерен для эмпирического обобщения?
 - А) индукция
 - Б) дедукция
 - В) дизъюнкция

Задание для самостоятельной работы

Поупражняйтесь в «социологическом воображении». Руководствуясь социологическим взглядом на социальные сети в интернете, ответьте на следующие вопросы: почему среди активных пользователей сети *Vkontakte* («ВКонтакте») 70% — молодежь в возрасте до 24 лет, а среди активных пользователей сети *LiveJournal* («Живой Журнал») молодежь до 24 лет составляет только 8%? Почему в сети «ВКонтакте» большинство активных пользователей — женщины (свыше 53%), а в сети «Живой Журнал» большинство активных пользователей — мужчины (почти 55%)⁷? Как активность пользователей в социальных сетях влияет на экономику и политику? Каким образом мнения и оценки других людей влияют на содержание материалов, размещаемых в социальных сетях? Может ли личная страница (профиль) в социальной сети быть показателем социального статуса?

Темы рефератов (докладов)

- ✓ Предмет социологии глазами классиков (Э. Дюркгейм, М. Вебер, П. Сорокин)
- ✓ Влияние концепции социологического воображения Ч. Миллса на современные исследования
- ✓ Повседневная жизнь как предмет социологии

Список дополнительной литературы по теме

- Бауман З. Мыслить социологически / пер. с англ. М.: Аспект-Пресс, 1996.
- Бергер П. Приглашение в социологию / пер. с англ. Гл. I. М.: Аспект-Пресс, 1996.
- Вебер М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013.
- Гидденс Э. Социология / пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2005.
- Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр. М.: Терра-Книжный клуб, 2008.
- Социология: учебник / под ред. Д. В. Иванова. Гл. I. М.: Проспект, 2016.
- Масионис Дж. Социология / пер. с англ. СПб.: Питер, 2004.
- Миллс Ч. Социологическое воображение / пер. с англ. М.: Издательский Дом NOTA VENE, 2001.
- Смелзер Н. Социология / пер. с англ. М.: Феникс, 1998.
- Штомпка П. Социология: анализ современного общества / пер. с пол. М.: Логос, 2005.

⁷ Такие данные были получены в ходе исследования «Социальные сети в России сегодня: цифры, тренды, прогнозы», проведенного в начале 2014 г. компанией *Brand Analytics* (URL: <http://br-analytics.ru/>).

Глава 2

ПАРАДИГМЫ В СОЦИОЛОГИИ

В современной социологии исследования ведутся с использованием множества различных подходов к решению вопросов о том, что, как и для чего нужно изучать социологам. Различия в этих подходах проявляются в существовании внутри социологии конкурирующих школ и направлений исследований, обозначаемых по принадлежности к той или иной концептуальной традиции: позитивистская социология, марксистская социология, критическая социология, интерпретативная социология, феноменологическая социология и т. п. Причиной для развития и сосуществования в социологии различных научных направлений является приверженность социологов различным *парадигмам*.

Парадигма — это концепция, принятая в данном научном сообществе в качестве образца постановки и решения исследовательских проблем.

Понятие «парадигма» (греч. *παράδειγμα* — пример, образец) в социологию было введено американским историком и социологом науки Томасом Куном (1922–1994). В книге «Структура научных революций» (1962) Кун назвал парадигмами научные концепции, достаточно беспрецедентные, чтобы привлечь на длительное время группу сторонников, и в то же время достаточно открытые, чтобы новые поколения ученых могли в их рамках найти для себя нерешенные проблемы любого вида. В истории физики, например, Кун выделяет в качестве парадигм классические труды Аристотеля и Ньютона. Труды Аристотеля служили в Античности и Средневековье непререкаемым образцом постановки и решения проблем при изучении природных явлений, а в новое время их заменили в качестве образца труды Ньютона. Переход научного сообщества от одной парадигмы к другой лежит в основе научных революций. Увлеченные новой парадигмой ученые получают новые средства исследования и изучают новые области. Но важнее всего то, что в период научных революций ученые обнаруживают новое и получают иные результаты даже в тех случаях, когда

используют обычные инструменты в областях, которые они исследовали до этого. Смена парадигмы приводит к тому, что ученые видят мир их исследовательских проблем в ином свете. Можно даже сказать, что после научной революции ученые имеют дело с иным миром.

Ситуация в современной социологии несколько отличается от модели развития науки, предложенной Куном. Руководствуясь данным им определением, можно выделить три главных признака существования парадигмы:

- 1) наличие оригинальной концепции, которая служит универсальным инструментом описания и объяснения исследуемых явлений;
- 2) наличие классиков, труды которых служат образцом разработки концепции и ее применения в исследовании конкретных явлений;
- 3) наличие научного сообщества, которое использует концепцию и опирается на труды классиков при формулировке и решении новых исследовательских проблем.

В социологии существует сразу несколько научных направлений, характеризующихся указанными тремя признаками. На этом основании некоторые исследователи считают, что социология находится в кризисе, переживает период научной революции. Однако другие ученые полагают, что одновременное существование множества парадигм не является свидетельством кризиса, что социология — это *мультипарадигмальная* наука. Из множества парадигм, существующих в современной социологии, можно выделить основные, часто применяемые в социологических исследованиях и привлекающие большое число исследователей.

2.1. Макросоциологические парадигмы

Структурный функционализм

Структурный функционализм — научный подход, основывающийся на рассмотрении общества как системы (внутренне дифференцированной и упорядоченной целостности), части которой представляют собой структурные элементы, вносящие вклад в поддержание системы, в ее воспроизводство. В качестве *социальных структур* рассматриваются любые устойчивые образцы (или *паттерны*)¹ деятельности людей. Вклад каждой социальной структуры в воспроизводство социального порядка, т. е. ее положительная роль в социальной системе, — это функция данной структуры. Именно функциональность, полезность для социальной системы каких-либо действий обуславливает их закрепление в качестве элементов системы, т. е. превращение

¹ Англ. *pattern* — образец, шаблон.

в паттерн — образец. Согласно структурно-функционалистскому взгляду социальная жизнь представляет собой типичную деятельность в рамках норм, правил и эталонов поведения, т. е. функционирование социальной структуры.

Логика исходной концепции определяет стратегию социологического исследования как структурно-функционального анализа. Социолог, наблюдая какое-либо социальное явление, стремится выявить его функции и тем самым дать *функциональное объяснение* факта его существования. Есть два пути структурно-функционального анализа. Первый путь — определение тех условий, выполнение которых необходимо для существования социальной системы, и выявление в системе структурных элементов, способствующих выполнению этих условий. То есть, имея представление о функциях, нужно выявлять соответствующие им структуры. Второй путь — описание тех структур, которые обнаруживаются в исследуемой системе, и выявление влияния этих структур на воспроизводство системы. То есть, имея представление о структурах, следует выявлять свойственные им функции.

Образцом первого типа стратегии структурно-функционального анализа служит теория социальных систем, разработанная классиком структурного функционализма в социологии, выдающимся американским исследователем Талкоттом Парсонсом (1902–1979) в таких работах, как «Структура социального действия» (1937) и «Социальная система» (1951).

Теория социального действия, лежащая в основе концептуальных построений Парсонса, может быть выражена тезисом *«социальное действие есть система»*. Согласно системной теории действие включает личность, социальную систему, систему культуры и биологический (поведенческий) организм, но не как таковые, а как функции. Функциональные назначения четырех перечисленных подсистем действия Парсонс представил следующим образом: адаптивную диспозицию имеет поведенческий организм, целедостиженческую — личность, интегративную — социальная система, а функцию воспроизводства образца исполняет культурная система.

По Парсонсу, любая социальная система стабильно существует, если в ней выполняются четыре условия. Во-первых, система должна быть адаптирована к окружающей среде, т. е. приспособлена к особенностям природы человека как биологического организма и как личности, к особенностям физико-органической среды обитания людей, чью жизнедеятельность данная система организует и упорядочивает, к особенностям культуры как системы ценностей. Во-вторых, система должна быть саморегулируемой, т. е. в ней при изменении окружающей среды должны вырабатываться цели — направления изменений структуры — и включаться механизмы реализации этих целей. В-третьих, система должна быть внутренне интегрирована, т. е. между ее элементами должны поддерживаться устойчивые связи, и функционирование элементов должно быть скоординированным. В-четвертых, система должна быть стабильной, т. е. сложившаяся структура системы в состоянии адаптиро-

ванности к окружающей среде должна воспроизводиться в качестве образца сколь угодно долгое время. Эти четыре условия обуславливают необходимость осуществления в любой социальной системе четырех функций, которые Парсонс назвал соответственно «адаптация», «целестремление», «интеграция», «поддержание латентного образца». По первым буквам английских названий функций — *adaptation, goal attainment, integration, latent pattern maintenance* — концепцию Парсонса принято именовать схемой AGIL.

Схема AGIL способна служить универсальным аналитическим инструментом. С ее помощью можно исследовать, например, общество как систему, в которой: экономика выполняет функцию адаптации (A), обеспечивая людей средствами к существованию; политика — функцию целестремления (G), обеспечивая принятие решений и управление деятельностью людей; право и социальные общности — функцию интеграции (I), обеспечивая скоординированность и бесконфликтность действий людей; образование и семья — функцию поддержания образца (L), обеспечивая передачу от поколения к поколению принятых форм и способов деятельности (рис. 2.1).

Схему AGIL можно успешно применять и в анализе любых социальных систем, выделяя структурные элементы, необходимые для поддержания какого-либо социального института или какой-либо социальной группы.

Образцом второго типа стратегии структурно-функционального анализа служат работы еще одного классика структурного функционализма, американского социолога Роберта Мертона (1910–2003), в особенности его книга «Социальная теория и социальная структура» (1949). Мертон критиковал Парсонса за то, что с помощью унифицированной жесткой схемы AGIL всё многообразие социальной реальности подгоняется под идеализированное теоретическое представление. Теоретическая позиция Мертона существенно отличается от парсонсовской. Постулат функционального единства общества, с точки зрения Мертона, неубедителен и не подкрепляется фактами: в обществе довольно много дезинтегрированных частей. Некритическое следование идее функционального единства приводит к повышенному вниманию к целостности общества и недооценке сложности взаимодействия его частей. Мертон считал, что парсонсовская схема изначально задавала полезность всех функций, в то время как в обществе встречаются функционально нейтральные и даже вредные (деструктивные) явления. Критическая позиция Мертона реализована в его теоретической разработке понятий структуры и функции. Он не создал теории общества как таковой, зато им четко сформулирована парадигма структурного функционализма.

Согласно Мертону следует не постулировать функциональность всех социальных структур — паттернов, а выявлять значение каждой из них для людей, чья деятельность организуется и регулируется структурами, и тип влияния этих структур на систему.

A организм — биологическая система	G личность — система мышления	
L культура — система ценностей	I общество — социальная система <i>экономика (A)</i>	<i>политика (G)</i>
	<i>семья, образование (L)</i>	<i>право, общности (I)</i>

Рис. 2.1. Структура системы действия и социальной системы²

Мертон разделил функции на явные и латентные. *Явная функция* — это *распознанный и ожидаемый результат существования структурного элемента системы*. *Латентная функция* — это *нераспознанный и непредусмотренный результат существования структурного элемента*. Мертон также указал на то, что структурные элементы не всегда функциональны. Результатом существования структурного элемента может быть *дисфункция* — *вредное воздействие на систему, нарушающее ее стабильность и нормальное воспроизводство*. Люди часто расходятся во мнениях, когда речь идет о том, что полезно и что вредно. Однако в структурном функционализме дисфункцией называется вред не с точки зрения осуществления целей людей, а с точки зрения существования социальной системы.

Введенное Мертоном представление о латентных функциях и дисфункциях позволило анализировать конфликты и изменения в системе и тем самым несколько скорректировало парсонсовскую трактовку социальных систем как внутренне единых, устойчивых и упорядоченных образований. Однако в общем структурно-функциональная парадигма сосредоточена на рассмотрении устойчивых образцов деятельности и не вполне учитывает роль социальных конфликтов и изменений, порождаемых неравенством и отчуждением людей друг от друга и от социальных структур.

² Иванов Д. В. Социология: теория и история. СПб.: Питер, 2006. С. 38.

Марксистская парадигма (исторический материализм)

Внимание к неравенству, отчуждению и конфликтам отличает парадигму *исторического материализма*. Это подход, опирающийся на концепцию современного общества как системы отношений, основывающихся на неравном распределении экономически значимых ресурсов между людьми, чью жизнедеятельность данная система организует и упорядочивает. Все отношения в системе — экономические, правовые, политические, религиозные, семейные и пр. — рассматриваются как формы закрепления неравенства, господства привилегированных категорий людей и эксплуатации обездоленных и дискриминируемых. Исследование причин неравенства и эксплуатации должно дать знание, которое можно использовать для организации коллективной борьбы за преобразование системы в справедливый и гуманный социальный порядок.

Образцом для исследователей, придерживающихся концепции исторического материализма, служат работы основоположника этого направления в социологии немецкого философа и экономиста Карла Маркса (1818–1883). В своих работах «Экономическо-философские рукописи» (1844), «Тезисы о Фейербахе»³ (1845), «Немецкая идеология» (1846), «К критике политической экономии» (1859) и др. Маркс противопоставил материалистическое понимание истории, под которой понимается процесс развития общества, «идеалистическим» социально-философским концепциям, объяснявшим исторический процесс исходя из духовных факторов: эволюции идей, воли великих людей или целых народов, развития человеческого духа и т. д. Материалистический подход предполагает, что исходным моментом и движущей силой исторического процесса является производство материальных условий жизни людей. Чтобы иметь возможность творить историю, люди должны быть обеспечены хотя бы минимумом средств к существованию. Поэтому научный анализ устройства и развития общества должен начинаться с анализа практической деятельности, обеспечивающей людей пищей, одеждой, жильем.

Наряду с «идеализмом» Маркс критиковал «созерцательность» предшествующей философии. Социально активная позиция исторического материализма отчетливо выражена в «Тезисах о Фейербахе»: «Философы лишь различным образом объясняли мир, в то время как дело заключается в том, чтобы изменить его»⁴. По мысли Маркса, исторический материализм должен дать то знание законов общественного устройства и развития, используя которое можно преобразовать современную общественную систему в гуманное и процветающее сообщество свободных людей.

³ Людвиг Фейербах — немецкий философ XIX в., материалистическое учение которого оказало сильное влияние на идеи Маркса.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. Т. 3. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. С. 4.

Исходной категорией исторического материализма является понятие труда. Труд определяется Марксом как сущностная функция человека. Именно в процессе труда, т.е. целесообразной деятельности по преобразованию внешней материальной среды в средство для жизни, человек сохраняет и развивает свою сущность как разумного, деятельного и социального существа. Сущность человека, по Марксу, есть не абстракт, принадлежащий отдельному индивиду, а вся совокупность исторически сложившихся общественных отношений. Таким образом, труд — это не просто работа, затрата усилий или способ добыть средства к существованию, а еще и социальное отношение.

Совокупный труд людей — это общественное производство. Если в экономической науке данное понятие имеет лишь один смысл — производство в масштабах всего общества, то в историческом материализме оно выступает и в экономическом, и в социологическом значении — как производство общества. Техничко-экономический процесс создания материальных благ одновременно является процессом создания и поддержания системы социальных отношений. В процессе общественного производства своей жизни люди, знают они о том или нет, с необходимостью вступают в отношения, которые Маркс определил как *производственные отношения*. Речь у Маркса идет не просто о технико-организационных, а о *социальных* отношениях, которые возникают в процессе производства.

Ядро производственных отношений образуют отношения собственности. Собственность как экономический институт Маркса интересует лишь в той мере, в какой она является социальным отношением — основой классовой структуры общества. *Социальный класс — это категория статусов, т.е. устойчивых позиций, занимаемых людьми в системе отношений друг с другом, выделяемая на основе позиций, занимаемых ими в системе распределения функций и результатов материального производства*. Классовую структуру образуют два основных класса: класс собственников экономически значимых ресурсов — *средств производства* и класс лишенных такого рода собственности. Собственность на средства производства определяет позицию господства в экономических отношениях.

Господствующий класс осуществляет организацию производства и контроль над распределением его результатов. Отсутствие собственности на средства производства определяет позицию зависимости. Зависимый класс эксплуатируется в качестве источника рабочей силы, поскольку его представители для того, чтобы получить хотя бы небольшую часть результатов использования средств производства, вынуждены работать на условиях, диктуемых представителями класса собственников.

Экономическое господство класса собственников средств производства приводит к превращению всех форм социальных отношений в отношения неравенства, господства и эксплуатации. Это объясняется тем, что совокупность производственных отношений составляет *базис* всей системы социальных

отношений, а политические, правовые, семейные, религиозные и иные отношения, а также способы осознания и оценки людьми этих отношений образуют *надстройку*, структуры которой по-своему воспроизводят структуру производственных отношений (рис. 2.2).

Схема «базис — надстройка» может служить универсальным инструментом анализа социальных явлений.

Рис. 2.2. Марксистская модель системы общественных отношений⁵

Вся совокупность общественных отношений, в которой структуры базиса и надстройки скреплены подобной цепью взаимных соответствий, называется у Маркса общественной формацией. История — это процесс развития, в котором общественная формация проходит через различные стадии. В работе «К критике политической экономии» Маркс выделил четыре способа общественного производства — «азиатский», «античный», «феодалный» и «буржуазный». Каждый из них представляет собой историческую ступень в развитии производственных отношений и сменяется другим только тогда, когда разовьются принципиально новые *производительные силы*, т.е. появятся новые технологии и новые ресурсы, использованию которых существующие производственные отношения препятствуют. В этот исторический момент начинается *социальная революция* — длительный (до двух-трех столетий) процесс вытеснения новыми производственными отношениями и новой классовой структурой старых отношений и структур. Социальная революция протекает

⁵ Социология: учебник / под ред. Д. В. Иванова. М.: Проспект, 2016. С. 43.

как классовая борьба — конфликт сторонников старого образа жизни, олицетворяемого старым господствующим классом, и сторонников нового образа жизни, представляющих новый класс собственников. Социальная революция завершается с созданием новой надстройки — новых систем государственной власти, законодательства, образования, соответствующих новому базису.

В форме классовой борьбы происходит развитие социальных отношений даже в условиях стабильной общественной формации, когда нет предпосылок социальной революции и в основе социальных отношений лежит единый базис. Это борьба внутри установившейся классовой структуры за изменения в условиях труда и за перераспределение результатов производства. Такого рода классовую борьбу между буржуазией (предпринимателями-капиталистами) и пролетариатом (наемными работниками) в середине XIX в. Маркс принял за начало новой социальной революции. Поэтому он в написанном совместно с Фридрихом Энгельсом «Манифесте коммунистической партии» (1848) провозгласил скорую гибель буржуазной, капиталистической формации и построение рабочим классом коммунистического общества, в котором не будет собственности, неравенства, эксплуатации и государственной власти. Однако коммунистическое общество до сих пор остается лишь идеей. Эта ошибка в прогнозе⁶ вызвана характерным для марксистской социологии преувеличением роли классового сознания и революционного потенциала эксплуатируемого класса, а также недооценкой общности ценностей, стереотипов мышления и поведения, интегрирующих и стабилизирующих современное общество.

Неомарксистская парадигма (критическая теория общества)

Альтернативой классическому марксизму в отношении оценки интегрированности современного общества является неомарксистская *критическая теория общества*. Это подход, опирающийся на концепцию общества как системы тотального, всепроникающего контроля. В отличие от классического марксизма, в неомарксизме контроль связывается не с прямым принуждением и эксплуатацией со стороны господствующего класса, а с незаметной для людей, происходящей исподволь трансформацией естественных для человека влечений в «ложные» потребности, удовлетворение которых ведет не к свободному

⁶ Опыт России в XX в. также опровергает этот прогноз. Экономическая структура так называемого социализма воспроизводит основное отношение капитализма: работник без средств производства и наниматель, предоставляющий их, организующий производство и контролирующий распределение. То, что в качестве нанимателя выступала от имени всего общества государственная бюрократия, существа дела не меняет. Государственная «социалистическая» собственность — это разновидность капиталистических производственных отношений.

развитию личности, а к укреплению сложившегося социального порядка. Все сферы жизнедеятельности, регулируемые системой, — экономика, политика, искусство, образование, религия, семья и пр. — рассматриваются как проявления господствующей *рациональности* — способа восприятия, осмысления и организации человеком окружающего мира и своей жизни. Исследование господствующего типа рациональности и альтернативных форм рациональности, проявляющихся в образе жизни *аутсайдеров* (от англ. *outside* — вне, за пределами), т. е. сообществ, не интегрированных в систему и потому свободных от нее, должно выявить перспективу *эмансипации* (лат. *emancipatio* — освобождение), т. е. направление трансформации общества в более свободное и гуманное.

Образцом для исследователей, придерживающихся концепции критической теории, служат работы основателей этого направления в социологии, германских ученых Макса Хоркхаймера (1895–1973), Герберта Маркузе (1898–1979) и Теодора Адорно (1903–1969).

Хоркхаймер и Адорно в совместной работе «Диалектика просвещения» (1947) представили концепцию развития современной западной цивилизации в результате просвещения — процесса эмансипации мышления и поведения человека от власти мифологии. Но с отделением принципа разума от принципа веры происходит и замещение отношения к миру и жизни на основе поиска сущности, смысла вещей *инструментальной рациональностью* — отношением на основе определения полезности, утилитарной функции вещей. Рационализация жизнедеятельности людей привела к созданию производительной экономической системы, эффективного государственного аппарата, общедоступной массовой культуры (включая образование), но одновременно к превращению людей из самостоятельных субъектов мышления и действия в объекты манипулирования. Инструментальная рациональность сводит человеческий разум к регистрации фактов, следованию правилам, подбору средств для достижения целей и подавляет воображение, интуицию, спонтанность мышления, эмоциональность. Поэтому чем более рационален человек, тем больше он подчинен предписанным стандартным и безличным образцам поведения.

Рационализация подавляет внутреннюю — биологическую и психическую — природу человека, который является изначально существом спонтанным, склонным к игре и немедленному удовлетворению влечений. И чем рациональнее общество, тем сильнее и чаще проявляется «бунт природы» — массовое иррациональное поведение (ксенофобия, агрессия, фанатизм, поклонение вождям и т. п.). Тоталитарные режимы в XX в. и Вторая мировая война — это, согласно Хоркхаймеру и Адорно, логичный результат рационализации. В этом и заключается диалектика: просвещение превращается в собственную противоположность — современное варварство. В тотально рационализированном обществе сферами свободы и потенциалом общей эманси-

пации остаются лишь не подчиненные инструментальной рациональности искусство (творчество художественного авангарда), а также любовь и сексуальность (спонтанность чувств и естественные импульсы).

Маркузе в работе «Одномерный человек» (1964) определил современное общество как общество комфортабельной *несвободы*, в котором действуют *новые формы контроля*. Основная среди этих форм — потребление. Продукты, услуги, развлечения, удовлетворяя потребности, одновременно несут с собой предписываемые образцы поведения и мышления, которые привязывают потребителей к производителям и через этих последних — к обществу. Аппарат производства, торговли, рекламы предоставляет людям не просто товары, он «продает» им социальную систему в целом. Вовлечение в процесс потребления — более рациональный способ подчинения и нейтрализации революционного потенциала рабочего класса, чем политическая пропаганда или репрессии.

Формами контроля становятся также массовая культура и сексуальность. Массовая культура не просвещает, не вскрывает сущности явлений, а информирует и развлекает, т. е. несет образы и идеи, не выходящие за пределы существующего порядка вещей. Массовая культура превращает в предмет коммерции и тем самым интегрирует в существующую социальную систему любой художественный авангард. Сексуальность в массовой культуре (кино, телешоу, литературе, рекламе и даже специальных учебных курсах) и повседневном общении и взаимодействии людей культивируется как необходимый компонент личности, как форма самовыражения и самоутверждения. Тем самым спонтанные чувства и естественные импульсы приобретают характер социально обусловленных образцов поведения и мышления, и удовлетворение влечений происходит в «социально конструктивных» формах.

Развитие новых форм контроля приводит к тому, что существующий социальный порядок становится единственным измерением, в котором разворачивается бытие человека, чьи мышление и поведение определяются *технологической рациональностью* — отношением к миру и собственной жизни на основе принципов функциональности, эффективности, управляемости. *Одномерности* системы и людей, чью жизнь система организует и регулирует, Маркузе противопоставляет «*негативную свободу*» аутсайдеров — безработных, молодежи, женщин, общин хиппи⁷, этнических и сексуальных меньшинств. Экономическая свобода означает свободу от экономики, т. е. уклонение от участия в конкурентной гонке, от работы на корпорации ради потребления их

⁷ Хиппи (англ. *hippie*) — люди, отрицающие общепринятые ценности материального благополучия и успешной карьеры и придерживающиеся возникшего в 1960–1970-х годах стиля жизни, нарочито простого и не утилитарного. Стереотипными символами образа хиппи стали длинные волосы, поношенные джинсы и «фенечки» — украшения (бусы, браслеты) из дешевых материалов (кожи, дерева, бисера и т. п.).

же продукции. Политическая свобода — это свобода от политики, неучастие в политическом торге по правилам буржуазной демократии или в социалистической имитации народовластия. Интеллектуальная свобода — это свобода от принятого образа мыслей, уход из-под контроля так называемого общественного мнения и средств массовой информации. «Великий отказ» аутсайдеров от господствующего образа жизни Маркузе объясняет тем, что в их деятельности (или по меркам системы — бездеятельности) проявляется *посттехнологическая рациональность* — альтернативное отношение к миру и своей жизни, основанное на принципах удовольствия, любви, терпимости. Маркузе полагал, что носители посттехнологической рациональности — эта та новая революционная сила, которая подрывает одномерное общество и способствует трансформации его в свободное и гуманное.

Критическая теория явно переоценивает революционный потенциал аутсайдеров. Их ценности и образ жизни со временем превращается из протеста, вызова системе в ресурс ее развития, в структурные элементы общества. Так, в начале XX в. было интегрировано в социальную систему рабочее движение, затем в середине века — искусство андеграунда⁸ и сексуальная революция⁹, а в конце века — этнические и сексуальные меньшинства, экологическое и феминистское движения. Но эта тенденция подтверждает правоту критической теории в другом аспекте.

Критическая теория хорошо описывает и объясняет целостность общества и его способность интегрировать в себя любую оппозицию, и поэтому *схема «новые формы контроля — интеграция общества» может служить универсальным инструментом анализа социальных явлений.*

Несмотря на очевидные расхождения в трактовке социальных явлений и процессов, структурному функционализму, историческому материализму, критической теории общества присуща общая *макросоциологическая* ориентация, т. е. сфокусированность внимания исследователей на выявлении *социальных структур*, которые образуют общество как целое, как систему, определяющую в общем и целом поступки и образ жизни людей.

⁸ Андеграунд (англ. *underground* — подполье) — не признанное официально, отрицающее господствующие каноны художественное направление.

⁹ Сексуальная революция — резкое изменение ценностей и поведенческих образцов, связанных с проявлениями сексуальности. Следствиями сексуальной революции являются увеличение значимости сексуальности в жизни людей, достижение большей сексуальной свободы.

2.2. Микросоциологические парадигмы

Альтернативу макросоциологическим парадигмам создают парадигмы, которым свойственна *микросоциологическая* ориентация — сфокусированность внимания исследователей на объяснении и понимании межиндивидуальных *взаимодействий* в конкретных ситуациях.

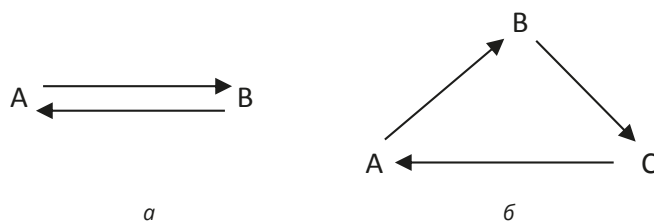
Теория социального обмена

Теория социального обмена — парадигма, основывающаяся на концепции социального взаимодействия как процесса обмена, каждый участник которого получает выгоду в результате действий других участников и, в свою очередь, совершает действия, приносящие им выгоду. В качестве выгод рассматриваются как материальные блага, так и нематериальные, символические блага — знаки уважения, престижа, положительные эмоции и т. п. Совершение людьми поступков, полезных для других людей, объясняется наличием *ожиданий*¹⁰, т. е. устойчивых представлений о том, что в ответ на свои действия они получат пользу от действий других людей. Подтверждение ожиданий в процессе межиндивидуального взаимодействия закрепляет обмен поступками в качестве поведенческого образца — своего рода «социального рефлекса», связывающего в сознании индивидов определенные действия как стимулы и реакции.

Образцом для исследователей, использующих концепцию социального обмена, являются работы основателей этого направления, выдающихся американских социологов Джорджа Хоманса (1910–1989), Питера Блау (1918–2002) и Ричарда Эмерсона (1925–1982). В работе «Социальное поведение: его элементарные формы» (1961) Хоманс сформулировал пять положений, объясняющих индивидуальное поведение стремлением к поддержанию социального обмена:

- 1) *чем чаще отдельное действие индивида вознаграждается, тем чаще он/она стремится совершить это действие;*
- 2) *если какой-либо стимул привел к действию, которое было вознаграждено, то при повторении такого стимула индивид будет стремиться повторить соответствующее действие;*
- 3) *чем более ценным является для индивида определенный результат действия, тем сильнее он/она будет стремиться совершить действие, направленное на достижение этого результата;*
- 4) *чем чаще в прошлом индивид получал определенное вознаграждение, тем менее ценным будет для него/нее повторение такого вознаграждения;*

¹⁰ Иногда в отечественной социологической литературе используется термин «экспектации» (англ. *expectations* — ожидания).

Рис. 2.3. Структуры обмена¹¹

- 5) если после совершения действия индивид не получает ожидаемого вознаграждения, то он/она стремится совершить демонстративно агрессивное действие, и результат такого действия становится для него/нее более ценным, чем полученное вознаграждение (если же индивид в ответ на совершенное действие получает вознаграждение сверх ожидаемого, то он/она стремится совершить демонстративно полярное действие, и результат такого действия становится для него/нее более ценным, чем первоначально ожидавшееся вознаграждение).

Поскольку индивиды стремятся поддерживать, постоянно возобновлять те взаимодействия, которые приносят выгоды, и избегать невыгодных взаимодействий, формируются устойчивые межиндивидуальные связи — *структуры обмена*. Эти структуры могут складываться как на основе непосредственного двустороннего, или *прямого, обмена* (рис. 2.3, а), так и на основе опосредованного, или *генерализованного, обмена* (рис. 2.3, б).

Анализ структур обмена с целью выяснения того, получение каких именно выгод служит мотивом для участия людей во взаимодействии, как возникают солидарность (сплоченность социальной группы) и отношения зависимости, может служить универсальным инструментом социологического исследования.

Концепция социального обмена Дж. Хоманса хорошо описывает и объясняет взаимовыгодные, *симметричные обмены*, но П. Блау в своей работе «Обмен и власть в общественной жизни» (1964) показал, что неравенство и отношения власти/подчинения, рассматриваемые Хомансом как следствия *несимметричных обменов*, невозможно объяснить только стремлением участников взаимодействий к получению выгод в результате своих действий. Согласно Блау отношения власти/подчинения появляются, когда один из участников обмена обладает монопольной возможностью совершать те действия, которые полезны и ценны для других участников обмена. Используя их стремление к обмену, «монополист» устанавливает максимально выгодные для себя условия обмена и способен навязывать свою волю тем участникам, которые

¹¹ Социология: учебник / под ред. Д. В. Иванова. М.: Высшее образование, 2005. С. 49.

готовы на дополнительные затраты усилий, поскольку находятся в зависимости от желания «монополиста» поддерживать своими действиями социальный обмен. Продолжаясь, такой несимметричный обмен приводит к развитию и закреплению неравенства.

Тема взаимосвязи между властью и зависимостью в отношениях социального обмена получила развитие в трудах Р.Эмерсона. В его работе «Теория обмена» (1972) власть определяется в терминах навязанных издержек, а зависимость — в терминах принимаемых издержек. Источником власти является возможность одностороннего предоставления социально значимых благ. Эмерсон предложил расширить теорию обмена в направлении от микро- до макроуровня анализа, обратившись к изучению сетевых структур обмена. Понятие сети обмена развивает теорию, заполняющую концептуальный пробел между изолированными индивидами и диадами (отношениями обмена между двумя индивидами), с одной стороны, и более крупными группами или совокупностями индивидов (например, формальными группами или ассоциациями, организациями, землячествами, политическими партиями и т.д.) — с другой. Согласно подходу Эмерсона сеть социального обмена включает:

- 1) индивидов или группы;
- 2) ценные ресурсы, которые распределены между индивидами или группами;
- 3) возможности обмена между участниками сети;
- 4) сложившиеся отношения обмена между участниками, которые связаны в единую сетевую структуру.

В сетях обмена тот, кто контролирует ресурсы, потенциально обретает власть. И наоборот, тот, кто нуждается в ресурсах и услугах, попадает в зависимость.

Идеи П.Блау и Р.Эмерсона позволяют описывать власть и неравенство в терминах теории социального обмена. Однако при этом предполагается изначально данное, предшествующее процессу обмена неодинаковое распределение социально значимых ресурсов — «монополия» — и признание взаимодействующими индивидами этой ситуации как нормальной. Неравное распределение ресурсов задает условия социального взаимодействия, и это означает, что реальное взаимодействие не всегда соответствует идеальной модели социального обмена. Отклонение от идеальной модели можно объяснить тем, что либо ожидания взаимовыгодности могут нарушаться без того, чтобы социальный обмен прекратился (а это противоречит исходным постулатам теории Хоманса), либо тем, что кроме расчета персональных выгод/издержек, действия индивидов мотивируются еще и социальными нормами, т.е. верой в разумность совершения даже заведомо индивидуально невыгодных действий, если такие действия способствуют сохранению социального порядка.

Теория рационального выбора

Решение проблемы соотношения индивидуального расчета и следования нормам предлагает альтернативная теории социального обмена парадигма — *теория рационального выбора*. Эта теория представляет собой научный подход, основывающийся на рассмотрении социального взаимодействия как процесса координации действий людей, стремящихся к достижению индивидуальных целей. Рациональность выбора определяется оптимальностью стратегии поведения. Индивид выбирает из *альтернатив* — фиксированного набора возможных вариантов действий — тот вариант, который даст наилучший результат. Однако стремление всех к максимизации индивидуальной выгоды может привести к *социальной дилемме* — ситуации, в которой возникает конфликт между индивидуальной рациональностью и социальной рациональностью.

Проблема оптимизации стратегии поведения в ситуации, когда индивидуально рациональные действия приводят к социально иррациональным последствиям, раскрывается на моделях математической теории игр. Самая известная из них получила название «дилемма узника» (англ. *Prisoner's Dilemma*). Моделируется ситуация, когда для каждого из двух арестованных (по подозрению в участии в одном преступлении) существуют два варианта действий: сознаться или отпираться. В модели эти два варианта представлены как стратегии соответственно уклонения и кооперации. Под «уклонением» понимается эгоистичный выбор варианта действий с ориентацией на собственную выгоду в ущерб другому участнику, а под «кооперацией» — выбор с ориентацией на общую выгоду для обоих участников.

Матрица возможных исходов для первого участника (рис. 2.4) включает четыре случая, в зависимости от действий второго участника:

- (1) оба сознаются и, разделив ответственность, получают одинаковое наказание;
- (2) первый сознается, пока второй отпирается, и вина перекладывается на второго;
- (3) первый отпирается, а второй сознается, и вина перекладывается на первого;
- (4) оба отпираются и получают одинаковое минимальное наказание или вовсе никакого.

Достижение наиболее предпочтительного для первого участника исхода (2) предполагает выбор им варианта «сознаться». Эта стратегия приносит выгоду только в случае, если второй участник, не имеющий информации о поведении первого, выбрал вариант «отпираться». Но наиболее предпочтительным для второго участника является исход (3), что предполагает выбор им варианта «сознаться». Модель демонстрирует, что в результате одновременного выбора

		2-й участник	
		Уклонение	Кооперация
1-й участник	Уклонение	общий проигрыш (1)	односторонний выигрыш (2)
	Кооперация	односторонний проигрыш (3)	общий выигрыш (4)

Рис. 2.4. Матрица «Дилемма узника»¹²

обоими участниками индивидуально рациональной стратегии они окажутся в ситуации общего проигрыша (1). Оптимальным является коллективно рациональный выбор обоими участниками стратегии кооперации (4), т. е. солидарного выбора взаимовыгодного варианта «отпираться». Но такой выбор в ситуации принятия решения изолированными друг от друга участниками возможен, если между ними существует *доверие*, если каждый уверен, что другой не выберет более выгодный для себя вариант уклонения от кооперации и не оставит другого участника в ситуации одностороннего проигрыша. Именно отсутствие доверия провоцирует коллективно иррациональный исход.

Представленная модель воспроизводит специфические черты англосаксонской правовой системы, в которой большую роль играют так называемые сделки с правосудием, однако оказалось, что дилемма «кооперация или уклонение» может успешно использоваться в анализе самых разных социальных явлений. Применение моделей, подобных «дилемме узника», составляет основу исследовательской стратегии приверженцев теории рационального выбора. Образцами для них традиционно служат работы экономистов, давно развивающих этот подход, а в последние годы также работа американского социолога Джеймса Коулмена (1926–1995) «Основания социальной теории» (1990).

Коулмен проанализировал с точки зрения рационального выбора взаимодействия, традиционно связываемые скорее с проявлением чувств, нежели с расчетом. В частности, он показал, что в процессе ухаживания и заключения брака индивид ищет партнера, как можно более привлекательного с точки зрения физической красоты, ума, доброты, престижности работы, уровня

¹² Иванов Д. В. Социология: теория и история. СПб.: Питер, 2006. С. 52.

дохода или иных качеств. Следовательно, брачное поведение, по Коулмену, сводится к рациональному выбору из фиксированного набора альтернатив. Но стремление каждого участника «брачного рынка» к оптимизации выбора приводит к социальной дилемме, которую можно описать при помощи модели «дилемма узника». Если оба партнера вступают в брак по любви, то каждый «приобретает» внимание и заботу со стороны другого и одновременно «затрачивает» силы и время на внимание к партнеру и заботу о нем, т.е. складывается ситуация общего выигрыша (4). Если один из партнеров вступает в брак по расчету, а другой по любви, то один «выигрывает», поскольку «приобретает», не «затрачивая», т.е. складывается либо ситуация одностороннего выигрыша (2), либо одностороннего проигрыша (3). Индивидуально рациональной является стратегия вступать в брак по расчету, но если оба партнера выбирают такую стратегию, то ни один из них не «приобретает» того, на что рассчитывает (1). Стратегия вступления в брак по расчету является социально иррациональной.

Устранение риска и тем самым решение социальной дилеммы достигается с установлением доверия участников взаимодействия друг к другу. Доверие обеспечивается действенной системой социальных норм, поощряющих «кооперацию» и наказывающих за «уклонение». Именно нормы, которые требуют выполнения взятых на себя обязательств, и отношения, построенные на доверии, лежат в основе рыночного поведения и рассматриваются Коулменом как *социальный капитал* — ресурс экономического развития, который столь же важен, как и технико-организационные ресурсы.

Социальные нормы ограничивают выбор, сводя альтернативы к социально одобряемым действиям, и ориентируют участников взаимодействия на поддержание своей репутации, т.е. на сохранение доверия к ним со стороны партнеров по взаимодействию. Таким образом, рациональным может считаться выбор не в пользу индивидуального интереса, а в пользу позитивного мнения других людей. Однако теория рационального выбора недооценивает проблему формирования мнения, т.е. восприятия, истолкования и оценки поступков индивидов другими участниками взаимодействия.

Символический интеракционизм

Проблема интерпретации людьми поступков друг друга является ключевой для еще одной микросоциологической парадигмы — *символического интеракционизма*. Это исследовательский подход, основывающийся на концепции социального взаимодействия как процесса согласования людьми своих поступков с поступками других людей путем установления и изменения значений этих поступков. Взаимодействуя друг с другом, индивиды постоянно определяют и переопределяют значения действий друг друга в зависимости от развития ситуации и ориентируют свои последующие действия на эти зна-

чения. При таком подходе общество — это не фиксированная совокупность однозначно заданных социальных норм и не предустановленная система поведения, а текучий, хотя и структурированный процесс *интеракции* (англ. *interaction* — взаимодействие).

Образцом для социологов, придерживающихся концепции символического интеракционизма, служат работы выдающегося американского социального психолога Джорджа Герберта Мида (1863–1931) и его последователей в социологии Герберта Блумера (1900–1987) и Ирвина Гофмана (1922–1982).

Идеи Мида, который сам не любил писать тексты, были уже после его смерти собраны и систематизированы по конспектам студенческих лекций его коллегой Чарльзом Моррисом. В изданной Моррисом книге «Разум, человеческое «Я» и общество» (1934) утверждается, что поведение человека — это реакции не столько на стимулы (внешние воздействия и внутренние побуждения), сколько на символы (значения вещей и действий).

В отличие от бихевиористской теории, описывающей поведение как реактивное по формуле $S-R$ («стимул — реакция»), парадигму символического интеракционизма можно выразить другой формулой, охватывающей активность действующего: $S-I-R$ («стимул — интерпретация — реакция»).

Поведение индивида является социальным потому, что он/она своим действиям и действиям окружающих людей придает те же значения, что и другие участники взаимодействия. Мид подчеркивает важность способности поставить себя на место другого участника взаимодействия — принятия роли другого, — что дает возможность посмотреть на себя «со стороны», глазами другого участника взаимодействия. Индивид умеет ориентировать свои действия на определенное их истолкование партнерами по взаимодействию, так как по мере накопления опыта взаимодействия с разными людьми в разных ситуациях в его сознании формируется особая установка мышления, названная Мидом «*обобщенный другой*». Обобщенный другой — это часть собственного «Я» индивида, но одновременно и абстрактный образ партнера по взаимодействию, роль которого индивид внутренне принимает, когда интерпретирует чужие поступки и совершает собственные.

Обобщенный другой — это усвоенная схема интерпретации и мотивации действий, но она изменчива и ситуативна. Чтобы подчеркнуть ситуационный, процессный характер действий и их интерпретации, ученик Мида Г. Блумер сформулировал в книге «Символический интеракционизм» (1969) три постулата, на основе которых строится описание и объяснение социальных явлений как процессов интеракции:

- 1) *люди действуют в отношении объектов на основе значений, придаваемых этим объектам;*
- 2) *значение объектов для индивида возникает в социальном взаимодействии, в котором он/она участвует;*

- 3) значения используются и видоизменяются индивидом в процессе интерпретации объектов, с которыми он/она имеет дело.

Структурность, т. е. упорядоченность и повторяемость, социальных взаимодействий возникает на основе общности значений, вырабатываемых и разделяемых участвующими в этих взаимодействиях людьми. Если, например, участники взаимодействия одинаково истолковывают поднятую вверх руку как знак приветствия, то использование одним из них такого жеста приводит к взаимному определению ситуации как начала общения. При всяком повторении подобной ситуации взаимодействие будет развиваться в том же направлении. Но если общность значений отсутствует и партнер по взаимодействию истолковывает поднятую вверх руку как знак агрессии, то он определяет ситуацию как начало конфликта и ответным действием демонстрирует свое отношение к ситуации именно как к конфликту. Бесконфликтное развитие начавшегося таким образом взаимодействия возможно, только если первый участник взаимодействия, используя иные действия, вызовет у второго участника впечатление, что первоначальный жест имел значение именно приветствия.

Зависимость процесса взаимодействия от интерпретации значений поступков приводит к тому, что действия индивидов приобретают характер *управления впечатлениями* других людей. Этот аспект социального взаимодействия выделил И. Гофман в знаменитой книге «Презентация себя в повседневной жизни» (1959). Определив свою версию символического интеракционизма как *драматургический анализ*, он показал, что индивиды даже в самых обычных случаях целенаправленно добиваются желательной интерпретации, выстраивают серию действий — «пьесу», выбирают и подготавливают ситуацию взаимодействия — «сцену», используют особенности места — «декорации» и вещи — «реквизит». Цель презентации — создание устойчивого впечатления, определяющего в сознании людей, кем является, какое социальное положение занимает индивид, т. е. формирование или поддержание *идентичности* (от англ. *identify* — отождествлять, опознавать).

Эффективность самопрезентации как средства управления впечатлениями определяется тем, как действия индивида соотносятся окружающими с первичными схемами интерпретации ситуации взаимодействия. Такие первичные схемы интерпретации Гофман представил в работе «Анализ фреймов» (1974). Фреймы (англ. *frame* — рамка) структурируют взаимодействие, поскольку являются привычными и нерелексируемыми способами определения ситуации ее участниками. Согласно Гофману социальные фреймы обеспечивают фоновое понимание событий, которые являются результатом деятельности людей. Во фреймах нет неумолимости природного закона, но фреймирование ситуации подчиняет участников определенным стандартам и социальной оценке действия. Фреймы определяют, чем ситуация является для

ее участников и как будут восприниматься и интерпретироваться их действия.

Интеракционистская схема «определение ситуации — презентация значений» может использоваться как универсальный инструмент анализа социальных явлений.

Символический интеракционизм позволяет хорошо описывать и объяснять межиндивидуальные взаимодействия и массовое поведение в ситуациях, предполагающих возможность различных интерпретаций. Однако сторонники этой парадигмы переоценивают рефлексивность¹³, сознательное отношение индивидов к своим и чужим действиям и недооценивают устойчивость и стереотипность значений, которые структурируют восприятие и поступки индивидов. В повседневной жизни люди часто воспринимают ситуации взаимодействия не как открытые для различных интерпретаций, а как однозначные — «само собой разумеющиеся».

Феноменологическая социология

В отношении изучения привычных интерпретаций и устойчивых смыслов действий альтернативной символическому интеракционизму парадигмой является *феноменологическая социология*. Это подход, основывающийся на рассмотрении социального взаимодействия как процесса координации поступков людей, наделяющих действия друг друга смыслом, типичным для их жизненного опыта. Общность и устойчивость смыслов, придаваемых ситуациям взаимодействия, упорядочивает эти ситуации и превращает их в представлении участников взаимодействия в объективную реальность — социальные феномены. Социальная реальность конструируется (хотя большей частью непреднамеренно) в сознании людей, придерживающихся общепринятых способов интерпретации как очевидных, естественных.

Образцами постановки и решения исследовательских проблем для приверженцев концепции феноменологической социологии служат работы выдающегося австрийского философа и социолога Альфреда Шюца (1899–1959) и его учеников — немецкого социолога Томаса Лукмана (1927–2016) и американских социологов Питера Бергера (1929–2017) и Гарольда Гарфинкеля (1917–2011).

А. Шюц в работе «Смысловая структура социального мира» (1932), используя идеи феноменологической философии германского мыслителя Эдмунда Гуссерля, сформулировал концепцию социальной феноменологии как изучения тех представлений, которые образуют общество в качестве «горизонта жизненного мира» — сферы опыта, доступного индивидам в их повсед-

¹³ Рефлексия (лат. *reflexio* — обращение назад) — отражение в сознании, размышление, самонаблюдение.

невной жизни. *Жизненный мир* не является предметом размышлений, люди просто переживают его как очевидную реальность. Объективность вещей, действий, событий в мире повседневности — это *естественная установка* индивидуального сознания. Субъективные переживания, индивидуальный опыт объективирует язык, при помощи которого люди обозначают и определяют любые явления. В языке ситуации взаимодействия и их участники типизируются, т. е. подводятся под привычные и понятные категории: «лекция», «студент», «преподаватель»; «магазин», «покупатель», «продавец»; «семья», «родители», «дети» и т. д. *Типизации* придают смысл любым, даже новым явлениям и тем самым встраивают их в *жизненный мир* в качестве знакомых и потому понятных и «само собой разумеющихся».

Межиндивидуальное взаимодействие строится на основе взаимной типизации, т. е. приписывания участниками действиям друг друга типичных мотивов, варианты которых заданы *жизненным опытом*. Индивиды действуют на основе интерпретаций и при этом исходят из *естественной установки*, т. е. полагают, что имеют дело не с интерпретациями, а с реальными явлениями. Согласованность, координация поступков в таком случае возможна постольку, поскольку смысл явлений, заложенный в типизациях, истолковывается одинаково разными людьми. Единство интерпретации обеспечивается общностью *жизненного мира*. *Жизненный мир* не является объективной реальностью, поскольку он образован переживаниями, опытом, типизациями, но он не является и субъективным миром индивидуального сознания. *Жизненный мир* — это *интерсубъективная реальность*. *Интерсубъективность* — это фундаментальная характеристика социальных феноменов.

Интерпретация ситуаций взаимодействия и действий его участников как типичных превращает само взаимодействие в социальный порядок — устойчивую структуру. *Социальная структура с точки зрения феноменологической социологии представляет собой всю сумму типизаций и созданных с их помощью повторяющихся образцов взаимодействия*. Таким образом, общество конструируется в результате взаимодействий в повседневной жизни. Однако сконструированный социальный порядок в силу *естественной установки* сознания воспринимается индивидами как объективная реальность — система норм и правил, которые необходимо усвоить и которым необходимо следовать. Эту двойственность общества, представляющего собой одновременно и «субъективные смыслы», и «объективную фактичность», П. Бергер и Т. Лукман в совместной работе «Социальное конструирование реальности» (1966) представили как особенность социальной реальности, для которой характерны три момента:

- 1) *общество — человеческий продукт;*
- 2) *общество — объективная реальность;*
- 3) *человек — социальный продукт.*

В мире повседневности накопленные индивидом знания и опыт позволяют ему определять и интерпретировать новые ситуации и действовать в них. Такой опыт запоминается. Затем в схожей ситуации опыт актуализируется, а вместе с ним — смысловые связи. Так возникают *типизации*, которые позволяют осмыслить ситуацию, даже если она чем-то значительно отличается от предшествующей. Мир повседневности занимает в жизни человека доминирующее положение: именно в нем человек действует и создает отношения с другими. Поэтому типизации повседневной жизни образуют социальные конструкты первого порядка. На их основе создаются социальные конструкты второго порядка, формирующие «конечные миры смыслов» — такие сферы специфических феноменов и взаимодействий, как наука, религия, искусство, экономика и т. д. Конечные миры смыслов — это замкнутые области реальности, встраиваемые в реальность повседневной жизни. В каждом из этих миров реализуется особый способ существования феноменов. В сфере науки существует, т. е. имеет смысл, только то, что объективно; в сфере религии — только то, что сверхъестественно; в сфере искусства — то, что эстетично; в экономике — то, что рентабельно.

Для того чтобы индивид смог переживать эти специфические реальности и участвовать в соответствующих взаимодействиях, ему/ей необходимо расширить «горизонт жизненного мира», усвоив типичные для той или иной сферы взаимодействия смыслы и способы их образования. Ключевую роль в этом играет язык, типизирующий опыт и связывающий в единое целое мир повседневности и конечные миры смыслов. *Идея об определяющей роли языка в социальном конструировании реальности лежит в основе исследовательской стратегии феноменологической социологии: изучать то, как при помощи речевых коммуникаций поддерживаются и трансформируются социальные феномены — общество, социальные общности, социальные статусы и т. д.*

Г. Гарфинкель в работе «Исследования по этнометодологии» (1967) представил исследовательскую стратегию феноменологической социологии как эмпирическую технику выявления скрытых, подразумеваемых смыслов, определяющих возможность и характер коммуникации. Термином «*этнометодология*» у Гарфинкеля обозначается и предмет его исследования — практикуемые индивидами в повседневной жизни методы объяснения (способы надления смыслом ситуаций и действий) — и одновременно исследовательский метод (обнаружение латентных смысловых структур в привычных, обыденных ситуациях, рассматриваемых подобно тому, как этнографы изучают обычаи и ритуалы иных народов, непривычные и требующие усилий для раскрытия их смысла).

Гарфинкель на экспериментальном материале показал, что коммуникация основывается на «индексации», т. е. на привязке высказываний к контексту. *Смысл высказывания не содержится в нем самом, а определяется выбором контекста, при этом структура возможных контекстов для каждого индивида*

задана его жизненным миром. В одном из проведенных Гарфинкелем экспериментов студентам университета было предложено принять участие в том, что было представлено как новая форма психотерапии. Студентов попросили кратко изложить личную проблему, для решения которой им нужен совет, и задать психотерапевту вопросы, предполагающие односложный ответ — «да» или «нет». Человек, отвечавший на вопросы студентов, не был психотерапевтом, а последовательность его ответов была задана генератором случайных чисел. Несмотря на то что ответы не имели никакого отношения к содержанию вопросов, студенты интерпретировали ответы как советы профессионала. Если даже ответы казались совершенно абсурдными, они считали, что просто не смогли внятно изложить свою проблему. Гарфинкель сделал вывод, что студенты наделяли смыслом ответы мнимого психотерапевта, исходя из подсудно навязанного им экспериментатором контекста: они находятся на организованном в университете сеансе психотерапии, а их собеседник — психотерапевт. Подобным образом в обычной жизни люди придают тот или иной смысл ситуации и высказываниям партнеров по коммуникации и тем самым спонтанно создают социальный порядок даже тогда, когда объективно его нет.

Феноменологическая схема «придание смысла — конструирование реальности» может служить универсальным аналитическим инструментом.

Феноменологическая социология хорошо описывает и объясняет то, как люди взаимодействуют в повседневной жизни и, в отличие от символического интеракционизма и теории социального обмена, уделяет большое внимание социальным структурам. Однако все эти парадигмы недооценивают роль неравенства и конфликтов в формировании процессов межиндивидуального взаимодействия.

Социальный акционализм

В отношении изучения конфликтов и неравенства на уровне микросоциальных процессов альтернативой другим микросоциологическим парадигмам является *социальный акционализм* — концепция, разработанная известным французским социологом Аленом Туреном (р. 1925). В книгах «Социология действия» (1965) и «Производство общества» (1973) он представил исследовательский подход, основывающийся на тезисе: социальное действие порождает ценности и нормы, которые служат для индивидов ориентирами в их деятельности и придают этой деятельности устойчивость и упорядоченность, т. е. образуют социальные структуры.

То, что мы называем обществом, не является, по мысли Турена, системой — единой и четко структурированной совокупностью норм и поведенческих образцов, определяющих деятельность индивидов. Общество — это арена борьбы *акторов* (франц. *acteur* — действующее лицо, деятель) за утверждение в качестве ценностей и норм их целей и представлений о том, как

должны строиться отношения между людьми. Социальные структуры порождаются не всяким действием, а только «историчным», т. е. направленным на борьбу за поддержание или изменение общих условий жизни людей. Историчность (способность творить общество как историческое явление) — это характеристика, которую деятельность индивидов приобретает, если они становятся участниками *социального движения* — организованного коллективного поведения акторов, борющихся за интересы своего класса.

Поскольку социальным, а значит, относящимся к предмету социологии, является не изолированное индивидуальное действие, а действие, реализующее цели социального движения, социологическое исследование должно вестись особым способом, который Турен назвал *социологической интервенцией* (лат. *interventio* — вмешательство). Исследователь должен быть участником изучаемого социального движения, быть включенным в повседневные взаимодействия его участников, совместно с другими участниками данного движения формулировать его цели и выяснять, как действия соотносятся с целями, характеризуются ли они историчностью. Социологическое знание — это практическое знание акторов, осознание историчности и управление ею. Поэтому исследователи сами должны быть акторами, вмешиваться в социальные процессы, а не занимать позицию нейтрального наблюдателя.

Социальный акционализм, как и феноменологическая социология и прочие микросоциологические парадигмы, недооценивает влияние на жизнедеятельность людей факторов, которые не являются частью их взаимодействия, их жизненного мира и которым поэтому люди могут не придавать никакого смысла, но которые от этого не перестают оказывать на них реальное воздействие. Например, профессия врача или учителя как вид деятельности, с одной стороны, социально конструируется теми, для кого эта деятельность является частью повседневной жизни и имеет определенный смысл, — врачами, преподавателями и студентами медицинских учебных заведений, пациентами или учителями, преподавателями и студентами педагогических учебных заведений, учениками и их родителями. С другой стороны, экономические, правовые или политические решения бизнесменов, государственных чиновников и парламентариев, никак не связанных с жизненным миром этих профессий, могут влиять на количество рабочих мест, уровень оплаты труда, количество учебных заведений и условия приема в них, уровень их технического оснащения и т. д.

Макросоциальные явления как факторы, определяющие условия и характер взаимодействия, и связи между различными макросоциальными явлениями не входят в предмет феноменологической социологии, символического интеракционизма, теории социального обмена, теории рационального выбора, социального акционализма. Это не означает, что перечисленные микросоциологические парадигмы в меньшей степени, чем макросоциологические, адекватны исследовательским задачам, которые необходимо решать социологам.

Это означает лишь, что средствами одной парадигмы или парадигм одного типа все исследовательские вопросы решить не удастся и что мультипарадигмальность в социологии отражает существование в ней этой проблемы.

Контрольные вопросы

1. В чем состоит вклад Р. Мертон в развитие структурно-функционального анализа?
 - А) в создании схемы AGIL
 - Б) в формулировании парадигмы структурного функционализма
 - В) в разработке теории социального действия
2. Какие функции должны выполняться в обществе согласно Парсонсу?
 - А) адаптация, целедостижение, интеграция, латентное сохранение образца
 - Б) адаптация, поддержание идентичности, латентное сохранение образца, инновации
 - В) поддержание равновесия, интеграция, дифференциация, бифуркация.
3. Кем был предложен термин «символический интеракционизм»?
 - А) Дж. Г. Мидом
 - Б) Г. Блумером
 - В) Г. Гарфинкелем
4. Что является предметом этнометодологии?
 - А) повседневные действия
 - Б) методы успешного взаимодействия в повседневных ситуациях
 - В) этнографическое описание действий
5. Кто является представителем теории социального обмена?
 - А) Э. Дюркгейм
 - Б) Дж. Хоманс
 - В) Р. Мертон
6. Что такое парадигма в науке?
 - А) господствующая в научном сообществе теория
 - Б) принятый в научном сообществе способ постановки и решения исследовательских вопросов
 - В) универсальная научная теория
7. Какая из данных парадигм является микросоциологической?
 - А) структурный функционализм
 - Б) критическая теория общества

- В) теория социального обмена
8. Какие четыре функции образуют в теории Т. Парсонса схему AGIL?
 - А) адаптация, генерализация, интеграция, легитимация
 - Б) адаптация, целедостижение, интеграция, поддержание образца
 - В) экономическая, политическая, социальная, культурная
 9. Отношения какого типа образуют, согласно теории К. Маркса, «базис» общества?
 - А) политические
 - Б) правовые
 - В) производственные
 10. Что в теории И. Гофмана понимается под фреймом?
 - А) проявление естественной установки участников взаимодействия
 - Б) общеизвестная схема интерпретации ситуации
 - В) социологический метод анализа взаимодействия

Задание для самостоятельной работы

Поупражняйтесь в анализе социальных явлений с применением различных парадигм на примере спорта. Спорт — особая сфера жизнедеятельности людей. Профессиональный спорт — это бизнес с огромными объемами инвестиций и доходов, события из мира спорта — тема сообщений средств массовой информации и обсуждения в повседневном общении людей, занятия спортом — важная часть образа жизни многих людей. С точки зрения структурного функционализма спорт является частью социальной системы, поскольку вносит вклад в ее поддержание. Каковы функции спорта в современном обществе? Что можно считать дисфункциями спорта? С точки зрения исторического материализма спорт является частью системы неравенства, по-своему отражающей классовую структуру. Как вероятность выбора индивидами определенного вида спорта зависит от их принадлежности к тому или иному социальному классу? Что можно считать проявлением классовой борьбы в сфере спорта? С точки зрения символического интеракционизма спорт — комплекс процессов взаимодействия спортсменов, тренеров, болельщиков и т. д., поступки которых зависят от определения ими ситуации взаимодействия. Как ориентация на восприятие других участников спортивного мероприятия определяет действия спортсменов и болельщиков? При помощи каких символических средств — выражений, жестов, манеры одеваться и т. п. — индивиды поддерживают свою идентичность как «звезды спорта», «фанаты», «профессионалы», «любители» и т. п.?

Попробуйте, ставя таким же образом вопросы с точки зрения других парадигм, проанализировать спорт в терминах критической теории, теории социального обмена, феноменологической социологии.

Темы рефератов (докладов)

- ✓ Общие идейные основы и концептуальные различия марксистской парадигмы в социологии и марксистской идеологии в политике
- ✓ Структурно-функционалистская парадигма (по работам Т. Парсонса и Р. Мертона)
- ✓ Возможности парадигмы символического интеракционизма в исследовании молодежных субкультур
- ✓ Концепция социального конструирования реальности
- ✓ Влияние драматургического подхода И. Гофмана на теоретическую социологию

Список дополнительной литературы по теме

- Абельс Х.* Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию / пер. с нем. СПб.: Алетейя, 2000.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности / пер. с англ. М.: Academia-Центр, 1995.
- Вебер М.* Избранные произведения / пер. с нем. М.: Прогресс, 1990.
- Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. М.: Наука, 1991.
- Иванов Д. В.* Парадигмы в социологии. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005.
- Кун Т.* После «Структуры научных революций» / пер. с англ. М.: АСТ, 2014.
- Маркс К.* Социология: сборник / пер. с нем. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.
- Маркузе Г.* Критическая теория общества / пер. с англ. М.: АСТ, 2011.
- Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура / пер. с англ. М.: АСТ, 2006.
- Парсонс Т.* О структуре социального действия / пер. с англ. М.: Академический Проект, 2002.
- Ритцер Дж.* Современные социологические теории / пер. с англ. СПб.: Питер, 2002.
- Турен А.* Возвращение человека действующего / пер. с фр. М.: Научный мир, 1998.
- Хоманс Дж. К.* Возвращение к человеку // Американская социологическая мысль: тексты / пер. с англ.; под ред. В. И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 46–61.

Глава 3

ПРОБЛЕМА МУЛЬТИПАРАДИГМАЛЬНОСТИ И ВАРИАНТЫ ЕЕ РЕШЕНИЯ

Под *мультипарадигмальностью* понимается ситуация в теоретической социологии XX и XXI вв., характеризующаяся одновременным наличием в фундаментальной теории множества парадигм. Понятие мультипарадигмальности стало широко используемым для оценки состояния научной дисциплины под влиянием творчества Т.Куна. В книге «Структура научных революций» (1962) он различает нормальную науку, в которой безраздельно господствует одна парадигма, и переходное состояние науки, которое вызвано кризисом познавательных возможностей господствующей парадигмы, когда новые факты не укладываются в нее. Смена парадигм, по Куну, означает прогресс науки. В случае нормальной науки парадигма может не вызывать особой полемики, так как она близка к естественной установке профессионального исследователя. В отличие от естественных наук гуманитарные и социальные науки включают больше общекультурных ценностей и стереотипов, усиливающих мультипарадигмальность, делающих ее почти нормальным состоянием и порождающих дискуссию о ее приемлемости (табл. 3.1). Однако в научном сообществе традиционно действует норма теоретического единства дисциплин, которая сильнее, чем тезис о нормальности мультипарадигмального состояния дисциплины. В ситуации мультипарадигмальности она вызывает потребность в теоретическом синтезе дисциплины.

В ситуации мультипарадигмальности существенной является проблема теоретического единства социологии, разные представители которой по-разному трактуют предмет социологии, цели и методы исследовательской работы. Расхождения в трактовке предмета социологии могут и не создавать проблемы, если социологи исследуют разные явления и процессы. В таком случае их исследования в совокупности дают картину многообразия форм социальной обусловленности явлений, и результаты исследований, проводимых в рамках различных научных подходов, являются *взаимодополняющими*. Но в современной социологии сторонники различных парадигм часто исследуют одни и те же явления и процессы и при этом получают противоположные выводы, а результаты исследований являются *взаимоисключающими*. При этом

Таблица 3.1. Аргументы «за» и «против» мультипарадигмальности в социологии

Аргументы «за» нормальность	Аргументы «против» нормальности
Т. Кун: Парадигмы — «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу» ¹ . Прогресс науки состоит в смене парадигм.	Т. Парсонс: «... Первый настоящий синтез получился благодаря проекту, который стимулировал появление книги “К общей теории действия”. Он начался как своеобразная теоретическая инвентаризация материала...» ²
Т. Кун: Парадигма — это то, чем вы пользуетесь, когда нет теории ³ .	Н. Луман: Теории не исчезают, а сохраняются в новых теориях в «снятом» виде. «Каждый раз новая теория оказывается содержательнее предыдущей, достигает более высокой степени комплексности...» ⁴
Дж. Ритцер: «... Я выступаю за <i>большее</i> разнообразие через разработку интегрированной парадигмы для дополнения существующих парадигм... Я за теоретическое многообразие» ⁵ .	В. Ядов: «Обилие научных школ побудило ученых к выявлению парадигм и конструированию метапарадигм — метатеорий. Сверхпарадигма предполагает вынесение за скобки не только особенностей научных школ, но и особых парадигм» ⁶ .

трудно оценить, какие из этих результатов являются истинными с научной точки зрения. Поскольку все результаты, полученные в строгом соответствии с научными процедурами, должны быть признаны истинными, а вопрос об адекватности самих процедур сторонниками разных парадигм решается по-разному, теории и эмпирические данные, полученные на основе разных парадигм, оказываются *несоизмеримыми*.

Ситуация мультипарадигмальности в социологии сложилась потому, что социологи решают методологические проблемы, то есть вопросы *что, как и зачем* исследовать, представляя их как дилеммы⁷. Принципиальные расхо-

¹ Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. М.: Прогресс, 1975. С. 11.

² Парсонс Т. О построении теории социальных систем: интеллектуальная биография // Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ.; под ред. М. С. Ковалевой. М.: Аспект-Пресс, 1998. С. 228.

³ Балтас А., Гавроглу К., Кинди В. Беседы с Томасом Куном // Кун Т. После «Структуры научных революций» / пер. с англ. М.: АСТ, 2014. С. 402.

⁴ Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. СПб.: Наука, 2007. С. 27–28.

⁵ Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. / пер. с англ. СПб.: Питер, 2002. С. 573.

⁶ Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: курс лекций для студентов магистратуры по социологии. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Интерсоцис, 2009. С. 13.

⁷ Дилеммой принято называть трудный, но необходимый выбор между двумя равно-возможными вариантами.

ждения между парадигмами в социологии определяются решениями трех дилемм.

Первая дилемма — это вопрос «действие или структура». Сторонников микросоциологических парадигм — теории социального обмена, теории рационального выбора, символического интеракционизма, феноменологической социологии — объединяет лежащее в основе их понятийного аппарата и исследовательской стратегии представление о том, что *социальные структуры являются производными от индивидуальных действий*. Сторонники макросоциологических парадигм — структурного функционализма, исторического материализма (марксизма), критической теории (неомарксизма) — исходят из того, что *индивидуальные действия являются производными от социальных структур*.

Вторая дилемма — это вопрос «факты или смыслы». Сторонники позитивистского подхода в социологии утверждают: чтобы делать общезначимые научные выводы, исследователь должен оперировать объективными фактами, которые можно получить, фиксируя устойчивые образцы взаимодействия, формы совместной жизни людей, а интерпретация смыслов, которые невозможно наблюдать, чревата произвольными умозаключениями. Антипозитивистски настроенные сторонники интерпретативной социологии полагают, что естественно-научная модель исследования причинно-следственных связей не подходит для социологии, поскольку люди совершают действия осмысленно, и в случае социальных явлений и процессов причинно-следственные связи — это связи смысловые.

Третья дилемма — это вопрос «объективизм или активизм». Объективистская позиция предполагает, что цель исследования — истинное знание — достигается, если социолог занимает позицию беспристрастного, этически и политически нейтрального исследователя, относящегося к социальным явлениям как к объекту изучения. Ярко выраженная приверженность идеалу научной объективности отличает такие парадигмы, как структурный функционализм, теория социального обмена, теория рационального выбора. Парадигмы символического интеракционизма и феноменологической социологии также являются объективистскими, но они строятся на представлении о том, что исследователь, будучи вовлечен в социальные взаимодействия, не может быть абсолютно нейтральным по отношению к изучаемому объекту. Идея о том, что неизбежную тенденциозность социологии следует не подавлять или скрывать, а, напротив, активно культивировать и использовать, лежит в основе таких активистских парадигм, как классический марксизм, критическая теория общества, социальный акционализм. Цель исследования — социальное изменение в направлении более гуманного общества — достигается, если социолог занимает позицию активного критика существующего социального порядка и сознательно использует ценностные ориентации и оценочные су-

ждения для выявления его основ, структур, форм воздействия на мышление и поведение индивидов.

Характерные для рассмотренных выше парадигм однозначные решения дилемм «действие или структура», «факты или смыслы», «объективизм или активизм» приводят к односторонности подходов и противопоставлению полученных в их рамках результатов исследований.

3.1. Интегративные парадигмы в социологии

На преодоление противопоставления в теоретической социологии действия и структуры, объективности и социальной активности исследователя нацелены новые исследовательские подходы и теории, которые в последние два десятилетия приобрели большое число сторонников среди социологов. Это так называемые *интегративные парадигмы*. К их числу принадлежат *теория коммуникативного действия* Ю. Хабермаса, *теория структуризации* Э. Гидденса, *конструктивистский структурализм* П. Бурдьё.

Теория коммуникативного действия (Ю. Хабермас)

Теория коммуникативного действия — это исследовательский подход, в основе которого лежит представление об обществе как, с одной стороны, о *системе*, а с другой — как о *жизненном мире*. Основоположник этого подхода немецкий социолог Юрген Хабермас (р. 1929) в работе «Теория коммуникативного действия» (1981) стремился показать относительную правоту макросоциологических парадигм (структурный функционализм, исторический материализм) и микросоциологических парадигм (феноменологическая социология, символический интеракционизм), которые сосредотачивают внимание исследователей соответственно на объективных структурах и субъективных смыслах. Ограниченность этих парадигм, по его мысли, заключается в том, что они «обрывают» связь между двумя неразделимыми аспектами общественной жизни.

Хабермас выделил два типа социального действия: *целерациональное действие*⁸, направленное на успешное манипулирование объектами, в качестве которых могут рассматриваться и вещи, и живые существа, в том числе люди, и *коммуникативное действие*, направленное на достижение взаимопонимания и консенсуса (лат. *consensus* — согласие, единодушие) между взаимодействующими людьми.

⁸ Понятие целерационального действия и саму идею типологизации социального действия Хабермас позаимствовал у классика мировой социологии М. Вебера, чья концепция рассматривается в главе 12 «Основоположники и классики мировой социологии».

Целерациональное действие воспроизводит общество как систему, т. е. комплекс формальных норм, определяющих наиболее эффективные способы обеспечения благосостояния и безопасности индивидов. Экономика (сфера деятельности, в которой действия индивидов координируются при помощи денег) и политика (сфера, в которой действия координируются при помощи власти) являются составными частями системы. Люди действуют согласованно, если одни оплачивают действия других или если одни подчиняются распоряжениям других.

Коммуникативное действие воспроизводит общество как жизненный мир, т. е. комплекс символических структур, определяющих способы придания индивидами смысла событиям и действиям друг друга. Составными частями жизненного мира являются: 1) культура — сфера деятельности, в которой индивидами создается и передается знание; 2) общность — сфера деятельности, в которой индивидами устанавливается и поддерживается чувство единства — солидарность; 3) социализация личности — сфера деятельности, в которой у индивидов формируется идентичность (представление о себе на основе осознания принадлежности к той или иной социальной общности) и способность быть актором — ответственным субъектом социального действия. Культура, общность, социализация личности — это сферы, в которых действия индивидов координируются при помощи языка как средства речевой коммуникации. Люди действуют согласованно, если одни аргументируют необходимость или полезность тех или иных действий, а другие принимают эти аргументы как убедительные.

Система и жизненный мир неразрывно связаны и зависят друг от друга. Система обеспечивает «материальную основу» коммуникативного действия посредством эффективного использования ресурсов и результатов целерационального действия для поддержания: 1) технического оснащения и организационных процедур накопления и передачи знания; 2) экономического благополучия, правового порядка и военной безопасности общности; 3) жизненных сил и здоровья индивидов. Жизненный мир обеспечивает мотивацию целерационального действия посредством придания объектам и ситуациям значений, ориентируясь на которые люди выбирают культурно, социально и индивидуально приемлемые цели и соотносят цели и средства. Но в современном мире, согласно Хабермасу, равновесие между системой и жизненным миром нарушено и система «колонирует» жизненный мир.

Колонизация происходит в форме бюрократизации и коммерциализации тех сфер жизнедеятельности, в которых создаются символические структуры. Деньги и власть постепенно замещают речевую коммуникацию в качестве средства координации действий в науке, искусстве, образовании, профессиональных ассоциациях, местных общинах, семейной жизни, воспитании подрастающего поколения. Колонизация жизненного мира — основная структурная проблема современного общества, так как распад символических структур

ведет к мотивационному кризису: мотивация действий на основе придания им смысла исчезает и нарастает «системное насилие». Действия на основе личного выбора, мотивируемые ценностными ориентациями, убеждениями, верованиями, замещаются действиями на основе вынужденного подчинения и корыстного интереса, т. е. внешних стимулов, исходящих от системы. Такого рода действия совершаются лишь до тех пор, пока система оказывает на индивидов давление посредством денег и власти.

Колонизация жизненного мира является основной причиной социальных конфликтов в современную эпоху. На смену экономической и политической борьбе классов приходит борьба между общностями, чьи интересы связаны с экспансией системы (предпринимателями, рабочими, служащими, государственными чиновниками), и общностями, чьи интересы связаны с поддержанием жизненного мира (молодежью, этническими и культурными меньшинствами, религиозными фундаменталистами и т. д.).

«Теорию коммуникативного действия» Хабермаса можно рассматривать как главный труд по «критической теории современности», в котором обоснован тезис: современному обществу угрожают не чрезмерная эксплуатация в смысле Маркса или тоталитаризм, а односторонняя рационализация и бюрократизация всех сфер жизни, снижающие роль общественности, усиливающие государство. При этом чрезмерная бюрократизация и экспансия права на все сферы жизни представляют собой наибольшую опасность для демократических основ гражданского общества.

В этих условиях главной целью для исследователей общества должно быть развитие такой формы мышления и мотивации деятельности, которая может служить идейной основой и практическим средством поддержания жизненного мира и сдерживания экспансии системы. Хабермас для обозначения этой формы мышления и мотивации деятельности ввел понятие *коммуникативной рациональности*, противопоставляя ее *инструментальной рациональности* системы. При помощи концепции колонизации системой жизненного мира и концепции коммуникативной рациональности в теории коммуникативного действия объективистские парадигмы (структурный функционализм и феноменологическая социология) интегрируются с активистскими парадигмами (историческим материализмом и критической теорией).

Средством восстановления сбалансированных отношений жизненного мира и системы является дискурс — публичная дискуссия по важным вопросам общественной жизни с ценностных позиций. Дискурс обеспечивает истинность, правильность и правдивость высказываний участников. В нем реализуется идеальная речевая ситуация, обладающая названными свойствами свободной дискуссии. Возникает коммуникативная рациональность, которая ведет к восстановлению сбалансированности отношений системы и жизненного мира. Таково решение Хабермасом основной проблемы современного общества. Практическими выводами из него являются развитие коммуника-

тивной рациональности общества путем расширения демократии, публичной полемики по важным вопросам, политического участия, демократизации политических институтов и использование критических возможностей искусства и научной критики.

Теория коммуникативного действия хорошо описывает и объясняет взаимосвязь и взаимодополнительность двух типов организации жизнедеятельности людей: формальных обезличенных образцов взаимодействия — «системы» и повседневных межличностных коммуникаций — «жизненного мира». Однако эта теория оставляет непроясненным вопрос о том, предопределяются ли индивидуальные действия (и целерациональные, и коммуникативные) социальными структурами (и системы, и жизненного мира) или, напротив, такие структуры порождаются указанными действиями.

Теория структуризации (Э. Гидденс)

Альтернативой теории коммуникативного действия в решении проблемы «*действие или структура*» является *теория структуризации*, созданная английским социологом Энтони Гидденсом (р. 1938). Теория структуризации — это научный подход, основывающийся на представлении о воспроизводстве общества как системы взаимодействия *агентами* (от лат. *agens* — действующий) — индивидами как субъектами действия, создающими *структуры*, которые, в свою очередь, служат объективными условиями — средствами (предоставляют возможности) и ограничениями (задают рамки) для последующих действий.

В работе «Конституирование общества» (1984) Гидденс представил теорию, которая должна соединить парадигмы, исходящие из примата структуры, и парадигмы, исходящие из примата действия, и тем самым положить конец «имперским притязаниям» субъективизма, характерного для интерпретативной социологии, и объективизма, характерного для структурного функционализма. Ключевое положение теории структуризации — тезис о *дualityности*, т. е. двойственном характере, социальных структур. Они являются, с одной стороны, результатом (часто непреднамеренным) деятельности индивидов, а с другой — предпосылками этой деятельности.

Определяющая роль агентов в социальных процессах проявляется на трех уровнях осознания и контроля ими своих действий. Первый уровень — это *мотивация* действия, т. е. возникновение внутреннего побуждения к действию как представления о необходимости и направленности действия. Вторым уровнем — *рационализация* действия, т. е. определение процедуры действия на основе соотнесения целей и средств. Третий уровень — *мониторинг* (англ. *monitoring* — наблюдение с целью контроля) действия, т. е. рефлексия мотивов, процедуры и последствий действия. В случае успешного исхода действия (достижение индивидуальных целей, позитивная реакция со стороны социального окружения) использованные средства и процедура совершения действия рас-

сматриваются индивидами в качестве образцов для последующих действий. Согласно Гидденсу люди характеризуются естественным стремлением к «онтологической безопасности» — определенной степени стабильности в жизни, иными словами — «уверенности в том, что природа и социальный мир останутся такими, какие они есть». Таким образом, рационализация и рефлексия агентами своих действий ведут к созданию социальных систем, которые упорядочивают взаимодействия и структурными элементами которых являются *практики*, т. е. привычные действия.

Определяющая роль структур в социальных процессах проявляется в двух видах условий, создающих ограничения и возможности для деятельности агентов. Первый вид условий — это *правила* совершения действия, которые существуют в виде правил обозначения (языковых кодов) и правил санкционирования поведения (социальных норм). Второй вид условий — *ресурсы* для совершения действия, которые могут быть материальными и нематериальными (власть). Ориентируясь на существование правил и доступность ресурсов, индивиды делают выбор в пользу совершения одних действий и отказываются от совершения других. Таким образом, влияние правил и ресурсов на мотивацию и рационализацию действий агентов ведет к воспроизводству агентами социальных систем.

Различные макросоциологические и микросоциологические парадигмы построены на основе разных комбинаций уровней компетентности агентов и видов структур. Например, в основе теории рационального выбора лежит комбинация представлений о рационализации, рефлексии и правилах санкционирования, а в основе феноменологической социологии — комбинация представлений о рационализации, рефлексии и правилах обозначения. Итак, для микросоциологических парадигм характерен акцент на рефлексивности действия, а представление о структурирующей роли распределения ресурсов не является принципиальным. Напротив, для макросоциологических парадигм принципиально представление о мотивации действия, а источниками мотивации могут выступать классовое сознание и идеология (правила обозначения), социальные нормы (правила санкционирования) или распределение ресурсов. Например, в основе исторического материализма лежит комбинация представлений о мотивации, правилах обозначения, материальных ресурсах и власти; в основе структурного функционализма — комбинация представлений о мотивации, рационализации и правилах санкционирования.

В концепции структуризации Гидденс попытался интегрировать существующие парадигмы на основе учета всех составляющих действия и структур, а также всех форм их влияния друг на друга. *Структуризация* — это процесс воспроизводства общества, характеризуемый взаимообуславливанием индивидуального действия и социальных структур. Структуры предопределяют характер индивидуальных действий потому, что агенты руководствуются знанием (научным или обыденным) об обществе, т. е. о существующих условиях

взаимодействия. Действия индивидов определяют характер социальных структур потому, что агенты преследуют собственные цели, т. е. используют те правила и ресурсы, которые позволяют или дают шанс реализовать индивидуальные интересы (рис. 3.1).

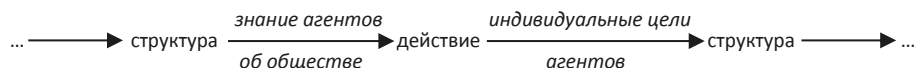

Рис. 3.1. Попеременная детерминация действия и структуры в процессе структуриации⁹

Теория структуриации хорошо описывает и объясняет, как действия и структуры оказываются причинами и следствиями по отношению друг к другу. Эти взаимосвязи Гидденс назвал «каузальными петлями». Однако теория структуриации переоценивает рефлексивность агентов и не позволяет объяснить ситуации взаимодействия, когда агенты не осуществляют «мониторинг», а восприятие ими ситуации различно в силу разницы в образовании, воспитании, жизненном опыте и т. п.

Конструктивистский структурализм (П. Бурдьё)

Вышеуказанная проблема решается в рамках альтернативной по отношению к теории структуриации парадигме — *конструктивистском структурализме*. Конструктивистский структурализм — исследовательский подход, основывающийся на представлении о том, что социальные структуры обуславливают практики и представления агентов, а агенты производят практики и тем самым воспроизводят и преобразуют структуры. *Практики — это скорее спонтанные, нежели рационально избираемые действия, реализующие привычные схемы мышления и деятельности*. При помощи такой концепции практик создатель конструктивистского структурализма французский социолог Пьер Бурдьё (1930–2002) стремился преодолеть односторонность объективизма, представляющего социальные отношения как независимую от индивидов реальность, и субъективизма, «не способного объяснить закономерность социального мира». В таких работах, как «Различение» (1979) и «Практический смысл» (1980), Бурдьё показал, что социальные структуры «вне» индивида, данные в неодинаковом распределении материальных и символических благ, являются *объективированными* продуктами практик. *Инкорпорированными*, т. е. находящимися «внутри» индивида, продуктами практик являются диспозиции — предрасположенности к определенному восприятию событий и к определенным образцам действий.

⁹ Иванов Д. В. Социология: теория и история. СПб.: Питер, 2006. С. 73.

Система устойчивых диспозиций, структурированных прошлыми практиками и структурирующих последующие, получила в теории Бурдьё название «габитус» (лат. *habitus* — свойство, привычка). *Габитус как набор усвоенных, но неосознаваемых схем восприятия и производства практик является моделью, позволяющей объяснять спонтанность, импровизационность практик не прибегая к идее рефлексивного и свободного субъекта деятельности, и воспроизводимость, устойчивость социального порядка — не прибегая к идее объективной детерминированности деятельности.* Индивиды конструируют социальные структуры, но это конструирование не является произвольным, оно предопределено теми социальными структурами, которые в процессе накопления жизненного опыта, воспитания, образования сформировали мыслительные и поведенческие установки индивидов.

Совокупность позиций, фиксирующих объективные различия, и диспозиций, определяющих субъективные оценки, образует *социальное пространство* — комплекс отношений, объединяющих и разделяющих агентов символически и физически. Символическое разделение — это разделение индивидов на категории, представители которых больше или меньше стремятся взаимодействовать друг с другом, больше или меньше сходны по образу жизни. Соответственно, эти категории оказываются «ближе» или «дальше» друг от друга в социальном пространстве. Символическое разделение приводит к разделению физическому, когда жизнь представителей различных общностей (этнических, религиозных, профессиональных и т. д.) концентрируется в разных регионах, районах, кварталах, зданиях и т. п.

Внутри социального пространства формируются особые сферы практик — поля, каждое из которых является автономной по отношению к другим полям ареной борьбы за ресурсы и символическое признание. Автономность обусловлена тем, что успех — занятие доминирующей позиции в данном поле (экономическом, политическом, академическом и т. п.) — зависит от обладания специфическим *капиталом*. Наряду с экономическим капиталом (собственность, деньги) Бурдьё выделяет культурный (образование, воспитание) и социальный (происхождение, связи) капиталы.

Исторически складывающаяся конфигурация полей, т. е. их соотношение в жизнедеятельности людей, задает относительный «вес» капиталов различного вида при определении позиций и формировании диспозиций агентов в социальном пространстве. В современном обществе экономическое поле (производство, потребление, бизнес, работа) доминирует над другими полями, экономический капитал более «весом», чем культурный капитал. Доминирование экономического поля предопределяет консерватизм большинства предпринимателей и рабочих, образующих разные — доминирующую и доминируемую — фракции, но в рамках одного поля. Оппозиционность большинства интеллектуалов, образующих доминируемую фракцию внутри доминирующего слоя, определяется тем, что их большой по объему капитал является пре-

Рис. 3.2. Модель социального пространства¹⁰

имущественно культурным, а не экономическим. Наиболее же радикальную оппозицию в социальном пространстве современного общества образует учащаяся молодежь — школьники и студенты, которые практически не обладают экономическим капиталом, культурным капиталом обладают в малом объеме и потому оказываются группой, находящейся под двойным доминированием (рис. 3.2).

Конструктивистский структурализм, как и теория коммуникативного действия, и теория структуризации, хорошо описывает и объясняет явления «на стыке» макросоциального и микросоциального уровней. Но интегративные парадигмы не устраняют дуализм в решении дилемм «действие или структура», «факты или смыслы», «объективизм или активизм». Напротив, новые парадигмы, соединяющие концепции определяющей роли действия и концепции определяющей роли структуры, лишь умножают число альтернативных подходов и способствуют закреплению в социологии ситуации мультипарадигмальности.

3.2. Альтернативные подходы к решению проблемы мультипарадигмальности

Помимо интегративных парадигм, примерами которых являются теории Ю. Хабермаса, Э. Гидденса, П. Бурдьё, в социологии возникли иные варианты решения проблемы мультипарадигмальности. Эти варианты основываются не на компромиссных решениях дилемм «действие или структура», «факты или смыслы», «объективизм или активизм», а на радикальном отказе от теоретизирования в рамках, заданных этими дилеммами. Наиболее значимыми примерами альтернативного подхода к решению проблемы мультипарадигмальности в социологии являются теория самореферентных систем Никласа Лумана, постмодернистская теория Мишеля Фуко и Жана Бодрийяра, акторно-сетевая теория Бруно Латура.

¹⁰ Иванов Д. В. Социология: теория и история. СПб.: Питер, 2006. С. 75.

Теория самореферентных систем (Н. Луман)

Оригинальный вариант решения проблемы интеграции макро- и микросоциологических парадигм, а также объективистских и активистских парадигм представлен в *теории самореферентных систем*, разработанной немецким социологом Никласом Луманом (1927–1998). Этот вариант можно назвать «негативным», поскольку Луман предложил не соединение понятий структуры и действия, а отказ от обоих понятий в пользу новых концептуальных средств описания и объяснения социальных явлений.

Основное произведение Лумана «Социальные системы» (1984) начинается с диагноза теоретического кризиса социологии. По его словам, в социологии преобладает эклектическое комбинирование, которое выдают за общую теорию. Луман в ироничных выражениях отзывается об интегративных подходах: в марксизм вводится немного системной теории, и оказывается, что интеракционизм и структурализм вовсе не такие уж разные, как считалось. Веберовская «история общества» — понятие, приемлемое и для марксистов, систематизируется при помощи парсонсовской техники перекрестного построения таблиц. Теория действия реконструируется в качестве теории структуры, теория структуры — в качестве теории языка, теория языка — как теория текста, теория текста — в качестве теории действия. В результате наблюдатель прежде всего запутывается в быстро увеличивающейся сложности этой теоретической дискуссии.

Лумановский теоретический синтез основан на смене парадигм в теории социальных систем. Подход, сформулированный им в вышеуказанной работе, основывается на представлении об обществе как о *системе, элементами которой являются коммуникации — операции, уменьшающие сложность*, т. е. сложность, неопределенность в процессе совместной жизни людей. *Система существует как процесс разграничения «области менее комплексного» (самой системы) и «области более комплексного» (окружающей среды системы)*. Коммуникация — это операция, производящая различие сообщения, информации и интерпретации. Посредством коммуникации действия и предметы отграничиваются в качестве носителей информации от нее самой, т. е. от содержания сообщения, а содержание — от придания ему смысла и оценки, т. е. от принятия или отклонения сообщения. Таким образом, коммуникации поддерживают систему как социальный порядок тем, что производят различие социального и несоциального и придают смысл и определенность событиям.

Луман выделил три уровня формирования социальных систем: интеракция, организация, общество. *Интеракция* — это взаимодействие, обусловленное присутствием и непосредственным восприятием участниками друг друга. Интеракционные системы обеспечивают возможность простых и недолговечных коммуникаций. *Организация* — это объединение, складывающееся

на основе формализации участия (членства) и правил коммуникации. Организационные системы обеспечивают возможность продолжительных коммуникаций, но только для тех, кто является их членом и выполняет установленные в них правила. *Общество* — это всеобъемлющая социальная система, которая включает в себя все формы интеракции и организации. Общество обеспечивает повсеместную (в любой ситуации) возможность коммуникации.

Концепция социальной системы, образуемой коммуникациями, исключает применение традиционных понятий «действие» и «структура». Согласно теории Лумана человек в качестве живого существа (организма) и в качестве мыслящего и деятельного существа (личности) оказывается за пределами системы. Социальность явлений определяется не тем, что они — результаты действий людей, а тем, что эти явления приобретают смысл в результате коммуникаций. То есть социальным может быть и то, чего люди не делали, например НЛО. Их существование в качестве реальных объектов проблематично, но существование их в качестве коммуникаций — предмета оживленных дискуссий — совершенно очевидно. Нахождение человека как субъекта действия в окружающей среде системы не означает, что система представляет собой комплекс объективных структур. Социальность явлений определяется не тем, что они — продукты структур (обычаев, норм, поведенческих образцов, распределения ресурсов и т. п.), а тем, что эти явления снижают комплексность внутри системы. То есть социальным может быть и то, что не соответствует структурам, например обсуждение «запретных» тем или общение с «чуждыми» людьми, если такого рода сети коммуникаций проясняют ситуацию взаимодействия, упрощают функционирование организации или упорядочивают устройство общества.

Социальная система является операционно закрытой системой. Операционно закрытая система воспроизводится исключительно из собственных операций, и внешние события не являются «вводами» (*inputs*) в нее. Воздействия из окружающей среды сами по себе не проникают в систему. Однако эти события изменяют комплексность окружающей среды и таким образом служат раздражителями для системы, которая воспроизводится в процессе отграничения себя от окружающей среды. Система улавливает эти события и воспринимает как раздражения потому, что существуют *структурные соединения* — координирующие связи между процессами в окружающей среде и процессами в системе. В случае социальной системы структурное соединение с окружающей средой обеспечивает язык, служащий средством обозначения и наделения смыслом природных явлений и состояний человеческого сознания. При помощи языка события в окружающей среде представляются внутри социальной системы в форме, пригодной для их распознавания в качестве раздражения, на которое система реагирует собственными операциями — коммуникациями, способными снизить возникшую комплексность, т. е. поддержать границу «система / окружающая среда».

Например, с точки зрения социолога, «изменение экологической ситуации» — это не серия природных процессов, а сеть коммуникаций, появляющихся в обществе как специфическая реакция операционно закрытой системы на процессы в окружающей среде. Операционная закрытость проявляется в том, что операции, поддерживающие общество, производятся из предшествующих операций системы — политических, экономических, научных, бытовых коммуникаций, а не из продуктов физических, химических и биологических процессов.

Операционная закрытость социальной системы — следствие самовоспроизводства (*аутопойесиса* в терминологии Лумана) системы. Коммуникации в системе производятся сетью коммуникаций и, в свою очередь, производят эту сеть как условие (ресурс) последующих операций системы. Аутопойесис обуславливает еще одно важное свойство социальной системы — *самореферентность*. Коммуникации являются одновременно операциями производства и описания общества. Таким образом, нет внешней референции (лат. *refereps* — сообщающий), т. е. нет внешней по отношению к системе инстанции, к которой можно обращаться за описанием общества. Общество — самоопиcывающая система. Социология — это не описание системы как объекта, это сеть коммуникаций, являющихся операциями самоописания и тем самым самовоспроизводства общества.

Теория самореферентных (аутопойетических) систем решает проблему «действие или структура» при помощи тезиса «коммуникации порождают коммуникации», а проблему «объективизм или активизм» при помощи тезиса «описание системы является частью операций, создающих систему». Теория Лумана хорошо описывает и объясняет современные процессы и явления, когда автономизировавшиеся системы — политика, экономика, право, наука, религия и т. д. — самовоспроизводятся на основе специфических коммуникаций. Их элементы — коммуникации — соотнесены исключительно друг с другом. Внутрисистемная коммуникация обеспечивается особыми символическими средствами (власть в политике, деньги в экономике, закон в праве, истина в науке, вера в религии и т. д.), а межсистемная коммуникация затруднена, поскольку каждая система реагирует на процессы в других системах весьма избирательно. Например, экономические проблемы представлены в политических коммуникациях лишь в той мере, в какой обсуждение этих проблем способствует воспроизводству системы власти, правовые проблемы представлены в экономических коммуникациях лишь в той мере, в какой законодательство можно использовать для достижения коммерческого и финансового успеха и т. д.

Теория самореферентных систем, базирующаяся на понятиях коммуникации и операционной закрытости систем, выглядит весьма перспективной в контексте бурного развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Однако она не дает адекватных средств описания и объяснения

материального неравенства и конфликтов, а также социальных изменений, вызываемых внутрисистемными, а не внешними по отношению к системе событиями. Поэтому парадигма, основанная Луманом, как и другие интегративные парадигмы, не может полностью заменить созданные ранее.

Постмодернистская социальная теория

Вопреки усилиям Хабермаса, Гидденса, Бурдьё и ряда других теоретиков разработка интегративных парадигм не привела к созданию общесоциологической теории как *единой и логически непротиворечивой системы понятий и утверждений*. Интегративные парадигмы дополнили ряд оригинальных подходов в социологии, где по-прежнему существует множество альтернативных исследовательских подходов и отдельных теорий. Другой вариант решения проблемы создания общесоциологической теории базируется на ином представлении о теории. В качестве общесоциологической теории рассматривается фактически существующее *множество парадигм*, а сама она определяется как *«дискурсивная формация»*. Такой подход основывается на использовании идей постмодернистской социальной теории.

Постмодернистская социальная теория — исследовательский подход, базирующийся на концепции общества как совокупности *дискурсов* (лат. *discursus* — рассуждение) — практик манипулирования знаками, которые формируют символические структуры, образующие для людей мир явлений и событий, воспринимаемых как социальная реальность. Образцом для социологов, придерживающихся постмодернистского подхода, служат работы французских мыслителей — историка и философа Мишеля Фуко (1926–1984) и социолога Жана Бодрийяра (1929–2007).

В работах «Надзирать и наказывать» (1975) и «Воля к знанию» (1976) Фуко показал, что гуманитарное знание, т.е. комплекс дискурсивных практик, представляющих человека в качестве специфического объекта изучения, исторически сформировалось как часть комплекса практик, названного Фуко «власть-знание». Это комплекс практик, нацеленных на «нормализацию» поведения людей, на дисциплинирование их тел, чувств, мыслей. Согласно Фуко современное общество — это *дисциплинарное общество*, в котором власть повсеместна, постоянна и безлична. Власть исходит отовсюду и реализуется через повседневные практики надзора, тренировки, анализа и оценки индивидами своих действий и действий друг друга. Власть — это не атрибут или занятие правительства, политиков, так называемых силовых структур. Отношения власти — это подвижная, изменчивая сеть позиций доминирования и подчинения, стратегий установления и поддержания неравенства.

Школа, больница, фабрика в условиях дисциплинарного общества являются институтами власти. Педагогика, медицина, менеджмент — это дискурсивные практики, ставящие человека в центр внимания, и одновременно

это «тонкие», в отличие от «грубого» принуждения, технологии подчинения людей. Преподаватель, врач, менеджер, внимательно и заботливо относящиеся к своим ученикам, пациентам, работникам, изучая и направляя их поведение, раскрывая и развивая их потенциал, тем самым занимают позицию доминирования. Их интеллектуальное занятие — это своего рода политика. Таким образом, знание, научный дискурс — это всегда стратегия власти.

Не только интеллектуальные и политические практики можно рассматривать как дискурсы внутри сети отношений власти. Ж. Бодрийяр в работах «Система вещей» (1968) и «Общество потребления» (1970) продемонстрировал, что символической, дискурсивной практикой является потребление. Вещи используются как знаки, когда символическое содержание важнее реальных качеств, функционального содержания. Например, расстановка мебели — средство создать «жилищный дискурс», сообщающий о социальном статусе хозяина, а модельный ряд, предлагаемый компанией, производящей автомобили, — средство создать «дискурс заботы», сообщающий о стратегии удовлетворения запросов клиентов. Система вещей предстает как беззвучная «речь», увещевающая потребителей интегрироваться в социальную систему, обеспечивающую благосостояние и заботу об их интересах. Потребление как дискурс оказывается безличной стратегией власти, т.е. стратегией системы, поддерживающей существующий порядок.

Таким образом, *постмодернистская схема «дискурсивные практики — стратегии власти» может служить универсальным инструментом анализа социальных явлений и процессов.*

Специфическое положение постмодернистской теории в современной социологии определяется тем, что в ней дискурсивные практики — это одновременно и объект, и метод. *Постмодернисты создают не теорию как конечную совокупность логически связанных утверждений, а дискурс — открытую и изменчивую речевую практику, в которой понятия не фиксируются в виде однозначных терминов, а постоянно обыгрываются посредством выстраивания ассоциативных рядов.* Само дальнейшее существование социологии как дискурсивной практики и как одной из стратегий власти, которая осуществляется путем наблюдения и контроля за поведением людей, с окончанием культурно-исторической эпохи модерна ставится постмодернистами под вопрос¹¹. Несмотря на это, нарочито вызывающий и метафоричный постмодернистский дискурс прошел адаптацию в социологии. В результате идеи Фуко и Бодрийяра об определяющей роли в социальных процессах знаков/дискурсов закрепились в системе теоретической социологии в качестве специфической парадигмы. Эта парадигма игнорирует как традиционные решения дилемм «действие/структура» и «объективизм/активизм», так и сами эти дилеммы,

¹¹ Подробнее об этом и других тезисах постмодернистской социальной теории см. Раздел II «История развития социологии» (гл. 15).

считающиеся наследием ушедшей эпохи — эпохи модерна. Для социологов, ориентирующихся на постмодернистскую теорию, различие макро- и микросоциологических подходов представляется неактуальным.

Акторно-сетевая теория (Б. Латур)

Сосредоточенность социологической теории на дилемме «действие или структура» и постмодернистское сведение социальных явлений и процессов к производству дискурсов вызвали критику со стороны ряда социологов, полагающих, что современная социологическая теория зашла в тупик из-за стремления выделить особого рода социальную реальность в виде норм, поведенческих образцов, символических структур, дискурсов и т. п. Идею повернуть социологию к исследованию материальных объектов, определяющих суть социальных явлений и процессов, наиболее отчетливо сформулировал французский социолог Бруно Латур (р. 1947). В своих работах «Наука в действии» (1987), «Мы никогда не были современными» (1991), «Пересборка социального: Введение в акторно-сетевую теорию» (2005) он предложил радикально иное видение предмета социологии и способов его изучения. Б. Латур показывает, что в результате стремления рассматривать вслед за Э. Дюркгеймом «социальные факты как вещи» исследователи наделили статусом самостоятельной реальности мысли, мотивы индивидов, значения действий, идею общества, но по сей день упускают из виду материальность тел — физических и человеческих, без учета которой невозможно объяснить социальный мир. В качестве альтернативы Латур, а также его коллеги Мишель Каллон, Джон Ло и их последователи предлагают акторно-сетевую теорию, в которой стремятся избежать традиционных дилемм «социальное/природное», «действие/структура», «субъект/объект».

Акторно-сетевая теория — это исследовательский подход, основывающийся на рассмотрении социальных явлений как сложных сетей, образуемых разнородными компонентами — людьми, техническими устройствами, природными объектами. Вместо традиционного рассмотрения людей как действующих субъектов и материальных объектов как средств для совершения действий акторно-сетевая теория предполагает, что действуют и вступают в отношения в равной мере люди и вещи, которые могут ограничивать, направлять или даже заменять собою человеческое действие.

Акторно-сетевая теория первоначально была разработана в ходе исследований функционирования науки. Анализ того, как возникают и становятся признанными научные теории, показал, что и натуралистический, и традиционный социологический подходы к науке неверны. То, что научная истина возникает не просто как результат изучения людьми природных объектов, а как результат социального конструирования реальности и конкуренции научных сообществ, доказывается в социологии науки, например в теории

парадигм Т. Куна. Однако исследования Латура показали, что успех той или иной научной теории зависит не только от энтузиазма и логики ее сторонников, но и от материальных факторов: лабораторного оборудования, материалов, подопытных животных, помещения, мебели, транспорта, средств связи и т. д. Успешной становится та теория, которая является результатом действия сложной сети, включающей все эти разнородные элементы. Факты и концепции, по выражению Латура, скорее «затвердевают», т. е. приобретают весомость и прочное положение в научном мире, если они являются результатом действия таких социально-материальных сетей, а не просто развития идей или дискуссий в среде ученых. Научная концепция тем убедительнее, чем мощнее социально-материальная сеть, в которой она реализуется.

Акторно-сетевая теория, подчеркивающая роль вещей в создании социальной реальности, вышла за рамки исследований науки и превратилась в теорию, претендующую на статус общесоциологической парадигмы. Латур предлагает относиться к вещам как к социальным фактам и заменить две «иллюзии» — интеракцию и общество — новой концепцией, согласно которой *социальная реальность представляет собой ассоциацию человеческих и нечеловеческих актантов*. Чтобы функционировала организация, состоялась встреча друзей, прошел политический митинг или концерт поп-музыки, необходимы не только действия традиционно признаваемых социологией акторов — людей, но и действие большого числа вещей и устройств: зданий, улиц, автомобилей, дорожных указателей, светофоров, телефонов, компьютеров и т. п. Эти *актанты*, по мнению Латура, играют в создании социального порядка не меньшую роль, чем люди. Поэтому социальные отношения являются качеством не просто людей, но людей, сопровождаемых устройствами, которые обеспечивают связность социального мира.

Исследователь должен понимать, что за неким событием в реальном мире (победа кандидата на выборах, открытие нового магазина, написание научной статьи и т. д.) стоят кропотливо скованные звенья сети. Элементы сети — сущности разного рода; элементом может стать что угодно, если оно заставляет действовать другой элемент. В качестве элементов или узлов сети способны выступать люди, материальные сущности (вещи, звуки, запахи) и нематериальные сущности (идеи). Именно поэтому сети называются гетерогенными. Например, неприятный запах со стороны помойки или раздражающий шум со стороны стройплощадки должны быть учтены в качестве действующего элемента, если именно их вмешательство заставляет нас изменить траекторию движения на прогулке. Идея включения вещей в фокус социологического анализа является новаторской. До Латура в социологии социальное и физическое пространства противопоставлялись. Если вещи и рассматривались, то только как смысловые, а не материальные целостности, т. е. с точки зрения того смысла, который действующий человек связывал с вещью. Теперь же, с подачи Латура, в социологии происходит так называемый «поворот к мате-

риальному», объединивший тех исследователей, которые подчеркивают активную роль вещей.

Сложная социально-материальная сеть, состоящая из людей и вещей в роли актантов, не является структурой в обычном понимании. Латур настаивает на том, что сеть — не структура, а способ действия. Действие — это не просто человеческие поступки, а эффект сети: действие распределено между актантами. Таким образом, акторно-сетевая теория с ее концепцией актанта и сети как способа действия нацелена на преодоление тех концептуальных проблем, с которыми социология сталкивается при разделении действующих субъектов-акторов и объективных структур.

Схема «ассоциация актантов — действующая сеть» может служить эффективным аналитическим инструментом в современных условиях, когда материальная среда, разнообразные технические средства и гаджеты важны для организации социальных взаимодействий и когда людям приходится выстраивать отношения с материальными объектами. Однако анализ социотехнических комплексов и роли в них разнородных актантов не снимает все вопросы, стоящие перед теоретической социологией.

3.3. Многообразие теорий и единство теоретической социологии

Критика современной социологии с позиций постмодернистской концепции конца социальной реальности и ответная критика постмодернистского дискурса с позиций поворота к материальным основаниям социальной жизни привели к результату, который не предвидели ни сторонники, ни противники постмодернизма. Ни социология, ни мультипарадигмальность не перестают существовать, а постмодернистский подход к теоретизированию был использован известным американским социологом Джорджем Ритцером для компромиссного решения проблемы мультипарадигмальности в социологии. Ритцер, который рассматривает *мультипарадигмальность* как естественное состояние социологии, выдвинул тезис о том, что в современной социологии место общей теории занимает дискурсивная формация. Эта формация характеризуется четырьмя основными чертами, а именно:

- 1) идентифицируется через ключевые фигуры (авторов), тексты, аналитические подходы;
- 2) конституируется вкладом из ряда дисциплин, включая социологию, политическую экономию, философию, психоанализ, лингвистику, феминистские исследования;
- 3) представляет собой скорее не фиксированную целостность — «канон», а практику, т. е. динамична, реинтерпретируема;

- 4) органично включает моральные оценки и политические позиции в противоположность «строго научному» характеру традиционно понимаемой социологической теории.

Таким образом, с точки зрения Ритцера и тех, кто разделяет его идеи, в мультипарадигмальной науке, каковой является социология, нет общей теории в классическом ее понимании, но есть дискурсивная формация, которая выполняет все функции общесоциологической теории: обобщает и объясняет самые разные эмпирические данные, формулирует альтернативные исследовательские подходы и гипотезы.

Концепция мультипарадигмальности в социологии стала в начале XXI в. доминирующей теоретической позицией. Однако это не означает, что теоретическая социология представляет собой беспорядочное множество конкурирующих и даже взаимоисключающих теорий. *В действительности абсолютной, или подлинной, мультипарадигмальности в современной социологии нет.* Парадигмы, претендующие в момент своего возникновения на универсальность и исключительность, в дальнейшем становятся теоретическими моделями, используемыми социологами тогда, когда их применение рассматривается как целесообразное в ситуации конкретного исследования. В этом отношении социология принципиально не отличается от других наук.

В любой современной науке нет общей (универсальной) теории, но есть концептуальный порядок — система теоретических моделей, каждая из которых служит адекватным средством описания и объяснения явлений и процессов в области, определяемой граничными условиями.

Примером такого рода систематизации теоретических моделей (парадигм) может служить ситуация в современной физике. Классическая механика, основывающаяся на принципах, заложенных еще Исааком Ньютоном, квантовая механика, базирующаяся на постулатах Нильса Бора, релятивистская механика, разработанная Альбертом Эйнштейном, являются различными парадигмами. Но каждая из этих теоретических моделей физических явлений применяется в четко определенных границах. Граничными условиями являются скорость и размер объектов. Релятивистская механика применяется *только* к описанию и объяснению физических процессов, протекающих со скоростями, близкими к скорости света. Квантовая механика применяется *только* к описанию и объяснению физических явлений, возникающих на уровне микрочастиц. Таким образом, новые парадигмы не исключают утвердившиеся ранее, а ограничивают их применение и дополняют систему теоретических моделей.

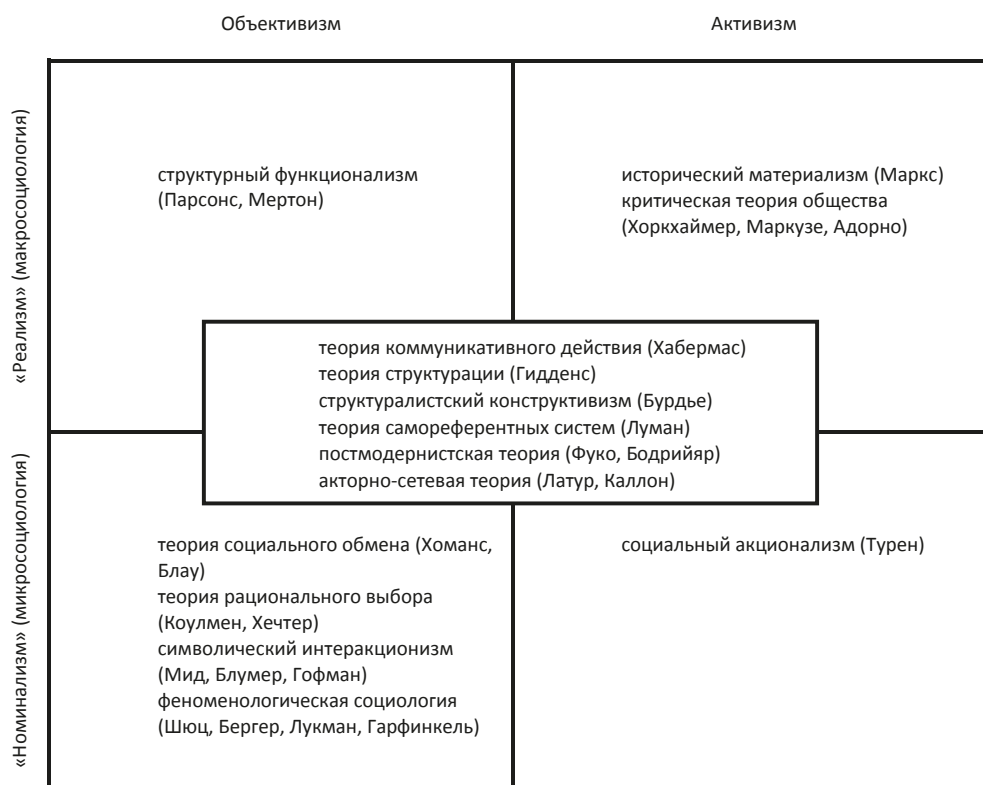

Рис. 3.3. Матрица систематизации социологических парадигм

В современной социологии нет столь же строго заданных (в виде количественных параметров) граничных условий. Но они существуют, и современные исследователи на практике их придерживаются. Описание различных социологических парадигм, как это сделано в данной главе, в терминах достоинств (возможностей) и недостатков (ограниченности) может рассматриваться в первом приближении в качестве определения такого рода граничных условий. Социологи располагают не просто совокупностью парадигм, а *системой теоретических моделей* (рис. 3.3). В этой системе граничные условия устанавливаются, во-первых, предметную область, в которой данная теоретическая модель может быть адекватным инструментом исследования, и, во-вторых, круг задач, для решения которых подходит данная теоретическая модель.

Соотношение предметных областей, в которых применимы различные парадигмы, можно продемонстрировать на примере социологического изучения знакомого любому студенту объекта — высшего образования. Если предметом исследования является общая тенденция развития образования

(с точки зрения того, как строится процесс обучения, как распределяются необходимые ресурсы, какого типа люди дают и получают образование и т. п.) или характер взаимосвязей между процессами обучения, подготовки специалистов и процессами экономическими, политическими и т. д., то адекватными предмету будут макросоциологические парадигмы: структурный функционализм, исторический материализм, критическая теория. Макросоциологические парадигмы дают необходимые концептуальные средства, если исследователь должен ответить на вопрос, как строится образование *в стране* (или даже в мире). Однако полученный с помощью макросоциологического подхода результат не может служить ответом на вопрос, как организуется процесс образования *в классе/аудитории*. Макросоциологическая модель выявляет общую тенденцию, т. е. определяет, что происходит в среднем в большинстве ситуаций, но такая модель не может точно определить, что происходит в каждой конкретной ситуации.

Если предметом исследования являются межличностные взаимодействия в процессе образования, на характер которых влияет не только то, по каким правилам строится процесс обучения, как распределяются необходимые ресурсы, какого типа люди дают и получают образование и т. п., но и то, как складывается конкретная ситуация взаимодействия, как она воспринимается и оценивается участниками взаимодействия (преподавателями, администраторами, учащимися, членами их семей и пр.), то адекватными предмету будут микросоциологические парадигмы: теория социального обмена, теория рационального выбора, символический интеракционизм, феноменологическая социология, социальный акционализм.

Микросоциологические парадигмы дают необходимые концептуальные средства для ответа на вопрос, что происходит *в классе/аудитории*. Но полученный в рамках микросоциологического подхода результат не может служить ответом на вопрос, что происходит *в стране* (и тем более в мире). Микросоциологическая модель определяет, что происходит в той или иной ситуации межличностного взаимодействия, но такая модель не может точно определить совокупный эффект и взаимовлияние всех межличностных взаимодействий. Радикальные сторонники микросоциологических подходов (так называемого методологического индивидуализма) настаивают на том, что модель любого макросоциального явления в принципе можно получить путем агрегирования индивидуальных действий и их микросоциальных эффектов, однако такая перспектива остается пока малореалистичной¹².

¹² Логически безупречный, но практически неосуществимый подход методологического индивидуализма вызывает контраргументы, напоминающие ироничное высказывание, приписываемое основателю кибернетики Норберту Винеру: «В принципе даже человека можно передать по проводам. Но технические трудности, возникающие на этом пути, многократно превышают наши возможности».

Если предметом исследования является воздействие условий (того, по каким правилам строится процесс обучения, как распределяются необходимые ресурсы, какого типа люди дают и получают образование и т. п.) на деятельность индивидов (преподавателей, администраторов, учащихся, членов их семей и пр.) в конкретных ситуациях их взаимодействия или обратное влияние деятельности индивидов на условия, то адекватными предмету будут интегративные парадигмы: теория коммуникативного действия, теория структуры, конструктивистский структурализм.

Интегративные парадигмы предоставляют исследователю необходимые концептуальные средства, если он должен ответить на вопрос, как организация образования *в стране*, с одной стороны, и представления об образовании и навыки взаимодействия индивидов, усвоенные *в классе / аудитории*, с другой стороны, формируют практику обучения в конкретном учебном заведении — *институте / университете*. Однако полученный с помощью интегративного подхода результат не может служить ответом на вопросы, как строится образование *в стране* в целом и как организуется процесс образования в каждом *классе / аудитории*. Интегративная модель выявляет характер совместного влияния общих тенденций и условий (структур) и индивидуальных оценок и поступков (действий) на развитие серии взаимосвязанных ситуаций, т. е. определяет частную тенденцию. Но такая модель не может точно определить, что происходит в среднем в большинстве ситуаций и что происходит в каждой конкретной ситуации.

Таким образом, многообразные теоретические модели, выступающие в современной социологии в форме парадигм, образуют систему, соотношение элементов которой устанавливает порядок выбора подхода к исследованию в той или иной предметной области. Точно так же эта система устанавливает порядок выбора исследовательского подхода к решению того или иного круга общественных задач.

Если задачей исследования является точная фиксация существующего положения дел, то нужно беспристрастно описать и объяснить его. Следовательно, адекватные задаче концептуальные средства могут предоставить объективистские парадигмы: структурный функционализм, теория социального обмена, теория рационального выбора, символический интеракционизм, феноменологическая социология. Но констатируя факты и придавая смысл исследуемым явлениям, социологи вольно или невольно утверждают несомненность, оправданность и безальтернативность существующего положения дел. Научная ценность знания, полученного в рамках объективистского подхода, ограничена подтверждением реальности сложившегося порядка. Даже прогнозы и стратегии развития, разрабатываемые на основе объективистских парадигм, могут быть лишь *экстраполяцией*, т. е. простым продолжением в будущее тенденций, зафиксированных в настоящее время.

Если задачей исследования является оценка степени несправедливости существующего положения дел и нахождение путей изменения его к лучшему, то нужно выявить силы, поддерживающие существующий порядок и подрывающие его, а затем предложить стратегию действий тем, кто неудовлетворен этим порядком. Следовательно, адекватные задаче концептуальные средства могут дать активистские парадигмы: исторический материализм, критическая теория, социальный акционализм. Но вынося оценочные суждения и способствуя изменению социального порядка, социологи сами обесценивают результаты своих исследований, предметом которых оказывается исчезающая, разрушаемая реальность. Научная ценность знания, полученного в рамках активистского подхода, убывает по мере того, как происходят изменения, которые входят в задачи исследования.

Значимость результатов, получаемых при помощи объективистских и активистских парадигм, социально дифференцирована, т.е. *неодинакова* для различных социальных категорий — богатых и бедных, руководителей и подчиненных, привилегированных и дискриминируемых, консервативно и радикально настроенных в отношении сложившегося положения дел. То, что одними расценивается как научная истина, другими рассматривается как идеологическая доктрина. Внутренне присущую парадигмам различных типов тенденциозность — большой консерватизм в объективистских парадигмах и большой радикализм в активистских — можно сдерживать на основе баланса различных познавательных интересов. Например, в интегративной парадигме, предложенной Ю. Хабермасом, выделены три типа познавательного интереса, каждый из которых определяет свою логику исследования.

«Технический интерес» в эффективном контроле над вещами и процессами окружающего мира формирует подход к изучаемым явлениям как к объектам, связанным в закономерную систему. Это логика эмпирико-аналитического исследования, которая лежит в основе позитивистски ориентированных социологических парадигм — структурного функционализма, теории социального обмена, теории рационального выбора. «Практический интерес» в достижении взаимопонимания, «консенсуса» между взаимодействующими индивидами формирует подход к изучаемым явлениям как «текстам», которые необходимо интерпретировать, чтобы понять их смысл. Это логика историко-герменевтического¹³ исследования, которая лежит в основе интерпретативных парадигм: символического интеракционизма, феноменологической социологии. «Эмансипационный (от лат. *emancipatio* — освобождение) интерес» в избавлении людей от отношений зависимости, которые не являются необходимыми, формирует подход к явлениям как структурам власти / подчинения. Это логика критического исследования, характерная для активистских пара-

¹³ Герменевтика (в букв. переводе с греч. — «истолкование») — учение о правилах интерпретации текстов.

дигм — исторического материализма, критической теории, социального акционализма.

Каждый тип познавательного интереса отражает потребность людей в определенном роде знания. Тенденциозность результатов исследования возникает, когда логика, диктуемая одним из познавательных интересов, абсолютизируется. Тогда нарушается баланс интересов. В социологии такой баланс поддерживается сосуществованием позитивистской, интерпретативной и критической социологии.

Таким образом, проведя систематизацию теоретических моделей, можно представить мультипарадигмальность как порядок разграничения сфер компетенции различных парадигм, которые сосуществуют на основе принципа взаимодополнительности. Каждая из них позволяет лучше, чем другие парадигмы, ответить на ряд определенных вопросов. Однако исследовать социальные явления всесторонне, наиболее полным образом можно, если используются различные подходы. Необходимость исследовать все возможные аспекты социальных явлений привела к возникновению сложной структуры современной социологии.

Контрольные вопросы

1. Что обозначается термином «мультипарадигмальность» в социологии?
 - А) разделение единой социологической парадигмы на множество разных теорий
 - Б) наличие несовместимых теорий социальных явлений и процессов
 - В) ситуация множественности теоретико-методологических подходов
2. Что в социологической теории обозначается термином «аутопойэсис»?
 - А) способ самовоспроизводства социальных систем
 - Б) самоорганизация социальной системы
 - В) самодостаточность социальной системы
3. Какая из данных социологических парадигм относится к «активистскому» типу?
 - А) символический интеракционизм
 - Б) теория социального обмена
 - В) критическая теория общества
4. В какой из данных парадигм используется понятие «габитус»?
 - А) в теории структуризации
 - Б) в структурном функционализме
 - В) в конструктивистском структурализме

5. Кто из данных теоретиков ввел в социологию понятие «самореферентная система»?
 - А) Никлас Луман
 - Б) Талкотт Парсонс
 - В) Юрген Хабермас
6. Какая из данных парадигм может быть названа интегративной?
 - А) теория социального обмена
 - Б) теория рационального выбора
 - В) теория структуризации
7. Кто из социологов ввел в теорию понятие «актант»?
 - А) Жан Бодрийяр
 - Б) Бруно Латур
 - В) Никлас Луман
8. Какой тип действия в теории Ю. Хабермаса воспроизводит структуры жизненного мира?
 - А) рациональное действие
 - Б) коммуникативное действие
 - В) осмысленное действие
9. Кто из социологов является автором теории структуризации?
 - А) Энтони Гидденс
 - Б) Пьер Бурдьё
 - В) Никлас Луман
10. Какая теория интегрирует в себе положения системной теории и критической теории общества?
 - А) теория структуризации
 - Б) теория самореферентных систем
 - В) теория коммуникативного действия

Задание для самостоятельной работы

Проанализируйте приведенные в таблице 3.1 аргументы известных социологов за и против нормальности для социологии такого положения, когда в науке сосуществует множество конкурирующих парадигм. Исходя из того, что социология возникла позже большинства естественных наук, а также из того, что социальная жизнь постоянно усложняется, сформулируйте дополнительные аргументы ЗА и ПРОТИВ нормальности мультипарадигмальности в современной социологии. Подтвердите их ссылками на материалы истории социологии.

Темы рефератов (докладов)

- ✓ Социология как мультипарадигмальная наука (по работам Дж. Ритцера и В. Ядова)
- ✓ Вклад в развитие теоретической социологии интегративных парадигм Ю. Хабермаса, Э. Гидденса, П. Бурдьё
- ✓ Социология Т. Парсонса и Н. Лумана — этапы развития общей теории социальных систем
- ✓ Язык как условие образования социальных систем в социологии Ю. Хабермаса и Н. Лумана
- ✓ Поворот к материальности в акторно-сетевой теории Б. Латура
- ✓ Влияние постмодернистской теории Ж. Бодрийяра на современную теоретическую социологию

Список дополнительной литературы по теме

- Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть / пер. с фр. М.: Добросвет, 2015.
- Бурдьё П.* Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр. СПб.: Алетейя, 2007.
- Вебер М.* Избранные произведения / пер. с нем. М.: Прогресс, 1990.
- Гидденс Э.* Устроение общества / пер. с англ. М.: Академический Проект, 2005.
- Головин Н. А.* Социология Н. Лумана — этап развития общей теории социальных систем // Социологические исследования. 2014. № 2. С. 95–106.
- Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. М.: Наука, 1991.
- Иванов Д. В.* Парадигмы в социологии. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005.
- История теоретической социологии. Социология второй половины XX — начала XXI века: учеб. пособие для вузов / Ю. Н. Давыдов и др. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Гаудеамус, 2010.
- Кун Т.* После «Структуры научных революций» / пер. с англ. М.: АСТ, 2014.
- Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с фр. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.
- Луман Н.* Введение в системную теорию / пер. с нем. М.: Логос, 2007.
- Ритцер Дж.* Современные социологические теории / пер. с англ. СПб.: Питер, 2002.
- Романовский Н. В.* Мультипарадигмальная социология. Auf Wiedersehen? // Социологические исследования. 2005. № 12. С. 23–32.
- Фуко М.* Управление собой и другими / пер. с фр. СПб.: Наука, 2011.
- Хабермас Ю.* Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. Весна 1993. Т. 1, вып. 2. С. 123–136.
- Ядов В. А.* Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб.: Интерсоцис, 2009.

Глава 4

ОБЩЕСТВО КАК БАЗОВАЯ КАТЕГОРИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

4.1. Понятие общества в социологии

Наиболее часто употребляемым социологами и наиболее сложным в определении является понятие «общество». Обыденное и научное понимание смысла слова «общество» заметно расходятся. В обыденном понимании общество предстает как совокупность индивидов или организованная группа людей. Такое понимание отражено в выражениях «высшее общество», «общество защиты животных», «общество филателистов». Научный подход отличается от обыденного сознания, поскольку основывается на представлении о том, что общество — это социальный феномен и что характеристики общества не совпадают с суммой характеристик индивидов.

Характер общества не определяется характеристикой индивидуальных свойств людей, чья жизнь организована обществом. Общество не определяется совокупным весом людей, длиной их волос или толщиной прочитанных ими книг. Напротив, эти показатели можно представить как функцию от типа общества.

В США, где высокоразвитая экономика обеспечивает производство массы дешевых продуктов, а неразвитая культура потребления ориентирует людей на чрезмерное поглощение высококалорийной пищи, избыточный вес стал своего рода национальной проблемой, необходимость решения которой даже обсуждают политики. В Эфиопии и Сомали, где неэффективность экономики и конфликты между враждующими политическими, религиозными и этническими группировками на протяжении десятилетий приводили к массовому голоду, большинство населения характеризует дефицит веса и даже истощение. Говоря об отличии американского общества от эфиопского, ученые характеризуют их не как «толстое» и «худое», а как экономически развитое и экономически отсталое.

В Европе, где мода на прически (как и на другие компоненты внешности и образа жизни) изменчива и быстротечна, средняя длина волос может колебаться год от года. В арабских странах, где культурные традиции диктуют следование освященным религией и авторитетом старших обычаям, средняя длина волос относительно стабильна. Говоря о различии общества в Европе

и общества в арабских странах, ученые характеризуют их не как «стриженное» и «длинноволосое», а как современное (модернизированное) и традиционное.

В XVII–XVIII вв. чтение книг было занятием (и то нечастым) священнослужителей и аристократов, а грамотные люди составляли ничтожное меньшинство населения. В XIX–XX вв. создание системы всеобщего образования привело к тому, что грамотным постепенно стало подавляющее большинство населения, а чтение книг стало культурной нормой. В XXI в. новые поколения предпочитают книгам как источнику информации и средству развлечения телепередачи, интернет и видеоигры. Говоря о различиях между обществом XVII, XX и XXI вв., ученые не характеризуют их как «не читающее», «читающее» и «снова не читающее», а как традиционное, современное (модернизированное) и постсовременное (постмодернистское)¹.

Более научный подход к определению понятия «общество» предполагает, что обществом является не совокупность индивидов, а скорее совокупность социальных (экономических, политических, культурных и пр.) явлений и процессов, определяющих образ жизни и даже физическое состояние и внешний облик людей, живущих на какой-либо территории или в какую-либо историческую эпоху. Такого рода понимание общества фиксируют, например, выражения «средневековое общество» или «российское общество». Однако подобное понимание отражает хронологические и географические рамки, а не специфические характеристики того, что называется обществом. На языке социологии слово «общество» означает не просто совокупность социальных явлений и процессов в данном месте и в данный период, а характерный тип их возникновения и развития.

Общество — это исторически сложившийся тип социальной организации, который охватывает все явления и процессы совместной жизни людей в данной стране, или в данную эпоху, или на данной стадии технологического и экономического развития.

Эта социальная организация явлений и процессов возникает вследствие совместной жизни, взаимодействий людей, оказывает влияние на их мышление и поведение, проявляется в их поступках, высказываниях, сделанных ими вещах. Общество предопределяет наиболее характерные формы мышления и поведения людей, живущих в условиях сложившегося типа социальной организации. Но это отнюдь не означает обезличенности и автоматизма мыш-

¹ От англ. *modern* — современный, *modernity* — современность и *postmodern* — постсовременный.

ления и поведения индивидов. Личность как сознательный субъект целенаправленной деятельности формируется в результате индивидуального, определяемого своеобразием жизненного опыта усвоения и использования лишь части из тех способов мыслить и действовать, которые даны как *возможности* в рамках данного типа социальной организации. Но поскольку возможности разнообразны, но всё же не безграничны, каждое общество предопределяет тип личности, массовому появлению и воспроизводству которого оно способствует.

Помимо соотношения общества и личности, важно определить соотношение таких феноменов, как общество и государство, общество и культура, общество и природа. В обыденном сознании понятия «общество» и «государство» часто отождествляются, так как в современную эпоху государство играет важнейшую роль в поддержании социальной организации. Государство обеспечивает следование людей, живущих на некоторой территории, определенной системе норм. Отсюда возникает так называемая контейнерная концепция общества: общество — это то, что происходит «внутри контейнера», в границах территории, находящейся в юрисдикции государства. С научной точки зрения следует различать:

- 1) страну — территорию, населенную людьми, чья совместная жизнь организована по определенному типу;
- 2) государство — социальный институт, т.е. действующую на данной территории систему норм организации власти, являющуюся лишь частью, хотя и важнейшей, организации совместной жизни людей;
- 3) общество — тип социальной организации, охватывающий различные формы взаимодействия людей, в том числе государственно-политические, и укорененный не в земле (территории), а в культуре.

Культура, включающая ценности, символы, ритуалы и обычаи, формирующие образ жизни людей, определяет то, что люди знают и во что верят, как они понимают и оценивают окружающий мир, создают вещи и формулируют идеи. В этом смысле общество может рассматриваться как проявление культуры. Однако если взаимодействуют, и притом регулярно, люди, чьи ценности и образ жизни сильно различаются, то такое взаимодействие объясняется не общностью культуры. Общество — это тот тип организации, который обеспечивает *социальность* не только в условиях общности культуры, но и в условиях культурного многообразия, обусловленного, например, религиозными и этническими различиями между общностями, составляющими население данной страны и сосуществующими в условиях данного общества. Кроме того, общество обеспечивает воспроизводство культуры, поскольку обуславливает взаимосвязь ценностей и действий и интегрирует различные сферы жизнедеятельности — религию, науку, искусство, экономику, политику, семью.

С точки зрения эволюционной биологии общество — проявление природы человека как биологического вида. Социальная организация существует и у других животных, живущих стаями, прайдами, стадами, табунами и т.п. Однако общественная жизнь людей принимает такие формы, которые выводят существование человека за пределы исходных экологических ниш и превращают человека в вид, постоянно нарушающий экологическое равновесие и интенсивно преобразующий окружающую среду. В основе существования человека, как и всякого биологического вида, лежат инстинкты. Например, элементарными являются инстинкт самосохранения и инстинкт продолжения рода. Однако общество может таким образом организовывать жизнь людей, что создаются препятствия или ограничения на поведение, реализующие эти инстинкты.

Через воспитание в семье и обучение в школе, через общение с друзьями и восприятие произведений искусства люди усваивают как нормы и моральные предписания представления о необходимости самопожертвования ради сохранения «чести», «родины», «веры предков» и т.п. При этом формы деятельности, практикуемые в качестве общепринятых и рациональных, нередко создают ситуации, в которых рисковать своей жизнью или даже совершать самоубийство означает следовать социальным нормам. Точно так же люди усваивают представления о необходимости ограничения своей сексуальной активности ради поддержания «чести семьи», «здоровья», «ответственного поведения» и т.п. При этом оставаться подолгу без сексуального партнера и избегать рождения детей при помощи контрацептивов означает следование социальным нормам. В этом смысле можно рассматривать общество как альтернативу природе. Поэтому в социологии иногда определяют общество как «обособившуюся часть природы».

Итак, научное понимание общества не сводится к представлениям о населении, стране, государстве, культуре. Общество охватывает и систему формально установленных социальных норм, и привычные образцы взаимодействия и поведения людей, и культурные ценности, и материальные объекты, используемые людьми в ходе их совместной жизни. Общество — это исторически сложившийся тип социальной обусловленности любых явлений и процессов жизнедеятельности людей на данной территории или в данную эпоху.

4.2. Исторические типы общества

Тип социальной организации влияет не только на поступки людей, на то, каковы нормы и правила поведения. *Общество обуславливает и то, какие вещи люди используют и создают, какие технологии применяют, какие виды деятельности развивают, как осваивают территорию и организуют поселения, как много людей вовлекается во взаимодействие.*

Доступные нам материальные и письменные источники свидетельствуют, что на протяжении истории человечества возникали общества трех типов. В социологии эти типы обычно обозначают как общества *доиндустриальное*, *индустриальное* и *постиндустриальное*. Однако еще один, изначальный тип социальной организации, называемый *первобытным обществом* или *обществом охотников и собирателей*, по-видимому, является элементарной формой сосуществования и выживания для людей вида *Homo sapiens* (человек разумный). Вопрос об обществе у первобытных людей не входит в предмет социологии. «Палеосоциологии» (по аналогии с палеонтологией) как научной дисциплины не существует, по крайней мере в настоящее время. Реконструкцией социальной организации, существовавшей у первобытных людей, занимаются археологи и историки, а изучением сохранившихся до наших дней форм первобытного общества занимаются представители еще одной научной дисциплины — антропологии.

Доиндустриальное общество характеризуется преимущественным развитием аграрных технологий, индустриальное — промышленных, постиндустриальное — информационных технологий. В типологии обществ терминология, указывающая на доминирующий тип технологий, закрепились в качестве основной по двум причинам. Во-первых, потому, что технологии — это материальный индикатор, который достаточно легко зафиксировать. Во-вторых, потому, что технологии определенного типа развиваются и используются только во взаимосвязи с появлением определенных типов других составляющих общества, которые также выступают значимыми характеристиками социальной организации и могут служить основаниями для типологии обществ. Четыре типа социальной организации, выделяемых в современной социологии, характеризуются по таким четырем параметрам, как: 1) технологии, 2) ценности и нормы, 3) характер взаимодействий, 4) численность населения и формы поселений. Ниже приведены характеристики четырех исторически существовавших типов общества: первобытного (общества охотников и собирателей), доиндустриального (аграрного), индустриального, постиндустриального.

В большинстве развитых стран в современном мире можно обнаружить черты, характерные для индустриального и отчасти постиндустриального общества. Поэтому такое переходное состояние общества вызывает наибольший интерес социологов, стремящихся путем анализа множества явлений и процессов, в которых проявляет себя социальная организация совместной жизни людей, обнаружить главную, определяющую черту современного общества. Среди множества работ, посвященных анализу современного общества, можно выделить две доминирующие концепции — информационное общество и общество потребления.

Первобытное общество (общество охотников и собирателей)

Исторический период существования	Вероятно, существовало с появления человека вида <i>Homo sapiens sapiens</i> около 40 тыс. лет назад; в настоящее время представлено немногочисленными изолированными племенами в Африке, Амазонии и Океании.
1) Технологии	<i>Общество охотников и собирателей:</i> ограничивает хозяйственную деятельность людей технологиями, основанными на непосредственном использовании даров природы (охота, рыболовство, сбор плодов); люди используют простые орудия труда; источником энергии служит мускульная сила человека; все люди участвуют в добычании пищи и других предметов, необходимых для выживания, причем деятельность специализирована только по возрасту и полу.
2) Ценности и нормы	<i>Первобытное общество:</i> основывается не на ценностях как разделяемых всеми представлениях о должном, а на заменяющем их опыте (иногда мифологизированном) выживания, накопленном старшими членами рода; нормы существуют как жесткие правила поведения; формирование и поддержание норм обеспечивает семья, ориентирующая людей на воспроизводство заданных образцов взаимодействий как естественных, единственно возможных.
3) Характер взаимодействия	<i>Родовое общество:</i> ограничивает взаимодействия, сводя их к общению между членами рода; имущественное и правовое неравенство практически отсутствует, сегрегация минимальна (частично обособленные сообщества сверстников); интеграция общества поддерживается на основе кровнородственных связей.
4) Численность населения и формы поселений	<i>Кочевое общество:</i> может объединять десятки и сотни людей, кочующих по территории, на которой они способны выживать, создавая иногда относительно долговременные поселения.

Доиндустриальное общество

Исторический период существования	Развивалось приблизительно с VI тысячелетия до н. э.; сейчас представлено в небольшом числе стран в Азии и большинстве стран тропической Африки.
1) Технологии	<i>Аграрное (доиндустриальное) общество:</i> способствует развитию технологий, основанных на использовании естественных (природных) процессов (культивирование растений и разведение животных, обработка дерева, камня и других природных материалов); люди используют ручные орудия труда и простые механизмы; источниками энергии служат мускульная сила человека и тягловых животных, сила ветра и течения воды; большинство экономически активного населения (70–90 %) занято в сельском хозяйстве и добыче полезных ископаемых, небольшая часть занята в ремесле и торговле.

- 2) Ценности и нормы *Традиционное общество:*
основывается на ценностях — сакральных заповедях, т. е. неизменных верованиях;
нормы существуют как предписания должного поведения, однозначно определяемые ценностями;
главную роль в формировании и поддержании норм играют семья и религия, ориентирующие людей на воспроизводство привычных образцов взаимодействий, на подчинение авторитету представителей старших поколений и носителей высоких статусов, на нетерпимость к культурным различиям.
- 3) Характер взаимодействия *Общинно-сословное общество:*
поддерживает взаимодействия в основном внутри общин (семей, племен) или общностей (каст, сословий, конфессий), для которых характерны закрытость (членство по происхождению) и специфичные образцы взаимодействий;
неравенство слабо выражено, а сегрегация очень сильна (межобщинные и межсословные контакты ограничены); интеграция общества обеспечивается на основе религии и политической власти.
- 4) Численность населения и формы поселений *Кочевое и сельское общество:*
может объединять сотни и тысячи людей, подавляющее большинство которых живет в небольших поселениях (временных стойбищах или постоянных деревнях), а часть живет в небольших городах.

Индустриальное общество

- Исторический период существования Развивается с середины XVIII в.; сейчас представлено в большинстве стран Америки, Европы и Азии, включая Россию.
- 1) Технологии *Индустриальное общество:*
способствует развитию технологий, основанных на использовании искусственно создаваемых и поддерживаемых процессов (создание и применение машин, синтез новых веществ и создание искусственных материалов, производство электроэнергии); труд людей механизирован;
используются различные источники энергии: паровые машины, двигатели внутреннего сгорания, реактивные двигатели, электрогенераторы, атомные реакторы;
большинство экономически активного населения (50–70 %) занято в промышленности, а также в торговле и транспорте; в сельском хозяйстве занято относительно немного людей, поскольку их труд отчасти механизирован.
- 2) Ценности и нормы *Модернистское общество:*
основывается на ценностях — рациональных идеалах, т. е. устойчивых убеждениях в том, к чему следует стремиться;
нормы существуют как ожидания должного поведения, определяемые ценностями лишь в общих чертах;
главную роль в формировании и поддержании норм играют экономика (работа и потребление) и политика (государство и общественные организации), ориентирующие людей на создание более прогрессивных форм взаимодействий, на конкуренцию и инновации.

3) Характер взаимодействия

Массовое общество:
поддерживает взаимодействия в рамках крупных организаций (предприятий, партий и движений, учебных заведений и т. п.) и акций (митингов, забастовок, массовых зрелищ и т. п.); неравенство выражено сильно, а сегрегация ослабевает (широкие возможности изменения статуса и принадлежности к разным общностям); интеграция общества обеспечивается на основе экономики, политики, культуры.

4) Численность населения и формы поселений

Урбанистическое общество:
может объединять сотни тысяч и миллионы людей, большинство которых живут в городах, в том числе очень крупных.

Постиндустриальное общество

Исторический период существования

Формируется с конца XX в.; сейчас представлено в небольшом числе наиболее развитых стран, включая США, Японию, Западную Европу.

1) Технологии

Постиндустриальное общество:
способствует развитию технологий, основанных на использовании информации (компьютеры, телекоммуникации, геновая инженерия, научные исследования, управление, обучение); развивается автоматизация производства и гуманизация труда (важны индивидуальные знания и навыки общения); происходит экологизация и миниатюризация источников энергии и двигателей; большинство экономически активного населения (60–70 %) занято в сфере услуг, включающей торговлю, рекламу, туризм, финансы, науку и образование, медицину, спорт, СМИ и индустрию развлечений; в сельском хозяйстве и промышленности занято относительно немного людей, поскольку их труд механизирован и производство отчасти автоматизировано.

2) Ценности и нормы

Постмодернистское общество:
основывается на ценностном релятивизме, т. е. отношении к ценностям как к изменчивым эстетическим оценкам и ориентирующим идеям; нормы существуют как ожидания должного поведения, определяемые в зависимости от культурного (ценностного) контекста; главную роль в формировании и поддержании норм играет культура (образование и СМИ), ориентирующая людей на умение воспроизводить разные образцы взаимодействий, принятие плюрализма стилей жизни.

3) Характер взаимодействия

Сетевое общество:
поддерживает избирательные взаимодействия, на основе которых близкими по интересам и стилю жизни индивидами формируются специфические и относительно обособленные сообщества — сети коммуникаций; неравенство по-прежнему сильно выражено, а сегрегация вновь усиливается в результате дифференциации стилей жизни и возникновения новых форм закрытых сообществ (клубы, группы взаимопомощи и т. п.);

интеграция общества обеспечивается на основе культуры (СМИ, образование) и новых коммуникационных технологий (интернет, мобильная связь и т. д.).

4) Численность населения и формы поселений

Постурбанистическое общество:
объединяет миллионы людей, большинство которых сосредоточены в городах, но значительная часть их населения является мигрирующей: приезжает в крупные города — мегаполисы для работы, учебы или по иным делам, а затем возвращается в экологически и социально более комфортные пригородные зоны и небольшие города — «спутники» мегаполисов.

Информационное общество — это позитивная концепция современного типа социальной организации. Вслед за основоположниками теории информационного общества — американским социологом Д. Беллом, французским ученым А. Туреном, японским исследователем Й. Масудой — многие социологи полагают, что создание информации, распространение знаний, совершенствование коммуникационных технологий ведут к развитию технологически более развитого, более рационально управляемого и более справедливого общества. Общество, в котором научное знание и открытая система коммуникаций определяют образ жизни и характер взаимодействий людей, выглядит реалистичной картиной в мире, где растет уровень образования, уровень оплаты интеллектуального труда, распространяются и усложняются цифровые технологии, развиваются интернет и мобильная связь. Однако есть и другие аспекты современного общества, которые в концепции информационного общества отходят на второй план или вовсе не учитываются.

Концепция *общества потребления* представляет критический взгляд на современное общество. Вслед за Г. Маркузе, Ж. Бодрийяром, Дж. Ритцером, внесшими наибольший вклад в разработку теории общества потребления, многие социологи считают, что наращивание уровня потребления, конкуренция за превращение потребительских товаров в знаки престижного образа жизни, вытеснение традиционных форм коммуникации между людьми рекламным дискурсом определяют характер современной социальной организации. Информация и коммуникационные сети являются лишь средствами продвижения товаров, брендов, стандартов потребительского поведения.

Информационное общество и общество потребления — это две альтернативные модели одного и того же типа социальной организации. Данные концепции представляют разные точки зрения на развитое индустриальное общество, находящееся в состоянии перехода к постиндустриальному типу социальной организации.

Представленная типология обществ выявляет важные характеристики социальной организации явлений, возникающих в процессе совместной жизни людей. Но такая типология является описательной и оставляет нере-

шенными существенные для социологии вопросы. Почему различные аспекты жизнедеятельности людей — технологический уклад, ценности и нормы, формы взаимодействия, способы поселения — взаимосвязаны и образуют общество как исторически и логически определенную целостность? Почему общество организует и обуславливает практически все стороны существования человека, но при этом принимает в разные эпохи и у разных народов столь разные формы? Ответы на эти вопросы дают различные концепции общества. *В современной социологии существуют два основных конкурирующих подхода к изучению общества: в рамках первого из них общество рассматривается как система, в рамках второго — как дискурс.*

4.3. Общество как система

Понятие системы в социологии

Наиболее распространенным в социологии и других социогуманитарных дисциплинах является рассмотрение общества как системы. Вообще в науке под системой понимается внутренне дифференцированная упорядоченная целостность. Основанием для применения понятия системы к обществу является проявление свойств системности в жизнедеятельности людей. При наблюдении за совместной жизнью людей обнаруживаются три ее свойства: *упорядоченность, дифференцированность, устойчивость.*

Взаимодействия людей образуют комплексы стандартизированных действий, которые соотносятся в большей мере с социальным статусом, чем с индивидуальными чертами (физическими, интеллектуальными, психическими и т. д.). Можно выявлять характерные черты взаимодействия родителей и детей, или начальников и подчиненных, или врачей и пациентов, или преподавателей и студентов, абстрагируясь от индивидуальных черт, личных качеств конкретных участников такого рода взаимодействий. Повторяющиеся, предсказуемые связки поступков участников взаимодействия превращают совместную жизнь людей в *социальный порядок.*

В социальном порядке выделяются структурные элементы — специализированные комплексы взаимодействий, в которые индивиды вступают только в определенное время и в определенном месте. Экономика, политика, религия, семья и т. п. являются отдельными сферами общественной жизни, которые индивиды различают, и эта *дифференциация* определяет характер их поступков в той или иной ситуации.

Стандартизированные комплексы взаимодействий могут оставаться неизменными на протяжении жизни нескольких поколений, а могут в результате революций или реформ меняться неоднократно на протяжении жизни лишь одного поколения. Это значит, что социальный порядок функционирует

и изменяется по собственной логике, отличной от логики индивидуальной жизни человека, что социальный порядок *устойчив* по отношению к индивидуальным жизненным циклам и переменам.

Три отмеченные черты — это свойства системности, позволяющие использовать в описании и анализе общества общенаучный системный подход. Основными понятиями системного подхода являются:

- система и окружающая среда;
- элементы, функции, структура;
- подсистемы, обмен внутри системы и с окружающей средой;
- адаптация, саморегуляция, равновесие.

Условиями сохранения и воспроизводства системы являются:

- 1) *адаптация системы к окружающей среде*, т.е. система должна приспосабливаться к особенностям внешних по отношению к системе, но влияющих на ее существование явлений и процессов;
- 2) *саморегуляция системы*, т.е. при изменении окружающей среды внутри системы должны производиться целенаправленные изменения, вновь адаптирующие систему;
- 3) *интеграция элементов системы*, т.е. между элементами внутри системы должны поддерживаться связи, обеспечивающие их согласованное функционирование;
- 4) *стабилизация структуры системы*, т.е. при достижении системой состояния адаптированности к окружающей среде установившиеся связи между элементами и режим их функционирования должны воспроизводиться в неизменном виде, пока неизменны внешние условия.

В зависимости от того, как именно трактуются условия сохранения социальной системы, ее функциональные элементы и образуемые ими структуры, в социологии можно выделить разные модели общества как системы.

Марксистская модель общества

Марксистская модель строится на представлении об обществе как системе отношений, складывающихся на основе способа производства материальных условий существования человека.

Общество в целом — это исторически сложившаяся совокупность отношений, которые образуют различные структуры — экономическую, политическую, правовую, семейную и т.д. То есть общество рассматривается К. Марксом и его последователями как система. Базис социальной системы образуют производственные отношения, т.е. социальные отношения, возникающие в процессе производства. Производство Маркс называл процессом «обмена

веществ» между обществом и природой. Экономика, таким образом, обеспечивает адаптацию социальной системы к природным условиям и поэтому является определяющей подсистемой общества, а структура других подсистем и процессы в них детерминируются экономическими отношениями и процессами. Политические, правовые, семейные, религиозные и иные отношения, а также способы осознания и оценки людьми этих отношений образуют надстройку над экономическим базисом. Таким образом, марксистская модель общественной системы предполагает в качестве главного принципа ее существования иерархию подсистем (см. рис. 2.2).

Устойчивость системы также обеспечивается на основе иерархии. Система стабилизируется экономическим, политическим и идеологическим господством класса собственников средств производства, т.е. экономически значимых ресурсов. Главная функция господствующего класса — организация материального производства и контроль над распределением его результатов. Но господствующее положение в экономических отношениях приводит и к господству в отношениях других типов. Политические структуры — государство, официально признаваемые партии и движения — создаются и функционируют в соответствии с материальными, т.е. экономическими, интересами класса собственников. Наиболее распространенная и проводимая через науку, образование, религию идеология — идеи, способы осмысления существующего социального порядка — также является отражением материальных интересов господствующего класса. Материальные интересы подчиненного класса — работников, лишенных собственности на экономически значимые ресурсы, — находят выражение в создании маргинальных политических организаций и идеологий, которые не получают широкого признания и поддержки даже среди масс, представляющих подчиненный класс.

Все отношения в обществе выстраиваются в соответствии с интересами и представлениями, характерными для господствующего класса, а политическая власть и идеологическое влияние обеспечивают заинтересованное участие эксплуатируемых классов в сложившихся отношениях и даже поддержку ими существующего порядка.

Саморегуляция социальной системы происходит в процессе классовой борьбы. В форме классовой борьбы происходит развитие социальных отношений внутри системы. Это борьба внутри установившейся структуры производственных отношений и классовой структуры за изменения в условиях труда и за перераспределение результатов производства. Классовая борьба, обусловленная противоположностью экономических интересов двух основных социальных классов, приобретает форму борьбы политической (в виде организации противоборствующих партий и движений) и идеологической (в виде пропаганды альтернативных идей о справедливом устройстве общества). Целенаправленные усилия противоборствующих сторон приводят к изменениям

социальных структур, новый вид которых отражает существующий баланс сил между основными социальными классами.

Социальная система устойчива до тех пор, пока не разовьются принципиально новые *производительные силы*, т. е. пока не появятся новые технологии и новые ресурсы, использованию которых существующие производственные отношения, закрепленные юридически и оправдываемые идеологически, препятствуют. С развитием принципиально новых производительных сил внутри системы производственных отношений формируется новый, альтернативный существующему базис и начинается социальная революция — процесс вытеснения новыми производственными отношениями и новой классовой структурой старых отношений и структур. Социальная революция протекает как классовая борьба иного типа. Это конфликт сторонников старого образа жизни, олицетворяемого старым господствующим классом, и сторонников нового образа жизни, представляющих новый класс — класс собственников новых средств производства. Социальная революция завершается с созданием новой надстройки — новых систем государственной власти, законодательства, образования, новых форм идеологии, соответствующих новому базису.

В марксистской модели общества как системы экономическая подсистема является доминирующей, определяющей. Политическая подсистема в своем функционировании зависима от экономической подсистемы. Культура сводится к идеологии и формам сознания, отражающим логику функционирования социальных институтов. Такая иерархическая модель соответствует характеру раннего индустриального общества, но в применении к изучению позднейиндустриального и постиндустриального типов социальной организации марксистская модель требует существенного пересмотра.

Структурно-функционалистская модель общества

Структурно-функционалистская модель строится на представлении об обществе как системе норм, регулирующих человеческое действие. Совокупности норм, регулирующих действия людей в определенной сфере жизни, образуют специализированные подсистемы.

В представлении Т. Парсонса и его последователей подсистемы общества — экономическая, политическая, социальная, культурная — выполняют специфические функции. Подсистемы в равной мере важны для воспроизводства системы в целом; отношения между подсистемами определяют процессы взаимообмена и взаимовлияния между ними (см. рис. 2.1).

Экономика — это система норм, которая выполняет функцию адаптации (А), обеспечивая людей средствами к существованию. Если экономика функционирует неэффективно, то люди не будут обеспечены тем, что им необходимо для жизни, и будут игнорировать установленные социальные нормы и вступать друг с другом в конфликт из-за дефицитных ресурсов. Тем самым

социальная система, не адаптированная к физическим потребностям человека, который в структурно-функционалистской модели общества относится к окружающей среде, распадается и социальный порядок сменяется «войной всех против всех»².

Политика — это подсистема общества, выполняющая функцию целедостижения (G), обеспечивая принятие решений и управление деятельностью людей. Саморегуляция социальной системы осуществляется путем принятия общественно значимых решений и соответствующего этим решениям управляемого изменения структур внутри системы.

Право и социальные общности образуют социетальную (англ. *societal* — общественный, относящийся к обществу в целом) подсистему, которая выполняет функцию интеграции (I), обеспечивая скоординированность и бесконфликтность действий людей. Разделение труда между различными социальными общностями делает их взаимозависимыми и поэтому способствует кооперации между людьми, принадлежащими к разным общностям, а определение при помощи юридических норм прав и обязанностей соответственно статусу и действиям индивидов обеспечивает справедливое распределение благ и, как следствие, принятие людьми всей системы экономических, политических и иных норм.

Образование и семья входят в подсистему, которая выполняет в современном обществе функцию поддержания образца (L), обеспечивая передачу от поколения к поколению принятых форм и способов деятельности. Стабильность структуры социальной системы, находящейся в состоянии адаптивности к окружающей среде, поддерживается постольку, поскольку люди, усвоившие в процессе воспитания и обучения социальные нормы, привержены им как ценностям.

В структурно-функционалистской модели общества как системы все подсистемы одинаково важны для воспроизводства социального порядка. Ни одна из подсистем не является доминирующей. Однако можно отметить, что в данной модели четко определены функции лишь экономической и политической подсистем. Прочие социальные институты и социальные структуры могут включаться в разные функциональные подсистемы, поскольку их роль в воспроизводстве социальной организации не столь очевидна. Модель функциональной дифференциации множества институтов и структур хорошо отражает устройство развитого индустриального общества. Однако перераспределение функций между подсистемами — например, в результате роста влияния СМИ и новых средств коммуникации, уменьшения в обществе числа функций, выполняемых традиционной семьей и религией, — требует посто-

² Это выражение было введено в социальное познание еще в XVII в. английским философом Томасом Гоббсом в его трактате «Левиафан» и характеризует гипотетическое дообщественное состояние человечества.

янного пересмотра структурно-функциональной модели по мере становления постиндустриального общества.

Несмотря на различия в понимании общества как системы, и марксистская, и структурно-функционалистская модель исходят из того, что системная интеграция и функциональная дифференциация — это основные социальные процессы. Элементы системы выполняют определенные функции и потому обособляются друг от друга, но поскольку элементы зависят от выполнения другими элементами их функций, между ними устанавливаются отношения взаимообмена и взаимозависимости. Помимо функций, в системе могут возникать и дисфункции, т. е. нарушения равновесия, дестабилизация структуры, что ведет при накоплении дисфункциональных элементов в системе к ее трансформации. Дисфункциональные в прежней системе элементы становятся функциональными в новой системе, и таким образом равновесие социальной системы восстанавливается на новой ступени развития общества. Например, такие элементы экономической и политической структур, как свободное предпринимательство и демократические свободы, были дисфункциональны в феодальном обществе и так называемом социалистическом обществе. Поэтому предпринимательство и демократия всячески ограничивались и подавлялись, но подспудно развивались и находили поддержку всё большего числа людей, что предопределило переход к буржуазному / капиталистическому обществу.

Подход к обществу как системе предполагает, что существует объективная и поэтому универсальная (для всех эпох и народов) логика социальной организации. Нефункциональные элементы отторгаются системой, поэтому общество везде и всюду выстраивается как наиболее эффективный в данных условиях социальный порядок. Вместе с тем подход к обществу как системе недооценивает роль культуры, ценностных ориентаций и традиций.

4.4. Общество как дискурс

Понимание общества как системы или как феномена культуры предполагает, что общество — это объективная реальность. Этой точке зрения противостоит концепция общества как дискурса. Понятие дискурса в социологии утвердилось благодаря феноменологической социологии и постмодернистской социальной теории.

Социальная теория есть система суждений, встроенная в общий социальный дискурс, поэтому реальное значение той или иной социальной теории можно выяснить, определив ее место в этом общем социальном дискурсе и ее функции.

Социальная теория строится на основе фундаментального образа социальной реальности, ее внутреннего проекта, выраженного основной метафорой, «демонстрирующей» нам «природу» индивида и общества. Традици-

онная, связанная с позитивистским мышлением социальная наука в качестве такой базовой метафоры располагает образом организма-системы или машины. Этот метафорический проект позволяет продуктивно использовать субъектно-объектную конструкцию в социальном мышлении, порождающем «объективные» описания «объективных» социальных «объектов», но испытывает серьезные затруднения при описании процессов и связи субъективных структур с социальными объектами. Наличие в языке этих теорий таких понятий, как «консенсус», «солидарность», «коллективные представления» и т. п., не снимает эти затруднения.

Направление в социальной науке, которое обычно рассматривается как теоретическая альтернатива позитивистскому мышлению, — «понимающая социология» и ее версии (коммуникативная теория общества) — в качестве базовой метафоры общества предлагает деятельность, социальное взаимодействие индивидов, основанное на объективированном смысле. Деятельность, как фундамент существования социальной реальности, в этих теориях стремится приобрести статус «объективной деятельности». Объективный характер деятельности выражает понятие практики, субъектом которой выступает общество в целом, а индивид становится социальным, только принимая эту практику и включаясь в нее, что в значительной степени сближает эти два на первый взгляд альтернативных способа социального мышления.

Существует еще одна перспектива построения «общей теории» социальной реальности. Основой такой теории может служить теория постмодерна, в которой в качестве базовой метафоры общества выступает дискурс, или феноменологическая социология, в которой социальная реальность возникает в процессе социального конструирования, порождающей символической практики.

Социальная реальность, в отличие от физической реальности, которая логически нейтральна (смысл и значения в нее привносит теория), основана и структурирована смыслом. Она организована на основе принятых значений, которые индивид использует в качестве схемы интерпретации и объяснения этого мира. Индивид действует и взаимодействует, не ориентируясь на некие «социальные объекты», а на основе «объективной» интерпретации социального мира, т. е. людей, ситуаций и пр. Система «объективной» интерпретации существует не как система социальных понятий, а как язык, или дискурс. Дискурс образует достаточно прочное целое, организован в систему, которая выступает для индивида как условие его деятельности (объективное по форме, так как сложилось без его непосредственного участия, но включенное в его деятельность как субъективный момент, так как он именно так «понимает» и социальный мир, и значение, и мотивы своих действий). Дискурсивный анализ общества в теории постмодерна показал, что социальная наука сама является дискурсивной практикой. Поэтому дискурс в этой теории является и «объектом» исследования, и методом.

«Номиналистская» интерпретация общества предполагает, что «общество» — это конструкт сознания. Люди называют обществом свою совместную жизнь, приписывают повторяемость, регулярность взаимодействий принуждающей или побуждающей силе общества. В результате люди живут и действуют так, как будто общество действительно существует как объективная реальность. «Общество» как конструкт сознания воспринимается людьми в повседневной жизни как объективная реальность потому, что этот конструкт создается не субъективно. Общество интересубъективно, т. е. оно конструируется людьми сообща, хотя и непреднамеренно. Представления об объективности/реальности «общества» — это естественная установка обыденного сознания. Всеохватность общества и единство разных составляющих его частей — экономики, политики, культуры и т. п. — возникают, поскольку люди, стремясь к упорядочению своего опыта и рациональной организации своих взаимодействий, определяют самые разные феномены как проявления «общества» — порядка, который им известен и понятен. Воспроизводство «общества» происходит в процессе повседневного и научного обсуждения проблем совместной жизни и взаимодействия индивидов. Постоянно возобновляемые и развиваемые дискурсы превращают естественную установку сознания на реальность общества в обоснованное и разделяемое множеством людей знание о том, что такое общество и каково оно на самом деле. Социологический дискурс — важная часть этого воспроизводства общества. Такова в общих чертах феноменологическая модель общества.

Феноменологическая и постмодернистская теории, представляющие общество как дискурс, выглядят экстравагантными по сравнению с теориями, представляющими общество как рациональную систему или как культурную традицию. Однако все концепции общества выявляют различные аспекты социальной организации, социальной обусловленности явлений и потому не исключают, а скорее дополняют одна другую.

Концепция общества как дискурса становится актуальной по мере перехода к постиндустриальному обществу, в котором роль массовых организаций и движений снижается и велика роль коммуникаций и символических реальностей, создаваемых индивидами и сообществами. Теоретики-постмодернисты подметили характерную тенденцию: чем меньше современные люди вовлечены в реальное функционирование общества через взаимодействия в рамках социальных институтов, массовых организаций и движений, тем интенсивнее распространяются в коммуникационных сетях дискурсы, предметом которых являются общество как целостность и его компоненты.

В современном мире реальность общества прежнего типа поддерживается скорее усилиями СМИ и других средств коммуникации, нежели индивидами в их повседневной жизни. Жизнь людей в современном обществе предельно индивидуализирована, включенность в большие социальные группы во всё большей степени принимает символическую форму. Поэтому постмодернист-

ская концепция, предполагающая, что дискурс общества был выработан как инструмент социальной организации индустриального типа, а теперь утрачивает свое значение и должен смениться другим дискурсом, выглядит по меньшей мере перспективной гипотезой.

Контрольные вопросы

1. Как в социологии определяется понятие «общество»?
 - А) совокупность людей, проживающих на определенной территории в данный исторический период
 - Б) исторически сложившийся тип социальной организации явлений и процессов
 - В) исторически сложившаяся совокупность форм взаимодействия между людьми
2. Какой сектор экономики доминирует в обществе постиндустриального типа?
 - А) промышленность
 - Б) сельское хозяйство
 - В) сфера услуг
3. Кто из социологов развивал концепцию общества потребления?
 - А) Ульрих Бек
 - Б) Дэниел Белл
 - В) Жан Бодрийяр
4. Какие функции должны выполняться в социальной системе для обеспечения ее существования?
 - А) адаптация, саморегуляция, интеграция, стабилизация структуры
 - Б) адаптация, интеграция, генерализация, легитимация
 - В) адаптация, саморегуляция, социализация, стабилизация
5. Какая теоретическая модель представляет общество как систему?
 - А) феноменологическая
 - Б) марксистская
 - В) интеракционистская
6. Какая теоретическая модель представляет общество как дискурс?
 - А) феноменологическая
 - Б) интеракционистская
 - В) структурно-функционалистская

7. В каком обществе главную роль в формировании социальных норм играют семья и религия?
 - А) в первобытном обществе
 - Б) в традиционном обществе
 - В) в модернистском обществе
8. Какое общество характеризуется ценностным релятивизмом?
 - А) модернистское
 - Б) индустриальное
 - В) постмодернистское
9. Какого типа общество предоставляет широкие возможности для изменения статуса и принадлежности к разным общностям?
 - А) массовое общество
 - Б) сетевое общество
 - В) постиндустриальное общество
10. Индикатором какого типа общества является господство аграрных технологий?
 - А) индустриального
 - Б) доиндустриального
 - В) постиндустриального

Задание для самостоятельной работы

Руководствуясь описанием исторических типов обществ, приведенным в этой главе, дайте характеристику общества в России в начале XXI в. с точки зрения (1) доминирующих технологий и структуры занятости, (2) господствующих ценностей и норм, (3) форм социального взаимодействия, (4) форм расселения. Обоснуйте отнесение общества в России к тому или иному типу. Сформулируйте аргументы за и против суждения о том, что общество в России принципиально отличается от общества в странах Запада (Европе и Северной Америке). Необходимые для анализа эмпирические данные возьмите в разделе «Официальная статистика» на сайте Федеральной службы государственной статистики (URL: www.gks.ru).

Темы рефератов (докладов)

- ✓ Понятие общества в теории социальных систем (по работам Т. Парсонса и Н. Лумана)
- ✓ Информационное общество в прогнозах и в реальности (по работам Д. Белла и М. Кастельса)

- ✓ Сравнительный анализ марксистского и структурно-функционалистского взглядов на общество
- ✓ Экономика или культура? (основания постиндустриального общества)
- ✓ Основные черты общества потребления в современной России

Список дополнительной литературы по теме

- Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество / пер. с англ. М.: Academia, 2004.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности / пер. с англ. М.: Academia-Центр, 1995.
- Бодрийяр Ж. Общество потребления / пер. с фр. М.: Республика, 2006.
- Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М.: Прогресс, 1990.
- Гидденс Э. Устроение общества / пер. с англ. М.: Академический Проект, 2005.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. М.: Наука, 1991.
- Иванов Д. В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002.
- Кастельс М. Информационная эпоха / пер. с англ. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000.
- Луман Н. Социальные системы / пер. с нем. СПб.: Наука, 2003.
- Маркс К. Социология: сборник / пер. с нем. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.
- Маркузе Г. Одномерный человек / пер. с англ. М.: АСТ, 2003.
- Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1997.
- Сорокин П. Социальная и культурная динамика / пер. с англ. СПб.: Изд-во РХГУ, 2000.
- Уэбстер Ф. Теории информационного общества / пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 2004.
- Теория общества: сборник / под ред. А. Ф. Филиппова. М.: Канон-Пресс-Ц, 1999.
- Тённис Ф. Общность и общество / пер. с нем. М.: Фонд «Университет», 2002.

Глава 5

МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И КОММУНИКАЦИИ

В своей повседневной жизни люди, намереваясь что-то сделать, очень редко задумываются о том, как их поступки связаны с социальной организацией в целом, т.е. с обществом. Общество — это *социологическая* модель, которая раскрывает общий характер, общую направленность деятельности, совместной жизни множества людей. В каждой единичной ситуации люди совершают поступки, ориентируясь не на характер общества, о котором часто не имеют отчетливого представления, а на то, как действуют окружающие, как они оценивают поступки друг друга. То есть социальная жизнь для индивидов — это в первую очередь *взаимодействие*. Но для профессионального социолога ясно, что межиндивидуальное взаимодействие — это *социальное взаимодействие*. В нем проявляет себя общество, которое создается и ежедневно, ежечасно вос создается индивидами в их взаимодействиях друг с другом.

Взаимодействие социально обусловлено, и формы этой обусловленности входят в предмет социологии. Социальная обусловленность взаимодействия раскрывается при ответе на вопросы:

- Как индивиды выбирают то или иное действие в качестве правильного, соответствующего тому, к чему стремятся и что представляют собой они сами и их партнеры по взаимодействию?
- Как индивиды, взаимодействуя, образуют группы, которые отличаются одна от другой по характеру взаимодействий между их членами?
- Как индивиды приобретают навыки взаимодействия в различных ситуациях и различных группах?

Ответы, выработанные в социологии, заключены в понятии социального взаимодействия и в тесно связанных с ним понятиях социального статуса, социальной роли, социальной группы, социализации.

5.1. Социальные взаимодействия и социальные отношения

Понятие социального взаимодействия является фундаментальным для многих социологических теорий, в которых оно обозначает элементарное социальное явление и служит для раскрытия социальной обусловленности поступков индивидов. Несмотря на все разнообразие подходов к рассмотрению социального взаимодействия, этому феномену можно дать общее определение.

Социальное взаимодействие — это процесс взаимной координации несколькими людьми своих поступков.

По типу координации поступков можно выделить три формы социального взаимодействия: *поведение, обмен действиями, отношение*.

Социальное поведение — это последовательность поступков, являющихся простыми реакциями индивида на стимулы, исходящие от социального окружения — других людей, созданных ими объектов и ситуаций. Стандартные связки стимулов и реакций закрепляются воспитанием в качестве обязательных и само собой разумеющихся поведенческих образцов (паттернов (англ. *patterns*)), являющихся своего рода «социальными рефлексами», которые обеспечивают спонтанную скоординированность поступков различных людей (ответ на приветствие, остановка по красному сигналу светофора и т. д.).

Обмен действиями предполагает координацию поступков на основе смысла, вкладываемого в них участниками взаимодействия, которые сознательно стремятся совершать действия, соответствующие действиям друг друга. Различие между поведением и обменом действиями ввел выдающийся немецкий социолог Макс Вебер, который писал, что поведение реактивно, а действие осмысленно. Социальным действием Вебер называл такое, которое по предполагаемому действующим индивидом смыслу соотносится с действиями других людей и ориентировано на них. По степени осмысленности и в зависимости от того, какой смысл связывается с действием, им были выделены четыре типа социального действия:

- 1) целерациональное — определяемое сознательным соотношением целей, средств и возможных последствий совершаемого поступка;
- 2) ценностнорациональное — основанное на вере в безусловную ценность (этическую, религиозную, эстетическую и т. п.) совершения определенных поступков, независимо от их последствий;
- 3) традиционное — основанное на длительной привычке совершать определенные поступки;

- 4) аффективное — обусловленное сильными переживаниями — эмоциями страха, гнева, любви и т. п.

Веберовская типология социального действия предвосхитила появившиеся позднее и закрепившиеся в современной социологии теоретические модели социального взаимодействия: модели социального обмена и рационального выбора, модель символического интеракционизма, феноменологическую модель.

Модели социального взаимодействия

Скоординированность поступков различных людей обеспечивается общностью смысла, придаваемого ими действиям друг друга. Объяснения того, как возникает эта общность смыслов, даются в альтернативных теоретических моделях социального взаимодействия.

Модель социального обмена и близкая к ней модель рационального выбора строятся на идее, состоящей в том, что смысл действия задается расчетом баланса выгод и ущерба, ожидаемых в результате его совершения. Каждый участник взаимодействия получает выгоду в результате действий других участников и, в свою очередь, совершает действия, приносящие им выгоду. В качестве выгод рассматриваются как материальные, так и нематериальные, символические блага — знаки уважения, престижа, положительные эмоции и т. п. Совершение индивидами поступков, полезных для других людей, объясняется наличием у индивидов ожиданий, т. е. устойчивых представлений о том, что в ответ на свои действия они получают пользу от действий других людей.

Поскольку каждый из участников взаимодействия руководствуется оценкой полезности своих и чужих действий, смысл поступков для них примерно одинаков и они выстраивают взаимодействие как обмен. Ввиду того что индивиды стремятся поддерживать, постоянно возобновлять те взаимодействия, которые приносят выгоды, и избегать невыгодных взаимодействий, формируются устойчивые межиндивидуальные связи. Если же индивид не получает в процессе взаимодействия ожидаемого вознаграждения, то он/она стремится совершить демонстративно агрессивное действие, и результат такого действия становится для него/нее более ценным, чем неполученное вознаграждение. Это агрессивное действие служит сигналом партнерам по взаимодействию, что они неверно оценивают баланс выгод и затрат усилий, и побуждает их восстановить нормальное взаимодействие. Но если сами принципы расчета, т. е. ценностные ориентации участников взаимодействия, сильно различаются, то, согласно теории социального обмена, индивиды не могут скоординировать поступки: взаимодействие оказывается невозможным. Таким образом, модель социального обмена (как и модель рационального выбора) хорошо описывает и объясняет только взаимодействие участников, при-

мерно одинаково оценивающих определенные поступки, т. е. принадлежащих к одной культурной общности.

Взаимодействие людей, принадлежащих как к одной, так и к разным культурным общностям, концептуализируется в модели символического интеракционизма (т. е. взаимодействия — англ. *interaction*), которая основывается на следующей идее: смысл действия формируется в самом процессе взаимодействия его участниками, интерпретирующими символическое значение каждого поступка. Взаимодействуя между собой, индивиды постоянно определяют и переопределяют значения действий друг друга в зависимости от развития ситуации и ориентируют свои последующие действия на эти значения. Поскольку скоординированность поступков разных людей достигается, только если они истолковывают действия партнеров так, как те планировали, совершая эти действия, то взаимодействие протекает как процесс обоюдного управления впечатлениями. Каждый поступок совершается как жест, символизирующий намерения действующего индивида и его / ее ожидания в отношении ответных действий.

Модель символического интеракционизма позволяет адекватно описывать и объяснять межиндивидуальные взаимодействия в ситуациях, допускающих возможность различных интерпретаций. Однако эта модель предполагает рефлексивность, постоянное сознательное отношение индивидов к своим и чужим действиям, а в повседневной жизни люди часто действуют спонтанно и по привычке, поскольку воспринимают ситуации взаимодействия не как открытые для различных интерпретаций, а как однозначные — «само собой разумеющиеся».

Взаимодействие в привычных повседневных ситуациях концептуализируется в феноменологической модели, в основе которой лежит предположение, что смысл действия задается типовыми интерпретациями, сформировавшимися на основе предшествующего опыта участников взаимодействия. Люди действуют автоматически, поскольку они, практически не задумываясь, наделяют ситуации смыслом, типичным для их жизненного опыта. Общность и устойчивость смыслов, придаваемых ситуациям взаимодействия, упорядочивает эти ситуации и в представлении участников взаимодействия превращает смыслы в объективную реальность — в мир «как он есть». Индивиды действуют на основе интерпретаций и при этом исходят из естественной установки, в соответствии с которой они имеют дело не с интерпретациями, а с реальными явлениями.

Реальность социально конструируется — хотя и большей частью непреднамеренно — людьми, придерживающимися общепринятых способов интерпретации как очевидных, естественных. Взаимодействуя, индивиды приписывают друг другу типичные мотивы, варианты которых заданы их собственным жизненным опытом. Такая взаимная типизация служит основой согласованности, координации поступков постольку, поскольку смысл явлений, зало-

женный в типизациях, истолковывается одинаково разными людьми. Единство интерпретации обеспечивается общностью жизненного мира индивидов. Жизненный мир не является объективной реальностью, поскольку он образован переживаниями, опытом, типизациями, но он не является и субъективным миром индивидуального сознания. *Жизненный мир — это интерсубъективная реальность, в которой все явления понятны, потому что знакомы.*

Интерсубъективность вещей и событий обеспечивает одинаковость их интерпретаций и, как следствие, бесперебойность взаимодействия. Таким образом, социальное взаимодействие на основе типизаций и социального конструирования реальности возможно, только если участники взаимодействия разделяют один жизненный мир. Если они принадлежат к разным культурным общностям и взаимодействуют недавно, т. е. еще не сконструировали общую для них реальность, то взаимодействие становится проблематичным.

Каждая из рассмотренных выше трех моделей социального взаимодействия как обмена осмысленными действиями оказывается эффективным средством описания и объяснения применительно к разным случаям взаимодействия. Например, модель социального обмена хорошо работает при изучении ситуаций, в которых ясно заданы критерии оценки поступков и участники взаимодействия знают их. Таковым является взаимодействие сотрудников организации на рабочем месте, когда затрачиваемые усилия и поощрения заданы правилами организации и сложившимися в коллективе традициями. Еще более очевидным случаем социального обмена является взаимодействие в ситуации, где выгоды определяются рыночной ситуацией. Примерами могут служить взаимодействие продавца и покупателя или сотрудника компании, общающегося с клиентом.

Модель символического интеракционизма хорошо работает на материале, относящемся к общению между представителями разных этнических или профессиональных общностей, для которых даже одни и те же слова и жесты могут иметь разное значение. В современных крупных городах частыми являются взаимодействия выходцев из разных стран и регионов, а также людей, принадлежащих к разным городским субкультурам. От их умения интерпретировать символическое значение поступков других людей зависит не просто успешность, но бесконфликтность взаимодействий.

Феноменологическая модель эффективна при изучении взаимодействий членов одной давно сложившейся группы, которые понимают друг друга с полуслова и «полужеста», привычно «достраивая» их в интерпретации с помощью типизаций. Повседневные взаимодействия между членами семьи, а также взаимодействия внутри давно сложившихся дружеских компаний являются примерами таких взаимодействий.

Модели социального обмена, символического интеракционизма, феноменологическая модель концептуализируют лишь одну из форм взаимодействия — обмен действиями. При обмене действиями индивиды исходят

из определения ситуации и смысла действия. Но в жизни часто бывает, что в разных ситуациях и в ответ на разные действия индивиды действуют одинаково, как будто следуя сценарию. Так происходит, если поступки каждого индивида ориентированы не на ситуацию или содержание действий других участников взаимодействия, а на их принадлежность к той или иной статусной категории. Взаимодействие такого типа называется *социальным отношением*.

Социальное отношение — это более устойчивая форма социального взаимодействия, для которой характерна координация поступков на основе соотнесения их с общественным положением участников взаимодействия. Поскольку участники взаимодействия исходят из соотношения статусов друг друга и стараются привести свои поступки в соответствие с этими относительно устойчивыми позициями, взаимодействие приобретает характер устойчивых, т. е. повторяющихся от ситуации к ситуации связей взаимно ориентированных поступков. Так складываются отношения сотрудничества, конкуренции, конфликта, власти и подчинения и т. д. Социальные отношения — это взаимодействия, структурированные сложившейся в обществе системой статусов, т. е. системой распределения прав и обязательств, ресурсов для совершения действий и правил их использования.

Статусно-ролевая регуляция взаимодействия

Ориентируясь на общественное положение, т. е. на статусы участников взаимодействия, индивиды получают возможность действовать в предсказуемой и привычной обстановке, поскольку они взаимодействуют друг с другом как с представителями определенных категорий. Иначе говоря, взаимодействие идет по своеобразному «сценарию», в котором роли участников заранее определены. Статусно-ролевая регуляция взаимодействия основывается на том, что от носителя определенного социального статуса ожидают действий определенного характера.

Общую упорядоченность социального взаимодействия обеспечивают нормативные ожидания. На основе ценностей люди формируют представления о должном поведении. Если поступки индивида совпадают с этими ожиданиями, то они расцениваются как нормальные. Социальные нормы, в отличие от юридических, не фиксируются четко и однозначно. В современном обществе социальные нормы существуют как ожидания и проявляются в качестве интуитивных оценок и ощущения правильности. О существовании и содержании социальных норм можно судить по негативной или позитивной реакции на поступки индивида. Такие реакции называются социальными санкциями. Если поступки индивида согласуются с нормами, он/она получает позитивные санкции — награды, почести, поощрение, одобрение. Если поступки не согласуются с нормами, следуют негативные санкции — наказание,

унижение, порицание. Социальный статус индивида определяется балансом получаемых им санкций.

Социальный статус — это позиция индивида в отношениях с другими людьми, характеризующаяся определенными правами. Под правами понимаются социально признаваемые притязания на материальные и символические блага.

Объем и характер благ зависит от того, каким именно статусом обладает индивид. В современном обществе всё разнообразие благ можно свести к трем главным категориям: богатство, власть, престиж. Именно по обладанию богатством, властью и престижем судят о том, насколько высок или низок статус индивида.

За свою жизнь индивиды приобретают и утрачивают множество статусов. Например, молодой человек является *студентом* в отношениях с преподавателями и сотрудниками учебного заведения, *сыном* в отношениях с родителями, *другом* в отношениях с близкими ему сверстниками. Найдя работу после завершения учебы, он становится *социологом* в отношениях с коллегами и представителями других профессий, сделав успешную карьеру, становится *начальником* в отношениях с сотрудниками, вступив в брак, становится *мужем* в отношениях с супругой и т. д.

Социальные статусы делятся на две категории в зависимости от того, как люди их получают. *Предписанные статусы* определяются оценкой физических свойств человека, его/ее происхождением или теми обстоятельствами жизни, которые человек не выбирает. Статусы сына или дочери, подростка или старика, белого или чернокожего, русского или еврея могут служить примерами предписанных статусов. *Достигнутые статусы* определяются личными успехами, зависят от усилий и способностей индивида. Примерами могут служить статусы студента или профессора, социолога или бизнесмена.

Предписываемость и достигаемость статусов являются относительными характеристиками. Во-первых, система статусов исторически меняется и те статусы, что раньше были исключительно предписанными, становятся делом индивидуального выбора. В современном обществе человек может сменить не только профессию, но и религию, и при желании даже пол, а еще два-три столетия назад род занятий зачастую однозначно определялся происхождением (дворянским, крестьянским, купеческим и т. п.). Во-вторых, многие достигаемые статусы не являются даже в современном обществе абсолютно открытыми для всех людей. Помимо личных способностей и усилий, влияние оказывает происхождение, что проявляется, например, в том, как в среднем складывается жизненный путь детей богатых и образованных родителей и детей из бедных и неблагополучных семей.

Любой статус служит средством идентификации положения индивида в отношениях с другими людьми как носителями статусов и потому определяет характер взаимодействий. Со статусом связаны ожидания соответствующего статусу поведения. Это так называемые ролевые ожидания. Понятие «роль» («социальная роль») для описания человеческого поведения было введено в широкое употребление американскими учеными Джорджем Гербертом Мидом, Джекобом Морено и Робертом Линтоном в 1930-е годы, хотя немецкий философ и социолог Георг Зиммель употребил выражение «играть роль» в одной из своих работ еще в 1920 г. Американский социолог и психолог Р. Линтон определил социальную роль как «динамический аспект статуса».

Статус — это социальное положение, а социальная роль — это ожидаемое от человека, занимающего данное положение, поведение.

Если индивид своим поведением оправдывает ролевые ожидания, то он подтверждает свой статус, а если он в своих поступках систематически отклоняется от ролевых ожиданий, то утрачивает данный статус. Например, если индивид обладает статусом студента, то от него/нее ожидают посещения занятий и выполнения заданий. Если данная социальная роль исполняется, индивид из семестра в семестр сохраняет статус студента, если же он/она прогуливает занятия и не осваивает учебный материал, то получает низкие оценки и отчисляется из учебного заведения, т. е. утрачивает статус студента.

Социальные статусы — это и результаты, и предпосылки взаимодействия. Координация поступков разных людей достигается во многом потому, что они в своих поступках следуют ролевым ожиданиям и сами, в свою очередь, ориентируются на то, что и другие участники взаимодействия будут исполнять соответствующие социальные роли.

Как носителю множества статусов на протяжении своей жизни индивиду приходится исполнять множество социальных ролей. Ситуация, когда необходимо одновременно оправдывать взаимоисключающие ролевые ожидания, называется ролевым конфликтом. Например, роли начальника и члена семьи предполагают совершенно разную манеру общения с окружающими людьми. Ролевой конфликт создает неопределенность и напряженность в процессе взаимодействия. Поэтому в современном обществе вырабатываются средства его ослабления и разрешения. Ролевой конфликт ослабляется путем разделения ролей во времени и пространстве. На работе индивид исполняет роль начальника, дома — роль члена семьи.

Средством разрешения ролевого конфликта является *ролевой набор статуса* — совокупность ролевых ожиданий, адаптированных к тому статусу, который признается главным, определяющим. В современном обществе

определяющим, как правило, является профессиональный статус. Поэтому при исполнении одной и той же роли родителя совершенно разные ролевые ожидания связываются со статусом работающего и делающего успешную карьеру отца и статусом матери-домохозяйки. Доминирующим, определяющим статусом может быть и гендерный статус, как это бывает в условиях дискриминации женщин, чьи возможности профессионального роста или общественной деятельности ограничиваются, несмотря на способности и заслуги. Определяющим статусом может стать и статус больного/инвалида.

Социальные статусы и социальные роли определяют не только характер взаимодействия, т. е. поступки индивидов, но и круг тех людей, с которыми индивиды вступают во взаимодействие регулярно и чаще, чем с другими. Большая часть взаимодействий индивида приходится на социальные отношения с членами социальных групп, в которые он/она входит.

Социальные группы

На основе постоянного взаимодействия людей возникают социальные группы.

Социальная группа — это общность людей, возникающая в процессе регулярного взаимодействия.

Не всякая совокупность людей является социальной группой. Люди, собравшиеся вместе и даже активно взаимодействовавшие друг с другом непродолжительное время, являются не группой, а социальным агрегатом, — например, публика на стадионе или в театре, толпа на митинге или колонна демонстрантов. Не являются группами и совокупности людей с одинаковым статусом — врачи, бизнесмены, студенты, социологи и т. п. Это статистические категории. Статистические категории и социальные агрегаты могут характеризоваться сходством действий индивидов, входящих в них. Это создает впечатление скоординированности поступков и делает эти совокупности индивидов отчасти похожими на социальные группы. Поэтому иногда в социальной психологии их называют «квазигруппами». Социологический подход предполагает, что, в отличие от социального агрегата (публики, толпы) и статистической категории, социальная группа представляет собой реальное единство, которое характеризуют следующие признаки:

- 1) разделяемые всеми членами группы ценности и возникающие на их основе нормы взаимодействия внутри группы;
- 2) определенная структура, складывающаяся из статусов и ролей внутри группы;

- 3) внешние поведенческие и вещественные атрибуты принадлежности к группе;
- 4) связанные с атрибутами представления о различиях между членами группы и другими людьми — групповое сознание.

Группы делятся на два основных типа: *первичные* (экспрессивные) и *вторичные* (инструментальные).

Для *первичной группы* характерно постоянное личное взаимодействие всех ее членов, эмоциональные связи внутри нее, сильная идентификация ее членов с группой, устойчивость связей. Примерами первичной группы могут служить семья, компания друзей. В первичной группе взаимодействия, общение, личные контакты являются самоцелью. В этих взаимодействиях индивиды формируют и выражают свою идентичность — свое «мы». Индивиды вступают во взаимодействия потому, что для них важно само по себе существование группы и принадлежность к ней. Поэтому диапазон взаимодействий может быть весьма широким: совместная работа, отдых, игра, конфликт и т. д.

Во *вторичной группе*, где невозможно постоянное личное взаимодействие всех ее членов и отношения носят скорее рациональный характер, групповые связи неустойчивы, идентификация с группой слабая. Примерами вторичной группы являются профессиональные коллективы и политические организации. Вторичные группы существуют до тех пор, пока служат для их членов средством, т. е. инструментом достижения целей. Поэтому диапазон взаимодействий внутри группы узкий; обычно взаимодействия сфокусированы на общем деле — работе, бизнесе и т. п. Если взаимодействия между коллегами по работе выходят за эти рамки и становятся более эмоциональными, то это означает, что на основе вторичной группы формируется первичная, но в ней лишь в редких случаях достигается та степень идентификации с группой, которая характерна, например, для семьи.

Индивиды в современном обществе являются одновременно членами множества групп. Некоторые из них являются для индивида *референтными* группами, т. е. он ориентирует свои поступки на нормы, принятые в данной группе. Сильная самоидентификация индивида с группой — даже если он/она не входит в момент взаимодействия в группу, а взаимодействует с представителями других групп — превращает межиндивидуальное взаимодействие фактически в межгрупповое. Например, выбирая себе брачного партнера, человек ориентируется на то, как воспримут его выбор члены семьи; нападая на болельщиков другой спортивной команды, человек стремится не столько лишить чужую команду поддержки, сколько заслужить одобрение своих друзей-фанатов. Таким образом, решающее влияние на процессы взаимодействия за пределами группы оказывают внутригрупповые нормы и идентификация с группой.

В последние 15–20 лет в современном обществе возникла тенденция расширения социальных групп, функционирующих как социальные сети.

Коммуникации, осуществляемые при помощи новых технологий, облегчают взаимодействие с людьми, которые не находятся в непосредственном контакте постоянно. В результате селекции для взаимодействий тех индивидов, которые близки не пространственно и даже не по статусу, а по идентичности, возникает социальная сеть, характеризующаяся преобладанием эпизодических коммуникаций участников над постоянными обменов действиями и социальными отношениями. Результаты исследования, опубликованные американским социологом М. Грановеттером в работе «Сила слабых связей» (1983), показывают, что слабые связи, характерные для социальных сетей, обеспечивают индивиду больше возможностей доступа к необходимым ресурсам — материальным, символическим, человеческим, — чем традиционно считающиеся сильными связи с членами первичных и вторичных социальных групп. Под слабыми связями в социологии понимаются эпизодические социальные взаимодействия и поддерживаемые большей частью дистанционно социальные отношения, тогда как сильными связями считаются постоянные взаимодействия и поддерживаемые в непосредственном контакте социальные отношения между членами социальных групп. Слабые связи в социальных сетях эффективны при поиске работы, потенциальных партнеров по бизнесу, необходимой информации, покупке и продаже вещей на вторичном рынке и т. д.

Значение для современных взаимодействий социальных сетей, построенных на близости по идентичности и на силе слабых связей, можно легко увидеть в том, как много людей и как часто используют такие интернет-сайты, как *Facebook*, *Vkontakte*, *Odnoklassniki*, *Instagram* и т. п. Согласно опросу, проведенному Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в начале 2012 г., интернетом пользовались 55% взрослых жителей России и 82% пользователей интернета имели аккаунты в социальных сетях. Если учесть, что опрашивались только люди в возрасте 18 лет и старше, а наиболее активными пользователями интернет-платформ социальных сетей являются подростки, то реальная доля социальных взаимодействий, осуществляемых в социальных сетях, окажется даже выше.

5.2. Социологические модели коммуникации

В обществах, насчитывающих десятки и сотни миллионов участников, целостность не может быть обеспечена непосредственными контактами. Функцию объединения в целостность здесь выполняют печатные тексты (книги, журналы, учебники), а также электронные средства массовой информации (радио, телевидение) и коммуникации (интернет наряду с традиционной почтовой связью и телефонией). Это повышает значимость понятия коммуникации для социологического описания общества и отношений в нем. Понятие коммуникации используется в социологии с начала 1920-х годов, однако долгое

время оно оставалось на втором плане, а доминировали понятия социального действия и социального взаимодействия. Коммуникация отличается от взаимодействия не только безразличием к местонахождению участников, но и по существу.

В теоретической социологии сложились две точки зрения на существо коммуникации. Первая состоит в ее отождествлении с социальным действием и зафиксирована в названии фундаментального труда немецкого социолога Юргена Хабермаса «Теория коммуникативного действия» (1981). Этот труд представляет собой обобщение теорий действия начиная с теории М. Вебера и кончая концепцией драматургического действия И. Гофмана. Вывод Хабермаса состоит в том, что коммуникативное действие является общей основой всех остальных типов действия, так как коммуникация пронизывает их все. В его теории делается акцент на «действии», а не на существовании коммуникации, под которой понимается общение. В ней не ставится вопрос о различии коммуникации и действия.

Вторая точка зрения связана с различием этих понятий и явлений. Она восходит к идеям русского социолога Питирима Александровича Сорокина (1889–1968), высказавшего их в небольшой работе «Символы в общественной жизни» (1913). Сорокин писал, что мысль идеальна, а не материальна. В то же время она не менее реальна, чем материальные предметы. Она невещественна, неосвязаема, но можно передать ее, облачив в материальные «одежды». Такими, по Сорокину, являются слова и язык в целом, письменность, язык телодвижений. Всё это — материальные знаки мыслей.

Сорокин, во-первых, выявил информационное содержание коммуникации, а во-вторых — указал на отличие последнего от материальных носителей коммуникативных сообщений. Очень близко к таким результатам подошел Джордж Герберт Мид. Он указал на следующий факт: акустическая среда звуков такова, что речь говорящего охватывает не только слушателей, но и самого говорящего, создавая тем самым ситуацию взаимодействия, в основе которой — коммуникативный процесс.

Новый шаг в развитии понятия коммуникации в теоретической социологии сделан американским социологом Талкотом Парсонсом в его учении о генерализованных (обобщенных) средствах коммуникации. В этом учении заметно влияние идей П. Сорокина о символической природе коммуникации и о материальных «проводниках взаимодействия».

Согласно Парсонсу к генерализованным средствам (медиумам) коммуникации, помимо языка, относятся такие особенные находки социокультурной эволюции (изобретения), как:

- деньги, обеспечивающие коммуникацию в экономике;
- власть, служащая отношениям «обмена» в политике (хорошее управление «обменивается» на политическую лояльность граждан);
- мораль в межличностных отношениях.

Каждое из этих средств обеспечивает коммуникацию посредством встроенного в него бинарного кодирования, т. е. за счет возможности сформулировать коммуникативное обращение по типу «да» или «нет». Примерами могут служить платежи/неплатежи в экономических связях или нахождение во власти либо в оппозиции в политической коммуникации.

Немецкий социолог Н. Луман соглашается с теорией генерализованных средств коммуникации и развивает ее в социологическую концепцию коммуникации, представляющую собой новый взгляд на нее. В книге «Социальные системы» (1984) он продолжил разработку тезиса о различении сообщения и действия по его передаче. В этом процессе коммуникация обладает свойством рефлексивности (сама себя наблюдает), так как коммуникативные системы относятся к особому классу систем — это наблюдающие системы. В этом состоит важное отличие коммуникации от действия, которое не всегда сопровождается самонаблюдением.

Если до Лумана, как правило, считалось, что социальные системы состоят если не из людей, то хотя бы из их действий (люди входят в систему через действия), то он окончательно абстрагировался от таких тезисов, с тем чтобы разработать абстрактное системно-теоретическое понятие коммуникации. Луман ставит вопрос: «Социальная система состоит в конечном счете из коммуникаций или из действий?» и выбирает коммуникацию в качестве основы социологической теории.

Ученый предлагает отказаться от метафорического понимания коммуникации как переноса информации от отправителя к получателю (двухзвенная формула коммуникации). Он отмечает, что метафора переноса не годится, потому что внушает, будто отправитель передает то, что получает адресат. Это неверно уже потому, что отправитель ничего не утрачивает. Все метафоры обладания, владения, отдачи и приобретения, весь метафоризм вещей не подходит для понимания коммуникации. Луман предлагает понимать коммуникацию не как материальный процесс передачи, а как чисто информационный процесс.

В акустической среде речевого общения аналогичный процесс приобретает высокоселективный (избирательный) характер в отношении передаваемого смысла. Коммуникация всегда есть избирательное событие (рис. 5.1). По Луману, коммуникация насчитывает три информационно-селективных звена: 1) информацию, избранную отправителем; 2) сообщение; 3) получателя, следующего в своем поведении полученному сообщению или отклоняющего его. Необычным у Лумана является обозначение отправителя термином *Alter* (Другой), а получателя — термином *Ego* (Я).

В коммуникации всегда используется кодирование сообщений, иначе их невозможно передать с помощью материальных носителей. Сообщение должно удваивать информацию, т. е. доставлять ее получателю и одновременно оставлять ее же у отправителя. Сообщение облакает коммуникацию (например, языковую) в устную или письменную форму. Следует различать кодированные и некодированные события. Кодированные события действуют

Участники коммуникации	
Alter (Другой) ОТПРАВИТЕЛЬ	Ego (Я) ПОЛУЧАТЕЛЬ
Операции селекции	<ol style="list-style-type: none"> 1. Выбор информации 2. Выбор сообщения
	<ol style="list-style-type: none"> 3. Понимание (выбор между ДА или НЕТ)

Рис. 5.1. Модель коммуникация двух участников по Луману

в коммуникативном процессе как информация, а некодированные — как помехи (информационный шум).

Луман утверждает, что, в отличие от действия, коммуникация не требует присутствия ее участников (но не исключает его). Поэтому общество с современными технологиями массовой коммуникации может быть весьма крупным, даже мировым, что невозможно на основе очных контактов. Это приводит к следующему высокоабстрактному коммуникативно-теоретическому определению общества: общество является всеобъемлющей системой всех коммуникаций, воспроизводящей себя аутопойэтически, в то время как она производит все новые (и всё время другие) коммуникации в рекурсивной сети коммуникаций. Термин «аутопойэсис» означает здесь воспроизводство общества только с помощью его же элементов, т. е. коммуникативных операций. Тем самым проводится граница между обществом и окружающим его миром.

Н. Луман считает, что, в отличие от действия, коммуникация не наблюдается непосредственно и может быть раскрыта лишь в теоретическом описании этого процесса. По словам Лумана, чтобы быть доступной наблюдению либо наблюдать себя, коммуникативная система должна быть обозначена как система действия, также и сопутствующий самоконтроль функционирует лишь в том случае, если по сопряженному действию можно судить о наличии либо отсутствии понимания. В то же время коммуникация невозможна без опоры на действие, по которому наблюдатель судит о ней. Однако, по Луману, существует целиком и полностью некоммуникативное действие, через которое коммуникация лишь информирует о себе. Следовательно, социальные системы могут рассматриваться и как системы действия, и как системы коммуникации. Например, взаимодействие можно изучать и как систему действия, и как коммуникативную систему, но для выбора в пользу коммуникации накапливается всё больше оснований.

Из информационной природы коммуникации следует, что она должна быть кодируема и раскодируема, иметь материальных проводников, способных нести информацию о тех или иных смысловых различиях в разных областях коммуникации. Как отмечено выше, впервые этот вопрос был затронут П. Сорокиным при рассмотрении символических проводников социального

взаимодействия и в дальнейшем разработан в учении Т. Парсонса о генерализованных средствах коммуникации.

В социологии Лумана выработано наиболее подробное, но не исчерпывающее описание генерализованных средств коммуникации. Помимо трех парсонсовских средств, он выделил следующие: веру с бинарным кодом «имманентное — трансцендентное» для религии; право с бинарным кодом «правовое — неправовое» для соответствующей подсистемы общества; учащегося, ребенка в системах образования и воспитания с кодом «высокая — низкая оценка успеваемости»; истину с бинарным кодом «истинность — ложность» в науке; недовольство, кодируемое как «озабоченность либо равнодушие» к общественным проблемам — для социальных движений; произведение искусства с кодом «адекватное — неадекватное» для художественной деятельности; для семьи — любовь с кодом «членство — нечленство в семье». Это же средство коммуникации используется и в личных отношениях (код «любит — не любит»). Генерализованные средства коммуникации позволяют изучать взаимодействие на разных уровнях — от двух участников до подсистем обществ и общества в целом.

В современном обществе растет значение удаленной коммуникации по сравнению с очным участием в ситуации. Поэтому разработанная Н. Луманом теоретическая модель коммуникации, основанная на признании за коммуникацией приоритетной по сравнению с действием роли в образовании социальных систем, становится всё более актуальной. Разнообразие социологических моделей взаимодействия и коммуникации отражает многообразие и сложность форм организации совместной жизни людей, с которыми сталкиваются все индивиды. Способность участвовать во взаимодействиях, быть членом группы и быть понятым в процессе коммуникации не дается человеку автоматически. Эта способность, являющаяся необходимой основой социальных взаимодействий, возникает в результате процесса, который в социологии называется социализацией.

5.3. Социализация

Способность к социальному взаимодействию формируется у индивида в процессе *социализации*, в ходе которой усваиваются нормативные и ролевые ожидания, т. е. адресуемые другим людям и проецируемые на себя ожидания поступков, считающихся нормальными для данной ситуации взаимодействия или носителя данного социального *статуса*.

Понятие социализации

Социализация включает в себя структурированный в социальном пространстве и времени процесс активно-избирательного освоения, использования

и созидания индивидами социального опыта. С другой стороны, это процесс интеграции человека в общественную жизнь, в ходе которого индивиды становятся членами социальных групп, субъектами деятельности, личностями, способными выполнять и выполняющими определенные социальные роли. Социализация — это процесс взаимодействия индивида и социальной среды, основное содержание которого состоит в передаче и освоении социального опыта, становлении общественного человека и в конечном счете — воспроизводстве самого общества.

Продукт социализации представляет собой совокупность четырех составляющих: *нового поколения людей* определенных социальных типов; *личности* как живого носителя макро- и микроусловий, в которых и посредством которых индивид реализует свою социальную сущность; человека как *субъекта деятельности*; *индивидуальности* во всём богатстве ее проявления.

В процессе социализации выделяются две составляющие. Первая — *явная социализация*, дифференцированная по признаку осознания целей воздействия на личность. Иначе говоря, это целенаправленные воздействия на формирующуюся личность (объект социализации), которые производятся различными социальными институтами, организациями, коллективами и отдельными лицами, т. е. агентами социализации.

В свою очередь, в процессе явной социализации можно вычленить две стороны. Одна представлена собственно воспитанием, обладающим педагогической целью, необходимыми условиями воспитания, самими воспитанником и воспитателем, а также средствами воспитания. Педагогическая деятельность направлена на нивелирование, уменьшение противоречий между субъективными характеристиками воспитуемого и требованиями, предъявляемыми к нему обществом. В процессе воспитания (как целенаправленного воздействия на воспитуемого) должно происходить и в той или иной мере происходит их приближение к господствующим в данном обществе нормам и образцам поведения, формам деятельности, идеалам, ценностям. Такое развитие личности воспитуемого делает его способным к самостоятельной реализации в качестве полноценного члена общества.

Другая сторона процесса явной социализации представлена внешними воздействиями на формирующуюся личность со стороны различных агентов (исключая сферу собственно воспитательных воздействий), таких как сверстники, друзья, соседи и т. п. В результате подобных воздействий может происходить социализация, приводящая как к позитивным, так и к негативным, осуждаемым, иногда преступным образцам поведения.

Вторая составляющая целостного процесса социализации — это *латентная социализация*. По сути, это совокупность различных влияний, которые испытывает формирующаяся личность, вступая во взаимодействие с объективно существующей системой отношений между людьми, отношений людей с окружающим социальным и предметным миром, т. е. всем тем, что в неко-

торый момент неподвластно людям, не осознается ими, но объективно является фактором развития личности.

Процесс социализации, с любой точки зрения — со стороны общества или личности, — включает в себя как стихийные, так и сознательные моменты. Понятия явной и латентной социализации призваны конкретизировать вопрос о соотношении стихийного и сознательного в этом процессе.

Условия и агенты социализации

Под *условиями социализации* подразумевается вся совокупность природных и социальных объектов, предметов, явлений, событий, существующих в данном обществе. Под *факторами социализации* понимается множественность природных и социальных условий, которые составляют *непосредственную причину*, прямо или косвенно вызывающую изменение, развитие индивида.

Для обозначения социального субъекта (как индивидуального, так и коллективного), прямо или косвенно воздействующего на формирующуюся личность, целесообразным представляется понятие *агента социализации*. Оно применимо как для наименования групп, организаций, институтов, с которыми индивид поддерживает реальные (случайные или устойчивые, временные или постоянные) связи и отношения, так и для фиксации некоторых символических образований, определяющих ориентации индивида, например идеальных героев, референтных групп и т. п.

Понятие «агент социализации» в принципе применимо и для обозначения деперсонифицированных «сил» общества, таких как массовая коммуникация, система образования и др., в силу отчетливо выраженного направленного характера их влияния на личность. Понятие «агент» позволяет в совокупности условий социализации выявить особый ряд общественных сил — группы, институты, организации и отдельные аспекты их деятельности, которые качественно противопоставлены иным условиям социализации — материальным обстоятельствам, общественным событиям, элементам общественного сознания, экологическим условиям, наследственности и некоторым другим.

Направленность воздействий агентов на личность обусловлена не только сознаваемыми целями воспитания, но и лежащими в основе их действий идеологическими, нравственными, эстетическими и иными принципами, идеалами, требованиями, нормами. Как таковые они приводят к более или менее выраженной направленности, «тенденциозности» действий агентов. И этот факт даже более важен, нежели собственно осознаваемые цели воздействия семьи, школы или, например, массовой коммуникации на личность. Направленность действий агентов — это свойство, обусловленное многими другими обстоятельствами и условиями — как объективными, так и субъективными, как общесоциальными, так и сугубо локальными.

Понятие «агент» делает возможным анализ не только целей, но и объективной направленности воздействий социальных субъектов на личность. Несмотря на то что функция социализации реализуется обществом в целом, в силу присущей ему социальной неоднородности способы и средства ее выполнения (техники) могут существенно различаться. Так же не идентичны могут быть и предписания-требования (или нормативы), предъявляемые к индивидам в различных социальных группах. Закономерным следствием этого выступает прерывность процесса социализации и отсутствие согласованности между действиями различных агентов. При этом наряду с несогласованностью, проистекающей из сложности и противоречивости процесса социализации, может иметь место несогласованность, являющаяся результатом незрелости или некомпетентности отдельных ее агентов.

Этапы социализации

Успех социализации находится в прямой зависимости от того, насколько усилия общества учитывают этапы развития личности, насколько это развитие поставлено под контроль общества. В процессе социализации одни качества личности, приобретенные ранее, служат базой, на которой формируются другие свойства. Овладевая различными предметными формами деятельности, индивид переходит от одних социальных ролей к другим, от одних социальных позиций к другим. Процесс социализации расчленяется на определенные отрезки, фазы, в течение которых индивид овладевает социальной ролью (ролями). В процессе социализации происходит перемещение индивидов в различных подсистемах общества: в семье — позиция и роль ребенка, в школе — ученика, в производственном коллективе — профессиональная позиция, в своей семье — позиция и роль супруга и родителя.

Процесс *детской и юношеской социализации*, закладывая некоторые основные, базисные характеристики личности, дает весьма общую подготовку индивида к жизни в обществе. Можно даже сказать, абстрагировавшись в данном случае от многих объективных и субъективных причин, обуславливающих различия опыта социализации каждого конкретного индивида, что процесс *детской и юношеской социализации* обладает известной степенью универсальности. В период *детской и юношеской социализации* индивиды осваивают основные принципы, идеалы, ценности, нормы общества. Но существенной особенностью этой *первичной социализации* является известная абстрактность и умозрительность всей совокупности освоенного опыта.

Процесс *вторичной социализации* полезно разбить на две стадии — социализацию молодежи и взрослых. Для каждого индивида выход из стен школы означает необходимость выбора жизненного пути, прежде всего выбора профессии. Для общества каждый новый выпуск школы — это проблема размещения бывших школьников в различных профессиональных или общеобразо-

вательных структурах, а следовательно, это не только проблема размещения, но и отбора индивидов в разные по значимости социальные структуры.

Когда выбор и отбор произведены и индивиды размещены в конкретных социальных структурах, начинается вторичная социализация, основной составяющей которой составляет профессиональная подготовка. Достаточно общие принципы, ценности, нормы, идеалы, усвоенные в процессе первичной социализации, реализуются, объективируются в процессе чувственно-предметной деятельности; они уточняются, специфицируются, конкретизируются применительно к данной обретенной индивидом деятельности в данном конкретном коллективе.

Именно в процессе самостоятельной, в полной мере ответственной деятельности, и только в ней, происходит интернализация социальных норм, ценностей, идеалов.

Будучи социализированной в том или ином отношении, обладая определенными социальными свойствами, реализуя их в процессе своей жизнедеятельности, личность так или иначе продолжает изменяться и развиваться. Процесс социализации на уровне индивида не завершается на какой-то стадии жизненного цикла, а продолжается всю его жизнь. Если в процессе первичной социализации активность в основном принадлежит обществу, социальности, институтам и организациям, в которых индивид проходит обучение и воспитание, то в процессе вторичной социализации к активности общества подключается активность индивида: он выступает активной силой уже не только в отношении к самому себе, но и в отношении социализации других.

То, что социализация продолжается в течение всего жизненного цикла индивида, еще не означает, будто человек не социализирован в том или ином отношении. Напротив, раз сложившись, определенные навыки, способы поведения устойчиво сохраняются, и их воспроизведение происходит автоматически. Однако потребность в продолжении социализации может возникнуть в любой момент, и инициатором здесь могут выступать как ее агенты, так и сам субъект. Необходимость продолжения социализации становится актуальной обычно в следующих случаях.

1. В случае социальных перемещений как по вертикали, так и по горизонтали. Перемещения индивида вызывают модификацию объективных условий его деятельности, меняют его социальное положение, содержание и структуру социальных ролей, которые он исполняет в обществе. Происходит отказ от старых ролей и освоение новых. Всё это влечет за собой определенные трансформации человека, накладывает отпечаток на его личность, индивидуальность. С изменением позиций, статусов, структуры исполняемых ролей преобразуется и структура отношений, связей данного индивида с другими людьми, его зависимости от них, осваиваются новые формы деятельности, общения.

2. В случае крупных общественных изменений — экономических, политических и культурных. Здесь социализация выступает в форме ресоциа-

лизации, которая в подобных ситуациях охватывает широкие массы людей, представителей различных социальных групп. Примерами такого рода ресоциализации могут служить последствия реформ в сфере образования, культуры, экономики и т. п.

3. Третий случай, когда потребность в социализации становится актуальной, касается контингента лиц, нарушающих правовые, моральные нормы данного общества. Типичным примером является социализация (в форме ресоциализации) преступников. Необходимость в ресоциализации диктуется интересами и целями всего общества или его правящих классов.

Однако указанные выше случаи не исчерпывают всех возможных ситуаций, когда социализация (или ресоциализация) необходима. Неудачный брак, развод и другие подобные ситуации ставят индивидов перед необходимостью ресоциализации при последующем вступлении в новый брак, в ситуации приспособления к статусу одинокого человека и т. п.

На уровне общества в целом процесс социализации происходит постоянно и является имманентной характеристикой всей общественной жизни. Вместе с развитием общества развиваются и содержание, формы, методы социализации. Новые условия жизнедеятельности формируют и новые социальные типы людей.

Социальный контроль и девиантное поведение

Социализация обеспечивает социальный контроль. Но индивидуальность и социальная обусловленность мышления и поведения не исключают друг друга. Ролевые модели личности, созданные в социологии, предполагают индивидуальную селекцию и закрепление в качестве поведенческих установок некоторого набора ролевых ожиданий. Социальный контроль исходит «изнутри», поскольку в процессе социализации формируется личность, в дальнейшем относительно автономная от непосредственного социального окружения.

Такой подход демонстрирует, например, концепция габитуса, разработанная Пьером Бурдьё. Система устойчивых диспозиций, структурированных прошлыми практиками и структурирующих последующие, получила в теории Бурдьё название «габитус». Габитус как набор усвоенных, но неосознаваемых схем восприятия и производства практик, является моделью, позволяющей объяснять спонтанность, импровизационность практик не прибегая к идее рефлексивного и свободного субъекта деятельности, и воспроизводимость, устойчивость социального порядка не прибегая к идее объективной предопределенности деятельности.

Нарушения социального взаимодействия возникают в результате отклонений поступков от нормативных ожиданий. Если индивид не следует нормам, окружающие не могут скоординировать свои поступки с отклоняющимися от норм поступками, и это вызывает конфликты. Систематическое отклонение

от нормативных ожиданий затрудняет или делает невозможной координацию поступков индивида с поступками других людей и порождает проблемы девиантности. Девиантное поведение ассоциируется обычно с преступностью, наркоманией, проституцией. Однако понятие девиации в социологии основывается не на выделении специфических черт того или иного поведения, а на представлении об относительности нормативных ожиданий. Девиантность не является, как правило, результатом неудачной социализации. Девиация — результат социализации в маргинальных социальных группах, ценностные ориентации, нормативные и ролевые ожидания в которых сильно отличаются от господствующих в данном обществе.

Концепция стигматизации (буквально — «клеймение»), которую развил Ирвин Гофман, раскрывает суть девиации как негативного восприятия индивида, чье поведение или даже только внешность отличается от принятого в данной общности. Ценности и нормативные ожидания, господствующие в общности, воспринимаются как само собой разумеющиеся. Соответственно, всякое отличие воспринимается как знак ущербности или нелояльности, и с человеком, отмеченным этим знаком, взаимодействие всегда выстраивается как воздействие на него с целью ограничивать, контролировать и исправлять его поступки. В результате стигматизации девиантность конструируется даже в тех случаях, где первоначально не было поступков, отклоняющихся от норм.

Теории социализации

Процесс социализации тесно связан с воспроизводством человека и общества, поэтому в теориях общества ему придается большое значение. Термин «социализация» возник в конце XIX в., а в XX в. теории социализации получили детальную разработку. Первым теоретиком социализации является французский социолог Э. Дюркгейм (1858–1917). Он отметил, что интеграция человека в общество не пущена на самотек, а представляет собой целенаправленное и систематическое обучение важнейшим знаниям и навыкам, их передачу от поколения к поколению, т. е. методичную социализацию.

В начале XX в. теории социализации опирались на психологические знания об индивидуальном развитии ребенка, являлись психологическими теориями (З. Фрейд), отчасти ориентированными социологически (Дж. Г. Мид), т. е. учитывали общественный срез социализации. С середины XX в. теории социализации стали развиваться в рамках теоретической социологии (К. Мангейм, Т. Парсонс, Ю. Хабермас, У. Бек).

Теория формирования идентичности (Дж. Г. Мид)

Американский социолог Дж. Г. Мид (1863–1931) — один из первых классиков теории социализации, создатель концепции социализации как освоения социальной роли через игру. Мид исходил из того, что формы коммуникации и де-

тельности складываются в процессе социальной эволюции общества и что этот тезис верен и в отношении развития человека в ходе социализации. Социализация проходит в коммуникативных структурах социального окружения и обеспечивает формирование идентичности («Я»), усвоение социальных ролей. Прежде всего — это детские игры. Мид различает индивидуальную (спонтанную) игру (*play*) и организованную игру (*game*). Индивидуальная игра состоит в принятии роли значимых других: отца и матери, продавца, врача, учителя, полицейского и т.д. Играя, индивид примеряет на себя то одну, то другую роль, тем самым усваивая их под влиянием реакции окружающих на его ролевые перевоплощения. У него складывается понимание ролевых отношений обладателей разных идентичностей, в том числе собственной. Идентичность возникает в игровых ситуациях.

Организованная игра выполняет более сложную социализационную функцию. Здесь ребенок усваивает развитые ролевые структуры, приобретает понимание «ролевой организации» в целом, в том числе норм, выраженных в правилах игры. В игровой команде ребенок учится учитывать влияние установок и действий других на свои игровые действия, а своих — на действия других игроков. В результате организованное игровое сообщество с ролевой структурой, ценностями, нормами и ожиданиями влияет на формирование личности. В общей форме такое влияние Мид называет воздействием «обобщенного другого» в процессе социализации. Наивысшим проявлением «обобщенного другого» является общество. Именно с ним возникает идентификация. Процесс формирования «Я» в основном завершается в рамках первичной социализации.

В современном обществе значение игровой социализации лишь растёт. Благодаря выходу новых информационных технологий за рамки чисто профессионального применения, их использованию в повседневной жизни, возник новый тип игр — компьютерные игры. В информационно-коммуникационной среде интернета могут, невзирая на расстояния, одновременно играть в одну и ту же игру миллионы детей. Например, компания-разработчик *Wargaming.net* сообщает, что ежедневно в игру *World of Tanks* одновременно играют около 1 млн российских детей¹. Психологи отмечают вред такого времяпрепровождения, вызывающего компьютерную и игровую зависимость. С социологической точки зрения несомненно, что массовые компьютерные игры имеют социализационное значение, требующее изучения. Навыки игры позволяют современному человеку эффективнее осваивать постоянно меняющиеся социальные роли и адаптироваться к общественным изменениям в целом.

На основе теории коммуникации Мид создал теорию идентичности, которая является двухкомпонентной. Она развивает тезис Мида о принятии роли *другого* — установлении связи «Я» с объектами природы, общества, мен-

¹ «Новый рекорд: более 1.1 млн пользователей онлайн» (URL: <http://g-list.ru/games/world-of-tanks/news/307476> (дата обращения: 01.09.2015)).

тальными продуктами. В итоге складывается общественный аспект идентичности, обозначенный Мидом английским термином *Me*. Другой аспект идентичности, представляющий собой индивидуальную активность личности, ее творческие импульсы в поведении, Мид называет термином *I*. В целостной личности эти аспекты образуют иерархию, в которой стандартизованный общественный аспект идентичности *Me* осуществляет контроль над творческими импульсами *I*, пропуская во внешнее поведение лишь такие, которые имеют общественную значимость.

Оценивая теорию социализации Мида, следует отметить ее сильную связь, с одной стороны, с бихевиористской психологией, с другой — с его собственной теорией коммуникации. Коммуникативная основа данной теории социализации обеспечивает ее актуальность и в начале XXI в., когда значение коммуникации в социальном взаимодействии лишь возрастает.

Теория социализации поколений (К. Мангейм)

Венгерский, немецкий и английский социолог Карл Мангейм (1893–1947) исходил из того, что поколение представляет собой совокупность возрастных групп, которые пережили одни и те же значимые исторические события в возрасте наибольшей восприимчивости к ним, проще говоря — в юности. Юность — это период, когда человек впервые вступает на равных в контакты со взрослыми, включается в трудовую и общественную жизнь, вовлекается в исторически значимые события. В случае смены исторических условий различия в результатах социализации могут быть столь велики, что порождают возникновение разных общественных поколений. Верно это предположение или нет, может быть выяснено с помощью эмпирического исследования различий в идентичности возрастных групп и по наличию поколенческого сознания — когда члены возрастных групп сами относят себя к определенному поколению, подтверждая это на деле в коммуникации. Общая идентичность и сознание принадлежности к своему поколению ярко выражены у военного поколения во всех странах — участницах Второй мировой войны. В мирное время эти различия в социализации зафиксировать труднее.

В работах Мангейма дается соответствующий понятийный аппарат, включающий три основных понятия:

- 1) понятие «положение поколения» в обществе — фиксирует тот факт, что каждое поколение действительно занимает в обществе разное положение в силу разного возраста его членов;
- 2) понятие «единство поколения» — означает интеграцию поколения на основе поколенческих различий (Мангейм утверждал, что единство поколения возникает прежде всего на основе одинакового положения ряда индивидуумов внутри некоторого общественного целого);
- 3) понятие «связь поколений» — характеризует отношения между ними.

Данные понятия выполняют функцию научной ориентации при эмпирических исследованиях поколений. Возможности этих исследований расширились во второй половине XX в. благодаря развитию социологии. Количественные исследования опираются на весьма эффективную технику обработки больших массивов эмпирических данных в рамках когортного анализа. Это дает возможность разграничить эффекты возраста, исторического периода, поколения. Накопленный в определенный исторический период коллективный опыт поколения отличает его от других поколений (за вычетом эффекта возраста — изменений в идентичности и личностных качествах в силу возраста, взятых в массовом срезе). Количественные характеристики, свидетельствующие о поколенческих различиях, нуждаются в подтверждении качественными методами, не только фиксирующими действительное наличие поколенческого сознания у респондентов, но и позволяющими в ходе интервью найти скрытые биографические факторы социализации поколений, которые будут различаться у тех, чья юность прошла в разные исторические периоды.

Общая закономерность формирования поколений состоит в том, что чем длиннее определенный исторический период, тем больше возрастных групп имеют общий социальный опыт и тем крупнее будет соответствующее поколение. И наоборот, чем больше поворотов истории, чем чаще меняется общественный строй, тем больше различий между людьми, чья социализация проходила в разное время. В таком случае возникает несколько поколений, но меньших по численности. Например, в XX в. в России сменилось несколько общественных устройств и политических систем: царская Россия начала века; советская Россия с жестким сталинским политическим режимом; страна, мобилизованная на победу в войне; хрущевское десятилетие политической «оттепели», сменившейся застоем 1970–1980-х годов; период «перестройки» и распада СССР; кризисные девяностые; относительно стабильные 2000-е годы. Всё это — предпосылки разной социализации, имеющие массовое измерение. Отсюда возникают существенные различия между поколениями.

Ролевая теория социализации (Т. Парсонс)

Американский социолог Т. Парсонс является одним из самых известных теоретиков социализации. Он связывал успех социализации с проблемой поддержания общественного устройства — существующего социального порядка. Эта практическая проблема решается при обеспечении соответствия поведенческой мотивации молодежи ожиданиям общества. В процессе социализации, организуемой обществом, связь между системой ценностей и поведением индивида обеспечивается через усвоение социально-ролевого поведения. Данный вывод Парсонса дает ответ на фундаментальный вопрос о поддержании социального порядка, каковой опирается на совокупность социальных ролей, освоенных и исполняемых членами общества в процессе социализации.

В связи с этим критики Парсонса отмечают, что ролевая теория социализации не объясняет, каким образом возникает новое содержание поведения, не входящее в роль. Подобная критика верна лишь формально: в трудах американского социолога есть и работы по обобщению фактического процесса социализации.

Одной из таких работ Парсонса является обширная статья «Школьный класс как социальная система» (1959). В ней рассматривается вопрос о том, как американская школа обеспечивает развитие у учеников достижительной мотивации поведения и способностей, необходимых для жизни в современном капиталистическом обществе, основанном на принципе конкуренции. По Парсонсу, школьный класс представляет собой социальную систему, транслирующую универсальные ценности общества. В отличие от семьи в нем есть особые предпосылки усвоения этих ценностей и формирования нормального поведения. Прежде всего это заменяемость учителя в отличие от незаменимости родителей. Далее, это постоянная стратификация одноклассников в виде ежедневного и многолетнего оценивания успеваемости. Так, уже в начальной школе появляются преуспевающие отличники — ученики, способные выполнять сложные задания, а также более «ответственные» ученики, которые «хорошо себя ведут» и на которых учитель может положиться. Иными словами, уже в начальной школе учеников различают по успеваемости и по организационным способностям — качеству, востребованному учителем и необходимому для взрослого члена общества. Соответственно, у учеников формируется понимание того, что социальный статус даже в школьном классе приобретает путем участия в конкуренции. Отсюда возникает достижительная мотивация, осознание того, что социальный статус связан с успехами в учебе и отношениями с учителем.

Школьный класс отличается от семьи тем, что в нем гораздо больше детей и все они сверстники. В нем возникает социальное пространство, относительно свободное от контроля взрослых. Появляется возможность учиться налаживать отношения с одноклассниками, развивать соответствующие навыки.

Парсонс теоретически описал все важные аспекты социализации — ее значение для поддержания социального порядка, реализованное в ролевом поведении, роль семьи, школы, сверстников, общественных условий. Он соединил в своей теории микро- и макроуровни процесса социализации. Благодаря Парсонсу с 1970-х годов социализацию стали отождествлять с усвоением социальных ролей, но в дальнейшем эта тенденция ослабла.

Теория социализации в обществе позднего капитализма (Ю. Хабермас)

Поздний капитализм отличается от его ранней, либеральной стадии во многих отношениях. Свободная конкуренция XIX в. сменилась организованной кон-

курением в правовых рамках — союзы предпринимателей и профсоюзы в экономике, политические партии и общественные движения в политике, множество общественных объединений в культурной и социальной жизни. Однако позднему капитализму, как и раннему, свойственны противоречия и кризисы.

Немецкий социолог Юрген Хабермас, будучи представителем Франкфуртской школы, для которой тема социализации считается одной из важнейших, продолжает разработку этой темы. Изучая немецкое общество, в книге «Проблемы легитимации позднего капитализма» (1973) он пришел к выводу, что этот общественный строй испытывает кризис легитимности (от лат. *legitimus* — законный, правомерный). Классовое сознание исчезает; социальная идентичность становится размытой; наблюдается снижение роли свободной конкуренции в экономике из-за роста государственного вмешательства. Государство не просто гарантирует, как в эпоху либерального капитализма, общие условия производства, но и само участвует в экономике, что затрагивает базовые принципы свободного экономического обмена и самостоятельности субъектов экономической деятельности. Возникает потребность в легитимации такого вмешательства. Аналогичные напряжения возникают и в политической системе. Выборы по-прежнему обеспечивают легитимность власти, но демократия становится формальной, гарантируя лишь «содержательно диффузную лояльность масс без реального участия в принятии решений». В области политической социализации возникают проблемы. Они выражаются в том, что кризисные тенденции могут найти выражение в девиантном поведении некоторых социальных групп.

Хабермас изучает эту проблему и формулирует тезис о причинной связи между характером протекания кризиса подросткового возраста (13–16 лет) и нормальной социализацией (интеграцией в общество) молодежи либо формированием у нее критического отношения к обществу. Причинами, по которым снижаются шансы нормального выхода из кризиса подросткового возраста, являются: 1) рост продолжительности учебы, продление периода молодости — в некоторых случаях до 30 лет; 2) повышение вероятности расхождений между предлагаемыми схемами интерпретации социальной реальности и действительностью, что обостряет проблемы идентичности; 3) распространение эгалитарных отношений в семье и способов воспитания, типичных для среднего класса, что скорее обременяет подростков проблемами взросления, нежели решает их; 4) ослабление сексуальных запретов, что (как и освобождение от прямых экономических тягот) обеспечивает подросткам перспективу социализации «с расширенными возможностями экспериментирования».

Итог состоит в том, что в обществах позднего капитализма в процессе социализации должны быть усвоены универсальные социальные роли. Однако в случае острого протекания кризиса подросткового возраста на фоне дефицита легитимности общественного устройства следует ожидать как минимум

двух вариантов выхода из него — отчуждения как реакции на чрезмерные требования к человеку либо протеста и юношеского политического радикализма. Формирующаяся у молодежи критическая установка в отношении общества позднего капитализма выражается в школьных бунтах, студенческих движениях, развитии молодежных субкультур и других девиациях, которые, по словам Хабермаса, не сводятся к тривиальным психологическим допущениям о том, что депривация ведет к протесту.

Теория социализации в эпоху глобализации (У. Бек)

Современный мир меняется столь динамично, что это вызывает проблемы формирования социальной идентичности, для которой трудно найти подходящие образцы в прошлом. Новое заключается в глобализации биографии. Немецкий социолог У. Бек (1944–2015) отмечает это обстоятельство и утверждает, что глобализация биографии означает: противоречия мира осуществляются не вовне, а в центре личной жизни человека. Всё чаще приходится делать вывод, что мы живем «глокально» — т. е. глобально и в то же время локально. Частная жизнь уже не привязана к какому-либо определенному месту, это уже не устоявшаяся оседлая жизнь. Полилокальность, транснациональность биографии, глобализация частной жизни создают почву для подрыва суверенности национального государства и устранения национально-государственной социологии: связь места и общности/общества распадается. Смена и выбор места лежат в основе глокализации биографий. Идентичность становится центральной проблемой жизни человека. «Кто я? Где я? Чему, кому я принадлежу?» — вот главные вопросы, возникающие в эпоху глобализации, когда место жительства, свой регион теряют значение, но растет значимость синхронизации жизни в планетарном масштабе.

Формирование идентичности новых поколений во всем мире идет под влиянием глобализации и трансформации местных сообществ. Снижается значение традиционных ценностей (коллективизм, религиозность, дисциплина), распространяются ценности индивидуализма, формируется достижительная мотивация, стремление сделать карьеру, реализовать права человека. Всемирные обзоры ценностей — World Values Survey (WVS), крупнейшие в истории социологии исследования ценностей и убеждений, охватывающие 85% жителей планеты из более чем 80 стран, — подтверждают, что идентичность новых поколений складывается вокруг секулярно-рациональных ценностей вместо традиционалистских установок старших: для молодежи многих стран важна самореализация, а не просто выживание. Аналогичные данные есть и в отношении России. При этом традиционные ценности, в том числе советские, сохраняют здесь свою значимость благодаря семейной социализации. Укрепляются некоторые традиционные ценности — патриотизм, служение государству, доверие к власти, — их разделяют все поколения.

У. Бек поставил важнейший вопрос об особенностях социализации и формирования идентичности в глобализированном мире. Поиск ответа на него делает необходимым постоянное научное наблюдение за социализацией. Это задача, требующая коллективных усилий научного сообщества.

Подводя итог, отметим, что социализация представляет собой длительный, поэтапный кумулятивный процесс формирования личной идентичности, ценностных ориентаций и навыков взаимодействия и участия в социальных группах, способности жить в обществе. В современном сложном и высокодифференцированном обществе человек не принадлежит целиком всем его подсистемам и социализация не может быть полной во всех отношениях. Отсюда следует возможность девиантной социализации. Сложность и изменчивость условий, процесса и результатов социализации отражается в многообразии теоретических подходов к ее исследованию.

Контрольные вопросы

1. Что такое социальное взаимодействие?
 - А) обмен действиями между несколькими участниками
 - Б) процесс взаимной координации несколькими участниками своих поступков
 - В) процесс установления и поддержания отношений между участниками
2. Кто ввел понятийное различие между поведением и действием?
 - А) Макс Вебер
 - Б) Герберт Блумер
 - В) Эмиль Дюркгейм
3. Что такое социальная роль?
 - А) функция индивида в группе
 - Б) поведение, ожидаемое от индивида в связи с его социальным статусом
 - В) общественно одобряемая манера поведения
4. Какая теоретическая модель предполагает, что смысл действия возникает в процессе определения участниками значения ситуации взаимодействия?
 - А) модель социального обмена
 - Б) модель символического интеракционизма
 - В) модель исторического материализма
5. Какой статус определяется происхождением индивида?
 - А) достигнутый
 - Б) предписанный
 - В) приобретенный

6. Что такое ролевой конфликт?
 - А) конфликт между индивидами, исполняющими разные социальные роли
 - Б) конфликт между социальным статусом и социальной ролью
 - В) конфликт между социальными ролями, соответствующими разным статусам одного индивида
7. К какому типу социальных групп относится компания друзей?
 - А) к экспрессивным
 - Б) к инструментальным
 - В) к статусным
8. Какой процесс описывает феноменологическая модель социального взаимодействия?
 - А) социальную интеграцию
 - Б) социальный обмен
 - В) социальное конструирование реальности
9. Что такое социализация?
 - А) усвоение необходимых для успешного участия в социальном взаимодействии навыков — нормативных и ролевых ожиданий
 - Б) превращение индивидуальных целей и ценностей в социальные нормы и структуры
 - В) интеграция индивида в социальную группу
10. Что такое девиантное поведение?
 - А) преступное и аморальное поведение
 - Б) систематическое отклонение поступков от нормативных ожиданий
 - В) отклонение поведения от социальной роли

Задания для самостоятельной работы

Задание 1. Пользуясь системой признаков социальной группы, проанализируйте различные виды общностей людей и установите, какие из четырех признаков социальной группы в них обнаруживаются. На основе анализа сделайте вывод, какие из этих общностей являются группами: футболисты, футбольная команда, строители, строительная бригада, посетители ночного клуба, члены фан-клуба. Определите, является ваша студенческая группа первичной или вторичной социальной группой.

Задание 2. Проанализируйте положительные и отрицательные последствия нарастающего использования интернета как средства и среды общения. Дайте этим последствиям социологическую оценку, сравнив процесс социализации

детей и молодежи с социализацией поколения родителей, не пользовавшихся интернет-общением.

Темы рефератов (докладов)

- ✓ Понятия социального действия и поведения (по работам М. Вебера)
- ✓ Драматургический подход к анализу социального взаимодействия в повседневной жизни (по работам И. Гофмана)
- ✓ Специфика социального взаимодействия в виртуальном пространстве
- ✓ Семья как малая социальная группа
- ✓ Понятие коммуникации в социологии Н. Лумана
- ✓ Онлайн-игра как средство социализации

Список дополнительной литературы по теме

- Абельс Х.* Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию / пер. с нем. СПб.: Алетейя, 2000.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности / пер. с англ. М.: Academia-Центр, 1995.
- Волков В., Хархордин О.* Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.
- Бурдье П.* Практический смысл / пер. с фр. СПб.: Алетейя, 2001.
- Бурдье П.* Социология социального пространства / пер. с фр. СПб.: Алетейя, 2013.
- Вебер М.* Избранные произведения / пер. с нем. М.: Прогресс, 1990.
- Гидденс Э.* Социология / пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2005.
- Гидденс Э.* Устроение общества / пер. с англ. М.: Академический Проект, 2005.
- Головин Н. А.* Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.
- Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.
- Гофман И.* Ритуал взаимодействия. Очерки поведения лицом к лицу / пер. с англ. М.: Смысл, 2009.
- Луман Н.* Социальные системы / пер. с нем. СПб.: Наука, 2003.
- Маркс К.* Социология: сборник / пер. с нем. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.
- Парсонс Т.* О структуре социального действия / пер. с англ. М.: Академический Проект, 2002.
- Турен А.* Возвращение человека действующего / пер. с фр. М.: Научный мир, 1998.
- Штомпка П.* Доверие — основа общества / пер. с пол. М.: Логос, 2012.
- Штомпка П.* Социология: анализ современного общества / пер. с пол. М.: Логос, 2010.

Глава 6

КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

Статусно-ролевая регуляция социального взаимодействия, включение и исключение тех или иных индивидов из процессов социального взаимодействия основываются на нормативных и ролевых ожиданиях, которые носят устойчивый характер, поскольку индивиды придерживаются их в самых разных ситуациях. При изучении большой совокупности случаев взаимодействий, чтобы объяснить или понять, почему люди совершают именно такие действия, не следует рассматривать каждую отдельную ситуацию, поскольку такое рассмотрение превратит исследование практически в бесконечный процесс. Правильнее выявлять общие свойства ситуаций взаимодействий, определяемые тем, что индивиды ориентируют свои поступки на существование разных категорий взаимодействий (экономических, политических, религиозных, семейных и т. д.) и на существование разных категорий участников взаимодействий (руководителей и исполнителей, богатых и бедных, образованных и необразованных).

Совокупность и соотношение различных категорий ситуаций взаимодействий и категорий участников взаимодействий определяют *строение общества*. Общее определение социальной структуры предполагает, что структура — устойчивое соотношение частей целого. Именно *социальные структуры*, которые могут стандартизировать действия и объединять людей в процессе совместной деятельности, а могут дифференцировать и разделять их на обособленные группы, формируют социальную организацию совместной жизни людей.

«Социальные структуры» — это весьма широкое понятие, по-разному трактуемое в современной социологии. Структурно-функционалистская модель социальной структуры основывается на представлении о стабильных формах деятельности, проявляющихся в регулярностях общественной жизни. Структуру составляют паттерны, образующие нормативную структуру и структуру групп. Марксистская модель социальной структуры делает акцент на соотношении классовых позиций индивидов, и структурирующим социальную жизнь фактором выступает неравенство. Интеракционистская модель

базируется на представлении о ситуативности структур, которые возникают, изменяются и распадаются в процессе взаимодействия. Индивиды определяют и переопределяют смысл ситуации взаимодействия, поэтому структуры носят изменчивый, текучий характер. Феноменологическая модель социальной структуры также предполагает, что индивиды определяют ситуацию взаимодействия, но делают это на основе устойчивых схем интерпретации. Эти схемы, называемые типизациями, и придают структурность социальным явлениям и процессам.

Таким образом, в социологии существуют различные подходы к рассмотрению социальных структур. Но все их можно подразделить на два основных типа: *институциональный* и *статусный*. Фокусировка внимания исследователя на установленных нормах и на организации взаимодействий предопределяет видение социальных структур как социальных институтов — экономических, политических, образовательных, религиозных и т. д. Сосредоточение внимания на дифференциации образа жизни и на иерархии привилегированных и дискриминируемых общностей предопределяет видение социальных структур как статусных групп и категорий — социальных классов и слоев (бедных и богатых, руководителей и исполнителей, предпринимателей, рабочих, интеллигенции и т. д.).

6.1. Социальные институты

Институциональный подход к рассмотрению социальной структуры восходит к раннему этапу развития социологии и может быть обнаружен еще в работах британского социолога Герберта Спенсера (1820–1903). Однако в современной форме данный подход опирается скорее на сформулированную в середине XX в. структурно-функциональную концепцию Талкотта Парсонса. Институциональный подход к изучению социальной структуры предполагает, что основными структурными элементами общественной жизни являются социальные институты (от лат. *institutum* — установленный).

Социальный институт — это устойчивый комплекс норм, регулирующих взаимодействие в определенной сфере жизнедеятельности и превращающих эту сферу в систему социальных ролей.

На существование социального института указывают три основных признака:

- функция (функции) данного вида социальных взаимодействий;

- набор социальных ролей участников взаимодействий;
- пространственно-временная локализация и материальные атрибуты взаимодействия.

Главная функция институтов — упорядочение, шаблонизация взаимодействий. Взаимодействие, происходящее в виде исполнения социальных ролей в определенное время и в определенном месте, упрощает организацию совместной жизни людей. Помимо этой функции, каждый институт выполняет специфические функции, определяющие его своеобразие и роль в общей социальной организации.

Основными социальными институтами современного общества являются:

- экономические (рынок, фирма);
- политические (государство, выборы, партии);
- семейные (брак, родство);
- религиозные (церковь, культ);
- образовательные (школа, вуз).

Функции социальных институтов по мере трансформации общества меняются, но остаются важными для поддержания социальной организации в целом.

Экономические институты

В процессе производства и обмена материальных и символических благ люди взаимодействуют, ориентируясь не только на собственные интересы, потребности и доступные ресурсы. Работая, они следуют многочисленным и разнообразным нормам, регулирующим взаимодействия в сфере экономической деятельности. Институционализация труда приводит к возникновению экономических институтов. Труд как целенаправленная деятельность по созданию материальных и символических благ осуществляется в соответствии с социальными нормами, которые ограничивают или даже запрещают одни виды деятельности и поощряют другие. Так, в современном обществе совершенно неприемлемым является производство пищи или одежды из представителей своего вида, ограничивается использование труда детей, регламентируется производство пищевых продуктов, медикаментов, лечение и профессиональное обучение и т. д., поощряется разного рода дополнительными вознаграждениями, премиями и другими знаками престижа исследовательская и изобретательская деятельность. Этот нормативный порядок радикально отличает экономику современного общества от экономики традиционного общества, в которой действовали совсем другие нормы.

Наличие нормативной регуляции превращает взаимодействие людей, ведущих хозяйственную деятельность, в систематическое исполнение социальных ролей. Взаимодействие в рамках такого института, как рынок, сводится к исполнению социальных ролей продавца и покупателя. Ориентируя свои усилия на создание благ, на которые существует спрос, и на приобретение других благ путем обмена, индивиды выступают в ролях продавца и покупателя, даже если они не заняты непосредственно в торговле. Рынок — это универсальная форма взаимодействия, которая обеспечивает координацию всех индивидуальных действий, направленных на производство, сбыт и потребление материальных и символических благ, рассматриваемых участниками экономической деятельности как товары. Участники рынка следуют нормам, с одной стороны, диктующим максимизацию собственной выгоды, а с другой — предписывающим добросовестность по отношению к партнерам по взаимодействию. Такие расхожие формулы, как «спрос рождает предложение» или «клиент всегда прав», отражают представления людей о том, каким нормам нужно следовать в экономической деятельности.

Альтернативным по отношению к рынку институциональным типом координации и интеграции экономической деятельности множества индивидов является фирма; ее ролевой комплекс образуют роли руководителя и исполнителя. Следовательно, рынок — это институт конкурентной координации деятельности экономических агентов, а фирма — институт иерархической, административно-командной координации. В зависимости от того, какой тип координации преобладает в конкретной экономике, она является рыночной или плановой.

В советский период в нашей стране доминирующим типом координации взаимодействий в экономической сфере было административное регулирование, основанное на государственном планировании. В результате реформ 1990-х годов в современной России сформировалась рыночная экономика. Переход к рыночному типу координации сопровождался спадом производства, ростом числа и масштабов преступлений в экономической сфере. Подобные негативные тенденции свидетельствуют о том, что экономические институты — не просто «правила игры», которые можно мгновенно заменить путем принятия политических решений и законодательных актов. Экономические институты — это социальные структуры, которые упорядочивают повседневную жизнь людей, и внедрение новых норм в их повседневную жизнь требует довольно большого времени. В течение переходного периода люди сначала пробуют следовать привычным поведенческим образцам или буквально исполнять требования новых законов, сталкиваясь с тем, что и та и другая стратегия приводит к неудачам, а затем вырабатывают новые поведенческие образцы, адаптированные к социальным нормам нового типа.

С начала XXI в. в российском обществе структура экономических институтов приобрела стабильность и включает ныне как рыночные, так и адми-

нистративно-регулятивные компоненты. Комплекс крупных компаний в топливно-энергетическом, промышленном, транспортном, инфраструктурном и финансовом сегментах находится полностью или частично (через долю в собственности) под контролем государства. Экономический успех в рамках этой институциональной структуры определяется в терминах своевременного исполнения поручений правительства и президента, выполнения нормативов производственной и финансовой эффективности, планомерного карьерного продвижения, получения зарплат и бонусов, соответствующих положению в организационной иерархии. Такой нормативный порядок определяет ролевые ожидания и поведенческие образцы — паттерны работников, которые воспринимаются сторонними наблюдателями и клиентами государственных компаний и компаний с государственным участием как стабильные и надежные, но в то же время как рутинизированные и бюрократизированные.

Частные компании, индивидуальные предприниматели, фрилансеры (работники, не связанные постоянным контрактом) в большей степени действуют в ситуации рыночной институциональной структуры. Экономический успех в рамках этой институциональной структуры определяется в терминах реализации проекта, заключения выгодной сделки, быстрого роста дохода и признания со стороны партнеров и клиентов, хорошей репутации среди участников рынка. Ориентируясь на такой нормативный порядок, предприниматели и работники поддерживают поведенческие паттерны, которые воспринимаются клиентами частного бизнеса и широкой публикой как проявления предприимчивости и целеустремленности, но одновременно как проявления корыстности и недостаточной социальной ответственности.

Экономические взаимодействия локализуются в пространстве и времени посредством концентрации этих взаимодействий в цехах, офисах и других специально оборудованных местах и путем осуществления взаимодействий в четко определенные промежутки времени — рабочие дни и рабочие часы. Благодаря этому индивиды могут легко ориентироваться в том, где и когда им следует руководствоваться нормами и ролевыми ожиданиями, характерными для экономических институтов.

Политические институты

Таким же образом, как экономические институты, политические институты являются не столько формально установленными юридическими правилами, сколько комплексами социальных норм, направляющих деятельность людей в их борьбе за власть и в осуществлении власти. Институционализация власти приводит к возникновению политических институтов. Власть — это способность проводить свою волю в отношениях с другими людьми даже вопреки их сопротивлению. Институционализированная власть базируется на авторитете, т. е. на легитимности, под которой понимается убежденность подчи-

няющихся в правомочности распоряжений властвующих. М. Вебер выделил три типа господства: рациональное (или легальное), основанное на вере в законность процедур осуществления власти; традиционное, базирующееся на вере в незыблемость привычных инстанций власти; харизматическое (от греч. *χάρισμα* — божественный дар), в основе которого лежит вера в сверхъестественные качества — святость, гениальность и т. п. властителя.

Для современных политических систем характерно преобладание рационального типа господства. Соответственно, функционирование политических институтов строится на принципах рационального принятия решений. Взаимодействие в сфере политики сводится к исполнению социальных ролей властвующего и подчиняющегося, лидера и сторонников, если определены носители этих ролей. В рамках различных институтов, входящих в политическую систему общества, эти социальные роли исполняются по-разному.

Легитимация власти в современном обществе осуществляется посредством выборов, т. е. волей большинства. В этом заключается функция института выборов, в рамках которого люди взаимодействуют как избиратели, кандидаты и сторонники кандидатов. В современной России принципы представительной демократии закреплены законодательно, однако институт выборов функционирует с разной степенью эффективности, в зависимости от уровня полномочий тех должностей, которые замещаются в ходе выборов. Уровень участия избирателей в выборах президента страны и глав регионов может достигать в среднем 40–60 % от общего числа граждан, обладающих правом голоса. Для парламентских выборов на общероссийском и региональном уровнях показатель явки избирателей колеблется в диапазоне 35–55 %. Для выборов органов местного самоуправления характерен низкий уровень явки — 15–30 %. Степень вовлеченности граждан в избирательные кампании указывает на степень легитимности органов власти различного уровня. Поэтому в ходе избирательной кампании кандидаты и их избирательные штабы стремятся интенсифицировать политические взаимодействия, привлекая политтехнологов и средства массовой информации для повышения интереса к выборам и явки избирателей.

Сложившиеся в современной российской политике ролевые ожидания предполагают относительную незаинтересованность и пассивность избирателей, а также использование кандидатами манипулятивных приемов ведения агитации и мобилизации избирателей. В результате активные избиратели и действующие в соответствии с традиционными принципами демократии кандидаты оказываются в положении нарушителей ролевых ожиданий, что часто вызывает конфликты по поводу проведения и результатов выборов. Тенденция увеличения в последние годы числа и массовости протестов против итогов выборов — следствие этого противоречия между ожиданиями энтузиастов идеальной демократии, ориентированных на законодательно деклари-

рованные нормы ведения политической борьбы, и реальным функционированием института выборов, которое базируется на ролевых ожиданиях.

Осуществление легитимной власти — функция института государства. В рамках этого института индивиды взаимодействуют, исполняя роли государственных чиновников и граждан. В современном российском обществе сложился патерналистский (от лат. *pater* — отец) тип государственного управления, когда последнее воспринимается как забота и покровительство, когда ролевые ожидания участников взаимодействия в рамках института государства — это ожидания помощи и контроля со стороны власти. Согласно результатам опросов, проводимых в последние годы Аналитическим центром Юрия Левады («Левада-центр»), до 53 % респондентов рассчитывают на помощь и заботу государства.

Патерналистские ролевые ожидания формируют в рамках политических институтов такие взаимодействия, в которых общественные интересы отходят на второй план по сравнению с личными интересами участников взаимодействия. Политические институты, изначально сформировавшиеся для выражения и осуществления общественных интересов, начинают функционировать в режиме неопределенности. Расхождение нормативных порядков политических и экономических институтов приводит в ситуации неопределенности (когда индивиды руководствуются нормами одного института во взаимодействии, регулируемом нормами другого института) к коррупции. Попытки «купить» нужное политическое решение и попытки в управленческих решениях реализовать личные, а не общественные интересы — это социальные следствия институциональной структуры современного общества.

Религиозные институты

Институционализация веры в «то, что выходит за пределы знания» (Э. Дюркгейм), приводит к возникновению религиозных институтов. Религия как институциональная форма веры основывается на различении людьми в своей жизни сфер сакрального (священного) и профанного (обыденного, мирского). Сакральное воплощается в особом, благоговейном и ритуальном отношении к идеям и вещам, которые в представлении людей связаны со сверхъестественными силами, управляющими их жизнью и миром в целом. Разделение на сакральное и профанное закрепляется в виде системы социальных ролей, включающей роли священников и мирян, а также в виде обособления в пространстве и во времени религиозных действий, которые происходят в храмах, монастырях и других священных местах. Организация религиозной жизни множества людей может принимать форму церкви, секты или культа. Функции религиозных институтов в основном заключаются в поддержании определенной картины мира и придания с ее помощью смысла жизни людей, в обеспечении социального контроля посредством освященных религией моральных норм,

а также в поддержании солидарности — чувства общности у людей, принадлежащих к разным социальным группам и статусным категориям, но единых и равных перед сакральным.

В современном российском обществе институционализированы традиционные религии, о принадлежности к которым заявляет подавляющее большинство граждан. В опросах ВЦИОМ, ФОМ и «Левада-центра», регулярно проводимых в последние 20 лет, на вопрос о религиозности положительно отвечали от 50 % респондентов (в середине 1990-х годов) до 75–85 % (в начале 2010-х). В настоящее время примерно 65 % жителей России относят себя к православным и 6–7 % — к мусульманам. О принадлежности к другим традиционным религиям — католицизму, протестантизму, буддизму — заявляют примерно по 1 %. В современном обществе при довольно большой роли, которую играют в самоидентификации индивидов религиозные институты, они оказывают меньшее влияние на повседневные практики. Социологические исследования показывают, что совершение религиозных обрядов и посещение храмов являются регулярными для меньшинства (в среднем не более 15–20 %) тех, кто определяет себя как верующих. Соответственно, во взаимодействиях, организованных как исполнение социальных ролей священника, прихожанина, члена религиозной общины, вовлечено гораздо меньше людей, чем предполагается представителями традиционных религиозных организаций в России. Влияние этих организаций в современном обществе в большей степени культурное, чем собственно религиозное, основанное на вере в причастность к сакральному.

Семейные институты

Современная семья, в отличие от семьи в традиционном обществе, основывается не на кровном родстве, а на родстве институциональном. В традиционном клане, объединявшем в одну группу несколько представителей нескольких поколений и нескольких ветвей родственников, отношения строились на основе счета родства, т. е. определения кровной близости к главе семьи. Кровное родство в современной семье играет меньшую роль, чем партнерские отношения и эмоциональные привязанности. Поэтому современная семейная группа — это так называемая нуклеарная (от лат. *nucleus* — ядро) семья. Ядро семейной группы образует пара супругов/партнеров. Семейная группа может включать детей и некоторых из старших родственников, но в любом случае статусы и социальные роли «член семьи» и «родственник» не совпадают. Семью образуют отношения партнерства, признаваемые — иначе говоря, легитимируемые — посредством заключения брака, совместного ведения хозяйства, заботы о детях. В представлении современных людей критерием существования семьи служит не кровное родство, а соответствующее принятым нормам исполнение социальных ролей супруга, родителя, ребенка, заданных социальными нормами.

В современной России взаимодействия в рамках семейных институтов занимают меньшую долю в общем объеме социальной жизни, чем несколько десятилетий назад. По данным государственной статистики, в год на 1000 человек сейчас заключается 8–9 браков (в 1960 г. — 12–13 браков), при этом на 1000 человек в год приходится 4–5 разводов (в 1960 г. — 1–2 развода). Среди общего числа семей около 70 % составляют семьи, состоящие из двух человек, т. е. либо из пары супругов без детей, либо из одного родителя и одного ребенка. Семьи, включающие 5 и более человек, составляют около 11 %, что в два раза меньше, чем полвека назад. Эти статистические данные можно социологически интерпретировать как уменьшение роли институционализированных взаимодействий в сфере семейной жизни. Отношения с близкими людьми, любовь и забота, воспитание детей не сводятся только к традиционным формам и к функционированию семьи нуклеарного типа.

Образовательные институты

Институционализация знания находит выражение в том, что квалификация или профессиональное умение могут быть признаны, только если человек получил образование, т. е. успешно участвовал во взаимодействии, организованном как выполнение социальных ролей учащегося и преподавателя. Знания индивид может приобрести совершенно самостоятельно — например, читая специальную литературу, неформально общаясь с профессионалами и т. д. Однако соответствующий профессиональный статус приобрести можно, только пройдя курс обучения в специализированном учебном заведении. Образование — это не просто процесс приобретения знания, это социальная структура, которая упорядочивает приобретение статуса и обеспечивает социализацию в том или ином профессиональном сообществе. Поэтому в современном обществе важно получать знания именно в рамках институционализированного взаимодействия.

В современном российском обществе высока доля людей, получивших высшее профессиональное образование. По данным Федеральной службы государственной статистики (Росстата), в 2015 г. среди занятого в экономике страны населения 33 % имели высшее образование. Тех, кто не окончил среднюю школу, среди занятого населения меньше 0,3 %. Это показывает, что во взаимодействия в рамках образовательных институтов, где индивиды исполняют социальные роли преподавателя и ученика, в определенный период своей жизни вовлечены практически все. Современная институциональная структура образования включает несколько уровней и имеет тенденцию к превращению процесса получения знаний в максимально продолжительный. Число лет, затрачиваемых на получение образования, а также число различных аттестатов, дипломов, сертификатов постоянно возрастает.

В учебных коллективах, в стенах учебных заведений происходит огромное число социальных взаимодействий, которые не ограничиваются собственно передачей информации по изучаемым предметам. В социологии усвоение ценностных установок и поведенческих паттернов в процессе получения образования называется неявным, или скрытым, учебным планом. Образовательные институты в современном обществе играют главную роль в выполнении функций социализации, формирования профессиональной и гражданской идентичности.

6.2. Социальная дифференциация и стратификация

Альтернативным по отношению к институциональному подходу является статусный, или стратификационный, подход к социальной структуре. Этот подход опирается на теоретические идеи, восходящие к работам Карла Маркса, о делении общества на социально-экономические классы и к работам Питирима Сорокина о разделении всей совокупности социальных статусов на слои — страты. Статусный (стратификационный) подход к анализу социальной структуры предполагает, что структурными элементами являются социальные общности, возникающие на основе выделения и обособления категорий индивидов по социально значимым признакам. На этой основе различаются половозрастная, профессиональная, поселенческая, этническая структуры общества. Принадлежность к общности предопределяет *идентичность*, т. е. определение индивида другими и его самоопределение как представителя конкретной социальной общности. Основные виды/компоненты идентичности — возраст, гендер, профессия, место жительства, гражданство (национальность), этничность. Общности, выделяемые по данным критериям, являются статистическими категориями, а не реальными объединениями — социальными группами, члены которых взаимодействуют друг с другом. Тем не менее одинаковая идентичность повышает вероятность сходства ценностных установок и привычных способов взаимодействия, поэтому принадлежащие к одной общности люди с большей вероятностью будут взаимодействовать друг с другом и образовывать социальные группы. Следовательно, социальная дифференциация важна для понимания и объяснения взаимодействий, образования социальных групп, функционирования социальных институтов.

Наиболее значимой формой социальной дифференциации является социальное неравенство.

Социальное неравенство — это неодинаковый доступ к социально значимым ресурсам в соответствии с социальным статусом.

Социально значимые ресурсы разнообразны и варьируются от культуры к культуре, от эпохи к эпохе. Но всё их многообразие может быть сведено к трем категориям: богатству, власти, престижу.

Исторические формы социального неравенства — касты, рабство, сословия, классы, страты (слои) — различаются тем, какие статусы доминируют — предписанные или достигнутые. Современные формы неравенства и социальной дифференциации — классы и страты — характеризуются доминированием достигнутых статусов.

Классы — это статусные группы, выделяемые по критерию места в системе разделения труда и способа получения дохода. По этому критерию можно выделить шесть основных социально-экономических классов в современном обществе:

- политическая элита;
- капиталисты — собственники предприятий и ресурсов;
- свободные профессионалы — обладатели специфических навыков, приносящих доход в виде гонораров;
- фермеры — собственники земли и работники на собственной земле;
- наемные работники, разделяемые на две категории: «белые воротнички» (служащие) и «синие воротнички» (рабочие)¹;
- получатели социальной помощи, занимающие маргинальное положение в классовой структуре.

Приведенная выше классовая структура характерна для индустриального общества с рыночной экономикой и демократической политической системой. В нашей стране в советский период (1920–1980-е годы) индустриальное общество развивалось в специфической форме, при которой экономика была в основном плановой, контролируемой государством, а политическая система — авторитарной, с ограниченным действием демократических принципов формирования власти. Поэтому классовая структура в советский период была специфической. Она включала три класса: рабочий класс, крестьянство, интеллигенцию. Внутри класса интеллигенции, т. е. работников умственного труда и управленцев, сформировался класс, который исследователи назвали «новым классом», или «номенклатурой». К нему относились руководители организаций коммунистической партии, промышленных предприятий и учреждений советской власти, которые образовывали в совокупности обезличенного субъекта собственности, распоряжаясь социально значимыми ресурсами. Советская «номенклатура» — это господствующий класс, анало-

¹ Термины возникли в американской индустриальной социологии в 1930–1940-х годах, когда практически повсеместной была следующая традиция: служащие в офисах носили белые рубашки, а рабочие в цехах — синие комбинезоны.

гичный классу капиталистов (буржуазии) в западной разновидности индустриального общества.

В 1990-х годах в результате экономических и политических реформ и переворотов в России сформировалась классовая структура, сходная в общем с классовой структурой в Западной Европе и Северной Америке. О существующей в настоящее время в России классовой структуре в первом приближении можно судить по данным Всероссийских переписей населения, проведенных в 2002 и 2010 гг. (табл. 6.1).

Таблица 6.1. Занятое население России (в возрасте 15 лет и старше) по экономическому статусу (млн человек)

Год переписи	Все занятое население	Работающие по найму	Работающие не по найму	С привлечением наемных работников	Без привлечения наемных работников	Указавшие иной статус или не указавшие никакого
2002	61,60	58,32	3,23	0,93	1,93	0,42
2010	65,75	61,60	3,83	1,38	2,23	0,54

Источник: составлено автором по материалам Всероссийской переписи населения 2010 г., размещенным на сайте Росстата (URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol7/pub-07-06.pdf).

Из данных переписей видно, что подавляющее большинство экономически активного населения образует класс наемных работников, включающий и традиционный рабочий класс — «синих воротничков», и служащих — «белых воротничков». В сумме они составляют около 94 % занятого населения. Предприниматели, сами организующие производство и нанимающие работников, составляют класс капиталистов. Согласно данным переписей доля тех, кто относит себя к классу капиталистов, выросла с 1,5 % в 2002 г. до 2 % в 2010 г. Этот рост можно объяснить с двух точек зрения. С экономической точки зрения рост объясняется изменением структуры собственности и появлением большего числа частных предприятий, использующих наемный труд. Однако число таких предприятий за последние 10–15 лет выросло не столь значительно. Более убедительным является объяснение наблюдаемого эффекта одновременно с экономической и с социологической точек зрения: престижность статуса тех, кто является владельцем предприятия и нанимает работников, повысилась в восприятии жителей России, и люди охотнее относят себя к данной категории.

Остальные классы — свободные профессионалы, индивидуальные предприниматели, фермеры — составляют в сумме примерно 4 % занятого населения и образуются теми, кто работает не по найму без привлечения наемных работников. Помимо этих классов, в современном обществе велика доля тех,

чей источник дохода не связан с экономической занятостью. Получатели социальной помощи в виде пенсий и пособий, установленных государством, а также неформальной помощи в виде благотворительности образуют значительную по размерам категорию, которая приобретает черты социального класса.

Следует обратить внимание на то, что в современном российском обществе существует гендерное неравенство, проявляющееся в неодинаковом распределении мужчин и женщин по позициям в классовой структуре. При почти одинаковом числе мужчин и женщин, работающих по найму (30,8 млн мужчин и 30,7 млн женщин), доля тех, кого можно отнести к классу капиталистов, среди мужчин (913 тыс.) почти в два раза выше, чем среди женщин (472 тыс.).

Социальные классы дифференцируют деятельность индивидов и способы их доступа к социально значимым ресурсам — к материальным и символическим благам. По объему доступных индивидам благ дифференциация происходит в форме социальной стратификации.

Социальная стратификация — это иерархическая дифференциация системы социальных статусов, образующая слои (страты), каждый из которых включает статусы, близкие по уровню, определяемому объемом доступных благ.

Стратификация как специфическая форма социальной дифференциации, упорядочения отношений между людьми, отличная от характерных для традиционного общества форм, развивается по мере исчезновения сословных, клановых, конфессиональных привилегий и барьеров для взаимодействия и смены статуса. Вся совокупность статусов разделяется на слои в зависимости от уровня дохода, потребления, образования, квалификации или иных, но обязательно количественных признаков.

Модель современной социальной дифференциации (рис. 6.1) наглядно показывает, что иерархичность слоев (количественных категорий) абсолютна, тогда как иерархичность классов (качественных категорий) относительна. Классы, т. е. группы статусов, выделяемые по качественному критерию — позиции в системе отношений собственности на средства производства, — весьма неоднородны по уровню дохода. Например, в класс капиталистов включаются и статус владельца крупной корпорации, где работают и приносят гигантские прибыли тысячи рабочих и служащих, и владельца маленькой мастерской, чью прибыль определяет труд лишь нескольких человек. Соответственно, слои, т. е. группы статусов, выделяемые по количественному критерию — уровню дохода, классово неоднородны. Например, в среднем слое могут оказаться и квалифицированный рабочий, и мелкий предприниматель, и менеджер среднего звена.

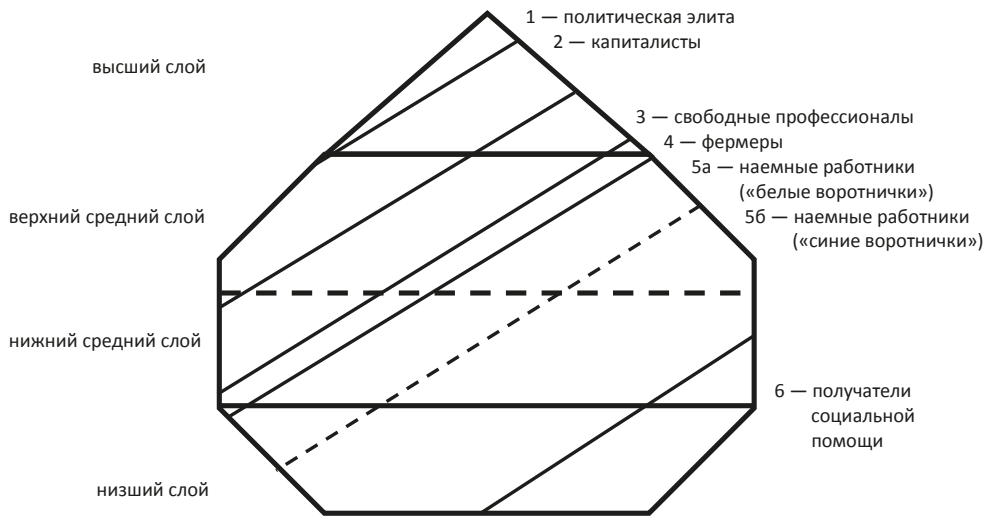

Рис. 6.1. Модель социальной дифференциации современного типа²

Классы и страты в современной России имеют ту же форму, что и в других развитых странах. По приведенной модели можно судить о непродуктивности расхожих дебатов о существовании или несуществовании в России «среднего класса». Средним может быть только слой как количественная категория. Класс как качественная категория не может быть определен таким формальным термином, как «средний».

Современные данные по стратификации показывают, что традиционное представление о среднем слое как большинстве, задающем стандарты потребления и поведенческие паттерны, определяющие характер социальных норм в обществе, следует пересмотреть. В странах, где сформировалось общество современного типа, включая Россию, на рубеже XX–XXI вв. наметилась тенденция уменьшения доли традиционного среднего слоя и возникновения новых средних слоев (табл. 6.2).

Приведенные данные показывают, что в России большинство населения (примерно 60 %) находится на уровнях доходов значительно ниже среднего значения. Статистически средний слой оказывается немногочисленным и составляет примерно 22 %, даже если отнести к данному слою тех, чей ежемесячный доход находится в широком диапазоне, внутрь которого попадает и среднестатистический уровень, т. е. на уровнях от 27 тыс. до 45 тыс. рублей. Еще один аспект современной стратификации, проявляющийся в данных статистики, это то, что новые средние слои, связанные с высокодоходными профессиями в постиндустриальных сегментах экономики, концентрируются в основном

² Социология: учебник / под ред. Д. В. Иванова. М.: Проспект, 2016. С. 234.

**Таблица 6.2. Стратификация в современной России
(по данным Росстата, 2016 г.)**

Средний ежемесячный доход на душу населения	Россия в целом	Москва
		30 744 руб.
Группы по уровню дохода	Доля группы с данным уровнем дохода в населении, %	
Свыше 60 000 руб.	10,4	34,2
45 000–60 000 руб.	8,5	14,2
27 000–45 000 руб.	22,7	24,6
19 000–27 000 руб.	18,2	12,6
10 000–19 000 руб.	26,3	11,4
Ниже 10 000 руб.	13,9	3,0

Источник: составлено автором по данным, содержащимся в справочнике «Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сборник». М.: Росстат, 2017. С. 242, 274.

в крупных городах. Примером этого служит резкое отличие данных о распределении населения Москвы по уровню доходов от данных по России в целом.

Таким образом, в конце XX — начале XXI в. меняется модель стратификации. Традиционная для индустриального общества «луковицеподобная» стратификация с доминирующим средним слоем сменяется «грушеподобной» бимодальной стратификацией (рис. 6.2). Привычный средний слой, образуемый держателями малого бизнеса и профессионалами, в экономически развитых странах оказывается теперь ниже среднего уровня стратификационной пирамиды. Это сверхновые бедные. Они располагают нормальными по традиционным критериям доходами и имуществом, но при этом ощущают себя нуждающимися и прилагают дополнительные усилия (например, беря кредиты и устраиваясь на вторую работу), чтобы включиться в потребительскую гонку. Входящие в традиционный средний слой оказываются под прессом дополнительной работы и выплат по кредитам, потому что стандарт благополучия задают не они, а те предприниматели и профессионалы, которые отрываются от этого среднего слоя и по уровню доходов, и по стилю жизни.

Новые тенденции в неравенстве связаны с переходом к постиндустриальному обществу и с глобализацией. Как показывают данные международных сравнительных исследований, наибольшая степень неравенства характерна для крупнейших городов — мегаполисов, где концентрируются финансовые ресурсы, создается множество рабочих мест и куда устремляются миграционные потоки. Оценки коэффициента Джини, который показывает неравномерность распределения доходов (0 соответствовал бы абсолютно равномерному распределению, 1 — ситуации, когда один человек получает весь доход,

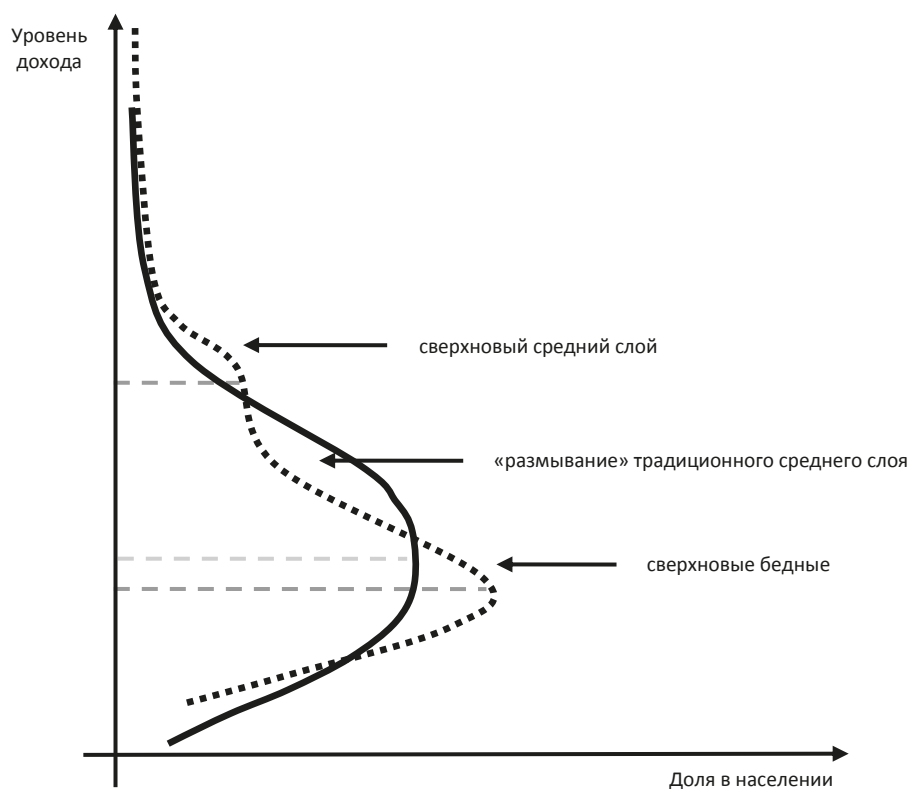

Рис. 6.2. Трансформация стратификации³.

Сплошной линией обозначен профиль стратификации индустриального общества, пунктирной линией — профиль стратификации постиндустриального общества

а остальное население остается без доходов), указывают на более высокую степень неравенства в мегаполисах по сравнению с общей ситуацией в стране (табл. 6.3).

Устойчивость социальной дифференциации в современном обществе основывается не на неизменности, а, наоборот, на изменении статусов. Изменение социального статуса индивидами или целыми группами и категориями людей называется социальной мобильностью, которая может быть «вертикальной» и «горизонтальной». Вертикальная мобильность приводит к повышению или понижению статуса и, следовательно, к переходу из одного социального слоя в другой. Горизонтальная мобильность — это изменение статуса, не сопровождающееся переходом в другой слой. Например, смена профессии без повышения или снижения дохода — это горизонтальная мобильность.

³ Иванов Д. В. Новые конфигурации неравенства и потоковые структуры глэм-капитализма // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 21.

Таблица 6.3. Коэффициенты Джини для стран и крупнейших городов

Страна / город	Значение коэффициента Джини (год оценки)
Россия	0,420 (2012)
Москва	0,486 (2012)
Санкт-Петербург	0,443 (2012)
США	0,469 (2010)
Нью-Йорк	0,499 (2010)
Лос-Анджелес	0,489 (2010)
Япония	0,329 (2012)
Токио	0,375 (2011)
Осака	0,400 (2011)

Источник: Иванов Д. В. Структуры социального неравенства в условиях глэм-капитализма // Журн. социологии и социальной антропологии. 2015. № 4. С. 130.

Несмотря на то что социальная мобильность позволяет многим индивидам повышать свой статус и тем самым избегать бедности и дискриминации, социальная структура в общем порождает проблемы и конфликты, которые вызываются ограничениями, накладываемыми на действия индивидов, и дифференциацией их прав и обязанностей.

6.3. Структурные факторы социальных проблем

Институциональные (нормативные) ограничения на достижение целей являются источниками девиантного поведения. В своей теории *аномии* американский социолог Роберт Мертон продемонстрировал, что в институциональной структуре нормы, задающие цели жизнедеятельности, не соответствуют нормам, задающим средства достижения целей. Если в концепции Эмиля Дюркгейма аномия трактуется буквально как «безнормность», то Мертон интерпретировал ее скорее как рассогласованность норм внутри вполне определенной, но противоречивой нормативной системы. По Мертону, в современном обществе существует разрыв между предписываемыми культурой целями достижения материального богатства и делового преуспевания, с одной стороны, и социально одобряемыми, допустимыми в рамках существующих социальных институтов средствами достижения этих целей — с другой. Аномия возникает вследствие противоречия между завышенностью навязываемых индивиду целей и ограниченностью предлагаемых ему «нормальных», «легальных» средств.

Таблица 6.4. Виды поведения по Р. Мертону

Типы поведения	Цели (ценности)	Средства (нормы)
Конформное поведение	+	+
Инновационное поведение	+	-
Ритуальное поведение	-	+
Ретритистское поведение	-	-
Бунтарское поведение	- / +	- / +

Источник: Социология: учебник / под ред. Д. В. Иванова. М.: Проспект, 2016. С. 238.

В условиях аномии наряду с поведением, характеризуемым конформизмом — принятием и целей, и средств, возникают и распространяются различные формы поведения, характеризуемого *девиантностью* — неприятием либо целей, либо средств, либо и того и другого (табл. 6.4). Инновационным Мертон назвал поведение людей, которые, принимая цели, т.е. господствующие ценности, используют средства, выходящие за пределы социальных норм. Ритуальное поведение характеризуется равнодушием индивидов к целям, но беспрекословным следованием нормам. Ретритистское (от англ. *retreat* — уходить, отступать) поведение характерно для маргиналов, которые вообще «выпадают» из социальных взаимодействий. Бунтарским Мертон назвал поведение, не только отвергающее существующие ценности и нормы, но и вводящее на их место новые.

Институционализация неравенства в виде системы ролевых ожиданий, навязываемых представителям дискриминируемых статусных групп, превращает бедность и преступность в неотъемлемые структурные элементы современного общества. Бедные — это не просто статусная группа, выделяемая на основании уровня жизни, а носители социальных ролей, предполагающих зависимость в отношениях с представителями высших слоев, пассивность, неспособность к адаптации и подозрительность поведения. Идентификация человека как бедного, ориентация взаимодействий с ним на этот статус и на связанные со статусом ролевые ожидания ограничивают взаимодействие схемами благотворительности, контроля за поведением, дискриминации, исключения из тех видов деятельности, которые характерны для благополучных статусных групп. Всё это не позволяет индивиду выйти из состояния бедности. Аналогичным образом дискриминации и ограничениям подвергаются люди, идентифицируемые как преступники или склонные к преступным действиям. В результате такие социальные институты, как полиция, судебная система, система социального обеспечения, социальная работа, не только регулируют и не столько снижают преступность и бедность, сколько воспроизводят их как институционализированные формы взаимодействия и идентичности.

Воспроизводство неравенства в виде социальных классов и слоев со специфическими ценностными ориентациями и образом жизни также порождает проблемы, обусловленные структурными особенностями современного общества. Статусная дифференциация доступа к ресурсам — источник социальных конфликтов. Теория классовой борьбы Карла Маркса и теория социального конфликта Ральфа Дарендорфа исходят из того, что неравенство заставляет людей объединяться и организовываться для борьбы за перераспределение социальных благ. В результате возникают социальные движения как формы развития и разрешения социальных конфликтов. Традиционные социальные движения — либеральное и рабочее, ориентированные на борьбу против экономических и политических привилегий и ограничений, — теперь сосуществуют и конкурируют с новыми социальными движениями, борющимися за изменения в сфере культуры. Это такие новые социальные движения, как молодежное, экологистское, движения за гендерное равенство, в защиту прав этнических и сексуальных меньшинств и т. д.

В современной социологии получила распространение также концепция, согласно которой социальные проблемы — это символические конструкты. Объективно уровни преступности, насилия, бедности, наркомании и пьянства могут быть высокими, но в обществе это не воспринимается как проблема. Только выдвижение определенными социальными группами и движениями требований изменить ситуацию может перевести какое-либо социальное явление в разряд проблем. Такой подход, развиваемый американским исследователем Джоном Китсьюзом и его последователями, получил название конструкционизма. Под социальной проблемой понимаются не объективно сложившиеся условия, а деятельность индивидов и групп, выражающих недовольство и выдвигающих утверждения о существовании проблемы и требования ее решить. Социальная ситуация становится социальной проблемой, когда кто-то преуспел в выдвижении соответствующих утверждений и требований.

Дискурсы социальных проблем конкурируют за внимание публики в средствах массовой информации, в общественных организациях, в повседневном общении людей. На этих публичных аренах одни явления приобретают статус проблемы, другие утрачивают его. Конструкционистский подход часто противопоставляют структурному объяснению социальных проблем. Однако те группы и движения, которые конструируют проблему, возникают и добиваются успеха потому, что сложились структурные предпосылки для успешного продвижения данной социальной проблемы на публичных аренах. Новые социальные движения, выдвигающие требования относительно решения тех или иных социальных проблем, тем самым способствуют социальным изменениям.

Контрольные вопросы

1. Какое определение понятия «институт» принято в социологии?
А) совокупность людей, занятых одним видом деятельности
Б) специализированная организация или учреждение
В) устойчивый комплекс норм, регулирующих взаимодействие в определенной сфере жизнедеятельности
2. Какого типа статусы преобладают в стратификационной системе неравенства?
А) предписанные
Б) достигнутые
В) гендерные
3. Как определяется аномия в рамках теории Р. Мертона?
А) как рассогласованность норм внутри социальной структуры
Б) как поведение, нарушающее социальные нормы
В) как отсутствие или слабость социальных норм
4. По какому критерию выделяются социальные классы?
А) по объему властных полномочий и уровню благосостояния
Б) по способу получения доступа к социально значимым ресурсам
В) по уровню богатства
5. К какому социальному институту относятся социальные роли «гражданин» и «чиновник»?
А) к государству
Б) к политике
В) к власти
6. Какова функция, выполняемая в современном обществе институтом выборов?
А) селекция политической элиты
Б) оптимизация управления
В) легитимация власти
7. Что такое социальная стратификация?
А) расслоение общества
Б) образующая слои иерархическая дифференциация системы статусов
В) операция разделения людей на социальные группы
8. К какому социально-экономическому классу относится статус школьного учителя?
А) к рабочему классу

- Б) к классу свободных профессионалов
В) к классу наемных работников
9. Что такое социальная мобильность?
А) изменение социального статуса индивидами или группами
Б) изменчивость общества и социальных структур
В) миграции больших групп людей
10. Какие четыре социальных класса существовали в советском обществе?
А) рабочий класс, крестьянство, коммунисты, беспартийные
Б) рабочий класс, крестьянство, интеллигенция, «номенклатура»
В) рабочие, крестьяне, служащие, партийные работники

Задания для самостоятельной работы

Задание 1. Поупражняйтесь в институциональном анализе. Используя определение и признаки социального института, проанализируйте современные СМИ (телевидение, газеты, интернет) и ответьте на следующие вопросы. Являются ли современные массовые коммуникации институционализированным взаимодействием? Каковы функции современных СМИ в обществе? Исполняют ли участники массовых коммуникаций определенные социальные роли? Как пространственно локализованы взаимодействия людей, вовлеченных в процессы массовых коммуникаций?

Задание 2. Определите принадлежность каждого профессионального статуса, приведенного в левом столбце таблицы 6.5 к социально-экономическому классу, выбрав подходящий из правого столбца. Соответствие статуса определенному классу укажите стрелкой (→). Обоснуйте каждое свое решение.

Таблица 6.5. Профессиональные статусы и социально-экономические классы

Статусы	Классы
Владелец нефтедобывающей компании	Политическая элита
Учитель средней школы	Капиталисты
Кассир в супермаркете	Свободные профессионалы
Владелец магазина	Фермеры
Пенсионер	Наемные работники («белые воротнички»)
Директор филиала банка	Наемные работники («синие воротнички»)
Рабочий на конвейере	Получатели социальной помощи
Командир мотострелковой бригады	
Программист-фрилансер	
Губернатор N-ской области	
Частнопрактикующий врач	
Менеджер по персоналу	

Темы рефератов (докладов)

- ✓ Концепция социальной стратификации и мобильности П. Сорокина
- ✓ Сравнительный анализ функций образовательных и религиозных институтов в современном обществе
- ✓ Применимость веберовской типологии господства в анализе современных политических институтов
- ✓ Гендерные аспекты социального неравенства
- ✓ Проблема социального неравенства в современной России

Список дополнительной литературы по теме

- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности / пер. с англ. М.: Academia-Центр, 1995.
- Бурдьё П.* Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр. СПб.: Алетейя, 2007.
- Вебер М.* Избранные произведения / пер. с нем. М.: Прогресс, 1990.
- Гидденс Э.* Социология / пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2005.
- Иванов Д. В.* Глэм-капитализм. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008.
- Иванов Д. В.* Новые конфигурации неравенства и потоковые структуры глэм-капитализма // Социологические исследования. 2016, № 6. С. 13–23.
- Масионис Дж.* Социология / пер. с англ. СПб.: Питер, 2004.
- Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура / пер. с англ. М.: АСТ, 2006.
- Радаев В. В., Шкаратан О. И.* Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996.
- Смелзер Н.* Социология / пер. с англ. М.: Феникс, 1998.
- Сорокин П.* Социальная мобильность / пер. с англ. М.: Academia, 2005.
- Тихонова Н. Е.* Социальная стратификация в современной России. Опыт эмпирического анализа. М.: Институт социологии РАН, 2007.
- Шкаратан О. И.* Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.

Глава 7

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРЫ

В различных отраслях социогуманитарного знания приняты собственные определения понятия «культура», призванные очертить специфику соответствующей дисциплины, ее предметную область, возможные теоретические подходы. Необходимо иметь в виду, что внутри каждой из дисциплин, напрямую занимающихся исследованиями культуры, также обнаруживается значительное разнообразие подобных определений. Более того — такие близкие к социологии дисциплины, как антропология, этнология, социальная психология, склонны заимствовать друг у друга понятийный аппарат. Учитывая сказанное, необходимо тем не менее отталкиваться от общего определения понятия «культура», не входящего в конфликт ни с осмыслениями феномена культуры в социологических теориях, ни с определениями, используемыми в смежных науках. Сохраняя в памяти такое определение, можно затем его уточнять и обогащать далее, изучать классические и современные трактовки культуры.

Культура — это искусственная среда, создаваемая человеком, выделяющая его из мира природы и отличающая его от животных. Эта среда, часто обозначаемая в различных теориях культуры как *артефакты*, состоит из искусственно созданного материального мира вещей в самом широком смысле — орудий труда, технологий, гаджетов и многого другого, а также из нематериальных объектов, включающих способы деятельности и образцы поведения, правила взаимодействия, ценности, мировоззрения, техники тела, символы и знаки, произведения искусства и пр.

Осмысление феномена культуры восходит к немецкому философу эпохи Просвещения Иоганну Готфриду Гердеру (1744–1803), впервые использовавшему термин «культура» в понятийном смысле, для обозначения уникальной одаренности единичных гениев, порождающих идеи о реальности и образ жизни, воспроизводимые далее в поколениях. Гердер полагал, что необходимо говорить о разнообразии культур, зачастую сосуществующих в пространстве и времени. Мыслители того периода стали увязывать понятие культуры с интеллектуальной жизнью и ее продуктами, системой образования и обра-

зованностью. Именно в этом контексте появилась отчетливая связка «создатель культуры — культура», в которой под творцами / создателями подразумевалась интеллектуальная элита, устанавливающая ценностные ориентиры и смыслы жизни. Подобные интерпретации с многообразными вариациями продержались вплоть до второй половины XIX в., когда на авансцену гуманитарных наук вышли социальная и культурная антропологии, для которых понятие «культура» стало ключевым. В течение длительного времени именно антропология и родственные ей этнография и этнология монополизировали право на исследование феномена культуры. Однако по мере развития и усложнения социологического дискурса о социальной реальности стало очевидно, что антропологическое познание культуры не покрывает всего разнообразия артефактов и явлений. Более того, понятия и концепты, созданные антропологами на базе изучения примитивных бесписьменных сообществ, не могли охватить все области деятельности, смыслов и символов современных обществ. Вместе с тем социология предприняла свои шаги в направлении изучения феномена культуры путем приобщения к антропологическому инструментарию и его переработке.

В современной социологии нет общепринятого определения культуры, а господствует мультипарадигмальность в изучении этого феномена и многоголосье в его определении. Между тем такое положение дел не освобождает социолога от необходимости иметь четкое представление о том, какие ключевые направления содержатся в этом секторе его дисциплины.

7.1. Институциональные и структурно-функциональные концепции культуры

Основоположителем институционального подхода к изучению культуры принято считать британского антрополога Бронислава Малиновского (1884–1942). Оригинальность сформулированного им подхода состояла в связывании биопсихологических и культурных детерминант социального действия. Отправным пунктом рассмотрения социальной природы институтов, их структуры и функций выступало для него определение понятия «культура».

Обращение Б. Малиновского к теоретическому осмыслению культуры было обусловлено его стремлением создать аналитическую рамку для полевого исследования культур бесписьменных обществ. Именно поэтому одной из центральных проблем, решаемых им в монографии «Научная теория культуры» (1937), становится поиск и установление минимальной изолированной единицы анализа социокультурного целого. В качестве таковой Малиновский обозначил «единицу организации в человеческом обществе» — институт. Полевое изучение любой культуры предполагает, по мысли Малиновского, уста-

новление номенклатуры составляющих ее институтов и их структуры, а также выявление их функций. Теоретическое исследование культуры должно обеспечить методологические основания для полевой работы, т. е. вычленил универсальные критерии культурного института.

Малиновский предложил два типа анализа — институциональный и функциональный. Теоретически оба они предназначались для разработки определения понятия «культура», а методологически должны были задавать схему полевой работы. В основу обоих типов анализа положено определение культуры как искусственной среды, создаваемой человеком в силу его биологической и психофизической обусловленности. Культура возникает как результат деятельности человека, направленной на удовлетворение базовых / первичных потребностей. Таким образом, функциональной предпосылкой возникновения культуры выступает биопсихологическая природа человека, руководствующегося в своей деятельности необходимостью удовлетворения потребностей. Первичные потребности определяются Малиновским как «биологические условия и условия окружающей среды, которые должны обеспечивать выживание индивида и группы».

Формирование германской традиции социологического моделирования понятия «культура» принято связывать с работами немецкого ученого Арнольда Гелена (1904–1976). Концепция культуры, созданная Геленом, возникла на стыке социологии и антропологии. Эта теоретико-методологическая особенность разработки понятия «культура» обусловила специфику дальнейшего развития институционального анализа в рамках германской социологической традиции.

Теория культуры Гелена представлена в его монографии «Первобытный человек и поздняя культура» (1956). В геленовской социологической теории на первый план выступало понятие «культура», а не «общество». Это объясняется трактовкой социологии как части философской антропологии. Антропология в аспекте ее дисциплинарных рамок определялась Геленом как соединение философии и социологии, или «учение, синтезирующее философское осмысление духовных оснований культуры и социологическое рассмотрение форм и типов действия». В теоретико-методологическом аспекте антропология интерпретировалась им как учение о категориях культуры, наделяющих смыслом социальное действие. Под категориями культуры Гелен понимает «нерасчленимые далее аналитические понятия, отражающие сущность человека в культурном, социальном и историческом аспектах». И в качестве таковых он выделяет понятия «действие», «институт», «реципрокальность» (от лат. *reciprocus* — взаимный), «продолжительность». Гелен выстраивает эти категории в иерархию, главенствующее место в которой отводится институтам. Категория «институт» содержит в себе три другие, она вскрывает историчность человека, уникальность и специфичность его природы. Сама теория институтов должна была, по мысли Гелена, послужить инструментом анализа исторической реальности

в перспективе установления «элементарных» и «сложных» типов социального действия.

Собственное «учение о действии» и биолого-антропологической природе человека было изложено Геленом в монографии «Человек. Его природа и положение в мире» (1940). Исходной посылкой теоретизирования в ней стало положение о «двойственной природе человека», который, будучи ведомым инстинктами и потребностями, приходит к самому себе, своей «второй природе» через целенаправленное действие. Вслед за немецкими философами-идеалистами, и в первую очередь И. Кантом, Гелен трактует человека как «существо окультуренное», руководствующееся волей и законом. Руководствуясь мотивом необходимости «упорядочения мира», человек создает самого себя и специфическую «картину мира».

Концепция культуры как системы действия впервые была введена Талкоттом Парсонсом (1902–1979) и стала основополагающей для его ученика и последователя Клиффорда Гирца (1926–2006).

В рамках теории социальных систем Парсонса утверждается, что культура — это элементарная символическая система, включающая «конвенции языка и систему религиозных верований». Отношения взаимодействия происходят из установленных норм, закрепленных в системе культуры. В процессе социализации акторы усваивают нормы и ценности, а потому располагают возможностью производить отбор смыслов, культурно заложенных в различных ситуациях. Иными словами, элементарная социальная система — взаимодействие — основывается на культурном установлении ситуации и пределов возможностей ориентации действия.

Культура трактуется Парсонсом как упорядоченная система символов, выступающих объектами ориентации действия, интернализированными компонентами личностей индивидов и институционализированными образцами социальной системы. Парсонс утверждает, что в культуре должны присутствовать три комплекса — системы верований, системы выразительных символов и системы ценностных ориентаций.

Первый компонент культуры — системы верований — обеспечивает продолжительность коммуникации и ее стабильность. Структурно система верований подразделяется на «эмпирические» и «неэмпирические» верования. К разряду эмпирических верований (т. е. верований, «касающихся процессов, доступных пониманию посредством практической рациональности») Парсонс причисляет науку и идеологию. Различие этих систем верований заключено в их содержании и функциях. Так, в научных верованиях превалирует познавательная ориентация действия, их функция — создание когнитивных стандартов. В идеологии первостепенное значение имеет оценочный интерес, а содержательно она может быть представлена философией, наукой и верованиями, предполагающими обязательность их воплощения в действии. Функцией идеологии является когнитивная легитимация образцов ценностной

ориентации. Именно идеология, согласно Парсонсу, рационализирует селекцию ценностей, дает основания для выбора альтернатив. Он определяет идеологию как систему идей, направленных на оценочную интеграцию коллектива, достигаемую посредством интерпретации его эмпирической природы, ситуации, в которой он оказался, процессов, приведших к ней, целей, на которые он ориентирован, их соотношение с будущими событиями.

Неэмпирические верования — философия и религия — касаются тех когнитивных сфер, которые недоступны для познания посредством научного метода или «эквивалентного ему стандарта». Такие когнитивные сферы предметно охватывают «проблему знания» и «проблему космологии». Проблема знания состоит в осмыслении природы эмпирического и неэмпирического знания, источников познания и т.п. Ее решением занимаются и философия, и религия. Проблема космологии, или проблема существования человека и универсума, также принадлежит и к компетенции философии, и к компетенции религии.

Второй аналитический компонент культуры — системы выразительных символов, в которых превалирует интерес непосредственного удовлетворения. Парсонс подчеркивает, что все системы верований состоят из символов, или «реифицированных моделей», реальности. Реифицированные (от англ. *reification* — овеществление) модели образуют системы символов, связывающие реальность и ее понимание. Парсонс считает, что «опосредующий символизм» весьма характерен для религиозной сферы, где познание сопряжено с невозможностью прямого наблюдения и имеет оценочную природу.

Третий аналитический компонент культуры — системы ценностных ориентаций. В отличие от систем верований, они включают «обязательства» принимать логические следствия когнитивных верований и производить селекцию возможностей. Взаимозависимость систем верований и ценностных ориентаций демонстрируется Парсонсом путем указания на тот факт, что восприятие и оценка «социальных объектов» действия всецело зависит от системы верований.

Культура, состоящая из систем верований, систем экспрессивных символов и систем ценностных ориентаций, выступает основанием для коммуникации. Развиваясь как продукт интеракции, культура делает возможной коммуникацию, поскольку содержит нормативный стандарт упорядочения и селекции смыслов.

Прямым учеником и продолжателем идей Парсонса стал известный американский антрополог и социолог Клиффорд Гирц, основатель отдельного направления интерпретативной антропологии и визуальной социологии, создатель исследовательского метода, известного под названием «насыщенное описание». Он полагал, что центральным вопросом социологии является проблема социальной организации смысла. В перспективе решения этой про-

блемы социологу необходимо сфокусироваться на изучении культурных смыслов и кодов.

Концепция культуры, предложенная Гирцем, содержится в монографии «Интерпретация культур» (1973). Гирц исходил из того, что культура неотделима от социального действия, слагаемого из множества взаимосвязанных частных действий. В его трактовке культура — это «образная вселенная», внутри которой поступки людей являются знаками. Под действиями он понимает обычаи, традиции, практики, совокупности привычек. Человек от рождения оказывается погруженным в текстуру культуры, разнообразные культурные программы деятельности, выбирая среди которых, он упорядочивает свое поведение. Следуя системной теории действия Парсонса, Гирц подчеркивал, что контекст культуры весьма разнообразен, поскольку актор включен во множество различных систем действия — этническую, родственную, экономическую, религиозную, профессиональную и т. д. Таким образом, по Гирцу, культурные системы различных обществ состоят из множественных пластов смыслов и символов — религиозных, политических, экономических, родственных, правовых и т. д.

7.2. Концепции культуры как системы производства и потребления

Совершенно иначе, чем в рамках институционализма и структурного функционализма, выстраиваются представления о культуре в тех концепциях, которые основаны на критическом отношении к ценностным основам и символическому содержанию культуры, развивающейся в эпоху индустриального капитализма. В этих концепциях она рассматривается в терминах индустриального производства и потребления, маркеров символических границ и классового неравенства.

Представление о культуре как системе символического производства было разработано социологами Франкфуртской школы. Лидеры этой школы Теодор Адорно и Макс Хоркхаймер в работе «Диалектика просвещения» (1947) ввели понятие «культурные индустрии». Анализируя содержание современного им искусства, они пришли к выводу, что культура всё больше превращается в средство массового развлечения и пропаганды моделей реальности, идеологически выгодных правящим элитам. Они ввели понятие «культуриндустрия» как аналог или синоним понятия «массовая культура», полагая, что такая культура создается крупными корпорациями, защищающими интересы своих собственников. Адорно и Хоркхаймер утверждали, что для идеологического управления массами культуриндустрия создает простые и легкодоступные образы реальности, а средства их передачи — телевидение, радио и кино — превращаются в бизнес-структуры, обслуживающие этот процесс.

Позднее в работе «Резюме о культуриндустрии» (1963) Адорно уже в детальном и зрелом виде преподносит концепт культуриндустрии как преднамеренной интеграции культуры сверху. Он полагал, что средствами культуриндустрии осуществляется ценностная нивелировка культуры, лишение ее главной характеристики — критической направленности. Мыслящий субъект превращается в примитивного потребителя легкодоступных образов и моделей реальности, продуцируемых искусственно. Культуриндустрии создают ложную идентичность, которая легко усваивается и воспроизводится.

В 1980–1990-е годы на волне критики марксистских концепций внутри социологии культуры выросло целое направление, основатели которого сгруппировались вокруг реинтерпретации понятия «производство культуры». Наиболее известными и популярными оказались тезисы британского социолога Дэвида Хэзмондалша, опубликовавшего в 2007 г. книгу «Культурные индустрии». Под культурными индустриями он подразумевает те государственные и негосударственные организации и коммерческие компании, которые напрямую занимаются конструированием социальных смыслов. К числу культурных индустрий он относит телевидение, радио, кинематограф, газеты, журналы и книгоиздание, звукозаписывающую индустрию, рекламу и исполнительские искусства. Все эти индустрии порождают специфические тексты — новости, рекламу, музыку, фильмы, электронные тексты и др. Хэзмондалш полагает, что посредством своих текстов культурные индустрии организуют и распространяют символическую креативность, которая, в свою очередь, отражает радикальное неравенство и социальную несправедливость по линии класса, пола, расы и др. Такие индустрии являются проводниками экономических, социальных и культурных изменений.

Тема взаимосвязи современной культуры и социального неравенства получила продолжение и собственное оригинальное развитие в социологических концепциях, трактующих культуру как капитал или маркер символических границ. основополагающей для возникновения таких трактовок стала концепция культурного капитала, введенная Пьером Бурдьё. Она на долгое время определила направленность дискуссий социологов о культуре не только в рамках французской, но, шире, в контексте европейской социологии. Столь привлекательной она оказалась в силу того, что увязывала в единое целое изучение социально-экономической стратификации, личных связей, социальных отношений, динамики формирования вкусов в искусстве и социального неравенства.

Некоторую сложность в изучении и понимании концепции культурного капитала составляет то обстоятельство, что Бурдьё заменил понятие «культура» собственным понятием «культурный капитал». В работе «Социальное пространство и генезис “классов”» (1984) он подробно рассматривает различные виды капиталов, включая и культурный. Бурдьё полагает, что следует говорить о трех типах культурного капитала — инкорпорированном, объек-

тивированном и институционализированном. Инкорпорированный капитал, или инкорпорированная культура, — это устойчивые мыслительные и поведенческие диспозиции, которые приобретаются в семье и через образование. Семейное воспитание превращает этот тип капитала в неотъемлемую составляющую личности — культуру, инкорпорированную в тело и поведение индивида. Объективированный культурный капитал представлен «культурными товарами» — книгами, картинами, гаджетами, словарями и пр. Эти товары являются материальным воплощением знаков и символов, маркирующих смысл отношений и культурные коды. Они раскрывают социальное происхождение своих обладателей и их статусные позиции. Институционализированный культурный капитал — это академические квалификации, материально воплощенные в дипломах об образовании, степенях и званиях.

В ряде прикладных исследований Бурдье выявил связь между классом и культурой, культурную маркированность классовой структуры и вертикальной мобильности. Он считал, что каждому классу присуща специфическая культура. Культура высших классов оказывается доминантной отнюдь не потому, что она лучше, а лишь поскольку презентует тех, кто у власти. Культура маркирует классовую принадлежность, способствует закреплению классового неравенства и формированию индивидуальных жизненных шансов. Так, потребление культуры, эстетические или жанровые предпочтения напрямую зависят от классовой принадлежности, а использование стилей речи и взаимодействия, умение оперировать культурными кодами, знание определенных культурных практик маркирует принадлежность к определенному классу.

Концепция культурного капитала вошла в репертуар активно используемых методологических инструментов в социологии. Так, американские социологи Пол ДиМаджио и Джон Мор исследовали, каким образом осуществляется конвертация культурного капитала в другие виды капитала. Они установили, что культурный капитал конвертируем в профессиональное образование, карьерный рост и шансы на удачный брак. Более того, ими была выявлена динамика подобной конвертации: сначала культурный капитал вкладывается в социальные связи и получение доступа или входы в определенные социальные сообщества, а затем он начинает приносить конкретный доход и символическую прибыль. Иными словами, в динамике конвертации культурный капитал сначала переходит в социальный, потом в экономический и далее в другие возможные разновидности капитала.

Французская исследовательница Мишель Ламонт, опираясь на разработки Бурдье, предложила новую методологию, получившую название «символические границы». В монографии «Деньги, мораль и манеры: культура французского и американского высшего среднего класса» (1992) она изложила результаты проведенного ею опроса представителей средних слоев Франции и США. Ламонт продемонстрировала, что респонденты отождествляют себя

с определенным классом, используя три критерия — мораль, культуру, социально-экономический статус. Она заявила о необходимости использовать понятие «символические границы» для обозначения тех границ, которыми руководствуются сами акторы при категоризации объектов, людей, практик, времени и пространства.

Символические границы — это объективированные формы социальных различий, воплощаемые в неравном доступе к неравному распределению ресурсов и социальных возможностей.

Посредством создания символических границ акторы противостоят друг другу или приходят к соглашению. Отдельным направлением исследований, проводимых Ламонт, стало изучение символических границ, создаваемых группами между собой и аутсайдерами. В этом контексте в фокусе ее внимания оказалось использование культуры и символических границ в повседневной жизни. Она показала, что такие границы, будучи частью культуры, формируются непосредственно во взаимодействии и обусловлены не классовой или социально-экономической принадлежностью акторов, а расовыми, гендерными, профессиональными, национальными характеристиками последних.

Критика в адрес теории культуры Бурдье высказывалась, как правило, теми, кто проводил множественные полевые исследования в рамках социологии искусства. Так, известный американский социолог Дэвид Халле своими исследованиями опровергает тезис Бурдье о том, что культурная компетентность элитарна, а вкус к пониманию искусства прививается только через образование и принадлежит исключительно экспертам. В монографии «Внутри культуры: искусство и класс в американском доме» (1996), ставшей событием как в области социологии искусства, так и в среде экспертов и галеристов, Халле убедительно продемонстрировал, что концепция Бурдье не выдерживает проверки эмпирическими исследованиями. В противовес этому авторитетному концепту он полагал необходимым поставить вопрос иначе: какую роль выполняет и какими смыслами наделяется артефакт — произведение живописи, скульптуры, фотографии — в повседневности обывателя, в интимно-личном пространстве его дома?

Халле провел множественные интервью в среде частных коллекционеров, занимающихся собиранием образцов абстрактного искусства, исследовал жилища, апартаменты, квартиры, студии американцев высших страт, среднего класса и бедных районов. Он установил, что в большинстве своем галеристы и коллекционеры вообще не способны оценить качество произведения — не то что навязать массам какие-то сложные системы кодов, как это предполагалось. В усвоении образцов высокого искусства, в развитии вкуса ведущую

роль играют происхождение, образование и статус потребителя. Одна из центральных идей Халле состоит в том, что культура как артефакт повседневной жизни не сводима к тому, что о ней пишет социологическая классика и реально далека от того, что постулируют искусствоведы.

Отдельное направление социологических исследований современной культуры в ее соотнесенности со статусом, классовой принадлежностью, гендерными диспозициями составляют концепции, сгруппированные под тегом «культурная всеядность». Само понятие было введено американским социологом Ричардом Петерсоном. В ходе своих эмпирических исследований культурных предпочтений элит он обнаружил, что культурное потребление представителей высших слоев включает самые разнообразные объекты вплоть до популярной и массовой культуры. Работы Петерсона выявили тот факт, что конструкция культурного капитала, предложенная Бурдье, далеко отстоит от реальностей американского социума, в котором высшие слои наравне с представителями рабочего класса оказываются потребителями вульгарного и популярного. Более того, культурная всеядность становится маркером статуса, поскольку репрезентирует широкие потребительские возможности своих представителей.

7.3. Концепции глобальной культуры и проект культурсоциологии

В различных теориях глобализации был впервые поставлен вопрос о направленности процесса глобализации в отношении конкретных культур. Приведет ли прогрессирующая гомогенизация культур к их сплаву в котле «глобальной культуры» или конкретные культуры не исчезнут, а изменится только контекст их существования? Ответ на этот вопрос предполагает прояснение понятия «глобальная культура», анализ соответствующего феномена, его составляющих и тенденций развития.

В международной социологической дискуссии наиболее популярны концепции Энтони Д. Смита и Аржуна Аппадураи. Феномен глобальной культуры и сопутствующие ему процессы глобализации культур и культурной глобализации трактуются в рамках этого направления как идеологические конструкции, производные от реального функционирования мировой экономики и политики. Вместе с тем авторы этих концепций предпринимают попытку осмысления исторических предпосылок и онтологических оснований внедрения данной идеологической конструкции в текстуру повседневности.

Предложенная британским исследователем Э.Смитом концепция глобальной культуры выстраивается через методологическое и содержательное противопоставление научно фундированного понятия «культура» образу «глобальной культуры», идеологически сконструированному и пропаганди-

руемому СМИ в качестве новой реальности планетарного масштаба. Смит призывает мыслящий научный мир отказаться от понятия культуры в связи с необходимостью построения социологической или культурологической интерпретации процессов глобализации. Более того, исходным методологическим тезисом его концепции становится постулирование того факта, что социогуманитарные науки располагают совершенно отчетливым определением понятия «культура», конвенционально принятым в дискурсе и не подлежащим сомнению. Смит указывает, что в многообразии концепций и трактовок культуры неизменно воспроизводится ее определение как «коллективного образа жизни, репертуара верований, стилей, ценностей и символов», закрепленных в истории обществ. Понятие «культура» конвенционально в научном смысле слова, поскольку в исторической реальности можно говорить только о культурах, которые органичны, т.е. укоренены в определенном социальном пространстве и времени, территории проживания и истории конкретного этносообщества, нации, народа. В контексте такого методологического тезиса идея «глобальной культуры» представляется Смицу абсурдной, поскольку само понятие культуры предполагает компаративистский подход, и введение представления о «глобальной культуре» отсылает ученого уже к некоему «межпланетному» сравнению.

Смит подчеркивает, что если попытаться помыслить глобальную культуру как некую искусственную среду человеческого вида млекопитающих, то и в этом случае мы обнаружим поразительные различия в образе жизни и верованиях сегментов человечества. В противовес сторонникам трактовки процесса глобализации как исторически закономерного, увенчивающегося возникновением феномена общемировой культуры, он считает, что с научной точки зрения более логично говорить об идеологических конструктах и концепциях, органичных для европейских обществ. Таковыми идеологическими конструкциями являются концепции «национальных государств», «транснациональных культур», «глобальной культуры». Именно эти концепции были порождены западноевропейской мыслью в ее стремлении выстроить некую универсальную модель истории развития человечества.

Социокультурная динамика формирования образа глобальной культуры трактуется Смитом как история формирования идеологической парадигмы культурного империализма Европы и США. И в этой истории он выделяет только два периода, маркированных соответственно появлением самого феномена культурного империализма и его преобразованием в новый культурный империализм. Под культурным империализмом Смит понимает расширение этнических и национальных «чувств и идеологий» — французских, британских, российских и т.д. — до вселенских масштабов, навязывание их в качестве общечеловеческих ценностей и достижений всемирной истории.

Обзор концепций, разработанных на первом этапе развития парадигмы культурного империализма, Смит начинает с указания на следующий факт: до

1945 г. еще возможно было верить в то, что «нация-государство» — это нормативная социальная организация современного общества, призванная воплотить гуманистическую идею национальной культуры. Однако Вторая мировая война положила конец восприятию этой идеологии как общечеловеческого гуманистического идеала, продемонстрировав миру масштабные разрушительные возможности идеологий «сверхнаций» и разделив его на победителей и побежденных. В послевоенном мире идеалы национального государства и национализма сменились новым культурным империализмом в виде советского коммунизма, американского капитализма и новоевропеизма. Таким образом, временной рамкой первоначального культурного империализма в концепции Смита выступает история европейской мысли от древности до Новейшего времени.

Следующим этапом развития культурного империализма становится, по Смигу, «эпоха постиндустриального общества». Ее историческими реалиями явились экономические гиганты и сверхдержавы, мультинациональность и военные блоки, сверхпроводящие коммуникативные сети и интернациональное разделение труда. Идеологическая направленность парадигмы культурного империализма «позднего капитализма, или постиндустриализма», предполагала полный и безоговорочный отказ от концепций малых сообществ, этносообществ с их правом на суверенитет и пр. Гуманистическим идеалом в этой парадигме осмысления социокультурной реальности выступает культурный империализм, основанный на экономических, политических и коммуникативных технологиях и институтах.

Фундаментальной характеристикой нового культурного империализма стало стремление создать позитивную альтернативу «национальной культуре», организационной основой которой выступали нации-государства. В таком контексте и зародилась концепция «транснациональных культур», деполитизированных и не ограниченных историческим контекстом конкретных обществ. Новый глобальный империализм, имеющий экономическое, политическое, идеологическое и культурное измерения, предложил миру искусственно созданный конструкт глобальной культуры.

Согласно Смигу глобальная культура эклектична, универсальна, безвременна и технична — это «конструируемая культура». В то же время исторические культуры всегда национальны, партикулярны, органичны только в конкретном времени и пространстве; допускаемый в них эклектизм жестко детерминирован и ограничен. Глобальная же культура намеренно конструируется в целях легитимации глобализирующейся реальности экономики, политики и медийных коммуникаций. Ее идеологами выступают страны, продвигающие культурный империализм как некий общечеловеческий гуманистический идеал. Смит указывает, что попытки доказать историчность глобальной культуры через апелляцию к модной в современном социогуманитарном знании

концепции конструируемых (или воображаемых) сообществ не выдерживают критики.

Рассмотренная выше концепция нацелена по преимуществу на развенчание авторитетного научного мифа современности об историчности феномена глобальной культуры, органичности его структуры и функций. Смит последовательно доказывает, что глобальная культура не есть конструкт культурной идентичности, она не располагает популярным уровнем функционирования, характерным для любой культуры, нет у нее и элитарных носителей. Уровни функционирования глобальной культуры представлены избытком стандартизированных товаров, хаотичным нагромождением денационализированных этнических и народных мотивов, сериями генерализированных «человеческих ценностей и интересов», однородным выхолощенным научным дискурсом, взаимозависимыми системами коммуникаций, которые служат базой для всех ее уровней и компонентов. Главное онтологическое препятствие на пути конструирования глобальной идентичности и глобальной культуры, заключает Смит, составляют исторически закреплённые национальные культуры. В истории человечества невозможно обнаружить никакой общей коллективной памяти, а память об опыте колониализма и трагедиях мировых войн — это свидетельство раскола человечества и крушения идеалов гуманизма.

Американский антрополог индийского происхождения Аржун Аппадурай в конце 1980-х годов разработал свой теоретический подход, который он сам охарактеризовал как первую попытку социально-антропологического анализа феномена «глобальной культуры». Феномен этот, по мысли Аппадурай, может быть подвергнут исследованию только при условии осмысления того, каким образом он существует во времени и пространстве. В аспекте разворачивания глобальной культуры во времени она представляет собой синхронизацию прошлого, настоящего и будущего различных локальных культур. Слияние трех модусов времени в единое расширенное настоящее глобальной культуры делается реальным только в измерении современности мира, развивающегося по модели гражданского общества и модернизации. В контексте проекта глобальной модернизации настоящее развитых стран (в первую очередь США) трактуется как будущее развивающихся, тем самым настоящее последних помещается в не состоявшееся в реальности прошлое.

Говоря о пространстве функционирования глобальной культуры, Аппадурай указывает, что оно состоит из элементов, «осколков реальности», соединяемых через электронные средства связи и массмедиа в единый сконструированный мир, обозначаемый им термином «скейп». Этот термин вводится им для указания на тот факт, что обсуждаемая глобальная реальность не дана в объективных отношениях интернациональных взаимодействий обществ и национальных государств, этносообществ, политических и религиозных движений. Она «воображается», конструируется в качестве того общего

«культурного поля», которое не знает государственных границ, не привязано ни к одной из территорий, не исчерпывается историческими рамками прошлого, настоящего или будущего. Ускользящее, находящееся в постоянном движении неустойчивое пространство идентичностей, комбинированных культурных образов, идеологий без временных и территориальных границ — это и есть скейп.

Глобальная культура видится Аппадурои как состоящая из пяти конструируемых пространств. Она представляет собой постоянно меняющуюся комбинацию взаимодействий этих пространств: пространства этносов, пространства технологий, финансового пространства, медиaprостранства и идеологического пространства. Терминологически они обозначены как этноскейп, техноскейп, финансскейп, медиаскейп и идеоскейп соответственно.

Первый и основополагающий компонент глобальной культуры — этноскейп — это конструированная идентичность разного рода мигрирующих сообществ. Потоки социальных групп и этносообществ составляют туристы, иммигранты, беженцы, эмигранты, иностранные рабочие. Именно они и формируют пространство «воображаемой» идентичности глобальной культуры. Общая характеристика этих мигрирующих людей и социальных групп — это перманентное движение в двух измерениях. Первое измерение — это движение в реальном пространстве территорий, имеющих государственные границы. Отправным пунктом такого движения выступает конкретный локус — страна, город, деревня, — обозначаемый как «родина», а конечное пристанище всегда временно, условно, непостоянно. Проблематичность установления конечного пункта, локуса, территории этих сообществ обусловлена тем, что в пределе их активность устремлена к возвращению на родину. Второе измерение их перманентного движения — это перемещение от культуры к культуре.

Второй компонент глобальной культуры — техноскейп — это поток устаревших и современных, механических и информационных технологий, образующий причудливую конфигурацию технического пространства глобальной культуры.

Третий компонент — финансскейп — это не поддающийся контролю поток капитала, или конструируемое пространство денежных рынков, национальных курсов валют и товаров, существующих в движении без границ во времени и пространстве.

Связь между этими тремя функционирующими в отрыве друг от друга компонентами глобальной культуры опосредуется разворачиванием пространства образов и идей (медиаскейп), продуцируемых массмедиа и легитимируемых через пространство конструируемых идеологий и политических доктрин (идеоскейп).

Четвертый компонент глобальной культуры — медиаскейп — это обширные и сложные репертуары образов, нарративов и «воображаемых идентичностей», порождаемые средствами массовой информации. Конструиро-

ванное пространство комбинации действительного и воображаемого, смешанной реальности может быть адресовано любой аудиторией мира.

Пятый компонент — идеоскейп — пространство, создаваемое политическими образами, связанными с идеологией государств. Это пространство составлено из таких «осколков» идей, образов и понятий эпохи Просвещения, как свобода, благополучие, права человека, суверенитет, демократия. Аппадурои отмечает, что один из элементов этого пространства политических нарративов — понятие «диаспора» — утратил свою внутреннюю содержательную конкретность. Определение того, что такое диаспора, сугубо контекстуально и варьирует от одной политической доктрины к другой.

Аппадурои считает, что одной из важнейших причин глобализации культуры в современном мире является «детерриторизация». Детерриторизация приводит к возникновению первого и важнейшего измерения глобальной культуры — этноскейпа, т.е. глобального потока туристов, мигрантов, беженцев и иностранных рабочих. Детерриторизация выступает причиной появления новых идентичностей, глобального религиозного фундаментализма и т.д.

Анализ формирования и функционирования глобальной культуры ведется в направлении исследования воздействия макроэкономических, международно-политических и технологических сдвигов на национальные и локальные культуры. Альтернатива такому подходу, представляющему культуру как объект трансформации, предложена в проекте культурсоциологии — принципиально новой дисциплины, заявленной классиком американской теоретической социологии Джеффри Александером. Культурсоциология призвана раскрыть центральность и автономность культуры в современных социальных процессах и должна занять место социологии культуры и культурных исследований. В монографии «Смысл социальной жизни» (2003) Александер проводит различие между новой культурсоциологией и социологией культуры. Он полагает, что социология культуры разворачивает свои исследования по «слабой программе», не позволяющей пробиться к сущности феномена культуры, изучить и описать его непосредственно, а не сквозь призму понятий «функция», «власть», «структура» и пр. Он выдвигает новый проект социологической дисциплины по изучению культуры, разворачивающейся в рамках «сильной программы».

Новая культурсоциология должна заниматься интерпретацией коллективных смыслов, выявлять моральные и эмоциональные основания индивидуальной и коллективной деятельности. В методологическом отношении она возвращается к определению культуры как относительно автономной системы действия, а не в качестве одной из переменных. Согласно Александеру культура — это реальность особого рода, система символических кодов, которая определяет и различает добро и зло, сакральное и профанное и т.д. Предло-

женный им подход получил название «сильная программа исследований культуры».

Сила программы, предложенной Александером, состоит в изучении культуры усилиями коллектива единомышленников, а не «одиночкой, бредущим в темноте со свечой». В 2003 г. на базе Йельского университета был открыт исследовательский центр культурсоциологии. Подчеркивая коллективность новой программы, Александер указывает на скоординированность действий, предпринимаемых в партнерских научных программах новой культурсоциологии в Японии, Южной Корее, Колумбии, Италии, Гонконге, Германии, Швейцарии, Чехии и т. д.

Ведущими темами, согласно «сильной программе», стали наиболее актуальные феномены современности — коллективное сознание, гражданское общество, массмедиа. Отталкиваясь от дюркгеймовского понятия «коллективные представления», Александер утверждает, что наиболее явно культура представлена в гражданском обществе. В свою очередь гражданское общество он определяет, вслед за Ю. Хабермасом, как сферу публичности. Именно в этой сфере конкретизируются моральные авторитеты и диффузное общественное мнение, производится оценка акторов и политики.

Сила новой программы состоит и в том, что она актуализирует лучшие достижения старой социологии культуры. Так, апеллируя к идеям структурализма К. Леви-Стросса и Р. Барта, Александер предлагает понимать публичную сферу как пространство, выстроенное в логике бинарных оппозиций. И здесь ключевой выступает идея о кодах, посредством которых структурируется не только общественное мнение, но и политическое поведение.

Сторонники «сильной программы» считают ключевыми объектами изучения нарратив и перформанс. Александер заявляет, что культура структурирует социальную жизнь через нарратив, явленный в публичной сфере. Таким образом, политическое действие может быть исследовано с использованием жанровых классификаций, принятых в лингвистике.

Перформанс интересует сторонников «сильной программы» только в его макросоциологическом проявлении. На этом уровне делается возможным уловить глубинные структуры культуры и общественной мифологии. Яркими примерами таких макросоциологических проявлений являются президентские карьеры, акты политического насилия, взаимодействия музыкантов с публикой.

Принципиально новым тематическим направлением «сильной программы» стало исследование «культуры травмы». Ее анатомирование позволяет выявить механизмы конструирования новых социальных идентичностей и новых историй, способов проведения границы «свои — чужие».

И наконец, еще одной инновацией стала концепция «иконического сознания». Александер полагает, что искусство, будучи неотъемлемой частью культуры, способно передавать устойчивые культурные смыслы через матери-

альные поверхности, специфичные для определенных форм искусства. В повседневной жизни люди, переживая эмоции и смыслы, производят мгновенную типизацию посредством соединения этих эмоций и смыслов с поверхностями художественных объектов. Именно в моменты постижения сущности смыслов через соприкосновение с художественными поверхностями и возникает иконическое сознание. Самой яркой иллюстрацией опыта иконического сознания Александер считает семейные фотографии, хранимые в домашних альбомах, бумажниках и в рамках на письменных столах. В статье «Иконическое сознание: материальное чувство смысла» (2010) он подробно анализирует этот свой концепт, подчеркивая, что иконическое сознание проявляет себя в те моменты, когда эстетически оформленная материальность транслирует социально значимую ценность или отсылает к ней.

7.4. Общество как комплексный феномен культуры

Развитие различных теоретических концепций культуры в социологии в последние пять-шесть десятилетий демонстрирует отчетливую тенденцию, которую можно назвать поворотом к культуре. Особенно ярко это проявляется в проекте культурсоциологии Дж. Александера и его последователей. Точке зрения на общество как на универсальную систему структур и функций всё чаще противостоит понимание общества как культурного феномена. Специфика исторических и этнических форм общественной жизни указывает на то, что социальная организация часто включает дисфункциональные элементы, что если какая-либо форма взаимодействия является обычаем и освящена традицией, то она будет воспроизводиться вопреки условиям сохранения системы, которые постулированы функционализмом.

Функциональные структуры, складывающиеся в подсистемы, стали специфической формой общества, возникшей в контексте развития европейской и североамериканской цивилизации. Это частный случай социальной организации, в которой культура оказывается в подчиненном положении по отношению к экономике и политике или выступает с ними наравне, как выполняющая часть функций по воспроизводству общества. В более широком цивилизационном и историческом контексте общество как система норм, структур, институтов предстает как феномен культуры.

В основе социальной организации лежат не функции, а ценности — представления о должном, служащие мерилom оценки любых вещей, идей, поступков. Ценности задают универсальную формулировку всех жизненных проблем — хозяйственных, познавательных, моральных, политических и т. д. Решения этих проблем обуславливают образ жизни людей и становятся тем самым компонентами культуры.

Культура — это определяющая образ жизни людей совокупность способов решения проблем.

Такие способы воплощаются в артефактах (вещах, создаваемых людьми в качестве инструментов), а также в ритуалах и обычаях (процедурах применения инструментов). Инструментами могут быть орудия труда, научные приборы, предметы одежды, тексты, произведения искусства и т. д. Артефакты, ритуалы, обычаи имеют смысл только для тех, кто руководствуется соответствующими ценностями. Поэтому в отрыве от ценностей артефакты и обычаи гибнут или утрачивают смысл и начинают играть новую роль в рамках иной культуры, например становятся музейными экспонатами.

Социальная организация — это совокупность ритуалов и обычаев, относящихся к взаимодействию людей, определяющая их отношение друг к другу. Поэтому она является частью или одним из проявлений культуры. Общественная система — это также часть культуры.

Такой подход к пониманию общества был заложен еще Э. Дюркгеймом, писавшим, что общество — это коллективное сознание, т. е. «более или менее организованная совокупность верований и чувств, общих для всех членов группы». Этот подход получил развитие в трудах П. Сорокина. В своей работе «Социальная и культурная динамика» (1937–1941) он детально разработал понятие «социокультурное» применительно к обществу и его трансформации. Анализируя общество, Сорокин делал акцент не на функциональной взаимозависимости его частей, а на их органичном единстве, на их общей ценностной, символической основе. Представление об обществе как культуре лежит также в основе неомарксистской и интеракционистской моделей общества (см. гл. 5). Культурсоциология Дж. Александера, получившая широкое признание в последние годы, делает понятие культуры теоретически более фундаментальным, чем понятие общества.

При рассмотрении общества как культуры основными социальными процессами становятся инновация (внедрение новых способов решения определяемых ценностями проблем) и поддержание традиции (воспроизводство этих способов как обычаев и ритуалов).

Социальная организация возникает в рамках таких форм культуры, как:

- локальные культуры и цивилизации;
- массовая культура;
- субкультуры;
- контркультура;
- глобальная культура.

Локальные культуры возникают на основе племенной замкнутости и жесткости традиций. Некоторые из таких локальных культур развиваются в цивилизации — культуры, порождающие артефакты и обычаи, выдающиеся на общем историческом уровне материальных и духовных достижений человечества. Цивилизации могут существовать длительное время (несколько столетий), сохраняя ценностную основу и специфические культурные черты. При этом социальные системы, возникающие в рамках цивилизации, могут эволюционировать и трансформироваться кардинальным образом. Эту особенность в существовании цивилизаций раскрыли в своих теориях русский мыслитель Н. Данилевский и немецкий философ О. Шпенглер, показавшие, что цивилизации — это относительно замкнутые и развивающиеся согласно внутренней логике культурно-исторические типы, или «организмы».

Альтернативой локальным культурам и цивилизациям является массовая культура. Становление массовой культуры происходит по мере развития массового потребления и массовых коммуникаций. Фабричное производство, всеобщее образование, телевидение формируют «массу» как однородную по своим предпочтениям и вкусам совокупность потребителей вещей и символов.

Ценности, лежащие в основе массовой культуры, внутри этнических, религиозных, региональных, профессиональных, возрастных общностей модифицируются, приобретают специфический смысловой оттенок. В результате возникают субкультуры — вариации внутри массовой культуры, дифференцирующие образ жизни различных общностей.

Контркультура складывается на основе переосмысления ценностей и более радикальной формулировки тех же жизненных проблем, которые характерны для массовой культуры. Контркультура — это не движение, разрушающее господствующую культуру (хотя приверженцам контркультуры оно представляется именно таковым), а парадоксальная форма радикализации и развития массовой культуры. Искусство протеста, эпатажирующая манера одеваться и вести себя постепенно превращаются в стилистику массового потребления, как это произошло, например, с рок-музыкой или стилем жизни хиппи и панков.

Формирование глобальной культуры — новейший по времени комплекс процессов, имеющих место в современном мире. Процесс культурной глобализации протекает в двух измерениях, или на двух уровнях. Первое измерение, или уровень, — это уровень повседневных культурных практик, норм и образцов (паттернов) поведения. Примерами могут служить паттерны в области одежды, моды, проведения досуга (кино, музыка, спорт), питания (в частности, «Макдоналдс» стал своеобразной эмблемой глобализации), а также нормы потребления (что, как и в каком объеме потреблять).

Процессы, происходящие в этом измерении наиболее заметны и воспринимаются как некая культурная экспансия, направленная на подрыв национальной культурной идентичности сообществ периферии. Однако это не

чисто культурный процесс, направленный на достижение морально-идеологического, культурного доминирования. Производство одежды, продуктов питания, услуг, развлечений (шоу-бизнес) и «производство “высокой культуры”» — это развитая мегабюджетная индустрия с высоким уровнем международной кооперации. Потребностями развития такой индустрии порождается потребность в максимальном расширении рынка. Культурные паттерны «стандартизируются» таким образом, чтобы поведение индивидов «периферийных» обществ по возможности максимально совпадало с поведением индивидов пространства, уже освоенного рынком, т.е. обществ «центра». Поскольку процесс культурной глобализации связан с экономической глобализацией и является ее частью, то и процесс «стандартизации» здесь вызван теми же причинами, что и стандартизация в других областях современного производства.

Второе измерение, или уровень, на котором проходит процесс культурной глобализации, — это ценностное измерение. Такие ценности, как индивидуальная свобода, демократия, права человека, экономическое процветание, религиозная терпимость, рынок, «рациональность» социальных отношений и социальная конкуренция, т.е. ценности, лежащие в основе культуры обществ доминирующего «центра», предъявляются как ценностный стандарт обществам «периферии».

Поскольку ни на уровне культурных паттернов, ни на уровне ценностей мы не имеем системы, которая гармонизирует культурный материал различных обществ, участвующих в процессе глобализации, мы не можем говорить о становлении некоей единой новой культуры, охватывающей всё человечество. Скорее речь следует вести о возникновении культурных комплексов, фрагментирующих национальные культуры и вызывающих гибридизацию ценностей и поведенческих паттернов. Такая гибридизация наиболее заметна там, где проходят транснациональные потоки товаров, технологий, туристов, мигрантов, информации и т.д. Анклавность глобализации есть ее общее свойство: глобализируется не общество в целом, а отдельные его сегменты — как сегменты социального пространства (определенные социальные группы и слои), так и сегменты географического пространства (крупнейшие города). Эта особенность характерна не только для развивающихся стран, но и для лидеров развития (США). Термином «глобальная культура» обозначается, по сути, сеть, связывающая постиндустриальные центры, где институты стандартизированы, а образ жизни мультикультурален, т.е. включает в себя фрагменты разных национальных и локальных культур.

Контрольные вопросы

1. Какое определение понятия «культура» является социологическим?
 - А) сфера жизни людей, включающая искусство, религию, науку, образование
 - Б) основанная на ценностях и определяющая образ жизни людей совокупность способов решения проблем
 - В) совокупность вещей и идей, используемых людьми

2. Кто из нижеперечисленных социологов развивал концепцию культуриндустрии?
 - А) Теодор Адорно
 - Б) Пьер Бурдьё
 - В) Аржун Аппадурай

3. Кто из нижеперечисленных социологов исследовал феномен глобальной культуры?
 - А) Пьер Бурдьё
 - Б) Талкотт Парсонс
 - В) Аржун Аппадурай

4. Какое понятие ввел в социологию Пьер Бурдьё?
 - А) «культурная индустрия»
 - Б) «культурный капитал»
 - В) «капиталистическая культура»

5. Какое из понятий было введено в социологию Аржуном Аппадураем?
 - А) «перформанс»
 - Б) «медиаскейп»
 - В) «массмедиа»

6. Кто из нижеперечисленных социологов является автором концепции иконического сознания?
 - А) Аржун Аппадурай
 - Б) Теодор Адорно
 - В) Джеффри Александер

7. В какой концепции используется понятие «культурный империализм»?
 - А) в концепции культуриндустрии
 - Б) в концепции глобальной культуры
 - В) в концепции культурсоциологии

8. Какие три компонента культуры выделены Т. Парсонсом?
 - А) система верований, система выразительных символов, система ценностных ориентаций
 - Б) система верований, система родства, система коммуникации
 - В) система ценностей, система выразительных символов, система действия

9. Кто из исследователей выделял институт как главную категорию культуры?
 - А) Аржун Аппадураи
 - Б) Арнольд Гелен
 - В) Теодор Адорно

10. Какие три типа культурного капитала выделяются в социологии?
 - А) инкорпорированный, объективированный, институционализированный
 - Б) институциональный, персональный, семейный
 - В) интеллектуальный, эстетический, моральный

Задание для самостоятельной работы

Руководствуясь концепцией глобальной культуры А. Аппадураи, попытайтесь обнаружить в городском пространстве объекты, людей, знаки, указывающие на присутствие каждого из пяти глобальных потоков: миграционного, технологического, финансового, медийного, идеологического. Оцените положительные и негативные последствия для локальной городской культуры проникновения в ее пространство глобальных потоков.

Темы рефератов (докладов)

- ✓ Понятие культуры в структурном функционализме (Б. Малиновский, Т. Парсонс)
- ✓ Концепция культурного капитала
- ✓ Критика современной культуры в работах Т. Адорно
- ✓ Теория социокультурной системы П. Сорокина
- ✓ Понятие глобальной культуры в современной социологии

Список дополнительной литературы по теме

- Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения / пер. с нем. М.: Медиум, 1997.
- Александр Дж., Смит Ф. Сильная программа в культурсоциологии: элементы структурной герменевтики / пер. с англ. // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9, № 2. С. 11–30.

- Елфимов А. Л.* Клиффорд Гирц: Интерпретация культур // Этнографическое обозрение. 1992. № 3. С. 144–150.
- Ионин Л. Г.* Социология культуры: учеб. пособие для вузов. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004.
- Малиновский Б.* Функциональный анализ // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 681–702.
- Рэдклифф-Браун А. Р.* Структура и функция в примитивном обществе: очерки и лекции / пер. с англ. М.: Восточная литература РАН, 2001.
- Сорокин П.* Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / пер. с англ. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 2000.

Глава 8

ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Изменения в устройстве общества, т.е. в социальных институтах и социальной стратификации, в нормативных и ролевых ожиданиях, определяющих характер взаимодействия, были неотъемлемой частью предмета социологии с самого начала ее развития. Огюст Конт, вводя понятие «социология», сразу же выделил в новой науке две части — социальную статику и социальную динамику. Исследования *социальной динамики* велись и ведутся с использованием различных теоретических подходов. Трансформация общества и его структур описывается в социологии при помощи понятий социального прогресса, социальной эволюции, социального развития, социальных изменений.

8.1. Классические теории развития общества

Исторически первым в социологии сформировалось представление о том, что развитие общества имеет характер социального прогресса. Это понятие социология унаследовала от философии эпохи Просвещения (XVIII в.). Вслед за французскими мыслителями А. Тюрго и Ж. Кондорсе такие классики социологии, как О. Конт, Г. Спенсер, К. Маркс, под прогрессом понимали закономерное и поступательное развитие общества от «менее совершенного» устройства к «более совершенному». В основе концепций прогресса лежали две идеи: 1) восходящее к христианской теологии представление о высоком предназначении человека, а также разумности и стремлении к самосовершенствованию как главном свойстве человеческой природы; 2) обобщение фактов интенсивного в XVIII — XIX вв. увеличения объемов научного знания, роста уровня образования, развития промышленности, торговли, транспорта и т. д. Однако социология, как эмпирически ориентированная наука, фиксировала сопровождающие научно-технический и экономический прогресс негативные тенденции: массовые войны и революции, распад традиционных социальных отношений и общностей, рост аномии и отчуждения. В результате понятие прогресса при описании и объяснении трансформации общества было дополнено, а затем и вытеснено понятием социальной эволюции.

Понятие социальной эволюции выражает позитивистский (т. е. ориентированный на констатацию фактов, а не на вынесение оценок) подход, который утвердился среди социологов во второй половине XIX в. Под социальной эволюцией понималось закономерное развитие общества от «простого» к «сложному». В основе концепций эволюции лежала общая для естествознания идея об универсальном законе усложнения форм организации природных объектов. Постепенное превращение общества во внутренне дифференцированную и сложно организованную систему предполагает как совершенствование социальной организации, так и возникновение новых противоречий, порождающих конфликты и проблемы. Сознательное стремление людей к разрешению этих проблем и конфликтов предопределяет продолжение социальной эволюции.

Первыми классическими теориями социального развития являются сформулированные в середине XIX в. закон трех стадий интеллектуально-социальной эволюции Огюста Конта и закон развития и смены социально-экономических формаций Карла Маркса.

Конт выдвинул идею о том, что совершенствование знания — интеллектуальная эволюция, — являясь универсальным и непрерывным процессом, вызывает трансформацию устройства общества — социальную эволюцию. В результате действия этого причинно-следственного механизма человечество проходит в своем развитии три стадии — фиктивную (теологическую), абстрактную (метафизическую), позитивную (научную).

На первой стадии люди склонны объяснять наблюдаемые явления прямым и постоянным действием сверхъестественных сил — богов, духов, демонов и т. п. Такая установка мышления превращает любое знание в теологию. Исходя из теологических представлений об окружающем мире, люди поддерживают социальный порядок, при котором господствующее положение занимают священники и воины, чей авторитет обусловлен верой в то, что они воплощают божественную волю. Социальный порядок, возникающий на теологической стадии, получил у Конта название *«военное общество»*.

По мере накопления знаний и совершенствования форм мышления наступает вторая стадия интеллектуальной и социальной эволюции, на которой люди при объяснении наблюдаемых явлений переходят от теологических фикций к абстракциям, т. е. к представлениям о действии скрытых в вещах и раскрываемых силой разума принципов и сил. Такая установка мышления превращает любое знание в метафизику — в философские рассуждения об общих принципах, сущности, смысле явлений. Руководствуясь метафизическими представлениями об окружающем мире, люди отвергают прежний социальный порядок и стремятся к созданию общества, соответствующего представлениям о природе или сущности человека, принципам справедливости, естественного порядка и т. п. Невозможность воплотить абстрактные принципы в реальности приводит к тому, что на метафизической стадии не образу-

ется никакого прочного социального порядка. Это эпоха бунтов, революций, переворотов, междоусобиц.

Третья стадия эволюции наступает, когда отвлеченное знание (метафизические абстракции) сменяются позитивным, т. е. действительным знанием — выводами, основанными на описании и систематизации фактов. Установка мышления на открытие «действительных законов явлений» превращает любое знание в науку. Опираясь на научные знания, люди ценят действительные, а не мнимые блага и заслуги и поддерживают социальный порядок, при котором доминирующее положение занимают ученые и промышленники, чей авторитет обусловлен их вкладом в научно-технический и экономический прогресс. Социальный порядок, возникающий на научной или позитивной стадии эволюции, Конт обозначил как мирное *промышленное общество*.

Маркс полагал, что связь между системой социальных отношений и формой мышления и познания прямо обратна той, на которой настаивал Конт. В теории социально-экономических формаций Маркса исходным является тезис о том, что производственные отношения, т. е. отношения, возникающие между людьми в процессе производства материальных условий своей жизни, определяют всю структуру социальных отношений и идеологию — способ осмысления, осознания людьми общества и своего общественного положения (способа участия в социальных отношениях). Способ производства определяет то, как люди взаимодействуют друг с другом, что составляет их образ жизни и, следовательно, что и как они осмысливают и оценивают в окружающем их мире. Структура экономических отношений составляет тот «базис», на котором развивается «надстройка» — структуры политических, правовых, семейных отношений, формы религии, морали, идеологии.

Теоретической моделью исторического развития, соответствующего идее Маркса об основополагающей роли способа производства, стал закон развития и смены формаций. Четыре известных исторических типа хозяйствования — древнеазиатский, античный, феодальный и буржуазный — Маркс представил как закономерную последовательность общественных систем, в которых производительные силы (технологии, материальные и людские ресурсы), производственные отношения (закрепленный в праве собственности способ распределения функций и результатов производства) и все прочие социальные отношения находятся в строгой структурной зависимости. Развитие производительных сил в теории Маркса является таким же универсальным и перманентным процессом, как интеллектуальная эволюция в теории Конта. Поэтому прогресс производительных сил — это фактор социальной эволюции. Маркс писал: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями... внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением эконо-

мической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке»¹.

Из представления о перманентности и универсальности роста производительных сил и представления о причинно-следственной связи «производительные силы — производственные отношения (базис) — прочие социальные отношения (надстройка)» Маркс выводит универсальный и перманентный процесс развития общества. Развитие это может иметь эволюционный (в рамках развивающейся формации) или революционный характер — переход от исчерпавшей потенциал развития формации к новой. Современная ступень исторического развития — буржуазное, или *капиталистическое, общество* — сформировалась в результате развития промышленных технологий на основе частной собственности на средства производства.

Теории общественного развития Конта и Маркса предлагают линейную модель истории человечества. Эта модель дает возможность упорядочить весь многообразный исторический материал в виде простой схемы, позволяющей определить общий характер социальных структур и взаимодействий в Европе и Америке в XVIII–XX вв. Но очевидно, что промышленное (по Конту) или капиталистическое (по Марксу) общество XIX в. мало похоже на промышленное или капиталистическое общество начала XXI в.

Новую, ориентированную на современные тенденции теорию общественного развития представил в 1970-х годах Дэниел Белл. В его модели развития от доиндустриального общества к индустриальному и далее к постиндустриальному прослеживается техно-социальная эволюция. Трансформация общества в теории Белла рассматривается как смена господствующих типов технологий и социальных структур новыми типами. Универсальным причинно-следственным механизмом социальной эволюции является в этой теории связь «технологии — социальные структуры».

Доиндустриальное общество характеризуется господством аграрных технологий, основанных на непосредственном использовании естественных и потому привязанных к земле процессов (жизнедеятельность растений и животных). Поэтому в условиях доиндустриального общества большинство экономически активного населения занято в сельском хозяйстве, а главными социальными институтами являются военная и религиозная организации, обеспечивающие контроль над землей как главным ресурсом. Эти социальные институты обеспечивают мобилизацию людей для защиты территории и пользование землей только людьми, принадлежащими к господствующей религиозной общности.

Индустриальное общество характеризуется господством промышленных технологий, основанных на искусственно организованных и поддерживаемых

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. Т. 13. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. С. 6–8.

процессах (производство товаров с использованием машин, энергии пара и электричества и т. д.). Большинство экономически активного населения занято в промышленности и торговле. Главным ресурсом является капитал — инвестиции в сырье, оборудование и найм рабочей силы. Поэтому основными социальными институтами в условиях индустриального общества становятся обеспечивающие циркуляцию и распределение капитала рынок и фирма.

Постиндустриальное общество характеризуется господством информационных технологий, основанных на переработке научных данных. Информация, таким образом, становится главным ресурсом. Основными социальными институтами оказываются научные и образовательные институты, которые обеспечивают производство и распределение знания. Большинство экономически активного населения занято в сфере услуг, где важны знания и навыки общения и управления людьми.

С середины XX в. в социологии получила распространение критика классических теорий развития, которые построены на основе доктрины «историзма», т. е. идеи открытия универсального закона исторического развития. Теории Конта, Маркса и Белла — это примеры историчистских концепций. Они хорошо описывают общую (без акцента на нюансах) тенденцию изменений общества, но нет никаких оснований считать эту тенденцию законом, подобным законам, сформулированным в естественных науках. Кроме того, характеристика современного общества как промышленного, капиталистического или постиндустриального относится к длительным периодам, охватывающим сотни лет, а социологи должны концептуализировать те тенденции, которые возникают и трансформируют совместную жизнь людей в течение нескольких лет или десятилетий. Для современной социологии более характерны теории, представляющие собой эмпирические обобщения частных тенденций — социальных изменений. Понятие социальных изменений предполагает фиксацию трансформаций социальных структур и способов взаимодействий без оценки их как прогрессивных или закономерных. Наиболее распространенные в современной социологии концепции социальных изменений — это концепции модернизации, глобализации и виртуализации.

8.2. Теории модернизации

Модернизацией в социологии называется совокупность социальных изменений, которые приводят к замене традиционного общества обществом современного типа. Современность (*modernity*) в данном случае — это характеристика социальной организации не по времени ее существования, а по отличию ее социальных норм и структур от тех, что присущи социальной организации традиционного типа. Набор характеристик традиционного и современного (модернистского) типов общества может варьироваться в зависимости от того,

Таблица 8.1. Характеристики традиционного и модернизированного обществ

Традиционное общество	Модернизированное общество
Зависимость социальной организации от религиозных представлений	Светский характер социальной организации
Ориентация деятельности людей на мировоззренческое знание	Ориентация деятельности на естествознание и технологию
Ведение хозяйства на основе ручного труда	Ведение хозяйства на основе механизации производства
Низкая степень разделения труда (натуральное хозяйство)	Высокая степень разделения труда (рыночная экономика)
Авторитарный характер власти	Либеральный характер власти
Низкая социальная мобильность (преобладание предписанных статусов)	Высокая социальная мобильность (преобладание достигнутых статусов)
Большая роль кровнородственных связей (преобладание большой семьи)	Небольшая роль кровнородственных связей (нуклеарная семья)

Составлено по: Социология: учебник / под ред. Д. В. Иванова. М.: Проспект, 2016. С. 249.

на каких тенденциях изменений делает акцент исследователь. Но основные характеристики, составляющие ядро модернизационной концепции социальных изменений, можно встретить практически у всех исследователей (табл. 8.1).

Модернизация — это совокупность таких тенденций, как научно-техническая революция, секуляризация, индустриализация, урбанизация, демократизация, которые ведут к смене традиционного общества обществом современного типа.

В социологии сформировались различные концепции модернизации. Первоначально, в 1950–1960-х годах, модернизацию понимали как осовременивание технологий, которое влечет за собой изменения в социальной структуре и культуре. Понимание модернизации как технизации первым сформулировал американский социолог Марион Леви, который в 1949 г. ввел сам термин «модернизация». Он выделил два типа модернизации — первичную и запаздывающую. Первичная модернизация — это серия социальных изменений в странах Западной Европы и Северной Америки, которые в XVIII–XIX вв. привели к смене традиционного общества обществом современного типа. Под современным в данном контексте понимается общество индустриальное, либеральное, индивидуалистическое и открытое инновациям. Запаздывающая модернизация — это процессы аналогичных изменений в других

странах, где технократические элиты, т. е. слои высокостатусных, влиятельных, образованных людей, стремятся к реформированию общества на основе заимствования технологий и социальных институтов, характерных для стран первичной модернизации.

Согласно теории Леви и его последователей страны, где модернизация началась позже, чем на Западе (например, Япония, Россия и Китай), всё время запаздывают в развитии, поскольку проводимые социальные изменения следуют образцам первичной модернизации, которые постоянно обновляются. Эта теория имеет два существенных недостатка. Во-первых, она не может объяснить более высоких темпов технологических и институциональных изменений в XX в. в таких странах, как Япония и Россия, которые сами стали образцами для реформ в странах третьего мира. Во-вторых, в ее рамках не удастся понять, как началась модернизация на Западе, где к XVIII в. не было технократических элит. Традиционная землевладельческая аристократия была элитой, но не технократической, а ориентированная на развитие промышленности, науки и техники буржуазия была подчиненным «третьим сословием».

В 1960–1970-х годах появляются концепции, трактующие модернизацию как серию изменений, возникающих на основе специфических ценностей. Это ценности свободы и прогресса, стремясь к реализации которых люди формируют социальные движения, преобразующие и устройство общества, и повседневную жизнь. Модернизация начинается с изменений в культуре. Такое понимание модернизации одним из первых предложил израильский социолог Шмуэль Айзенштадт. Согласно его теории в XV–XVIII вв. в Западной Европе постепенно оформились «контуры современности», т. е. ценностные ориентации на свободу, индивидуализм, рациональное знание, рост уровня жизни. На этой ценностной основе последовательно возникли буржуазно-либеральное, затем рабочее, или социалистическое, движение, а позднее — новые социальные движения (экологическое, молодежное, этнокультурные, феминистское² и т. д.). Эти движения в разные периоды боролись за идеи свободы и прогресса, что превращало модернизацию в перманентный процесс изменений, в своего рода культурную традицию, для которой постоянные инновации — это специфическая стабильность.

В теории Айзенштадта выделены два типа модернизации: органичная и догоняющая. Органичная модернизация, т. е. естественно возникающая, вырастающая на собственной культурной основе, характерна для стран Западной Европы и Северной Америки в XIX–XX вв. Догоняющая характерна для стран, где модернизация возникает на основе заимствования социокультурных образцов, сформировавшихся в странах органичной модернизации. Если

² Феминистское движение второй половины XX в. иногда называют «второй волной» феминизма, полагая, что «первая волна» была представлена движением суфражизма, боровшегося за предоставление женщинам избирательных и имущественных прав.

такое заимствование сопровождается распространением и усвоением большинством людей ценностей свободы и прогресса, модернизация может протекать даже быстрее, чем на Западе. Но если эти ценности усваиваются лишь технократическими элитами, то модернизация протекает в виде чередующихся периодов интенсивной модернизации и традиционалистской реакции, затормаживающей модернизацию, которую активисты традиционалистских социальных движений воспринимают как разрушение культурных основ. В результате модернизация в разных странах может протекать по-разному.

Айзенштадт полагает, что в разных странах и регионах мира сложились разные образцы или модели современности. Рыночная, индивидуалистическая и либеральная модель характерна для Запада; рыночная, индивидуалистическая, религиозно-авторитарная модель сложилась в исламских странах; секулярная, рыночная, копоративно-коллективистская модель реализована в странах Дальнего Востока. Модернизацию как совокупность тенденций, ведущих к смене традиционного общества современным, могут формировать самые разные тенденции. Общность им придают, согласно Айзенштадту, две характеристики: *структурная дифференциация* и *социальная мобилизация*. Если в результате изменений увеличивается число социальных институтов, социальных общностей и групп, возрастает специализация, то это значит, что происходит структурная дифференциация. Если взаимодействия становятся более интенсивными, а смена вида деятельности и социального статуса встречается чаще, чем прежде, то это значит, что происходит социальная мобилизация. Если в совокупности тенденции социальных изменений соответствуют формуле «*структурная дифференциация + социальная мобилизация*», то эти изменения можно назвать модернизацией общества.

В конце XX в. модернизация в экономически развитых странах перестала быть интенсивной. Новые социальные движения, особенно экологически ориентированные, часто выступают против опасных последствий индустриализации, бесконтрольного функционирования рынков и корпораций, чрезмерного роста потребления. Это выглядит как протест против модернизации и даже отказ от нее. Появляется и концептуальное обоснование такого отказа — критика современного общества в философии и социологии постмодернизма. Чтобы объяснить подобные явления в рамках концепции модернизации, понадобилось ее обновление. Эту задачу решает в своих работах немецкий социолог Ульрих Бек, создавший концепцию общества риска и перехода к рефлексивной модернизации.

Согласно Беку первоначальная модернизация была стихийной и потому интенсивной. Социальные изменения привели к возникновению общества, в котором опасность и неопределенность воспроизводятся современными социальными институтами. Риски техногенных катастроф, экономических и политических кризисов укоренены в самом функционировании промышленных организаций, рынков, демократии. Чтобы уменьшить риски и устранить нео-

пределенность, требуется рефлексивность — отслеживание процессов изменений и их корректировка. Новые социальные движения привносят в общественную жизнь элемент рефлексивности в виде критики негативных следствий модернизации. Экспертные системы и общественный контроль, встраиваемые в современные социальные институты, снижают темпы социальных изменений в развитых странах, но этот тип модернизации — рефлексивная модернизация — позволяет успешнее справляться с рисками.

Теории множественности модернизаций и рефлексивной модернизации способны выявлять специфику модернизации и адекватно описывать и объяснять социальные изменения в XIX–XX вв. в различных странах. Теории модернизации сохраняют свою актуальность при анализе трансформации общества в странах, где еще не завершились процессы перехода от аграрной экономики к индустриальной, процессы урбанизации, процессы формирования общества массового потребления и политической системы массовой демократии. В ряде стран Ближнего Востока, Азиатского и Тихоокеанского региона, Африки такие процессы представляют собой предмет исследований. Но применительно к странам Северной Америки и Европы теории модернизации нуждаются в пересмотре и даже замене на новую парадигму изучения социальных изменений, так как они не учитывают новых тенденций, возникших в середине — конце XX в.

8.3. Теории глобализации

Тенденции глобализации

Понятием «глобализация» в социологии обозначается широкий спектр событий и тенденций: развитие мировых идеологий, интенсивная борьба за установление мирового порядка; скачкообразный рост числа и влияния международных организаций, ослабление суверенитета национальных государств; появление и развитие транснациональных корпораций, рост международной торговли; интенсивные массовые миграции и формирование мультикультурных сообществ; создание планетарных СМИ и экспансия западной культуры во все регионы мира и т. д. Анализ этих тенденций показывает, что они приобрели характер синхронных общественных изменений в начале — середине XX в., и произошло данное превращение таким образом, что его можно характеризовать как социокультурный сдвиг.

Первая по значимости глобализационная тенденция — это, безусловно, интенсификация товарных и финансовых потоков, идущих через границы национальных государств. Статистические данные (рис. 8.1) указывают на то, что качественный рост и уникальная по своим масштабам и влиянию на экономику «революция» международной торговли произошли в XX в. Значи-

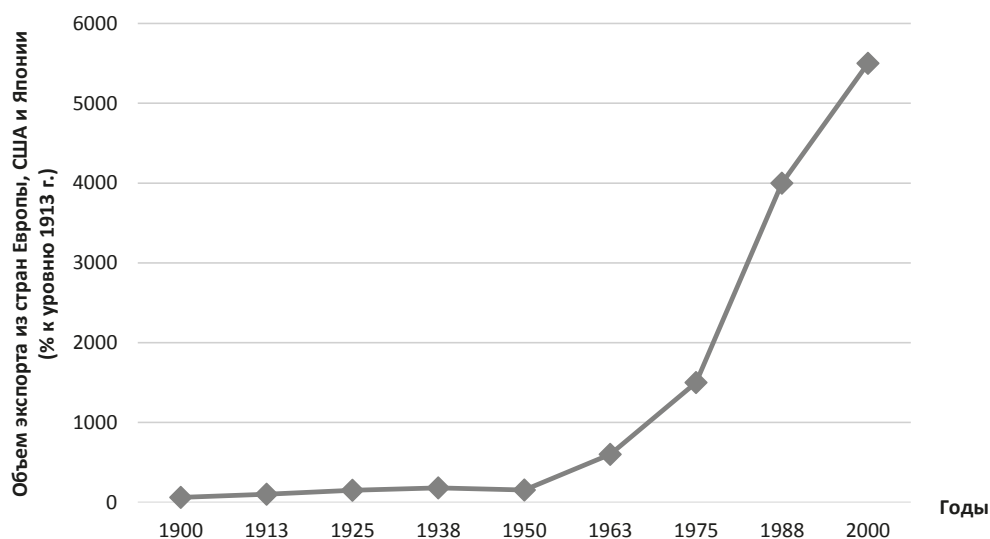

Рис. 8.1. «Революция» международной торговли³

тельная доля этого роста обеспечена развитием транснациональных корпораций (ТНК), поскольку по разным оценкам от 33 % до 40 % международной торговли — это внутрифирменная торговля, т.е. передача необходимых для производственных процессов комплектующих из одного подразделения ТНК в другое.

Возникновение интенсивной и устойчивой тенденции формирования транснациональной экономики — углубление международного разделения труда, бурный рост числа и размеров ТНК, возникновение мировых рынков сырья, капитала, рабочей силы и т. д., т. е. всё то, что теперь принято именовать экономической глобализацией, — приходится на 1950-е годы. «Революция» международной торговли произошла после болезненного перелома, вызванного двумя мировыми войнами и межвоенной депрессией, когда в экономиках развитых стран преобладали автаркические тенденции. Таким образом, статистические и исторические данные указывают на резкий контраст, наметившийся в середине XX в. между старым и новым типами экономики. Это контраст между «замкнутой» и «открытой» экономиками.

Вторая глобализационная тенденция — формирование сферы транснациональной политики. Имеющиеся данные позволяют сделать вывод, что в начале — середине XX в. параллельно «революции» международной торговли

³ Составлено по: *Иванов Д. В.* Императив виртуализации: Современные теории общественных изменений. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002. С. 97. Объем экспорта дан как среднее невзвешенное значение по шести странам — Великобритании, Германии (с 1950 г. данные по ФРГ), Франции, Италии, США, Японии.

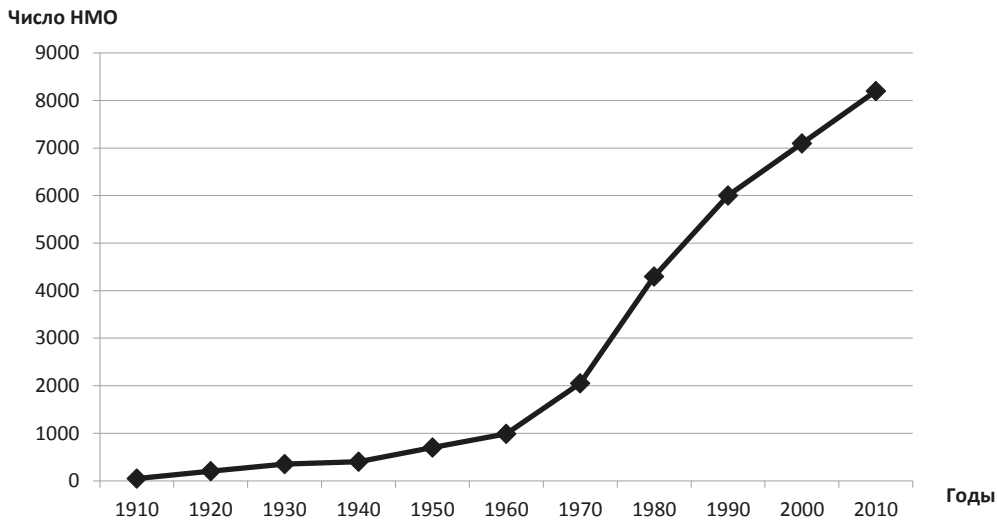

Рис. 8.2. Транснациональная политика: рост числа неправительственных международных организаций (НМО)⁴

и возрастанию роли ТНК происходила «революция» международной бюрократии, выразившаяся в беспрецедентном росте числа как межправительственных, так и неправительственных международных организаций (НМО). Если в 1950 г. насчитывалось около 100 межправительственных организаций, то к 1990 г. таких организаций стало более 300. Еще интенсивнее росло во второй половине XX в. число НМО (рис. 8.2).

Помимо роста числа международных организаций, характер сдвига носила и переориентация их на новые цели деятельности. В отличие от ориентации в XIX — начале XX в. на решение государственных проблем (право наций на самоопределение, защита национально-государственного суверенитета, предотвращение межгосударственных конфликтов и т. п.), преимущественная ориентация с середины XX в. — это решение гуманитарных проблем (права человека, защита этнокультурных меньшинств, предотвращение геноцида, глобальных катастроф и т. п.). Решение гуманитарных проблем силами международных организаций предполагает отчуждение части национально-государственного суверенитета в пользу созданных межправительственными соглашениями организаций, действующих на наднациональном уровне — таких, как ООН, ЮНЕСКО, Мировой банк, НАТО, ЕврАзЭС и т. д., и неправительственных транснациональных организаций, действующих на субнациональном уровне, но на территории многих государств — таких, как *Greenpeace*, *Amnesty*

⁴ Составлено по: Социология: учебник / под ред. Д. В. Иванова. М.: Проспект, 2016. С. 255.

International, Human Rights Watch, ныне печально знаменитые Аль-Каида, «Исламское государство Ирака и Леванта» и т. д.

Как и в случае экономики, «рождение» тенденции оформления транснациональной политики, т. е. политики, не связанной границами и интересами правительств национальных государств, происходит вслед за кризисом — всплеском ксенофобии, крушением установленной версальскими (1919) и вашингтонскими (1921–1922) соглашениями системы международных отношений, Второй мировой войной (1939–1945) и «холодной войной» — противоборством идеологически консолидированных военно-политических блоков в конце 1940-х — начале 1960-х годов.

Таким образом, в середине XX в. обозначился контраст между старым и новым типами политики, характеризующимися соответственно «закрытостью», основанной на принципе национально-государственного суверенитета, и «открытостью», базирующейся на принципе над- и субнациональной взаимозависимости.

Еще одна глобализационная тенденция — коммуникационная «революция». С середины 1920-х годов начинается систематическое радиовещание на коротких волнах, с начала 1960-х годов развиваются телевизионное вещание через ретрансляционные спутники, а с начала 1970-х годов — компьютерные сети. Массовые коммуникации перестают быть пространственно ограниченными. Возникновение и развитие планетарных СМИ коррелирует с тенденцией формирования транснациональной массовой культуры. Последнюю характеризуют распространение стандартных символов, эстетических и поведенческих образцов глобальными сетями СМИ (например, *CNN* и *MTV*) и ТНК (например, *Coca-Cola* и *General Motors*) и включение в повседневную жизнь элементов инациональных, «экзотических» локальных культур (примерами могут служить проникновение в быт миллионов жителей западных мегаполисов календарной символики буддизма, моды на латиноамериканские танцы, а также продуктов китайской, японской, индийской кулинарии).

Консолидация транснациональной культуры набрала силу практически одновременно со сдвигами трендов в экономике и политике, а также после характерной для первой половины XX в. эскалации идеологической конфронтации и национализма. Именно столкновение идеологий, отторгающих ценности, символы и поведенческие образцы иных культур, стимулировало «революцию» планетарных СМИ. Подобное столкновение идеологий вовлекло изолированные культуры в процесс конфронтационного, но интенсивного взаимодействия и тем самым расчистило путь для масштабной экспансии ценностей, символов и поведенческих образцов возобладовавшей культуры, каковой к концу «холодной войны» оказалась культура Северной Америки и Западной Европы. И уже как следствие этой экспансии возникли культурные гибриды — парадоксальные соединения ценностей, символов, поведенческих образцов западной массовой культуры и этнических и региональных традици-

онных культур. Эти культурные гибриды распространяются за пределы ареала их возникновения сообществами мигрантов.

В результате экспансии транснациональной массовой культуры и распространения культурных гибридов возникает феномен мультикультурализма — сосуществования на территории национального государства различных культур.

В отличие от характерного для XIX — начала XX в. монокультурализма, когда культура этнического большинства доминировала и этнокультурные меньшинства ассимилировались или абсорбировались ею в качестве субкультурного сообщества, мультикультурализм предполагает не поглощение, не иерархию, а плюрализм культурных традиций.

Таким образом, очевиден контраст между старым (до середины XX в.) и новым (со второй половины XX в.) типами культуры, характеризующимися соответственно «закрытостью», основанной на принципе монокультурализма, и «открытостью», основанной на принципе мультикультурализма.

Параллельно сдвигу в экономических, политических, культурных трендах произошли изменения и в стратификации. По мере формирования системы перемещения рабочей силы и доходов через национально-государственные границы формируется транснациональная стратификация. В отличие от прежнего типа стратификации она основана не на уровне дохода, а на уровне потребления, определяемого возможностями конвертации размера дохода в объем потребления. В развитых странах новые технологии потребления, общая социальная инфраструктура (коммуникации, здравоохранение, образование и т. д.) и система социальных гарантий (*welfare system*) обеспечивают индивиду более высокий уровень потребления, чем в менее развитых странах при таком же уровне дохода. Поэтому образующиеся в результате миграции новые статусные группы (персонал ТНК, гастарбайтеры, беженцы, нелегальные иммигранты) оказываются в двойных статусных отношениях. По отношению к не вовлеченным в транснациональную экономику статусным группам в менее развитых странах они занимают позиции на уровне верхнего среднего и высшего слоев, а по отношению к статусным группам в более развитых странах — на уровне нижнего среднего и низшего слоев.

Обнаружившийся в условиях интенсивного перетока рабочей силы и капиталов контраст между старым и новым типами стратификации — это опять-таки контраст между «закрытостью», т. е. однозначностью единой для всех системы соотношения статусов, и «открытостью», т. е. плюралистичностью систем соотношения статусов. Интенсивность контраста между старым и новым типами стратификации значительно варьирует в зависимости от доли

иностранцев в населении развитых стран. В 2000-х годах эта доля составляла от 1 % (Япония) до 11 % (Германия).

В совокупности рассмотренные тенденции, проявляющиеся в различных сферах общества, предстают как общественные изменения. Тенденции изоморфны и синхронны и выглядят как контрастный переход от старой (пространственно / территориально «закрытой») к новой («открытой») социальной организации.

Концепции глобализации

Первой формой дискурса о контрасте между двумя вышеописанными типами общества стала концепция мировой капиталистической системы в марксизме. Начало такого рода концептуализации положили в 1915–1916 гг. Карл Каутский и Владимир Ульянов (Ленин), сформулировав свои теории империализма. Среди современных социологических версий данной концепции наиболее авторитетной является развиваемая Иммануилом Валлерстайном и его последователями с середины 1970-х годов теория мир-системы, или мир-экономики. Однако собственно дискурс глобализации в социологии возникает лишь в середине 1980-х годов, когда это понятие стал разрабатывать и популяризировать британский и американский социолог Роланд Робертсон.

Рост системы экономических и политических связей на уровне национальных институтов (государств, межправительственных организаций, неправительственных, но национального масштаба организаций), а также распространение во всё большем числе стран институтов промышленного / буржуазного общества был замечен еще в XIX в. и стал предметом интереса классических теорий развития. Так, уже в «Манифесте коммунистической партии», написанном в 1848 г. совместно К. Марксом и Ф. Энгельсом, развитие международных экономических связей и территориальная экспансия капиталистических отношений описываются как сущностная характеристика перехода человечества в новую историческую эпоху. Однако эти процессы правильнее называть интернационализацией, чтобы различать предметы исследовательского интереса классиков социологии и исследователей глобализации.

Классические подходы недостаточны для описания современных процессов, качественно отличных от интернационализации. Из приведенной выше статистики видно, что в XX в. обозначился резкий контраст между плавностью предшествующих тенденций и скачкообразной динамикой последующих. Этот контраст количественных параметров указывает на переход от интернационализации к собственно глобализации. В понятие глобализации логично включить как беспрецедентную интенсификацию процессов интернационализации, в результате чего эти процессы становятся непосредственными факторами изменения социальной организации на субнациональном

уровне, так и интенсификацию транснациональных межиндивидуальных и межгрупповых взаимодействий.

Таким образом, уже в силу различия предмета такие классики социологии, как Маркс или Конт, являются предшественниками, но не основоположниками теории глобализации. Кроме того, классические теории общественного развития принципиально отличаются от теорий глобализации логической структурой.

В основе всех теорий глобализации лежит дихотомическая типология социальной организации «локальная / глобальная». В рамках этой типологии общественными изменениями могут быть лишь процессы, связанные со сменой пространственных характеристик социальной организации / социальных взаимодействий.

Фиксирующая возникший «разрыв» между прежними и новыми пространственными характеристиками социальных процессов дихотомия «локальное / глобальное» моделирует сдвиг начала — середины XX в. Таким образом, логическая структура теорий глобализации в общем определяется характером событий и тенденций этого периода.

Глобализационная концепция социальных изменений используется в разных теориях. Одной из наиболее авторитетных является теория Роланда Робертсона, который определил глобализацию как серию эмпирически фиксируемых изменений — разнородных, но объединенных логикой превращения мира в «единое место» (*a single place*). Единство места в данном случае означает то, что условия и характер социальных взаимодействий в любой точке мира одни и те же и что события в весьма удаленных друг от друга точках могут быть условиями или даже элементами одного процесса социального взаимодействия. Мир «сжимается», становится единым, лишенным существенных барьеров и дробления на специфические зоны социальным пространством.

Робертсоном выявляются две направленности глобализации: *глобальная институционализация жизненного мира* и *локализация глобальности*.

Глобальная институционализация жизненного мира, очевидно, толкуется как организация повседневных локальных взаимодействий и социализации непосредственным (минуя национально-государственный уровень) воздействием макроструктур мирового порядка. Макроструктурирование мирового порядка (системы взаимозависимости обществ, существующих в рамках национальных государств) происходит, по мысли Робертсона, под действием трех факторов — экспансии капитализма, западного империализма, развития глобальной системы массмедиа. Для жизненного мира индивидов и ло-

кальных сообществ совокупное действие этих трех факторов оборачивается экспансией «общечеловеческих ценностей», распространением стандартных символов, эстетических и поведенческих образцов глобальными сетями СМИ (например, *CNN* и *MTV*) и ТНК (например, *Coca-Cola* и *General Motors*).

Вторая направленность глобализации в модели Робертсона — локализация глобальности — призвана отразить тенденцию становления глобального не «сверху», а «снизу», т.е. через локальное — превращение взаимодействия с представителями иных государств и культур в рутинную практику, включение в повседневную жизнь элементов инонациональных, «экзотических» локальных культур. В мультикультуральных локальных сообществах категории «международные отношения», «столкновение цивилизаций», «транснациональная корпорация» оказываются практическими категориями взаимодействия. В этом случае термин «глобальное» означает не только «интернациональное», но и «субнациональное», и даже «локальное» в той степени, в какой последнее глобализует повседневную жизнь людей — превращает ее в переживание глобального. Чтобы подчеркнуть двухуровневость глобализации, соотносительность и взаимопроникновение глобального и локального, сочетание тенденций к гомогенности и к гетерогенности, Робертсон даже вводит специальный термин «глокализация».

Тот факт, что Робертсон выделяет в глобализации две направленности (глобальная институционализация жизненного мира и локализация глобальности), указывает на стремление рассматривать общественные изменения и с точки зрения макросоциологической (система / структура), и с точки зрения микросоциологической (социальное действие / актор). Поэтому модель глобализации, представленная в его теории, нами может быть сведена к формуле «структурная гомогенность + социальная гетерогенность». Это та парадигма изменений, которая задает единство разнородным, эмпирически фиксируемым тенденциям.

Одним из важнейших следствий, выводимых из теоретической модели Робертсона, является возможность дать собственно социологическую интерпретацию всем тем тенденциям, которые под названием «глобализация» фиксируются и анализируются экономистами, историками, политологами, культурологами.

Экономическая глобализация — процесс не только интенсификации интернациональных товарных/финансовых потоков и роста ТНК, но также институционализации (т.е. превращения в рутинную практику) мировой системы разделения труда в форме интернациональности (по составу и эффекту) локальных хозяйственных процессов / организаций.

Политическая глобализация — это процесс не только роста числа и влияния международных организаций, но также институционализации мировой системы международных отношений в форме интернациональности локальных политических акций / движений.

Культурная глобализация — это процесс не только мировой экспансии стандартных символов, эстетических и поведенческих образцов, продуцируемых западными СМИ и ТНК, но также институционализации мировой культуры в форме мультикультуральности локальных общин / стилей жизни.

Схема «структурная гомогенность + социальная гетерогенность» предполагает в качестве критериев глобальности общества наличие транснационального капитализма (рынка, образуемого ТНК и мультикультурными общностями потребителей), а также транснациональной демократии (системы международных организаций и планетарных СМИ, призванных выражать и отстаивать «общечеловеческие ценности», включая право на культурное разнообразие).

Таким образом, логическая структура теории Робертсона со всей очевидностью обнаруживает зависимость от тенденций, вызванных социокультурным сдвигом начала — середины XX в. Однако сам Робертсон стремится использовать свою теоретическую модель для описания и объяснения гораздо более ранних событий и тенденций. Логическую завершенность этим идеям он придал, представив глобализацию как процесс, в котором выделяются пять фаз: 1) зародышевая фаза (начало XV — середина XVIII в.); 2) начальная фаза (середина XVIII в. — 1870-е годы); 3) фаза подъема (1870-е годы — середина 1920-х годов); 4) фаза борьбы за гегемонию (1920-е годы — середина 1960-х годов); 5) фаза неопределенности (середина 1960-х годов — 1990-е годы). Эта концепция позволяет Робертсону учесть очевидную значимость ключевого периода (начало — середина XX в.). Но в целом концепция пяти фаз ведет к представлению о длительном, перманентном и кумулятивном процессе, что явно противоречит историческим фактам и принципам теории изменений, которым Робертсон следует в определении глобализации и в анализе современных тенденций. Так, фазами роста глобальной взаимозависимости оказываются в равной мере и тенденция релятивизации суверенитета национальных государств во второй половине XX в., и тенденция суверенизации в XVI–XIX вв., фазами роста глобального сознания — и развитие с середины XX в. дискурса общности человечества, и развитие в XVI — начале XX в. доктрин религиозной, расовой, национальной дискриминации и сегрегации.

Подведение под модель «структурная гомогенность + социальная гетерогенность» таких тенденций XV–XIX вв., как становление национальных государств, колониальная экспансия европейских стран и т. п., не вполне корректно. К тому же процесс глобализации в отдаленном прошлом реконструируется Робертсоном из единичных, разделенных иногда многими десятилетиями событий. В логическую структуру теории общественных изменений, каковой в целом является теория глобализации Робертсона, концепция пяти фаз не встраивается и остается в ней избыточным элементом.

Модель Робертсона позволяет концептуализировать глобализацию не только как структурные изменения, но и как изменения в умонастроениях

и межиндивидуальных взаимодействиях. Кроме того, в понятие глобализации, разработанное Робертсоном, интегрирована возможность существования оппозиции, действующей глобально и таким образом одновременно использующей и отрицающей глобализацию. Термин «глобальное» у Робертсона означает не только «интернациональное» и «транснациональное», но и «транскультурное» и «транслокальное». Понятие глобального охватывает всё пространство социального, причем глобальное и локальное соотносительны и неразделимы. Поэтому данную модель глобализации можно назвать моделью глобальной социальности.

Другой тип моделей глобализации сформировался в конце 1980-х — середине 1990-х годов на основе принципиально иного осмысления пространственной референции понятия «глобализация». Начало этому типу моделей положил в 1990 г. Аржун Аппадураи в статье «Разъединение и различие в глобальной культур-экономике», идеи которой он затем развил в вышедшей в 1996 г. книге «Современность в полный рост: Культурные измерения глобализации». Аппадураи радикализировал противопоставление теории глобализации и мир-системной теории, акцентируя примат культурного — символического и феноменологического. Глобализацию он рассматривает как детерриториализацию — утрату привязки социальных процессов к физическому пространству. В ходе глобализации формируется «глобальный культурный поток», который распадается на пять культурно-символических пространств-потоков (*landscapes*)⁵: этнопространство (*ethnoscape*), технопустранство (*technoscape*), финанспустранство (*finanscape*), медиапространство (*mediascape*), идеопустранство (*ideoscape*). Этнопространство образуется потоком туристов, иммигрантов, беженцев, гастарбайтеров, технопустранство — потоком технологий, финанспустранство — потоком капиталов, медиапространство — потоком образов, идеопустранство — потоком идеологов. Эти текучие, нестабильные пространства являются «строительными блоками» тех «воображаемых миров», в которых люди взаимодействуют, и взаимодействие это носит характер символических обменов.

В рамках концепции «воображаемых миров», конституируемых глобальными потоками, дихотомия «локальное/глобальное» трактуется феноменологически. Это — два типа структуры чувствования, которая продуцируется определенными формами интенциональной деятельности и производит определенные материальные эффекты. Локальное как артикуляция этнокультурной идентичности, религиозный фундаментализм, общинная солидарность не предшествует исторически глобальному, а производится/конструируется

⁵ Слово *landscape* в английском языке означает «ландшафт, пространство», но может звучать и как словосочетание *land-scape*, означающее «ускользание пространства» или «бегство от пространства». На этих сложных коннотациях и построена терминология теории Аппадураи.

из тех же потоков образов, которые конституируют глобальное. Современное локальное столь же детерриториализовано, как и глобальное.

В теоретической модели Аппадурои первоначальная дихотомия «локальное/глобальное» замещается, по сути, дихотомией «территориальное/детерриториализованное», а глобальность и локальность выступают как две составляющие глобализации, аналогичные структурной гомогенности и социальной гетерогенности в модели Робертсона.

В модели детерриториализации социального практически полностью утрачивается изначальная референция понятия глобализации к физическому пространству и однородному целому. «Глобальное» у Аппадурои означает скорее нечто непространственное, нематериальное, воображаемое, символическое, гетерогенное, но всепроникающее. Это искажение базовой метафоры позволило создать модели, учитывающие новые тенденции — консьюмеризм, миноритизацию политики, развитие компьютерных сетей и т.д. Новые тенденции описываются / объясняются при помощи дихотомического различения «территориальное / детерриториализованное», которое предстает как модификация дихотомии «локальное/глобальное». Парадигму изменений, посредством которой Аппадурои соединяет разнородные тенденции в единый процесс глобализации, можно свести к формуле «*структурная диффузность + социальная фрагментарность*». Эта формула акцентирует не только экспансию, но и нестабильность, «текучесть» глобальных структур, не только плюрализм, но и чреватую конфликтами разобщенность социокультурных ориентаций индивидуальных действий. Однако в общем парадигма изменений в модели детерриториализации социального является скорее не альтернативой, а модификацией по отношению к парадигме «структурная гомогенность + социальная гетерогенность». Таким образом, референтами моделей детерриториализации остаются транснациональный капитализм и транснациональная демократия, хотя Аппадурои, настаивая на постмодернистской эстетизации экономики и политики, акцентирует не транснациональность, а транскультурность капитализма и демократии.

Логическая структура теорий глобализации, основу которой образует дихотомическая типология социальной организации «локальная/глобальная», идеально «работает» на материале XX в., поскольку резкая смена параметров, характеризующих международные, межкультурные контакты в этот период, позволяет трактовать общественные изменения как переход от социальной организации, замкнутой на локальном (региональном, национальном) уровне, к открытой, преодолевающей национальную и региональную ограниченность. Но глобализационная парадигма общественных изменений плохо «срабатывает» на материале прежних эпох, и для развитых стран уже сейчас актуальной становится ситуация, когда глобализация не представляет собой процесс общественных изменений, а превращается в рутинный процесс функциониро-

вания / воспроизводства транснациональных структур и процессов, сосредоточенных в сети крупнейших городов.

Адекватно моделируя тенденции экономической интеграции, формирования транснациональной бюрократии, роста мультикультурных сообществ, теории глобализации не описывают и не объясняют адекватно новые тенденции, возникшие ближе к концу XX в., — экспансию образов и коммуникаций, замещающих реальные вещи / действия в экономике, политике, культуре, а также компьютерную революцию и формирование так называемой киберкультуры. На протяжении последних десятилетий XX в. эти не попадающие в фокус теорий модернизации и глобализации изменения стали настолько очевидны, что вызывают необходимость разработки новых теорий социальных изменений.

8.4. Теории виртуализации

Тенденции виртуализации

Стремительно распространившаяся на рубеже XX и XXI вв. практика использования таких выражений, как «виртуальный магазин», «виртуальная конференция», «виртуальная экономика», «виртуальное сообщество» и т.п., стала вполне обыденной. Термины, производные от слова «виртуальность», активно вводятся в оборот разного рода аналитиками современного общества — от философов и культурологов до политиков и журналистов. С точки зрения социолога, это распространение новой терминологии свидетельствует о стремлении отразить зримое возрастание роли компьютерных технологий в повседневной жизни людей. Перенос таких форм взаимодействия, как купля-продажа, политическая дискуссия или обсуждение сплетен, из реального пространства магазина, офиса, кафе или квартиры в виртуальное пространство интернета, безусловно, является впечатляющим фактом и требует новых концептуальных средств. Но гораздо более симптоматична тенденция расширительного, метафорического использования понятия «виртуальная реальность». С его помощью в настоящее время обозначаются многие новые экономические, политические, культурные феномены, не связанные непосредственно с компьютеризацией, но обнаруживающие сходство логики социальных изменений с логикой виртуальной реальности.

Основной принцип логики виртуальной реальности — замещение реальных вещей и действий образами и коммуникациями.

Такого рода замещение можно наблюдать практически во всех сферах жизни современного человека, и эти тенденции являются столь же важной основой теорий виртуализации общества, как тенденции компьютеризации.

Возможность разработки принципиально новой по отношению к теориям модернизации и глобализации теории социальных изменений определяется характером событий и тенденций 1970-х — 2000-х годов. В этот период происходили:

- кризис индустриальной экономики массового производства и переход к постиндустриальной экономике;
- кризис политической системы массовой демократии и переход к постдемократической политике;
- кризис модернистской массовой культуры и переход к постмодернистской культуре.

Одновременно с этими тенденциями наблюдалась быстрая трансформация образа жизни, связанная с распространением персональных компьютеров и интернет-коммуникаций, которые стали новыми инструментами труда, общественной деятельности, образования и досуга. В совокупности эти трансформации выглядят как новый социокультурный сдвиг, превративший в ключевые те тенденции социальных изменений, которые релевантны теориям виртуализации общества.

Переход к постиндустриальной экономике был вызван тем, что производство любой вещи после двух столетий технологического прогресса не является больше реальной экономической проблемой. Массовое производство обеспечивает заполнение рынка огромным количеством практически однородных по своим качествам вещей, и в условиях перенасыщения рынка само по себе производство еще не создает товар, обладающий стоимостью. Проблемой номер один для развитой экономики становится превращение произведенных вещей в предмет потребления. Чтобы привлечь потребителей, создаются бренды, которые когда-то были просто товарными знаками, но сейчас это *образы*, порождающие устойчивое отношение к товару, его производителю и его владельцу. Эти образы формируются при помощи интенсивных коммуникаций — рекламы и связей с общественностью (пиара). Именно они, а не реальные вещи обращаются на постиндустриальном рынке. В цехах производится реальная вещь — например, шампунь, костюм, автомобиль, но в результате работы маркетологов и рекламистов продается и покупается *виртуальный товар* — образ привлекательности, уверенности, стильности, уникальности, респектабельности.

Виртуальные товары могут обладать стоимостью гораздо большей, чем стоимость реальных товаров и реальных средств производства. Например, по оценкам консалтингового агентства *Interbrand*, ежегодно составляющего список ста самых ценных мировых брендов, стоимость самого дорогого в мире

Таблица 8.2. Изменение структуры занятости в наиболее развитых странах и России, %

Страна	1970 г.			2000 г.		
	Первичный сектор	Вторичный сектор	Третичный сектор	Первичный сектор	Вторичный сектор	Третичный сектор
США	5	34	61	2	24	74
Германия	9	48	43	4	28	68
Япония	18	36	46	7	25	68
Россия	20	42	58	14	23	63

Составлено по: Социология: учебник / под ред. Д. В. Иванова. М.: Проспект, 2016. С. 267.

бренда *Apple* составила в 2013 г. 98 млрд долларов, а в 2017 г. — уже 184 млрд долларов, что превышает стоимость всех материальных активов компании. Эта оценка виртуального актива как главного не является чисто экономической — ведь никто реально не предлагал купить права на этот бренд за такую сумму. Данная оценка хотя и выражена в денежной форме, по сути является социологической — это оценка популярности бренда, силы его воздействия на потребительское поведение и поведение инвесторов.

Поскольку материальное производство стало играть в создании стоимости меньшую роль, изменилась структура занятости. Собственно экономический процесс, т.е. создание стоимости, покидает пашню, конструкторское бюро и сборочный конвейер и перемещается в сферу потребления: в офис маркетолога и консультанта, в рекламное агентство и студию массмедиа, на торговые площадки, где идет процесс коммуникации с клиентами и поставщиками. Труд всё больше концентрируется в этой сфере, что подтверждается статистикой. Доля занятых непосредственно в сфере «реального» производства (в так называемых первичном (сырьевом) и вторичном (перерабатывающем) секторах экономики) снижается, а доля занятых в сфере услуг, куда входят в числе прочего массмедиа, маркетинг, консалтинг и рекламный бизнес, растет (табл. 8.2).

Поскольку в постиндустриальной экономике главная задача — создание виртуального товара в качестве ценимого на рынке образа, происходит *виртуализация труда*. Работа с образами и участие в коммуникации не требуют постоянного нахождения работников в одном месте и в одно время. Координировать свои усилия и вносить вклад в производство виртуального товара они могут дистанционно, используя современные информационно-коммуникационные технологии. В результате меняется организационная структура компаний. Исследования показывают, что на рубеже веков произошел сдвиг от иерархической и пространственно локализованной организации к сетевой.

Такие сетевые структуры могут становиться транснациональными, когда управление виртуальным активом — брендом — и управление сетью поставок и коммуникаций сосредоточено в штаб-квартире компании, находящейся в одной стране, реальное производство вещей, которые должны стать носителями виртуальной стоимости — бренда, сосредоточено в другой стране, а сбыт товаров осуществляется в третьей, четвертой и т. д.

Так возникает новая постиндустриальная экономика, отличительное свойство которой в том, что это *экономика образов и коммуникаций*.

Параллельно сдвигу в экономике на рубеже веков произошел сдвиг в политике. После двух столетий постепенной демократизации — распространения избирательных прав на всё большее число граждан — допуск народных масс к решению вопроса о том, кто будет занимать высшие государственные должности, не является больше проблемой для политической элиты. Проблемой номер один массовой демократии стало политическое участие, а точнее — поддержание интереса к политическим программам и действиям политиков со стороны того большинства населения, которое теперь имеет право голоса, но не имеет способности и/или желания оценивать политические программы и действия политиков и делать между ними выбор. От массовой мобилизации избирателей, характерной для XIX и большей части XX в., происходит переход к нарастанию абсентеизма (от лат. *absentis* — отсутствующий), т. е. уклонения от участия в выборах.

В США, например, во второй половине XIX в. в президентских выборах участвовало 70–80 % имеющих право голоса, а с середины XX в. доля реализующих свое право выбора президента страны ни разу не поднялась до 65 %. В России история президентских выборов гораздо короче, но тенденция к снижению активности избирателей имеет такой же характер: от явки избирателей на уровне 76 % на выборах президента РСФСР в 1991 г. до 65 % на выборах президента РФ в 2012 г.

Чтобы привлечь избирателей к участию в выборах, современными политтехнологами и имиджмейкерами создаются яркие *образы* для кандидатов, используются приемы, заимствованные из рекламы и шоу-бизнеса. В результате *политическая борьба сегодня — это борьба образов*, политических имиджей, которые создают имиджмейкеры, пресс-секретари, специалисты по рекламе и «звезды» спорта и шоу-бизнеса, рекрутируемые на время политических кампаний. Реальная биография и реальные действия политиков не так важны для успешной избирательной кампании, как верно выстроенная, отвечающая ожиданиям и вкусам избирателей виртуальная реальность образов и коммуникаций. Поэтому использование различных медиа в избирательных кампаниях становится решающим фактором.

Поскольку коммуникации важнее, чем реальное политическое действие, организация политической борьбы и политического участия смещается от традиционной партийной организации с характерными для нее массовым член-

ством, работой местных партийных комитетов и партийных агитаторов к сетевой структуре с небольшим координирующим ядром, состоящим из профессиональных имиджмейкеров, использующих различные медиа. Как следствие этого членство в политических партиях сокращается. Например, в Германии с середины 1970-х до начала 1990-х годов доля избирателей — членов партий уменьшилась с 4% до 3%, а к 2013 г. — до 1,8%. В России доля избирателей, состоящих хотя бы формально в какой-либо партии, уменьшилась за четверть века существования многопартийности (1989–2014) с 9% до 2,5%.

Таким образом, функционирование основных институтов массовой демократии — выборов и партий — существенно меняется. Тенденция демократизации как возрастания политического участия масс в развитых странах сменилась тенденцией постдемократизации, когда уровень политического участия снижается, волеизъявление граждан определяет смену публичных политиков — носителей имиджа, но не влияет прямо на реальное государственное управление, осуществляемое профессиональной бюрократией на постоянной основе. Управление и политика в последние десятилетия разошлись точно так же, как реальное производство и экономика образов. Представленные статистические и фактические данные позволяют сделать вывод, что на рубеже XX–XXI вв. обозначился контраст между старым и новым типами политики. Новая политика — это *политика образов и коммуникаций*.

Аналогичный сдвиг в культуре в последние десятилетия обусловлен тем, что после двух столетий формирования массовой культуры произошло перенапряжение публичных арен произведениями художественного и научного творчества, несущими рационалистические и гуманистические идеи. Проблемой в сфере культуры является не создание такого произведения, а создание интереса к нему у целевой аудитории. Как следствие, в искусстве и науке реклама и пиар, формирующие привлекательный для публики образ художника или исследователя, начинают играть роль не меньшую, чем собственно реальный процесс создания оригинального произведения.

В повседневной жизни на смену массовой культуре прошлого века приходит *киберкультура* — культивирование стиля жизни активных пользователей цифровых технологий, перевод реального межличностного общения в режим коммуникаций в виртуальном пространстве интернета, формирование субкультур хакеров, геймеров, киберпанков⁶ и т. п.

⁶ Хакерами (англ. *hacker* — взломщик) называют тех, кто практикует с помощью интернета несанкционированный доступ к базам данных и изменение режима работы чужих компьютеров. Геймеры (от англ. *game* — игра) — фанатичные любители компьютерных игр. Киберпанк — эстетическое течение (литература, поп-музыка, кино, компьютерные игры), синтезирующее идеи тотального использования компьютерных технологий, постмодернистскую стилистику и мотивы маргинальности, заимствованные у панков — молодежной субкультуры, для которой характерны нарочитые антиэстетизм и асоциальность.

Таблица 8.3. Число компьютеров на 1000 жителей

Страна	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2010 г.
США	106	233	570	890
Великобритания	37	108	342	880
Германия	28	82	336	690
Япония	17	60	315	655
Россия	1	3	64	180

Составлено по: Социология: учебник / под ред. Д. В. Иванова. М.: Проспект, 2016. С. 270.

В контексте тенденций возрастания роли образов и коммуникаций в экономике, политике и культуре становится понятной значимость компьютерной «революции», произошедшей в 1980-х — 2000-х годах (табл. 8.3).

Компьютеры существуют как технические устройства с 1940-х годов. Но компьютерная «революция» началась лишь в конце XX в., когда они стали не просто вычислительными машинами, а средством создания образов и формирования коммуникационных сетей. Трансформация повседневной жизни связана с появлением на потребительском рынке персональных компьютеров в середине 1970-х годов и открытием для коммерческого использования интернета в конце 1980-х годов. Доступность новых технологий породила тенденцию экспансии и консолидации киберкультуры. Как любая революция, компьютеризация вызывает «культурную травму», быстро вытесняя привычные формы работы, коммуникации, образования, развлечений и замещая их новыми, необходимость освоения которых диктуется соображениями поддержания социального статуса и социокультурной идентичности.

Образ жизни активного пользователя, и особенно хакера, геймера, киберпанка, предполагает высокую степень замещения реального опыта обращения с вещами и общения с людьми манипулированием образами, генерируемыми посредством компьютерных технологий. Но обращение к образам, замещающим реальный опыт культуры, возможно и без непосредственного использования компьютеров. Мода на игровую реконструкцию исторических событий и литературных сюжетов в стиле «фэнтези» представляет собой такое замещение реальной культурной традиции виртуальной реальностью.

Таким образом, в 1970-х — 2000-х годах обозначился контраст между прежней культурой, ориентированной на ценность взаимодействий с реальными объектами/субъектами, и новой культурой, ориентированной на взаимозаменяемость обращения к реальным объектам/субъектам и обращения к образам/моделям. Этот контраст культуры реальности и культуры имитации коррелирует с обозначившимся в тот же период контрастом между модернистской креативной и постмодернистской пародийной культурами. Возник-

новение и распространение постмодернизма в этом отношении оказывается тенденцией, релевантной теориям виртуализации.

На фоне описанных тенденций в экономике, политике, культуре и т. д. возникновение в 1990-х годах дискурса о контрасте старого и нового типов общества как контрасте «реальное/виртуальное» выглядит еще одной составляющей контингентного сдвига. Отправным пунктом для большинства теоретиков, оперирующих различием реального и виртуального, является созданная в середине 1970-х — начале 1980-х годов концепция «упадка реальности» Ж. Бодрийяра. Бодрийяр же первым на рубеже 1980-х — 1990-х годов стал использовать метафору виртуальности при описании современных социальных процессов. После этого термины «виртуальная реальность» и «виртуализация» стали активно вводиться в социологию. Первые детально разработанные социологические теории виртуализации были созданы во второй половине 1990-х годов А. Бюлем (теория виртуального общества), М. Кастельсом (теория культуры реальной виртуальности), Д. Ивановым (теория виртуализации общества).

Техноцентристские теории виртуализации

Появление социологического дискурса, акцентирующего контраст между старым и новым типами социальной организации посредством понятий «симуляция реального», «виртуальная реальность», «киберпространство» и т. п., вслед за возникновением в 1970–1990-х годах новых тенденций позволяет утверждать, что все авторы, оперирующие при анализе общественных изменений различием реального и виртуального, не просто экспериментируют с новой метафорой, но концептуализируют описанный выше социокультурный сдвиг конца XX — начала XXI в. Однако при общности базовой метафоры и дихотомического различения «реальное/виртуальное» модели виртуализации существенно рознятся по характеру использования этих концептуальных средств.

Немецкий социолог Ахим Бюль в книге «Виртуальное общество. Экономика, политика и культура под знаком киберпространства» (1997) под виртуальным обществом понимает *«общество, в котором производство, распределение и коммуникация в значительной степени происходят в виртуальных пространствах, в киберпространстве»*. Понятие виртуального, таким образом, отождествляется с понятием компьютерной симуляции пространственных характеристик объекта. При таком подходе виртуализация, определяемая Бюлем как процесс перехода от индустриального общества к виртуальному, может рассматриваться только как результат компьютеризации. Согласно теории Бюля *виртуализация — это опосредованный компьютеризацией процесс замещения реально существующих структур виртуальными конструктами*.

Трактуя корреляцию тенденций компьютеризации и виртуализации как причинно-следственную связь, Бюль предлагает, по сути, историко-материалистическую трактовку современной трансформации общества. Он использует заимствованное у Маркса понятие способа производства и полагает, что «*виртуальное пространство конституирует виртуальный способ производства, который со своей стороны формирует классовую и социальную структуру*». Однако этот тезис, воспроизводящий детерминистскую схему «производительные силы — базис — надстройка», остается лишь декларацией. В работе Бюля отсутствует анализ генезиса новых классов и новых форм классовой борьбы, а также новых форм идеологии и обусловленности новых форм государственного устройства новой классовой структурой. Дальше констатации фундаментальной роли технологических изменений для трансформации общества Бюль в направлении историко-материалистического анализа не идет.

Сила воздействия компьютерных технологий на социальные процессы определяется, по мысли Бюля, уникальными свойствами компьютера. От классических машин индустриального общества он отличается способностью быть машиной универсальной. Бюль выделяет четыре класса функций, выполняемых компьютером: средство работы (*Werkzeug*), средство мышления (*Denkzeug*), средство связи (*Medium*), виртуальная машина. В качестве универсальных машин компьютеры способны вызывать одновременные изменения во всех сферах общества, а в качестве виртуальных машин — формирование во всех сферах общества «параллельных миров», образуемых симуляциями реальных объектов/действий.

Общественные изменения, т.е. изменения институтов и процессов межиндивидуального взаимодействия, Бюль рассматривает в трех сферах — экономике, политике, культуре. При этом категория «виртуальное пространство» используется им не столько как буквальная характеристика внедрения компьютерных симуляционных технологий, сколько как метафора, охватывающая разнородные тенденции и придающая им смысл единого процесса. Сам Бюль определяет виртуальное пространство как «аксиальный принцип трансформационного процесса», т.е. как выявляемую в экономических, политических, культурных тенденциях парадигму изменений, а это отнюдь не то же самое, что виртуальное пространство как технический феномен (фактор общественного развития) или как род социального пространства (результат развития технологий).

Виртуальность экономики означает у Бюля не только использование в производстве компьютерных симуляций и организацию управления фирмой и маркетинга товаров на базе компьютерных сетей. К виртуализации экономики он относит: распространение практики децентрализованной и гибкой, меняющейся от проекта к проекту структуры фирмы; сетевую организацию маркетинга; расширение практики платежей посредством кредитных / банковских карт и т.д. Виртуальность этих феноменов — совсем иного рода, чем

виртуальность созданного при помощи компьютера прототипа технического устройства или действующего в интернете магазина. Виртуальность гибкой организации или платежей с помощью пластиковых карт обусловлена замещением привычных материальных атрибутов институционализированных взаимодействий, что может происходить и без применения технологий виртуальной реальности.

Бюль справедливо полагает, что внедрение компьютерных технологий способствует развитию этих форм экономической деятельности, но тезис о том, что применение компьютерных технологий их порождает или делает возможными, противоречит фактам появления этих форм до появления компьютеров. Техноцентристская методологическая установка обуславливает истолкование Бюлем корреляции как однозначной причинно-следственной связи. Однако корректное применение декларированной детерминистской модели «технологии виртуальной реальности — виртуальное общество» предполагает исключение целого ряда тенденций из числа виртуализационных. С другой стороны, включение в предмет теории виртуального общества этих тенденций позволяет сделать теоретическую модель более адекватной фактическим изменениям. Бюль обозначенную дилемму никак не решает, в результате теоретическая модель виртуального общества остается двойственной, совмещающей заявленное следование принципам детерминизма и дедуктивности, характерным для марксистской теории развития, с использованием эмпирических обобщений на основе принципа индукции, что характерно для логики современных теорий изменений. Эта двойственность логической структуры теории Бюля прослеживается и в описании им становления политики и культуры виртуального общества.

Виртуальность политики означает, во-первых, ослабление суверенитета национального государства, обусловленное в представлении Бюля развитием экономических и информационных обменов посредством глобальной компьютерной сети, а во-вторых — кризис институтов представительной демократии в условиях «фрагментации общественности» (*Fragmentierung der Öffentlichkeit*) и возникновение проектов кибердемократии, т. е. перенесения процедур политической коммуникации и голосования в компьютерные сети.

Попытка представить коммерциализацию и политизацию интернета в качестве фактора релятивизации национально-государственного суверенитета весьма проблематична. Интенсификация экономических, информационных, культурных обменов через национально-государственные границы началась задолго до появления интернета, и превращение североамериканской компьютерной сети в глобальную вполне можно представить как результат, а не фактор релятивизации национально-государственного суверенитета. В отношении же кибердемократии Бюль, по сути, использует модель, противоречащую его изначальной позиции. Не компьютеризация ведет к виртуальности, а виртуальность — нарастающая эфемерность, иллюзорность демо-

кратических институтов — провоцирует компьютеризацию демократических процедур.

Виртуальность культуры Бюль трактует как «власть цифровых и также пространственно иллюзорных образов» в воспроизводстве знания, искусства, повседневной жизни, субъекта восприятия/действия. Использование компьютерных симуляций как моделей реальных объектов и как средств визуализации абстракций/фантазий, трансляция симуляций посредством интернета конституируют виртуальное пространство культуры. Но Бюль рассматривает в качестве тенденции виртуализации культуры и возникновение постмодернизма, тогда как последний явно представляет собой возникшую вне киберпространства форму «власти» иллюзорных образов, не привязанных к реальности. Применительно к культуре понятие виртуальности у Бюля столь же двойственно — буквально и метафорично, — что и при описании тенденций в экономике и политике.

Таким образом, разнородные тенденции в сферах экономики, политики, культуры обобщаются Бюлем с помощью различия «реальное/виртуальное», и его теоретическая модель становления виртуального общества представляет экономику, политику, культуру в качестве сфер, где параллельно разворачиваются аналогичные процессы, а не в качестве звеньев причинно-следственной цепи. Эта теоретическая модель противоречит его исходной концепции виртуального общества, выдержанной в духе марксистской теории развития. Заимствуя объяснительные схемы у Маркса, Бюль невольно оказывается последователем того технологического детерминизма, за который он критикует создателей теорий информационного общества. Использование детерминистской схемы «новые производительные силы — новые общественные отношения» сводит исследуемую трансформацию общества к совокупности социальных эффектов компьютеризации. Виртуализация рассматривается либо как технологический процесс, имеющий социальные последствия, либо как процесс социальный, но опосредованный компьютерами и без компьютеров невозможный. В результате происходит теоретическая фетишизация технологий виртуальной реальности.

Последователем теории постиндустриального общества Д. Белла американским социологом Мануэлем Кастельсом в книге «Развитие сетевого общества» (1996) предложена модель «культуры реальной виртуальности». Согласно Кастельсу современные СМИ с применением мультимедийных и интерактивных технологий образуют коммуникационную систему, в которой реальность, т. е. материальное и символическое существование людей, полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир, где образы становятся уже не средством передачи опыта, а собственно опытом. Очевидно негативная оценка Кастельсом феномена виртуальности восходит к постулату Д. Белла о знании как основе информационного общества. Виртуализация «опыта» при таком подходе может рассматриваться как побочный «дезин-

формационный» эффект, как непредвиденное частное (ограниченное сферой культуры) социальное изменение, искажающее, но не нарушающее общий ход развития постиндустриального общества. Оно формируется как социальная организация, соответствующая новым технологиям или, как предпочитает выражаться сам Кастельс, воплощенная в новых технологиях.

Здесь перед Кастельсом, придерживающимся принципа техно-социального детерминизма, открываются, по существу, три различные перспективы интерпретации современных тенденций:

- 1) развитие информационных технологий как технологий производства и распространения знания вызывает формирование информационного общества;
- 2) развитие коммуникационных технологий как технологий связи вызывает формирование сетевого общества (*network society*);
- 3) развитие технологий виртуальности как технологий производства и распространения «образов» вызывает формирование виртуального общества.

Однако Кастельс эти перспективы не различает и никак не соотносит, в результате его концепция утрачивает определенность, а теоретическая модель оказывается рискованной. Вопреки исходным принципам его теории, сетевое общество можно трактовать и как информационное, и как дезинформационное.

Определение Кастельсом феномена виртуальности через понятие «образ» и без жесткой привязки к компьютерным технологиям создало возможность разработки им полноценной социологической теории виртуализации, однако ограничив себя рамками классической доктрины постиндустриализма, он оказался просто не в состоянии разглядеть эту возможность.

Теории А. Бюля и М. Кастельса являются техноцентристскими — они сводят виртуализацию общества к компьютеризации и к социальным последствиям компьютеризации. Такой подход неверен, поскольку интенсивная компьютеризация началась уже вслед за началом процессов виртуализации. Подлинно *социологический подход к разработке теории виртуализации предполагает выявление социальной обусловленности компьютеризации.*

Социоцентристская теория виртуализации

Теория, представленная в работе российского социолога Дмитрия Иванова «Виртуализация общества» (2000), в отличие от рассмотренных выше техноцентристских моделей, предлагает социоцентристскую модель социальных изменений последних десятилетий. Позиция автора основывается на понимании различия «реальное / виртуальное» как метафоры. О виртуализации применительно к обществу можно говорить лишь постольку, поскольку об-

щество становится похожим на виртуальную реальность, т.е. может описываться с помощью тех же характеристик. В качестве универсальных свойств виртуальной реальности можно выделить три характеристики: 1) нематериальность воздействия (изображаемое производит эффекты, характерные для вещественного); 2) условность параметров (объекты искусственны и изменяемы); 3) эфемерность (свобода входа/выхода обеспечивает возможность прерывания и возобновления существования).

Виртуализация в таком случае — это любое замещение реальности ее симуляцией/образом, причем не обязательно с помощью компьютерной техники, но обязательно с применением логики виртуальной реальности. Эту логику можно наблюдать и там, где компьютеры непосредственно не используются. Например, виртуальной экономикой можно назвать и ту, в которой хозяйственные операции ведутся преимущественно через интернет, и ту, в которой спекуляции на фондовой бирже преобладают над материальным производством. Виртуальной политикой можно назвать борьбу за власть и путем размещения агитационных материалов и организации дебатов в интернете, и с помощью рекламных акций в телестудии или на концертной площадке.

Определение социальных феноменов с помощью понятия «виртуальность» уместно тогда, когда конкуренция образов замещает конкуренцию институционально определенных действий — экономических, политических или иных.

Социальное содержание виртуализации — замещение предписанных институциональными нормами реальных действий образами и коммуникациями — первично по отношению к содержанию технического. Не компьютеризация жизни виртуализирует общество, а виртуализация общества компьютеризирует жизнь.

Институциональный строй, сформировавшийся в индустриальном обществе в XIX–XX вв., был устойчивой и объективной по отношению к желаниям и интересам индивидов системой норм, которую можно было назвать социальной реальностью. Превращение в последние десятилетия XX в. этой реальности в подвижную, эфемерную, зависящую от брендов и имиджей приводит аналитиков к использованию понятия виртуальной реальности. Применительно к обществу в целом виртуализация предстает как серия разнородных, но направленных сходным образом тенденций в различных сферах жизнедеятельности. Направленность эта обнаруживается как контраст между прежней «реальностью» социальных институтов и нынешней «виртуальностью» образов и коммуникаций, замещающих привычные вещи и действия

в основных институциональных сферах — экономике, политике, культуре, а также в новых формах социального неравенства.

В экономике виртуализация институтов обусловлена в первую очередь тем, что в создании стоимости товара определяющую роль играют не реальные производственные мощности, а виртуальные активы — бренды. Компании, являющиеся правообладателями сразу множества брендов, могут организовывать виртуальную конкуренцию, когда потребители выбирают между искусно созданными маркетингом и рекламой различными образами, а носителями этих образов являются функционально одинаковые продукты, произведенные по унифицированным технологиям. Институт рынка становится виртуальным, если диктуемая институциональными нормами конкуренция является лишь образом. Виртуальные рынки формируются такими мультимаркетными автоконцернами, как *Volkswagen*, *General Motors*, или *Peugeot—Citroën*, и такими производителями бытовых товаров, как *Procter&Gamble* или *Unilever*. Институционально заданные социальные роли конкурирующих продавцов изображаются, однако это не следует рассматривать лишь как манипуляцию потребительским поведением. Потребители действуют рационально и тоже включаются в процесс виртуализации: они платят за бренды, чтобы использовать созданные компаниями образы «успешности», «привлекательности», «респектабельности», «продвинутой» и т. п., чтобы конструировать свою индивидуальную идентичность в коммуникации с окружающими людьми, поддерживать свой статус внутри социальной группы.

Виртуализация другого ключевого института современной экономики — фирмы — обусловлена тем, что зачастую нет больше нужды во многих атрибутах производственной организации — офисах, где рабочие места организуются и заполняются работниками по образцу конвейерной технологической цепочки, процедурах контроля трудозатрат, сложной иерархии должностных полномочий и т. д. Виртуализация продукта предполагает новую организацию труда, а новые информационно-коммуникационные технологии делают возможной организацию рабочего места практически везде — дома, у клиента, в отеле, автомобиле, самолете. Поэтому получает распространение сетевая и проектная структура организации, в которой главная работа — создание символического продукта и поддержание коммуникаций с партнерами по бизнесу и клиентами.

Однако полной «дематериализации» компаний и всеобщего ухода в интернет, как предлагали идеологи корпоративной виртуализации, не происходит. Конечно, есть «образцово виртуальные» организации, полностью работающие в режиме онлайн, но этих компаний не так уж много: к 2010 г. не более четверти компаний в США и пятой части компаний в Европейском союзе осуществляли заказы и оказывали услуги клиентам через глобальную компьютерную сеть. Большинство компаний используют интернет для поддержания коммуникаций и ограничивают свое присутствие в глобальной

«паутине» размещением цифрового рекламного буклета — корпоративного сайта.

Виртуализация фирмы не превратилась в «дематериализацию», поскольку образ крупной, «реальной» фирмы во многом обеспечивает успех образу товара/услуги. Поэтому наряду с сетевой, проектно-ориентированной структурой и интернет-офисами сохраняются и даже растут традиционная корпоративная бюрократия и гигантские штаб-квартиры. И это тоже проявление виртуализации, поскольку основной функцией этих армий клерков становится создание и поддержание корпоративного имиджа.

Виртуализация производства, позволяющая поднять цену товара с уровня себестоимости продукта до уровня стоимости бренда, должна была бы натолкнуться на барьер реальности, создаваемый самым символическим компонентом традиционной экономики — деньгами. Платежеспособность, ограниченная количеством имеющихся у потребителей денежных знаков стоимости, должна ограничивать и «продажеспособность» брендов. Но в новой экономике процесс виртуализации захватил и деньги. Функцию денег теперь выполняют не вещественные (металлические, бумажные или пластиковые) эквиваленты стоимости, а права заимствования. Объем потребления в экономически развитых странах определяется не тем, сколько у потребителей денег, а тем, каковы их финансовые возможности.

Система кредитования, распространяющаяся на всё более широкий спектр товаров и услуг, выводит финансовые возможности за пределы реальной платежеспособности. Создавая виртуально платежеспособный спрос со стороны потребителей, система кредита одновременно делает важным «происхождение» этого спроса. «Хорошее происхождение» гарантируется тем образом платежеспособности, который может создать потенциальный заемщик. Именно образ платежеспособности определяет финансовые возможности тех клиентов кредитных организаций, которые, обладая одинаковыми объемами реальных денег, но разной финансовой репутацией, получают разные по объему права заимствования.

Изображая платежеспособность при помощи кредитных карт в магазинах и при помощи поручительств, справок и респектабельного внешнего вида при получении кредита в банках, потребители открывают себе доступ к новым финансовым источникам и могут накапливать долги, превышающие их доходы и потому невозвращаемые в принципе.

Банки и другие кредитные организации, чтобы застраховать свои риски невозвращения кредитов, вкладывают деньги в спекулятивные операции с так называемыми деривативами — производными финансовыми инструментами. Мировой объем рынка деривативов составляет более 800 трлн долларов, что превышает объем мирового производства более чем в 10 раз. Иначе говоря, этот рынок виртуальных финансов никак не связан с институциональными и физическими ограничениями реальной экономики.

Таким образом, виртуализация денег, превращение их в функцию от имиджа приводит к тому, что предписываемое институциональными нормами исполнение ролей «плательщика», «кредитора» и «заемщика» становится виртуальным. Изображение платежеспособности превращает финансы как экономический институт в виртуальную реальность.

Виртуализация производства, организации, денег сформировала постиндустриальную экономику, базовые элементы которой — *образ, сеть, доступ*. Соответственно, наиболее эффективным инструментом новой экономической деятельности являются те технологии, которые обеспечивают работу с образами, построение сетей, организацию доступа. Этими качествами обладают коммуникационные технологии, и поэтому все их разновидности были интегрированы в новую экономику. Однако традиционные массмедиа имеют ограниченный потенциал. Они успешно транслируют образы и формируют сети, связывая массы рассеянных в пространстве людей общими интересами и общими смыслами, но когда вовлеченные в сеть люди пытаются стать активными участниками коммуникации и внести свой вклад в создание образов, они сталкиваются с проблемой доступа. В централизованных и линейных (вещатель — аудитория — вещатель) массмедийных сетях организация доступа к ресурсам создания образов и к общению с другими участниками сети требует дополнительных технологий — транспорта, почты, телефона или чего-то, что может их заменить. Этой заменой становятся компьютерные сети.

Все виды коммуникационных технологий в одинаковой степени могут обеспечить передачу информации, т. е. сведений/данных, повышающих уровень знаний. Но коммуникация как обмен символами, ведущий к поддержанию связей, созданию общности (*community*), лучше всего обеспечивается компьютерными мультимедиа. Они позволяют создавать «многомерное» сообщение, комбинируя текст, изображение, видеоряд, звук. Они дают возможность осуществлять интеракцию в режиме реального времени и виртуального общего пространства, иметь доступ в коммуникационную сеть в режиме 24 часа в сутки 7 дней в неделю. Поэтому компьютерные сети стали наиболее эффективным инструментом виртуализации, а виртуализацию часто отождествляют с компьютеризацией, хотя виртуализация не сводима к экспансии компьютерных сетей.

Компьютерные мультимедиа до сих пор не вытеснили традиционные коммуникационные технологии. Это хорошо показывает статистика затрат на рекламу, приходящихся на различные типы медиа. Например, в США — на самом большом в мире рынке рекламы — на долю печатных медиа приходится примерно 35 % общих расходов на рекламу, на долю телевидения — примерно 45 %, на долю интернета — 10 %. Экономически интернет лишь догоняет более традиционные медиа, хотя темпы роста этого сегмента рекламы самые высокие. К тому же образы, транслируемые печатными и электронными массмедиа, создаются с использованием компьютеров, а многие газеты, журналы,

радиостанции и телеканалы создают собственные интернет-сайты. Так что виртуализация как развитие экономики образов не сводится к коммерциализации интернета, но порождает растущую необходимость в компьютерных технологиях.

В политике виртуализация институтов обусловлена тем, что в борьбе за власть решающую роль играет не реальное индивидуальное или коллективное действие, а виртуальная сила — имидж. Виртуальная демократия формируется, когда за голоса не особенно умеющих и желающих разбираться в политических программах избирателей борются кандидаты, не приверженные определенной идеологии, но зато имеющие привлекательный образ, созданный имиджмейкерами. Политическая борьба в экономически развитых странах всё в большей степени ведется через массмедиа и новые коммуникационные сети в стиле шоу-бизнеса, а также с помощью приемов, заимствуемых из рекламы, брендинга и маркетинга. В начале прошлого века Владимир Ульянов (Ленин) ввел в оборот марксистскую формулу: *«Политика есть концентрированное выражение экономики»*. В начале нынешнего века сформировалась новая экономика, которая в условиях постиндустриального капитализма создает выразительные средства для политики, чьи традиционные способы коммуникации — идеология, пропаганда, партийные собрания и митинги — заметно слабее по воздействию на мышление и поведение целевых аудиторий, чем брендинг, реклама, промоакции и бизнес-презентации.

В условиях массовой демократии интенсивность конкуренции среди политиков растет, а активность избирателей снижается. В ситуации избытка политиков и дефицита политического участия граждан виртуализация становится новым и наиболее рациональным режимом функционирования демократических институтов. Политическая борьба превращается в борьбу образов, т. е. политических имиджей. Реальные личность и деятельность политика необходимы лишь в качестве «информационных поводов», чтобы создавать тот имидж, который востребован в сложившейся ситуации. Политтехнологи разрабатывают сценарии, слоганы, спецэффекты, для демонстрации которых публике проводятся акции, воспринимающиеся как политические. Избирательная кампания становится кампанией рекламной, а не политической в традиционном смысле слова, что диктует необходимость передачи ключевых функций по ее ведению из рук профессиональных политиков в руки профессионалов рекламной индустрии.

Политика ныне творится не только на заседаниях правительств, парламентов и на партийных митингах. Большая часть политики творится в пиар-агентствах, в телестудиях и на концертных площадках. Управление и собственно политика в конце XX в. разошлись точно так же, как разошлись производство и экономика. Стоимость товара виртуальна и легитимность власти тоже становится виртуальной. Следствием такой виртуализации является изменение характера политического режима — массовой демократии. В ходе

выборов больше не происходит сколько-нибудь существенная смена чиновников-экспертов, которые осуществляют рутинную работу по управлению в «коридорах власти». Меняются так называемые публичные политики, т. е. те, кто в буквальном смысле работает на публику. Голосование за образ и конкуренция имиджей ведут к виртуализации государства, основанного на системе выборов.

Коллективное политическое действие замещается образами так же, как и действие индивидуальное. Партии, возникавшие как массовые организации — «армии» агитаторов, представляющих классовые, этнические, профессиональные, региональные интересы, с появлением команд имиджмейкеров, действующих через каналы массмедиа, утратили свою эффективность в мобилизации избирателей. Политические партии раньше были массовыми организациями, членство в которых было связано с приверженностью идеологии и с участием в регулярной повседневной работе. Теперь они становятся привлекающими электорат брендами, продвижение которых поручается профессионалам из массмедиа и рекламной индустрии. Партии превратились в «бренды» — эмблемы и рекламные слоганы, традиционно привлекающие электорат. Идея использования приверженности «бренду» движет процессом поддержания образа политической борьбы как борьбы партий, однако на практике создаются политические проекты с гибкой сетевой структурой без фиксированной идеологии и постоянного состава участников.

Там, где бренд — давняя традиция, атрибуты образа «старых добрых» либералов, социал-демократов или коммунистов старательно поддерживаются, даже если первоначальная идеология больше не играет никакой роли в деятельности членов партии и в мобилизации избирателей. Именно так функционируют, например, республиканская и демократическая партии в США, консервативная и лейбористская партии в Великобритании, христианско-демократическая и социал-демократическая партии в Германии.

Там, где бренд отсутствует, партии и движения могут быстро формироваться, объединяться в коалиции и распадаться в стремлении найти привлекательный имидж. Здесь примером может служить практика создания партий в таких странах, как Россия, Италия, Южная Корея, где перед каждыми парламентскими выборами можно наблюдать «ребрендинг» тех или иных партий. В России в 1990-х годах устойчивый партийный бренд был только у КПРФ, и он сохраняется, несмотря на то что коммунистическая идеология перестала играть реальную роль в деятельности лидеров партии. Интенсивный поиск привлекательного образа в этот период велся для правоцентристской партии, и были опробованы различные проекты — «Демократическая Россия», «Выбор России», «Наш дом — Россия», «Отечество — Вся Россия», «Межрегиональное движение “Единство”», «Единая Россия». В 2000-х годах создание бренда, привлекающего электорат, стало проблемой для политиков, оппозиционных по

отношению к правящей партии — «Единой России», и создание виртуальных партий и коалиций стало важной частью их деятельности.

Политика образов требует интенсивного использования телекоммуникационных технологий, поэтому в конце XX в. быстро произошло превращение глобальной компьютерной сети в средство и среду политической деятельности. Практически все политические кампании теперь сопровождаются созданием специализированных серверов и веб-сайтов, посредством которых формируется имидж политика (политической акции или организации). Через интернет ведется агитация, осуществляется коммуникация со сторонниками и т. д. Государственная бюрократия (прежде всего министерства, налоговые и иммиграционные службы) теперь также всё чаще представлена в интернете страницами и порталами, замещающими взаимодействие граждан с государственными служащими. В интернете на таких ресурсах, как «Госуслуги», «Российская общественная инициатива» и т. п., возможно получение консультаций, обращение за информацией, подача налоговых деклараций и петиций и т. д.

Характерно то, что в сети и функционеры политических партий / движений, и работники государственных учреждений, и граждане осуществляют коммуникацию посредством технологии, которая в принципе позволяет не вести коммуникацию в формате партийной организации или бюрократической процедуры. Однако здесь потенциал этой технологии используется прежде всего для поддержания образа привычного распределения социальных ролей. Посетителям веб-сайтов предлагаются регистрация участников, заполнение всякого рода формуляров, голосование по заданной проблеме и т. п. Тем самым в условиях отсутствия реального институционального взаимодействия поддерживается образ «действующей организации» или «работающего государства». Интенсивная политизация киберпространства наглядно демонстрирует, что новая политика строится на компенсации дефицита реальных ресурсов и реальных действий изобилием образов.

В сфере культуры виртуализация институтов обусловлена тем, что в создании интеллектуальных и эстетических ценностей решающую роль играет не реальное творчество и его оценка реальными экспертами и публикой, а виртуальное произведение — концепция, проект, модель и его презентация в коммуникациях.

В деятельности ученых в конце XX — начале XXI в. реальная исследовательская работа занимает всё меньше места и всё больше времени, сил, изобретательности приходится на поддержание имиджа успешного и результативного ученого. Фокус активности в академических сообществах смещается на создание проектов, которые привлекли бы внимание грантодателей, на публикацию статей в престижных научных журналах, на достижение высокого уровня цитируемости, на выдвижение ярких и простых моделей, которые привлекли бы внимание журналистов. В условиях, когда людей с академическими степенями и амбициями исследователя всё больше, а интереса к научным про-

блемам у неспециалистов всё меньше, такая стратегия виртуализации — замещения реальной научной работы созданием образа научной эффективности — становится рациональной. Исполнение социальных ролей исследователя, эксперта, оппонента всё меньше ориентируется на нормативные ожидания, принятые в профессиональном сообществе, и всё больше приспособливается к ожиданиям и вкусам неспециалистов.

Виртуальная наука как создание академических имиджей не уничтожает реальную научную деятельность. Скорее виртуальная наука становится защитным буфером для реальных исследований, которые требуют больших затрат человеческих и материальных ресурсов и не гарантируют быстрого и впечатляющего эффекта. В результате возрастания в научных сообществах роли образов и коммуникаций традиционные институты в сфере науки — исследовательские организации, научные школы, конференции — сохраняются и поддерживаются, если они являются носителями престижных образов, своего рода академических «брендов». Но для проведения инновационных исследований ученые всё чаще создают проектные и сетевые структуры, аналогичные виртуальным корпорациям в современной постиндустриальной экономике.

В артистических сообществах также получают распространение практики создания образа творчества, соответствующего ожиданиям и компетенциям неспециалистов. Постмодернистский поворот в искусстве уравнивал художественные и обыденные практики, произведения искусства и бытовые предметы. В результате стали распространенными такие приемы создания арт-объектов, как эстетизация обыденных вещей и контекстуализация известных объектов. В первом случае обыденные вещи выставляются в галереях от имени художника или фиксируются на фото и видео и демонстрируются на фестивалях. Во втором случае вокруг функционирующего здания или другого элемента городской среды устраиваются перформансы или флэшмобы, помещающие известные публике объекты в контекст арт-проекта. Такого рода художественные проекты не требуют реального творчества, диктуемого институциональными нормами прошлого столетия, но они предполагают участие в коммуникациях, в ходе которых арт-проект будет признан в качестве художественного события. Поэтому проектная логика артистической деятельности и сетевая структура артистических сообществ получают всё большее распространение в современном искусстве, а традиционные институты — художественное направление, театр, галерея, фестиваль — всё чаще переводятся в режим виртуального существования.

Обобщая анализ тенденций в сферах экономики, политики, науки, искусства, можно сделать вывод, что нынешнее функционирование социальных институтов вполне адекватно описывается с помощью трех характеристик виртуальной реальности — это *нематериальность воздействия, условность параметров и эфемерность*. Эффект следования институциональным нормам

достигается за счет образов и коммуникаций, замещающих реальные вещи и действия. Образы и коммуникации стилизуются в зависимости от того, как трактуется участниками взаимодействия институциональная принадлежность ситуации взаимодействия. Выбор (и борьба за право выбора) институциональной принадлежности взаимодействия превращает каждый отдельный институт в периодически «включаемую» и «выключаемую» среду (контекст) взаимодействия. Это непостоянство или изменчивость — временами эфемерность, временами эффективность — институционального строя было зафиксировано в современной социологической теории Э. Гидденсом и П. Бурдьё в их концепциях взаимообусловленности и диалектического единства действия и структуры.

Виртуализируется не только система институтов, но и система неравенства. В сложившейся в ходе модернизации стратификации общества дифференцирующим фактором является уровень жизни. Новые неравенства на основе неодинакового распределения в обществе образов и коммуникаций возникают в двух формах: 1) разрыв между стилями жизни; 2) «цифровой разрыв».

Социологи констатируют, что в последние десятилетия в развитых странах при прочих равных условиях роль дифференцирующего фактора переходит к стилю жизни. Привычные характеристики социального статуса — уровень дохода, образования, престижа профессии — замещаются степенью стилизации потребления, знания, профессиональной деятельности. «Стилизация» в данном случае означает превращение потребления, знания, профессии в имиджевую систему. При близких уровнях дохода, образования, престижа профессии, что характерно для средних слоев в модернизированном обществе, способность создавать и поддерживать имидж становится решающим фактором поддержания статуса. Стилиевой разрыв возникает как следствие конкуренции стилизаций. Эта новая форма неравенства трансформирует привычную стратификационную структуру, которая становится фрагментарной, многомерной и даже эфемерной. Соотношение статусов нестабильно, сильно зависит от сиюминутной привлекательности образов, создаваемых в процессе индивидуальной / групповой стилизации.

Тот, кто успешно манипулирует образами или просто вовлечен в этот процесс, всегда приобретает относительно высокий социальный статус и воспринимает общество прежде всего как поле символических практик. Тот, чьи практики ориентированы на представление о реальности общества, игнорирует роль имиджевых практик и с большей вероятностью оказывается ниже по статусу, определяемому престижностью стиля жизни. С другой стороны, низкий социальный статус предполагает затрудненность доступа к социальным благам — высокому заработку, высшему образованию, престижной профессии, — и эти ограничения выступают для индивида как объективная и труднопреодолимая реальность общества. Высокий же статус предполагает

разнообразие возможностей доступа к социальным благам, поэтому для индивида, обладающего таким статусом, общество естественным образом представляется виртуальной реальностью, в которой оперирование образами вызывает реальные эффекты.

«Цифровой разрыв» (англ. *digital divide*) — это форма неравенства, обусловленная неодинаковым доступом к компьютерным технологиям и неодинаковым уровнем владения этими технологиями. При одинаковом уровне доходов и образования наличие или отсутствие доступа к компьютеру и интернету разделяет людей на тех, у кого есть и у кого нет дополнительных преимуществ. Дополнительные преимущества дают ресурсы, которые доступны тем, кто использует цифровые технологии. Создавая при их помощи образы и вступая в коммуникацию, индивиды могут получить нужную информацию, приобрести популярность в виртуальных сообществах, получить от партнеров по коммуникации моральную, интеллектуальную или даже материальную помощь.

«Цифровой разрыв», связанный с доступом к компьютерам и интернету, медленно, но неуклонно сокращается. Например, в России, по данным Росстата, в 2003 г. среди 20 % домохозяйств с наименьшими доходами обеспеченность персональными компьютерами была на уровне 4 на 100 домохозяйств, а среди 20 % домохозяйств с наибольшими доходами — 20 компьютеров на 100 домохозяйств. В 2012 г. разрыв сократился: 64 компьютера на 100 среди 20 % домохозяйств с низкими доходами против 101 компьютера на 100 среди 20 % домохозяйств с самыми высокими доходами. Однако «цифровой разрыв» между активными пользователями, которые сами создают цифровой контент, размещают его на интернет-сайтах и тем самым управляют образами и коммуникациями, и остальной массой пользователей постоянно нарастает.

«Цифровой разрыв» среди тех, кто по экономическим и техническим условиям имеет одинаковый доступ к компьютерным технологиям, но в разной степени владеет навыками участия в процессах виртуализации, связан также с тем, что разные поколения живут в разных виртуальных реальностях. По данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в начале 2012 г. интернетом пользовались 55 % взрослых жителей России и 82 % пользователей интернета имели аккаунты в социальных сетях. Но доминирующим инструментом виртуализации общества остается телевидение. По данным опроса ВЦИОМ, в 2013 г. «главным источником новостей о событиях в стране» телевидение назвали 60 % взрослых респондентов, а интернет — 23 %. При этом интернет выбрали главным источником новостей 50 % респондентов в возрасте 18–24 лет и только 11 % в возрасте 45–59 лет. То есть молодежь ведет свою социальную жизнь больше в виртуальной реальности, созданной при помощи новых цифровых технологий. Старшее поколение погружено в виртуальную реальность, создаваемую при помощи более традиционных СМИ.

Свидетельством погружения в разные виртуальные реальности, ценностного и поведенческого разрыва между поколениями в нашей стране является

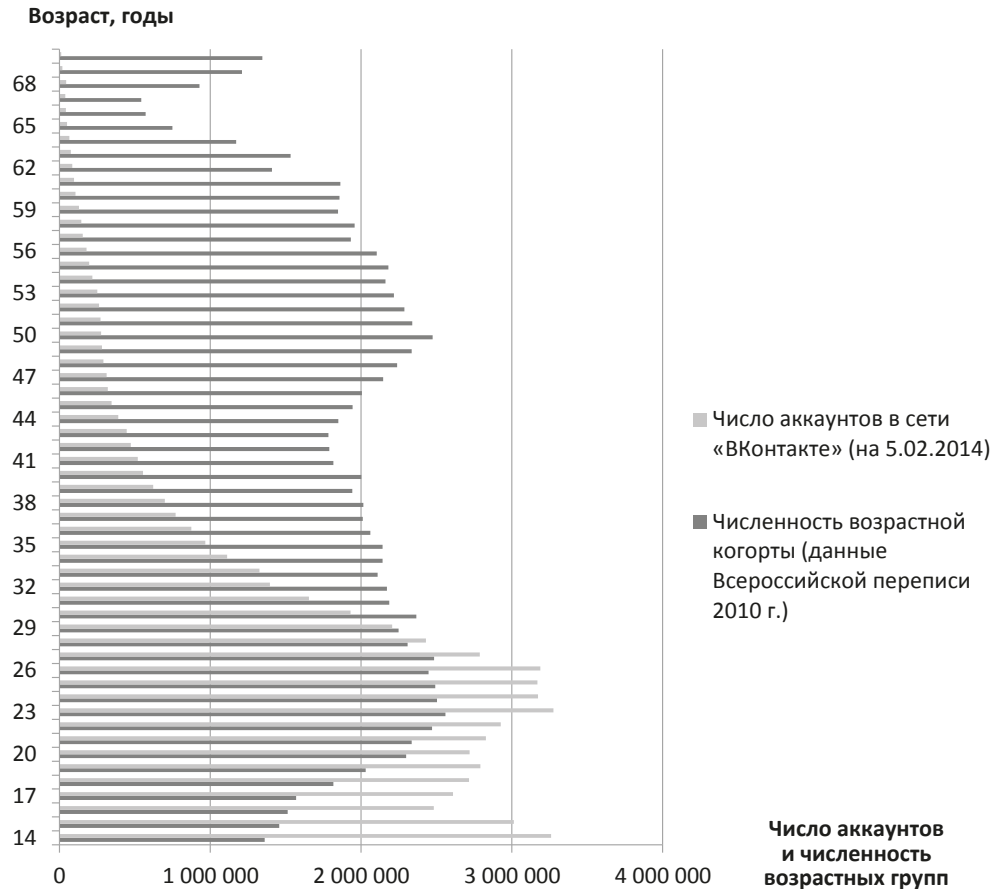

Рис. 8.3. Разрыв между реальной и виртуальной демографическими структурами⁷

ется также то, что реальная демографическая структура России не совпадает с демографической структурой социальных сетей, функционирующих в интернете. Например, в самой популярной в последние годы сети «ВКонтакте» число аккаунтов старших возрастных групп существенно меньше реального количества людей старшего возраста, а число аккаунтов молодежи заметно превышает ее реальную численность (рис.8.3). Этот парадокс объясняется тем, что участие в коммуникациях от лица множества виртуальных персо-

⁷ Составлено по: Социология: учебник / под ред. Д.В.Иванова. М.: Проспект, 2016. С. 291.

нажей, эксперименты с идентичностью, создание ботов в социальных сетях являются обычными практиками для новых поколений. Виртуализация общества делает совместную жизнь разных поколений сложнее и потому требует дополнительных усилий по изучению и пониманию всех эффектов такого рода социальных изменений.

Сопоставляя представленную выше социоцентристскую модель виртуализации с техноцентристскими моделями, можно зафиксировать общую для них зависимость логической структуры от социокультурного сдвига конца XX — начала XXI в. Тенденции, наблюдаемые в развитых странах, интерпретируются с помощью парадигмального различия «реальное/виртуальное». Перспективы использования виртуализационной парадигмы для описания и объяснения социальных изменений определяются тем, насколько продолжительными будут тенденции, вызванные социокультурным сдвигом конца XX — начала XXI в. и не произойдет ли в ближайшем будущем новый сдвиг, который превратит в наиболее значимые те тенденции, которые сейчас выглядят несущественными. В настоящее же время любая теоретическая модель трансформации общества, чтобы быть адекватной современным тенденциям, должна строиться с использованием понятия виртуальности или его аналогов, подчеркивающих роль образов, коммуникаций, символов, игры и перформанса в социальных процессах.

Контрольные вопросы

1. Какое определение понятия «прогресс» принято в социологии?
 - А) улучшение жизни людей в результате развития науки и техники
 - Б) рост благосостояния населения страны
 - В) развитие общества в направлении более совершенного устройства
2. Какие технологии доминируют в обществе постиндустриального типа?
 - А) информационные
 - Б) аграрные
 - В) социальные
3. Что является фактором социальной эволюции в теории К. Маркса?
 - А) рост классового сознания
 - Б) рост производительных сил
 - В) расширение промышленного производства
4. Какие два типа модернизации выделены в теории Ш. Айзенштадта?
 - А) структурная и технологическая
 - Б) первичная и запаздывающая
 - В) органичная и догоняющая

5. Какая из данных тенденций относится к глобализации?
 - А) развитие транснациональных корпораций
 - Б) развитие национальных государств
 - В) развитие массовой культуры
6. К какому типу социальных изменений относится индустриализация?
 - А) к модернизации
 - Б) к глобализации
 - В) к виртуализации
7. Какая из черт характеризует модернизированное общество?
 - А) высокая степень социальной мобильности
 - Б) высокая степень культурной гетерогенности
 - В) высокая степень структурной гомогенности
8. Кто из данных теоретиков ввел понятие «глобализация» в социологию?
 - А) Маршал Маклюэн
 - Б) Роланд Робертсон
 - В) Карл Маркс
9. Что такое модернизация?
 - А) совокупность процессов, ведущих к смене общества традиционного типа обществом современного типа
 - Б) обновление технологий и организационных форм, лежащих в основе общества
 - В) социальные следствия научно-технической революции и индустриализации
10. Индикатором какого типа социальных изменений является увеличение доли городского населения в стране?
 - А) глобализации
 - Б) модернизации
 - В) виртуализации

Задания для самостоятельной работы

Согласно данным компании *Cisco* в 2010 г. из общего объема интернет-трафика скачивание и обмен файлами составили 52 %, просмотр видео в режиме онлайн — 25 %, просмотр страниц и поиск данных — 16 %, все прочие виды использования интернета — 7 %. Проанализируйте эти данные и ответьте на вопрос, с помощью какой теории можно адекватно объяснить это соотношение способов использования интернета. Приведенные факты лучше объ-

сняет теория информационного общества (Д. Белл) или теория виртуализации общества?

Темы рефератов (докладов)

- ✓ Правы ли были классики? (Общество XXI века с точки зрения теорий К. Маркса и Д. Белла)
- ✓ Основные черты общества риска (по работам У. Бека)
- ✓ Проявления глобализации в повседневной жизни
- ✓ Роль глобальной компьютерной сети в современной общественной жизни
- ✓ Стиль жизни современной молодежи в контексте виртуализации общества

Список дополнительной литературы по теме

- Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Бек У.* Что такое глобализация? / пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
- Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество / пер. с англ. М.: Academia, 2004.
- Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального / пер. с фр. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000.
- Гидденс Э.* Социология / пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2005.
- Иванов Д. В.* Императив виртуализации. Современные теории общественных изменений. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002.
- Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000.
- Лиотар Ж. Ф.* Состояние постмодерна / пер. с фр. СПб.: Алетейя, 2013.
- Масионис Дж.* Социология / пер. с англ. СПб.: Питер, 2004.
- Парсонс Т.* Система современных обществ / пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1997.
- Сорокин П.* Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / пер. с англ. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 2000.
- Уэбстер Ф.* Теории информационного общества / пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 2004.

Глава 9

ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Социология возникла как наука, призванная помочь человечеству решать волнующие его проблемы. Ни одно из развитых социологических направлений не оставило без внимания вопрос об определении сущности социальных проблем и об отношении людей к ним. Предпосылкой понимания социальных проблем является вопрос о формах их существования в социальном мире. Представления о том, в какой форме и как существуют отдельные явления, в науке называются онтологическими представлениями. Онтология — философское учение о бытии, существовании. Когда говорят об онтологических представлениях о социальной проблеме, имеют в виду то, в какой форме она существует в обществе. В социологии развиты три онтологических представления о социальных проблемах.

1. *Объективистское представление.* Социальные проблемы определяются как сугубо объективные явления, которые существуют независимо от воли и сознания действующих индивидов и групп. Социальные проблемы объективны в том смысле, что последствия их существования всегда реальны, действительны, независимо от того, осознают это члены общества или не осознают.

2. *Субъективистское представление.* Социальные проблемы — это прежде всего такие явления, которые определяются коллективными субъектами (группами, общностями) как проблемные, не удовлетворяющие потребностей, желаний различных коллективных субъектов. Сторонники этой традиции считают, что социальные проблемы создаются самими людьми, их сознанием.

3. *Диалектическое представление.* Социальные проблемы включают в себя объективные и субъективные компоненты, и только наличие этих двух компонентов и их взаимодействие создает социальные проблемы.

В социологии первым возникло объективистское представление о социальных проблемах. Затем стало формироваться диалектическое представление, потом — субъективистское.

9.1. Концепции социальных проблем в классических социологических теориях

На основе принятых онтологических представлений о социальных проблемах социологи создают свои теории, в рамках которых объясняется происхождение, существование, эволюция и исчезновение этих проблем. Выделяют одиннадцать основных концепций социальных проблем, развитых мировой социологической мыслью. К классическим концепциям относятся десять из них, а именно концепции / теории социальной патологии (С. Смит), социального эволюционизма (Г. Спенсер, У. Самнер, А. Смолл), социальной дезорганизации (У. Томас, Ф. Знанецкий), отклоняющегося поведения (Э. Дюркгейм, Р. Мертон), символического интеракционизма (Ч. Кули, Г. Блумер), феноменологической социологии (А. Шюц, П. Бергер), функционализма (Р. Мертон, Т. Парсонс), конфликта (Г. Спенсер, К. Маркс, Р. Дарендорф, Л. Коузер), марксистская (К. Маркс, Ф. Энгельс), социального активизма (Н. К. Михайловский, С. Н. Южак, П. Л. Лавров, А. Этциони, А. Турен, М. Круазье). Новую концепцию социальных проблем предлагает конструкционистское направление в современной социологии (Дж. Китсьюз, М. Спектор).

Концепции социальной патологии

К этому течению социологической мысли относятся исследования, в которых в явном или неявном виде используются представления о «здоровом обществе». Здоровое общество, по мысли сторонников концепции социальной патологии, — это общество, в котором живут и функционируют полноценные в генетическом, биологическом, психологическом, этническом, расовом отношении индивиды. Социальные проблемы являются результатом наличия в обществе неполноценных индивидов и групп. Самуэль Смит в работе «Социальная патология» (1911) указывал, что неполноценные индивиды порождают других неполноценных индивидов, а множество дефектных людей и групп служит основой для возникновения таких форм социального поведения, которые и создают социальные проблемы. Сторонники этой концепции предлагали решать социальные проблемы двумя способами:

- 1) изолировать неполноценных индивидов от общества или вообще изгнать из общества;
- 2) воспитывать, перевоспитывать дефективных индивидов, применять к ним различные формы дисциплинарного воздействия.

Такая политика проводилась в первые десятилетия XX в. в США. В 1924 г. был принят закон, снижавший квоты легального въезда иностранцев в США. Ограничения касались евреев, итальянцев, поляков, венгров, греков, русских.

Эволюционистские теории

Социальное развитие в рамках этих теорий рассматривается как происходящее по объективным, независимым от воли и сознания людей социальным законам. В процессе социальной эволюции социальные проблемы возникают с неизбежностью. Г. Спенсер выступал против вмешательства государства в общественную жизнь, против социальных реформ, которые были задуманы для облегчения участи страждущих. Он утверждал, что заботиться о бедных, вдовах, больных — не обязательно. Эти группы сами виноваты в своем положении: они не проявили должного стремления решить свои проблемы самостоятельно. Поэтому лучшее, что они могут сделать, это умереть. Все же Спенсер верил в то, что социальная эволюция со временем приведет человечество к такому состоянию, при котором многие социальные проблемы исчезнут, но произойдет это естественным образом.

Американский социолог У. Самнер считал, что составлять проекты нового социального мира — это величайшее безумие. Они не могут быть осуществлены, поскольку любой из них игнорирует действие объективных законов социальной эволюции. Он также выступал против вмешательства государства в решение социальных проблем.

В группе эволюционистов существовали и не столь радикальные мыслители. Например, другой американский социолог, А. Смолл, считал, что социальные проблемы могут и должны решаться, но для этого необходимо разработать специальные социальные технологии. Он подчеркивал, что именно социальные технологии должны использоваться для изменения и совершенствования социальных институтов, тогда более совершенные социальные институты будут создавать более совершенных людей.

Концепция аномии Э. Дюркгейма

Для понимания данной концепции необходимо вспомнить о представлениях Э. Дюркгейма относительно органической и механической солидарности. Механическая солидарность характерна для архаических обществ. Люди здесь объединяются друг с другом на основе сходства общественных функций индивидов. Органическая солидарность принципиально присуща современным обществам, формирующимся на основе разделения труда. Разделение труда интегрирует индивидов в единое целое, обеспечивая взаимоподдержку, без которой при глубоком разделении труда одному человеку выжить невозможно. Органическая солидарность — важная и универсальная общественная ценность, тот идеал, к которому должны стремиться люди.

Социальные проблемы являются результатом отсутствия органической солидарности, сильных социальных связей, которые и удерживают поведение людей в рамках одобряемых норм. Реально существующие общества еще не

достигли в полной мере состояния органической солидарности. В этих обществах проявляется аномия — состояние общества, когда значительная часть граждан, зная о существовании обязывающих их норм, относится к этим нормам негативно или равнодушно.

Аномия — продукт перехода от механической солидарности к органической. Аномия характерна для обществ, где происходит быстрая эволюция. В условиях быстрых социальных изменений люди зачастую теряют способность ориентироваться в многообразии меняющихся ценностей и норм, оказываются не в состоянии приспособиться к изменяющимся общественным условиям, в результате чего формируется особый тип личности — аномическая личность.

Чтобы преодолеть состояние аномии, общество должно проводить специальную работу по укреплению связей между индивидами. Сильные социальные связи и должны стать основой взаимопонимания людей, взаимной поддержки. Укрепить связи индивида с группой в промышленных обществах могут только профессиональные корпорации, считал Дюркгейм. Не семья, не государство, не религия, а промышленные корпорации должны стать местом, где укрепляется связь индивидов друг с другом.

Насколько велико значение социальных связей индивида с группой, Дюркгейм показал на примере анализа различных типов самоубийств. Он различал четыре типа самоубийств — эгоистическое, альтруистическое, аномическое, фаталистическое.

При эгоистическом типе самоубийство является результатом ослабления связей индивидов со значимыми для них группами. Разрыв этих связей лишает индивида необходимости выполнять обязательства, которые у него имеются перед группой. При альтруистическом типе, напротив, социальная связь индивида с группой носит столь жесткий характер, что индивид, потеряв опору в этих связях, лишает себя жизни. Это самоубийство жены вслед за мужем, раба вслед за хозяином. При аномическом типе индивид не в состоянии приспособиваться к происходящим в обществе преобразованиям. Он теряет связи с социальными группами, и сама группа ослабляет контроль над поведением индивидов. Фаталистическое самоубийство происходит при избытке регламентации поведения личности. Таковы, например, самоубийства в армии, в тюрьмах.

Теория социальной дезорганизации

Основы этой теории были заложены в первой половине XX в. У.Томасом и Ф.Знанецким, представителями Чикагской социологической школы. Она была разработана в ответ на объективное требование американского общества преодолеть кризис 1920–1930-х годов в США. Представители Чикагской школы ставили перед собой задачу разработать такие социальные технологии,

которые позволяли бы успешно решать наиболее острые проблемы крупных городов США.

Для понимания социальной дезорганизации необходимо рассмотреть понятие социальной организации. Оно используется в двух значениях: 1) сознательно создаваемые людьми учреждения, институты, которые призваны обеспечить кооперацию коллективной человеческой деятельности; 2) система образцов деятельности, средств социального контроля, социальных ролей и ценностей, которые обеспечивают совместную жизнь членов общества, гарантируют их стремления и действия, устанавливают допустимые способы удовлетворения потребностей, разрешают проблемы и конфликты, возникающие в ходе их совместной жизни, т. е. обеспечивают социальный порядок. Функционирование общества упорядоченным, предсказуемым образом и называется социальной организацией.

Социальная дезорганизация — это несоординированная, дезинтегрированная совокупность социальных статусов, ролей, норм, ценностей. Состояние социальной дезорганизации является следствием ослабления или отсутствия социального контроля, а также следствием отсутствия социального согласия по поводу обязательности соблюдения норм, следования определенным ценностям и идеалам. В состоянии социальной дезорганизации нарушается привычное, регламентированное взаимодействие между различными социальными институтами, а сами социальные институты утрачивают способность эффективно выполнять функции, ради которых они созданы. Это состояние возникает, когда определенный социальный стандарт и правила утрачивают свое значение и не способны обеспечивать социальное поведение предсказуемым образом в соответствии с ранее существовавшими ожиданиями, и является одним из источников социальных проблем. В социальной теории выделяется четыре вида социальной дезорганизации.

1. Вненормность (*normlessness*).
2. Культурный конфликт — противоречие разных типов культур. Люди имеют разные представления о должном, допустимом. Культурный конфликт — неспособность отдельных индивидов и их групп адаптироваться к нормам господствующей в данном обществе культуры. Примером может служить сегодняшняя ситуация с русскоязычным населением в Прибалтике.
3. Культурное отставание (*cultural lag*) — неравномерность развития в различных сферах общественной жизни. Например, финансово-банковская система в России первой начала переход на принципы рыночного хозяйства, изменилась быстрее по сравнению с промышленностью. Разные темпы изменений этих двух общественных подсистем явились причиной многих социальных проблем.

4. Брейкдаун (*breakdown*) — поломка, упадок сил, истощение. Это ситуации, в которых люди, соблюдая ранее принятые, действовавшие в обществе нормы, не получают ожидаемого поощрения. Например, многим в современной России выполнение профессиональных обязанностей не приносит денежного вознаграждения в том объеме, в каком они его получали в СССР.

Социальная дезорганизация проявляется:

- 1) в дезинтеграции социальных институтов, невыполнении ими своих основных функций;
- 2) в нарушении и ослаблении привычных связей между социальными институтами;
- 3) в ослаблении механизмов формального и неформального социального контроля;
- 4) в ослаблении нормативной регуляции человеческого поведения;
- 5) в появлении образцов поведения, противоречащих ранее принятым.

Таким образом, процессы социальной дезорганизации являются одним из источников возникновения и распространения социальных проблем.

Теории девиантного поведения

Часть социальных проблем возникает в той мере, в какой отдельные группы совершают действия, поступки, отклоняющиеся от социально одобряемых норм. Девиация — нарушение индивидом и группами действующих социальных норм. Девиация столь же естественна, сколь и ее противоположность — конформизм, т. е. такое поведение, при котором индивид или группа действует в соответствии с установленными в обществе нормами. Девиантные формы поведения могут как способствовать поддержанию социального порядка, так и нарушать его. В этом смысле их можно оценивать как положительно, так и отрицательно. Некоторые отклонения могут разрушать социальный порядок, нарушать привычные нормы, но в результате создаются новые, более прогрессивные формы поведения.

Для девиантных форм поведения характерны:

- относительность оценок девиантных форм поведения (с точки зрения одной группы некое действие вредно, с точки зрения другой — конструктивно);
- неопределенность ожиданий, связанных с конкретными формами девиантного поведения;
- наличие разногласий по поводу приемлемости новых правил взаимодействия или новых элементов, вносимых в действующие правила.

Структурно девиация включает три основных компонента:

- 1) социальную норму — центральный компонент;
- 2) субъект действия, поведение которого соотносится с действующей социальной нормой;
- 3) субъект оценки — группу, которая оценивает поведение отдельного индивида или группы индивидов, исходя из содержания и требований социальной нормы.

Там, где на основе оценки устанавливают расхождения между поведением индивида или группы и действующей одобряемой социальной нормой, там и возникает ситуация, которая квалифицируется как отклонение. Субъект оценки — общество, группа — вырабатывает определенное отношение к зафиксированному расхождению. Как правило, в обществе всякое нарушение социальной нормы, по крайней мере вначале, влечет за собой применение к девиантам различных санкций, вплоть до изоляции их от общества и заключения в тюрьму.

Структуру девиации можно проиллюстрировать на простом примере. Существуют правила дорожного движения, в том числе такая норма: нельзя переходить улицу на красный свет (пункт 1). Предположим, что кто-то перешел улицу на красный свет (пункт 2). Есть служба ГИБДД (пункт 3), которая оценивает подобный поступок как отклонение от норм — правил дорожного движения и может применить санкции к данному лицу — например, выписать штраф.

Когда девиации накапливаются, приобретают массовый характер, общество сталкивается с различными социальными проблемами, которые требуют либо системы интервенций (вмешательств), носящих краткосрочный характер, либо создания и реализации специальных программ по решению социальных проблем. В течение двух столетий социологическая мысль разрабатывала различные формы объяснения девиантного поведения. Все эти формы можно подразделить на три группы. В рамках первой группы делается попытка объяснить девиации исходя из анализа свойств личности; в рамках второй — акцент делается на социальной детерминации девиантных форм поведения; третья группа связывает девиантные формы поведения с культурной обусловленностью появления девиации.

Девиация — это не только состояние, статика, но и особый социальный процесс, который включает следующие этапы:

- 1) создание социальной нормы, которая выступает в качестве точки отсчета, базы, на которую опираются при оценке различных форм поведения;
- 2) определение сущности нормы, ее манифестация, придание ей публичного, обязательного характера;

- 3) совершение девиантного поступка, который не укладывается в принятую норму;
- 4) признание данного поступка девиантным;
- 5) признание девианта, конкретного человека, нарушителем норм;
- 6) осуществление стигматизации — «клеймения»;
- 7) появление и накопление результатов стигматизации, в частности вторичных отклонений;
- 8) распространение коллективных форм девиации.

Девиации создают социальные проблемы, когда они приобретают массовый характер и когда общество не в состоянии приостановить распространение этих форм поведения.

Особый взгляд на девиантное поведение предложил Р. Мертон. Он описал различные типы адаптации индивида к окружающей среде. В типологии Мертона ключевыми компонентами являются социально одобряемые цели и социально одобряемые способы их достижения (табл. 9.1). Все указанные способы адаптации, кроме первого, — девиантные формы поведения. Для них характерно неприятие социально одобряемых целей и/или средств их достижения. Социальные проблемы возникают как результат различных форм девиантного поведения.

С теориями девиантного поведения тесно связаны теории социального контроля — коллективных действий, направленных на обеспечение соответствия поведения индивидов и групп социально одобряемым нормам. Социальный контроль — это особая форма саморегуляции общественной жизни, форма поддержания социального порядка.

Социальный порядок — регулярность, повторяемость, монотонность, стандартизированность общественной жизни, ее развитие в рамках исторически выработанных, принятых форм деятельности, норм отношений между индивидами, между индивидами и группами, между различными группами и обществом в целом. Социальный порядок является существенным условием непрерывности и определенной взаимосвязанности общественного развития. Идея социального порядка предполагает неслучайный характер человеческого поведения, наличие взаимосвязей, согласованности, предсказуемости в действиях индивидов и групп, а также устойчивости общественных отношений.

До возникновения развитой общественной мысли социальный порядок рассматривался и принимался как проявление божественной воли или как естественный предустановленный процесс, продиктованный действиями непроизвольных, внешних по отношению к людям сил, т. е. как результат проявления всеобщего мирового порядка. Впервые проблему социального порядка в явном виде поставил английский философ Т. Гоббс (1588–1679). Он сформулировал парадокс: как возможно существование общества, если человек человеку волк, т. е. если человек от природы наделен инстинктом агрессии? В поисках решения

Таблица 9.1. Типология девиации по Мертону

Способы адаптации	Социально одобряемые цели	Социально одобряемые средства
1. конформизм	+	+
2. инновация	+	-
3. ритуализм	-	+
4. ретритизм	-	-
5. бунт	- +	- +

Примечание. Знак «+» означает согласие, знак «-» — отрицание.

Составлено по: Социология: учебник / под ред. Д. В. Иванова. М.: Проспект, 2016. С. 238.

этого парадокса социологическая мысль предложила несколько теорий. Одна из них — теория принуждения. В ней утверждается, что социальный порядок — продукт властных отношений, господства одних групп над другими. Вторая теория — это теория общественного договора, в соответствии с которой социальный порядок является результатом согласия, договоренности отдельных индивидов относительно необходимости соблюдения определенных правил взаимодействия. Согласно третьей теории — теории обмена — социальный порядок есть результат непреднамеренных коллективных действий людей, в ходе которых естественным образом формируются социальные нормы, правила поведения, признаваемые в дальнейшем обязательными. Четвертый тип образуют синтетические концепции, обосновывающие социальный порядок, используя ключевые положения трех вышеназванных теорий.

Социальный порядок в развитых обществах поддерживается с помощью механизмов и институтов социального контроля, назначение которого — поддержание социального порядка и обеспечение преемственности в общественном развитии. Существует несколько способов осуществления социального контроля.

1. *Социальный контроль на базе социализации*, в ходе которой индивиды обретают способность быть «нормальными» членами общества, формируют свои собственные свойства и приучаются выполнять социальные роли, придерживаться социальных норм и следовать тем ценностям, которые в обществе признаны основополагающими. Социализация, обуславливая наши желания, привычки, действия, является одним из факторов социального контроля и установления социального порядка. Присущие человеку биологические инстинкты в результате социализации ограничиваются определенными рамками, соответствующими социальным нормам. Проявления этих инстинктов ставятся под внешний контроль, переходя со временем во внутренний социальный контроль, в результате чего уже не общество контролирует личность, а личность контролирует саму себя.

2. *Контроль на основе группового давления*, т.е. через систему средств, которые заставляют каждого отдельно взятого члена группы следовать групповым нормам, стандартам поведения. Отклонение от групповых норм влечет за собой применение к девиантам различных санкций — формальных и неформальных, позитивных и негативных.

Позитивные санкции призваны обеспечивать с помощью поощрений, наград безусловное следование групповым нормам. Негативные санкции применяются к тем индивидам, поведение которых выходит за пределы групповых норм. Это может быть простое словесное осуждение или изгнание. Разные типы групп используют специфические для них санкции: в одних санкции носят жесткий и формальный характер, в других, например в первичных группах (в том числе в семье), применяются неформальные, мягкие формы давления.

3. *Социальный контроль на основе принуждения*, состоящий в использовании главным образом формализованных процедур, т.е. законов и административных актов, а также (в необходимых случаях) насильственных действий. Современные развитые системы социального контроля широко используют и комбинируют как формальные, так и неформальные, административно-правовые, нравственные нормы. Среди институтов формального социального контроля выделяются следующие: административные и государственные органы контроля, включая полицию; суды; исправительные учреждения; психиатрические клиники. Помимо этого, контроль осуществляется с помощью СМИ.

Т. Парсонс рассматривал социальный контроль как важнейшую общественную функцию, с помощью которой общество, используя социализацию, групповое давление, принуждение, обеспечивает поддержание и развитие социального порядка, динамического равновесия в социальной системе. Однако возможности социального контроля ограничены, и всегда во всех обществах присутствовали элементы отклоняющегося поведения. При этом одни из форм отклоняющегося поведения оказывались конструктивными, полезными для развития общества, другие — деструктивными, наносящими вред тем или иным сторонам общественной жизни. Эта двойственность девиантных форм поведения заставляет дифференцированно менять существующие способы и механизмы социального контроля.

В одних случаях отклонения должны пресекаться и с девиациями следует вести соответствующую работу, в других случаях та или иная форма отклонений может и должна быть признана полезной. Говоря о тех отклонениях, которые являются дисфункциональными по отношению к обществу, теоретики социального контроля предлагают использовать следующие методы: 1) предотвращение отклонений путем уменьшения возможностей их совершения или устранения причин возникновения отклонений; 2) удержание от отклонений на основе создания угроз наказания; 3) ресоциализацию (включая перевоспитание) девиантов; 4) более интенсивную социализацию в подростковом возрасте.

Кроме того, по отношению к деструктивным девиантам должны применяться следующие формы воздействия: 1) изоляция девиантов (арест, содержание под стражей, тюремное заключение); 2) обособление — ограничение контактов девианта с другими людьми посредством домашнего ареста или помещения его в психиатрическую клинику; 3) реабилитация — особый способ возвращения девианта к привычной социальной жизни путем направления девианта в трудовые лагеря, принятия на учет и контроля над его поведением, создания общественных организаций (клубов анонимных алкоголиков, наркоманов и т. п.), в которых под руководством инструкторов (воспитателей, лидеров) проводится «лечение» девиантов.

Социальные проблемы часто возникают в результате отсутствия или неправильного, недостаточного применения различных механизмов и методов социального контроля, прежде всего контроля над девиантными формами поведения. Проблемы могут возникать в результате появления множества как деструктивных, так и позитивных девиаций.

Интеракционистские и феноменологические теории

Сторонники интеракционистских теорий исходят из того, что объективные обстоятельства сами по себе не создают социальных проблем. Социальные проблемы возникают в той мере, в какой конкретные люди оценивают определенные условия как неблагоприятные. Имеет значение не то, каковы объективные условия, а то, как отдельные группы людей оценивают эти условия. Факторами образования социальных проблем являются системы значений, смыслов, разделяемых участниками социального взаимодействия. Проблема-тичность общественной жизни зависит от того, каковы будут общие определения тех или иных обстоятельств, выработанные людьми посредством коммуникаций.

Для представителей феноменологической социологии в возникновении социальных проблем существенно не то, каковы объективные условия жизни, а то, как эти условия переживаются в сознании простых людей.

Разница между сторонниками интеракционизма и феноменологической социологии состоит в том, что первые подчеркивают рациональный характер социальных проблем, а вторые акцентируют внимание на жизненном мире, мире чувствований и переживаний, который в опыте предшествует рациональным способам понимания и объяснения социальных проблем.

Социологи при изучении социальных проблем должны выполнять следующие требования:

- 1) следует изучать социальные проблемы с точки зрения членов данного общества, т. е. не опираясь на научные критерии;
- 2) нужно учитывать неодинаковый характер значений социальных проблем для разных членов общества;

- 3) необходимо понимать, что такая неоднозначность указывает на существование противоречий, конфликтов между членами общества в определении социальных проблем;
- 4) нужно исследовать те способы, какими конфликтные группы конструируют значения социальных проблем и их решения.

Теории функционалистов

Одно из ключевых понятий данного научного направления — «функция». Главный вклад в разработку этого понятия внес Р. Мертон. В социологии оно должно использоваться для обозначения последствий и результатов человеческой деятельности. Различают четыре типа функций. *Эуфункции* — «хорошие» функции, т. е. позитивный результат человеческой деятельности в том смысле, что он способствует поддержанию стабильности социальных институтов, поддержанию порядка в социальной системе, сохранению предсказуемого поведения людей. Кроме результатов, способствующих стабильности социальной системы, люди могут производить (и нередко производят) результаты, нарушающие социальный порядок, подрывающие устойчивость социальной системы. По Мертону, такие результаты — это *дисфункции*. С точки зрения функционалистов, социальные проблемы возникают в обществе тогда, когда в нем накапливаются дисфункции. Тем самым нарушается организованность социальной жизни, отдельные группы людей перестают вести себя предсказуемо. Социальная проблема, согласно Мертону, существует объективно. Поэтому он различает явные и скрытые социальные проблемы. Явные — это те проблемы, которые в определенной мере осмыслены, осознаны в обществе; о существовании скрытых проблем люди не догадываются. Мертон ввел также различие функций на явные и скрытые (латентные). *Явные функции* — результаты человеческой деятельности, которые соответствуют целям, намерениям деятеля. *Латентные функции* — результаты человеческой деятельности, которые не были предусмотрены деятелем, возникли помимо его намерений. Мертон подчеркивает, что социологи при изучении социальных проблем должны исследовать прежде всего дисфункции и латентные функции.

Теории конфликта и марксистская теория

Основная причина возникновения социальных проблем, согласно данным теориям, — это социальная дифференциация, расслоение общества на различные группы, одни из которых концентрируют в своих руках власть и богатство, другие же лишены возможности использовать в необходимом для них объеме имеющиеся в обществе важные ресурсы. Социальные проблемы возникают в результате конфликта, противостояния различных общественных групп в их стремлении обеспечить себе достойный уровень жизни. Основной

способ решения социальных проблем — подготовка и осуществление социальных реформ.

Если представители органицизма (социального дарвинизма) полагают, что ни государство, ни какой-либо общественный субъект не должны вмешиваться в социальные проблемы, то представители марксистской теории занимают позицию активного вмешательства в естественный ход их развития. Один из тезисов К. Маркса гласит: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»¹. В этом тезисе — революционная суть марксистской теории. Марксизм утверждает, что люди, опираясь на знание объективных законов развития общества, могут ускорить процессы социальных изменений, появление объективно необходимых новых форм общественной жизни. Социальные проблемы должны быть в центре общественных преобразований; решая главные социальные проблемы, человечество может обеспечить установление социально справедливого мира. Решение социальных проблем способствует становлению прогрессивных форм организации общества. Для марксистов главные социальные проблемы, требующие решения, — это проблема классовой борьбы, уничтожение частной собственности и буржуазного государства, подготовка пролетарской революции, ликвидация капиталистического общества. Когда главные проблемы будут решены, тогда возможно решение и других, более конкретных, менее масштабных социальных проблем.

Таким образом, для марксистов социальные проблемы существуют объективно и являются следствием антагонистических противоречий в классовых обществах и неантагонистических противоречий в обществах, где отсутствует разделение на противоположные социальные классы. Основной способ решения социальных проблем — подготовка и осуществление социальных революций в антагонистических обществах.

Парадигма социального активизма

В качестве теории, базирующейся на принципах социального активизма, можно рассматривать субъективное направление в российской социологии (Н. К. Михайловский, С. Н. Южаков, П. Л. Лавров). Данное направление существовало с 1860-х годов по 1920-е годы и являлось альтернативным по отношению к позитивизму и марксизму.

Сторонники субъективного направления ставили перед собой задачу обосновать пути выхода России из кризиса 1860-х годов. Для них социальные проблемы представляют собой противоречие между идеалами, высшими ценностями, общечеловеческими нормами и самой социальной действительностью.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. Т. 3. М.: Гос. изд-во полит. лит.-ры, 1955. С. 4.

Чтобы выявить проблему, надо сравнить идеал с реальностью. Михайловский считал, что социолог должен ориентироваться на два представления об истинности знания. Одно из них он назвал «правда-истина», а другое — «правда-справедливость». «Правда-истина» — это объективное знание, независимое от ценностей, мировоззрения, разделяемых субъектом; «правда-справедливость» — знание, основанное на представлении об идеальном, гармонично устроенном обществе.

Для решения социальных проблем нужно прежде всего собрать сведения об объективном состоянии дел в той или иной области социальной жизни. Далее социологам следует сознательно занять те или иные ценностные позиции и, опираясь на определенные представления о должном, сделать выводы относительно того, какие действия необходимо совершить, чтобы приблизить действительность к идеалу, к определенной общественной ценности, к желаемой социальной цели. На основании предложенных оценок действительности социолог должен разработать предложения по осуществлению конкретных социальных действий, которые обеспечивали бы продвижение общества по пути социального прогресса.

Точка зрения представителей субъективного направления на специфику социологического подхода к обществу вообще и к социальным проблемам в частности была, по существу, воспроизведена уже в 1940–1950-х годах в социальной теории Франкфуртской школы. Основные положения этой теории в методологическом плане сходны с суждениями представителей субъективного направления в российской социологии. Франкфуртцы также утверждают, что социальное познание истинно, если оно перестает быть отражением того, что есть, и становится выражением того, что должно быть.

Деятельностная парадигма стала активно развиваться во второй половине XX в. Американский социолог А. Этциони разработал теорию *активного общества*. Эта теория рассматривает мобилизационные силы коллективов и общества в целом в качестве основного источника их собственных преобразований. Основное понятие данной теории — «мобилизация», или «социальная активация». Этциони утверждает, что современные общества, в отличие от предшествующих им обществ, могут сами направлять свое развитие. Основой самодвижения общества является творческая респонсивность — способность творчески отзываться на внешние воздействия. Если общество способно мобилизовать респонсивность, оно в состоянии обеспечить активное вмешательство в значимые социальные проблемы и уменьшить остроту отдельных социальных проблем. Более активные общества скорее и эффективнее решают свои проблемы, чем менее активные, однако активное общество должно знать, что решение одних проблем может приводить к появлению других.

Так, по Этциони, современные западные демократии — это еще не активные, а дрейфующие общества. Основная черта дрейфующих обществ — стремление вводить изменения только тогда, когда возникает объективная необходимость в них и когда может быть достигнут определенный консенсус по

поводу предписываемых социальных действий. Активное общество не ждет наступления объективной необходимости, но на основе предвидения появления социальных проблем может развивать и использовать стратегии их предупреждения. Положения этой теории перекликаются с концепцией французского социолога А. Турена.

Ален Турен создал теорию самопроизводящегося общества в противовес теориям развития и структуралистским концепциям, в которых развитие общества подчинено действию безличных и неизбежных законов объективного мира. Даже если раньше, до XX в., и существовали некие объективные законы, которым люди подчинялись, современные общества, используя социальные технологии, могут подчинить общественное развитие своей воле. В этом смысле они могут стать продуктами собственных действий.

Продолжая теорию самовоспроизводства общества, другой французский социолог М. Круазье утверждал, что в социальном мире не существует неизбежных и «естественных» изменений. Все социальные изменения — это продукт человеческой изобретательности, творческого поиска. Основным механизмом социальных изменений должен быть механизм коллективного обучения, в ходе которого люди ставят и решают конкретные задачи по преобразованию социальной реальности.

Турен утверждает, что одним из способов решения социальных проблем является *социологическая интервенция*. Ее суть в том, что социолог становится активным участником общественных процессов. По словам Турена, современные общества могут развиваться, опираясь на энергию общественных движений. Социологическая интервенция должна привести к тому, чтобы общественные движения осознали свою историчность, т. е. свое место и роль в историческом процессе. Осуществляя интервенцию, социолог выполняет функции консультанта, который помогает субъектам общественных движений лучше осознать их отношения с другими субъектами и выработать стратегии осуществления активных социальных вмешательств.

9.2. Конструкционистские теории социальных проблем

Новейшим направлением в исследованиях социальных проблем стали конструкционистские теории. Это направление возникло в конце 1970-х годов в американской социологии. Теоретико-методологическими предпосылками его формирования являются: ценностный подход (Р. Фуллер и Р. Майерс); теория вторичной девиации (Э. Лемерт) и теория наклеивания ярлыков (Г. Беккер); феноменологическая социология (А. Шюц, П. Бергер и Т. Лукман), в которой обращено внимание на объективно-субъективный процесс конструирования реальности. Общим для всех указанных подходов является интерес к тому, как люди наделяют смыслом окружающий их мир. Рост внимания со-

циологов к социальным проблемам в 1970-е годы обусловлен спадом интереса к девиантному поведению (ввиду отсутствия оригинальных теоретических достижений) и переориентацией исследователей на изучение общественных движений и различных форм публичной активности, чему способствовала деятельность студенческих, антивоенных движений, движений за гражданские права и т. д. Наиболее явно указанный сдвиг проявляется в работе А. Мосса «Социальные проблемы как общественные движения» (1971).

Значительный вклад в осмысление субъективного компонента социальных проблем внесла работа Г. Блумера «Социальные проблемы как коллективное поведение» (1972), в которой высказывается ряд критических замечаний в адрес существовавшей на тот момент теории социальных проблем. Ученый обратил внимание исследователей на то, что социология сама по себе не способна установить или идентифицировать социальную проблему и социологи распознают социальные проблемы только после их признания в обществе. Кроме того, ярлык «социальная проблема» наклеивается на разные явления, между которыми мало общего. При этом понимание одного социального явления мало способствует пониманию других социальных феноменов.

Однако основной вклад в становление и развитие конструкционистского подхода к социальным проблемам внесли М. Спектор и Дж. Китсьюз, обобщив свои идеи в книге «Конструирование социальных проблем» (1977). Они сместили фокус внимания исследователей с объективных обстоятельств на процессы определения этих обстоятельств как социальных проблем. Под социальной проблемой ученые понимали деятельность индивидов и групп, выражающих недовольство и выдвигающих утверждения требовательного характера (*claims-making activity*) относительно некоторых предполагаемых условий. Выдвижение утверждений-требований — это форма взаимодействия, т. е. требование одной стороны от другой, чтобы что-то было сделано в отношении предполагаемого условия. Обстоятельства и ситуации становятся социальной проблемой, когда кто-то преуспел в выдвижении соответствующего утверждения-требования. Использование термина «предполагаемое условие» указывает на то, что вопрос о верности или ошибочности утверждения-требования остается в стороне. Таким образом, проблема угрозы НЛО и проблема роста преступности имеют одинаковый онтологический статус. Центральной задачей для теории социальных проблем в данном случае становится объяснение возникновения и поддержания деятельности по выдвижению утверждений-требований и ответной реакции на нее.

В рамках конструкционистского подхода проводится принципиальное различие между объективным условием и определением его в качестве социальной проблемы. Вместо абстрактного понятия «общество» анализируются конкретные организации, социальные группы, индивиды, занимающие определенные позиции в отношении тех или иных проблем, — например, государство, некоммерческие общественные организации, СМИ, наука, бизнес и т. д. В фокусе внимания исследователей оказывается несколько аспектов.

Во-первых, это процесс выдвижения утверждений-требований. Спектор и Китсьюз указывают на ряд источников выдвижения утверждений-требований — ответы на вопросы анкет, подача жалоб, предъявление судебных исков, созыв пресс-конференций, написание писем протеста, принятие резолюций, выступление с публичными разоблачениями, публикация материалов в СМИ, проведение пикетов и бойкотов и т. д. Значительное внимание уделяется словарю и риторике, которые используются для описания и классификации условия как сторонниками, так и противниками признания данного условия в качестве проблемы. Различные группы соперничают за контроль над определением проблемы. Изменение терминологии, создание новых терминов или наполнение новым смыслом существующих — сигнал того, что в отношении социальной проблемы произошло нечто важное. Дж. Бест выделяет первичные, вторичные и третичные утверждения-требования. Основанием для первичных утверждений-требований является четко выраженная политическая и социальная идеология активистов или профессиональное экспертное знание. Вторичные утверждения-требования — это первичные утверждения-требования, трансформированные средствами медиа в более простые, идеологически менее нагруженные. Осмысление данной риторики обывателями приводит к возникновению третичных утверждений-требований — еще более сжатых и упрощенных, принимающих форму анекдотов, городских легенд.

Во-вторых, ученых интересуют субъекты выдвижения утверждений-требований. Так, выделяют причастных к ситуации, среди которых имеются жертвы и носители социальной проблемы, и вовлеченных в проблему («третьих лиц»), которые в силу сочувствия либо профессии/занятости осуществляют социально-проблемную деятельность.

В-третьих, в фокусе внимания исследователей оказывается «карьера» социальной проблемы. Социальная проблема выступает не как статичный феномен, а как динамичный процесс становления и развития. В рамках конструкционизма были разработаны многочисленные концепции стадий социальной проблемы. Нужно отметить, что в 1980–1990-х годах в американской социологии было проведено колоссальное количество кейс-стади, посвященных конкретным социальным проблемам — экологическим, проблемам подростковой преступности, алкоголизма и т. д.

В 1985 г. конструкционизм был подвергнут жесткой критике и обвинен в «онтологических подтасовках» британскими учеными Д. Полач и С. Вулгаром. Как результат реакции на критику возникли три формы конструкционизма.

Фальсификационный конструкционизм — это подход, в рамках которого термин «конструирование» является синонимом неискренности, лжи, ошибки выдвигающего утверждения-требования. Когда социологи говорят, что проблема конструируется, они предполагают, что реальное положение дел отличается от того, как оно представляется в СМИ, активистами и т. д. Типичной схемой анализа в рамках фальсификационного конструкционизма является

сравнение репрезентации социальной проблемы в СМИ и «реального» положения дел, а типичным выводом — констатация ошибочности подобного отражения реальности и необходимости исследования реальных, т. е. объективных, причин проблемы. В данном случае термин «конструкционизм» используется лишь на словах, а на деле исследователь действует в рамках объективистского представления.

Контекстуальный конструкционизм — подход, предполагающий, что социологи сосредотачиваются на исследовании утверждений-требований, однако признают возможным существование допущений о социальных условиях, что позволяет поместить утверждения-требования в социальный контекст.

Строгий конструкционизм — подход, основывающийся на утверждении, что нельзя объяснять один набор утверждений-требований другим и сосредотачиваться только на анализе риторики, избегая каких-либо предположений об объективных условиях. Наиболее удачной для анализа и исследования социальных проблем явилась концепция С. Хилгартнера и Ч. Л. Боска, представленная в их работе «Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен» (1988). Социологи сосредотачивают свое внимание на изучении публичных арен, на которых развиваются определения социальных проблем, а также воздействия этих сфер как на эволюцию самих проблем, так и на действующих лиц, выдвигающих утверждения о них. Публичные арены служат средой, в которой происходит коллективное определение проблем. Под социальной проблемой ученые понимают предполагаемое условие или предполагаемую ситуацию, на которые «наклеивается ярлык» проблемы на аренах публичного дискурса и действия.

В качестве публичных арен рассматриваются исполнительная и законодательная ветви власти, суды, кино, СМИ, научные сообщества, религиозные организации, организации, занимающиеся проведением политических кампаний, книги, касающиеся социальных вопросов, профессиональные сообщества и т. д. Концепция основывается на следующей предпосылке: общественное внимание является дефицитным ресурсом, распределяемым посредством конкуренции в системе публичных арен. Социальные проблемы конкурируют между собой за общественное внимание на двух уровнях: а) конкуренция между различными вариантами определения ситуации как проблемной, стремящимися к тому, чтобы быть принятыми в качестве авторитетной версии реальности; б) конкуренция различных социальных проблем между собой за общественное внимание.

Несмотря на имеющиеся ограничения конструкционистский анализ остается одной из наиболее влиятельных концепций изучения социальных проблем в мировой социологии.

Все рассмотренные концепции социальных проблем можно разделить на три группы — объективистскую, субъективистскую и диалектическую, в которой предлагается объединить идеи объективистов и субъективистов.

Сторонники концепций, принадлежащих к первой группе, делают акцент на анализе условий возникновения социальных проблем. Это теоретики условий. Приверженцы концепций, относящихся ко второй группе, сосредотачиваются на изучении субъективного фактора, взаимодействия сознаний. И в первой, и во второй группе концепций неизбежно возникают односторонности. Преодолеть их можно на основе третьей группы концепций, в которых совмещаются анализ объективных условий и субъективной деятельности.

9.3. Комплексный подход к исследованию и решению социальных проблем

Выявление и анализ социальных проблем, а также способ и эффективность их решения зависят от подхода к их определению. Можно выделить три основных типа дефиниций социальных проблем.

Первый тип фиксирует объективные стороны социальных проблем. Например, В. Н. Куценко, занимающий марксистские позиции, определяет их как противоречие между необходимостью совершить определенное действие и недостаточными условиями реализации этой необходимости. Здесь важны два момента: наличие объективных условий существования коллективного субъекта и присутствие у субъекта объективной необходимости совершить определенные действия. Американский социолог Дж. Мэнис, говоря о социальных проблемах, имеет в виду любые социальные условия, которые с помощью научного анализа и на базе научных ценностей идентифицируются как угрожающие благополучию людей. Здесь ключевое понятие — «угроза благополучию конкретных групп». В дальнейшем эта угроза может стать реальностью.

Второй тип — это определения социальных проблем, которые даются на основании подчеркивания и выпячивания в последних субъективного компонента. основоположники американского конструкционистского подхода М. Спектор и Дж. Китсьюз определяют социальные проблемы как деятельность групп, выражающих недовольство и выдвигающих настоятельные требования. Под деятельностью имеется в виду прежде всего деятельность группового сознания. В соответствии с формулировкой американского социолога Дж. С. Хеллмана социальные проблемы являются конструкциями, определениями, наблюдениями. Они не просто даны — они созданы. Социальные проблемы могут пониматься как разочарования в ожиданиях.

Третий тип — определения, в которых фиксируются объективные и субъективные компоненты. По мнению американских социологов Р. Фуллера и Р. Майерса, социальные проблемы — состояние, которое оценивается значительным числом лиц как отклонение от общепринятых норм. Социальные проблемы *одновременно являются объективным состоянием и субъективным определением, оценкой данного состояния.* Объективное состояние

необходимо, но недостаточно для определения социальных проблем. Если некоторое состояние не оценивается группой как социальная проблема, то для нее социальная проблема не существует, хотя с точки зрения стороннего наблюдателя или группы ученых данное состояние может определяться как проблемное. В рамках данного типа определений социальная проблема может обозначаться еще и как социальное противоречие, осознаваемое субъектами в качестве значимого для них несоответствия между существующим и должным, между целями и результатами деятельности. Такое несоответствие возникает из-за отсутствия или недостаточности средств для достижения целей, препятствий на этом пути, борьбы вокруг целей между различными субъектами деятельности, что ведет к отсутствию удовлетворения социальных потребностей.

Социальная проблема — это конкретный тип взаимодействия между отдельным коллективным субъектом (группой, общностью) и социальной средой его существования, при котором *отдельные компоненты среды неблагоприятно, отрицательно воздействуют на жизненную ситуацию субъекта*, на его социокультурный статус, «ущемляют» его потребности и интересы. Вторым признаком социальной проблемы является наличие оценки каким-либо общественным субъектом существа и меры негативного воздействия социальной среды или ее отдельных компонентов на жизненную ситуацию конкретной группы, общности. Важнейшей составляющей такой оценки является утверждение о нетерпимости положения дел и формулировка требований по их изменению. Третьим признаком социальной проблемы выступает ее дискуссионность, неоднозначность способов ее определения, объяснения и понимания. В качестве четвертого признака выступает требование выработки определенных коллективных действий по изменению положения дел в определенной сфере общественных отношений, в определенных условиях существования группы, общности, чьи интересы ущемляются или чьи потребности не могут удовлетворяться на социально приемлемом уровне.

К изучению и решению социальных проблем необходим комплексный подход как особая стратегия познавательной и практической деятельности. Такой подход определяет основные принципы, на которых исследователь должен строить свой научный поиск. В науке применяются разные подходы, но сегодня особенно актуально обращение к двум из них — системному и комплексному.

Системный подход как особая исследовательская стратегия активно разрабатывался во второй половине XX в.; комплексный подход возник в 1970–1980-х годах. Оба подхода сформировались на основе *междисциплинарного движения науки*, которое ставило своей основной задачей изучение сложно-организованных объектов с помощью вовлечения в конкретное научное исследование потенциала знаний и методов различных наук.

Социальные проблемы, как правило, представляют собой проблемы комплексные, изучить которые, оставаясь в рамках одной научной дисциплины,

в полном объеме и целостно невозможно. Поэтому изучение таких проблем требует, чтобы исследователи объединялись в коллективы, которые включают в свой состав специалистов из разных областей научного знания. Изучение социальных проблем может производиться на основе как монодисциплинарного, так и междисциплинарного подхода, который может применяться в форме системного или комплексного подхода.

Сегодня в общественных науках возникла такая ситуация, при которой каждая из них накопила определенные знания об отдельных сторонах, свойствах социальных проблем, и каждый специалист в процессе изучения конкретной социальной проблемы должен выходить за пределы своей собственной науки и вступать во взаимодействия с представителями других наук. При анализе конкретной социальной проблемы социолог должен взаимодействовать с психологами, юристами, историками, культурологами, политологами и т. д.

Социолог должен интересоваться всеми знаниями, относящимися к данной социальной проблеме, стремиться к тому, чтобы организовать совместное систематическое и целостное ее изучение, выступать в роли организатора комплексного ее исследования. Такое комплексное изучение сегодня можно считать вполне реальным, поскольку для этого внутри науки имеются все необходимые условия. Главной тенденцией в исследовании социальных проблем становится их изучение в рамках специально создаваемых междисциплинарных научных коллективов, которые в своей деятельности должны опираться на комплексный подход как особую стратегию организации научного поиска. На основе использования комплексного подхода должно осуществляться объединение усилий представителей различных социальных наук для разрешения сложных общественных проблем.

Комплексность современных научных исследований проявляется в *комплексировании*, т. е. в такого рода деятельности, которая направлена на объединение наук, дисциплинарных знаний и действий представителей разных специальностей в целях многостороннего и целостного изучения сложноорганизованных объектов. Комплексирование опирается на использование и реализацию в исследовательской практике основных принципов комплексного подхода.

Исходным принципом комплексного подхода является принцип *многосторонности* изучения сложных объектов, к числу которых принадлежат социальные проблемы. Сложность социальной проблемы обусловлена многообразием причин ее возникновения, образующих ее элементов, сложностью ее структуры, множеством следствий ее существования. Комплексный подход является стратегией не только познавательной деятельности, но и деятельности практической. Как основа практической деятельности по решению социальной проблемы, этот подход предполагает, что в ходе такой деятельности следует опираться на совокупность взаимосвязанных, взаимосогласованных мероприятий социальной политики, на соответствующие программы, раз-

личные виды интервенции в социальные проблемы. Если общество в своей преобразовательной деятельности ограничивается отдельными, случайными, сиюминутными, несогласованными мероприятиями, оно не в состоянии решить социальную проблему или снизить уровень ее остроты.

Комплексный подход как стратегия практической деятельности требует также выделения в социальной проблеме главных, определяющих ее факторов и проведения мероприятий, которые воздействовали бы именно на эти факторы. Основной формой решения социальных проблем являются социальные программы.

Контрольные вопросы

1. К какому периоду относятся первые исследования социальных проблем?
А) к первой половине XIX в.
Б) ко второй половине XIX — началу XX в.
В) к первой половине XX в.
2. К какому онтологическому представлению о социальных проблемах принадлежит концепция социальной патологии?
А) к объективистскому
Б) к субъективистскому
В) к диалектическому
3. Кто является автором/авторами конструкционистского подхода к социальным проблемам?
А) Г. Беккер и Э. Лемерт
Б) Г. Блумер
В) М. Спектор и Дж. Китсьюз
4. Что является наиболее важным компонентом социальной среды и условий социальной проблемы?
А) социальные организации
Б) социальные институты
В) социальные общности
5. Кто автор метода «социологическая интервенция»?
А) А. Этциони
Б) А. Турен
В) Э. Гидденс
6. Какой вид исследований представляет собой форму научного поиска, целью которого является оценка эффективности мероприятий и программ, направленных на решение социальных проблем?

- А) оценочные исследования
Б) фундаментальные исследования
В) прикладные исследования
7. Что является причиной социальной проблемы в концепции конфликта?
А) накопление дисфункций
Б) социальная дезорганизация
В) социальная дифференциация
8. Как в схеме Р.Мертон называется способ адаптации, при котором индивид в своем поведении ориентируется на социально одобряемые цели деятельности, но использует социально неодобряемые средства их достижения?
А) конформизм
Б) ритуализм
В) инновация
9. Кто первым ввел термин «аномия»?
А) Э. Дюркгейм
Б) Р. Мертон
В) У. Томас
10. Кто заложил основы теории социальной дезорганизации?
А) М. Спектор и Дж. Китсьюз
Б) Г. Беккер и Э. Лемерт
В) У. Томас и Ф. Знанецкий

Задание для самостоятельной работы

Проведите анализ проблемы безработицы среди молодежи по типовой схеме, состоящей из 10 этапов:

- 1) определение сущности проблемы, ее источников, форм существования;
- 2) определение типа проблемы;
- 3) определение внутренних оснований проблемы (субъекта («жертвы» проблемы) и его свойств);
- 4) определение внешних оснований проблемы (социальной среды и условий существования субъекта);
- 5) определение структуры проблемы (отношений между ее внутренними и внешними основаниями); выявление статики и динамики проблемы;

- 6) определение свойств проблемы (ее масштабов, локализации в социальном пространстве и времени, степени остроты, социальных последствий нерешенной проблемы);
- 7) выбор, применение, развитие социологических теорий, которые можно использовать для объяснения проблемы;
- 8) определение методов эмпирического изучения проблемы;
- 9) определение возможности вмешательства в «естественное» развитие проблемы, возможности решения проблемы, включая оценку уже предпринимавшихся попыток ее решения;
- 10) выбор имеющихся методов решения проблемы, разработка новых методов.

Темы рефератов (докладов)

- ✓ Институционализация социологии социальных проблем в России, странах Западной Европы и США
- ✓ Социология социальных проблем — самостоятельная отрасль социологии и/или поле междисциплинарных исследований?
- ✓ Социальное неравенство как современная социальная проблема
- ✓ Безработица как социальная проблема
- ✓ Особенности российской социальной политики (проблема по выбору студента)

Список дополнительной литературы по теме

- Верминенко Ю. В.* Индустрия социальных проблем: монография. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2012.
- Гишинский Я. И.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд. СПб.: Алеф-Пресс, 2013.
- Иванов О. И.* Введение в социологию социальных проблем: учебно-методич. пособие. СПб.: Социол. об-во им. М. М. Ковалевского, 2003.
- Ле Гранд Дж., Проппер К., Смит С.* Экономический анализ социальных проблем: учеб. пособие / пер. с англ. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013.
- Ленуар Р.* Предмет социологии и социальная проблема // Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии / пер. с фр.; отв. ред. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. С. 31–56.
- Симонова Т. М.* Социальные проблемы в социологии и социальной работе: определение, анализ, решение. СПб.: Роза Мира, 2005.
- Социальные проблемы: конструкционистское прочтение: хрестоматия / сост. И. Г. Ясавеев. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2007.
- Социология социальных проблем // Социология: учеб. пособие / под ред. С. А. Ерофеева, Л. Р. Низамовой. 2-е изд., перераб. и доп. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2001. С. 262–282.

Раздел II

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИИ

Глава 10. Эволюция социологии

Глава 11. Социальные учения от Античности до эпохи
Просвещения

Глава 12. Основоположники и классики мировой социологии

Глава 13. Институционализация социологии в России

Глава 14. Классики российской социологии

Глава 15. Тенденции развития теоретической социологии
в XX — начале XXI века

Глава 10

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИОЛОГИИ

Знание истории социологии — основа профессиональной подготовки исследователя социальных явлений и процессов. Знание истории — это не просто знание прошлого опыта, это «инвентаризация» теоретических моделей и эмпирических методик, которые можно использовать как готовые исследовательские инструменты. Часто для описания и объяснения тех явлений и процессов, которые социологу приходится изучать, можно воспользоваться теориями и методами, разработанными классиками. Но чтобы ими воспользоваться, нужно знать об их существовании и их содержании, т. е. *нужно знать историю социологии*. Знание истории социологии — это также знание условий, в которых теоретические модели и эмпирические методики создавались. Общество изменяется, и в новых социально-исторических условиях прежние способы познания и формы объяснения социальных явлений и процессов могут оказаться неприменимыми. Знание истории социологии дает представление о возможностях и ограничениях использования созданных в прошлом теоретических моделей и эмпирических методик. Чтобы воспользоваться теориями и методами классиков, нужно знать, какие из них созданы для изучения явлений и процессов, сходных с теми, которые приходится изучать сейчас, т. е. *нужно знать историю социологии*.

Предмет истории социологии включает три основных компонента:

- 1) *социально-исторические условия развития социологии, ее место и роль в культуре и общественной жизни соответствующей эпохи;*
- 2) *эволюцию предметной области (круга изучаемых проблем), теоретических моделей и эмпирических методик;*
- 3) *эволюцию организационных форм исследовательской деятельности и структуры сообщества социологов.*

Социология — явление сложное, многоплановое, имеющее долгую и богатую историю. Выделение в ней некоторой общей тенденции и четко ограниченных этапов развития может быть лишь условным. В зависимости от того, какой момент в истории идей относительно характера организации совместной

жизни людей принимается за начало социологии, и от того, каковы критерии выделения этапов развития социологии, число и продолжительность этих этапов могут быть различны. В данной главе предлагается один из возможных вариантов картины эволюции социологии, и следует отдавать себе отчет в том, что это только удобная схема для упорядочения определенного исторического материала. Построение модели эволюции социологии — это не историографическая, а теоретическая работа. Теоретику необходим логически и хронологически систематизированный каталог прошлых достижений, определяющих сегодняшнее состояние и перспективы его дисциплины, тогда как историка могут интересовать любые повороты и ответвления в развитии социологии, в том числе и тупиковые с сегодняшней точки зрения.

За критерий выделения этапов эволюции социологии берется изменение в характере исследовательской деятельности (проблематика, подходы, полученные результаты). Социология проходит через смену этапов, когда со сменой основной проблематики меняется и рабочая повестка социологического сообщества. Последняя определяется тем, как социологи отвечают себе и своей аудитории на вопросы «*что исследуется?*» и «*как исследуется?*». То есть социология видоизменяется, когда меняются предмет и метод исследования. Также повестку определяют ответы на вопросы «*для чего исследуется?*» и «*для кого исследуется?*». Социология эволюционирует по мере того, как сменяются целевая функция и целевая аудитория.

При выявлении определяющей рабочей повестки в социологии учитывается содержание основных работ основных представителей социологии. Выбор основных работ и ученых делается с позиций современных представлений о важности вклада того или иного социолога. То есть среди живших одновременно в ряд основных попадает тот, чьи идеи сейчас оказывают наибольшее влияние. Если взять за критерий смену определяющей повестки, выраженной в тех работах, что и сейчас признаются в качестве безусловного вклада в развитие социологии, то можно выделить пять этапов эволюции социологии: 1) 1830–1870-е годы: этап *протосоциологии*; 2) 1880-е — начало 1920-х годов: этап *классической социологии*; 3) 1920–1950-е годы: этап *неоклассической социологии*; 4) 1960–1970-е годы: этап *постклассической социологии*; 5) 1980–2010-е годы: этап *постмодернистской социологии*.

Протосоциология

В период с 1830-х по 1870-е годы, когда Огюст Конт в «Курсе позитивной философии», Карл Маркс в работах «Немецкая идеология» и «К критике политической экономии», Герберт Спенсер в «Основаниях социологии» сформулировали свои по сию пору почитаемые социологами концепции, определяющей повесткой было *выдвижение проектов нефилософской науки об обществе*. Труды О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса объединяют пафос критики спекуля-

тивных, метафизических рассуждений и заявка на разработку собственно научного подхода к изучению социальных явлений и процессов. Позитивизм пронизывал все те проекты познания социального, где идеал научной строгости виделся в выводе законов развития общества из фактов действительной жизни. Даже Маркс в рукописи «Немецкой идеологии» (1845–1846) формулировал цель материалистического понимания истории практически в терминах Конта и писал о замене спекулятивной философии «действительной, позитивной наукой» (*wirkliche, positive Wissenschaft*).

Несмотря на намеренно антифилософскую постановку проблемы создания науки об обществе, невозможно квалифицировать позитивизм О. Конта, эволюционизм Г. Спенсера, исторический материализм К. Маркса и другие подобные концепции как собственно социологические. Их исследовательским подходом оставалось выведение универсального закона развития человечества в рамках мировоззренческой доктрины, охватывающей всё бытие и всё познание. Такой подход превращал проекты науки об обществе и органично связанные с ними утопические проекты «подлинно социальной» жизни в протосоциологию, обитающую на границе между областью философских спекуляций и сферой науки.

Протосоциология — это совокупность созданных в середине XIX в. проектов науки об обществе, заложивших концептуальные основы развития социологии, но остававшихся органичной частью философских и мировоззренческих доктрин.

Проекты науки об обществе и попытки ее разработки в середине XIX в. следует считать протосоциологией еще и потому, что предпринимались эти попытки не представителями организованного научного сообщества, а кабинетными учеными и публицистами, каковыми были Конт, Маркс, Спенсер, никогда не занимавшие академических постов в университетах или научных обществах. Их последователями оказывались прежде всего энтузиасты усовершенствования общества, воспринимавшие социологические идеи скорее как моральное, политическое или даже религиозное учение.

В России во второй половине XIX в. социология возникла в тех же формах протосоциологии. Под влиянием европейских концепций науки об обществе и одновременно в противовес им стали развиваться оригинальные концепции, связанные со спецификой социально-исторических условий и социально-философских идей в России, но при этом демонстрирующие то же стремление раскрыть универсальные законы устройства и исторического развития общества. Н. Данилевский в книге «Россия и Европа» (1869), П. Лавров в «Исторических письмах» (1870), Н. Михайловский в работе «Что такое прогресс?» (1869) пытались продвинуть свои проекты «подлинно научного» объяснения

и «истинно справедливой» направленности общественного развития дальше тех концепций, которые предлагались позитивизмом, эволюционизмом, материализмом. Поэтому теория «культурно-исторических типов» Данилевского и концепция «субъективного метода» в социологии Михайловского и Лаврова стали наиболее яркими и оригинальными явлениями на начальном этапе развития российской социологии и во многом предвосхитили те дискуссии и исследования, которые в мировой социологии XX в. выросли из критики позитивизма.

Классическая социология

В период с 1880-х по начало 1920-х годов основной рабочей повесткой стало *утверждение дисциплинарной определенности социологии*. В это время были созданы работы Эмиля Дюркгейма, Макса Вебера, Георга Зиммеля, Фердинанда Тённиса, Вильфредо Парето, представителей Чикагской школы — Албиона Смолла, Уильяма Томаса, Флориана Знанецкого, Роберта Парка, Эрнста Берджеса. Несмотря на всё многообразие тематики, исходных идей и полученных результатов, теперь они ценятся за их вклад в формирование стандартов научной работы социологов. Социология могла претендовать на место в ряду других социогуманитарных наук только при условии четкого определения ее предмета и метода, отделения их от предметных областей и методов истории, политической экономии, этнографии и — что было особенно важно в конце XIX в. — психологии. Поэтому и теоретические дискуссии общего характера о научном статусе, предмете и методе социологии, и исследования конкретных явлений и процессов, проведенные на рубеже XIX–XX вв., в равной степени были нацелены на то, чтобы показать: уникальность социологических истин — результат строгости научной дисциплины с ее дефинициями и правилами. И по этой же причине многократно критиковавшиеся за схематизм и наивность теоретические построения Дюркгейма (трактаты «О разделении общественного труда» (1893) и «Самоубийство» (1897)), Вебера («Протестантская этика и дух капитализма» (1905)), Тённиса («Общность и общество» (1889)) и Зиммеля («Исследование форм обобществления» (1908)), а также эмпирические обобщения Чикагской школы («Польский крестьянин в Европе и Америке» (1918–1921) У.Томаса и Ф.Знанецкого и «Город» (1926) Р.Парка и Э.Берджеса) стали образцами, т. е. классикой, для последующих поколений исследователей.

Классическая социология — это совокупность исследований, осуществленных в конце XIX — начале XX в., которая предопределила развитие социологии как научной дисциплины, имеющей собственную предметную область и собственные методы исследовательской работы.

Это был подлинный эволюционный скачок: благодаря классикам впервые возникли отчетливые признаки социологии и появилось многообразие ее разновидностей, от которых ведут свое происхождение современные научные школы и направления. Разные «виды» социологии — результат разного видения предметной области и методологии. Дюркгейм с его социологизмом, Вебер с понимающей социологией, Зиммель и Тённис с формальной социологией, европейские школы теоретической социологии и Чикагская школа эмпирической социологии стремились сконструировать и легитимировать социологию разными путями.

Но при всем разнообразии концепций предмета и метода классики социологии демонстрируют поразительное единство в подходе к исследованию конкретных явлений. Классическая социология — это социология *классифицирующая*, превращающая исследование любого явления в дифференциацию его на типы, виды, классы, кластеры и т. п. Ныне данный исследовательский паттерн является наиболее массовым, потому что обеспечивает социологическим работам тот минимально необходимый уровень теоретизирования, который позволяет отличать научную работу от рассуждений на уровне здравого смысла. Но введением этого типа теоретизирования в социологию и последующим превращением его в исследовательский паттерн мы обязаны как раз образцовым работам рубежа XIX–XX вв. Этот паттерн предсказуемо можно найти у пропагандиста методологии идеальных типов Вебера в его «Протестантской этике и духе капитализма», но есть он и у последовательного позитивиста Дюркгейма в «Самоубийстве» и трактате «О разделении общественного труда», и у волюнтариста Тённиса в «Общине и обществе», и даже у эмпириков Томаса и Знанецкого в «Польском крестьянине в Европе и Америке».

Сфокусированность деятельности классиков на проблематике дисциплинарной определенности социологии нашла свое выражение не только в предметно-методологическом структурировании исследовательской работы и концептуальном структурировании изучаемой реальности, но также в структурировании профессионального сообщества. Данный этап ознаменовался началом институционализации социологии. Признаки этого можно видеть, во-первых, в открытии первых факультета (в Чикагском университете в 1892 г.) и кафедры (в университете Бордо в 1896 г.). Во-вторых, возникли первые научно-исследовательские организации — например, основанный Р.Вормсом «Международный институт социологии» (1894) и созданное Э.Берджесом «Общество социальных исследований» (1920). В-третьих, появились первые специализированные журналы — основанный Вормсом «Международный журнал социологии» (1893), основанный А.Смоллом «Американский журнал социологии» (1895), «Социологический ежегодник» Дюркгейма (1898) и созданный М.Вебером и В.Зомбартом «Архив социальной науки и социальной политики» (1903). В-четвертых, были учреждены первые профессиональные

ассоциации — «Парижское общество социологов» (1895), Американское социологическое общество (1905), Германское социологическое общество (1909) и т. д. Таким образом, к началу 1920-х годов социология эволюционировала от занятия энтузиастов-одиночек в профессиональное сообщество, прочно укоренившееся в академической среде.

Институционализация социологии в России происходила в тех же формах и в тот же период, что в Европе и Америке. Ключевую роль здесь сыграл М. М. Ковалевский, который организовал в 1901 г. в Париже Русскую высшую школу общественных наук, а по возвращении в Россию создал первую кафедру социологии в Психоневрологическом институте (1907) и основал первое периодическое издание по социологии — сборник «Новые идеи в социологии» (1913–1914). В 1916 г., после кончины Ковалевского, его коллегами и учениками было учреждено Русское социологическое общество, названное его именем. В годы революции и гражданской войны (1917–1921), несмотря на тяжелые условия военного времени, процесс институционализации социологии ускорился. Были созданы кафедры социологии в Петроградском и Ярославском университетах, печаталась учебная и научная литература — например, «Общедоступный учебник по социологии» и «Система социологии», написанные в 1920 г. учеником Ковалевского и главным организатором преподавания социологии в послереволюционной России П. А. Сорокиным.

Однако в 1922–1923 гг. последователи Ковалевского П. А. Сорокин, К. М. Тахтарев, Н. С. Тимашев были лишены возможности вести исследования и преподавать социологию в соответствии с мировыми традициями и новейшими тенденциями. В СССР социология полностью деградировала к концу 1920-х годов, когда основанная на идеях Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина практика схоластических рассуждений о сущности и проявлениях законов общественного развития вытеснила все социологические теории и любые формы эмпирических исследований. Ряд ведущих российских социологов, в том числе Сорокин и Тимашев, вынуждены были эмигрировать и внесли немалый вклад в развитие мировой социологии уже на новом этапе ее эволюции.

Неоклассическая социология

В период 1920–1950-х годов социология пережила третий этап своей эволюции, когда проблематика дисциплинарной определенности сменилась новой рабочей повесткой — *наращиванием объяснительной силы социологии*. Дискуссии предшествующего периода о том, какой должна быть социология, что является ее предметом и каковы ее методы, сформировали концептуальную традицию и определили специфику социологии, ее автономное положение в ряду других социогуманитарных дисциплин — философии, истории, экономики, психологии. Но созданные классиками типологии и классификации форм социального взаимодействия, социальной интеграции и солидар-

ности, социальных общностей и т. д. не образовывали единой концептуальной системы, т. е. теории. В то же время в ходе эмпирических исследований шло накопление фактического материала, объем и разнообразие которого росли и требовали систематизации. Поэтому актуальной стала *проблематика теоретического синтеза*, ведущего к созданию общесоциологической теории, которая объединяла бы концептуальные достижения классиков и обобщала результаты, получаемые эмпирической социологией.

Идеей создания общесоциологической теории, объясняющей весь комплекс социальных явлений, пронизаны самые выдающиеся теоретические работы середины прошлого века — «Современные социологические теории» (1928) и «Социальная и культурная динамика» (1937–1941) П. Сорокина, «Структура социального действия» (1937), «К общей теории действия» (1951) и «Социальная система» (1951) Т. Парсонса, «Традиционная и критическая теория» (1937) М. Хоркхаймера и его совместная с Т. Адорно «Диалектика просвещения» (1947). В этом движении к «большой» теории участвовали даже те, кто скептически относился к всеохватным абстрактным схемам, как, например, Р. Мертон или П. Лазарсфельд. Мертон предлагал развивать теории среднего уровня как эмпирически обоснованные теории отдельных социальных явлений и процессов для того, чтобы общесоциологическая теория сложилась «естественным путем» в результате интеграции уже верифицированных теорий среднего уровня. Лазарсфельд создавал изощренные техники операционализации и измерения, которые могли бы сделать «большую» теорию рабочим инструментом исследователя.

Результатом стремления к наращиванию объяснительной силы социологии стали не только большие теории (П. Сорокин, Т. Парсонс, Франкфуртская школа), но и большие эмпирические проекты, длившиеся по несколько лет и генерировавшие огромные массивы данных. Первыми «гигантами» эмпирических исследований можно считать социальное картографирование Чикаго под руководством Э. Берджеса, Хотторнские эксперименты с участием Э. Мэйо, исследование массмедиа П. Лазарсфельдом, проект «Авторитарная личность», возглавляемый Т. Адорно. Сила социологии виделась в ее практической полезности при изучении структур массового общества, при операционализации больших теорий и систематизации данных больших эмпирических проектов. Крупномасштабность и предмета исследовательского интереса, и теоретических конструкций, и эмпирических проектов стала характерным признаком социологии в 1920–1950-х годах, так что данный период теперь представляется эрой «больших форм» в ее истории.

Социология крупных форм развивалась по мере нарастания общественного признания практической полезности этой отрасли науки. По окончании Второй мировой войны социология достигла полной институционализации в наиболее развитых странах Америки и Европы. Наряду с распространением традиционных форм институционализации — кафедр, факультетов, научно-

исследовательских институтов, профессиональных ассоциаций — развивались новые: специализированные исследовательские организации, действующие на коммерческой основе, и исследовательские проекты, на время реализации которых формируется рабочая группа из ученых и практиков. Так в середине XX в. усложнилась структура этой науки, в которой рядом с академической социологией возникла прикладная, превратившаяся в индустрию социологической информации для государства, бизнеса и общественности.

Период с середины 1920-х до конца 1950-х годов стал периодом *неоклассической социологии*. Сорокин, Парсонс, Мертон, Хоркхаймер, Маркузе, Адорно, Лазарсфельд и ряд других исследователей этого периода заслужили статус новых классиков социологии. Они встали в один ряд с прежними классиками, так как продолжили и развили концептуальную традицию, идущую от Конта, Спенсера, Маркса, Дюркгейма, Вебера и других основоположников социологии, и сделали последнюю признанной научной дисциплиной, отвечающей современным требованиям систематичности теоретических построений и практической полезности исследовательской работы.

Постклассическая социология

В период 1960–1970-х годов произошел перелом в кумулятивном росте социологии. Поступательное развитие дисциплины, уже прошедшей стадии проектов создания науки об обществе, рассуждений о предмете и методе и обратившейся к масштабным теоретическим построениям и изощренным эмпирическим методикам, прервалось взрывным ростом критики господствовавших макросоциологических, позитивистских и объективистских представлений о предмете, методах и предназначении социологии. С созданием же множества альтернативных концепций, претендующих на статус парадигм, исследовательская деятельность социологов стала развиваться не в направлении ожидавшегося в перспективе теоретико-методологического консенсуса, а в направлении дробления социологического сообщества на группы, придерживающиеся взаимоисключающих подходов.

Эта тенденция теоретико-методологической дифференциации и нарастающего дробления социологического сообщества на группы, придерживающиеся альтернативных подходов, противоречила образу «нормальной» науки, закрепившемуся в сознании социологов благодаря работам Т. Куна. Поэтому обострение теоретико-методологических дебатов, отдаляющих социологию от создания одной объединяющей научное сообщество парадигмы принято считать кризисом социологии.

Однако если принять во внимание, что, вопреки Куну, в любой науке всегда есть множество альтернативных теорий, несводимых одна к другой и адекватных только в областях, определенных граничными условиями, то тенденции 1960–1970-х годов предстают не пугающим кризисом, а резкой сменой

рабочей повестки, возвратившей социологию к ее нормальному состоянию. Рост микросоциологических, интерпретативных и активистских концепций лишь восстановил баланс, нарушенный в предшествующий период экспансией социологии «больших форм».

Парадигмальный кризис — это перелом в развитии социологии, произошедший в 1960–1970-х годах и выразившийся в критике господствовавших макросоциологических, позитивистских и объективистских представлений о предмете, методах и предназначении социологии, а также в создании множества альтернативных концепций, претендующих на статус парадигмы.

Присутствовавшая в социологии еще со времен Дж. Г. Мида, М. Вебера, А. Шюца идея изучения человеческого действия в 1960-х годах была превращена новым поколением исследователей в орудие борьбы против «больших» теорий, обличаемых за сосредоточенность на макроуровне социальной реальности и за неспособность объяснить элементарное взаимодействие людей. Дж. Хоманс с теорией социального обмена, А. Турен с социологией действия, Г. Блумер с символическим интеракционизмом, П. Бергер и Т. Лукман с феноменологической социологией, И. Гофман с драматургическим подходом, Г. Гарфинкель с этнометодологией пытались реконструировать социологию, сделав ее наукой на «микроуровне» человеческого действия. Обращение всё большего числа исследователей к такого рода микросоциологическим подходам поставило господствовавшие до того макросоциологические теории в положение «вымирающего вида».

В это же время излюбленным объектом критики стала так называемая «квантофрения» в социологии. Это саркастическое определение стремления все социологические данные и выводы сводить к статистическим выкладкам, а социологический анализ — к манипулированию цифрами, было введено еще в 1930-х годах П. Сорокиным. Но лишь в 1960–1970-х годах такого рода критика получила широкую поддержку в социологическом сообществе и превратилась в идейную основу развития, в противовес позитивистским, «жестким» количественным методам, «мягких» качественных методов. Качественные методы, построенные на интерпретации не подвергаемых статистическим процедурам данных о тех смыслах, которыми люди наделяют события, больше отвечают концепции социологии как науки о взаимодействиях людей, которую разрабатывали Г. Блумер, П. Бергер, Т. Лукман, Г. Гарфинкель, И. Гофман и их последователи.

С этого времени большие исследовательские проекты, формирующие гигантские массивы данных и представляющие социальную реальность на формальном языке статистического анализа, перестали восприниматься как главное направление развития социологии. Эту социологию «больших форм», выросшую на почве веры в объективность структур, потеснили исследования, сконцентрированные на субъектности людей. Под такими названиями, как «актор» или «агент», возникла и утвердила свое доминирующее положение в исследовательских проектах модель *homo sociologicus* — человека социологического как рефлексивного, разговорчивого, конструирующего. Это модель и информанта, и исследователя в том популярном формате социологического исследования, который определяется как качественная методология и обоснованная теория (*grounded theory*) и сводится к созданию нарратива — рассказа о социальном на быденном языке.

Позитивизм в социологии в 1960-х годах подвергался критике не только за неадекватность методов исследовательской работы, но и за объективистскую позицию исследователя как независимого наблюдателя социальных процессов. Критика традиционной теории, предпринятая Франкфуртской школой еще в 1930-х годах, нашла отклик в социологическом сообществе только три десятилетия спустя, когда обличение «конформизма» традиционной теории, ориентированной на согласование своих положений с существующим положением дел (фактами) и на позитивную оценку равновесия социальной системы, стало трендом. Поэтому дискуссия о логике социальных наук, начатая в 1961 г. на заседании Германского социологического общества старинными оппонентами Т. Адорно и К. Поппером, была активно поддержана социологами и превратилась в многолетний «спор о позитивизме». В те же годы концепции «критически-рефлексивной» социологии, развенчивающие объективистские притязания социологических «динозавров», развивали такие исследователи нового поколения, как Ч. Р. Миллс и Э. Гоулднер, не связанные непосредственно с неомарксизмом, но явно испытавшие его влияние. Однако наиболее радикальной версией не объективистской, но активистской позиции социолога стала созданная А. Туреном концепция социального акционализма. Ее сторонники в 1970-х годах активно участвовали в деятельности социальных движений, в том числе экстремистских, применяя тем самым метод социологической интервенции — вмешательства в социальные процессы с целью выявить и развить «историчность» социальных движений.

Три тенденции — рост числа микросоциологических теорий с претензиями на парадигмальность, рост популярности антипозитивистской качественной методологии, рост внимания к активистским доктринам критической социологии — образуют общее движение к гуманизации социологии. На этапе *постклассической социологии* это движение определило рабочую повестку: сделать социологию наукой о людях, создаваемую для людей и силами самих людей. Именно эта повестка гуманизации стимулировала социологов возоб-

новить дебаты о предмете (объективные структуры или интеракции в повседневной жизни) и методе («жесткие», количественные или «мягкие», качественные методы). Вновь обострилось расхождение позиций, которые за полвека до этого уже проявились как «реализм» и «номинализм» и давно не считались антагонистическими. Как следствие, в ходе развернувшихся дискуссий о том, что, как, для чего и для кого должны изучать социологи, сложилась ситуация множественности парадигм. Каждая из конкурирующих парадигм претендовала в глазах своих сторонников на роль общесоциологической теории и методологии, но объединяла вокруг определенного видения предмета и методов исследования лишь часть социологического сообщества.

В период 1960–1970-х годов отечественная социология также переживала парадигмальный кризис, но протекал он в специфической форме ослабления монопольного положения советской доктрины исторического материализма и возрождения социологических исследований. После смерти И. В. Сталина в 1953 г. в «железном занавесе» между западными и коммунистическими странами возникли «бреши», сквозь которые западная культура проникала на Восток. Социология стала частью этого проникновения. Узкий круг советских философов и экономистов в Москве, Ленинграде, Свердловске, Новосибирске получил возможность читать работы западных социологов и изредка встречаться с зарубежными исследователями. Их усилиями и с одобрения руководства коммунистической партии социология была легитимирована в конце 1950-х годов, но лишь в двух формах — в виде технократических «конкретных социальных исследований» и идеологизированной «критики буржуазной социологии».

«Критикуя» западную социологию, Г. Осипов, И. Кон, Ю. Давыдов, Л. Ионин и др. способствовали концептуальному развитию отечественной социологии. Анализируя зарубежные работы, они добывали для своих исследований и исследований коллег концептуальный материал — теоретические модели, эмпирические методики, которые часто выдавались за собственные разработки, поскольку заимствование идей «буржуазных» исследователей могло быть признано «идеологической диверсией». Однако собственные концептуальные новации были фактически под запретом для советских социологов, ввиду того что статус единственно верной теории был закреплен за сталинской версией исторического материализма. Поэтому важнейшей теоретико-методологической находкой всего периода советской социологии следует признать сформулированную в начале 1970-х годов концепцию трехуровневой структуры социологического знания: социально-философская общая теория (исторический материализм) — частные социологические теории — эмпирический базис. Социологи получили возможность теоретизировать на «среднем» уровне и воспользовались этим для более активной адаптации западных теоретических моделей к отечественному материалу. В результате к концу 1970-х годов в отечественной социологии негласно утвердились структурно-функционалистские,

неомарксистские идеи и идеи символического интеракционизма. Теоретико-методологический плюрализм, характерный для постклассической социологии на Западе, в России сложился в специфической форме латентной ревизии господствующей доктрины исторического материализма.

Постмодернистская социология

В период 1980–2010-х годов, после «битвы парадигм» 1960–1970-х годов, вновь сменилась рабочая повестка, в результате чего социология стала постмодернистской. Стремление создать наилучшую парадигму, которая заменила бы все прежде созданные теории, было выражением модернистской культуры с ее идеей прогресса. Но к концу 1970-х годов в социологии возобладали постмодернистские тенденции, что в первую очередь выразилось в ослаблении стремления к поиску новой, наилучшей парадигмы социологического знания и в распространении идеи согласования между собой уже существующих альтернативных подходов, а также нового прочтения наследия классиков.

Стремлением к интеграции структуралистских и агентностных, позитивистских и интерпретативных, объективистских и активистских подходов, ранее считавшихся взаимоисключающими, отмечены наиболее значительные теоретические разработки 1980-х годов — теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, теория структуризации Э. Гидденса, конструктивистский структурализм П. Бурдьё. Эти интегративные парадигмы на базе релятивизации и увязки разнородных теорий стали «мягкой» формой постмодернизма в социологии, иногда даже вопреки целям самих авторов — как, например, в случае Хабермаса, яростно отрицающего идею постмодерна. Но ироничная логика постмодернизма проявилась в том, что несмотря на популярность, которую приобрели в социологическом сообществе теории Хабермаса, Гидденса, Бурдьё, их усилия по интеграции привели лишь к усугублению ситуации мультипарадигмальности. Прежде созданные парадигмы не утратили влияния, просто к макросоциологическим и микросоциологическим теориям теперь добавились еще и межуровневые или мезосоциологические теории.

Другим проявлением «мягкого» постмодернизма в теоретической социологии явились ренессансы классиков, новое прочтение которых стало трендом благодаря распространению в научном сообществе типично постмодернистской установки на уравнивание значимости «современного» и «архаичного». Ярким проявлением таких устремлений был так называемый веберовский ренессанс. В период с конца 1970-х до конца 1980-х годов новое прочтение идей Макса Вебера (т. е. реинтерпретация), раскрывающее их актуальность, не просто породило большое число научных публикаций, но превратилось в особую разновидность профессиональной деятельности. Под влиянием веберовского ренессанса в конце 1980-х — начале 1990-х годов интенсивному новому прочтению были подвергнуты труды другого классика социологии

логии — Г. Зиммеля. Затем начался ренессанс даже главного объекта критики 1960-х годов Т. Парсонса, чье наследие стало источником вдохновения для неофункционализма. А в последние годы наметилась тенденция ренессанса таких теоретиков, как Г. Тард, чьи идеи уже в период становления классической социологии воспринимались как идущие вразрез с собственно социологической исследовательской повесткой.

Ренессансы классиков и практика построения интегративных теорий на основе обобщающего анализа уже ставших традиционными концепций способствовали фактическому исчезновению в социологии принципиальной разницы между теорией и историей. Изложение теории теперь может сводиться к аналитической истории — связному и сбалансированному рассказу о том, что, когда и кем сделано для развития теоретической социологии. Реинтерпретация позволяет выявить неочевидные логические структуры, лежащие «глубже» авторского уровня анализа, а интеграция этих логических структур в единый упорядоченный концептуальный комплекс позволяет создать общесоциологическую теоретическую систему, логические связи в которой лежат «глубже» привычных расхождений между существующими теориями. Этот подход к теоретизированию хорошо просматривается в серии работ, определивших видение социологами своей дисциплины после дебатов 1960–1970-х годов — это «Социология: мультипарадигмальная наука» (1975) Дж. Ритцера, «Структура социологической теории» (1978) Дж. Тернера, «Социологические дилеммы» (1979) П. Штомпки, «Теоретическая логика в социологии» (1982–1983) Дж. Александера. Здесь наиболее отчетливо проявилась установка «мягкого» постмодернизма на плюрализм и релятивизм — относительную ценность и взаимодополнительность альтернативных теоретико-методологических позиций, легитимацию мультипарадигмальности в социологии. Новый тип теоретической работы, названный Дж. Ритцером *метатеоретизированием*, с начала 1980-х годов постепенно стал преобладающей формой в социологии, где теперь создается меньше принципиально новых теорий и больше концептуальных схем, по-новому объясняющих сложившуюся теоретическую ситуацию.

Метатеоретизирование в исполнении Ритцера, Александера, Штомпки и др. представило фрагментацию, раздробленность социологии в позитивном свете — как логичную структуру общего «пространства возможностей», где есть исследовательские ниши для сторонников всех социологических школ и направлений. Теперь множество маленьких исследовательских сообществ делают социологию по-разному, но одинаково борются за выживание — за ресурсы для проектов и внимание целевых аудиторий. При этом в область исследований социологов вторгаются носители идей «жесткого» постмодернизма, сторонники модели *homo economicus* из теории рационального выбора, а также энтузиасты ярких, хотя и простых до примитивизма моделей менеджмента и маркетинга.

Постмодернистская теория, созданная М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотаром, Ж. Бодрийаром и содержащая идеи «децентрации субъекта», «исчезновения человека», «конца социального» и т. п., подводит к выводам об утрате предмета современных социальных наук и об их симуляционном характере. Простые и эффективные модели «экономического империализма» и комплекса менеджмента-маркетинга создают впечатление ненужности многословных и недостаточно практических дискурсов этих наук. Поэтому в борьбе за существование своей дисциплины социологам приходится производить «цепляющие внимание» целевых аудиторий дискурсы и прибегать к эффективным медиарешениям. В результате возникает еще одна разновидность метатеоретизирования — концептуальные инновации на основе импорта в социологию эвристических метафор. В последние два десятилетия метафора «сеть» активно внедряется М. Грановеттером, Б. Латуром и М. Кастельсом, метафоры «поток» — А. Аппадурой и Р. Шилдсом, «мобильности» — Дж. Урри, «макдональдизация» — Дж. Ритцером, «травма» — П. Штомпой и Дж. Александером, «перформанс» — Дж. Александером. И этот ряд примеров попыток радикально сменить базовые теоретические понятия социологии можно продолжить. А среди поисков эффективных медиарешений, позволяющих социологии быть на уровне мультимедийности и креативности коммуникаций, характерных сейчас для объекта изучения и целевых аудиторий, можно выделить проект визуальной социологии П. Штомпки и идею М. Буравого о развитии в рамках его проекта «публичной социологии» особой медиаполитики социологического сообщества.

Таким образом, в тенденциях эволюции социологии на рубеже XX–XXI вв. (и в теоретических разработках, и в методике исследовательской работы) можно видеть новую рабочую повестку: *поддержание конкурентоспособности социологии*. Социология сейчас максимально институционализована, но маловостребованна в современном пространстве производства дискурсов и медийных решений. Социологам нужно генерировать медийные события и развивать коммуникации — информационную связанность — как внутри пространства своей дисциплины, так и в трансдисциплинарных пространствах, где и разворачивается конкуренция за внимание целевых аудиторий.

Интегративные парадигмы, ренессансы классиков, метатеоретизирование в виде рационализации сложившегося положения в теоретической социологии или в виде разработки «решающей» метафоры для изменения такого положения, поиски новых медийных решений для проведения и представления научных исследований — это разные способы достижения одной и той же цели. Необходимо сделать социологию более структурированной и эффективной в ее внутренних и внешних коммуникациях. Это императив в нынешних условиях, когда рост консьюмеризма, виртуализация социальных институтов и упадок социального государства уменьшают численность и степень влияния тех групп и слоев, которые ранее гарантированно были аудиторией, заинтересованной в социологии.

В специфических условиях России развитие социологии на рубеже XX и XXI вв. также приобрело постмодернистский характер. В период перестройки, гласности и рыночных реформ (середина 1980-х — начало 1990-х годов) развитие социологии приобрело характер экспансии. В рамках Академии наук наряду с Институтом социологии¹ были организованы Институт социально-экономических проблем народонаселения (1988) и Институт социально-политических исследований (1991), открыт филиал Института социологии в Ленинграде (1989). В 1990-х годах было создано множество негосударственных научно-исследовательских институтов, часть из которых оказалась нежизнеспособным плодом амбиций их основателей, но некоторые — как, например, «Центр независимых социологических исследований» в Санкт-Петербурге — успешно работают и сейчас.

В условиях реформ возник спрос на прикладные исследования, и социологи начали организовывать коммерческие исследовательские фирмы. От созданного в 1987 г. по распоряжению властей Всесоюзного центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) стали отделяться группы исследователей, основывавших собственные фирмы: РОМИР, СНИЦ, *Vox Populi*, Фонд «Общественное мнение» и т. д. В середине 1990-х годов процесс развития прикладных исследований на стыке социологии, маркетинга и политического консалтинга приобрел массовый характер — количество ежегодно создаваемых организаций исчислялось сотнями.

Такой интенсивный рост индустрии прикладных исследований во многом определялся экспансией социологического образования и появлением на рынке труда первых генераций дипломированных социологов. Первые факультеты социологии были открыты в 1989 г. в Московском и Ленинградском университетах. На протяжении 1990-х годов число факультетов и отделений, выдающих диплом социолога, в России достигло пятидесяти.

В 1990-х годах в дополнение к журналу «Социологические исследования» и в качестве конкурентов ему были созданы новые специализированные издания: «Социологический журнал», «Социология 4М», «Вопросы социологии», «Журнал социологии и социальной антропологии» и др. После распада СССР в декабре 1991 г. прекратила существование и Советская социологическая ассоциация, и в России возникли сразу четыре конкурирующие ассоциации. Наиболее амбициозные представители социологического истеблишмента возглавили «собственные» ассоциации: В. Ядов — Российское общество социологов, Г. Осипов — Всероссийское научное общество социологов и демографов, А. Здравомыслов — Профессиональную социологическую ассоциацию, А. Бороноев — Социологическое общество имени Максима Ковалевского,

¹ Созданный в 1968 г. Институт конкретных социальных исследований был переименован в Институт социологических исследований (1972), а затем в Институт социологии (1988).

а в 2000-х годах к ним добавилась Российская социологическая ассоциация под председательством В. Добренькова.

Но институциональная экспансия социологии парадоксальным образом сопровождалась снижением востребованности этой науки в сферах бизнеса и политики. Концептуально социология проигрывала в конкуренции с экономикой, маркетингом, менеджментом. В такой ситуации отечественные исследователи подхватили возникший за рубежом дискурс «кризиса социологии» и начали практиковать метатеоретизирование. Одних эта интеллектуальная практика приводит к затяжным дебатам вокруг эпатажно звучащего тезиса А. Филиппова о том, что «в России теоретической социологии нет». Другие — как, например, В. Ядов — пытаются адаптировать к российской почве идею мультипарадигмальности. Есть и те, кто стремится внести свой вклад в метатеоретизирование, разрабатывая «решающие» метафоры в виде концепций виртуализации (Д. Иванов), играйзации (С. Кравченко) и т. п. Таким образом, российская социология и институционально, и концептуально находится на том же этапе эволюции, что международное научное сообщество в целом.

Как показывает анализ, в результате прохождения описанных выше пяти этапов эволюции в социологии появились пять характерных способов теоретизирования:

- 1) проекты создания социальной науки заново на базе авторского открытия универсального закона мироустройства и развития;
- 2) организация дефиниций в дисциплинарную матрицу, задающую правила изучения социального и типологии социального;
- 3) установление объективного порядка — создание концептуальных моделей социальных систем;
- 4) концептуальное «восстание» во имя субъекта — разработка моделей социальных действий;
- 5) метатеоретизирование — переформатирование и перезагрузка социологии с новым дизайном интерфейса.

Таким образом, создавать интеллектуальный продукт, который будет вкладом в теоретическую социологию, сейчас можно разными способами. Каждый из пяти типов теоретизирования был доминантным в свое время, но на современном этапе эволюции социологии доминантным является *метатеоретизирование*. Реликты — «живые ископаемые» — можно встретить в теоретической социологии и сегодня. По-прежнему находятся энтузиасты, декларирующие новые целостные парадигмы — большие теории и гуманистические «повороты», или фундаментально переосмысливающие предмет и метод социологии, или даже предлагающие сформулированные ими законы мироустройства положить в основу науки об обществе. Однако такими работами всё труднее всерьез заинтересовать профессиональное сообщество, и особенно новое поколение исследователей, хорошо знакомое с подобными образцами

теоретизирования у классиков двух прошлых столетий. Основное внимание профессионального сообщества и интеллектуальные силы его лидеров теперь сосредоточены на метатеоретизировании, прочерчивающем новые конфигурации уже известных теорий или траектории перспективного теоретизирования.

Метатеоретизирование столь востребовано сейчас, потому что является движущей силой эволюции социологии, которая в последние годы смещает теоретический фокус данной науки с разделительной линии «позитивизм — конструктивизм», определявшей характер теоретико-методологической работы с 1960-х годов. Позитивизм и конструктивизм предполагают два принципиально разных режима существования социальной реальности: объективность институтов, фактичность структур и интересубъективность порядков интеракции, социальную конструктивность агентности соответственно. Выбор между объективностью и интересубъективностью социальной реальности определял исследовательскую позицию и стратегию. Всё классическое наследие и все актуальные работы встраивались в эту конфигурацию. Противостоящие позиции Дюркгейма с его концепцией социального факта и Вебера с его концепцией смысла действий, структурализма и конструктивизма, «количественников» и «качественников», — иначе говоря, «первой» и «второй» социологий в терминах П. Штомпки — обозначали рамки того поля, в котором исследователям нужно было позиционировать собственные варианты решения познавательных задач.

В 1960–1970-х годах конструктивизм был протестным движением в теории и методологии, но сейчас он — скорее консервативная позиция, ограничивающая развитие социологии. Поэтому в поиске новых и эффективных познавательных стратегий и решений продвинутые социологи обращаются к альтернативным режимам существования социальной реальности. Например, Б. Латур под лозунгом «*назад — к вещам!*» создал теорию, в которой режим существования социальной реальности — интеробъективность сетей, являющихся одновременно и социально-материальными структурами, объединяющими людей и вещи, и формами агентности, превращающими и тех и других в «актантов». Однако в поисках новой объектности концепция сети оказалась лишь частью решения. Сеть дает фиксацию отношений, но не отслеживание процессов. Она, с характеризующими ее узлами и связями, скорее является инфраструктурой исследуемых процессов, а не собственно процессами. Эту концептуальную недостаточность метафоры сети Латур осознает и пытается даже заменить термин *network* неологизмом *worknet*, чтобы показать: сеть с ее узлами и связями — это «следы плетения», а предметом должен стать сам процесс — работа по «плетению».

В поисках лучшего концептуального решения продвинутые члены социологического сообщества всё чаще руководствуются не лозунгом «*назад — к вещам!*», а лозунгом «*вперед — к потокам!*» Концептуализация мобильно-

стей, текучести, потоков, потоковых структур, потоковой аутентичности ориентирует социологию не на позитивистское видение объектности как «вещей», т. е. фиксированных целостностей, но на исследование темпоральной объектности. Здесь социальная реальность существует в ином режиме — она трансобъективна: ее реальность переживается только в движении сквозь привычные структуры, через территориальные, институциональные, групповые, культурные и символические границы.

Помимо сдвига в сторону новых режимов существования социальной реальности — интеробъективности и трансобъективности, — в последние годы происходит еще и методологический сдвиг в направлении новых режимов сбора и анализа данных. Теоретизирование в терминах сетей и потоков может стать адекватным ответом на методологический вызов, связанный с развитием информационно-аналитических технологий, обозначаемых термином «большие данные» (*Big Data*). Большие массивы неструктурированных данных, генерируемых устройствами в интернете вещей и пользователями в социальных сетях, можно быстро обрабатывать, анализировать и визуализировать. Данные, традиционно представлявшиеся в социологии качественными — нарративы и визуальные образы, — теперь могут анализироваться количественными методами и в огромных масштабах. Если социологи выйдут за рамки противопоставления количественной и качественной методологий, освоят новые информационные технологии и научатся создавать трансформативное знание — гибкое, подвижное, эффективное и эффектное, соответствующее сетевым и потоковым структурам современности, — станет возможным новый эволюционный скачок в истории социологии.

Контрольные вопросы

1. К какому этапу эволюции социологии относится творчество О. Конта?
 - А) к этапу протосоциологии
 - Б) к этапу классической социологии
 - В) к этапу постмодернистской социологии
2. Кто является автором работы «О разделении общественного труда»?
 - А) Карл Маркс
 - Б) Эмиль Дюркгейм
 - В) Макс Вебер
3. Представители какой социологической школы разрабатывали критическую теорию общества?
 - А) Чикагской школы
 - Б) Фрайбургской школы
 - В) Франкфуртской школы

4. Какой этап эволюции социологии характеризуется превращением прикладной социологии в особую сферу деятельности и индустрию исследований на заказ?
 - А) классическая социология (1880–1920-е годы)
 - Б) неоклассическая социология (1920–1950-е годы)
 - В) постклассическая социология (1960–1970-е годы)
5. Какой этап эволюции социологии связан со становлением символического интеракционизма и феноменологической социологии в качестве парадигм?
 - А) классическая социология
 - Б) неоклассическая социология
 - В) постклассическая социология
6. На каком этапе эволюции социологии ее рабочей повесткой было определение предмета и метода новой науки?
 - А) на этапе классической социологии (1880–1920-е годы)
 - Б) на этапе протосоциологии (1830–1870-е годы)
 - В) на этапе постклассической социологии (1960–1970-е годы)
7. Какой тип теоретизирования доминирует на этапе постмодернистской социологии (1980–2010-е годы)?
 - А) создание концептуальных моделей социальных систем
 - Б) метатеоретизирование
 - В) разработка проектов новой науки об обществе
8. Кто из социологов разработал теорию на основе метафоры сети?
 - А) Б. Латур
 - Б) Э. Гидденс
 - В) Ж. Бодрийяр
9. К какой социологической школе принадлежал Э. Берджес?
 - А) к Франкфуртской школе
 - Б) к Лондонской школе
 - В) к Чикагской школе
10. К какому этапу эволюции социологии относится творчество Т. Парсонса?
 - А) к этапу классической социологии
 - Б) к этапу неоклассической социологии
 - В) к этапу постклассической социологии

Задание для самостоятельной работы

Поупражняйтесь в сравнительно-историческом анализе социологических концепций. Сопоставьте закон трех стадий интеллектуальной и социальной эволюции О. Конта и теорию социокультурной динамики П. Сорокина. В чем сходство их концепций развития общества? В чем различие? Как с точки зрения эволюции социологии можно объяснить различия между работами Конта и Сорокина в содержании концепций и в стиле исследовательской работы (способы сбора материала, формы аргументации и т. п.)? Какие из этих различий связаны с изменением представлений о социологии как науке, а какие — с изменением уровня институционализации социологии?

Попробуйте, ставя таким же образом вопросы о сходствах и различиях концепций устройства общества, проанализировать концепции Г. Спенсера и Т. Парсонса.

Темы рефератов (докладов)

- ✓ Значение идей О. Конта для формирования социологии как науки
- ✓ Актуальная классика социологии: современное значение идей Э. Дюркгейма и М. Вебера
- ✓ Парадигмальный кризис в социологии в 1960–1970-х годах
- ✓ Вклад П. Сорокина в развитие мировой социологии
- ✓ Роль постмодернистской теории в эволюции современной социологии

Список дополнительной литературы по теме

- Арон Р. Этапы развития социологической мысли / пер. с фр. М.: Прогресс, 1993.
- Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / пер. с фр. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000.
- Вебер М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013.
- Гидденс Э. Социология / пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2005.
- Гофман А. Б. Семь лекций по истории социологии. М.: Книжный Дом «Университет», 2008.
- Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / пер. с фр. М.: Мысль, 1994.
- Иванов Д. В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000.
- Иванов Д. В. Этапы эволюции социологии и доминантные типы теоретизирования // Социологические исследования. 2013. № 9. С. 3–13.
- История теоретической социологии: в 4 т. / отв. ред. Ю. Н. Давыдов. М.: Канон, 1997–1998.
- Кравченко С. А. Игравизация российского общества (К обоснованию новой социологической парадигмы) // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 143–155.

- Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с фр. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.
- Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / пер. с франц. СПб.: Алетейя, 2013.
- Филиппов А.* О понятии теоретической социологии // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7, № 3. С. 75–114.
- Штомпка П.* Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник / пер. с пол. М.: Логос, 2007.
- Ядов В. А.* Возможности совмещения теоретических парадигм в социологии // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 5–20.

Глава 11

СОЦИАЛЬНЫЕ УЧЕНИЯ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

11.1. Предпосылки возникновения социологии как науки

Исходная проблема истории социологии — вопрос «Когда началась социология?» Современные исследователи так или иначе придерживаются одной из двух основных точек зрения.

Согласно первой из них социология существует столько же, сколько само общество. Уже в далекой древности известны ученые мужи, рассуждавшие о том, как должно быть устроено общество. Идеи Платона, Аристотеля, Блаженного Августина, Фомы Аквинского, Никколо Макиавелли, Томаса Мора, Томаса Гоббса и других мыслителей Античности, Средневековья, эпохи Возрождения, эпохи Просвещения рассматриваются как социологические теории наряду с работами исследователей XIX–XX вв.

Согласно второй точке зрения социология сформировалась лишь в середине — конце XIX в., когда Огюст Конт, Карл Маркс, Герберт Спенсер, Эмиль Дюркгейм, Макс Вебер и другие ученые стали разрабатывать науку об обществе, противопоставляя ее, с одной стороны, традиционной философии, а с другой — таким наукам, как политическая экономия, психология, история.

Первая точка зрения предполагает, что социологией является любое рассуждение интеллектуала о том, как устроена совместная жизнь людей. Такой подход позволяет отыскивать в самом отдаленном прошлом интересные идеи и замечания относительно того, каким должно быть государственное устройство, как следует организовывать ведение хозяйства или воспитывать молодежь. Но эти идеи являются частью произведений философских, как, например, диалог «Государство» Платона, теологических¹, как трактат «О граде Божиим» Блаженного Августина, или художественно-назидательных, как «Утопия» Томаса Мора. Все произведения подобного рода и содержащиеся в них концепции можно, в отличие от *социологии*, назвать *социальными учениями*, поскольку в них главным является изображение идеального, т. е. наилучшим об-

¹ *Теология* (греч. «богословие») — систематическое изложение и анализ религиозной доктрины и построение на ее основе учения об окружающем мире.

разом устроенного, общества, а не исследование того, как в действительности взаимодействуют люди, как организована их совместная жизнь.

Выдающиеся мыслители прошлых эпох опирались на собственные впечатления и учения предшественников, а не на систематическое исследование социальных процессов. Но это отличие их произведений от работ современных социологов не следует считать недостатком или дефектом. Социальные учения прошлого были адекватной условиям своей эпохи формой осознания и объяснения общественных явлений. Различия между социологией и социальными учениями в способе изучения общества связаны с тем, что современные процессы взаимодействия и совместной жизни людей кардинальным образом отличаются от тех, с какими имели дело мыслители Античности, Средневековья или эпохи Возрождения.

Вторая точка зрения по вопросу о времени появления социологии основывается на констатации того, что с середины XVIII в. в Европе и Северной Америке развивались процессы, радикально изменившие характер жизни людей и ставшие социально-историческими предпосылками или факторами развития социологии как особого рода научного знания.

Во-первых, началась так называемая *промышленная революция*. В Античности, Средневековье и в эпоху Возрождения экономическая деятельность замыкалась в основном в родовой или соседской общине: большинство (до 90%) людей возделывало землю около своего дома, небольшая часть работала в домашних ремесленных мастерских или на небольших мануфактурах², и лишь немногие профессионально занимались торговлей, финансами, наукой и искусством. В конце XVIII — начале XIX в. на основе внедрения станков, приводимых в действие водяными мельницами, а затем и паровыми машинами, было организовано производство на фабриках. Привлечение множества людей на фабрики в качестве наемных работников привело к распаду традиционного образа жизни общин. На промышленных предприятиях и в урбанистических³ районах вокруг них складывались новые формы взаимодействия, характеризуемые массовостью и обезличенностью.

Во-вторых, произошла серия так называемых *буржуазных революций*. До конца XVIII в. политическая деятельность замыкалась в основном в узком кругу двора монарха — его родственников и свиты или собрания граждан — привилегированных жителей городов-республик. Однако в ходе войны за независимость в Северной Америке (1775–1783), Великой французской революции (1789–1795) и последовавших за ними других революций в Европе и Америке в политическую борьбу включились массы простых людей, прежде

² От лат. *manus* — рука и *factura* — изготовление.

³ Урбанизация (от лат. *urbanus* — городской) — процесс роста числа, населенности, влияния городов на устройство общества, а также превращения городского образа жизни в доминирующий тип.

всего горожан, имевших собственный бизнес — лавку, мастерскую и т.п. Буржуа (фр. *bourgeois* — горожанин) отвергали традиционную власть аристократии и добивались политических прав под лозунгом «свобода, равенство, братство». Организация государственной власти на принципах демократии и распространение избирательных прав на все большее число людей привели к появлению новых форм взаимодействия — массовых политических партий и движений, агитации через прессу, политических забастовок, маршей протеста и т.д.

В-третьих, с развитием индустриальной экономики и буржуазной демократии обострились проблемы, которые теперь принято называть *социальными*. Фабричные рабочие трудились по 12–14 часов в день и, принося владельцам фабрик прибыль, получали за свой труд гроши. Пользуясь отменой традиционных ограничений предпринимательства и полученными свободами, буржуа наращивали свой капитал и не старались поддерживать рабочих, как это делали в прошлом феодалы в отношении своих вассалов и слуг. Рабочие и их семьи жили скученно в ветхих и грязных домах. Массовая бедность, преступность, проституция, распространение таких болезней, как туберкулез, оспа, сифилис, вызывали недовольство, протесты и политические дебаты.

Точное знание того, как устроено общество, как его устройство влияет на жизнедеятельность людей и приводит к проблемам и конфликтам, требовалось для разрешения этих проблем и конфликтов. Но такое знание в новых условиях невозможно было получить путем философского диалога заинтересованных граждан, как это делали Сократ и Платон в IV в. до н.э. в условиях маленькой общины, каковой был античный полис. Нельзя было получить такого рода знание и путем рассуждения о моральном долге правителей и подданных, как это делали Блаженный Августин в V в. или Томас Мор в XVI в. в условиях строго иерархического порядка, характерного для общества средневековой Европы. Процессы, в которых участвовали большие массы индивидов, борющихся за свое личное благополучие и свои права, потребовали нового способа познания социальных явлений. Кроме того, можно сказать, что многие явления именно в новых исторических условиях приобрели характер *социальных*.

Помимо социально-исторических факторов — таких как индустриальный капитализм, буржуазная демократия и сопутствующие им социальные проблемы — формирование социологии было обусловлено особым рода интеллектуальными факторами. В первой половине XIX в. происходило размежевание науки и философии. В XVII–XVIII вв. естествознание развивалось в виде так называемой натуральной философии, которая основывалась на представлении о природных явлениях как проявлениях сущности или субстанции, скрытой в вещах/телах, и о законах природы как правилах, установленных неким мировым разумом. Исходя из такой картины мира ученые создавали концепции, в которых опытные данные и математические формулы встраивались в си-

стему умозрительных рассуждений о сущности вещей. Примерами подобного рода концепций могут служить «Математические начала натуральной философии» И. Ньютона и «Монадология» Г. В. Лейбница. К середине XIX в. утвердилось новое научное мировоззрение, для которого характерно представление о природных явлениях как эффектах, вызываемых в различных естественных и искусственных системах движением и взаимодействием множества элементов — молекул, клеток и т. п. Исходя из такой картины мира, ученые описывали факты, делали эмпирические обобщения и представляли закономерности как статистически проявляющиеся связи между явлениями. В качестве примеров научных работ этого типа можно привести «Динамическую теорию электромагнитного поля» Дж. Максвелла и «Происхождение видов путем естественного отбора» Ч. Дарвина, ставшие в конце 1850-х годов событиями в физике и биологии. В условиях успешного развития на основе новой картины мира естественных наук начали возникать идеи о превращении изучения общества в строго научное исследование, контрастирующее с исторически предшествующим философствованием.

Проекты науки об обществе, выдвинутые в середине XIX в. О. Контом, К. Марксом, Г. Спенсером, противопоставлялись социальным учениям прошлых эпох, однако социология унаследовала многие идеи мыслителей Античности, Средневековья, эпохи Возрождения и Нового времени. Поэтому социальные учения прошлого входят в ряд важных предпосылок развития социологии и могут рассматриваться как ее предыстория. Правильное понимание всей истории социологии и ее современного этапа возможно только в контексте гораздо более длительной интеллектуальной истории человечества.

11.2. Социальные учения Античности

Эпоха Античности занимает особое место в истории человечества — в это время были заложены основы европейской и мировой культуры. Она охватывает более тысячи лет и с точки зрения развития социально-политической мысли может быть разделена на три периода: классический период (V–IV вв. до н. э.); период эллинизма, когда в результате завоеваний Александра Македонского греческая цивилизация и культура выплеснулась в Северную Африку и Западную Азию (III–I вв. до н. э.); период, охватывающий существование Римской империи и ранней Византии (I в. до н. э. — V в. н. э.).

Первый период наиболее полно представлен учениями Сократа, Платона и Аристотеля. Центром общественной жизни того времени являлся город-полис. Он представлял собой гражданскую общину, которая характеризовалась особой формой земельной собственности, балансом прав и обязанностей свободных граждан, наличием народного собрания как важного элемента полисной демократии и небольшими территорией и численностью населения.

Полисная организация могла нормально существовать лишь в рамках локальной общины.

Полис как первая в истории гражданская община завещал человечеству три великих идеи — гражданственность, демократизм и республиканизм. Без этих принципов организации общественной жизни трудно понять содержание социально-политических учений того времени, а также по достоинству оценить диалоговую форму мышления и общения свободных граждан. Диалог как способ обсуждения проблем полиса предполагал личное участие в их практическом решении. Диалогичность античной культуры была проявлением ее общественного характера. Она ориентировала общение на устное, живое, звучащее слово и на его слуховое восприятие. Отсюда высокая оценка публичного красноречия, имевшего не только культурно-эстетическое, но и социально-политическое значение. Поэтому так высоко отзывался позднее Цицерон о деятельности оратора, сравнивая ее с деятельностью полководца: от первого зависит сохранение благ мирной жизни, от второго — отражение опасностей войны.

В этот период продолжает утверждаться новая, отличная от художественно-мифологической форма мышления, которая преодолевает отождествление предмета и образа, реальности и представлений о ней. Формируются понятия, возникает потребность в раскрытии связей между ними, что и реализуется в суждениях и умозаключениях. Следовательно, всё большее значение приобретают логические рассуждения как элементарная форма рациональности. Что касается собственно общества, то оно рассматривалось сквозь призму морали. Античные мыслители полагали, что в основе общественной жизни лежат добродетели как неизменные качества человека, которые определяют поведение людей и содержание общественных процессов. Наиболее выдающиеся образцы социальных учений периода классической Античности связаны с именами Платона и Аристотеля.

Учение Платона

Платон (427–347 гг. до н. э.) — афинский философ, ставший одной из ключевых фигур социальной мысли, к чьим идеям периодически возвращается современная наука. По его мнению, существует два мира — мир сущностей (вечных, совершенных и неизменных вещей) и мир повседневный (видимый, осязаемый и преходящий). Первый является первопричиной второго. Он вмещает высшие добродетели: справедливость, мудрость, рассудительность, мужество. Эти качества неравномерно распределены между людьми, что дает основание разделить их на три категории — философов, выступающих в качестве правителей, воинов и тружеников. Иерархичность общества, подчиненность одних другим, воплощая особым образом понимаемую справедливость, обеспечивает стабильность и прочность государства, благо его граждан. Достижению этой цели подчинена и система воспитания.

Теория Платона, отражая важные черты существующего строя, предвосхитила социальную структуру будущего феодального общества с его жестким разделением на сословия. Особое внимание Платон уделяет различным формам политического управления, выделяя тимократию — власть воинственных честолюбцев, олигархию — власть богатых, сребролюбцев, демократию — власть черни, тиранию — господство одного над всеми. Несомненный интерес представляет его анализ перехода от одной формы государства к другой, основная причина которого — односторонность каждой из них, порождающая противоречия между разными слоями общества. Траектория движения различных государств по циклическому, замкнутому кругу была порождена отождествлением социальных процессов с природными явлениями. Установление различий между обществом и природой впоследствии займет длительный период в истории теоретической мысли.

Следует отметить, что афинская действительность со временем всё более показывала ограниченность диалоговой, дружеской формы общения — *филии*, столь высоко ценимой учителем Платона, Сократом. Она вступала в конфликт с политической формой общения — *койнонией*, посредством которой создавался и поддерживал свое существование древнегреческий полис. Противоречие между филией и койнонией нашло отражение в диалоге Платона «Государство», где оно разрешается тем, что филия утрачивает свое значение и самостоятельность, поднимается с уровня общения частных лиц на уровень общеполитический. Дружба здесь уже не предполагает индивидуально-личностных отношений участников; диалог «выцветает», и его место занимает манипуляция сознанием граждан, например «стражей», с помощью специально созданных мифов, предлагаемых как «целесообразная ложь».

Политика в античное время являлась главной формой связи между людьми, обеспечивающей целостность общества. Заслуга Платона в том, что он, выдвинув идею идеального государства, поставил вопрос о поиске наилучшего политического устройства в целях обеспечения общего блага. Мысль об идеальном состоянии государства, человека и вещей является продуктом осуществляемого в процессе познания абстрагирования, связанного с выделением идеальных объектов и являющегося необходимым условием научного освоения мира.

Учение Аристотеля

Другой крупный мыслитель классического периода Античности — Аристотель (384–322 гг. до н. э.), создатель логики, основоположник изучения психологии, этики и политики как самостоятельных областей знания, — многое сделал для углубления знаний о мире, обществе и человеке. Особенно значителен его вклад в формальную логику — науку о законах и операциях правильного мышления, — предопределивший на многие столетия вперед характер теоре-

тических рассуждений. Согласно основному принципу логики правильность рассуждений определяется только логической формой и не зависит от конкретного содержания входящих в него суждений. Правильный вывод всегда ведет от истинных посылок к истинному заключению. Следовательно, такой вывод позволяет получать из имеющихся истин новые истины, не обращаясь к практике.

В отличие от Платона Аристотель сосредоточил внимание на реальных вещах и процессах. Он не принял учения пифагорийцев о том, что природа построена по законам математики. Выделив в качестве практических наук этику и политику, Аристотель видел их задачу в том, чтобы научить человека жить в соответствии со справедливостью и благом как высшими ценностями.

Несомненный интерес представляют мысли Аристотеля о различных видах отношений, складывающихся в силу жизненной необходимости между мужчиной и женщиной, господином и рабом, членами семьи, жителями поселений и между поселениями. Постепенно усложняясь, эти отношения наиболее полно реализуются в государстве. Политика, по мнению Аристотеля, коренится в природе человека как социального существа, способного полноценно жить только в обществе. Он утверждал, что человек по природе своей есть «существо политическое».

Проводя различие между близкими, дружественными отношениями, основанными на диалоге свободных и равных (филия), с одной стороны, и собственно политическими (койнония) — с другой, Аристотель в отличие от Платона признает ценность и тех и других. Он не отказывается от сократовской трактовки дружбы — более того, по мнению ряда исследователей, развивает и углубляет представление о ней. Если у Платона филия, поднимаясь на общеполитический уровень, теряет свою специфику, то с точки зрения Аристотеля она и там не утрачивает свою значимость. Подобно тому, как дружба сочетает в себе отношения близкие, непосредственные со свободой и равенством, так и койнония в понимании Аристотеля должна содержать в себе и «тесноту» семейно-общинных связей, и «рыхлость» правовых отношений, что имеет характер некоторого компромисса. У Аристотеля уже содержится мысль о постепенном включении человека в круг всё более широких общностей, меняющих его отношения с другими. О ее значимости свидетельствует факт возвращения к ней (хотя уже в новой форме) исследователей общества в XIX–XX вв. Так, например, Ф. Тённис (1855–1936) выдвинул положение о двух видах социальности и о том, что социальность «общинная» в ходе истории всё больше вытесняется социальностью «общественной».

Аристотель критиковал идею Платона о возможности существования идеального государства. Он анализировал реальные города-полисы и выделял в каждом из них позитивные составляющие, чтобы скомбинировать из них наилучшую форму правления. Таковыми, по его мнению, являлись: аристократические элементы, воплощающие в себе воспитание, гуманность

и законность; олигархические элементы с их богатством и благосостоянием; демократические элементы, представляющие собой реальную политическую силу, основанную на интересах и равенстве большинства. Наилучшими формами государства Аристотель считал монархию, аристократию и полицию. Однако они могут вырождаться: первая — в тиранию, вторая — в господство олигархов, третья — во власть толпы с ее вседозволенностью.

Ориентация Аристотеля на анализ существующих полисов-государств дает основание характеризовать его как реалиста, в отличие от Платона, учение которого является идеалистическим.

Учение Цицерона

Созданные в эллинистический период идеи философской школы стоицизма о самосохранении человека как естественном праве получили развитие в учении Цицерона (106–43 гг. до н.э.) — крупного римского мыслителя, оратора и государственного деятеля. Естественное право трактовалось им как некий доступный каждому непосредственный закон, который не опосредован ни книгами законоведов, ни судебными процедурами. Всякий человек рожден для следования этому закону, повелевающему ему озаботиться прежде всего сохранением своей собственной природы. Что особенно важно — это сохранение не только выгодно, но достойно и высокочтимое. В наши дни, когда некоторые религиозные течения пытаются заглушить, искоренить инстинкт самосохранения, мысли античного автора звучат весьма актуально.

Цицерон объясняет, каким образом обращение к естественному закону самосохранения соотносится с принципом достойного служения общему благу. Здесь, как представляется, им предпринята попытка решить важную проблему трансформации естественных качеств в качества социальные. Реализация естественного закона, по Цицерону, ведет к установлению общественного порядка, отмеряющего каждому свое, размещающего всё по своим местам. Проблема порядка, таким образом, превращается в центральную, что на обыденном уровне отразилось в известной латинской поговорке: «храни порядок, и порядок сохранит тебя».

Если рассматривать римских стоиков в целом, то следует отметить: в отличие от мыслителей классического периода на первый план у них выходили личные интересы, а абстрактное знание (устройство космоса, логика, риторика и т.д.) перемещалось на периферию внимания. Превращение Римской республики в империю усилило государственно-правовое содержание доктрин того времени, способствовало акцентированию внимания на законах, их разработке и кодификации. Всё это оказало существенное воздействие на последующее правовое регулирование жизни многих европейских стран.

11.3. Социальные учения Средневековья

Средневековье (V–XIV в.) — время от распада Римской империи до начала эпохи Возрождения — традиционно воспринимается как период невежества, мракобесия, массовых болезней, опустошительных войн, многочисленных процессов над еретиками и ведьмами. Вместе с тем средние века известны непревзойденными произведениями искусства, созданием первых университетов, жертвенным подвижничеством монашества, феноменом рыцарства и кодексом чести, культом прекрасной дамы, формированием новых отношений между мужчиной и женщиной — куртуазной любовью. Культура Средневековья находилась в оппозиции к культуре поздней Античности, с характерными для нее помпезностью, преклонением перед Космосом-Природой, презрением к физическому труду, институтом рабства, моральным разложением. Всему этому противопоставлялась культура религиозной аскезы и духовного самоусовершенствования, опиравшаяся на заповеди — предписания христианства.

Средневековые философские и социальные концепции несли на себе печать основных принципов христианства — теоцентризма, креационизма и провиденциализма. Согласно первому из них источником и причиной всего сущего является Бог. Согласно второму Бог из ничего сотворил всё — живую и неживую природу. Суть третьего состоит в том, что всеми событиями в мире, в том числе и поведением отдельных людей, управляет божественная сила. С позиций данных принципов трактовались сущность и содержание человека, государства и общества, связь и взаимодействие между ними.

Среди многочисленных богословских мыслителей того времени следует выделить Августина Блаженного и Фому Аквинского, наиболее полно выразивших суть и содержание христианского видения мира.

Учение Августина Блаженного

Августин Аврелий (354–430) — один из самых авторитетных теологов раннего Средневековья, написавший множество работ, среди которых особое место занимает произведение «О Граде Божием». В нем утверждается, что мир состоит из Града Земного и Града Божьего. К первому принадлежат люди, желающие жить «по плоти», ко второму — живущие «по духу». Небесный Град — общность людей, скитающая по Земле, но ей не принадлежащая. Град Небесный не отождествляется со служителями христианской Церкви, а Град Земной — со светским миром. Не все служители Церкви — подлинные граждане Града Божьего, точно так же, как праведники есть и в миру. Эти два града рассеяны по земле, перемешаны в реальном обществе. Борьба между ними есть столкновение добра и зла. Мир движется к Страшному Суду, где неизбежно произойдет разделение людей на праведников и грешников. Первые найдут спасение, окажутся в небесном царстве, вторые обречены на вечные муки.

Августин впервые изобразил всю историю человечества как единый процесс, представляющий собой взаимодействие двух различающихся по своим ценностным ориентациям и высшему предназначению Градов, движущихся в одном направлении. Вся история, по его мнению, есть не что иное, как реализация божественного Плана, или Провидения. Если «отцом истории» считают Геродота, то «отец философии истории» — Августин Блаженный. Именно ему, как утверждают исследователи, западная теория обязана обостренным вниманием к проблематике времени. На место античных представлений о цикличности истории он поставил идею направленного развития человечества от грехопадения до Страшного Суда. Мысль о том, что за всеми поступками и действиями людей стоит некая невидимая сила, положила начало поиску объективных, независимых от людей закономерностей. Таким образом, в концепции Августина, хотя и с теологических позиций, был преодолен присущий античной мысли взгляд на историю как процесс, совершающийся циклично. С тех пор доминирующим становится линейный подход к историческому процессу. В XIX–XX вв. социальная мысль выдвинула множество концепций, поразному трактующих характер поступательной динамики общества, но так или иначе учитывающих то, что было достигнуто в предшествующий период. После Августина было немало христианских теоретиков, но вплоть до Фомы Аквинского никто не мог сравниться с ним по степени влияния и универсальности.

Учение Фомы Аквинского

Фома Аквинский (1225–1274) — крупнейший систематизатор христианского учения и самый значимый его интерпретатор в духе учения Аристотеля. Он написал множество сочинений, в том числе и социально-философского характера. Основными из них считаются два монументальных произведения — «Сумма против язычников» и «Сумма теологии».

В работах Фомы Аквинского воле человека придается бóльшая самостоятельность по сравнению с предшествующими богословскими трактатами. В его сочинениях получает более глубокую трактовку свобода выбора и ответственности за свои поступки. Одна из центральных его идей — обоснование вселенского порядка. Если мы, писал он, устраним из тварных вещей порядок, то мы устраним самое лучшее, что в них есть. Хотя они хороши сами по себе, но, будучи соединены, становятся хорошими в наивысшей степени по причине порядка Вселенной. В делах человеческих соединение, связь — это и есть закон. Законы действуют на разных уровнях и в различных сферах, обеспечивая тем самым порядок. Фома Аквинский выделяет целую систему иерархично расположенных законов — от вечного Закона, который не знает искажений, но трудно познаваем, до закона человеческого, греховного, диктуемого не разумом, а чувственностью.

Государство — часть Вселенской империи; оно создано Богом и управляется им. Законы, издаваемые государством, определяются высшими законами, исходящими от Бога, и земная власть может лишь вносить в них коррективы. Отсюда роль законодателя, руководствующегося вечными законами. Совершенное общество представляет собой сословную иерархию, которую образуют священнослужители, рыцари, крестьянство.

Таким образом, порядок в мире, по Фоме Аквинскому, носит совершенный и завершающий характер, определяемый в конечном счете вечными законами, идущими от Бога. Однако в этой стройной системе бытия заложено противоречие: если всё идет от Бога как носителя высшей справедливости, добра, мудрости, милосердия, то откуда берутся тираны, произвол властей, насилие, несправедливость? Данная проблема в дальнейшем будет стоять перед многими мыслителями и по-разному решаться ими.

11.4. Социальные учения эпохи Возрождения

Возрождение — один из самых ярких периодов в развитии европейских народов и их культуры. Эпоха Возрождения длилась около двух столетий — с конца XIV в. до первых десятилетий XVII в. В это время происходят крупные изменения в общественной жизни: переживает кризис феодализм, зарождаются буржуазные отношения, формируются нации и складываются абсолютные монархии. Существенно меняется и духовный мир, чему во многом способствовали Великие географические открытия, расширившие горизонты познания мира, а также многие изобретения — прежде всего книгопечатание, начатое И. Гутенбергом около 1440 г.

Новый тип культуры поставил в центр уже не Бога, а человека и окружающий его мир. Культура эпохи Возрождения опиралась на наследие Античности, но многое черпала и из лучших достижений Средневековья. Вместо бегства от мирской жизни человек эпохи Возрождения стремился к глубокому ее познанию, к утверждению себя в мире, к реализации гуманистических ценностей.

Мыслители эпохи Возрождения выступали против диктата католической церкви, критиковали методы схоластической науки, основанной на формальной логике Аристотеля, отвергали ее догматизм и веру в авторитеты. Тем самым расчищался путь для развития в будущем научного знания. Эпоха Возрождения, по выражению Ф. Энгельса, «нуждалась в титанах», и она породила их — по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености. Чтобы убедиться в этом, достаточно назвать такие имена, как Леонардо да Винчи, Альбрехт Дюрер, Никколо Макиавелли, Мартин Лютер, Николай Коперник, Галилео Галилей, Иоганн Кеплер, Джордано Бруно.

Концепция политического прагматизма Никколо Макиавелли

Особое место в развитии социально-политической мысли эпохи Возрождения принадлежит Никколо Макиавелли (1469–1527). Новаторство его идей опиралось на глубокое осмысление исторических процессов и судеб государств в прошлом, их взлетов и падений. Наибольшую ценность представляет всесторонний и конкретный анализ современной ему политической жизни, особенно итальянских государств, постоянно подвергавшихся иноземным нашествиям.

В своем сочинении «Рассуждения на первую декаду Тита Ливия», написанном в 1512–1514 гг. и впервые изданном в 1531 г., он дал развернутую критику божественного происхождения политической власти, а также возникших в XIV–XVI вв. концепций «естественных прав» и «народного суверенитета». Центральный тезис Макиавелли сводится к тому, что политическая власть не нуждается в каком-либо объяснении и оправдании, она не имеет каких-либо религиозных и философских оснований. Он считал, что генезис политики и власти — это сила, не связанная ни с традициями, ни с законами, ни с моральными нормами. Макиавелли впервые в истории европейской гуманитарной мысли освобождает анализ политики и государственного управления от нравственного компонента. Он полагал, что политическая деятельность и деятельность по организации государства несовместима с обыденными представлениями о морали. Более того, она разворачивается вне нравственно-морального поля. Этот тезис подробно и с примерами развернут им в трактате «Государь» (1513).

«Государь» — наиболее известная работа Макиавелли, написанная в форме советов и рекомендаций тогдашнему флорентийскому правителю с целью совершенствования управления подданными и укрепления государства. Содержание этого трактата охватывает три центральные темы — это «двойная мораль», т. е. нравственность обычного человека и мораль политическая; критика идей Платона и Аристотеля за смешение этики и политики; типология правителей и политических программ. Макиавелли исходит из того, что государственная организация имеет свои конкретные цели и понимание того, что есть для нее «благо» — причем не в качестве абстрактной этической категории, а как практика самосохранения. В этом контексте Макиавелли демонстрирует, как интриги, государственные перевороты, военные коалиции, показательные массовые казни способствуют упрочению политической власти и укреплению того или иного государства. В работах Макиавелли представлен первый пример осмысления проблематики генезиса политики как особой сферы деятельности, сущности власти и векторов ее приложения.

Макиавелли трезво смотрит на действительность, анализирует разные качества людей — их стремление к власти и свободе, к сохранению своего имущества. Люди обычно неблагодарны, непостоянны, живы, боязливы и алчны.

Умный правитель должен всё это учитывать и уметь пользоваться страстями людей, играя на них, как музыкант на своем инструменте. Чтобы не попасть в неудобное положение, ему лучше не питать иллюзий и заранее считать всех злыми. Правитель должен знать, что поведением людей руководят два главных мотива — страх и любовь, и первый прочнее и тверже, чем второй. Отсюда вывод: государь должен обладать такими свойствами и владеть такими способами правления, которые соответствуют реальности. Существуют добродетели, обладание которыми ведет к гибели, и есть пороки, способствующие обеспечению безопасности и благополучию государства.

Идея Макиавелли о разделении политики и морали сыграла в свое время положительную роль, поскольку она апеллировала к прагматичности в анализе действительности. Заслуга его состоит не в освобождении политики от морали, а в освобождении ее от абстрактного морализирования в религиозном духе. Поэтому сведение макиавеллизма к принципу «цель оправдывает средства», нашедшему широкое распространение, вряд ли можно признать адекватным содержанию его взглядов.

Утопии как жанр социальных учений

Утопия как жанр анализа общества и возможного будущего зародилась в эпоху Возрождения вследствие реорганизации социального познания и рефлексии общества. Свое название эта эпоха созревания социального дискурса получила в силу выдвинутого тезиса о необходимости возрождения греческих дискурсивных образцов. Мыслители эпохи Возрождения обратились к древнегреческой традиции социального дискурса, предполагающего ниспровержение авторитетов и схоластического мышления. В противовес средневековой схоластике, украшенной дидактизмом и апелляциями к Библии, монашескому уединенному сосредоточению, в этой тенденции четко обозначилось стремление к освобождению от догм, к произвольности индивидуального творческого постижения, познанию как форме интеллектуального развлечения. Этой тенденции в движении гуманитарной мысли во многом способствовали развитие книгопечатания, многочисленные географические открытия, распространение грамотности.

Возрожденческий расцвет европейской культуры породил не только разнообразие поэтических, художественных и живописных произведений, но и новый жанр социальных учений — утопию (от др.-греч. *υ-τοπος* — не-место; место, которого нет). Само это понятие было введено английским гуманистом, политиком Томасом Мором (1478–1535) в сочинении «Золотая книга, столь же полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия» (1516; в дальнейшем это сочинение обозначали как «Утопия»). Оно состоит из двух частей — первая посвящена критике современных Морю социальных порядков Англии XVI в., вторая — описанию

идеального социального устройства, обнаруженного путешественниками на вымышленном острове Утопия.

Продолжателем идей Мора, его критики социально-политического устройства в форме создания утопического социального проекта выступил Томмазо Кампанелла. В своем сочинении «Город солнца» (1602) он описывает некий город, открытый генуэзским мореходом во время кругосветного путешествия, в котором отменена частная собственность, труд стал добровольной обязанностью граждан, люди верят в идеи всеобщего равенства и грядущее объединение всего человечества.

Третьим сочинением подобного рода стала книга Френсиса Бэкона «Новая Атлантида» (1627), также повествующая о некоем острове Бенсалем, затеряншемся где-то в Южном море. Бэкон подробно описывает социальное устройство сообщества, обнаруженного на острове и называющего себя «Домом Соломона». В его утопическом проекте центральной становится идея реорганизации научного познания мира, создания самостоятельного научного ордена со своими иерархией и правилами.

Возникший в XVI в. новый жанр социальных учений стал весьма популярен среди политически ориентированных социальных мыслителей, поскольку давал возможность в рамках повествования о фантастических местах и народах предложить анализ и критику современных автору социально-политических и экономических составляющих социальной реальности. В течение нескольких последующих столетий появилось множество разнообразных утопий — эскапистских, отражающих мечты о неких лучших мирах, и героических, выдвигающих некую программу действий и содержащих политический призыв, а также утопий места, времени и вневременного порядка.

11.5. Социальные учения Нового времени

Новое время — период в жизни европейских народов, приходящийся на XVII в. и первые десятилетия XVIII в. Ключевыми в эту эпоху трансформаций стали значительные экономические преобразования и вызревание нового социально-экономического класса — буржуазии, стремившейся к обретению политической власти, буржуазные революции в Англии и Нидерландах, открытия в области естественных наук и распространение идей новой, нерелигиозной картины мира. Возрастающая потребность в научном знании была обусловлена в конечном счете нуждами производства.

Необходимость получения достоверного знания послужила мощным импульсом для поиска ведущих к нему путей и методов. Именно в Новое время окончательно формируются два направления в науке, по-разному отвечающие на запросы познания, — эмпиризм (Фрэнсис Бэкон, Томас Гоббс, Джон Локк, Дэвид Юм) и рационализм (Рене Декарт, Бенедикт Спиноза, Готфрид Лей-

бниц). Движение по пути научного освоения мира протекало противоречиво и неравномерно. В качестве лидирующих дисциплин в это время выдвигаются математика, механика и геометрия. Под их воздействием формируется общее представление о мире — механистическая его картина, основу которой составляют физические законы движения тел. Отсюда идея о правильности, регулярности и равномерности этого движения как высшей ценности и базовой категории культуры.

Механистические представления лежат в основе представлений и о человеке, государстве, обществе, что нашло выражение в социальных учениях Нового времени. Социально-политические концепции этого периода представляли собой рефлексию свершившегося крушения предшествующей мировоззренческой системы — католической картины мира и религиозной легитимации монархии, представления о божественно предустановленном порядке. В фокусе обсуждения оказывается вопрос: как возможен социальный порядок, если он не установлен изначально Богом? Ответом становятся идеи о том, что государство является не проявлением Божьей воли, а результатом договора между властью и людьми в целях их самосохранения.

Теория общественного договора Томаса Гоббса

К числу концепций, наиболее значимых для развития последующего дискурса социологии, относится теория общественного договора Томаса Гоббса (1588–1679). Именно в трудах этого английского социального мыслителя был впервые поставлен и осмыслен вопрос о том, как возможен социальный порядок. Примечательно, что данный вопрос в трудах теоретической классики современной социологии принято называть «гоббсовской проблемой» или «вопросом Гоббса». В своем четком и структурированном виде указанная проблема артикулирована в труде «Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (1651). Будучи последовательным протестантом, сторонником гражданских преобразований в сфере политики и государства, Т. Гоббс подробно излагает свое видение проблемы сущности человеческой природы, генезиса государства и политической власти. Предложенный им ракурс рассмотрения предполагал отказ от идеи божественного происхождения государства и церкви, замещение ее концепцией соглашения, договора между людьми.

Включение в название сочинения имени Левиафана, библейского чудовища, живущего в океанских стихиях, призвано маркировать отказ от средневекового определения государства в качестве божественной институции. Уже во введении Гоббс использует методологическую инновацию — механистическое сопоставление государства как «искусственного тела» и тела человека как «естественного тела». В дальнейшем основоположники теоретической социологии неоднократно применяли этот методологический ход — сопоставление

общества и живого организма, рассмотрение общества как части природы и пр. Необходимость в подобном разъяснении продиктована тем, что, в отличие от естественных наук, социология не имеет явных предпосылок. Вслед за Гоббсом социальные мыслители отказываются от рассмотрения общества как результата действия внешней силы (Бога, высшего Духа и др.), что в свою очередь ставит перед ними проблему трактовки генезиса социального и политического.

В своих трудах Гоббс не проводит различия социального и политического и не вводит термин «общество». Следуя своим предшественникам, он задается вопросом о генезисе государства как базовой формы социальности. В трактовке Гоббса предпосылкой возникновения социальности, или государства, выступает «естественное состояние человека». В естественном, природном состоянии люди равны как физически, так в своих возможностях и надеждах на достижение целей: не существует никакого права или ограничений их желаний и притязаний. Ведомые эгоистическими устремлениями, они пребывают в состоянии войны, когда «человек человеку волк», т. е. один нападает, а другой защищается, нет собственности, нет владения. Именно природная асоциальность человека и становится в конечном счете причиной возникновения государства. Страх смерти заставляет людей объединяться и искать способы избавления от войны всех против всех. Гоббс полагает, что не божественные законы руководят деятельностью человека, а данный природой разум приводит его к осознанию существования «естественных законов» и необходимости договариваться.

Государство возникает тогда, когда люди приходят к пониманию потребности в установлении закона и суверенного правления. Создавая государство, они договариваются о делегировании своих естественных прав государству. Права человека в естественном состоянии безграничны, в состоянии соглашения, договора безграничными правами наделяется государство. Согласно Гоббсу государство — это «единое лицо», ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора огромное количество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех так, как сочтет необходимым для их мира и общей пользы. Носитель этого лица является сувереном, обладает верховной единоличной властью. Люди, выступая в качестве граждан, образуют политическое тело, возглавляемое сувереном. Таким образом, Гоббс видит генезис политического в консенсусе людей, а государство трактует как гаранта социального порядка.

Теория происхождения власти Джона Локка

Дальнейшая разработка столь важного для современной социологии концепта общественного договора осуществилась в трудах английского философа Джона Локка (1632–1704). Его базовым сочинением по данной проблематике

стала работа «Два трактата о правлении» (1689). В концепции Локка уже обнаруживается отчетливое различие социального, экономического и политического. Первая часть этой работы всецело посвящена детальному рассмотрению библейских текстов, относящихся к генезису политической власти. Локк наглядно демонстрирует, что в текстах Библии не содержится указаний на правомерность одной лишь монархии. Он считал, что превалирование монархического устройства государственной власти есть результат исторического прецедента, а не божественного Промысла. Не ставя под сомнение божественное происхождение природы человека, Локк тем не менее полагал, что государство является результатом длительной совместной жизни людей. Во второй части «Двух трактатов» он подробно анализирует динамику вызревания политического сообщества, или государства. По мнению Локка, нет оснований говорить о некоем состоянии войны всех против всех, поскольку исторически это недоказуемо, а логически допустимо, что уже есть политическое сообщество, объявляющее войну. В концепции Локка естественное состояние — это состояние политической свободы людей в отношении собственных действий и распоряжения собственным имуществом и личностью. Кроме того, естественное состояние — это еще и состояние равенства перед Богом.

Локк выдвинул концепцию вызревания политического общества. Он полагал, что первичной единицей анализа должно выступать внутрисемейное взаимодействие, объединение людей в целях продолжения рода и удобства сосуществования. С течением времени различные семьи начинают устанавливать экономические отношения обмена и взаимодействия, закрепляя их договором. Появление разделения труда и его усложнение, умножение собственности приводит людей к идее создания законов, охраняющих неприкосновенность жизни и собственности. О политическом обществе можно говорить тогда, когда появляются письменно зафиксированные законы о защите жизни и имущества, о правах и обязанностях граждан.

На третьей стадии развития природы человека появляется «гражданское общество», или политический союз людей, договорившихся о создании государства. Локк вводит новый термин «гражданское общество», подразумевая под ним политический союз людей, возникающий на основе договора. Локк считал, что монархия не совместима с такого рода политическим союзом. Более того, он подчеркивал, что гражданское общество — это результат исторического развития, его возникновению предшествуют определенные экономические трансформации и появление договорных отношений в сфере экономического обмена. Отдельным достижением Локка можно считать его концепт политической власти как включающей законодательную, федеративную и исполнительную составляющие.

11.6. Социальные учения эпохи Просвещения

Непосредственным продолжением социальных и интеллектуальных тенденций Нового времени явились события и феномены культуры, составившие основное содержание эпохи Просвещения. В это время (XVIII — начало XIX в.) возобладали рационалистические учения, воплотившиеся в философской концепции мирового Разума как естественной основы мироустройства и движущей силы развития человечества. В области социальных учений идеи Просвещения нашли свое выражение в различных концепциях философии истории.

Развитие концепции общественного договора Жан-Жаком Руссо

Следующей после идей Гоббса и Локка значимой вехой в разработке концепции генезиса социального и политического, самой необходимости их различения как составляющих единого целого были идеи Жан-Жака Руссо (1712–1778). В трактате «Об общественном договоре» (1762) он отчетливо проводит идею об изначальной социальности человека, обнаруживающего себя во взаимодействии с другими, которое не предусматривает никакого равенства. Руссо подчеркивал, что если и можно говорить о естественном состоянии человека, то определять его надо как состояние свободы, в котором нет ни понятия закона, ни понятия права. Причиной перехода в политическое состояние является то, что люди достаточно быстро осознают пределы естественного состояния — постоянной борьбы, в которой побеждает «право сильнейшего», и взаимного истребления. Сущностью общественного договора выступает появление коллективного целого, насчитывающего столько членов, сколько их входит в общее собрание.

Специфика трактовки политической власти в работах Руссо состоит в том, что он отождествлял суверенитет, или высшую политическую власть, со всеми гражданами государства, имеющими право голоса. Мыслитель определял политический организм как «государство в пассивном состоянии»; в своем активном состоянии он является сувереном, а в сопоставлении с другими политическими организмами — «державой». Таким образом, вступая в договор, индивиды принимают двойное обязательство: в качестве членов коллективного целого, «суверена», — по отношению к частным лицам; как члены государства — по отношению к суверену.

Принципиальной новизной обладают тезисы Руссо о нравственной составляющей гражданского состояния. Он полагал, что говорить о таком искусственном измерении социальной реальности, как нравственность, можно лишь при условии существования государства. В гражданском состоянии люди начинают руководствоваться не только собственными желаниями и аф-

фактами, но также представлениями о норме, письменно зафиксированной в законах. Политическое коллективное целое выступает гарантом нравственности граждан. Руссо утверждал, что в гражданском состоянии люди подчиняются не власти желания, а закону, установленному для всех. Эти положения послужили идейными предпосылками тезисов Э. Дюркгейма о нравственных, или ценностных, основаниях социальности.

В равной степени значимой для последующего развития французской и американской социологии религии оказалась и выдвинутая Руссо концепция «гражданской религии». Выступая ярким поборником христианской легитимации политической власти, он считал необходимым создание гражданской религии общественного договора, использующей основные положения монотеизма лишь как каркас, но предлагающей иное идеологическое наполнение.

Концепции универсальной истории человечества

Принципиально в ином ракурсе осмыслялась социальная реальность Нового времени в концепциях Джамбаттисты Вико (1668–1744), Адама Смита (1723–1790), Анна Робера Жака Тюрго (1727–1781), Жана Кондорсе (1743–1794), Иммануила Канта (1724–1804). Идеи этих авторов послужили основаниями для многих последующих собственно социологических теорий и концепций, наиболее значимыми из которых стали эволюционистская парадигма изучения общества и концепт глобализации как логической стадии всемирного исторического процесса.

Осуществленные в XV–XVII вв. Великие географические открытия и затянувшийся на несколько столетий процесс колонизации вновь открытых стран европейскими государствами имели своим следствием реструктуризацию представления европейского христианского мира о самом себе и о своей исторической миссии. Сама тема осмысления времени как протяженности от прошлого через настоящее к будущему, которая может быть разбита на определенные стадии развития общества, восходит к теологическому дискурсу Средневековья. Однако в Новое время наряду с принятыми христианскими историософскими концептами стали появляться теории исторического процесса, созданные в контексте смены мировоззренческих ориентиров — использования научной картины мира, методов естественно-научного познания, отказа от религиозного способа познания как единственно возможного.

Социальные мыслители XVIII в. стремились к обретению знания в практических целях идеологического моделирования политики, формирования идентичности стран Европы как держав-колонизаторов, заслуженно занимающих господствующие позиции по отношению к колониям. Именно в тот период появляются историософские концепции динамики развития обществ, которые заложили теоретические основания идеологии европоцентризма. Вместе с тем в недрах этой дискуссии возникли такие значимые для социо-

логии понятия, как «типы обществ», «стадии развития общества», «движущие силы» или «механизмы развития» общества, «прогресс», «историко-культурные циклы», «всемирная история», «национальные государства» и пр.

Одним из первых исследователей динамики социокультурного развития различных типов обществ выступает итальянский философ Джамбаттиста Вико. В своем сочинении «Основания новой науки об общей природе наций» (1725) он изложил теорию культур и наций, в фундамент которой положены идеи целостности культур и присущего им стиля и цикличности стадий развития. Используя идею поступательного прогрессивного развития человечества, Вико предложил рассматривать общества и культуры как развивающиеся от примитивных форм к сложным, но ограниченные в своем развитии определенными фазами, которые имеют тенденцию циклически повторяться. Он полагал, что определенным типам экономики и политики соответствуют определенные типы религии, нравственности, эстетики и пр. Движущей силой социального изменения являются сами люди, создающие культуру. Каждая нация проходит в своем развитии три последовательные стадии — божественную, героическую и человеческую, которым присущи определенный тип идеологии и экономики, специфичный набор характеристик культуры. Так, героическая стадия характеризуется появлением государства с аристократическим типом правления, стадия человеческая — демократическим устройством государства. По исчерпанию третьей стадии всё возвращается к изначальному — «темному, варварскому» состоянию, и происходит повторение цикла. В каждом новом витке осуществляется качественное поступательное развитие.

Учение Адама Смита открывает простор для формирования комплекса идей будущей экономической социологии. В фокусе его внимания находится анализ истории обществ с точки зрения экономического развития. В своем «Исследовании о природе и причинах богатства народов» (1776) Смит предложил классификацию обществ по типу хозяйствования и экономического развития. Он полагал, что следует говорить, с одной стороны, о «естественных обществах», не знакомых с системой государства и живущих охотничеством, и, с другой стороны, о «политических / гражданских», располагающих государством и прошедших в своем развитии стадии пастушества, земледельчества и мануфактурной промышленности. В обществах второго типа обнаруживается отчетливое социально-экономическое неравенство, развитие которого приводит к формированию классов. Самое пристальное внимание Смит уделил таким центральным темам будущей политэкономии, как обмен, стоимость, генезис капитала и его общественное воплощение.

Отдельного внимания заслуживает идея Смита о вмешательстве «невидимой руки рынка» в процессы частного предпринимательства и экономических сделок индивидов. Здесь в отчетливом виде предстает осмысление экономики как самостоятельной функциональной сферы общества, детерминирующей определенным образом его развитие.

Сама идея стадийного развития обществ появляется в XVIII в. благодаря исследованиям путешественников и первых антропологов. Комплексная разработка идеи всемирной истории обществ была осуществлена в трудах французских социальных мыслителей А. Тюрго и Ж. Кондорсе. Приоритет разработки концепции социального эволюционизма, созданной задолго до теории биологического эволюционизма Дарвина, бесспорно принадлежит Тюрго. Именно он впервые задался вопросом об исходных посылах теоретизирования по поводу всемирной истории обществ, пытаясь осмыслить мир как единый, включающий и христианскую Европу с ее развитой сложной культурой, промышленной экономикой, системой образования, и «дикие», «варварские» народы, «даже не знакомые с идеями монотеизма». Исходной посылкой он предложил считать единство человеческого сознания, способного к развитию, формированию навыков речи и передаче знания. По мысли Тюрго, в единое целое различные народы, находившиеся на принципиально различных стадиях развития, увязывало обнаруживаемое у них общее качество, свидетельствующее о способности к развитию, — человечность. Несколько веков спустя этот тезис использовал Роланд Робертсон, чтобы обосновать возможность выстроить единую историю, исходом которой становится глобализация культурных и социальных практик.

В работе «План двух рассуждений об универсальной истории» (1751) Тюрго изложил свою теорию социокультурной эволюции обществ. Принципиальной инновацией его концепции стало введение понятия «прогресс», понимаемого как поступательное развитие знаний, как движущая сила социальных изменений. Кроме того, ему принадлежит тезис о двух видах прогресса — быстром (скачкообразном) и медленном (накопительном). Первый вид прогресса воплощен в открытиях, сделанных отдельными гениями, второй — в инновациях, появившихся как результат накопления знаний в поколениях.

Наличие у людей сознания, способности к передаче знаний о мире, навыков, согласно Тюрго, позволяет утверждать, что общества вновь открытых стран Африки, Азии, Америки и европейские общества принадлежат к единому роду человеческому с присущими ему возможностями развития. Прогресс осуществляется благодаря самой социальной деятельности и ее результатам, а отнюдь не за счет действия некоей внешней силы, как это постулировалось в теории Вико. В теории культурных циклов Вико движущей силой трансформаций является божественное Провидение, Тюрго же полагал, что в этой роли выступает человеческий разум, проявляющийся в результатах политической, экономической деятельности, в произведениях искусства, географических открытиях и пр. Сам прогресс также имеет накопительную силу, которая, умножаясь в одних фазах, приводит к прорывам в других.

Всемирная история предстает в работах Тюрго как состоящая из последовательных стадий, которые с необходимостью проходят все общества, но порозному и не одновременно. Это объясняется в его теории неравномерностью

прогресса как в разных сферах жизнедеятельности общества, так и в истории разных наций. Качество и темпы развития обществ Тюрго ставил в прямую зависимость от национальной и исторической специфики народов.

Кондорсе вслед за Тюрго полагал, что движущей силой прогресса выступает развитие человеческого разума. В сочинении «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» (1794) он детально анализирует историю европейских стран именно в аспекте открытий, сделанных отдельными гениями или появившихся как результат накопления знаний в поколениях. Благодаря Кондорсе в социальный дискурс прочно входит тема роли личности в истории, на несколько столетий определившая направления изысканий историков и социологов. Кроме того, он по сути разработал аналитическую схему рассмотрения истории, концептуально обосновал, почему именно историю Европы следует брать в качестве модели и образца для анализа историй других культур и народов.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что, будучи талантливым математиком, Кондорсе настаивал на введении математических методов в арсенал наук о социальной истории. Так, он полагал, что весьма продуктивными будут теория вероятности применительно к исследованию всемирной истории и метод формулировки аксиом в изучении политики. В прикладных исследованиях по демографии (продолжительность жизни, причины смертности), медицине, экономике большое будущее он усматривал за статистико-вероятностными методами.

В серии небольших по объему, но значимых для будущей социологии сочинений великого немецкого философа Иммануила Канта концепция всемирной истории обретает еще одно перспективное направление теоретизирования, касающееся создания в будущем европейского политического союза и возникновения всемирного гражданского общества. Концепция, представленная в его работе «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784), была использована в собственно социологических теориях глобализации, в частности в концепции У. Бека.

Задаваясь вопросом о движущих силах социального развития, Кант постулирует, что развитие человека и общества есть неотъемлемая составляющая развития природы. И здесь он вслед за другими мыслителями Просвещения задает рационалистическую установку будущей германской социологии. Он полагает, что нет необходимости в поиске внешних сил, обуславливающих развитие общества. Самое возникновение социальности, устойчивого взаимодействия между людьми заложено в индивидуальной природе человека. Эта природа представлена антагонизмом двух взаимоисключающих характеристик человеческого сознания: 1) бегства от общения с себе подобными в силу изначальной внутренней враждебности и лени; 2) стремления к этому общению, без которого не выжить в практическом плане и не понять самого себя. Кроме того, существует еще и некий план, предначертанный при-

родой для человека. Первыми шагами во исполнение этого плана является создание искусственной среды и самого себя как отличного от природного и животного мира. Человек рождается несовершенным и беспомощным, не способным к самостоятельному удовлетворению даже своих первичных потребностей. Выстраивая свой искусственный материальный мир и отношения с себе подобными, человечество действует в соответствии с планом природы, предельная цель которого заключается в постепенном достижении всеобщего правового гражданского состояния.

Согласно Канту всемирная история представляет собой поэтапное восхождение к реализации идеи всеобщего правового гражданского состояния. В перспективе не только в пределах отдельных обществ возникнет правовое государство, но и сами они придут к объединению. Войны и антагонизм должны смениться договорным миром и установлением общего правового порядка для различных государств, решивших объединиться.

Итогом развития философии истории в эпоху Просвещения стало вызревание целого комплекса идей, которые воспринимались как ведущие в верном направлении интеллектуального и социального прогресса, но слишком умозрительные и потому способные входить в противоречие с объективной реальностью общественного устройства и развития. Критика и переосмысление социальных учений прошлого стали в середине XIX в. отправным пунктом для создания проектов науки об обществе, положивших начало собственно истории социологии.

Контрольные вопросы

1. К какой эпохе относятся социальные учения Платона и Аристотеля?
 - А) к Новому времени
 - Б) к Средневековью
 - В) к Античности
2. На какие три категории разделены граждане в концепции идеального полиса, созданной Платоном?
 - А) философы, воины, труженики
 - Б) воины, ремесленники, крестьяне
 - В) ученые, работники, правители
3. Кто является автором трактата «О граде Божием»?
 - А) Аврелий Августин
 - Б) Фома Аквинский
 - В) Фрэнсис Бэкон

4. Какой термин появился в социогуманитарном знании благодаря Т. Мору?
А) «прогресс»
Б) «утопия»
В) «идеология»
5. Кто является автором концепции общественного договора?
А) Никколо Макиавелли
Б) Томас Мор
В) Томас Гоббс
6. В какую эпоху возникло понятие естественного права?
А) в эпоху Античности
Б) в Средневековье
В) в Новое время
7. Кто является автором концепции «невидимой руки» рынка?
А) Томас Гоббс
Б) Адам Смит
В) Иммануил Кант
8. Какой концепцией обогатил философию истории И. Кант?
А) общественный договор
Б) всемирное гражданское общество
В) научно-технический прогресс
9. Какие два состояния человечества выделял Т. Гоббс?
А) нормальное и патологическое
Б) состояние войны и состояние мира
В) естественное и гражданское
10. К какой эпохе относится творчество Н. Макиавелли?
А) к эпохе Просвещения
Б) к эпохе Возрождения
В) к эпохе Античности

Задание для самостоятельной работы

Прочтите трактат Н. Макиавелли «Государь» и вторую книгу, входящую в сочинение Дж. Локка «Два трактата о правлении». Сопоставьте концепции власти Макиавелли и Локка. Охарактеризуйте различия между двумя концепциями с точки зрения того, кто рассматривается в качестве носителя власти, как представлены отношения между гражданами и правителями, что считается основой стабильности политического строя. Попытайтесь ответить на

вопрос, какие особенности времени и места создания двух концепций нашли отражение в идеях их авторов.

Темы рефератов (докладов)

- ✓ Образы правителя и народа в трактате Н. Макиавелли «Государь»
- ✓ Теории общественного договора Т. Гоббса и Дж. Локка
- ✓ Теория смены форм правления в диалоге Платона «Государство»
- ✓ Эволюция концепции гражданского общества: от Дж. Локка до И. Канта
- ✓ Влияние идей Ж.-Ж. Руссо на идеологию Великой французской революции

Список дополнительной литературы по теме

- Аристотель*. Сочинения: в 4 т. / пер. с древнегреч. Т. 4. М.: Мысль, 1983.
- Арон Р.* Этапы развития социологической мысли / пер. с фр. М.: Прогресс, 1993.
- Вико Дж.* Основания новой науки об общей природе наций / пер. с итал., отв. ред. М. А. Лифшиц. М., Киев: REFL-book, 1994.
- Гофман А. Б.* Семь лекций по истории социологии. М.: Книжный Дом «Университет», 2008.
- История теоретической социологии: в 4 т. / отв. ред. Ю. Н. Давыдов. Т. 1. М.: Канон, 1997.
- Локк Дж.* Сочинения: в 3 т. / пер. с англ. Т. 3. М.: Мысль, 1988.
- Макиавелли Н.* Государь / пер. с итал. М.: Планета, 1990.
- Платон*. Сочинения: в 4 т. / пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2006.

Глава 12

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ И КЛАССИКИ МИРОВОЙ СОЦИОЛОГИИ

На всем протяжении истории социологии в ее развитие внесли вклад многие исследователи, жившие в разных странах и на разных континентах. Разработанные ими теоретические идеи и полученные эмпирические данные составляют общее наследие мирового социологического сообщества. Однако в этом ряду научных достижений можно выделить те, что определяли на каждом этапе эволюции социологии исследовательскую повестку всего сообщества и стали образцами — парадигмами, объединившими поколения социологов во всем мире. Выдающиеся социологи, чьи научные достижения стали парадигмами, олицетворяют эпохи в истории социологии. По работам классиков социологии можно составить целостное представление о ходе эволюции этой научной дисциплины и профессионального сообщества с середины XIX в. до первых десятилетий XXI в.

12.1. Основоположники науки об обществе в XIX веке

Среди множества проектов создания науки об обществе в XIX в. наиболее влиятельными стали идеи Огюста Конта, Герберта Спенсера и Карла Маркса, которые и до сих пор оказывают наибольшее влияние на мышление социологов.

Позитивизм О. Конта

Первым проект создания новой науки об обществе сформулировал французский мыслитель Огюст Конт (1798–1857). Конт был в 1817–1824 г. секретарем графа де Сен-Симона, который разрабатывал концепцию усовершенствования жизни человечества на основе превращения науки и ученых в предмет религиозного почитания. Он активно помогал Сен-Симону в составлении его проектов и впоследствии развил многие из его идей. В 1822 г. в написанном Контом под руководством Сен-Симона «Плане научных работ, необходимых для реорганизации общества» была выдвинута идея создания «социальной

физики» — специальной научной дисциплины, базирующейся на наблюдениях и естественно-научных методах. В 1830–1842 гг. Конт опубликовал свое главное произведение — масштабный шеститомный «Курс позитивной философии», в котором новую науку об обществе предложил назвать *социологией*.

Возможность и необходимость такой науки Конт обосновывал сформулированным им *законом трех стадий интеллектуальной и социальной эволюции*.

На первой стадии, которую Конт называл *теологической*, или фиктивной, люди склонны объяснять наблюдаемые явления прямым и постоянным действием сверхъестественных сил — богов, духов, демонов и т.п. Такая установка мышления превращает любое знание в *теологию*. Исходя из теологических представлений об окружающем мире, люди поддерживают социальный порядок, при котором господствующее положение занимают священники и воины, чей авторитет обусловлен верой в то, что они воплощают божественную волю. Социальный порядок, возникающий на теологической стадии, получил у Конта название *военного общества*.

По мере накопления знаний и совершенствования форм мышления наступает вторая стадия интеллектуальной и социальной эволюции — *метафизическая*, или абстрактная. На этой стадии люди при объяснении наблюдаемых явлений переходят от теологических фикций к абстракциям, то есть к представлениям о действии скрытых в вещах и раскрываемых силой разума принципов и сил. Такая установка мышления превращает любое знание в *метафизику*, т. е. в философские рассуждения об общих принципах бытия, сущности, смысле явлений. Руководствуясь метафизическими представлениями об окружающем мире, люди отвергают прежний социальный порядок и стремятся к созданию общества, соответствующего представлениям о природе или сущности человека, принципам справедливости, естественного порядка и т.п. Невозможность воплотить абстрактные принципы в реальность приводит к тому, что на метафизической стадии не образуется никакого прочного социального порядка. Это эпоха бунтов, революций, переворотов, междоусобиц.

Третья стадия эволюции, названная Контом *научной*, или позитивной, наступает, когда отвлеченное знание — метафизические абстракции — сменяется позитивным, т. е. действительным, знанием — выводами, основанными на описании и систематизации фактов. Установка мышления на открытие «действительных законов явлений» превращает любое знание в *науку*. Опираясь на научные знания, люди ценят действительные, а не мнимые блага и заслуги и поддерживают социальный порядок, при котором доминирующее положение занимают ученые и промышленники, чей авторитет обусловлен их вкладом в научно-технический и экономический прогресс. Социальный порядок, возникающий на научной или позитивной стадии эволюции, Конт обозначил как *мирное промышленное общество*.

На позитивной стадии эволюции человеческого знания может, наконец, возникнуть действительное знание об обществе — социология. Конт выстроил свою концепцию на основе постулата: «идеи управляют миром и переворачивают его». Поэтому социология не только может, но и должна появиться на позитивной стадии эволюции, поскольку она является не просто средством описания и объяснения общества, а служит инструментом формирования и поддержания нового социального порядка — промышленного общества. Социологию Конт рассматривал в качестве завершающей части целостной системы позитивного знания, которая представлена в «Курсе позитивной философии» в виде иерархии основных наук: математика — астрономия — физика — химия — биология — социология. Конт полагал, что на каждой последующей (более высокой) ступени иерархии находится наука, чей предмет сложнее предмета предыдущей и чьи законы формулируются на основе законов, открытых на предыдущей ступени системы наук.

Концепция трех стадий интеллектуальной и социальной эволюции представлена Контом как закон развития человечества, действующий на всем протяжении его истории. Теологическая стадия охватывает период с древнейших времен до конца XIII в., метафизическая — период с XIV до конца XVIII в.; научная, или позитивная, стадия начинается в XIX в. Но в действительности концепция Конта лучше всего моделирует социальные процессы в Европе (а еще точнее — во Франции) в XVIII — середине XIX в., когда феодально-католический «старый режим» был подвергнут массивной критике философами и публицистами эпохи Просвещения, а затем разрушен в ходе Великой французской революции, после которой началось быстрое развитие буржуазного социального порядка — «промышленного общества» в терминологии Конта.

Промышленное общество рассматривалось Контом как воплощение социального прогресса. Промышленность — это производство, базирующееся на научной организации труда и обеспечивающее постоянный рост благосостояния людей. Однако промышленное общество порождает новую социальную проблему — «рабочий вопрос». Промышленность концентрирует большие массы наемных работников, чей уровень жизни низок, а совокупная сила настолько велика, что создает потенциальную угрозу социальному порядку. Решение этой проблемы Конт сначала видел в патронаже (франц. *patronage* — покровительство), т. е. заботе богатых и власть имущих о просвещении и улучшении условий жизни рабочих. Но позднее в четырехтомном труде «Система позитивной политики» (1851–1854) он предложил принципиально другое решение проблемы: рабочий вопрос, как и все прочие проблемы промышленного общества, разрешится с переходом человечества на новую стадию интеллектуальной и социальной эволюции. Эту стадию Конт назвал *новым теологическим синтезом*, поскольку видел в соединении научного знания, способствующего прогрессу, и религиозного чувства, поддерживающего консенсус (согласие

и солидарность всех людей), возможность объединить положительные черты старого и нового типов устройства общества.

Стремясь указать верное направление социальной эволюции и ускорить ее, Конт разработал проект религии Человечества. Обоожествление человечества, которое представляется «Верховным Существом», совершенствующим мир, должно привести к культуре взаимной любви и добровольному стремлению индивидов к порядку и прогрессу. «Верховное Существо» не наблюдаемо и не является предметом научного знания, оно — предмет веры, но веры, опирающейся на всю совокупность научного знания. Именно это знание подводит к мысли о существовании некоей высшей направляющей силы.

Религиозно-социальный проект Конта, безусловно, является утопией, и его появление даже принято было объяснять психическим расстройством основоположника позитивизма. Однако стремление указать на возможность усовершенствования общества на основе открытия закона всемирно-исторического прогресса было общей чертой всех первых проектов науки об обществе.

Эволюционизм Г. Спенсера

Вторым после Конта крупнейшим представителем позитивизма в социологии был английский ученый Герберт Спенсер (1820–1903). Спенсер, как и Конт, не принадлежал к академическому сообществу. Он был учителем, инженером, журналистом и смог посвятить себя занятиям наукой только после того, как получил наследство.

Спенсер признавал контовский проект создания системы позитивного знания, включающего социологию, «замыслом, полным величия», и в ранних своих работах стремился развить и дополнить социологию Конта. Влияние Конта явно проявилось в книге Спенсера «Социальная статика» (1851), где он принял введенное Контом деление предмета социологии на социальную статику (изучение закономерностей воспроизводства социального порядка) и социальную динамику (изучение закономерностей социального прогресса) и изложил концепцию «социального состояния» человечества как состояния гармонии и консенсуса, которое достигается при удовлетворении потребностей индивидов. Однако в последующих работах Спенсер разработал собственный вариант системы позитивного знания. Его «синтетическая философия» охватывает учение о принципах бытия («Основные начала», 1862), о живой природе («Основания биологии», 1864–1867), о человеческом сознании («Основания психологии», 1855–1872), о социальных явлениях и процессах («Основания социологии», 1874–1896), о морали («Основания этики», 1892–1898).

Идеей, объединяющей все эти произведения в целостную систему знания, является *концепция эволюционизма*. Спенсер исследовал эволюцию как всеобщую тенденцию развития, проявляющуюся в росте и усложнении объектов

путем дифференциации их частей, выполняющих различные функции, и интеграции этих частей в единое целое. Общее направление эволюции — движение от *несвязной гомогенности* к *связной гетерогенности*. Эволюция проходит три фазы — неорганическую, органическую и надорганическую; последняя и является предметом социологии.

Социальная эволюция в целом трактуется Спенсером как переход от *военного общества* к *промышленному*. Для первого типа социального порядка характерна принудительная интеграция силой оружия или угрозой нападения извне, для второго — добровольная интеграция в силу взаимозависимости индивидов, выполняющих различные функции и поэтому заинтересованных в сотрудничестве друг с другом. Общество рассматривается Спенсером как *социальный организм*, как целое, объединяющее свои «чувствующие элементы» — индивидов. В процессе эволюции общество растет — т. е. увеличивается число людей, чью жизнь оно организует. Структура общества усложняется: в нем формируются системы органов, специализирующихся на выполнении определенных функций, необходимых для поддержания и развития социального организма. Всякое развитое общество, согласно Спенсеру, имеет три системы органов в соответствии с тремя главными функциями — регулятивной, производительной, распределительной. Каждая система образуется социальными институтами — устойчивыми формами деятельности людей. Социальные институты Спенсер разделил на категории: семейные, обрядовые, политические, церковные, профессиональные, промышленные. Институты поддерживают социальное целое, поскольку предписывают индивидам определенное поведение. Индивиды следуют заданному институтами порядку, поскольку институты обеспечивают удовлетворение их потребностей.

Сравнивая общество с организмом, Спенсер подчеркивал различие между биологическим организмом, в котором части существуют для целого, и социальным организмом, который существует для своих элементов — индивидов. Направление социальной эволюции он определял, исходя из тезиса о том, что свобода индивида — критерий социального прогресса. В своих поздних работах (например, «Человек против государства», 1884) Спенсер сосредоточился на обосновании идеала социального порядка, построенного на принципах конкуренции и уважении индивидами прав и свобод друг друга. В отличие от консервативной по своему характеру утопии Конта утопия Спенсера имеет либеральный характер.

Исторический материализм К. Маркса и проект «научного социализма»

Альтернативой позитивистскому проекту науки об обществе в середине XIX в. была концепция материалистического понимания истории, сформулированная немецким мыслителем Карлом Марксом (1818–1883). Маркс получил

философское и юридическое образование, однако после университета занялся политической журналистикой. За радикально антимонархические и антирелигиозные идеи издаваемая им газета была закрыта прусскими властями, а сам он вынужден был эмигрировать сначала в Париж, позже в Лондон. Живя в Англии на средства, получаемые от своего друга Фридриха Энгельса (1820–1895), Маркс занимался разработкой идеи социального переустройства мира и поддерживал связи с такими же, как он, революционно настроенными интеллектуалами из разных стран.

Проект научного познания общества был представлен Марксом как идея материалистического понимания истории. Серьезное препятствие на пути к анализу выдвинутой им теории представляет то обстоятельство, что она не изложена во всей своей полноте в рамках какой-либо одной работы, специально посвященной этому предмету. Основные положения этой теории сохранились в различных сочинениях, частью не оконченных и не издававшихся при жизни Маркса. Историкам социологии приходится реконструировать его теорию, и представляя комплекс его идей как целостную и связную концептуальную модель, они неизбежно домысливают то, что в его текстах не нашло завершения.

Замысел Маркса, представленный в таких его ранних работах, как «Тезисы о Фейербахе» (1845) и написанная совместно с Энгельсом «Немецкая идеология» (1846), отличает стремление создать «действительную» науку об обществе, основанную на изучении практической деятельности людей и отвергающую философские рассуждения как умозрительные и абстрактные. В данном контексте надо учитывать, что Маркс был знаком с работами Конта и категорически не принял ни его идей, ни самое понятие «социология». Однако в рукописи «Немецкой идеологии» (1845–1846) цель материалистического понимания истории он сформулировал практически в терминах Конта и писал о замене спекулятивной философии «действительной, позитивной наукой» (*wirkliche, positive Wissenschaft*). В этом отношении проект Маркса похож на позитивистский проект Конта, но в отличие от Конта Маркс полагал, что «управляют миром» не идеи, а материальные интересы, обусловленные участием людей в производстве и распределении благ.

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс в форме полемики с философскими идеями последователей Г. В. Ф. Гегеля раскрывают основания собственного теоретического подхода к изучению общества. Историко-материалистическая теория общества изначально развивается как антропоцентричная. Ее центральными категориями являются «человек» и «деятельность». «Человек» интерпретируется в теории общества Маркса и Энгельса как «носитель сознания» и «деятель». Согласно историко-материалистическому подходу человек производит себя и свою материальную среду через деятельность, направленную на удовлетворение первичных потребностей. Именно способ деятельности, отличающий человека от животного, и стимулирует постепенное

развитие общества. Специфической чертой этого способа деятельности Маркс и Энгельс считают воспроизводство «вида жизнедеятельности и определенного образа жизни».

Функциональными предпосылками возникновения общества выступают в этой теории следующие: необходимость удовлетворения первичных потребностей, возникновение новых потребностей, совместная деятельность, установление «социальной связи» поколений, вызревание первых форм «самосознания общества». Структурные компоненты общества — это «производительная сила» (способ деятельности), «общественное состояние» (распределение деятельности и ее результатов) и «сознание» (рефлексия общества как специфический вид деятельности).

Из философии Гегеля Маркс и Энгельс заимствовали концепцию диалектики развития «самосознания». Авторы «Немецкой идеологии» применили это понятие к анализу динамики развития общественной саморефлексии. Динамика возникновения общественного самосознания, согласно классикам исторического материализма, — это стадии, которые исторически проходит общество («производительная сила», общественное состояние и сознание) в направлении осознания самого себя. Таким образом, общество трактуется в качестве динамически развивающейся совместной деятельности людей, историческим результатом которой и становятся производительные силы, общественное состояние и сознание. *Производительные силы — это «способ совместной деятельности», порождающий соответствующие ему «общественное состояние» и «общественные отношения».*

Динамика оформления саморефлексии общества в отдельную сферу его жизнедеятельности соответствует динамике развития производительной силы и общественного состояния. На самых ранних стадиях социальной жизни общество производит рефлексю по поводу самого себя посредством проекции сознания на природу. Здесь общественное самосознание предстает как обожествление природы. В процессе закрепления разделения труда на материальный и духовный производится «эмансипация сознания от мира» и превращение его в собственный предмет познания.

Согласно Марксу и Энгельсу разделение труда приводит к формированию «первой группы идеологов — священства». Религия, философия, мораль и социальные учения трактуются в рамках исторического материализма как исторические формы самосознания общества. В его концептуальном аппарате проблема установления и преобразования социальных форм саморефлексии общества предстает как постепенное формирование различных видов идеологии. Маркс и Энгельс впервые в истории социальной мысли связали на методологическом уровне движение самосознания общества с развитием материальной среды (производительной силы) и с общественным состоянием.

Историческим измерением духовного самопроизводства общества является история идеологий. Различные формы идеологии — мораль, религия, ме-

тафизика — неотделимы от общества: «у них нет истории, у них нет развития» отдельно от общества. Таким образом, идеологии представляют не самое себя, а историю самосознания общества. Общество развивается, проходя через фазы разделения труда. Именно разделение труда, а не некая внешняя по отношению к обществу субстанция («чистая идея»), является причиной его развития. Согласно Марксу и Энгельсу каждая новая ступень развития характеризуется усложнением и углублением системы разделения труда по сферам материального и духовного производства. «Вместе с разделением труда, — отмечается в «Немецкой идеологии», — дано и противоречие между интересом отдельного индивида или отдельной семьи и общим интересом всех индивидов, находящихся в общении друг с другом»¹. Это противоречие и приводит к превращению «общего интереса» в первую форму идеологии — государство. Таким образом, развитие производительной силы (разделение труда) и общественного состояния (распределение труда и его продуктов) имеет своим следствием движение сознания. Рефлексия общества, соответственно, развивается от осознания себя в качестве родовой общности через проекцию на природу к самосознанию через идею политической общности, воплощенную государством.

Материалистическая трактовка развития общества, представленная в «Немецкой идеологии», получила продолжение в предисловии к книге «К критике политической экономии» (1859). В этом небольшом по объему тексте можно обнаружить схему масштабной теории, так никогда и не разработанной Марксом детально.

Анализ работы «К критике политической экономии» позволяет сделать вывод, что *Маркс трактовал общество как систему отношений, характер которой определяется способом производства материальных условий жизни людей*. Под способом производства он понимал исторически складывающийся комплекс, включающий производительные силы (применяемые ресурсы и технологии) и производственные отношения (формы собственности и организации труда). Способ производства определяет то, как люди взаимодействуют друг с другом, что составляет их образ жизни и, следовательно, что и как они осмысливают и оценивают в окружающем их мире. Структура экономических отношений составляет тот «базис», на котором развивается «надстройка» — структуры политических, правовых, семейных отношений, формы религии, морали, идеологии. Вся совокупность общественных отношений, в которой структуры базиса и надстройки образуют единую систему, называется у Маркса общественной формацией. История — это процесс развития и смены формаций. Материалистическое понимание истории заключается в открытии последовательности сменяющихся один другим способов производства и, сле-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. Т. 3. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1955. С. 31.

довательно, формаций как типов общественного устройства. В работе «К критике политической экономии» (1859) Маркс выделил *азиатский, античный, феодальный и буржуазный* способы производства, которые образуют основу, соответственно, четырех ступеней прогресса социально-экономической формации. Маркс был убежден, что буржуазный способ производства станет последней ступенью развития антагонистических обществ, построенных на эксплуатации и неравенстве. После крушения формации, в основе которой лежит частная собственность на средства производства, возникнет коммунистическое общество, в котором исчезнут собственность и неравенство, реализуется полная свобода человека и будет достигнуто полное удовлетворение человеческих потребностей.

Знание закономерностей социально-исторического развития нужно было Марксу для обоснования программы политической борьбы и преобразования общества на принципах ликвидации собственности, неравенства, государственной власти. Концепция такого преобразования была изложена в «Манифесте коммунистической партии» (1848), автором которого был не только и не столько Маркс, сколько его друг Энгельс. Энгельс схематизировал и популяризировал идеи Маркса. Усилиями Энгельса, редактировавшего и издававшего рукописи Маркса, комментировавшего его труды и развивавшего его критику капитализма, марксизм был превращен в утопическую концепцию «научного социализма» — доктрины, согласно которой капиталистическое общество с неотвратимостью развивается в направлении нарастания противоречия между «общественным характером труда» и «частным характером присвоения его результатов» и классового антагонизма между рабочими и предпринимателями. Разрешением главного противоречия современного общества должен стать революционный переворот, который неизбежно совершит организованное рабочее движение.

Энгельс стремился доказать, что идеи Маркса позволяют раскрыть не только законы развития капиталистического общества, но и вообще все законы бытия и мышления. В таких его работах, как «Анти-Дюринг» (1878)², «Диалектика природы» (1873–1882), «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884), марксизм представлен в качестве всеохватывающей системы знания, в которую входят натурфилософия, история, политическая экономия, научный социализм. Именно эти работы Энгельса, а не идеи самого Маркса были с энтузиазмом восприняты на рубеже XIX–XX вв. идеологами леворадикальных партий и движений, именовавших себя марксистскими.

² Книга составлена из полемических статей, направленных против идей немецкого философа Евгения Дюринга, но одновременно представляющих идеи Маркса в качестве учения, раскрывающего законы природы, мышления, общественного устройства и исторического развития.

Протосоциологические концепции

Труды О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса, Ф. Энгельса объединяет общая идея разработки не философского, а собственно научного подхода к изучению социальных явлений и процессов. Создание специальной науки об обществе — это основная проблематика, определившая содержание позитивистских и материалистических концепций середины — конца XIX в. Идея науки об обществе сформировалась как реакция на умозрительный, метафизический характер предшествующей философии истории. Тем не менее невозможно квалифицировать позитивизм Конта, эволюционизм Спенсера исторический материализм Маркса, научный социализм Энгельса как собственно социологические концепции. Несмотря на намеренно антифилософскую постановку проблемы создания науки об обществе, их исследовательский подход — выведение универсального закона развития человечества в рамках универсальной мировоззренческой доктрины — остается скорее философским. В то же время именно Конт, Спенсер, Маркс наполнили социальным содержанием такие биологические, политэкономические, юридические термины, как «эволюция», «функция», «структура», «производство», «классы», «институт», «норма» и т. д., тем самым заложив основы понятийного аппарата современной социологии. С учетом этой двойственности корпус трудов Конта, Спенсера, Маркса, Энгельса, а также менее известных ныне мыслителей — Дж. С. Милля, Л. фон Штайна, А. Шеффле — следует квалифицировать как *протосоциологические*.

12.2. Первые классики социологии на рубеже XIX и XX веков

На рубеже XIX и XX вв. наиболее актуальной проблематикой для социологов стало определение *предмета и метода* их науки. Определение сущности социального и способа его познания было важно в условиях формирования самостоятельных научных дисциплин внутри корпуса социогуманитарного знания. Социология могла претендовать на место в ряду других наук только при условии отделения ее предмета и метода от предметных областей и методов истории, политической экономии, этнографии и, что было особенно важно в конце XIX в., психологии. Идея о психической сущности социальных явлений и о тождественности социологии и социальной психологии была весьма популярна среди исследователей общества благодаря работам Габриеля Тарда, Гюстава Лебона во Франции и Лестера Уорда в США. Полемика с психологизмом стала отправным пунктом формирования классической теоретической социологии, представленной трудами Эмиля Дюркгейма, Макса Вебера, Фердинанда Тённиса, Георга Зиммеля.

Социологизм Э. Дюркгейма

Решающую роль в развитии представлений о предмете и методе социологии сыграла концепция *социологизма*, разработанная французским ученым Эмилем Дюркгеймом (1858–1917). Дюркгейм был академическим ученым. Свою докторскую степень по юриспруденции он получил за работу по существу социологическую и через несколько лет добился официального признания новой науки, когда впервые во Франции его университетскую должность стали именовать «профессор социологии».

В работе «Правила социологического метода» (1895) Дюркгейм выдвинул тезис о том, что социология возникает и должна развиваться как самостоятельная наука потому, что существует реальность особого рода, не исследуемая ни одной другой наукой. Эту реальность образуют *социальные факты* — «способы мышления, деятельности и чувствования, находящиеся вне индивида и наделенные принудительной силой».

Социальным фактом является всякий способ действий, избираемый индивидами в силу того, что они принимают во внимание ценности других людей, правила их поведения или стремятся подражать их действиям. Этот способ получает распространение в определенном сообществе и сохраняет свои существенные черты независимо от индивидуальных ситуаций его проявления. Независимое от индивида существование социальных фактов предполагает, что изучать их нужно «подобно вещам», т. е. так же, как изучаются материальные объекты в естественных науках. Основным для естественных наук методом, считал Дюркгейм, является экспериментальный метод, но для социологии он недоступен, поскольку сложно или даже невозможно при изучении социальных фактов создать искусственную, контролируемую и управляемую исследователем экспериментальную ситуацию. Методом социологии должен быть сравнительно-исторический анализ «данных опытного порядка». История человечества рассматривалась Дюркгеймом как тот естественный эксперимент, который предоставляет социологу огромное количество эмпирических данных в виде статистических, этнографических, архивных и иных материалов.

Свой подход к пониманию предмета и метода социологии Дюркгейм применил в исследовании конкретных социальных фактов еще до того, как сформулировал и обнародовал этот подход в виде «правил». В работе «О разделении общественного труда» (1893) он обосновал тезис о том, что функцией разделения труда является поддержание единства — социальной солидарности. Дюркгейм выделил два типа солидарности: 1) *механическую солидарность*, которая возникает в силу общности верований и чувств, когда люди поддерживают отношения с теми, кто походит на них образом мыслей и образом жизни; 2) *органическую солидарность*, возникающую в силу разделения по роду деятельности, когда люди поддерживают отношения с теми, кто отличается от них

по образу мыслей и образу жизни, но в чьей деятельности они нуждаются для удовлетворения своих потребностей.

Механическая и органическая солидарности — это два аспекта интеграции общества, присутствующие в виде «коллективного сознания» и «системы функций». Соотношение двух типов солидарности Дюркгейм предложил определять эмпирически — по соотношению в общей совокупности правовых норм «репрессивных» (относящихся к уголовному праву и предусматривающих санкции, карающие за поступки, противоречащие «коллективному сознанию») и «реститутивных»³ (относящихся к гражданскому праву и предусматривающих санкции, восстанавливающие нарушенный порядок распределения и выполнения функций). В современном обществе, в отличие от архаических форм социального порядка, органическая солидарность является доминирующим типом. При помощи концепции двух типов социальной солидарности современные ему тенденции гуманизации правовой системы, индивидуализации образа жизни, уважения прав и свобод личности Дюркгейм объяснял социологически: изменения нравов обусловлены изменениями общественного устройства.

Концепцию социальной солидарности Дюркгейм использовал и в другой своей работе, также вошедшей в число классических, — исследовании «Самоубийство» (1897). В этом исследовании он стремился доказать, что удовлетворительное объяснение статистических данных, демонстрирующих различия в количестве самоубийств в разных странах, разных этнических и религиозных общностях, разных демографических категориях, может быть только социологическим. Количество самоубийств зависит от степени социальной интеграции — включенности индивидов в социальные группы и общности. Снижение степени социальной интеграции ведет к увеличению числа самоубийств *эгоистического* типа, обусловленных слабостью влияния на индивидов социальных (групповых) норм, следование которым организует индивидуальную жизнь и придает ей смысл. Именно относительно низкой степенью социальной интеграции (и, следовательно, более индивидуалистическим образом жизни) объясняется, согласно Дюркгейму, более высокая частота самоубийств в городе по сравнению с деревней, среди людей одиноких по сравнению с семейными, среди протестантов по сравнению с католиками. Чрезмерное повышение степени социальной интеграции ведет к увеличению числа самоубийств *альтруистического* типа, обусловленных «поглощением» индивидуальности «коллективным сознанием», которое обязывает людей жертвовать собой во имя общества (социальной группы). Третий выделенный Дюркгеймом тип — *аномическое* самоубийство. Еще в трактате «О разделении общественного труда» ученый рассматривал *аномию* как ситуацию неопределенности норм: отсутствие постоянных, изначально и ясно заданных общих

³ От лат. *restitutio* — восстановление.

ориентиров и конкретных правил поведения ведет к развитию чувства отчужденности от общества, к распространению конфликтного и саморазрушительного (вплоть до самоубийства) поведения⁴. Выход из состояния аномии, характерного для современного ему общества, Дюркгейм видел в развитии новых социальных групп — профессиональных корпораций, свободных от средневековой замкнутости и способных выполнить функцию нормативной регуляции, обеспечить индивидам чувство общности и защищенности.

Концепция социологизма Дюркгейма основывалась на идее о том, что социальная реальность является реальностью *sui generis* (лат. «особого рода»), которая не просто существует независимо, но доминирует над индивидуальной реальностью. Радикальные сторонники этой идеи сформировали традицию «социологического реализма» в трактовке предмета и метода социологии.

Понимающая социология М. Вебера

Противоположную «социологическому реализму» традицию — «социологический номинализм» (от лат. *nomen* — имя) — сформировали те, кто придерживались противоположной точки зрения: «социальная реальность» не существует независимо от индивидов — этим именем обозначается совокупный эффект индивидуальной деятельности. Наиболее удачное и актуальное по сей день решение проблемы предмета и метода социологии в духе «номинализма» было дано в концепции *понимающей социологии*, разработанной немецким ученым Максом Вебером (1864–1920).

Как и Э. Дюркгейм, Вебер посвятил себя академической карьере, получил докторскую степень в области права. Однако подлинным его призванием стала социология, в которой он видел не только перспективное направление науки, но и инструмент политической деятельности. Политическая карьера Вебера не была успешной, а его научное наследие продолжает вдохновлять социологов и поныне.

На основе своих ранних работ по экономической истории Античности и Средневековья, в которых исследовалась взаимосвязь хозяйственных форм и правовых институтов, Вебер пришел к идее социологического изучения экономических феноменов. Этот подход блестяще реализован в самом известном произведении ученого — цикле статей «Протестантская этика и дух капитализма» (1904–1905), где на большом историческом и статистическом материале прослежены сходство и даже преемственность между принципами практи-

⁴ Дюркгейм аналитически выделял и четвертый тип — фаталистическое самоубийство, обусловленное чувством бессилия и отчаяния, возникающим в условиях чрезмерной или даже тотальной регуляции индивидуальной жизни социальными (групповыми) нормами. Дюркгейм не анализировал этот тип подробно, поскольку считал его слишком редко встречающимся. Однако именно этот тип самоубийства становится распространенным в XX в. в условиях тоталитарных режимов.

ковавшего протестантами мирского аскетизма (строгая самодисциплина, посвящение себя хозяйственной деятельности как служению) и принципами капиталистической организации промышленности и торговли. В качестве общей основы протестантской этики и духа капитализма представлена характерная для западной цивилизации в целом *рациональность* — отношение к миру с точки зрения целесообразности, упорядоченности, полезности, эффективности.

Параллельно историко-социологическим исследованиям и на основе их результатов Вебер разрабатывал свою методологическую концепцию, ключевой категорией которой стало понятие идеального типа. Осмыслению специфики теоретико-методологического подхода понимающей социологии, ее предмета и дисциплинарных рамок посвящена его статья «“Объективность” социально-научного и социально-политического познания» (1904). Вебер считал, что перед социологом стоит задача построения идеально-типических конструкций того или иного феномена. Вне такого конструирования понимание представлялось ему невозможным. Суть идеально-типического конструирования как метода состоит в исследовании конкретного социального феномена во всем его многообразии, уточнении его специфических черт и последующем усечении частных характеристик. Полученный идеальный тип — это методологическая конструкция, которая должна применяться в дальнейшем к изучению такого рода феноменов.

Особенность веберовской методологии состоит в создании и использовании двух вариантов идеально-типических конструкций реальности — «аналитического» и «исторического». К аналитическим идеальным типам относятся, например, «типы легитимного господства» и «типы социального действия», к историческим — конкретные типы господства: патримониализм, феодализм, современная бюрократия и т. д. При создании «аналитических» типов феномену, относительно которого строится идеальный тип, приписываются «пропозициональные качества». При создании «исторических» типов упор делается на дескриптивные характеристики феномена, т. е. в идеально-типической конструкции в большей степени учитываются конкретные историко-культурные особенности.

Идеальный тип — это теоретическая конструкция, выражающая наиболее характерные черты изучаемого явления и служащая средством упорядочения эмпирического материала.

Такие идеальные типы, как «капитализм», «христианство» и т. п., являются не эмпирическими обобщениями, а абстрактными моделями, предлагающими целостную, логически непротиворечивую «мысленную картину»

(*Gedankenbild*) и раскрывающими «культурный смысл» соответствующего феномена. Соотнося идеальный тип как «рациональную утопию» с реальностью и выявляя расхождения между ними, социолог может формулировать общезначимые утверждения о социально-историческом смысле явлений, не упуская из виду их индивидуальных черт. Первоначально рассматривавшийся как вспомогательное средство образования и анализа научных понятий, идеальный тип стал важнейшим методологическим средством в рамках выдвинутой Вебером концепции понимающей социологии.

В работе «О категориях понимающей социологии» (1913) был сформулирован тезис о том, что предметом социологии должно быть *социальное действие*, которое можно объяснить, только поняв вкладываемый в него смысл. Идеально-типическая реконструкция смысла социального действия — это, по мысли Вебера, то «понимающее объяснение», которое отличает социологию как от «наук о природе» с их механистическим объяснением, так и от «наук о духе», которые оперируют пониманием, основанным на «сопереживании». Социальным действием Вебер называл такое *действие, которое по предполагаемому действующим индивидом смыслу соотносится с действиями других людей и ориентировано на них*. По степени осмысленности и в зависимости от того, какой смысл связывается с действием, были выделены четыре типа социального действия. *Целерациональное* действие характеризуется сознательным соотносением целей, средств и возможных последствий совершаемого поступка. *Ценностнорациональное* действие основывается на вере в безусловную ценность (этическую, религиозную, эстетическую и т. п.) совершения определенных поступков, независимо от их последствий. *Традиционное* действие основывается на длительной привычке совершать определенные поступки. *Аффективное* действие обусловлено сильными переживаниями — эмоциями страха, гнева, любви и т. п.

Согласно Веберу «объективация» социального действия представляет собой постепенное формирование действий на основании согласия — возникновение «объединений в общества» и «целевых союзов». Основанием объединения в общества и союзы является согласие — «консенсус» участников относительно средств, целей и порядка действий. Вебер проводит различие между «целевыми союзами» и «институтами». В рамках института действие определяется по преимуществу наличием «рациональных установлений и аппарата принуждения». Деятельность членов союза ориентирована не на установления, а на согласие. Границы превращения союзов в институты размыты, но в динамике развития социальных объединений союз предшествует институту. Специфика возникновения и закрепления институтов в качестве «рационально упорядоченной деятельности» заключается в их насильственном внедрении. Установление института понимается Вебером как «насильственное введение определенного порядка».

Наряду с типологией социального действия важной составляющей социологии Вебера является типология господства, т.е. такой формы власти, которая основана на легитимности — вере подчиняющихся в правомочность приказов властвующих. Вебер выделил три типа господства: 1) рациональное (или легальное), основанное на вере в законность процедур осуществления власти; 2) традиционное, основанное на вере в незыблемость привычных инстанций власти; 3) харизматическое (от греч. *charisma* — божественный дар), основанное на вере в сверхъестественные качества — святость, гениальность властителя.

Дальнейшее развитие и обобщение концепций рациональности, социального действия, господства, предпринятые Вебером в работе «Хозяйство и общество», оставшейся незавершенной и опубликованной в 1921 г., уже после смерти автора, привели к созданию концепции рационализации как «судьбы Запада», воплощением и носителем которой является рациональная бюрократия.

Немецкие классики социологии в тени Вебера (Ф. Тённис и Г. Зиммель)

Макс Вебер по праву считается классиком не только немецкой социологии: на его идеях во многом строится современная теоретическая мысль в самых разных направлениях социологических исследований. Проблемы становления социологии заняли центральное место также в работах его современников и соотечественников Фердинанда Тённиса и Георга Зиммеля. Их труды надолго определили проблематику теоретической социологии и образовали тот фундамент, на котором базируется вся современная западная социология. Ни одна из новейших теорий не обходится без ссылок на категории и концепции немецкой классической социологии конца XIX — начала XX в.⁵

Фердинанд Тённис (1855–1936) стоял у истоков немецкой социологии. Основная исследовательская тема научного творчества Тённиса — социальные формы в их генезисе и эволюции. Этой теме посвящены главные его труды, прежде всего многократно издававшаяся работа «Общность и общество». Первое издание этого труда в 1887 г. носило черты влияния коммунистических идеалов и марксизма, что отразилось уже в подзаголовке: «Сочинение о коммунизме и социализме как эмпирических формах культуры». В последующих изданиях он был снят из-за усиления критического отношения автора к идеям Маркса. В этой работе речь идет о двух типах объединений людей, о формообразующих принципах человеческого бытия. Такими типами высту-

⁵ В разделе, посвященном творчеству Ф. Тённиса и Г. Зиммеля, использован материал, любезно предоставленный в 2004 г. выдающимся специалистом по истории немецкой социологии проф. Р.П. Шпаковой (1939–2006).

пают *общность* (*Gemeinschaft*) — «органичное» объединение, возникающее на основе родовых, соседских, дружеских отношений, и *общество* (*Gesellschaft*) — «формальное» объединение на основе рациональных, контрактных отношений. Общность и общество можно рассматривать, с одной стороны, как конструируемые чистые типы, используемые в качестве моделей социальной организации, а с другой — как исторически существующие формы бытия, наполненные конкретным содержанием. Динамика их взаимных переходов составляет сущность исторического процесса. Несмотря на то что Тённис, изначально занимавшийся Античностью, испытал воздействие самых разных европейских гуманитарных идей — например, идей Гоббса и Конта, он всегда оставался представителем именно немецкого обществоведения. Это выражается не только в его апелляции к Марксу и Ницше, но и в приверженности к упорядоченности категорий, к принятым и устоявшимся в немецкой мысли трактовкам социального бытия, методологических принципов его познания, в использовании таких категорий, как «воля», «форма» и т. п. Представленная Тённисом систематизация форм социальности стала основанием для причисления его к теоретикам формальной социологии, расцвет которой пришелся на 1920-е годы. Повод для такого причисления был: уже общность и общество рассматривались им как абстрактные формальные образования; кроме того, он обстоятельно описывал формы социальной жизни, в число которых включал отношения, группы, корпорации.

Тённис приложил много усилий для разработки оснований социологической науки, ее предмета и структуры. По его мнению, социология невозможна без философской базы, а методологически и содержательно она тесно связана с психологией. Из психологии он черпал идеи о волевом взаимодействии людей и перенес понятие социальной воли в сферу социологии. Здесь она играет у него двоякую роль: с одной стороны, роль начала, объединяющего форму и позволяющего разграничивать формы друг от друга, а с другой — роль моста, соединяющего два различных методологических подхода, а именно идеографического и номотетического. Логика такого шага Тённиса объясняется его стремлением уйти от крайностей субъективизма, господствовавшего в немецком обществоведении, и близкого позитивизму объективизма, преобладавшего в европейской социальной мысли. Эту логику он представил в статье «Развитие социологии в Германии» (1908). Того же подхода сближения крайних позиций он придерживался в разработках инструментария социологии, а именно в концепции так называемых нормальных понятий, предвосхищавшей концепцию идеальных типов Вебера. Другое дело, что, по собственному признанию Тённиса, сделанному им в работе «Введение в социологию» (1931), его гносеологическое обоснование применимости нормальных понятий уступает веберовскому. Пережив Вебера на полтора десятилетия, Тённис, по сути, пережил и собственную социологию. После исчерпания в 1920-х годах классической исследовательской повестки, сфокусированной на проблематике

предмета и метода новой науки, он не смог создать ничего столь же значимого, как «Общность и общество»

Георг Зиммель (1858–1918) был наименее успешен среди других ведущих социологов Германии. Это объясняется неопределенностью, рыхлостью его ключевых позиций, обращением к темам, лишь опосредованно связанным с социологией, отсутствием широкой известности его трудов среди современников. Трудность однозначной интерпретации его сочинений состоит и в том, что значительная часть из созданного, но неопубликованного им считается утраченной в период национал-социалистической диктатуры, хотя поиски неустанно продолжаются и сейчас.

В работе «Основные вопросы социологии» (1917) Зиммель делит социологию на общую, чистую и историческую. Общая социология изучает философские основания человеческого сосуществования и в духе Канта анализирует диалектику индивидуального и социального. Чистая социология изучает устойчивые и повторяющиеся формы межличностных взаимодействий, условия возникновения чистых социальных форм. Историческая социология изучает процесс развития и преобразования социальных форм в конкретных исторических контекстах.

В качестве центрального понятия социологии у Зиммеля выступает категория взаимодействия. Она распространяется им как на межличностные отношения, так и на отношения межгрупповые. Сама же социология определяется им как наука о процессах и формах взаимодействия, а общество — как совокупность форм и систем взаимодействия. Серьезный теоретический труд Зиммеля «Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования» (1890) предлагает «плавающую» трактовку общества, что дало сильный козырь критикам для обвинения его в релятивизме. Вместе с тем Зиммель определяет социологию как геометрию социальных форм, предмет которой — жесткие социальные формы. Их тщательная разработка в труде «Социология. Исследования форм обобществления» (1908) дала оппонентам Зиммеля повод в очередной раз упрекнуть его в непоследовательности и увереннее отнести к теоретикам формальной социологии, действительно выросшей в значительной степени на его категориях и градациях форм, противостоящих содержанию.

12.3. Новые классики социологии XX века

В середине 1920-х годов в социологии наметилась смена основной проблематики исследовательской работы. Дискуссии предшествующего периода о том, какой должна быть социология, что является ее предметом и каковы ее методы, сформировали концептуальную традицию, т. е. практику использования социологами специального понятийного аппарата, включающего в ка-

честве общепринятых такие понятия, как «действие», «отношение», «группа», «статус», «система», «функция», «структура», «ценность», «норма», «институт» и т. д. Эта концептуальная традиция определила специфику социологии, ее автономное положение в ряду других социогуманитарных дисциплин — философии, истории, экономики, психологии. Но созданные классиками типологии и классификации форм социального взаимодействия, социальной интеграции и солидарности, социальных общностей и групп не образовывали единой концептуальной системы, т. е. теории. С другой стороны, в ходе эмпирических исследований шло накопление фактического материала, объем и разнообразие которого были велики и требовали систематизации. Актуальной стала проблематика *теоретического синтеза*, т. е. создания общесоциологической теории, которая синтезировала бы теоретические достижения предшествующего периода (идеи классиков) и смогла бы обобщить результаты, полученные эмпирической социологией. Эта проблематика доминировала на протяжении 1920–1950-х годов и определила направленность работ социологов, получивших признание в качестве *новых классиков социологии*.

Интегральная социология П. Сорокина

Первым, кто стал энергично и успешно разрабатывать новую проблематику, был эмигрировавший в 1922 г. из России в Европу и затем работавший в США Питирим Сорокин (1889–1968). Питирим Александрович Сорокин внес большой вклад в институционализацию социологии в России в первые годы господства в ней советского режима. Он участвовал в основании социологических кафедр и факультетов, чтении учебных курсов и издании учебников. В 1920 г. Сорокин опубликовал монументальный обобщающий труд «Система социологии». Но будучи критически настроен по отношению к власти большевиков, он вынужден был уехать из страны и продолжить работу по систематизации социологических понятий и теорий уже в США. Еще в первоначальный период своего творчества Сорокин заслужил право именоваться классиком российской социологии, однако его академическая карьера в США, где он создал свои основные труды, стал создателем социологической школы в Гарвардском университете и был избран президентом Американской социологической ассоциации в 1965 г., выдвинула его в число классиков мировой социологии.

В работе «Современные социологические теории» (1928), ставшей на десятилетия образцом для американской академической социологии, Сорокиным дана систематизация всех классических концепций, и современная ему социология представлена как интегральный корпус идей и методов, разработанных в XIX — начале XX в. Сорокин настаивал также на соединении теоретической и эмпирической социологии, критикуя как отвлеченное теоретизирование, не базирующееся на эмпирических обобщениях, так и бессмысленный сбор тривиальных фактов при помощи научных методик — «социологию пустяков».

Свой подход, позднее названный им *интегрализмом*, Сорокин применил при разработке теории социальной стратификации и мобильности, а также теории социокультурной динамики. В новаторской книге «Социальная мобильность» (1927), оказавшей сильное влияние на исследования неравенства и характеристик системы социальных статусов в США, он рассматривает общество как *социальное пространство* — совокупность статусов, т. е. позиций, характеризующихся объемом доступных индивиду благ, набором прав и обязанностей. Социальное пространство стратифицировано: группы статусов, близких по своим характеристикам, образуют страты (лат. *stratum* — слой), организованные в иерархический порядок. Указывая на относительную правоту таких исследователей неравенства, как К. Маркс, М. Вебер, В. Парето, П. Сорокин обобщает их подходы в концепции трех измерений и, соответственно, трех видов стратификации: экономической (по уровню богатства), политической (по уровню власти), профессиональной (по уровню престижа — общественного признания квалификации или рода занятий). В социальном пространстве индивиды и группы могут перемещаться, изменяя свой статус. Это и есть социальная мобильность.

Стратификация и мобильность рассматриваются Сорокиным как два необходимых и взаимосвязанных аспекта общественной жизни. Их формы и флуктуации (лат. *fluctuatio* — колебание) прослежены им на гигантском статистическом и историческом материале. Концепция многомерности стратификации и предложенные Сорокиным способы эмпирического определения (измерения уровня) статусов вошли в практику исследований. Тем самым была достигнута такая интеграция теоретической и эмпирической составляющих социологии, при которой эмпирическое содержание формирует фундамент теоретизирования, определяет основу развития этой науки, а теоретическое содержание определяет достигнутый уровень ее развития и направление дальнейших исследований.

В четырехтомном труде «Социальная и культурная динамика» (1937–1941) Сорокин представил масштабную теорию общественного развития как последовательности идеациональной, идеалистической и чувственной социокультурных систем. В основе каждой системы лежит особого типа «ментальность», которая в виде ценностей, мировоззрения, умонастроения определяет характер всех сфер жизнедеятельности — научного познания, религии, искусства, экономики, политики, права и т. д.

Идеациональная система развивается на основе представлений об абсолютной реальности и ценности сверхчувственных сущностей: Бога, души и т. п. Идеациональными являются социокультурные системы архаической Греции (IX–VII вв. до н. э.) и средневековой Европы (V–XIII вв.). Чувственная система развивается на основе представлений об абсолютной реальности и ценности материального мира, поэтому общественная жизнь строится на основе прагматического и потребительского отношения людей к окружающему

миру, к другим людям и к собственной деятельности. Чувственными являются социокультурные системы эллинистическо-римской цивилизации (III в. до н. э. — IV в. н. э.) и современного Запада (XVII–XX вв.). Идеалистическая система носит промежуточный, переходный характер, поскольку в ней совмещаются и уравнивают друг друга идеациональные и чувственные элементы. Идеалистическими являются социокультурные системы Древней Греции классического периода (VI–IV вв. до н. э.) и Европы эпохи Возрождения (XIV–XVI вв.).

Теорию динамики развития и циклической смены социокультурных систем Сорокин строит как ряд эмпирических обобщений, фиксирующих синхронные изменения в различных сферах системы. На основе анализа кризисных тенденций первой половины XX в. он делает вывод о скорой смене чувственной системы новой формой идеациональной системы.

Масштабность схемы описания и объяснения исторического пути западной цивилизации и ожидания, связываемые с преодолением кризиса в новой социокультурной системе, сближают теорию Сорокина с протосоциологическими концепциями О. Конта, К. Маркса, Н. Данилевского. Однако внешне сходные результаты получены различными методами. Сорокин выстраивает социологическую модель, объясняющую эмпирически фиксируемые тенденции, а не формулирует «естественно-исторический» закон. Эти тенденции были выявлены не одним Сорокиным, а целым коллективом исследователей, собравших огромный объем исторического материала, подвергнувших его статистической обработке и тем самым подготовивших значительную часть материалов для данного проекта. Среди них были и такие крупные социологи, как Н. Тимашев и Р. Мертон.

Структурный функционализм Т. Парсонса и Р. Мертонса

С середины 1930-х годов свою версию общесоциологической теории развивал американский социолог Талкотт Парсонс (1902–1979). Парсонс изучал биологию и медицину в колледже, но затем сменил специализацию и отправился изучать социологию в Англию и Германию. После защиты диссертации он вернулся в США и стал работать в Гарвардском университете, где социологический департамент возглавил П. Сорокин. В дискуссиях с Сорокиным и в интеллектуальной и административной конкуренции с ним Парсонс окончательно сложился как оригинальный теоретик. В 1946 г. в университете Гарварда был создан факультет социальных отношений, деканом которого стал уже Парсонс.

С научным вкладом Парсонса связано формирование теоретической социологии как самостоятельной дисциплины в США. Предложенный им теоретико-методологический подход четко обозначил совершенно новый вектор развития социологии. Принципиальная новизна этого подхода состояла в по-

пытке создания многоуровневой парадигмы социологического анализа, основанной на конвергентном использовании научных теорий, разработанных в Европе и Америке. Исключительно благодаря таким монографическим трудам Парсонса, как «Структура социального действия» (1937) и «Социальная система» (1951), в научный дискурс США и Канады вошли концепции М. Вебера, Э. Дюркгейма, В. Парето, З. Фрейда, Б. Малиновского.

В работе «Структура социального действия» Парсонс представил все предшествующие теории — концепции Спенсера, Дюркгейма, Вебера, Парето и др. — в качестве корпуса идей, подводящих к раскрытию общей проблемы социологии, каковой является описание и объяснение социального действия. Опираясь на понятие структуры действия, Парсонс в последующих работах, среди которых особенно важны «Социальная система» и «К общей теории действия» (1951), создал общую теорию действия и в качестве ее составляющей — теорию социальной системы.

Центральные понятия волюнтаристической теории действия — «телеологическое действие» и «эмерджентная система действия». В монографии «Структура социального действия» Парсонс выдвигает базовый теоретико-методологический тезис об имманентном возникновении («эмерджентности») в европейской традиции социальных наук новой «теоретической системы», названной им «волюнтаристической теорией действия». Организующая идея всего исследования заключалась в аксиоматическом постулировании возможности конвергенции структурных компонентов отобранных теорий А. Маршалла, В. Парето, Э. Дюркгейма и М. Вебера в рамках новой теоретической системы — системы действия.

Волюнтаристическая теория действия трактуется Парсонсом как теоретическая система, поскольку включает в себя понятия трех типов, логически тесно связанных друг с другом — аналитические элементы, систему координат и структуру. Их соединение образует логически замкнутую систему действия.

Основной аналитической единицей (аналитическим элементом) системы действия является «единица действия». В ее состав входят четыре обязательных (нормативных для ее вычленения) структурных компонент: «актор» (деятель, совершающий действие); «цель», на которую ориентировано совершаемое действие; «ситуация», включающая условия совершения действия и используемые для достижения цели средства; «нормативная ориентация» действия. «Нормативная ориентация» — это определенный способ взаимоотношения всех элементов друг с другом, указывающий на телеологический характер действия. Парсонс подчеркивал, что действия людей не укладываются исключительно в рамки схемы «стимул — реакция». Вслед за Вебером он считал, что действие всегда субъективно, поскольку совершается индивидуальным актором и детерминировано устанавливаемыми им целями и выбираемыми средствами для их достижения. Вместе с тем объективное, научное понимание действия становится возможным благодаря существованию «нормы рациональности»,

т. е. логического отношения между целью и средствами действия. Таким образом, понимание действия достигается с позиции нормы, которую наблюдатель вменяет актору в связи с выполняемым им действием.

Парсонс выделяет четыре основные характеристики системы соотнесения действия. Во-первых, это существование минимального набора структурных элементов действия — целей, средств, условий и норм, без которых научное описание и анализ действия вообще невозможны. Во-вторых, это отношение данных элементов друг к другу, определяемое нормативной ориентацией действия. Действие трактуется Парсонсом как процесс «изменения ситуативных элементов в направлении соответствия нормам». В-третьих, это непереносимое присутствие в действии временного измерения — темпоральной координаты, соотносящей нормативные и ненормативные элементы. Временная координата является, согласно Парсонсу, коррелятом телеологического характера действия, поскольку нормативные компоненты (цели и нормативные правила) предшествуют в сознании актора возникновению конкретной ситуации и «применению средств». Наконец, в-четвертых, схема действия имеет субъективный характер, т. е. ее нормативные элементы существуют только как «элементы сознания действующего лица» и доступны наблюдению лишь в процессе их реализации.

Теория социальной системы была разработана Парсонсом во второй период его научного творчества в статьях и крупных монографиях 1950-х годов. Он сосредоточил свое внимание на создании социологической теории социальной системы — теории структурно-функционального анализа. Развитие этой теории логически вытекало из методологических выводов волюнтаристской теории действия. Парсонс считал, что возникновение социальной системы — это необходимая предпосылка образования эмерджентных свойств экономической и политической систем. Кроме того, последние являются относительно автономными системами, но существующими внутри социальной системы. В силу того что социальная система выступает причиной появления двух других, относительно автономных систем действия — экономической и политической — ведущая роль в формулировке теоретической схемы / парадигмы социогуманитарных наук отводится социологии. Социология виделась Парсонсу как наука, занятая разработкой теории, с помощью которой может быть исследована эмерджентная социальная система, — система, возникающая через интеграцию систем действия на базе общих ценностей.

В монографии «Социальная система» Парсонс подробно рассмотрел всю совокупность понятий и концепций, входящих в его теорию социальных систем. Он подчеркивал, что центральное понятие «саморегулирующаяся система» заимствовано им из биологии. В его собственной теории понятие «система» означает структуру элементов, находящихся в состоянии подвижного равновесия. Главные характеристики системы — взаимозависимость постоянных структурных элементов и функциональных переменных, а также определение/утверждение собственных границ по отношению к своей среде. Для

поддержания равновесия система нуждается в двух процессах — аллокации и интеграции. Аллокация (экономический термин) — это размещение структурных компонентов системы, а интеграция — возникновение и установление собственных свойств границ системы. Оба эти процесса составляют последовательные стадии установления социальной системы — стадии институционализации.

Согласно Парсонсу человеческое действие — это сложная система, подсистемами которой являются организм (биологическая система, обеспечивающая физическую возможность действовать), личность (психическая система, обеспечивающая выработку целей действия), социальная система (нормативная система, обеспечивающая комбинацию целей и средств действия, приемлемую с точки зрения окружающих), культура (ценностная система, обеспечивающая поддержание целей, средств и норм, регулирующих действие, в качестве традиционных культурных паттернов). Каждая из подсистем выполняет одну из четырех функций: организм — функцию адаптации (A), личность — функцию целедостижения (G), социальная система — функцию интеграции (I), культура — функцию латентного поддержания образца (L). Социальная система, в свою очередь, также состоит из четырех подсистем, выполняющих те же четыре функции, набор которых принято обозначать как AGIL.

Таким образом, Парсонсом была создана универсальная схема структурно-функционального анализа, призванная описывать и объяснять социальные системы любого уровня (от индивидуального действия и малой группы до социального института и общества в целом) и любой эпохи. В общем русле структурно-функционального анализа учениками и последователями Парсонса в 1940–1950-х годах были разработаны частные социологические теории. Примерами могут служить теория социальной группы Дж. Хоманса, теория социальной стратификации К. Дэвиса и У. Мура, теория социального конфликта Л. Козера, теория общества Э. Шилза.

В тот же период другой представитель структурно-функционалистского направления в социологии, так же как Парсонс принадлежавший к Гарвардской школе, Роберт Мертон (1910–2003), по-иному разрабатывал проблематику создания общесоциологической теории и интеграции теоретической и эмпирической социологии. В книге «Социальная теория и социальная структура» (1949) он предлагал вместо всеохватывающей теории в духе Парсонса развивать эмпирически обоснованные теории отдельных социальных явлений и процессов — *теории среднего уровня*. По его мнению, общая теория должна сложиться в результате интеграции теорий среднего уровня. Заявленная Мертоном стратегия сама была результатом «эмпирического обобщения»: в ней представлен накопленный им опыт разработки частных социологических теорий. Так, в работе «Социальная структура и аномия» (1938) он создал модель аномии, представив последнюю как ситуацию рассогласования норм, образующих внутренне противоречивую социальную структуру, а девиантное, т. е.

отклоняющееся от социальных норм поведение — как реакцию на такое состояние структуры. В работе «Нормативная структура науки» (1942) Мертон разработал теоретическую модель науки как социального института, для которого характерны специфические нормы, определяющие в качестве «институциональных императивов» структуру исследовательской деятельности и отношений внутри научного сообщества.

Критическая теория Франкфуртской школы

Теории П. Сорокина, Т. Парсонса, Р. Мертона и их последователей строились на основе традиционного понимания теории как системы утверждений, которая должна исчерпывающим образом описывать и объяснять факты. Такое понимание теории было подвергнуто критике Максом Хоркхаймером (1895–1973) в работе «Традиционная и критическая теория» (1937). Хоркхаймер призывал исследователей обращаться не к видимости — совокупности разрозненных фактов, а к сущности — реальности общества как целостности. Факты, которыми оперирует социолог, и сам способ теоретизирования полностью предопределяются характером этой целостности: восприятие мира как совокупности единичных, но взаимосвязанных фактов — это способ адаптации индивидов к условиям буржуазного (индустриального, рыночного, индивидуалистического) общества, которое они своей деятельностью и создают. Таким образом, традиционная социология является не столько изучением общества, сколько формой закрепления в сознании представлений о естественности, объективности существующего положения дел.

Несмотря на радикальную критику традиционной социологии, исследовательская установка Хоркхаймера не отличается принципиально от установок тех, кто в тот период развивал эту традиционную социологию. Хоркхаймер выдвинул идею альтернативной — критической — теории, которая должна была синтезировать прошлые теоретические достижения и интегрировать теоретические построения с эмпирическими исследованиями. В этом смысле основная проблематика работ Хоркхаймера и его последователей Герберта Маркузе (1898–1979) и Теодора Адорно (1903–1969) совпадает с общей для социологии того периода проблематикой.

Концепция критической теории стала основой исследовательской деятельности сформированной усилиями Хоркхаймера, Маркузе и Адорно *Франкфуртской школы* — сообщества германских ученых, которые на протяжении 1920–1970-х годов вели исследования социальных процессов, руководствуясь идеей обновления марксизма. Франкфуртская школа начала складываться с созданием в 1923 г. Института социальных исследований во Франкфурте-на-Майне. После прихода нацистов к власти в Германии в 1933 г. сотрудники Института вынуждены были эмигрировать, и главные работы,

определившие вклад Франкфуртской школы в развитие социологии, были созданы в США в 1940-х годах.

Роль универсальной теории социальных явлений и процессов в исследованиях Франкфуртской школы играла теория цивилизации подавления, созданная в первой половине 1940-х годов и представленная в книге Хоркхаймера и Адорно «Диалектика просвещения» (1947), а также в книге Маркузе «Эрос и цивилизация» (1955). Теория современной цивилизации была разработана Хоркхаймером, Адорно и Маркузе на основе синтеза идей трех выдающихся мыслителей — К. Маркса, М. Вебера, З. Фрейда. Соединив концепцию капитализма как системы эксплуатации, концепцию рационализации как «судьбы» Запада, концепцию подавления культурой бессознательных, инстинктивных импульсов, теоретики Франкфуртской школы показали, что развитие современной западной цивилизации определяется инструментальной рациональностью — отношением людей к миру и самим себе на основе определения полезности, утилитарной функции вещей.

Рационализация деятельности людей привела к росту материального благополучия, безопасности и упорядоченности жизни, но чем более рационален человек, тем больше он подчинен предписанным стандартным и безличным образцам поведения. Рационализация подавляет внутреннюю — биологическую и психическую — природу человека, который является изначально существом спонтанным, склонным к воображению, игре и немедленному удовлетворению своих влечений. Поэтому чем рациональнее общество, тем сильнее и чаще проявляется «бунт природы» — массовое иррациональное поведение, которое принимает формы фанатичного поклонения вождям, а также агрессии и нетерпимости по отношению к представителям иных рас, национальностей, религий и т. п.

На той же концептуальной основе, что и теория современной цивилизации, исследователями Франкфуртской школы была разработана теория авторитарной личности как «нового антропологического типа», который в XX в. стал массовым и, в силу присущих ему установок мышления и поведения, является социальной базой авторитарных и тоталитарных режимов. Авторитарная личность — это социально-психологический тип человека, характеризующийся такими чертами, как конформизм, консерватизм, стереотипность мышления, лояльность к инстанциям власти и идентификация с фигурами власти, нетерпимость к «чужим» и «слабым» — представителям других этнических групп, оппозиционерам, маргиналам и т. п.

Концепция авторитарной личности стала теоретической основой, источником гипотез для серии эмпирических исследований, осуществленных в середине 1940-х годов в США. В ходе этих исследований с помощью комплексной эмпирической методики, включавшей анкетирование, глубинное интервью и тестирование, исследователи стремились выявить личностные установки, отражающие предрасположенность индивида к принятию и поддержке иде-

ологии фашистского типа. На основе анализа полученных данных исследователи обнаружили «авторитарный синдром» как характеристику личности среднего американца и пришли к выводу, что в условиях либерального, демократического общества авторитарная личность является массовым типом и, следовательно, такое общество является «фашизоидным».

Материалы исследовательского проекта были опубликованы в книге «Авторитарная личность» (1950) и оказали большое влияние на работы социологов, психологов и политологов. Методика и результаты данного проекта многократно подвергались критике со стороны ведущих социологов США и Европы, отмечавших, в частности, что идея об однозначной связи психологических черт и идеологических установок личности не находит подтверждения, что догматизм мышления и консерватизм в повседневной жизни не обязательно сопровождаются националистическими и профашистскими политическими настроениями. Тем не менее проект «Авторитарная личность» стал классическим социологическим исследованием, в котором большой группой ученых изучалась общественно значимая проблема, гипотезы выдвигались на основе тщательно разработанной теории, удачно соединены различные методы сбора и анализа данных.

Новый классический период в истории социологии

По окончании Второй мировой войны завершилась институционализация социологии в наиболее развитых странах Америки и Европы. Социология получила общественное признание. Наряду с расширением и восстановлением (как это было в Германии после 1945 г.) традиционных форм организации деятельности социологов (кафедр, факультетов, научно-исследовательских институтов, профессиональных ассоциаций) развивались новые формы — специализированные исследовательские организации, действующие на коммерческой основе, исследовательские проекты, на время реализации которых формируется рабочая группа из ученых и практиков. В середине XX в. академическая социология превратилась в настоящую индустрию социологических знаний, а прикладная социология — в индустрию социологической информации.

Период с середины 1920-х до конца 1950-х годов стал периодом *неоклассической социологии*. Сорокин, Парсонс, Мертон, Хоркхаймер, Маркузе, Адорно, Лазарсфельд и ряд других исследователей этого периода могут быть названы новыми классиками социологии. Они продолжили и развили концептуальную традицию, идущую от Конта, Спенсера, Маркса, Дюркгейма, Вебера и других основоположников социологии, но вместе с тем стремились избегать традиционных дебатов о предназначении социологии и сделали ее научной дисциплиной, отвечающей современным требованиям систематичности теоретических построений и практической полезности исследовательской работы.

Контрольные вопросы

1. К какому этапу эволюции социологии относится творчество Г. Спенсера?
А) к этапу протосоциологии
Б) к этапу классической социологии
В) к постмодернистской социологии
2. В какой работе К. Маркс и Ф. Энгельс изложили основы материалистического понимания истории?
А) «Манифест коммунистической партии»
Б) «Немецкая идеология»
В) «Капитал»
3. Кто развивал концепцию «социологизма»?
А) Макс Вебер
Б) Эмиль Дюркгейм
В) Фердинанд Тённис
4. Кто является автором работы «Протестантская этика и дух капитализма»?
А) Карл Маркс
Б) Эмиль Дюркгейм
В) Макс Вебер
5. Представителем какой социологической школы был Г. Маркузе?
А) Чикагской школы
Б) Фрайбургской школы
В) Франкфуртской школы
6. Кто ввел в социологию концепцию идеального типа?
А) Карл Маркс
Б) Макс Хоркхаймер
В) Макс Вебер
7. Какую концепцию развивал Г. Зиммель?
А) концепцию формальной социологии
Б) концепцию неформальной социологии
В) концепцию фундаментальной социологии
8. Кто ввел в социологию понятие «теория среднего уровня»?
А) Талкотт Парсонс
Б) Роберт Мертон
В) Эмиль Дюркгейм

9. Автором какой работы был Ф. Тённис?
А) «Общество риска»
Б) «Община и общество»
В) «Структурное изменение общественности»
10. В какой работе П. Сорокин выделил идеациональный, чувственный и идеалистический типы ментальности?
А) «Социальная и культурная динамика»
Б) «Система социологии»
В) «Социальная мобильность»

Задание для самостоятельной работы

Поупражняйтесь в сравнительно-историческом анализе социологических концепций. Сопоставьте теории социальной эволюции Г. Спенсера и Т. Парсонса. В чем сходство их концепций развития общества? В чем различие? Как различия между работами Спенсера и Парсонса в содержании концепций и в стиле исследовательской работы (способы сбора материала, формы аргументации и т. п.) можно объяснить эволюцией социологии — изменением представлений о социологии как науке и изменением уровня институционализации социологии?

Попробуйте, ставя таким же образом вопросы о сходствах и различиях концепций устройства общества, проанализировать концепции К. Маркса и Г. Маркузе.

Темы рефератов (докладов)

- ✓ Значение идей К. Маркса для формирования современной социологии
- ✓ Немецкая классическая социология (М. Вебер, Ф. Тённис, Г. Зиммель)
- ✓ Вклад П. Сорокина в развитие мировой социологии
- ✓ Теория социальной системы Т. Парсонса
- ✓ Основные идеи критической теории Франкфуртской школы

Список дополнительной литературы по теме

- Адорно Т. Исследование авторитарной личности / пер. с англ. М.: Академия исследований культуры, 2001.
- Вебер М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013.
- Гофман А. Б. Семь лекций по истории социологии. М.: Книжный Дом «Университет», 2008.
- Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / пер. с фр. М.: Мысль, 1994.

- Иванов Д. В.* Этапы эволюции социологии и доминантные типы теоретизирования // Социологические исследования. 2013. № 9. С. 3–13.
- История теоретической социологии: в 4 т. / отв. ред. Ю. Н. Давыдов. М.: Канон, 1997–1998.
- Маркс К.* Социология. Сборник / пер. с нем. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.
- Маркузе Г.* Критическая теория общества / пер. с англ. М.: АСТ, 2011.
- Немецкая социология / под ред. Р. П. Шпаковой. СПб.: Наука, 2003.
- Парсонс Т.* Система современных обществ / пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1997.
- Ритцер Дж.* Современные социологические теории / пер. с англ. М.; СПб.: Питер, 2002.
- Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество / пер. с англ. М.: Издательство политической литературы, 1992.
- Тённис Ф.* Общность и общество / пер. с нем. М: Фонд «Университет», 2002.

Глава 13

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОЦИОЛОГИИ В РОССИИ

Проникновение социологических идей в Россию

Социология в России, как и во многих странах Европы, появилась в середине XIX в. Безусловно, и до этого периода русские интеллектуалы размышляли об общественных проблемах, вели наблюдения за тем, как устроена общественная жизнь, но всё это находилось в русле художественной литературы и публицистики. Примеры подобных размышлений и наблюдений можно найти в книге А. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790), в романах С. Аксакова, И. Тургенева, Н. Чернышевского и других российских писателей. Поэтому некоторые авторы связывают истоки отечественной социологии с литературной деятельностью, журналистикой. О публицистическом этапе нашей социологии говорил еще Н. И. Кареев, известный ученый-историк и один из первых российских социологов, который утверждал: «Честь введения у нас социологии в умственный обиход интеллигенции принадлежит как раз той передовой журналистике, наиболее влиятельный орган которой, “Отечественные записки” (1839–1884), сделался первой, если можно так выразиться, социологической кафедрой в России»¹. К. М. Тахтарев, один из первых преподавателей социологии в российских университетах, считал Чернышевского тем «выдающимся выразителем русской общественности и общественного понимания человека», который заложил основы отечественной социологии.

Возникновение социологии определялось необходимостью понять сложные и противоречивые социальные процессы в России того времени, связанные и с развитием капитализма, ломкой крепостнических отношений, и с поиском новых идеалов ее развития. Особенно актуальным познание общества стало в период реформ 1860-х годов. На начальном этапе формирования социологии в России активно распространились идеи О. Конта, которые были востребованы русскими интеллигентами, увлекшимися идеей «естественной науки о человечестве» как основы рациональной организации жизни. Одним из первых проповедников идей Конта в России был Валериан Майков, который

¹ Кареев Н. И. Памяти Н. К. Михайловского как социолога // Михайловский Н. К. Избранные труды по социологии: в 2 т. Т. II. СПб.: Алетея, 1998. С. 388.

в 1845 г. в статье «Общественные науки в России» представил картину общественных наук в Европе². Он утверждал, что необходима новая общественная наука, которую он называл не социологией, а общей теорией общественной жизни, или «философией общества». В.Н.Майков был распространителем идей Конта в тот период, когда они были запрещены в России, а в Европе воспринимались скептически.

Позитивизм получил широкое распространение в среде российской интеллигенции в 1860-х годах, после ослабления в результате либеральных реформ таможенных и цензурных преград. С принятия и критики идей О. Конта и Г. Спенсера началось разделение энтузиастов социологии в России на различные школы и направления.

Органистическое направление связано с именами А.И.Стронина, П.Ф.Лилиенфельда, Я.А.Новикова и других последователей Спенсера. Это направление развивалось в основном русскими социологами зарубежья, не имело широкого распространения и активно критиковалось социологами других школ — например, представителем субъективной школы Н.К.Михайловским в работе «Аналогический метод в общественной науке», где представлена жесткая критика взглядов Стронина, изложенных им в книге «История и метод» (1869).

Наиболее влиятельной среди первых социологических школ в России стала этико-социологическая школа, включавшая П.Л.Лаврова, Н.К.Михайловского, С.Н.Южакова, Н.И.Кареева и др. Позитивизм Конта ими воспринимался не как канон, а как отправная точка развития социологии: абсолютизация объективизма и сведение знания к регистрации и систематизации фактов подвергались критике. Основной принцип этой школы выражался в субъективном методе, личном взгляде исследователя (Лавров), который оценивает, одобряет или порицает факт, указывает на его желательность или нежелательность, учитывает его нравственное содержание.

Михайловский, определяя задачи социологии, писал, что социолог должен познавать отношения, существующие между обществом и его членами, но кроме познания должен добиваться осуществления своих идеалов, давая им «посильное оправдание». Для Михайловского и других представителей этой школы определяющей задачей социологии становится человек как личность, его индивидуальность. Для них личность обладает не только объективным знанием, но и субъективным восприятием, пониманием социального на стыке сущего и должного на основе включения нравственного принципа.

В связи с этим для представителей субъективной социологии был актуальным поиск блага для людей и утверждение не только правды-истины, но и правды-справедливости. Поэтому их деятельность была связана со злободневными вопросами, поиском справедливости для развития индивидуаль-

² Майков В.Н. Общественные науки в России // «Финский вестник». 1845. Т. 1, отд. IV.

ности, что заставляло их быть лидерами общественных движений, в частности народничества. Ими были разработаны теория взаимодействия (подражания), концепция субъективного восприятия социального как фактора понимания. Многие их перспективные идеи не нашли своего воплощения в силу того, что не было институциональной основы для их развития, поскольку социологи не работали тогда в академических организациях и университетах, социология для них составляла хобби. Тем не менее эта оригинальная школа сыграла большую роль в становлении российской традиции социологического знания и оказала определенное влияние на развитие мировой социологии.

На рубеже XIX–XX вв. идеи Лаврова и Михайловского воспринимались с иронией, как странное отклонение от основного пути развития науки об обществе. Доминирующими направлениями российской социологической мысли в этот период стали позитивизм, неокантианство и марксизм.

К позитивистскому направлению принадлежали такие ученые, как М. М. Ковалевский, зачинатель отечественной академической (университетской) социологии в стране, а также И. В. Лучицкий, П. А. Сорокин, К. М. Тхатарев, Н. С. Тимашев, Н. Д. Кондратьев и др. М. М. Ковалевский со своими коллегами по Санкт-Петербургскому университету в 1905 г. положил начало новому академическому (университетскому) этапу развития социологии и заложил традиции отечественной социологической школы, которые продолжают в современном российском социологическом образовании.

В дискуссии с позитивизмом рождалась неокантианская школа, сторонниками которой были Б. А. Кистяковский, В. М. Хвостов, Л. И. Петражицкий, П. И. Новгородцев, А. С. Лаппо-Данилевский, П. Б. Струве и др. Б. А. Кистяковский, критикуя со своей позиции принципы русской социологической школы, утверждал: «Наш анализ привел нас к убеждению, что идеи русской социологической школы были лишены прочных связей с реальным миром, так как русские социологи настаивали только на возможности их осуществления. Ведь даже без обращения за справками к теории познания всякий признает, что невозможность не дает прочных гарантий»³. Эта традиция родилась под влиянием идей Канта, критики социологизма, позитивизма и марксистских принципов объяснения социальной эволюции. Неокантианцы в русской социологии были активно включены в европейское движение антипозитивизма. Они полагали, что предметную область социологии составляют не сфера возможного, не проблемы социального прогресса, а сфера достоверного в социальных явлениях, эмпирические факты социально-психологического взаимодействия, создающие общество, его культуру, право, ценности и другие институциональные образования.

Большое место в социологическом сообществе России конца XIX и начала XX в. занимало марксистское направление. Это направление было

³ Кистяковский Б. А. *Философия и социология права*. СПб.: Изд-во РХГИ, 1999. С. 62.

представлено видными фигурами, которые занимались социологией на двух уровнях — публицистическом (внедряя политические идеи марксизма в сферу социальных отношений и движений) и академическом. В последнем случае исследовались конкретные темы и проблемы развития России, причем предлагались свое понимание сущности социальных отношений и пути их реформирования на основе идеалов равенства и справедливости. Понятие справедливости, как видно из анализа других направлений социологии, пронизывает все школы и получает различное толкование. В истории российской социологии наиболее известны следующие имена социологов-марксистов: Н. И. Зибер, Г. В. Плеханов, В. И. Ульянов (Ленин), А. А. Богданов, Н. И. Бухарин, Н. А. Гредескул, Н. А. Рожков.

Представителями этого направления, которое стало определяющим в стране с 1920-х годов, обсуждались актуальные проблемы социальных отношений и социального реформирования российского общества. Ими были исследованы динамика социальных классов, их противоречия, основания неравенства, пути движения к социальной справедливости. Марксистская методология способствовала пониманию специфики капиталистических отношений в России. Особенно значимы в этом отношении работы В. И. Ульянова (Ленина) «Развитие капитализма в России», «Государство и революция», «Империализм как высшая стадия капитализма». Эффективности применения марксистской методологии для понимания социального развития России препятствовала догматизация этой теории, результаты чего отчетливо проявились к 1930-м годам.

Начало институционализации российской социологии

Важным аспектом институционализации социологии выступает образование, подготовка специалистов. В этом плане знаковым событием представляется открытие в Париже в 1901 г. Русской высшей школы общественных наук (РВШОН). О значимости данного события в мировой социологии того времени свидетельствует тот факт, что объявление об открытии школы было помещено в ведущем профессиональном журнале — «Международном социологическом обозрении» (*Revue Internationale de Sociologie*)⁴.

Политика цензуры и отсутствие нормативно-правовой базы для институционализации социологического образования в России послужили причиной чтения курсов социологии и оформления отечественного социологического сообщества за рубежом, тем не менее связь организаторов школы с ведущей профессурой России способствовала стабильности, систематичности и высокому уровню образования. Преподавательский состав насчитывал около 50 человек, к чтению лекций приглашали известных политиков, общественных

⁴ *Revue Internationale de Sociologie*. 1901, № 11. P. 856.

деятелей. Слушатели делились на две группы — постоянные учащиеся (360 человек) и слушатели отдельных лекций (400–500 человек). Лекции в основном читались на русском языке, иногда — на французском.

О признании научной деятельности российских социологов за рубежом свидетельствует и тот факт, что с 1895 г. Ковалевский, руководитель Школы, был вице-президентом, а с 1907 г. — президентом Международного института социологии. Содержание преподавания и методы работы со слушателями Школы были новаторскими и, несмотря на короткий период своего существования, она стала ценным экспериментом по внедрению первой модели социологического образования, теоретически разработанной Кареевым и Ковалевским.

В программе Школы реализовывалась позиция ее руководителя Ковалевского относительно социологии как фундаментальной, синтетической науке. В 1905 г., на пятом году работы, подводя итоги, он констатировал, что в Школе создана удачная система преподавания, и отметил: «Кто бросит взгляд на нашу программу, тот сразу увидит, что преподавание захватывает широкие отделы не только экономики и политики, но и того, что совершенно неправильно привыкли называть побочными предметами для обществоведения, тогда как на самом деле без них не может быть сделано шага в научном изучении общественных вопросов. Таковы история вообще, история религий и история учреждений, география, антропология и этнография, наконец, социология, как синтез всех конкретных наук об обществе. Эта последняя излагалась в нашей школе с самого ее основания»⁵.

Русская высшая школа общественных наук в Париже имела огромное значение для институционализации отечественной социологии. Это действительно было началом российского социологического образования, которое в самой России было эпизодическим явлением, инициативой отдельных ученых. Деятельность РВШОН основывалась на четкой концепции, включающей синтетическое понимание предмета социологии, о чем говорит приведенное суждение Ковалевского. Кроме того, в рамках Школы произошло объединение социологов России, проживавших в стране и вне ее, и возникшее сообщество не распалось, даже когда это учебное заведение под давлением разных обстоятельств было закрыто.

В связи с тем, что в процессе революции 1905–1907 гг. в России полной либерализации образования не произошло, продолжать традиции РВШОН в государственных классических университетах было невозможно. Поэтому М. М. Ковалевский, Е. В. Де Роберти, К. М. Тахтарев, Ю. С. Гамбаров и др. приняли активное участие в организации частных учебных заведений, подобных

⁵ Ковалевский М. М. Высшая школа общественных наук в Париже: Лекции профессоров РВШОН в Париже / под ред. Е. В. Де Роберти, Ю. С. Гамбарова и М. М. Ковалевского. СПб.: Г. Ф. Львович, 1905. С. 2–3.

европейским свободным университетам, где можно было преподавать социологию. Так, в 1906 г. Ковалевский участвует вместе с П. Ф. Лесгафтом в создании Высшей вольной школы как продолжения Курсов воспитательниц и руководительниц физического воспитания, где наряду с биологическим, педагогическим, популярным (народным) факультетами имелся социальный факультет. На этом факультете и в целом в программе обучения в Школе уделялось большое внимание социально-философским аспектам, и в частности социологии. Это осуществлялось во многом под влиянием Ковалевского. После смерти Лесгафта (1909), в 1910 г., Школа получила название «Высшие курсы Лесгафта» и начала работать уже под руководством Ковалевского, который был ее официальным главой вплоть до 1913 г.

Ковалевский, обсуждая учебные программы курсов, исходил из единства знания — от математики через химию, биологию до социологии. Поэтому социология и общественные науки занимали большое место в обучении студентов. Таким образом, в Школе реализовывалась концепция образования, которая существовала в РВШОН. Лекции по социологии читали преподаватели университета Кареев, Ковалевский, Лаппо-Данилевский, Тахтарев и др. В этом вузе впервые в России было введено преподавание социологии в качестве обязательного предмета. Социология стала обязательной дисциплиной и в Психоневрологическом институте, который открыл свои двери для слушателей в феврале 1908 г. и в глазах общественности был призван продолжать дело Лесгафта. И то, что отличало его от других учебных заведений, — отказ от слишком ранней специализации, возможность сознательного выбора факультета, новые методы научного преподавания и полное отсутствие консервативных академических традиций — привлекло в Институт большое количество юношей и девушек из разных социальных слоев российского общества.

Таким образом, с первого года своего существования Психоневрологический институт, широко толкуя предоставленное ему право устраивать курсы по предметам, входящим в область психологии, неврологии и сопредельных с ними наук, открыл целый ряд курсов. Эти курсы с течением времени превратились в частное высшее учебное заведение в составе четырех университетских факультетов. Здесь же была открыта первая в России кафедра социологии, руководителями которой последовательно были Ковалевский и Де Роберти.

Важным фактором институционализации социологии в России является создание Русского социологического общества им. М. М. Ковалевского. Как известно, национальные и международные научные сообщества являются важной составляющей институционализации науки, и Ковалевский рассматривал их как проявление корпоративного духа и как форму накопления научных традиций. Национальные социологические общества (ассоциации) начали формироваться в конце XIX — начале XX в. Так, в 1893 г. в Париже по инициативе французского социолога Рене Вормса был создан Международный институт социологии, который функционирует по настоящее время, в 1895 г.

организовано Социологическое общество во Франции. В 1905 г. появились национальные общества социологов в Англии и США, в 1909 г. — в Германии. Созданию Русского общества социологов предшествовали первоначальные попытки объединения. Так, в 1911 г. в Московском университете было открыто Научное общество имени А. И. Чупрова для разработки проблем социальных наук, в том числе и социологии. В 1912 г. была создана социологическая секция при Историческом обществе в Санкт-Петербургском университете, которое было отделением Русского исторического общества, основанного в 1866 г. Необходимость организации этой секции обосновал Сорокин. Он подчеркивал неприемлемость отсутствия в России социологических кафедр в государственных университетах и социологического сообщества. Секция должна была, по его мнению, способствовать развитию социологии, распространению социологического знания и быть зародышем будущего российского социологического общества⁶. В работе названной секции участвовали многие российские социологи, юристы, историки и представители других наук. На первом заседании с докладом выступил Де Роберти — известный европейский и российский социолог, вернувшийся после 1905 г. из Парижа в Россию.

Создание российского общества социологов стало возможным только в 1916 г., хотя эта возможность, по воспоминаниям Сорокина, обсуждалась в среде социологов еще в 1906 г., когда расширилось социологическое сообщество и новое направление социального знания стало получать признание среди представителей других наук и общественности. Не меньшую роль сыграло имя ушедшего из жизни в том же году Ковалевского, чей авторитет в науке и общественных кругах был чрезвычайно высоким. Смерть его послужила важным объединяющим фактором для социологов и известных российских ученых, многие из которых охотно давали согласие войти в состав общества. Так, А. В. Васильев, математик, член Государственного Совета, профессор Казанского университета, писал: «С величайшим удовольствием войду в состав Социологического общества имени моего друга и товарища Максима Максимовича Ковалевского, одного из крупнейших русских людей XIX и начала XX века». Лауреат Нобелевской премии И. П. Павлов благодарил учредителей за приглашение и завершил свой ответ словами: «охотно принимаю предложение». В создании Общества большую роль сыграли ученики Ковалевского — П. А. Сорокин, К. М. Тахтарев, П. И. Люблинский, Н. Д. Кондратьев.

Уставной задачей Общества была «разработка вопросов социологии и других общественных наук, а также распространение знаний по этим наукам». Задачи Общества понимались широко, поэтому в первоначальном списке его членов мы встречаем имена многих выдающихся представителей социальных, естественных наук и известных политических деятелей: лауреата

⁶ *Сорокин П. А. К обоснованию социологической секции Исторического общества при Санкт-Петербургском университете // Запросы жизни. 1912. № 48. С. 276.*

Нобелевской премии И. П. Павлова, В. М. Бехтерева, Б. Б. Веселовского А. И. Чупрова, Л. И. Петражицкого, Н. И. Кареева, А. С. Лаппо-Данилевского, М. И. Туган-Барановского, П. Б. Струве, П. Н. Милюкова, В. А. Маклакова, А. В. Пешехонова и др. Первым председателем Общества был избран академик Лаппо-Данилевский, профессор С.-Петербургского университета. После его кончины в 1919 г. председателем стал академик Кареев.

Деятельность Русского социологического общества с самого начала проходила в сложных условиях. Первая мировая война, революция 1917 г. не способствовали реализации его планов. Тем не менее в рамках Общества произошло объединение ученых, предпринимались шаги по развитию социологии и социологического образования в стране. Сорокин, характеризуя этот период истории, писал: «Тяжелые условия России не прервали целиком работы русской науки. Не прекратилась она и в области социологии. Напротив, жизнь, ставившая ежечасно “прикладные вопросы” социального бытия, усиленно стимулировала работу социологической мысли»⁷.

Особое место в послереволюционный период занимает Социо-библиологический институт, который был основан в октябре 1918 г. по инициативе А. М. Ловягина и начал свою научную и практическую деятельность с декабря того же года, развивая ее одновременно по четырем направлениям: во-первых, учет материалов по строительству новой жизни в обновленной России; во-вторых, выпуск изданий, предназначенных популяризовать занятия социологией; в-третьих, собирание книжного фонда, имеющего отношение к социологии и социальным наукам; в-четвертых, организация публичных лекций на темы, имеющие отношение к задачам института.

С приходом в Институт П. А. Сорокина, К. М. Тахтарева и Н. А. Гредескула 5 марта 1919 года было решено завязать отношения с Социологическим обществом имени М. М. Ковалевского, а чуть позже (в сентябре того же года) усилиями членов Общества это научное учреждение трансформировалось в Социологический институт, который просуществовал до 1921 г.

В преобразовании Социо-библиологического института в Социологический большую роль сыграли Тахтарев и Сорокин. В этом институте для широкой публики читали разнообразные курсы лекций — например, «История социологических учений» (Гредескул), «Социологическая аналитика и механика» (Сорокин), «Уголовная социология» (Люблинский) и т. д. Тогда же по инициативе Сорокина в Петроградском университете было открыто отделение социологии и кафедра, сотрудниками которой были в основном сотрудники Института.

Силами членов Общества были составлены первые учебные программы, в том числе и для подготовки преподавателей социологии в школах и вузах.

⁷ Сорокин П. А. О русской общественной мысли. СПб.: Алетей, 2000. С. 23.

Социологическое общество имени М. М. Ковалевского и Социологический институт были в это время центрами немарксистской социологии.

Установление советской власти в конце 1917 г. первоначально способствовало продолжению институционализации российской социологии. 18 ноября 1918 года Решением Ученого совета 1-го Петроградского университета была открыта первая кафедра социологии в государственном университете. И. А. Ивановский (декан юридического факультета), обосновывая необходимость создания кафедры, писал: «Представляется вполне уместным и своевременным ввести в круг научных дисциплин, изучающих общественные явления, науку, которая исследует генезис и эволюцию общества в целом и формы общественной жизни (семьи и брака, государства и власти, собственности и промышленности и т. д.), выясняет общие законы общественного строения и развития и те методы, при помощи которых могут и должны изучаться общественные явления. Все указанные вопросы составляют предмет изучения особой науки социологии, имеющей своих видных представителей как на Западе, так и у нас. Среди последних надлежит особо отметить, как имеющих крупные заслуги в этой области, профессоров — Ковалевского и Кареева. За последние десятилетия социология всё чаще и чаще делается предметом академического преподавания»⁸. В этом документе далее подчеркивается, что кафедры социологии существуют во многих вузах Европы.

Первыми преподавателями кафедры стали Кареев, Сорокин, Гредескул, Тахтарев. Тогда же преподавание социологии началось и в других университетах — Ярославском, Казанском, Московском. В связи с разрешением преподавания социологии в вузах активизировалась издательская деятельность в этом направлении. Так, в 1919 г. была издана книга Сорокина «Общедоступный учебник по социологии», а в 1920 г. — его двухтомная «Система социологии». Можно назвать также учебные пособия Хвостова «Социология. Введение. Часть I. Исторический очерк учений об обществе» (1917), Тахтарева «Наука об общественной жизни, ее явлениях, их соотношениях и закономерности. Опыт изучения общественной жизни и построения социологии» (1919), Кареева «Общие основы социологии» (1919) и т. д.

С середины 1920-х годов во множестве появляются работы в русле марксистской методологии. Здесь следует назвать в первую очередь книгу Н. И. Бухарина «Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии» (1922), где утверждалось, что исторический материализм — это учение об обществе и законах его развития, т. е. социологическая теория в рамках марксистской философии. Наряду с работой Бухарина в это время были опубликованы другие работы сходного плана — например, «К вопросу о понимании закономерностей истории: социологический этюд» (1925) Н. Н. Андреева, «Очерки материалистической социологии» (1923) Е. А. Энгеля,

⁸ Музей СПбГУ. Ф. ФИК. Д № 420. С. 1.

«Марксизм и социология» (1926) С. З. Каценбогена, «Основные вопросы марксистской социологии» (1929) С. А. Оранского.

В этот же период в стране проводились эмпирические исследования, которые касались социальных проблем быта, условий труда и трудовых отношений, демографии, бюджетов времени различных групп населения, классового расслоения. На основе таких исследований были опубликованы фундаментальные труды, не потерявшие значения и сейчас. Среди них можно упомянуть работы «Бюджет времени русского рабочего» (1923), «Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922–1923 гг.» (1924) и «Рабочий быт в цифрах» (1926) С. Г. Струмилина, «Костромской текстильщик и его бюджет» (1925) В. Андреева, «Современная деревня» (1925) М. Феноменова, «Классовое расслоение в советской деревне: по данным волостных образований» (1926) Л. Крицман, «Как живет безработный» (1927) Л. Минца, «Очерки рабочего быта» (1928) Е. Кабо, «Женский труд в СССР» (1928) А. Рашина, «Социология брака и семьи» (1929) С. Вольфсон, «Быт рабочей молодежи: по материалам анкетного обследования» (1929) Б. Когана и М. Лебединского, «Интересы рабочего подростка: опыт изучения одной анкеты» (1929) А. Колодной, «Бюджет времени рабочих и служащих Москвы и Московской области» (1932) В. Михеева, «Бюджет времени рабочей семьи» (1933) В. Лебедева-Патрейко, Г. Рабиновича и Д. Родина.

Постепенно в СССР возобладало мнение о ненужности и даже вредности развития социологии в ее немарксистских формах. С середины 1930-х годов как теоретические исследования разных уровней, так и эмпирические исследования почти свелись к нулю. То же можно сказать и о преподавании социологии. Изложение социологических идей стало возможным только в контексте критики социологии как формы буржуазной идеологии, противостоящей марксистской теории. Первоначальный этап институционализации социологии в нашей стране завершился ликвидацией практически всех ее организационных форм.

Возобновление институционализации социологии в позднесоветский период

Идеологические запреты на развитие социологических подходов к исследованию общества смягчились только к середине 1950-х годов. Этому способствовали два фактора — необходимость изучения советского общества изнутри и внешнее влияние развития социологического сообщества в послевоенном мире (создание Международной социологической ассоциации (1949), проведение всемирных социологических конгрессов).

В 1958 г. была учреждена Советская социологическая ассоциация (первый президент — академик Ю. П. Францев), стали издавать переводные книги, проводить исследования и конференции. Появилось понятие «конкретные

социологические исследования», были сформированы исследовательские лаборатории, центры. Первым социологическим центром стал Сектор новых форм труда и быта (в Институте философии АН СССР), который возглавил Г. В. Осипов.

В 1960-х годах были открыты социологические лаборатории в Ленинградском, Московском, Уральском и многих столичных университетах тогдашних союзных республик. В 1965 г. на базе Социологической и других лабораторий в Ленинградском университете для реализации идей комплексных социальных исследований было открыто первое социологическое учреждение в СССР — Институт комплексных социальных исследований (НИИКСИ), который просуществовал до 2014 г. Это фактически явилось возрождением спустя сорок лет существовавшего здесь социологического института, руководителем которого был Тахтарев. В 1968 г. в Москве был создан Институт конкретных социологических исследований, с 1974 г. стал издаваться журнал «Социологические исследования».

С развитием социологических институциональных учреждений активизировались исследования и издание учебной литературы. Так, в эти годы были изданы учебные пособия «Опыт и методика конкретных исследований (1965)», «Методика и техника статистической обработки первичной социологической информации» (1968) под редакцией Г. В. Осипова, «Методология и процедуры социологического исследования» (1968) В. А. Ядова, «Лекции по социологии» (1969) Ю. А. Левады, «Социологические опыты» (1970) В. Н. Шубкина и т. д. Эти и другие работы отражали первый опыт исследований и преподавания в университетах социологических курсов, которые назывались «Прикладная социология» или «Методология и методика социологических исследований». Появляются фундаментальные труды российских авторов по теории и истории мировой социологии, в том числе работы «Современная буржуазная социология» (1964) Осипова, «Критика современной буржуазной “науки о социальном поведении”» (1966) Н. В. Новикова, «Позитивизм в социологии» (1964) И. С. Кона. Кроме того, издавались труды западных социологов, которые имели большое значение для расширения кругозора и развития профессиональных навыков отечественных ученых. Из них особо значимыми были работы «Властвующая элита» (1959) Ч. Милса, «Современная социологическая теория» (1961) Г. Беккера и А. Боскова, «Социометрия» (1958) Дж. Морено.

В этот период в СССР не существовало системы полноценного социологического образования. Преподавание социологии ограничивалось чтением отдельных курсов лекций и спецкурсов для студентов, в основном философских факультетов. Подготовка социологов была начата в 1977 г. с введением в Московском и Ленинградском университетах специализации «Прикладная социология», а в 1984 г. в названных и других университетах страны (в Киеве, Минске, Новосибирске, Харькове, Уфе, Свердловске, Риге и т. д.) были созданы отделения прикладной социологии. С 1989 г., когда были открыты факультеты

социологии сначала в Ленинградском и Московском, а затем во многих других университетах, социологическое образование сформировалось в полном объеме. Это стало важной вехой институционализации отечественной социологии, поскольку образование — основа воспроизводства и расширения научной дисциплины, роста научного сообщества.

Продолжение институционализации российской социологии в постсоветский период

Важное место в институционализации отечественной социологии занимает постсоветский период. Основными характеристиками этого периода являются, во-первых, становление в полном объеме социологического образования, которое включало подготовку специалистов-социологов по всем направлениям (а не только по прикладному), открытие аспирантуры и докторантуры, включение социологии в номенклатуру специальностей, учреждение ученых степеней кандидата и доктора социологических наук и организацию во многих университетах страны факультетов и кафедр социологии.

В этот период развития отечественной социологии приобретает массовый характер публикация научных изданий различного уровня, в том числе монографий зарубежных и отечественных авторов, тематических сборников и журналов. Как известно, последние являются важным фактором состояния научной дисциплины. Сегодня в России издается более ста журналов социологического характера. Среди них наиболее известны «Социологические исследования» («Социс»), «Журнал социологии и социальной антропологии», «Социологический журнал», «Социология-4М», «Социология», «Социология власти», «Личность. Культура. Общество», «Социология науки и технологий» и др. Социологические серии «Вестников» имеются почти во всех ведущих университетах страны, где есть факультеты и кафедры социологии. Периодические издания являются важным фактором развития той или иной науки и транслятором результатов исследований для широкой публики. Наличие множества социологических изданий свидетельствует о том, что социология в российском обществе вызывает широкий интерес и выполняет важные функции.

Характерной чертой постсоветского периода институционализации социологии стал теоретико-методологический плюрализм, активным сторонником которого был некогда Ковалевский. Он в своих работах не раз выступал против однофакторного подхода к социальным процессам и подчеркивал, что только сочетание факторов в социальном познании может дать эффективные результаты. Ковалевский писал: «Следует говорить не об одностороннем влиянии, а воздействиях взаимно оказываемых друг на друга всеми явлениями, из которых складывается общественная жизнь, и не о руководящих факторах — экономическом, правовом, государственном, научном, художественном и т.д.,

а о стоящих в тесном общении фактах или явлениях общежития»⁹. Сложившийся плюрализм способствует расширению тематики исследований, методического арсенала и формированию многостороннего подхода к социальным процессам. Он определяет дискурс традиций, школ и разнообразие мнений, что является одним из факторов развития социологического знания. В частности, методологический плюрализм определяет многообразие методов, развитие наряду с количественными качественных методов исследования, благодаря чему наблюдается взаимодополнение теоретических изысканий. Отечественная социология не замыкается в рамках каких-либо направлений, имеет широкий доступ к мировой социологии и осуществляет диалог различных школ.

Важным моментом постсоветской социологии является широкое взаимодействие между членами заметно расширившегося научного сообщества. Формирование корпоративной культуры осуществляется в рамках регулярных массовых научных мероприятий. Ключевым событием в этом плане стало проведение в 2000 г. по инициативе первого декана факультета социологии СПбГУ профессора А. О. Бороноева Первого всероссийского социологического конгресса «Социология и общество». В работе конгресса участвовало свыше тысячи исследователей. С этого момента проведение всероссийских конгрессов стало традиционным. Весьма значимыми институциями стали также регулярные конференции в формате чтений, носящих имена классиков российской социологии. В Санкт-Петербургском университете проводятся Ковалевские чтения, в Московском — Сорокинские. Регулярное проведение посвященных актуальным темам конференций, привлекающих сотни участников, превратилось в необходимый и престижный компонент деятельности научных и образовательных центров. Своеобразной вехой в плане подведения и осмысления итогов институционализации социологии в России явилась проведенная в Санкт-Петербургском государственном университете в 2016 г. Международная научная конференция «Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке (к 100-летию Русского социологического общества имени М. М. Ковалевского)».

Социологическое сообщество в России окончательно сложилось и обрело свою профессиональную идентичность к концу XX в. Для закрепления этой идентичности важны не только организационные формы, но и формы символические. Одной из таких символических форм стала традиция отмечать День социолога. Учитывая большое значение деятельности первых российских социологов в становлении этой науки в России и стремясь восстановить связь разных поколений отечественных социологов, профессор А. О. Боронов в 1994 г. предложил отмечать 14 ноября — день открытия Русской высшей школы общественных наук в Париже — как профессиональный праздник, День

⁹ Ковалевский М. М. Социология: в 2 т. Т. I. М.: тип. М. М. Стасюлевича, 1910. С. 15.

социолога. Эту инициативу активно поддержали преподаватели и студенты факультета социологии СПбГУ, а в дальнейшем традиция празднования Дня социолога получила активную поддержку в других городах и регионах России, в социологических коллективах факультетов и отделений университетов. Этот праздник воспринимается как важный элемент приобретения идентичности и институционализации социологической деятельности в нашей стране. В последние годы 14 ноября отмечается как Всероссийский День социолога ежегодной научной сессией Отделения общественных наук РАН.

В начале XXI в. социология в России является вполне сформировавшейся научной дисциплиной и профессией. Это достигнуто в результате длительного процесса институционализации, прошедшей несколько этапов, которые в значительной мере зависели от отношения власти к социологии и определялись динамикой социальных отношений в российском обществе. Можно выделить этапы протосоциологии, публицистической социологии, академической (университетской) социологии, марксистской (советской) социологии и плюралистической (постсоветской) социологии. На каждом этапе продолжалась институционализация социологии, шло заполнение основных параметров процесса организации науки в полном объеме.

Первый этап — период протосоциологии, время накопления социального знания, возрастания интереса к социальным темам. На этом этапе литераторы и интеллигенция не говорили о социологии как науке, но пытались понять социальные отношения в России, ее культурные ориентации в свете существовавших европейских теоретических воззрений и с учетом ее самобытности.

Второй этап — период публицистической социологии, связанный с именами П. Л. Лаврова, Н. Я. Данилевского, Н. К. Михайловского, Л. И. Мечникова, А. И. Стронина, П. Ф. Лилиенфельда, С. Н. Южакова, Б. Н. Чичерина, Г. В. Плеханова и др. В этот период формировались различные направления — русская субъективная школа, позитивистская, марксистская, неокантианская школы. Зарождался теоретический плюрализм, велись дискуссии между школами.

Третий этап — время становления академической (университетской) социологии. Это становление связано с именами М. М. Ковалевского, Н. И. Кареева, Е. В. Де Роберти, А. С. Лаппо-Данилевского и др. Они стали искать разные формы обучения социологии молодых людей и рассматривали образование как важный элемент институционализации. Состоялось признание социологии как университетской науки в ряду других — истории, права, политической экономики, философии.

Четвертый этап — время идеологически и политически закрепленного господства марксистского подхода к изучению общества. Необходимо подчеркнуть, что с 1960-х годов идеологический контроль был ослаблен, и в структуре социологии образовались новые направления. Наряду с марксистским в ней присутствовали структурно-функциональное, системное, неопозитивистское направления. Для этого периода характерно развитие эмпирических

исследований. Без сомнения, несмотря на догматическое господство одной методологии, российская социология в названный период имела известные достижения, даже при отсутствии полновесного социологического образования и при всех трудностях теоретизирования, которое находилось под прессом философской схоластики.

Пятый этап — современный период плюралистического развития социологии. На этом этапе достигнуты наибольшие результаты в институционализации социологии в России. Именно на рубеже XX–XXI вв. сумели полностью реализовать свой творческий, научный и организаторский потенциал социологи советского времени — В. А. Ядов, А. Г. Здравомыслов, Т. И. Заславская, О. И. Шкаратан, А. О. Бороноев, Б. М. Фирсов и многие другие. Созданные ими научно-исследовательские и образовательные центры стали местом формирования новых поколений российских социологов.

Контрольные вопросы

1. Кто написал первое учебное пособие по социологии в России?
А) М. М. Ковалевский
Б) К. М. Тахтарев
В) Н. И. Кареев
2. Кто основал Русскую высшую школу общественных наук в Париже?
А) Н. И. Кареев
Б) М. М. Ковалевский
В) Е. В. Де Роберти
3. Какое направление преобладало в социологии советского периода
А) структурно-функциональное
Б) марксистское
В) позитивистское
4. Кто из российских социологов отстаивал идею теоретического плюрализма?
А) П. А. Сорокин
Б) Н. К. Михайловский
В) М. М. Ковалевский
5. В каком университете был проведен Первый всероссийский социологический конгресс?
А) МГУ
Б) СПбГУ
В) РГГУ

6. Какой метод развивали П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский?
А) объективный
Б) субъективный
В) позитивный
7. Кто был инициатором празднования в России Дня социолога 14 ноября?
А) А. О. Бороноев
Б) М. М. Ковалевский
В) В. А. Ядов
8. В каком году была основана первая социологическая ассоциация в России?
А) в 1958-м
Б) в 1994-м
В) в 1916-м
9. Когда в России впервые был снят запрет на преподавание социологии?
А) в 1917-м
Б) в 1905-м
В) в 1989-м
10. Представителем какого направления в социологии был Н. И. Бухарин?
А) марксистского
Б) позитивистского
В) неокантианского

Задание для самостоятельной работы

Сравните условия, в которых проходила институционализация социологии в период Российской империи и в период СССР. Какие экономические, политические и культурные факторы способствовали развитию социологических исследований и социологического образования, а какие препятствовали? В каких городах социология получила наибольшее развитие в эти два периода и по каким причинам?

Темы рефератов (докладов)

- ✓ Первые социологи России
- ✓ М. М. Ковалевский и становление академической (университетской) социологии в России
- ✓ Социологическое общество им. М. М. Ковалевского: история и деятельность
- ✓ Социологические исследования в советский период: основные направления и имена
- ✓ Становление и современные проблемы социологического образования

Список дополнительной литературы по теме

- Альберг Рене.* Реабилитация социологии в Советском Союзе // Рубеж: альманах социальных исследований. 1994. № 5. С. 88–114.
- Бороноев А. О.* Социология и социологическое образование в Санкт-Петербургском государственном университете. К 25-летию факультета социологии СПбГУ. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014.
- Бороноев А. О., Капустина Е. Г.* Социологическое общество им. М. М. Ковалевского. К 90-летию со дня создания. СПб.: Астерион, 2007.
- Буланова М. Б.* Социологическое образование в России. История и современность. М.: Изд-во РГГУ, 2011.
- Глотов М. Б.* Первые опыты институционализации русского социологического образования // Социология науки и технологий. 2014. Т. 5, № 2. С. 9–26.
- Ковалевский М. М.* Сочинения: в 2 т. СПб.: Алетейя, 1997.
- Кареев Н. И.* Основы русской социологии. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1998.
- Клушин В. И.* Социология в Петроградском университете (1920–1924 гг.) // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. экономики, философии и права. 1964. № 5, вып. 1. С. 70–81.
- Кукушкина Е. И.* Русская социология XIX — начала XX века. М.: Изд-во МГУ, 1993.
- Ломоносова М. В.* Российская социология на изломе эпох (1918–1919): Питирим Сорокин и Социо-библиологический институт // Журн. социологии и социальной антропологии. 2015. № 2 (79). С. 5–14.
- Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. Г. С. Батыгин. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1999.
- Сорокин П. А.* О русской общественной мысли. СПб.: Алетейя, 2000.

Глава 14

КЛАССИКИ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Социология в России возникла в середине XIX в. одновременно с началом в стране реформ (крестьянской, земской, судебной, военной, финансовой, университетской) и преобразований всех традиционных сфер жизнедеятельности — экономической, социальной, политической, правовой. Переход страны к индустриальному производству, оживление предпринимательской, банковской, страховой, издательской, юридической деятельности потребовало перестройки всего государственного здания и перераспределения властных полномочий между обществом и государством, мобилизации интеллектуальных, информационных, организационных ресурсов и активизации рационального личностного начала, частной инициативы.

Частная инициатива стала проявлять себя в развитии предпринимательства (крупного, среднего, мелкого), в миграционных процессах, «отходе», в создании союзов, политических партий, сообществ (научных, профессиональных, кооперативных, страховых и др.), в информационной, издательской деятельности (книжной, журнальной, газетной), в образовании (автономии университетов и появлении частных и общественных школ).

Развитие отечественной социологии и профессионального социологического сообщества стало частью этих процессов. Социология сначала в сфере журналистики, а затем и в академической, университетской среде формировалась в рамках четырех основных направлений — позитивизма, неокантианства, неопозитивизма / бихевиоризма, марксизма, что не исключало различий социологических концепций внутри каждого из них.

Появление и развитие социологии в России заняло относительно короткий отрезок времени — с середины 1860-х до начала 1920-х годов. Однако за это время в ней утвердилась собственная концептуальная традиция и выделились свои классики социологической мысли.

14.1. Классики субъективной школы русской социологии

Михайловский Николай Константинович (1842–1904) — русский социальный философ и социолог, литературный критик, теоретик народничества, основатель (наряду с П. Л. Лавровым) субъективной социологии. Н. К. Михайловский в течение сорока лет был одним из самых читаемых и влиятельных авторов в России, создал особый тип письма — отклик на то, что волновало русское общество, путем изложения разных социологических подходов. Основные его работы социологического характера: «Что такое прогресс?» (1869), «Аналогический метод в общественной науке» (1869), «Теория Дарвина и общественная наука» (1870–1873), «Борьба за индивидуальность» (1875–1876), «Записки профана» (1875–1877), «Вольница и подвижники» (1877), «Письма о правде и неправде» (1877), «Герои и толпа» (1882).

Н. К. Михайловский, работая в целом в русле позитивизма, стремился к широкому социально-философскому синтезу. Следуя гносеологии позитивизма, он понимал истину как удовлетворение познавательной потребности человека. С его точки зрения, чтобы избежать возможного произвола, за критерий истины нужно признать потребности «нормального человека». Концепция истины непосредственно входит в ткань социологической теории Михайловского, наиболее оригинальной и значимой части его наследия. Предметом социологии, считал он, является отношение различных форм общения (кооперации) к судьбам личности; исследование законов этого отношения позволяет соединить в социологическом анализе сущее и должное. Определивший идейные искания Михайловского этический императив ярко выявился в концепции двуединой правды («правды-истины» и «правды-справедливости») как сочетания познавательной и нравственной потребностей, что привело мыслителя к разработке субъективного метода в социологии. Данный метод не исключает объективного познания, но в силу неустранимости субъективного момента (предвзятого мнения) из социального познания предполагает еще и оценку реальности с точки зрения нравственного идеала, желаемого будущего.

По мнению Михайловского, социолог должен начать с некоторой утопии (идеального состояния) и на этой основе определить, какие элементы в обществе нежелательны и подлежат устранению. Таким образом, он закладывает основы социологии знания, подчеркивая, что человек относится к реальности прежде всего как член социальной общности и общечеловеческая истина возможна только при условии преодоления социальной дифференциации. Основу социальной концепции Михайловского составляет теория кооперации и разделения труда, анализ которых синтезирует структурную и динамическую картину общества. Форма кооперации определяет тип развития общественности. Ученый выделял два типа разделения труда: 1) органическое (между органами индивида), которому соответствует простая кооперация; 2) общественное

(между группами) с соответствующей ему сложной кооперацией. Будущее — за простой кооперацией, наиболее адекватной развитию индивида.

В центре концепции Михайловского находилась проблема личности. Личность, по его мнению, несет в себе потребность целостности и никогда не должна быть принесена в жертву — она свята и неприкосновенна. Стремясь понять закономерности развития личности, Михайловский разрабатывал теорию «героев и толпы». Герой — это зачинатель, тот, кто делает первый шаг и кому толпа готова подчиниться, хотя личность героя может быть мелка. Толпа — масса, способная увлечься любым примером и переступить за героем некую, чаще всего опасную грань. Тайну взаимодействия героев и толпы ученый видел в механизме гипнотизма, который действует в условиях подавления индивидуальности, что вызывает децентрализацию личности, скудость ее впечатлений и интересов, готовность пойти за любым авантюристом. Логическим завершением доктрины Михайловского являются его теория прогресса, обоснованию которой (начиная со статьи «Что такое прогресс?» в 1869 г.) посвящено всё творчество мыслителя. Прогресс, по Михайловскому, есть смена форм кооперации с целью преодоления общественного разделения труда, что постепенно приближает к целостности и разносторонности личности. В этом процессе человечество, пройдя объективно-антропоцентрическую и эксцентрическую фазы своей истории, может прервать органическое развитие и войти в субъективно-антропоцентрическую фазу, где человек и его этические искания ставятся в центр мира. Всё это совпадает, по мнению Михайловского, с социализмом как обществом, в котором торжествует личное начало при посредстве начала общественного.

Лавров Петр Лаврович (1823–1900) — русский философ, социолог, публицист, идеолог народничества. Основные его работы социологического характера: «Исторические письма» (1869), «Формула прогресса г. Михайловского» (1870), «Социологи-позитивисты» (1872), «О методе в социологии» (1874), «Теория и практика прогресса», (1881), «Задачи понимания истории. Проект введения в изучение эволюции человеческой мысли» (1898), «Современное учение о нравственности и ее история» (1903–1904).

П. Л. Лавров — основатель (наряду с Н. К. Михайловским) субъективной социологии. основополагающие идеи этого направления были впервые сформулированы им в знаменитых «Исторических письмах». В центре внимания субъективной социологии находились разработка учения об обществе в целом, выявление закономерностей и направленности его развития.

Лавров как ученый и мыслитель стремился к интегральному философскому синтезу всего доступного человеческому познанию. По своим взглядам он был близок к левому гегельянству, и особенно к позитивизму. К идеям последнего он пришел самостоятельно, еще до знакомства с творчеством О. Конта. Позитивизм рассматривался Лавровым не столько как философия,

сколько как методологический подход к решению задач социальной науки. Характерный для его взглядов примат этики (практической философии), сознания нравственного долга выразился в фундаментальной характеристике его мировоззрения — антропологизме: идее «цельного человека» как единственной реальности. С точки зрения антропологизма невозможно познать сущность вещей и определить подлинную реальность, можно только гармонически объединить мир явлений, исходя из принципа скептицизма (критичности), не распространяющегося, однако, на область практической философии, где личность сознает себя свободной (хотя объективно, генетически это не так) и потому ответственной перед собой.

Высший уровень философии — философия как единство нравственного идеала и действия в реальной жизни. В этом пункте философия перерастает у Лаврова в социологию. Рассматривая социологию в качестве завершения системы наук и отличая ее от исторической науки, сосредоточенной на социальной динамике, он определял ее как науку о солидарности, ее формах и эволюции. Солидарность есть общность привычек, интересов, аффектов или убеждений, совпадение личного интереса с интересом общественным. Нужно не только теоретически исследовать явления солидарности, но и решить практическую задачу ее осуществления, что приводит мыслителя к выводу о наличии в социологии особого субъективного метода, выражающегося в неизбежной оценке любого исследуемого социального явления с точки зрения определенного нравственного идеала. В этом выявляется этическая доминанта социологии Лаврова, фактически выступившего предшественником неокантианского подхода к обществу.

Не принимая органицистских трактовок общества, считая личность единственной и исходной социальной реальностью, Лавров не отрицал реальности общества, которое, являясь сверхличным бытием, не может быть, однако, внеличным. Личности противостоит не общество как таковое, а культура в качестве совокупности склонных к застою социальных форм. История есть процесс переработки культуры мыслью с целью создания социальных форм, способствующих развитию индивида. А поскольку сознание существует только в человеке и не все люди в силу разных причин могут достичь высокого уровня самосознания, реальными субъектами истории являются «критически мыслящие личности», способные выработать в себе высший нравственный идеал. Анализируя социальную мотивацию, ученый определял в качестве высшего мотива потребность в развитии, которая наиболее присуща именно критически мыслящим личностям. Философия истории у Лаврова предстает теорией прогресса. Формула прогресса у него выглядела следующим образом: развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении, воплощение в общественных формах истины и справедливости.

Сущность общественного развития, по Лаврову, состоит в переработке культуры, а именно в переработке традиционных, склонных к застою обще-

ственных форм в цивилизацию, характеризующуюся гибкими, динамичными структурами и отношениями. Цивилизация истолковывается субъективными социологами как сознательное историческое движение. Это движение осуществляется прежде всего критической мыслью. Но поскольку мысль реально проявляется только через действия личности, постольку, рассуждают они, главной движущей силой общественного развития выступают критически мыслящие личности, передовая интеллигенция.

Кареев Николай Иванович (1850–1931) — русский историк, социолог, член-корреспондент Российской Академии Наук, почетный академик АН СССР. Он первым в истории российской социологической науки с 1891 г. начал читать систематический курс социологии, им написано первое в России учебное пособие по социологии «Введение в изучение социологии».

Наиболее значимые социологические работы Н. И. Кареева: «Основные вопросы философии истории» (1883), «Сущность исторического процесса и роль личности в истории» (1889), «Историко-философские и социологические этюды» (1895), «Старые и новые этюды об экономическом материализме» (1896), «Введение в изучение социологии» (1897), «Историология. Теория исторического процесса» (1915), «Общие основы социологии» (1919).

Преодолевая характерную для российского обществоведения публицистичность, Кареев стремился к четкому оформлению социологии как особой науки и системы знания, разработке ее категориального аппарата, определению ее места среди других социальных наук. В той или иной форме он отреагировал фактически на все социологические достижения своего времени. Его с полным правом можно назвать одним из первых историков мировой и российской социологии.

Кареев создал собственную версию этико-субъективной социологии, в которой прослеживается сильное влияние «начального» позитивизма, а также идей П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского. Он пытался осуществить синтез социального и исторического знания, в связи с чем подверг методологической критике за односторонность подхода все известные ему концепции знания. В качестве синтетической дисциплины Кареев рассматривал философию истории, включающую в себя теоретическую и конкретно-историческую части. Теория истории занимается проблемами гносеологии (теория исторического знания, или «историка») и социологии (социальная статика и социальная динамика), изучающей морфологию и механизмы развития общества. Взгляд на общество как на процесс дает историология. Как и у других представителей этико-субъективной школы, в фокусе внимания Кареева находилась идея социального прогресса, исследуемая с разных сторон историей (феноменологическая наука) и социологией (номологическая наука).

По Карееву, в центре социокультурной жизни находятся человеческие индивиды — личности, активно относящиеся к происходящему с ними и во-

круг них. Все общественные явления суть проявления духовного взаимодействия между людьми. Поэтому истории и социальной жизни всегда присущи как социально-психологический, так и нравственно-этический компоненты, которые и должны фиксироваться средствами философии и науки. Происходящее в действительности следует оценивать с точки зрения идеалов высшей правды; в любых исторических и социальных изменениях должен быть схвачен их смысл для человека. Ни одно общественное явление, по мнению Кареева, не может быть понято без выявления отношения к нему со стороны тех или иных субъектов. Важно смотреть на историю и на социум глазами живой личности, включенной в социокультурную среду и исторические контексты, но ведущую себя в них заинтересованно, т.е. необходимо принять этико-субъективную точку зрения (философия истории есть суд над историей). Соответственно, в истории и обществе одновременно действует много детерминирующих факторов, задающих разные векторы изменений. Принципиально нельзя свести вариативность социальной и культурной жизни к действию какой-либо одной причины, например экономики, как это делает марксизм. Общество конституируется во взаимодействии «культурных групп» и «социальной организации». Культурные группы формируются в процессах социализации и взаимодействия индивидов. Социальная организация фиксирует положение индивидов в экономическом, политическом и правовом пространствах, задающих пределы индивидуальной свободы. Мера свободы, допустимой в данном обществе, фиксируется в общественном идеале, и именно движение к нему предопределяет критерии социального прогресса, в ходе которого всё большее количество людей перестает быть орудием чужой воли. Средство достижения идеала — критическое переопределение и переделка культуры, социальной организации и быта.

14.2. Представители неокантианского направления в российской социологии

Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919) — русский историк, социолог, действительный член Российской Академии наук, первый председатель Русского социологического общества им. М. М. Ковалевского (1916–1918). Важнейшие его работы социологического характера: «Основные принципы социологической доктрины О. Конта» (1902), двухтомная «Методология истории» (1910–1911), «Главнейшие направления в развитии номотетического построения исторического знания (1917), «Об Институте социальных наук. Записка комиссии Российской Академии Наук» (1918).

В своей методологической позиции А. С. Лаппо-Данилевский эволюционировал от позитивизма к неокантианству. Основное внимание он уделял проблеме специфики социального познания, социологических и историче-

ских методов исследования. С точки зрения ученого, цель методологии — дать целостную систему методов и принципов научного мышления, которая проясняет используемые понятия, организует профессиональное мышление, выявляет механизм понимания в ходе познания. Теория познания, по Лаппо-Данилевскому, должна выявить соотношение априорных и эмпирических компонентов в познании, определить основания достоверности и общезначимости знания, дать целостность разрозненным представлениям и оценить знание как единичное или общее. Только определив все эти свои основания, социальная наука может претендовать на самостоятельный статус.

Цель гуманитарной науки Лаппо-Данилевский считал двоякой, т. е. включающей выяснение психического содержания социальных и культурных фактов, а затем построение типологических конструкций, объясняющих социальные явления. Подобно М. Веберу, он полагал, что эта задача не может быть решена средствами одного из двух методов научного исследования — идеографического или номотетического, — поскольку недостатком первого является противопоставление субъективно-смысловой интерпретации объективному объяснению, основывающемуся на общенаучных понятиях, тогда как второй игнорирует специфику общественных явлений, представляющих собой объективацию психического взаимодействия индивидов. Необходим синтез позитивных сторон путем методологического осмысления различия и границ плодотворного использования этих подходов, что позволит сформулировать основы теоретической социологии.

По мнению Лаппо-Данилевского, глубинным основанием теории и методологии познания выступает учение о ценностях. Ценности подразделяются на обоснованные и общепризнанные, которые далеко не всегда совпадают между собой. Ценность обосновывается целью (или нормой), однако явление, событие или факт приобретают историческое значение, только получая распространение, т. е. становясь ценностью общепризнанной. Конечная цель исследования — познание социально-исторических связей в их целостности. Социологию интересуют условия устойчивости целостности, историю — развитие (изменение) целостности. Тем самым социология и история взаимопроникают друг в друга (несмотря на противоположную направленность своих методов) и выполняют «обрамляющую» функцию по отношению к гуманитарному знанию. Общий же постулат социогуманитарного познания — признание чужой одушевленности (отсюда проистекает особая роль психологии).

В статье «Основные принципы социологической доктрины О. Конта» Лаппо-Данилевский подверг критике историко-социологические идеи позитивизма контовского типа. Коренной недостаток концепции Конта он видел в отсутствии разработанной гносеологической основы теории исторического знания. Лаппо-Данилевский критиковал позитивистскую социологию также за недооценку ею роли личности.

Кистяковский Богдан Александрович (1868–1920) — русский философ, социолог, правовед. Его основные работы социологического характера: «Общество и индивид» (1899), «Русская социологическая школа» и категория возможности при решении социально-этических проблем» (1902), «Государство правовое и социалистическое» (1906), «В защиту права» (1909), «Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права» (1916), «Методология и ее значение для социальных наук и юриспруденции» (1917).

В своих работах Б. А. Кистяковский исходил из необходимости нормативистского обоснования социального познания в целом и социологии в частности. Целью социологии, с его точки зрения, является создание «работающих» понятий, таких как «общество», «личность», «социальное взаимодействие», «толпа», «государство», «право» и т. д. Как теоретическая наука, социология призвана объяснить саму идею и способы функционирования «власти» в государстве. Кистяковский, впрочем, приходит к выводу, что идея власти в полном объеме недоступна рациональному познанию и может быть осмыслена в конечном счете лишь методами художественно-интуитивного познания. Однако для социологии, по его мнению, достаточно констатировать, что сама идея власти и связанные с нею понятия господства и подчинения являются результатом психологического взаимодействия индивидов.

Причина кризиса социального познания усматривалась Кистяковским, во-первых, в субъективизме и релятивизме, привносимых в общественные науки марксизмом, прагматизмом и этико-субъективной школой; во-вторых, в некритическом заимствовании позитивистских категорий и методов естественных наук; в-третьих, в неразграниченности социальной философии и социологии, в господстве психологизма в социальных науках.

Общественные явления должны быть осмыслены сквозь категории общности, необходимости и долженствования. В центре внимания Кистяковского — соотношение стихийного и сознательного, единичного и общего, случайного и законосообразного. Закон, выводимый в социальных науках, приложим только к идеальным конструктам. Следовательно, он вневременен и внепространствен, выявляет априорные формы мышления и лишь прилагается затем к конкретным процессам развития. С этих позиций Кистяковский критиковал марксизм, исходивший из тезиса о конечной причине социальных процессов и онтологизировавший свою схему. Критике с его стороны подвергалась также марксистская теория классов и классовой борьбы. В классах он видел продукт социального взаимодействия людей в определенных конкретно-исторических условиях, т. е. считал их предметом социально-психологического, а не экономического анализа. Таким образом, суть познания, по Кистяковскому, заключается в выявлении с помощью операций выделения, изолирования и отвлечения общезначимых соотношений, обладающих предикатом безусловной необходимости, т. е. внепространственности и вневре-

менности. Истина находится не вне, а внутри нас. Необходимость и случайность — конструкты нашего понимания.

В социальном познании Кистяковский считал общеобязательным также следование идее справедливости, что требует оценки деятельности людей с позиции этически должного, а не только поиска истины. В социальных институтах постепенно реализуется всё более осознаваемое людьми стремление к справедливости, заложенное в них природное нравственное (и эстетическое) начало. Добро столь же вневременно и внепространственно, как и истина. Мы понимаем только то, что представляем себе необходимым и справедливым (если речь идет о действиях людей), т. е. должным. Уровень телеологии является высшим проявлением и оформлением социальных связей. Долженствование вмещает в себя необходимость и возвышается над нею. Социальная необходимость нормативна по своей природе. Основой социального познания, согласно Кистяковскому, должен стать новый (научно-философский, а не метафизический или мистический) идеализм, выросший из этики на основе отрицания натуралистической социологии и марксизма.

Конечная цель нового идеализма трактуется Кистяковским как решение этической проблемы научным путем. Он исходит из двух тезисов — признания автономии и свободы человека, а также факта существенности его оценочной деятельности. Отсюда принцип самоценности личности и равноценности личностей между собой. Социокультурная деятельность предполагает формулирование и осуществление в действительности определенного идеала. При этом, по мнению Кистяковского, традиционный идеализм апеллирует к познанию метафизического сущего путем интуиции и религиозной веры, тогда как новый идеализм идет путем философско-социологических разработок. Задача социального познания — выявление норм и правил теоретического мышления, практической (нравственной) деятельности и художественного творчества. Таким образом, в теории познания последовательно проводятся принципы антипсихологизма, априоризма и нормативности.

Будучи сторонником «методологического плюрализма», Кистяковский считал, что в обществе одни элементы подчиняются законам причинности, другие — принципам телеологии. Обе эти сферы общества иногда функционируют независимо друг от друга, иногда же пересекаются, тем самым усложняя социальную жизнь. Большую роль в «нормальном обществе» играют элементы культуры, которые превращают власть и все ее атрибуты в элементы «коллективного духа», т. е. общественного сознания. В противном случае в обществе преобладает правовой нигилизм, чреватый социальными потрясениями. Русское же общество, по мнению Кистяковского, никогда не уважало право, русская интеллигенция не заботилась о формировании прочного правосознания как необходимого условия нормального общественного развития. Отсюда путь России — признание самого обыденного, но прочного и нерушимого порядка.

Хвостов Вениамин Михайлович (1868–1920) — русский социолог, правовед, философ. Научные интересы В. М. Хвостова отличались значительным диапазоном, включая теорию и метод социологии, закономерности общественной жизни, проблемы личности и социальной группы, вопросы этики, культуры, психологии (в том числе психологии женщин) и др. Его основные работы социологического характера: «Общественное мнение и политические партии» (1906), «Нравственная личность и общество. Очерки по истории социологии» (1911), «Женщина и человеческое достоинство» (1914), «Этика человеческого достоинства. Критика пессимизма и оптимизма» (1912), «Теория исторического процесса» (1910), «Социология. Введение. Ч. 1: Исторический очерк учений об обществе» (1917), «Основы социологии. Учение о закономерностях общественных явлений» (1919).

В своей социологической теории, испытавшей влияние отдельных идей В. Вундта, Э. Дюркгейма и Г. Зиммеля, Хвостов исходил из понимания общества как психического явления, имеющего свои закономерности. Он выделял теоретическую (основную) социологию, исследующую социальные законы и связи, и социальную типологию, занимающуюся определением и характеристикой основных исторических типов общественной организации. У Хвостова сложилось свое представление о «системе социологии». В социологии как «общей теории общества» он выделял три раздела. Первый раздел — онтологический. Как считал ученый, единственно правильная постановка «основных вопросов социологии» — о природе общества, культуры, личности и социальных групп — возможна «только на психологической почве», т. е. на базе представлений об активном непосредственном духовном общении людей, составляющем сущность общественной жизни с присущими ей закономерностями. Второй раздел — гносеологический. В нем важно, считал Хвостов, уделить внимание методологии общественных наук, их междисциплинарным контактам и взаимодействиям. Каждая из этих наук имеет дело с частью духовного общения, обмена ценностями, лежащими в основе общества, и все они заинтересованы в разрешении общих вопросов, которые входят в компетенцию социологии. Третий раздел — исторический — должен дать широкую панораму первых двух разделов.

Одну из своих основных задач Хвостов видел в обосновании специфики социального познания, прежде всего социологии и истории. Задача теории познания, по Хвостову, — установление границ доступного для нас знания и определение его источников и ценности, что с необходимостью требует привлечения для ее решения аппарата психологии. Гносеология задает знанию нормативность (ценность), психология — описательность (состав и происхождение знания). В основе социального познания лежит выработка критически проверяемого мировоззрения, обеспечивающего познание истины как согласованности суждений о мире и их соответствие данным опыта. Хвостов вслед за Кантом постулировал примат практического разума над теоретическим.

Формы восприятия и мышления соответствуют вещам самим по себе: чем больше мы знаем, тем больше познаем мир сам по себе. Познание происходит путем сравнения и противопоставления трех типов категорий — предмета, свойства и состояния, обеспечивающих сведение опыта к логическому единству. Специфика социального познания заключается в изучении не только каузальности, но и телеологии действующих субъектов.

Тело субъекта, по Хвостову, — посредник между познающим сознанием, существующим только во времени и не имеющим пространственных характеристик, и познаваемым объектом как пространственно-временной протяженностью. Тело индивида одновременно принадлежит и субъекту, и объекту. Общественная жизнь, следовательно, онтологически дуалистична, в ней параллельно действуют естественно-стихийная и целеполагающе-психическая закономерности. Реальность конституируется как синтез данных восприятия (опыта) и приписываемой мыслью идеи (гипотезы) «вещи в себе». Продуктами этого творческого синтеза являются культурные ценности, позволяющие нормативно регулировать познание и согласовывать данные опыта. Социальные законы суть общие схемы порядка протекания человеческого общения. В пределе они тождественны законам социальной психики. Поэтому социальная психология — часть социологии.

В обществе одновременно действуют как законы солидарности, так и законы борьбы; они примиряются в рамках общей духовной закономерности, т.е. в культуре как целостности общепризнанных ценностей. Хвостов рассматривал общество с точки зрения сочетания в нем элементов устойчивости и изменчивости и выделил три типа обществ: примитивный, кастовый и правовой. В качестве основных устойчивых форм общения Хвостовым исследованы традиции подражания и дух времени, в качестве основных изменчивых форм — критика, реформы, революция, реакция и нововведения (идеи и избрания).

Хвостов резко критиковал концепцию прогресса как движения в сторону ценной для нас цели. С его точки зрения, можно говорить лишь о выявлении духовной закономерности как общей схемы социального порядка. Исторически развертывание духовного процесса проходит последовательные фазы скрытого состояния новой идеи, обретения идеей критической массы сторонников, начала установления господства нового течения в борьбе с традицией. На последнем этапе идея приспособляется ко вкусам масс и достигает компромисса с традицией, что позволяет выработать новый идеал, определяющий на некоторое время направление общественных изменений. Затем весь цикл повторяется на качественно ином уровне и на основе новых идей. Господствующие тенденции и идеал образуют «дух времени», который по закону исторических контрастов (смена любой идеи на противоположную) может быть обращен как в будущее, так и в прошлое.

14.3. Классики неопозитивистского направления в российской социологии

Де Роберти Евгений Валентинович (1843–1915) — русско-французский социолог и философ. Предки Де Роберти — испанец Де Кастро де ла Серда и француз Де Роберти — поселились в России в XVIII в. Е. В. Де Роберти принимал участие в создании Русской высшей школы общественных наук в Париже в 1901 г. и первой отечественной социологической кафедры в Психоневрологическом институте в 1908 г. Ученый участвовал в первых мировых социологических конгрессах.

Основные его работы социологического характера: «Политико-экономические этюды» (1869), «Прошедшее философии: опыт социологического исследования общих законов развития философской мысли» в двух томах (1886), «Социология» (1889), «Нравственность и политика» (1901), «К оценке основных предпосылок социологической теории К. Маркса» (1905), «Новая постановка основных вопросов социологии» (1909), «Энергетика и социология» (1910), «Неопозитивистская школа и новые течения в современной социологии» (1912), «Современное состояние социологии» (1913), «Социология и психология» (1914), «Идея прогресса» (1914).

Современники называли Де Роберти «пламенным позитивистом», который был к тому же сторонником «почетного компромисса» всех школ позитивизма. Он последовательно прошел все стадии эволюции социологического позитивизма, начиная с Конта и заканчивая новейшими в те времена формами (энергетизм, махизм и т. п.). Де Роберти выступал с позиций «социального психизма», напоминающего в своих исходных посылках социологизм Э. Дюркгейма. Резко негативно относился он к неокантианству и частично к марксизму, посвятив анализу социологии К. Маркса специальную статью.

Опираясь на позитивную философию О. Конта, который представлялся ему недостаточно последовательным позитивистом, Де Роберти разработал концепцию, получившую название «гиперпозитивизм» («неопозитивизм», «робертизм»). Гносеология представлялась ему частью социологии как основной науки о разуме, а этика, основывающаяся на этой социологической теории познания, должна была, по его мысли, стать прикладной социологией действия. Де Роберти отождествлял социальные изменения с психологическими процессами. Не разделяя распространенное мнение о том, что социология призвана теоретически реконструировать общественные законы и закономерности, он предлагал включать в ее предмет даже мораль, по сути отождествляя социологию и этику. В целом же ученый рассматривал социологию как универсальную науку о человеческом духе, куда включались история науки, история искусств и философии, теория познания, этика, эстетика, политика.

Главной целью социологии Де Роберти полагал познание законов психологического взаимодействия. Социология, по его мнению, — наука «абстрактная» и «описательная». Подразделяя ее на две части — «естественную историю общества» и «естественную науку общества» — исследователь трактовал первую из них как конкретную социологию. При этом в рамки «конкретной социологии» он включал «элементарную социологию» (психологию) и «естественную историю общества», изучающую динамику общественных групп, проблемы личности и общественных верований. Основным социологическим методом он считал социологическое описание, полагая, что этот метод сводится к «рациональному объяснению фактов», или «приспособлению внешних событий к внутреннему механизму наших мыслей».

Центральной категорией социологии Де Роберти является понятие надорганического, рассматривавшееся, с одной стороны, как высшая (социальная) форма проявления мировой энергии, а с другой — как продукт психического взаимодействия. Надорганическое в своем развитии проходит две стадии: низшую (стадию сравнительно простых психофизических отношений, представляющих исходный пункт социальности, — зачатки «животной общности», общение первобытных людей) и высшую (стадию психологических взаимодействий, обнимающую огромное количество исторических, т. е. общественных, процессов и фактов). Последние Де Роберти подразделял на четыре большие группы: науку, философию (или религию), искусство и практическую деятельность, или поведение, в свою очередь подразделяющееся на технику, экономику, право и политику. Эта классификация была призвана идентифицировать любое психологическое взаимодействие и стать основой созданной Де Роберти теории «четырех факторов цивилизации». В выделении мыслительной стороны в качестве определяющего элемента психологического взаимодействия, т. е. в подчинении развития общества научным идеям, состоит особенность производимого Де Роберти сведения социального к психологическому. Общественную жизнь он выводил из коллективной психологии, а высшей формой общности и конечной причиной социального для него являлось психологическое взаимодействие групп.

Полагая социальную эволюцию центральной проблемой социологических изысканий, Де Роберти подчеркивал, что отражением этого процесса может служить следующий понятийный ряд: психологическое взаимодействие — общественные группы — личность — наука — философия — искусство — практическая деятельность.

В последние годы своей жизни Де Роберти стал сводить общую социологию к этике на том основании, что этические нормы универсальны и обнаруживаются во всех общественных отношениях. По его мнению, всегда и всюду переход от морального к социальному выступает как переход от равного к равному, и законы их развития совпадают, поскольку любые общественные явления — начиная с трудовых, хозяйственных и далее государственных, по-

литические, научные, эстетические, семейно-бытовые — имеют нормативную структуру, простейшей (и одновременно наиважнейшей) моделью которой выступает действие людей, выполняющих требование моральной нормы.

Ковалевский Максим Максимович (1851–1916) — русский социолог, правовед, историк, экономист, этнограф и общественный деятель. Будучи уже признанным историком, М. М. Ковалевский увлекся идеей создания науки об обществе и называл себя «последователем контовской философии и учеником Маркса». С 1887 по 1905 г. он жил в Европе, где читал лекции в различных университетах и активно участвовал в становлении европейского социологического сообщества. Он был одним из организаторов Международного социологического конгресса (1894), президентом Международного института социологии (1907). В 1901 г. Ковалевский основал Русскую высшую школу общественных наук, положив тем самым начало российскому социологическому образованию. Вернувшись в Россию с началом революции 1905 г., он внес выдающийся вклад в институционализацию социологии в академической среде.

Многочисленные ученые труды Ковалевского, печатавшиеся частью в России, частью за границей, свидетельствуют о широте научных интересов автора, огромной его эрудиции, самостоятельности и силе мысли. Его социологические воззрения нашли отражение в работах «Социология и сравнительная история права» (1902), «Этнография и социология» (1904), «Современные социологи» (1905), «Очерк развития социологических учений» (1906), «Две жизни: Маркс и Спенсер» (1909), «Социология» (в 2 т., 1910), «Современные французские социологи» (1913), «Социология на Западе и в России» (1913), «Очерк развития социологии в конце XIX — начале XX века» (1914), «Происхождение семьи, рода, племени, государства и религии» (1914). По его инициативе вышли в свет пять томов источников «Родоначалники позитивизма» (1910–1913). Также по инициативе Ковалевского и Де Роберти были изданы «Новые идеи в социологии» (вып. 1–4, 1913–1914).

Взгляды Ковалевского складывались под воздействием идей О. Конта и Г. Спенсера (с которым он был лично знаком), что предопределило его интерес к социологической проблематике и критическое отношение к неокантианству и неогегельянству. Определенное влияние на него оказало знакомство с К. Марксом и его работами: идеи марксизма Ковалевский пытался интерпретировать через методологические установки классического позитивизма. Свою теоретическую задачу он видел прежде всего в преодолении односторонности как отдельных теорий и концепций, так и узкодисциплинарных подходов к изучению общественных явлений, в нахождении их плюралистического синтеза. Такой позитивный синтез, считал Ковалевский, можно осуществить внутри социологического знания, для которого частные дисциплины дают лишь необходимый конкретный материал. Предмет социологии — орга-

низация (порядок) и эволюция (прогресс) общества. Общество не может быть редуцировано к какому-либо конечному основанию (например, экономическому, как у Маркса, или мировоззренческому, как у Конта), а должно быть рассмотрено сквозь призму «теории факторов». Факторы (как объективные причины происходящего) равноправны, хотя в ходе социальной эволюции некоторые из них могут занимать на какое-то время доминирующее положение. Кроме того, главную причину изменений можно установить для каждой сферы общественной жизни. В последние годы своей научной деятельности Ковалевский пытался объяснять явления через анализ их происхождения (генетический метод).

Концепция генетической социологии Ковалевского непосредственно вытекает из определения им предмета социологии, которую он считал наукой, имеющей своей целью установление законов и тенденций общественного развития. «Генетической социологией, — писал он, — называют ту часть науки об обществе, его организации и поступательном ходе, которая занимается вопросом о происхождении общественной жизни и общественных институтов, каковы: семья, собственность, религия, государство, нравственность и право...»¹. Генетическая социология, по мнению Ковалевского, должна заниматься изучением законов эволюции на основе прочного фундамента конкретных фактов, в частности добытых этнографией. Она ставит своей задачей исследование происхождения и развития различных институтов, их символического окружения у разных народов. Актуализация сравнительно-исторического метода обеспечивает раскрытие их типологического единства, общности, т. е. закономерности. Общественное развитие ведет к постепенному углублению сферы солидарности во взаимодействии между народами, социальными группами и т. д. Здесь Ковалевский расходился с марксистской социально-исторической концепцией, декларировавшей неизбежность обострения социальных противоречий и необходимость их насильственной ликвидации. В целом он высоко ценил научное значение теории марксизма в области теоретической политэкономии, истории хозяйства и полагал, что в исследовании этих сфер данная теория незаменима. Генетическая социология Ковалевского, основанием которой служила этнография, была направлена на изучение эволюции социальных институтов в их этническом «облике» — в частности, в России, где вопросы происхождения общественных институтов представляют особый интерес ввиду чрезвычайно богатого этнографического материала.

Основной же метод социологии, по Ковалевскому, — сравнительно-исторический, позволяющий устанавливать для разных народов и государств факт происхождения одинаковых стадий развития (и в конечном счете выявить

¹ Цит. по: Социология в России XIX — начала XX веков. Вып. 2: Социология как наука. Тексты / под ред. В. И. Добренькова. М.: Междунар. ун-т бизнеса и управления, 1997. С. 361.

эволюцию форм общественной жизни всего человечества). Центральная идея социологии Ковалевского — идея социального прогресса, который понимался им как расширение сфер солидарности («замирения») в обществе. Наиболее универсальный социальный закон, по его мысли, — закон «роста человеческой солидарности» (по мере продвижения конкретного общества по эволюционной лестнице).

Ученик М. М. Ковалевского, выдающийся социолог XX в. П. А. Сорокин писал: «Ковалевский — прежде всего ученый, прежде всего профессор Божьей милостью, а затем уже общественный деятель, публицист, государственный политик и т. д. В центре его жизни была наука. Ей он отдал бóльшую часть своей жизни, ею он жил и в области научного же творчества создал себе наиболее долговечный “нерукотворный” памятник»².

14.4. Марксисты в российской социологии

1890-е годы характеризуются усилением позиций экономического детерминизма («марксистской социологии») и «методологического монизма», когда единственной основой, «базисом» всей социальной жизни объявлялась экономика, способ производства, а основой социального процесса — «исторический (экономический) материализм» (Г. В. Плеханов, В. И. Ульянов (Ленин), П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский). Первоначально марксисты стали равноправной частью российского социологического сообщества, активно участвуя в продвижении идей науки об обществе. Так, марксистское направление было представлено в деятельности Русской высшей школы общественных наук, основанной М. М. Ковалевским в 1901 г. в Париже, где преподавали Струве, Туган-Барановский, Плеханов, Ульянов (Ленин) и др. После революции 1917 г. марксистские воззрения на общественную жизнь приобрели статус господствующей идеологии и постепенно в течение 1920-х годов вытеснили из академической среды все другие направления социологической мысли. В короткий период сосуществования в Советской России марксистского и немарксистских направлений наиболее заметным представителем первого стал Н. И. Бухарин.

Бухарин Николай Иванович (1888–1938) — большевистский политический деятель, один из лидеров ВКП(б) в 1920-х годах, философ и социолог. Основные его работы социологического характера: «Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии (1921), «К поста-

² *Сорокин П. А. Духовный облик М. М. Ковалевского как мыслителя // М. М. Ковалевский в истории российской социологии и общественной мысли. Сб. ст. к 145-летию со дня рождения М. М. Ковалевского. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. С. 6.*

новке проблем исторического материализма» (1923), «Дарвинизм и марксизм» (1932), «Учение Маркса и его историческое значение» (1933).

После 1890 г. складывающимися тогда новейшими социологическими школами был брошен теоретический вызов марксизму. В то время социология стремилась к широким социальным теориям исторического масштаба. Главные представители этой новой науки — Э. Дюркгейм, Б. Кроче, М. Вебер — различным образом критически возражали марксизму; во всяком случае, каждый из них по-своему выступал против этого влиятельного учения.

Новейшая социология оказала значительное влияние на Бухарина. Он понимал, что недавно возникшие научные теории общества, представлявшие собой критику марксизма, угрожали привести к ревизии его как социальной науки и, вероятно, к выхолащиванию его как мировоззрения. Но Бухарин также признавал и достижения новейших социологических школ. В противоположность практике советских обществоведов (с конца 1930-х до середины 1950-х годов) он не отбрасывал полностью социологическую мысль, пытаясь вместо этого направить против нее ее же собственное оружие. Для него исторический материализм и был социологией. Решению этих вопросов посвящена работа Бухарина «Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии», первое издание которой вышло в 1921 г. Она неоднократно переиздавалась до 1929 г., была переведена на английский язык и издана в 1926 г. в Лондоне, а в Нью-Йорке вышло четыре ее издания (1925, 1928, 1933 и 1934 гг.). Кроме того, она была переведена на немецкий (1922 г.), французский (1927 г.), испанский (1933 г.) и другие языки.

Бухарин считал, что интересы рабочего класса как до завоевания им власти, так и после требуют знаний об обществе, общественном хозяйстве, составляющих общество классов, их поведении, об общественном сознании. Общественные науки носят классовый характер, поскольку каждый класс имеет свою практику, а общественные науки рождаются из практики. Каждый класс обладает своим взглядом на вещи: буржуазная практика требует одного, а пролетарская другого, поэтому общественная наука у буржуазии одна, а у пролетариата другая — это марксистская теория, основой которой, полагал Бухарин, является теория исторического материализма.

Общественные науки многообразны, но всю общественную жизнь, по мнению Бухарина, рассматривают только две из них — история и социология. В равной степени рассматривая общественную жизнь во всей ее сложности, история и социология тем не менее решают разные задачи. Если история, по мысли Бухарина, прослеживает и описывает, как протекал *поток* общественной жизни в такое-то время, в таком-то месте, то социология ставит общие вопросы об устройстве общества, соотношении различных общественных явлений (хозяйства, права, науки и т. п.) и общественном развитии. Социология определяется им как наиболее общая (абстрактная) из обще-

ственных наук. История призвана давать материал для социологических выводов и обобщений, социология же, в свою очередь, должна указывать метод для истории.

К проблемам социологической науки Бухарин относит проблемы причины и цели в общественных науках. Он обсуждает специфику общественных законов, роль субъективного фактора в общественном развитии, анализирует причинно-следственные связи. В этом контексте дается критика телеологической точки зрения на исторический процесс и решается проблема соотношения общественной необходимости и свободы воли, необходимости и случайности, степени предопределенности и возможности предвидения общественных изменений.

Исторический материализм для Бухарина — это не политическая экономия и не история. Это общее учение об обществе и законах его развития, т. е. социология. Бухарин настаивал, что у рабочего класса есть «своя, пролетарская социология», а именно исторический материализм, принципы которого были изложены Марксом в работе «К критике политической экономии». Это учение также именуют материалистическим методом в истории или просто «экономическим материализмом», однако Бухарин особо подчеркивал, что пролетарская социология является не только «живым методом» исторического познания, но и теорией, обладающей своим научным содержанием. Она представляет собой общее учение об обществе, законах его развития и не входит в состав философского знания, являясь не философией, а наукой. Этой позиции Бухарин придерживался и в 1930-е годы, когда такая точка зрения уже вошла в противоречие с официальной доктриной большевистской партии, предполагавшей, что исторический материализм является философской основой всех общественных наук. Книга Бухарина «Теория исторического материализма» представляла собой попытку видного марксиста принять во внимание сложившиеся тогда основные понятия социологической теории и социологических исследований, встроить марксизм в процесс научного познания. Однако такой подход не нашел поддержки у советских идеологов, стремившихся к утверждению безусловного приоритета марксизма.

Следует также отметить, что среди российских теоретиков, породивших разные версии марксистской теории в целом, Бухарин был первым, кто выделил социологию в отдельную науку, указал на ее предмет — общие законы функционирования и развития общества. Столь ясной постановки проблемы и ее решения не было ни у Богданова, ни у Плеханова, ни у Ленина.

Контрольные вопросы

1. Кто является автором работы «Герои и толпа»?
 - А) Н. И. Кареев
 - Б) М. М. Ковалевский
 - В) Н. К. Михайловский
2. Какое название дал М. М. Ковалевский анализу социальных явлений на основе их происхождения?
 - А) генетическая социология
 - Б) психологическая социология
 - В) экономическая социология
3. Кто из социологов считал, что в основании социального познания находится психология как ведущая наука о духе, обеспечивающая понимание целей, оценок и воли субъектов социальных и исторических процессов?
 - А) А. С. Лаппо-Данилевский
 - Б) Б. А. Кистяковский
 - В) М. М. Ковалевский
4. Концептуальной основой какого направления в социологии является исторический материализм?
 - А) неокантианской социологии
 - Б) христианской социологии
 - В) марксистской социологии
5. Кто из социологов считал, что исходным общественным состоянием в первобытном обществе является не борьба, а сотрудничество индивидов?
 - А) Н. К. Михайловский
 - Б) П. Л. Лавров
 - В) А. С. Лаппо-Данилевский
6. Кто из российских социологов уделял наибольшее внимание анализу потребностей?
 - А) Н. И. Кареев
 - Б) М. М. Ковалевский
 - В) П. Л. Лавров
7. Кто из социологов считал, что общество — это «надорганическая среда», сложная система психических и практических взаимодействий личностей, в которой выделяются культурные группы и социальная организация?
 - А) Е. В. Де Роберти
 - Б) Н. И. Кареев
 - В) Н. М. Хвостов

8. Какое понятие Н. К. Михайловский считал центральным для понимания сущности прогресса?
 - А) «разделение труда»
 - Б) «кооперация»
 - В) «интеграция»
9. Кто был автором работы «Исторические письма»?
 - А) Н. К. Михайловский
 - Б) П. Л. Лавров
 - В) А. С. Лаппо-Данилевский
10. Кто из перечисленных социологов представляет марксистское направление?
 - А) Н. К. Михайловский
 - Б) М. М. Ковалевский
 - В) Н. И. Бухарин

Задание для самостоятельной работы

Напишите небольшое (объемом 4–5 страниц) эссе на тему «Проблема субъективности в воззрениях П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского». Дайте сравнительный анализ их подходов к оценке роли человеческих потребностей и целей в устройстве и развитии общества, к пониманию возможности достижения истины в социальном познании, к значению идеала в общественном устройстве, к роли личности в истории. Сделайте вывод о том, что понимали под объективностью и субъективностью в науке об обществе Лавров и Михайловский.

Темы рефератов (докладов)

- ✓ Теория прогресса Н. К. Михайловского
- ✓ П. Л. Лавров как социолог
- ✓ Н. И. Кареев о роли субъективной школы в развитии русской социологии
- ✓ Концепция «гиперпозитивизма» Е. В. Де Роберти
- ✓ Вклад М. М. Ковалевского в социологию
- ✓ Социологические идеи Н. И. Бухарина

Список дополнительной литературы по теме

- Бороноев А. О., Готов М. Б.* Классики российской социологии: учеб. пособие. СПб.: Роза Мира, 2006.
- Ковалевский М. М.* Современные социологи. 4-е изд. М.: Либроком, 2013.

Лавров П. Л. Исторические письма // *Философия истории в России: хрестоматия* / сост. Г. К. Овчинников. М.: Логос, 1996.

Михайловский Н. К. Что такое прогресс? М.: Либроком, 2012.

Социология в России XIX — начала XX веков. Вып. 2: Социология как наука. Тексты / под ред. В. И. Добренькова. М.: Междунар. ун-т бизнеса и управления, 1997.

Социология в России XIX — начала XX веков. Вып. 3: Общество. Законы истории. Прогресс. Цели и нормы жизни. Тексты / под ред. В. И. Добренькова. М.: Междунар. ун-т бизнеса и управления, 2001.

Хвостов В. М. Социология: исторический очерк учений об обществе. 2-е изд. М.: Либроком, 2011.

Глава 15

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ В XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Парадигмальный кризис в социологии

Период 1960–1970-х годов для западной социологии стал периодом *парадигмального кризиса*. К 1950-м годам в исследованиях социальных явлений и процессов господствовали две парадигмы. В Европе и Америке наиболее распространенным способом постановки и решения исследовательских проблем был в то время структурный функционализм в духе Т. Парсонса. В Советском Союзе и других странах, где у власти находились коммунисты, единственной разрешенной формой описания и объяснения социальных явлений была марксистская теория в том виде, как ее сформулировали В. Ленин и И. Сталин. Многим американским и европейским социологам в середине XX в. перспектива развития социологии виделась в «конвергенции» (от лат. *convergo* — приближаюсь, схожусь), т. е. соединении элементов, структурного функционализма и исторического материализма в универсальной теоретико-методологической концепции. Однако на рубеже 1950–1960-х годов господствующие подходы стали подвергаться массивной критике всё большим числом членов социологического сообщества.

Во-первых, приобрела популярность критика традиционной теории, принятая неомарксистами М. Хоркхаймером и Г. Маркузе еще в 1930-х годах, но не воспринятая тогда социологами. В 1960-х годах Г. Маркузе и Т. Адорно продолжали обличать «конформизм» теории, ориентированной на согласование своих положений с существующим положением дел (фактами) и на позитивную оценку равновесия социальной системы. Конформистскими в этом смысле в одинаковой степени являются и американский функционализм, и советский марксизм. Широкую известность получила дискуссия, которую в 1961 г. на заседании Германского социологического общества инициировал Адорно. Его доклад и доклад философа Карла Поппера, одинаково посвященные логике социальных наук, но содержащие диаметрально противоположные точки зрения, вызвали многолетнюю дискуссию, получившую название «спор о позитивизме». В те же годы концепции «критически-рефлексивной» социологии,

противопоставляемой традиционному позитивизму, развивали социологи нового поколения Ч. Миллс, Э. Гоулднер и др., не связанные непосредственно с Франкфуртской школой, но испытавшие влияние ее идей.

Во-вторых, ряд исследователей, среди которых выделялись Дж. Хоманс, А. Турен, Г. Блумер, Г. Гарфинкель, подвергли господствующие парадигмы критике за сосредоточенность на «макроуровне» социальной реальности, неспособность понять непосредственное взаимодействие людей. И если Блумер и Гарфинкель изначально были сторонниками альтернативных структурному функционализму и потому малоизвестных до 1960-х годов в социологических кругах концепций Дж. Мида и А. Шюца, то Хоманс и Турен первоначально были сторонниками структурного функционализма, но отошли от него и стали разрабатывать собственные подходы.

В-третьих, объектом критики стала так называемая «квантофрения» (от лат. *quantum* — количество) социологии. Это саркастическое определение стремления все социологические данные и выводы сводить к статистическим выкладкам, а социологический анализ — к манипулированию цифрами принадлежит П. Сорокину, который писал об этом еще в 1930-х годах. Но лишь в 1960-х годах такого рода критика получила широкую поддержку в социологическом сообществе и превратилась в идейную основу развития в противовес «жестким» количественным методам «мягких» качественных методов. Качественные¹ методы, построенные на интерпретации не подвергаемых статистическим процедурам данных о смысле, которые люди придают событиям, в представлении таких исследователей, как П. Бергер, Г. Блумер, Г. Гарфинкель, больше отвечают специфике социологии как науки о взаимодействиях людей, как дисциплины *гуманитарной* по определению.

Как следствие критики господствующих парадигм, вновь приобрела актуальность проблематика *предметной области и методов* социологии. В ходе развернувшихся в 1960–1970-х годах дискуссий о том, что и как должны изучать социологи, сложилась ситуация множественности парадигм. Каждая из конкурирующих парадигм претендовала в глазах своих сторонников на роль общесоциологической теории и методологии, но объединяла вокруг определенного видения предмета и методов исследования лишь часть социологического сообщества.

Наряду с уже утвердившимися в социологии подходами, которые предлагали *структурный функционализм, марксизм и неомарксизм*, характер парадигмы приобрели концепции, разрабатывавшиеся как исследовательские подходы, ориентированные на изучение межиндивидуальных взаимодействий и потому альтернативные традиционным макросоциологическим парадигмам. С выходом в 1961 г. работы Дж. Хоманса «Социальное поведение» и в 1964 г.

¹ Не в смысле оценки их эффективности, а в смысле противоположности их количественным методам.

работы П. Блау «Обмен и власть в общественной жизни» *концепция социального обмена*, ориентирующая социологов на изучение социального взаимодействия как процесса обмена, каждый участник которого получает выгоду в результате действий других участников и в свою очередь совершает действия, приносящие им выгоду, становится образцом для большого числа исследователей. Вышедшая в 1966 г. книга П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности» привлекла значительную часть социологического сообщества к идеям *феноменологической социологии*, предметом которой является социальное взаимодействие как процесс координации поступков людей, наделяющих действия друг друга смыслом, типичным для их жизненного мира, т. е. мира повседневного опыта. Концепция феноменологической социологии разрабатывалась А. Шюцем и его учениками еще в 1930–1950-х годах, но характер парадигмы приобрела только на волне критики традиционных подходов и новых дискуссий о предмете и методе социологии. Аналогична судьба другой парадигмы — *символического интеракционизма*, основополагающие идеи которого были сформулированы еще в 1920-х годах Дж. Мидом. Образцом для широкого круга исследователей, а не только ближайших учеников и последователей Мида эта концепция стала после выхода в 1969 г. работы Г. Блумера «Символический интеракционизм». Блумер в качестве предмета социологии представил социальное взаимодействие как процесс согласования людьми своих поступков с поступками других людей путем установления и изменения значений этих поступков.

Во второй половине 1960-х — начале 1970-х годов ситуация конкуренции парадигм заметно обострилась, поскольку появился ряд концепций «новой социологии», противопоставляемых традиционному пониманию предметной области, методов, критериев оценки научных результатов, роли социологов в общественной жизни. Вокруг этих концепций организовались небольшие сообщества радикально настроенных исследователей. Так, например, во Франции на основе идей, сформулированных А. Туреном в работах «Социология действия» (1965) и «Производство общества» (1973), сформировалась парадигма *социального акционализма*. Ее сторонники активно участвовали в деятельности социальных движений, в том числе экстремистских, применяя тем самым метод социологической интервенции — вмешательства в социальные процессы с целью раскрыть и сформулировать «исторические» цели движения. Другим примером радикального и относительно обособленного внутри социологического сообщества направления исследований может служить деятельность в США группы последователей идей, выдвинутых в работе Г. Гарфинкеля «Исследования по этнометодологии» (1967) и в работе А. Сикурела «Когнитивная социология» (1973). Развивая эмпирическую технику выявления скрытых, подразумеваемых смыслов, определяющих возможность и характер коммуникации, и сконцентрировавшись на изучении речевых практик в повседневной жизни, Гарфинкель, Сикурел и их последователи прев-

ратили *этнометодологию* (которая концептуально является лишь частью или версией феноменологической социологии) в подход, также претендующий на статус парадигмы.

В условиях нарастания числа концепций, претендующих на роль общесоциологической теории (или основы для разработки такой теории), социологическое сообщество столкнулось с практически неразрешимой проблемой выбора одной наилучшей, которая была бы универсальной методологической основой исследовательской работы. Еще в самом начале 1960-х годов Ч. Миллс, полемически заостряя эту проблему создания оптимальной парадигмы, заявлял, что какая бы то ни было общая теория вообще не нужна, поскольку каждый социолог, находящийся в конкретной ситуации исследования, «сам себе методолог». Тенденция теоретико-методологической дифференциации и нарастающего дробления социологического сообщества на группы, придерживающиеся альтернативных подходов, разрушала традиционный образ науки, в которой должна быть лишь одна, объединяющая научное сообщество парадигма. Поэтому эта тенденция воспринималась социологами как кризис.

Парадигмальный кризис — это перелом в развитии социологии, произошедший в 1960–1970-х годах и выразившийся в критике господствовавших макросоциологических, позитивистских и объективистских представлений о предмете, методах и предназначении социологии, а также в создании множества альтернативных концепций, претендующих на статус парадигмы.

Парадигмальный кризис прервал поступательное развитие социологии, уже преодолевшей стадии проектов создания науки об обществе и рассуждений о предмете и методе и перешедшей к масштабным теоретическим построениям и изолированным эмпирическим методикам. В результате парадигмального кризиса исследовательская деятельность социологов стала развиваться не в направлении теоретико-методологического консенсуса, а в направлении плюрализма (от лат. *pluralis* — множественный). Поэтому исследования 1960–1970-х годов могут быть в общем обозначены как *постклассическая социология*.

Постклассическая социология

Специфика выстраивания социологических подходов постклассической теории просматривается в двух ключевых тенденциях: в создании новых теорий и подходов на основе «возвращения» человека в центр внимания и фокуси-

ровки на рефлексующем субъекте; в поиске методологии, позволяющей сблизить эмпирическое исследование с процессом генерирования теории.

Одним из ярчайших представителей обозначенной тенденции сверхконцентрации на действующем и рефлексующем субъекте выступает Ирвин Гофман. В теоретическую социологию Гофман вошел поначалу как жесткий оппонент макроуровневых теорий общества, призывающий к исследованию конкретики повседневности. Именно на таких основаниях выстраивался его «драматургический подход» в своей ранней версии. Однако продолжительное изучение повседневности рутинных практик взаимодействия привело Гофмана к созданию мезоуровневой теории общества как теории фреймов. В монографии «Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта» (1974) содержится притязание на формулировку социологической теории, исходящей из достаточно пестрой и эклектичной идейно-теоретической перспективы. Так, в своих рассуждениях Гофман использовал феноменологический подход А. Шюца и А. Гурвича, тезисы социолингвистики Дж. Остина, некоторые идеи философии Л. Витгенштейна.

Драматургический подход Гофмана состоит из набора ярких и понятных концептов, таких как «представление себя другому», «ситуации соприсутствия», «драматургия взаимодействия», «анализ фреймов» и пр. Балансирование между метафорой и теорией придает им ту рыхлость, что так удобна для исследования в области интерсубъективного опыта общения, устойчивых поведенческих практик. Так, если в классических теориях ключевой единицей анализа выступает «взаимодействие» как «отношения акторов лицом к лицу», то у Гофмана это «спектакль» или «представление себя другому» — отношения соприсутствия. В классических подходах спецификация взаимодействия осуществляется через ограниченность в пространстве и времени, а в драматургическом подходе — через метафору размера сцены и занавеса. Более того — отношения соприсутствия наделены смыслом, протекают в определенном контексте, который и задает структуру интерпретации. Казалось бы, что здесь нового? Всё те же поиски смысла взаимодействия, взаимные ожидания и т. д. Однако при детальном знакомстве с новой теорией обнаруживаются элементы принципиально новые.

Гофман обогатил теоретическую социологию в трех направлениях. Во-первых, в универсум социального взаимодействия им введены материальные компоненты, мир вещей — «декорации» и «реквизит». Во-вторых, он переключил внимание исследователей с реконструкции смысла взаимодействия на необходимость описания тех интерпретаций, которые транслируют акторы в стремлении управлять впечатлением о себе у других. Они тщательно репетируют пьесу, которую в дальнейшем разыгрывают друг пред другом на сцене взаимодействия. И здесь уже нет свойственного классическим макроуровневым теориям концепта общих ценностей и цели действия. Ключевым оказывается формирование отчетливого впечатления о себе у других, «ауди-

тории», которая получает определенную интерпретацию социального статуса и роли непосредственно от их носителя.

И наконец, в-третьих, он ввел концепцию «фрейма» для обозначения того рутинного контекста повседневности, в котором, собственно, и осуществляется интеракция. Содержание каждого конкретного взаимодействия отнюдь не сводится к фрейму. По Гофману, фрейм включает в себя матрицу возможных событий и схему интерпретаций.

Обсуждение теоретического наследия И. Гофмана в целом и его концепции фреймов в частности породили целое направление в теоретической социологии. Более того, гофмановский фрейм-анализ в сочетании с тезисами социологической классики был положен в основу новых направлений — социологии эмоций Т. Шеффа, теории выбора фрейма Х. Эссера, прагматической социологии Л. Тевено и Л. Болтански, когнитивной социологии Э. Зерубавеля и др.

Не менее плодотворной является гофмановская концепция «тотальных институтов», ставшая весьма популярной и в антропологии, и в социологии. Тотальные институты — это организации закрытого типа, отделенные от общей социальной практики, но воспроизводящие базовые ценностно-нормативные комплексы, закрепившиеся в конкретной социокультурной практике. Гофман выделил пять типов таких институтов: институты, обеспечивающие стационарный уход за теми, кто не представляет общественной угрозы — дома престарелых, детские дома, хосписы; стационары, обеспечивающие уход за теми, кто представляет невольную угрозу для других — психиатрические клиники, тубдиспансеры и пр.; организации, занимающиеся теми, кто трактуется как угроза стабильности, безопасности и жизнедеятельности общества, — тюрьмы, лагеря военнопленных, лагеря беженцев, исправительные колонии; учреждения, содержащие тех, чья деятельность рассматривается как стратегически важная для общества, — армия, рабочие лагеря, школы-интернаты, судовые экипажи и т. д.; организации, создаваемые и пополняемые теми, кто стремится к воплощению определенных мировоззренческих установок, — церкви, секты, монашеские ордена, культовые организации. Предложенные Гофманом определения и описания ролей в таких организациях, объяснения жесткости регламента, их закрытости и осуществляемого ими подавления любых форм инакомыслия и индивидуальности сформировали специфическую парадигму изучения структур современного общества.

В конце 1960-х годов в Западной Европе и США особой популярностью стали пользоваться теории, которые извлекли из тьмы забвения роль индивида и интересубъективного взаимодействия, а также субъекта социальных отношений в процессе формирования общества. Среди социологических построений такого рода наибольшую известность получила теория общества, выдвинутая совместно Томасом Лукманом и Питером Бергером.

Свои центральные гносеологические посылки конструктивистская теория черпает из феноменологического подхода в социологии, заложенного в трудах Альфреда Шюца. Принципиальной новизной этой теории стали понятия «социальный конструкт», «институт», «институционализация». И здесь следует учитывать то обстоятельство, что критика построений Т. Парсонса, имевшая место в тот период, привела к исчезновению из социологического обихода концептов «институт» и «институционализация». Вышедшая в 1966 г. в США монография Т. Лукмана и П. Бергера «Социальное конструирование реальности» немедленно привлекла к себе всеобщее научное внимание. В ней обнаруживалась отчетливая тенденция соединения идей, сформулированных в рамках совершенно различных теоретико-методологических подходов, и были эксплицитно представлены концепции авторитетных немецких социологов, труды которых еще не обрели в то время значительной известности в США.

Теория Лукмана и Бергера опирается на концепцию идеологии К. Маркса, теорию институтов А. Гелена, феноменологию знания в трактовке А. Шюца, концепцию социальности Дж. Мида и структурно-функциональную теорию общества Т. Парсонса. А синтез важнейших идей Э. Дюркгейма и М. Вебера, о чем Лукман и Бергер говорят как о собственной инновации, можно обнаружить уже в ранних работах Парсонса. Объединение теории действия, сформулированной Парсонсом, и концепции символического интеракционизма Мида, которое они также считают своей научной заслугой, в неэксплицированном виде присутствует в теории институтов Гелена.

Теоретическая новизна предлагаемого подхода виделась авторам в рассмотрении в рамках социологии знания такой фундаментальной теоретической проблематики, как возникновение общества. Подход к социальной реальности как к результату диалектического процесса конструирования объективно и субъективно релевантного знания открывал возможность нового «прочтения» тех концепций общества, которые в тот период подвергались значительной критике, поскольку развивались лишь в рамках теоретической социологии.

Подход, сформулированный Лукманом и Бергером, отличается не столько теоретико-методологической новизной, сколько попыткой новой компоновки крупных достижений немецких и американских социологов, теории которых в силу различных причин не учитывались в качестве релевантных в социологическом дискурсе второй половины 1960-х годов.

Общество как объективная реальность, утверждают они, — это продукт реифицированной (опредмеченной) человеческой деятельности. Эта деятельность объективирована исторически и распределена в процессе социализации. Общество в интерпретации этих авторов предстает в качестве совокупного запаса знания, конструируемого индивидами в процессе взаимодействия и закрепляемого социально в виде институтов. Последние определяются

Бергером и Лукманом как «объективированные, обладающие статусом фактичности типизации действий и деятелей»². Объективированная социальная реальность институциональна и имеет принудительную силу по отношению к индивиду. Таким образом, методологически объективная реальность общества может быть схвачена только благодаря понятиям «институт» и «институционализация».

Такая интерпретация общества обусловлена тем, что Лукман и Бергер исходят в своих рассуждениях из антропологических предпосылок возникновения социального мира. Вслед за Геленом они подчеркивают изначальную открытость человека по отношению к миру. Отличие человека от окружающей природной и животной среды конструируется посредством специфического способа взаимодействия с миром.

Рассматривая антропологические основания социальной реальности, Лукман и Бергер практически дословно воспроизводят базовые положения «элементарной антропологии» Гелена. Так, геленовский тезис «человек создает сам себя через целенаправленную деятельность» лишь переформулирован ими и возведен в статус аксиомы: «...Создание человеком самого себя всегда и неизбежно предприятие социальное. Люди вместе создают социальную среду»³. Таким образом, человек, будучи существом социальным, трансформирует свою биологическую открытость миру в относительную закрытость социальной реальности. Социальная закрытость обусловлена тем, что поведение человека становится управляемым и стабильным благодаря наличию социального порядка. В этом пункте своих рассуждений исследователи задаются вопросом: каким образом возникает, поддерживается и воспроизводится социальный порядок, представляющий как объективная реальность в социальной повседневности индивида?

Социальный порядок возникает, согласно Лукману и Бергеру, именно в процессе институционализации. В этой связи концепция институционализации должна выступать инструментом анализа происхождения социального порядка, форм его поддержания и воспроизведения. По существу это тот же самый методологический ход, который обнаруживается у Парсонса. Именно в «теории социальной системы» им впервые была дана интерпретация «гоббсовского вопроса» о природе социального порядка. В парсонсовской версии механизмами установления социального порядка выступают институционализация и интернализация. В теории общества Лукмана и Бергера данная трактовка также принимается в качестве исходной, а отличие от парсонсовской версии в этом пункте рассуждения состоит в объяснении предпосылок институционализации. У Парсонса предпосылками институционализации

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Academia-Центр, 1995. С. 100–101.

³ Там же. С. 86.

выступают «двойная контингенция» взаимодействия и проблематичность селекции смысла ввиду его многообразия, а Лукман и Бергер рассматривают генезис институциональной реальности сквозь призму геленовской интерпретации «двойственной природы человека».

Институционализация, по Лукману и Бергеру, — динамический процесс возникновения, установления и передачи социального порядка. В этом процессе они вычлняют три последовательных этапа — типизацию, объективацию и легитимацию, — руководствуясь в значительной степени теоретическими положениями Маркса и Гелена. Так, Лукман и Бергер утверждают, что необходимым антропологическим условием типизации (т.е. возникновения институтов) является хабитуализация деятельности, высвобождающая энергию индивида для инноваций. Процессы хабитуализации («опривычивания») действия предшествуют институционализации, задают ее социальные основания.

С типизации начинается первый этап институционализации, сопровождающийся возникновением первичного социального контроля, обусловленного существованием института. Институт, согласно Лукману и Бергеру, — это «взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода». Институты принимаются всеми членами социальной группы, они историчны и воплощают социальный контроль. Лукман и Бергер особо подчеркивают, что зачатки институционализации содержатся в каждой социальной ситуации, продолжающейся какое-либо время. Однако историчность социального порядка, т.е. его установление и закрепление во времени, является результатом следующего этапа институционализации — объективации.

Объективация — процесс, посредством которого экстернализированные продукты человеческой деятельности приобретают характер объективности. Второй этап институционализации предполагает превращение институтов в объективную социальную реальность, называемую Лукманом и Бергером «социальным миром».

Объективация типизаций достигается благодаря «седиментации» и посредством общедоступной знаковой системы. В памяти поколения оседает интерсубъективное знание типизаций (седиментация), закрепляющееся в лингвистической форме (общедоступной знаковой системе). Общедоступная знаковая система — а это в первую очередь язык — придает статус анонимности такому опыту посредством его отделения от индивидуальных биографий. Знание, отделенное от индивидуальных биографий основателей институтов, становится общедоступным, объективно существующим.

Объективность институтов, согласно Лукману и Бергеру, порождается их воспроизведением в поколениях, их историчностью. Кроме того, она обретается институтами благодаря их статусу «анонимных фактичностей», воспринимаемых индивидом как социальный мир. Только на втором этапе институционализации и возникает социальный мир как всеобъемлющая реальность,

с которой индивид сталкивается, подобно тому как он сталкивается с реальностью природного мира. В этой связи Лукман и Бергер, следуя за Марксом, подчеркивают, что социальный мир, воспринимаемый индивидом в качестве объективно данного, не обретает тем не менее самостоятельного онтологического статуса, независимого от человеческой деятельности. Взаимосвязь между человеком и социальным миром имеет диалектический характер: производитель социального мира (человек) и продукт человеческой деятельности (общество) взаимодействуют.

Таким образом, Лукман и Бергер выделяют три базовых измерения социального мира — это социальная среда, созданная человеком, объективированная им реальность социального порядка и сам человек как социальный продукт. Первые два измерения создаются в процессе экстернализации и объективации, а третье — в процессе интернализации, посредством которой объективированный социальный мир переводится в индивидуальное сознание в ходе социализации.

Третий этап институционализации — легитимация социального порядка. Согласно Лукману и Бергеру этому этапу соответствует расширение институционального порядка за пределы жизни одного поколения. Потребность в легитимации — объяснении и оправдании существующего порядка — появляется в силу того, что историческая реальность наследуется новым поколением как традиция. Первоначальный смысл институтов не доступен новому поколению в терминах памяти, в то время как поддержание социального порядка напрямую зависит от усвоения в ходе социализации смысловых содержаний деятельности. Легитимации — это когнитивные и нормативные интерпретации институционального порядка, заучиваемые в процессе социализации.

Еще одним направлением, отражающим тенденцию поворота к социологии, сконцентрированной на человеческой субъективности и активности, наряду с феноменологическим конструктивизмом Бергера и Лукмана стал символический интеракционизм. Основоположник символического интеракционизма Герберт Блумер в числе первых выдвинул смелый тезис о том, что общество есть интерсубъективная символическая реальность, создаваемая и познаваемая непосредственно во взаимодействии. Именно взаимодействуя, индивиды наделяют смыслом вещи и объекты: они демонстрируют друг другу, что смысл их действий символичесок и требует рефлексии и интерпретации. В обществе циркулируют повторяющиеся действия, имеющие форму схем; эти схемы переплетаются и образуют сети социальных действий, или институты. Каждое отдельное действие может быть понято прежде всего в формате индивидуальной биографии и в ее связи с биографиями других. Идеи символического интеракционизма нашли свое воплощение в работах Б. Глэзера, Н. Дензина, А. Роуза, Г. Стоуна, А. Стросса, Т. Шибутани.

Одним из весьма важных нововведений данного подхода стал поиск адекватной состыковки социологической теории и методов эмпирического исследова-

дования. В этом направлении значительных успехов достиг Норман Дензин и созданная им школа интерпретативного интеракционизма и биографического нарратива как теоретической основы и методологического инструментария соответственно.

Дензин сформулировал шесть методологических принципов интерпретативного интеракционизма. Первые три раскрывают суть трактовки индивидуального действия как социального: 1) действие имеет два плана смыслов — внутренний, приписываемый ему самим актором, и внешний, возникающий в интерпретации его действия другими; 2) исследователю необходимо установить интерпретации действия, приписываемые каждым из участников интеракции; 3) исследователю надлежит «принять роль другого» — выявить связь обнаруженных интерпретаций с групповыми и институциональными интерпретациями. Четвертый методологический принцип, введенный Дензином, предполагает, что в рассмотрение интерпретаций действия самими акторами необходимо включать анализ ситуации взаимодействия, временной и пространственной компоненты, контекст. Отдельный интерес представляет пятый постулат, имеющий принципиальный методологический характер. Дензин полагает, что любое исследование требует отчетливых процедур верификации. В качестве таковых он предложил использовать процедуры метода триангуляции — проверки результатов исследования, полученных с помощью одного или двух разных методов, третьим. Например, данные, обретенные через включенное наблюдение, верифицируются через использование методов интервью и анализа документов. Шестой методологический постулат имеет рекомендательный характер: разрозненные исследования с использованием подхода интерпретативного интеракционизма должны позволить в перспективе прийти к универсальной теории природы социальной реальности.

На рубеже 1960–1970-х годов популярность у части социологического сообщества приобрело еще одно направление исследований, сфокусированных на человеческой субъективности, — этнометодология. В большинстве историографических исследований теоретической социологии это направление квалифицируют как разновидность символического интеракционизма или феноменологической социологии, однако при общем сходстве посылок — микроуровневый срез общественной практики, фокус на интересубъективности и самом человеке, ремикс классических идей — необходимо констатировать значимые различия между ними в тезисах и процедурах, методологии. Так, в трудах основоположника этнометодологии Гарольда Гарфинкеля одним из центральных становится тезис о том, что исследователь должен искать порядок, последовательность и логику в действиях обыденной жизни, взятых во всей их конкретности. Гарфинкель стремился перейти от классической методологии, базирующейся на построении абстрактных схем общества и последующей их операционализации, к конкретным ситуациям действия. Тем не

менее дискурс Гарфинкеля выстроен как оппозиция классическим системным теориям общества.

В отличие от драматургического подхода этнометодология не занимается интерпретацией знаков. Гарфинкель был категорически против определения локальных практик в качестве текстов, которые символизируют «смыслы» или события. Он полагал, что конкретные взаимодействия тождественны самим себе и не репрезентируют что-либо еще. В фокусе этнометодологии оказывались наблюдаемые повторяющиеся детали обыденных повседневных практик: именно они конституируют свою собственную реальность, с которой и надлежит работать исследователю.

Будучи прямым учеником Парсонса, Гарфинкель использовал некоторые ключевые понятия теории действия, но уже в контексте собственных изысканий. Он считал, что взаимные ожидания акторов являются латентными, неотрефлексированными моделями действия. Эти модели усвоены индивидами на уровне здравого смысла и не осмысляются в самой ситуации действия. Иными словами, интеракция обретает смысл отнюдь не через ориентацию каждого актора на культурно закреплённую модель действия, а через контекст и его ситуативное прочтение. Согласно Гарфинкелю индивиды творчески перерабатывают контекст ситуации и «включают» те смыслы, которые кажутся им адекватными этой конкретной ситуации. Он настаивал на том, что содержание фоновых ожиданий — латентные культурные образцы — можно ухватить только изучая ситуативные контексты.

Одна из базовых идей Гарфинкеля гласит, что социальный порядок не имеет характера всеобщности, а создается локально, в процессе взаимодействия, через индивидуальную творческую переработку культурных моделей действия. Таким образом, социальный мир весьма динамичен в своей конструкции, поскольку перманентно создается заново.

В задачи социолога входит обнаружение тех методов, посредством которых акторы ситуативно выбирают одни смыслы и отключают другие. К числу таких методов Гарфинкель отнес документирование и индексирование. В качестве документа он предложил рассматривать повторяющиеся значимые действия, движения, речевые проявления (например, нарочитый смех, аплодисменты, ситуативно значимую мимику, техники тела, подарки и пр.), а индексирование — это производимый актором отбор смыслов, которые представляются ему адекватными ситуации здесь и сейчас. Ситуация становится осмысленной для каждого из участников только благодаря тому, что каждый из них применяет к ней собственный индекс смыслов.

Этнометодология Гарфинкеля стала парадигмальной для многих теорий и концепций в социологии повседневности. Ярким и весьма авторитетным примером служит теория конверсационного анализа. Основателем этой теории следует считать Харви Сакса, инициировавшего исследовательскую группу по анализу бесед и разговоров в аспекте того, как в них воспроизво-

дится социальный порядок. Его ученица Г. Джефферсон придумала способ транскрибирования бесед, благодаря которому стало возможным зафиксировать не только речевой аспект взаимодействия (фразы, слова), но и коммуникативный аспект беседы (громкость и скорость речи, паузы, интонации, смех и пр.). В фокусе внимания Сакса и его группы оказался повседневный разговор в своих разнообразных разворотах и деталях. Именно разговор/беседу Сакс определил как способ организации локального социального порядка. В соавторстве с Э. Щеглоффом он применил конверсационный анализ к анализу видеозаписей. В дальнейшем Дж. Херитедж и Д. Грейтбатч использовали конверсационный анализ в исследовании техник убеждения, применяемых политическими деятелями. Анализируя выступления известных публичных политиков, они обнаружили, что в большинстве бесед с электоратом такие политики используют семь ключевых техник «побуждения к аплодисментам», или убеждения в своей правоте. Весьма любопытные находки были произведены на пути приложения конверсационного анализа к изучению специфики создания локального порядка в организациях (собеседования при приеме на работу, рабочие совещания, переговоры руководителей и т. д.).

Драматургический подход, концепции конструирования социальной реальности и символического интеракционизма создали потребность в развитии такого теоретизирования, которое было бы неразрывно и постоянно связано с практикой эмпирического исследования. Классическое «разделение труда» и «кооперация» теоретической социологии и социологии эмпирической были пересмотрены в этнометодологии, но наиболее последовательное развитие эта тенденция получила в так называемой «обоснованной теории».

Обоснованная теория (англ. *grounded theory*), прочно вошедшая в теоретический дискурс социологии в 1990-х годах, воплотила тенденцию к синтезу эмпирического исследования и концептуализации. В современной социологической практике она является одной из наиболее востребованных, хотя де факто представляет собой не что иное, как концептуализацию методологии построения дескриптивной теории.

Создателями обоснованной теории принято считать Б. Глэзера и А. Страусса, объединившихся в начале 1960-х годов с целью социологического изучения представлений о жизненной протяженности и процессах умирания в учреждениях с пациентами в терминальной фазе заболевания. Итогом их плодотворного сотрудничества, наряду с монографиями о «процессах умирания» с точки зрения пациента, родственника и врача, явилось создание обоснованной теории. Последующее использование и применение предложенного ими подхода породило несколько поколений ученых, работающих над созданием парадигмы обоснованной теории. В число наиболее активных ее теоретиков и практиков следует включить Дж. Корбин, разработавшую в соавторстве со Страуссом вариант процедур методологии и объединившую концепцию обоснованной теории с ключевыми положениями символического

интеракционизма, а также К. Чармац и Э. Браянта, сблизивших ее с конструктивизмом.

В своем универсальном варианте обоснованная теория претендует на статус описывающей феномен через анализ и концептуализацию эмпирических данных. В этой перспективе социологу, работающему в данной парадигме, надлежит выстраивать свое исследование в алгоритме трех ключевых методологических процедур: первичного свободного изучения объекта, кодирования, теоретической выборки. Основоположники обоснованной теории настаивают, что собственно теоретизирование, выражаемое в построении гипотез и рабочих категорий, описывающих феномен, возможно только после начального сбора и анализа данных. Они не допускают использования гипотез, выведенных из теорий или общего фонового обзора литературы. Более того, они считают, что этот обзор следует проделать на заключительном этапе концептуализации изучаемого феномена, дабы усилить эффект новизны.

На втором этапе исследователь создает некоторый набор категорий, среди которых допускаются те, что сформированы через наблюдение и анализ, и те, что извлечены из рефлексий респондентов. Процедуры отбора одних категорий и отказа от других несколько варьируют в различных версиях обоснованной теории. Так, Глэзер полагал, что необходимы многократные сравнения «субстантивных и теоретических кодов» — категорий, отобранных для построения перспективного описания феномена, созданных социологом и тех, что взяты непосредственно из поля от информантов и респондентов. Страусс и Корбин считали, что за этапом прямого кодирования, или выделения категорий, следует этап осевого и избирательного кодирования, или отбора ключевых категорий и ранжирование прочих.

Заключительный этап концептуализаций, обозначаемый как «теоретическая выборка», предусматривает анализ и описание данных, их селекцию и проверку. И даже на этом этапе предполагается тесное сотрудничество с респондентами, поскольку вновь отобранные категории могут выявить нехватку информации или упущения в анализе.

Постмодернистские тенденции в современной социологии

На развитии социологии в последние десятилетия сказалось осознание того, что во второй половине XX в. характер социальных процессов существенно изменился по сравнению с периодом возникновения и первоначального развития социологии. Здесь можно выделить три основные тенденции.

Во-первых, сформировалась *постиндустриальная экономика*. В Западной Европе и Северной Америке широкое применение в промышленности новых технологий — станков-автоматов, роботов, компьютеров и т. п. — привело к росту производительности и к снижению потребности в ручном труде. Высокая производительность обеспечила возможность выпуска огромной массы

относительно недорогих товаров, и для фирм-производителей важнейшей проблемой стало уже не создание продукта, а «создание» потребителя, т.е. развитие «своего» рынка сбыта посредством завоевания внимания при помощи маркетинговых исследований, постоянного обновления предлагаемых товаров и услуг, рекламы, стимулирования клиента скидками, призами и т.д.

Консьюмеризм (от англ. *consume* — потреблять), т.е. стратегия наращивания уровня потребления, становится основой экономической деятельности и фирм, и индивидов, для которых приобретение новых и престижных товаров/услуг становится формой самоутверждения, достижения признания со стороны окружающих, формой развлечения (игры, досуга). В условиях индустриализации большинство людей вовлекается в общественную жизнь в первую очередь через производство, в качестве членов больших коллективов (масс работников), а в условиях постиндустриальной экономики — через потребление, индивидуально или в небольших группах, отличающихся одна от другой вкусами и предпочтениями в выборе товаров и услуг, определяющих стиль жизни. В результате снижения потребности в рабочей силе в промышленности и развития консьюмеризма происходят изменения в структуре экономики. В сфере производства теперь занято намного меньше людей, чем в сфере услуг (30–40% и 60–70% соответственно), которая включает торговлю, рекламный бизнес, маркетинг и пиар, финансы (банки, страховые компании и пр.), образование, здравоохранение, шоу-бизнес и т.д. В условиях индустриальной экономики выше ценятся навыки создания *материального продукта*. В условиях постиндустриальной экономики выше ценятся навыки создания *символического продукта*, т.е. обработки информации и налаживания коммуникации — целенаправленного и эффективного общения с людьми.

Во-вторых, развилась *постидеологическая политика*. В условиях гарантированных демократических свобод (права голоса, собраний, манифестаций и т.п.) и господства консьюмеризма снизилась способность политических идеологий (либерализма, консерватизма, социализма, фашизма и т.п.) мобилизовать большие массы людей для участия в политической деятельности. Происходит деполитизация большинства и *миноритизация* (от англ. *minority* — меньшинство) политики. Всё меньше людей участвует в деятельности партийных организаций; в выборах участвует в среднем только 50–60% граждан, имеющих право голоса.

Альтернативой традиционным политическим доктринам и партийным организациям стали так называемые новые социальные движения: антивоенное, правозащитное, экологическое, в защиту интересов молодежи, женщин, этнических, культурных, сексуальных меньшинств, локальных общин и т.п. Электорат как однородная масса, распределяющаяся в ходе предвыборной кампании и голосования на большинство и меньшинство, сменяется множеством меньшинств, для которых главной ставкой в политической борьбе является не устройство общества, а право на альтернативный образ

жизни. Поэтому политическая деятельность, которая в условиях демократии сводится к «сбору голосов», больше не может основываться на однозначной, четко определенной доктрине — идеологии. Политическая агитация, которую ведут организации и кандидаты, теперь носит идеологически неопределенный характер, поскольку направлена на привлечение внимания как можно более широкого круга людей, интересы которых могут сильно различаться. Ведется такого рода агитация с использованием стандартных приемов рекламы и шоу-бизнеса.

В-третьих, возникла *постмодернистская культура*. Постмодернизм — это эстетическое и идейное течение, в основе которого лежит скептическое и даже ироническое отношение к ценностям, господствовавшим на протяжении XIX и большей части XX в. Отправной пункт постмодернизма — сомнение в том, что научный и технический *прогресс*, подчинение природных процессов и управление процессами социальными есть безусловное благо, что всё это избавляет человечество от материальных проблем, страхов и предрассудков, в том, что политическая и индивидуальная *свобода* избавляет от несправедливости, неравенства и угнетения.

Постмодернизм предполагает устранение традиционных бинарных оппозиций и уравнивание значения «нового» и «старого», «архаичного» и «современного», «рационального» и «иррационального», «объективного» и «субъективного», «научного» и «ненаучного» и т. д. В философии, литературе, изобразительном искусстве, кино, архитектуре, науке постмодернизм получил распространение в форме *эклектизма* — намеренного совмещения в одном произведении идей, приемов, характерных для разных художественных/научных направлений, разных национальных традиций и эпох.

Кризис, возникший в социологии в 1960–1970-х годах, по-своему отразил переход к постмодернистскому типу научного знания. Многочисленные попытки создать оптимальную парадигму базировались на стремлении социологов учесть те формы общественной жизни, которые выпадали из поля зрения сторонников альтернативных подходов. Но фрагментация общественной жизни и нарастающий плюрализм форм взаимодействия, характерных для разных общностей, складывающихся в условиях консьюмеризма, деидеологизации и постмодернизма, обрекали эти попытки на неудачу. Кризисный период завершился, когда к концу 1970-х годов в самой социологии возобладали постмодернистские тенденции, что выразилось в ослаблении стремления к поиску новой, оптимальной парадигмы социологического знания и распространении идеи согласования между собой уже существующих и конкурирующих парадигм, а также возвращения к наследию классиков. Проблематика развития социологии на основе теоретико-методологического «воссоединения» и «ренессанса» классики стала определяющей с 1980-х годов. Поэтому исследовательские работы, созданные в этот период, можно в общем назвать *постмодернистской социологией*.

Стремлением к интеграции исследовательских подходов, ранее считавшихся взаимоисключающими, отмечены наиболее значительные теоретические разработки 1980-х годов: *теория коммуникативного действия* Ю. Хабермаса, *теория структуриации* Э. Гидденса, *конструктивистский структурализм* П. Бурдьё.

Немецкий социолог Юрген Хабермас в двухтомной работе «Теория коммуникативного действия» (1981) попытался совместить базовые идеи макро-социологических (структурный функционализм, исторический материализм, критическая теория) и микро-социологических парадигм (феноменологическая социология, символический интеракционизм), которые сосредотачивают внимание исследователей на объективных структурах и субъективных смыслах соответственно. Общий недостаток этих парадигм Хабермас видит в том, что они «обрывают» связь между двумя неразделимыми аспектами общественной жизни — системой и жизненным миром. Поэтому теория самого Хабермаса нацелена на описание и объяснение того, что жизнь людей, поддержание социального порядка зависят как от следования формальным, безличным нормам (система), так и от взаимопонимания, достигаемого в личном общении (жизненный мир).

Английский социолог Энтони Гидденс в работах «Конституирование общества» (1984) и «Социальная теория и современная социология» (1987) представил теорию, которая должна соединить парадигмы, исходящие из примата структуры, и парадигмы, исходящие из примата действия, и тем самым положить конец «имперским притязаниям» субъективизма, характерного для интерпретативной социологии, и объективизма, характерного для структурного функционализма. В теории Гидденса процесс воспроизводства общества — это структуриация, в ходе которой социальные структуры, с одной стороны, создаются (часто непреднамеренно) деятельностью индивидов, а с другой — обуславливают эту деятельность, будучи ее ресурсами и правилами.

Французский социолог Пьер Бурдьё в работах «Различение» (1979), «Практическое чувство» (1980) и многих других стремился преодолеть односторонность объективизма, представляющего социальные отношения как независимую от индивидов реальность, и субъективизма, «не способного объяснить закономерность социального мира». Бурдьё создал теорию, согласно которой индивиды своими действиями конструируют социальные структуры. Однако это конструирование не рассматривается как произвольное — оно предопределено теми социальными структурами, которые в процессе накопления жизненного опыта, воспитания, образования формируют габитус, т.е. систему мыслительных и поведенческих установок индивидов, задающих их практики.

Несмотря на популярность, которую приобрели в социологическом сообществе теории Хабермаса, Гидденса, Бурдьё, прежде созданные парадигмы не утратили своего влияния. Постмодернистская установка на плюрализм и равноценность различных подходов выразилась в закреплении ситуации мульти-

парадигмальности в социологии. С выходом работы американского теоретика Джорджа Ритцера «Социология: мультипарадигмальная наука» (1975) постепенно получил распространение и стал доминирующим взгляд на социологию как науку, для которой множественность альтернативных теоретико-методологических позиций и подходов является естественной, поскольку сложны, разнообразны и изменчивы сами социальные явления и процессы. В результате с конца 1970-х годов преобладающей формой построения работ по общей социологической теории стало *метатеоретизирование*, т. е. не создание новой теории, а систематическое изложение альтернативных теорий и комментирование их, нацеленное на раскрытие базовых принципов и логики их построения.

Примерами метатеоретизирования могут служить широко известные работы «Теоретическая логика в социологии» (1982–1983) Джеффри Александера и «Современная социологическая теория» (1983) Джорджа Ритцера. В этих работах отчетливо видна новая тенденция: дебаты о том, что предпочтительнее и перспективнее для развития социологии — макросоциологические или микросоциологические теории, качественные или количественные методы, — завершились принятием идеи релятивизма (от лат. *relativus* — относительный), относительной ценности и взаимодополнительности альтернативных подходов.

Восприятие дебатов и теоретических поисков 1960–1970-х годов как кризиса социологии побудило многих социологов обратиться к осмыслению работ классического периода, что было бы невозможно без появления постмодернистской установки на уравнивание значимости «современного» и «архаичного». Ярким проявлением таких устремлений стал так называемый веберовский ренессанс. В конце 1970-х — 1980-х годах «новое прочтение», т. е. комментирование, раскрывающее актуальность идей М. Вебера, не просто породило большое число научных публикаций, но стало особой разновидностью профессиональной исследовательской деятельности. Под влиянием веберовского ренессанса в конце 1980-х — начале 1990-х годов интенсивному «новому прочтению» были подвергнуты труды других классиков социологии — Г. Зиммеля и Т. Парсонса. В начале 2000-х годов наметился ренессанс идей Г. Тарда. *Ренессанс классики, наряду с практикой метатеоретизирования на материале уже ставших традиционными концепций, способствовал фактическому исчезновению в социологии принципиальной разницы между теорией и историей.* Изложение теории теперь зачастую сводится к непредвзятому рассказу о том, что, когда и кем сделано для ее построения.

Французская постмодернистская теория

Особую роль в утверждении плюрализма и релятивизма в социологии сыграла французская постмодернистская социальная теория — совокупность концепций, созданных в 1970–1980-х годах М. Фуко, Ж. Бодрийяром, Ж.-Ф. Лиотаром, Ж. Делёзом и Ф. Гваттари. Они были последователями популярного во Франции после Второй мировой войны исследовательского направления — структурализма. Семиологию — учение о знаковых структурах, соотношении означающего и означаемого, разработанное в начале XX в. швейцарским лингвистом Ф. де Соссюром, — эти исследователи восприняли в его марксистской (в работах Л. Альтюссера) и фрейдистской (у Ж. Лакана) интерпретациях.

Концепции М. Фуко, Ж. Бодрийяра и других теоретиков-постмодернистов обычно квалифицируются как *постструктурализм*, поскольку в них подвергнута критике традиционная идея универсальности структурных связей в языке, мышлении, культуре и показана изменчивость, заданность знаковых структур историческими условиями, экономическими отношениями, отношениями власти, бессознательным «производством желания» и т. п. С другой стороны, теоретики-постмодернисты, используя марксистские и фрейдистские идеи для релятивизации структурализма, одновременно релятивизировали политическую экономию и психоанализ, поскольку доказывали, что *дискурсы* — практики манипулирования знаками — обуславливают и даже формируют традиционно считавшиеся объективными, материальными и природными феномены: экономические отношения, отношения власти, психические реакции, сексуальность и т. д. Поэтому правильным будет утверждать, что в теориях французских постмодернистов парадоксальным образом, но весьма плодотворно соединены *постструктурализм*, *постмарксизм* и *постфрейдизм*.

Мишель Фуко (1926–1984), историк и философ, знаменитый исследованиями становления гуманитарного знания, формально не был социологом, но его работы «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» (1975) и «Воля к знанию» (1976) содержат ставшую влиятельной именно в социологическом сообществе концепцию *дисциплинарного общества* и роли в его формировании социогуманитарного знания. Фуко показал, как формирующаяся с конца XVIII в. новая модальность (от лат. *modus* — способ, правило) власти поддерживает развитие гуманитарного знания, которое, в свою очередь, способствует развитию и экспансии этой модальности власти.

В книге «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» Фуко рассматривает трансформацию практики уголовного наказания в конце XVIII — начале XIX в. в качестве индикатора смены технологии власти. Публичная экзекуция — необходимый элемент власти как *демонстративной мести суверена* — постепенно была вытеснена тюремным заключением, исправительными работами, полицейским надзором — элементами власти как *дисциплинирования граждан*.

Глубинная основа дисциплинарной власти — это всеобщая поднадзорность (*panopticism*). В тюрьме или в школе, в офисе или в цехе дисциплинирование тела, организация и контроль деятельности множества индивидов превращают человека в объект тщательного наблюдения и изучения. Именно новая модальность власти конституирует предметную область гуманитарного знания и побуждает к дискурсивным практикам, представляющим человека в качестве «индивидуальности», «субъекта сознания и поведения», «психической структуры», «объекта воздействия социальных сил» и т. п. Фуко приходит к выводу, что противопоставление власти и знания, вера в то, что одно из условий научного знания — дистанцирование от власти, является заблуждением. Гуманитарные науки отрицают традиционную власть и соответствующие ей формы знания, но они развиваются на той же основе всеобщей поднадзорности, что и дисциплинарная власть, и умножают эффекты власти.

Индивидуальность угнетаемых не подавляется, а производится в дисциплинарном обществе как необходимый объект приложения *власти-знания* — специфического комплекса дискурсивных и недискурсивных практик, нацеленных на «нормализацию» поведения людей. Единство власти-знания, согласно Фуко, отчетливо проступает в «рождении тюрьмы». Гуманизация уголовных наказаний, трансформировавшая акт экзекуции в процесс изучения и исправления заключенного, становится возможной в современном обществе потому, что заключенный рассматривается не просто как «преступник», а как «делинквент» (лат. *delinquens* — совершающий проступок) — индивид с социально опасными наклонностями, чреватый систематическим нарушением норм, а этот подход безусловно является порождением гуманитарного знания.

В книге «Воля к знанию» Фуко ту же концепцию власти-знания развивает на материале истории изучения и регулирования сексуальности. С XIX в. развивается комплекс дискурсивных практик — медицинских, педагогических, юридических, экономических и т. д., — продуцирующих сексуальность как объект знания. В результате сформировался *диспозитив сексуальности* — сеть установок, предрасположенностей к познанию, переживанию, регулированию сексуальности как естественного свойства человека. «Инкорпорирование» в человека сексуальности приводит к тому, что индивид рассматривается не столько как субъект правильных или неправильных действий, сколько как носитель постоянных влечений, ориентация и интенсивность которых становятся объектом «нормализации», т. е. дисциплинарной власти. Помимо государства с его демографической политикой и полицией нравов, эти отношения власти «разворачиваются на теле» — в рамках научных, медицинских, образовательных институтов, движений в поддержку и против аборт, практики использования презервативов, легализации проституции и гомосексуальных отношений и т. п. *Отношения власти всегда образуют подвижную, изменчивую сеть силовых позиций и стратегий установления и поддержания неравенства.* Поэтому любая стратегия в рамках диспозитива сексуальности, независимо от

того, направлена ли она на контроль сексуальности индивидов или на ее эмансипацию, неизбежно воспроизводит дисциплинарное общество, поскольку так или иначе превращает индивидов в объект власти-знания.

Ключевые для концепции власти-знания Фуко темы разоблачения дискурсивного характера привычных объектов и социальных структур, критики гуманитарного знания стали общими для теоретиков-постмодернистов. Те же темы определили содержание книги Жана-Франсуа Лиотара (1924–1998) «Состояние Постмодерна» (1979), которая стала своеобразным манифестом постмодернистской теории. В этой работе период после Второй мировой войны квалифицируется как эпоха кардинальных изменений: общество вступает в постиндустриальную эру, а культура — в эру постмодерна. Именно Лиотар ввел в социологию представление об эклектичности как главной, определяющей характеристике постмодернистской культуры. Общество и культура модерна характеризовались монолитностью и универсализмом, поскольку в их основе лежали общепринятые дискурсы, придающие значения событиям и задающие направленность деятельности. Эти базовые дискурсы Лиотар именует «великими нарративами» (фр. *narrative* — рассказ, повествование) и относит к ним «диалектику духа», «герменевтику значения», «создание богатства», «эмансипацию субъекта мышления и труда». Эти метанарративы определяли дискурсивные практики в самых разных сферах жизнедеятельности людей и служили средством легитимации, т.е. «узаконения» в представлении людей того или иного дискурса/деятельности. Отправной пункт постмодернизма — недоверие к метанарративам.

Согласно Лиотару при переходе от модерна к постмодерну происходит дезинтеграция и распад «социальных агрегатов» — общностей и групп, формировавшихся и поддерживаемых на основе единства мировоззрения, деятельности и образа жизни. «Атомизация» социального ведет к замене привычных структур множеством «гибких сетей языковых игр». *Языковые игры* — это практики манипулирования дискурсами, которые индивиды используют для того, чтобы поддерживать свое социальное положение, превратившееся из статуса, четко определенного системой разделения труда, в пункт, через который проходят потоки сообщений.

Идея распада, или «атомизации», социального была радикализована Жаном Бодрийяром (1929–2007) в концепции упадка или исчезновения реальности. В его работах «Симулякры и симуляция» (1981) и «В тени безмолвствующего большинства, или Конец социального» (1982) постмодерн как новая культурно-историческая ситуация характеризуется дефицитом реальности. Дефицит реальности — это не дефицит вещей, которые, напротив, производятся во всё возрастающем количестве. Но вещи служат лишь знаками реального. Утрата реальности в концепции Бодрийяра — это утрата связи и, как следствие, различия между знаками (образами) и референтами (реальностью, на которую знаки должны указывать). Бодрийяр выделяет четыре последова-

тельные фазы отношения между образами и реальностью: 1) образ является отражением подлинной реальности; 2) образ маскирует и извращает подлинную реальность; 3) образ маскирует отсутствие подлинной реальности; 4) образ не имеет никакой связи с какой бы то ни было реальностью. Постмодерн в таком случае можно рассматривать как ситуацию перехода к отношениям третьего и четвертого типов. Знаки теперь — это *симулякры* (фр. *simulacre* — подобие, видимость), «копии без оригинала», которые замкнуты сами на себя и лишь симулируют наличие связи «знак — референт».

Симуляцию как замещение самой реальности знаками реальности Бодрийяр выявляет на примере функционирования гипермаркетов и их аналогов — культурных и развлекательных центров, — а также на примере функционирования средств массовой коммуникации. В условиях постмодерна, когда прежние формы социальности распадаются, когда такие модернистские ценности, как «свобода» и «прогресс», в экономически развитых и политически стабильных странах реализованы и потому больше не способны мотивировать активную деятельность и интегрировать большие общности, гипермаркет и его аналоги служат формой симуляции социальной жизни.

Вещи здесь не являются объектами, обладающими собственным значением; значение имеет лишь их сериальное, циркулярное, демонстрационное упорядочение, которое создает симулякр — модель социальных отношений. Эта модель запускается в действие потоком посетителей. Товар или произведение искусства в таком случае оказывается «фантомом»: в нем ценятся не его реальные свойства, а способность привлекать внимание потребителей. Единственная функция товаров/произведений искусства — участие в «индуцировании» масс, т. е. в создании в пространстве-времени гипермаркета человеческого потока, симулирующего общность, солидарность и совместную деятельность. Объекты потребления не имеют иного предназначения, нежели поддержание индивидов в состоянии массовой интеграции.

В условиях утраты реального содержания политики и нарастания политической индифферентности большинства политические события симулируются средствами массовой информации. Газеты, радио, и особенно телевидение, продуцируют потоки сообщений, возмещающих дефицит политической борьбы образами борьбы. События, по сути далекие от повседневной жизни, происходящие «за тридевять земель» и длящиеся недолго, посредством драматичных по форме и пространственных репортажей и комментариев превращаются в события масштабные, непосредственно и всерьез захватывающие жизнь людей, составляющих аудиторию средств массовой информации. Эти события-симулякры «индуцируют» массы в форме заинтересованной скандальными новостями и шокирующими сюжетами аудитории. Таким образом симулируется вовлеченность обывателей в политические процессы.

Нарочитая, гипертрофированная социальность, создаваемая гипермаркетами и массмедиа, согласно Бодрийяру, является *гиперреальностью*, посред-

ством которой скрывается отсутствие подлинной социальной реальности. «Золотой век» социальной реальности — модерн, именуемый Бодрийяром веком капитала и революции, — уже в прошлом. Те социальные структуры, которые превращают жизнь каждого человека в систему отношений с другими людьми, формировались под воздействием индивидуальной конкуренции, эксплуатации и конфликтов, организованной борьбы за права и свободы. В век постмодерна эта социальность исчезает, поглощаемая «черными дырами» безразличных масс потребителей и телезрителей. Симуляция, скрывающая за потоками знаков отсутствие реальности, — это стратегия сдерживания изменений. Идея «смерти социального» приводит к выводу о фактической «смерти» социологии, которая возникла как модернистская форма знания и должна исчезнуть с исчезновением своего предмета — социального — или превратиться в симуляцию реальной исследовательской работы.

Тенденции развития социологии на рубеже XX и XXI веков

Постмодернистская теория никогда не была безоговорочно интегрирована в систему социологического знания, поскольку у многих ведущих социологов, например у Хабермаса и Гидденса, настороженное и скептическое отношение вызывали радикализм и экстравагантная метафорика концепций Фуко, Лиотара, Бодрийяра. Приемлемой для социологического сообщества формой признания и одновременно альтернативой постмодернистской концепции «конца социологии» стала концепция перехода от социологии к мультикультуральной и мультидисциплинарной «социальной науке», представленная на конгрессе Международной социологической ассоциации (ISA) в Монреале (Канада, 1998) президентом Ассоциации Иммануилом Валлерстайном. Социальная наука конституируется вкладами из ряда дисциплин, таких как социология, политическая экономия, философия, психоанализ, лингвистика, феминистские исследования. Она органично включает различные национально-культурные традиции исследования социальных процессов, моральные оценки и политические позиции, в противоположность «западному» и «строго научному» характеру традиционно понимаемой социологии.

В качестве тенденций развития социологии в направлении социальной науки как мультипарадигмальной и мультидисциплинарной дискурсивной формации можно выделить три характерных для 1990-х годов процесса. Во-первых, в социологию была интегрирована французская постмодернистская теория с характерными для нее концепциями языковых игр и дискурсивных практик и критикой социологии как стратегии власти. Во-вторых, произошел так называемый поворот к культуре (*cultural turn*), когда многие влиятельные социологи, например Дж. Александер и Б. Тернер, стали определять социальные феномены в терминах практик повседневной и поп-культуры под явным влиянием *Бирмингемской школы* — группы ученых, развивающих с се-

редины 1960-х годов междисциплинарное направление, названное ими «исследования культуры» (*cultural studies*). В-третьих, получил развитие «экономический империализм» — тенденция определять социальные феномены в терминах формализованной экономической теории, — как, например, в работах Дж. Коулмена и М. Хечтера, развивающих теорию рационального выбора.

В первые два десятилетия XXI в. наметилась тенденция поисков новых форм социологии, нацеленных на то, чтобы сделать ее востребованной и конкурентоспособной на рынке интеллектуальной продукции. Постмодернистская теория, созданная М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотаром, Ж. Бодрийяром и предлагающая идеи «децентрации субъекта», «исчезновения человека», «конца социального» и т. п., подводит к выводам об утрате предмета современных социальных наук и об их симуляционном характере. Простые и эффектные модели «экономического империализма» создают впечатление ненужности многословных и недостаточно практичных дискурсов социальных наук. Поэтому в борьбе за существование своей дисциплины социологам приходится производить «цепляющие» внимание целевых аудиторий дискурсы и прибегать к эффективным медиарешениям.

Среди поисков новой исследовательской повестки для социологии в 2000-х годах можно выделить проекты двух бывших президентов Международной социологической ассоциации — польского исследователя Петра Штомпки (президент Ассоциации в 2002–2006 гг.), выдвинувшего идею «поворота к третьей социологии», и американского социолога Майкла Буравого (президент Ассоциации в 2010–2014 гг.), предложившего «поворот к публичной социологии».

В концепции Штомпки «третья социология» призвана прийти на смену «первой» — восходящей к О. Конту, К. Марксу, Г. Спенсеру и нацеленной на изучение «социальных целостностей» и их организации, и «второй» — восходящей к М. Веберу и Дж. Миду и ориентированной на изучение «социальных атомов» и их взаимодействий. Предлагаемый Штомпкой ряд определений предмета «третьей социологии» — «социальные события», «социальное существование», «социальное становление» — явно демонстрирует стремление сфокусировать внимание на процессах социальной жизни, чтобы уйти от дилеммы «действие или структура», парализовавшей воображение и волю научного сообщества. В том же направлении от раздвоенной социологии — либо структур, либо действий — к новой социологии процессов начали движение гораздо раньше Штомпки Э. Гидденс с теорией структуриации, П. Бурдьё с теорией практик, Б. Латур с теорией акторов-сетей и многие другие. Но Штомпка отчетливее остальных описал само это интеллектуальное движение как «поворот» к новой форме социологии и тем самым выразил охватившее социологов стремление к поискам новой предметности и новой методологии.

Другой путь к новой социологии предложил Буравой в своей концепции публичной социологии, которая призвана избавить научное сообщество от

дилеммы «научное знание или практическое знание», когда социологи вынуждены выбирать между исследовательской работой, представляющей чисто академический интерес, и информационным сопровождением практически полезных, но далеких от науки проектов корпораций и государства. Перспективу развития публичной социологии как гражданского движения исследователей, защищающих социальность от «тирании» рынка и государственной бюрократии, Буравой видит в возвращении излишне сфокусированной на внутривидовых вопросах научной дисциплины к ее «гражданским корням». Хотя сам Буравой представляет публичную социологию неким «голосом гражданского общества», его проект скорее выразил обеспокоенность нынешнего академического сообщества упадком внимания со стороны бизнеса, властей и массмедиа и стремление донести свои концепции и амбиции до аудиторий более широких, чем замкнутый круг профессионалов. Мотив конкурентоспособности оказывается решающим у Буравого, который открывает свой проект новой социологии моральным призывом к «улучшению мира» и «социологической интервенции» в духе А. Турена, а завершает техническим руководством по превращению результатов деятельности социологического сообщества в медийные события. То есть публичная социология должна стать по своему воздействию на общественность чем-то сопоставимым с рекламой, интернет-мемами, политическими новостями и светской хроникой.

Контрольные вопросы

1. Когда в социологии начался парадигмальный кризис?
А) в 1960-х годах
Б) в 1930-х годах
В) в 1980-х годах
2. В какой работе представлена парадигма феноменологической социологии?
А) «Теория коммуникативного действия»
Б) «Социальное конструирование реальности»
В) «Структура социального действия»
3. Кто из социологов развивал концепцию символического интеракционизма?
А) Г. Гарфинкель
Б) Г. Блумер
В) П. Бергер

4. Кто является автором концепции публичной социологии?
 - А) Т. Лукман
 - Б) П. Бергер
 - В) М. Буравой
5. Кто разрабатывал концепцию «тотальных институтов»?
 - А) И. Гофман
 - Б) Т. Парсонс
 - В) Ю. Хабермас
6. Кто ввел в социологию представление о постмодерне как новом состоянии общества, культуры, научного знания?
 - А) Жан-Франсуа Лиотар
 - Б) Жан Бодрийяр
 - В) Пьер Бурдьё
7. Какую теорию создал Э. Гидденс?
 - А) теорию социального действия
 - Б) теорию социализации
 - В) теорию структуризации
8. Какое понятие ввел в социологию Ж. Бодрийяр?
 - А) «структурализм»
 - Б) «симулякр»
 - В) «стратификация»
9. Какая из теорий относится к числу интегративных парадигм?
 - А) теория фреймов
 - Б) теория социального действия
 - В) теория структуризации
10. Кто из социологов ввел понятие «габитус»?
 - А) П. Бергер
 - Б) П. Бурдьё
 - В) М. Буравой

Задание для самостоятельной работы

Поупражняйтесь в сравнительном анализе социологических теорий. Сопоставьте теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса и теорию структуризации Э. Гидденса. В чем сходства их концепций? В чем различия? Как содержание этих теорий можно объяснить в контексте ситуации парадигмального кризиса в социологии?

Темы рефератов (докладов)

- ✓ Влияние идей Ж. Бодрийяра на современную социологию
- ✓ Интегративные парадигмы Э. Гидденса и П. Бурдьё
- ✓ Концепция неофункционализма Дж. Александера
- ✓ Концепция публичной социологии М. Буравого
- ✓ Роль постмодернистской теории в эволюции современной социологии

Список дополнительной литературы по теме

- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности / пер. с англ. М.: Асадемия-Центр, 1995.
- Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального / пер. с фр. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000.
- Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть / пер. с фр. М.: Добросвет, 2015.
- Бурдьё П.* Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр. СПб.: Алетейя, 2007.
- Гидденс Э.* Социология / пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2005.
- Иванов Д. В.* Этапы эволюции социологии и доминантные типы теоретизирования // Социологические исследования. 2013. № 9. С. 3–13.
- История теоретической социологии: в 4 т. / отв. ред. Ю. Н. Давыдов. Т. 4. М.: Канон, 1998.
- Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / пер. с фр. СПб.: Алетейя, 2013.
- Ритцер Дж.* Современные социологические теории / пер. с англ. М.; СПб.: Питер, 2002.
- Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии / пер. с фр. М.: Научный мир, 1998.
- Фуко М.* Управление собой и другими / пер. с фр. СПб.: Наука, 2011.

Раздел III

МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИИ

Глава 16. Методология социального познания

Глава 17. Методологические основы социологического
исследования

Глава 18. Методы сбора и анализа данных в социологии

Глава 16

МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

Слово «методология» образовано от греческих слов *μέθοδος* — «путь познания» и *λόγος* — «слово, мысль». «Методология», таким образом, — учение о путях научного исследования. Однако содержание этого понятия шире — оно включает изложение основных принципов, онтологических предпосылок, подходов, методов, обосновывающих и объясняющих способы получения научного знания, его приращения, развития и применения.

Выделяют несколько уровней методологии.

1. *Философская методология*, изучающая наиболее общие принципы и формы функционирования и развития человеческого мышления, познания, включая и познание научное. Философская методология в основном совпадает с гносеологией. Гносеология концентрирует внимание на анализе знания. Методология делает акцент на процессуальных характеристиках познавательного процесса.
2. *Общенаучная методология*, в которой рассматриваются принципиальные подходы и методы познания, встречающиеся во всех науках.
3. *Специально-научная методология*, т. е. методология конкретных наук: биологии, физики, истории, социологии и т. д. Специально-научная методология получила свое развитие и конкретизацию в методике и технике научных исследований, характерных для той или иной конкретной научной дисциплины.

Социологическая методология — учение о системе онтологических предпосылок, принципов, подходов, методов, раскрывающее структуру социологического знания, способы его получения, пути его приращения, развития и применения. Она представляет собой способ самосознания социологии как науки, особый вид рефлексии по поводу сущности, назначения, возможности и границ научного социологического познания. Объектом методологии является не сам социальный мир, а научная деятельность социолога (рис. 16.1), цель которой — изучение, отображение социального мира во всем его многообразии.

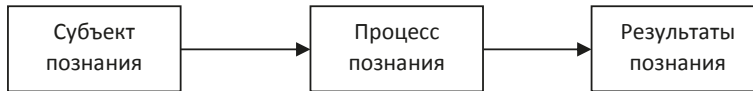

Рис. 16.1. Объект социологической методологии

Структура социологической методологии включает семь основных разделов.

1. Онтологические и гносеологические основания и предпосылки социологического познания.
2. Принципы социологического познания, главными из которых являются: объективность, всесторонность, причинность, историзм, развитие, системность, комплексность.
3. Основные способы понимания и объяснения социальной действительности, т. е. основные парадигмы развития социологического знания.
4. Основные подходы и методы, используемые в социологическом познании.
5. Структура социологического знания, виды социологических знаний.
6. Логика социологических исследований, последовательность и взаимосвязь процедур получения социальных знаний.
7. Проблемы использования знаний в общественной практике.

Основные представления о специфике социологической методологии

В истории социологии было разработано пять представлений о специфике социологической методологии.

1. «Естественно-научная установка». Сторонники этой точки зрения исходят из идеи, что подлинно научной методологией является методология естествознания и она должна применяться к познанию общества. Данная точка зрения была детально представлена в позитивистских направлениях. В XX в. на реализации такой установки настаивали американские социологи С. Додд, Г. Ландберг и П. Лазарсфельд. Эта точка зрения характерна и для представителей математической социологии.

2. «Модифицированная естественно-научная установка». Ее сторонники полагают, что для изучения социальных явлений надо применять методологию естественных наук, но сфера ее применения должна быть ограниченной. Методология естествознания является образцом для методологического самоопределения социологии, но необходимо определить возможности и границы изучения социальных явлений на основе методов естественных наук.

3. «Методологический пессимизм». Сторонники этой точки зрения утверждают, что поскольку не удастся распространить методологию естественных наук на изучение социальных явлений, т. е. получить точное знание, постольку научное познание социальных явлений невозможно. Социология должна отказаться от претензий на статус науки и оставаться формой социально-философской рефлексии.

4. Доктрина принципиальной специфики социологической методологии. Сторонники этой доктрины исходят из идеи о том, что объективно в мире существуют две качественно противоположные реальности — реальность природы и реальность человеческого сознания, ценностей и норм культуры. Социальная реальность не может быть адекватно отображена на основе применения естественно-научной методологии. Социология обладает методологическим своеобразием и независима от статуса и практики естественных наук. Эту точку зрения активно начали развивать сторонники неокантианства. В. Дильтей сформулировал идею противоположности метода понимания и метода объяснения. В. Виндельбанд обосновал идею противостояния двух групп наук: номотетических и идеографических. Первые выявляют законы, вторые ставят своей задачей изучить индивидуальные, уникальные явления, каковыми считаются социокультурные явления. Г. Риккерт различал генерализирующее и индивидуализирующее образование понятий. Последнее характерно для исторических наук, изучающих единичные явления в их соотношении с ценностями.

5. «Синтетическое представление». В его рамках утверждается, что социология должна развиваться в двух направлениях: 1) критическое осмысление практики использования методов естественных наук для изучения социокультурных явлений; 2) разработка новых методов их изучения, которые позволят выявлять специфику этих явлений и их отличия от других явлений.

Метапарадигмы социологического знания

Понятие «парадигма» для анализа науки, тенденций ее изменений впервые использовал американский исследователь Т. Кун, автор книги «Структура научных революций» (1962). Парадигма представляет собой особую форму научной работы, некоторый образец такой работы. Парадигма включает совокупность исходных принципов познания, совокупность подходов и методов изучения реальности, определенные представления о предмете и определенные нормы организации взаимодействия исследователей друг с другом на основе образующих данную парадигму идей. Парадигма создается после появления конкретной научной работы, которая по-новому описывает изучаемую действительность. Примерами подобных работ служат «Капитал» К. Маркса, «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебера, «Исследования по этнометодологии» Г. Гарфинкеля. Парадигма, принятая в определенном научном

сообществе, выступает для членов данного сообщества в качестве дисциплинарной матрицы, которая удерживает в рамках этой парадигмы ее последователей. Если прекращается приток в парадигму новых представлений, она перестает функционировать и становится историей науки.

В социологии существует большое число парадигм, что затрудняет методологическую ориентацию исследователей. Поэтому те парадигмы, которые близки по своим базовым представлениям о характере изучаемой реальности и способах ее исследования, социологи стремятся сгруппировать, выделить в них общие принципы и формируют тем самым метапарадигмы. Можно выделить три метапарадигмы развития социологического знания: естественно-историческую, деятельностную и гуманитарно-личностную.

Основное содержание первой метапарадигмы выражено в эволюционистских теориях, марксистской теории, в различных позитивистских концепциях. Представители естественно-исторической метапарадигмы рассматривают общественное развитие как закономерный естественно-исторический процесс. Поведение и сознание индивидов и общностей определяется, по их мнению, объективными законами, отменить действие которых люди не могут. Поэтому свобода человека трактуется ими как «осознанная необходимость». Абсолютизация основных положений данной метапарадигмы ведет к фатализму и к упрощенным представлениям о развитии общества.

К деятельностной метапарадигме можно отнести структурно-функциональный анализ, различные версии социального активизма. В ее рамках общественное развитие трактуется как определяемое законами человеческой деятельности: люди относительно свободны и способны создавать в соответствии со своим проектом новые общественные формы (А. Турен, М. Круазье, А. Этциони). Абсолютизация положений данной метапарадигмы ведет к волюнтаризму и субъективизму.

К гуманитарно-личностной метапарадигме тяготеют представители неокантианства, символического интеракционизма, феноменологической социологии, этнометодологии, конструкционизма. Сторонники этой метапарадигмы полагают, что социальная реальность, общественные изменения порождаются деятельностью группового сознания или конструируются в интерсубъективном мире значений, смыслов, ценностей. В рамках этой парадигмы отрицается существование как объективных социальных законов, так и законов человеческой деятельности. Абсолютизация положений данной метапарадигмы ведет к идеализму в трактовке социальных изменений.

Названные метапарадигмы, конечно, являются идеальными типами. В конкретных направлениях социологической мысли положения отдельных парадигм могут совмещаться. Например, в субъективном направлении российской социологии можно обнаружить положения и деятельностной, и гуманитарно-личностной метапарадигм. В то же время научное сообщество разделено на несколько групп, каждая из которых действует по преимуществу

в рамках одной из выработанных и принятых в качестве образца парадигм. Имеются и группы ученых, которые сознательно стремятся на основе принципа дополнительности сочетать онтологические, методологические и содержательные представления разных парадигм. Расчленение парадигм и установление отношений между ними позволяет лучше ориентироваться в истории, настоящем и ожидаемом будущем состоянии социологического знания.

Онтологические предпосылки научного поиска

Специфика социологической методологии определяется тем, как социологи определяют онтологию (от греч. *ὄν*, род. п. *ὄντος*— сущее, то, что существует, и *λόγος* — учение, наука) социальной реальности, т. е. отвечают на вопрос, что представляет собой изучаемая социальная реальность, каковы ее формы существования. Онтология является исходным пунктом формирования социологических методов и социологического знания.

Приступая к исследованию конкретного явления, необходимо (по крайней мере предположительно) уяснить и/или установить его природу, его основное качество, формы его существования, отличие его от других явлений. Другими словами, надо дать онтологическую характеристику явления. Это можно сделать либо используя ранее разработанные теории, либо формулируя свои исходные онтологические предположения.

Вопрос об онтологических предпосылках научного поиска часто решается либо на интуитивном уровне, либо с позиций так называемого наивного реализма. Сегодня такие решения нельзя признать ни удовлетворительными, ни достаточными. В мировой социологии противостоят, противостоят и, видимо, будут противостоят различные онтологические ориентации: социологический реализм, социологический номинализм и диалектические онтологические представления.

Социологический реализм исходит из представления о том, что в социальной действительности существует множество социальных целостностей различного уровня. Каждая из этих целостностей обладает качественным своеобразием: свойство целого нельзя свести к свойствам частей, составляющих это целое. Социологический реализм утверждает, что если мы используем «коллективные (структурные) понятия», то под ними подразумеваем реальное существование надындивидуальных явлений: общество, социальные классы, социальные институты, организации, государство, право и т. д. Странники социологического реализма полагают, что в социальной действительности имеют место объективные закономерности, которые действуют независимо от воли и сознания людей, подчиняя себе поведение отдельных индивидуумов и коллективов. В социальной действительности различные целостности взаимодействуют друг с другом на основе разных форм детерминизма, т. е. причинности. «Реалисты» утверждают, что формы причинности

на различных уровнях социальной организации реализуются по-разному. Стронниками социологического реализма были О. Конт, Г. Спенсер, М. Ковалевский, Э. Дюркгейм. Социологическому реализму как онтологической ориентации соответствует *методологический холизм* (от др.-греч. *ὅλος* — целое), который исходит из признания приоритета целого над частью. В исследовательской практике эта ориентация может реализовываться на основе холистских подходов, т.е. таких стратегий научной деятельности, которые позволяют «овладевать» целостностью. К холистским подходам можно отнести диалектический, системный, комплексный и некоторые другие. Схематически связь между онтологическими представлениями реализма и его методологическими ориентациями можно выразить следующим образом (рис. 16.2):

Рис. 16.2. Реализм и его методологические ориентации

Социологический номинализм сформировался во второй половине XIX в. в Германии и России. Его представителями являлись Г. Зиммель, М. Вебер, П. Новгородцев, Л. Петражицкий. Для номиналистов характерно представление об обществе как о совокупности отдельных субъектов. Номиналисты полагают, что в социальной действительности нет ничего сверх того, что можно обнаружить в отдельных индивидуумах. Знание свойств отдельных индивидуумов, их целей, мотивов, ценностных ориентаций достаточно для научного познания общества. Номиналисты утверждают также, что введение в социологию коллективных понятий является глубоким заблуждением и грубой ошибкой. Они настаивают на том, чтобы социология отказалась от коллективных понятий или чтобы она не онтологизировала их, т.е. не придавала им статус реально существующих явлений. С точки зрения номиналистов, социолог должен использовать индивидуальные понятия («цель», «мотив деятельности», «личность», «смысло-жизненные ориентации», «ценности», «идеалы» и т.п.). Эти ученые отрицают объективные социальные законы. По мнению номиналистов, в социальной действительности могут существовать лишь закономерности, определяемые целями действующего субъекта, т.е. телеологические закономерности. Социологическому номинализму соответствует методологическая ориентация, получившая название *методологического индивидуализма*. Реализация этой ориентации предполагает использование «индивидуалистских» подходов (симпатии, эмпатии, понимания, интерпретации). Связь между номинализмом и его методологическими ориентациями показана на рисунке 16.3.

Рис. 16.3. Номинализм и его методологические ориентации

Абсолютизация основных положений социологического реализма и социологического номинализма ведет к крайностям и искажениям представлений о самой социальной действительности и обедняет возможности целостного отображения всего богатства ее свойств. Объединение, синтез положительных сторон, достоинств обеих онтологических ориентаций позволяет правильно понять общественную действительность и правильно организовать познавательный процесс. Это возможно в рамках диалектических онтологических представлений, при реализации которых социолог использует как методологический холизм, так и методологический индивидуализм, как холистские, так и индивидуалистские подходы, как коллективные, так и индивидуалистские понятия.

Виды методологического анализа

Методология как общее учение о путях познания реализует свои функции в нескольких видах методологического анализа.

1. Анализ онтологических представлений о социальной действительности и вытекающих из них гносеологических основ.
2. Анализ принципов познания, главными из которых являются объективность, всесторонность, причинность, историзм, развитие, системность, комплексность.
3. Анализ подходов и методов, которые используются в практике социологических исследований.
4. Анализ применимости в социологических исследованиях общенаучных методов и понятий («вещь», «свойство», «отношение» и т. д.).
5. Анализ отдельных специфических для предметной области социологии понятий, теоретических схем и научных теорий, а также фактов.
6. Анализ познавательного процесса, логики научного исследования.
7. Анализ отношений исследователей при организации коллективного научного поиска.
8. Анализ типов отношений между социологом и различными видами общественной практики.

Диалектический подход в социологии

Часто подход отождествляется с методом, однако их необходимо различать. Подход — это особая форма стратегии научно-исследовательской деятельности, он включает собственные характерные принципы и одновременно методологические ориентации. Подход — это предпосылка деятельности, а метод — познавательные действия, которые совершаются в соответствии с определенным алгоритмом, в определенной последовательности, обусловленной особенностями данного метода. Конкретный подход может опираться на один метод или на их совокупность. Понятие подхода более широкое, чем понятие метода.

Обычно говорят о диалектическом методе. Исходя из сформулированных выше представлений о различиях подхода и метода, мы будем говорить о диалектическом подходе.

Первоначально понятие «диалектика» (греч. *διαλεκτική*) означало «искусство вести беседу». Сократ понимал под диалектикой искусство обнаружения истины путем столкновения противоположных мнений. Платон под диалектикой подразумевал логический метод, при помощи которого на основе анализа и синтеза понятий происходит познание сущего. Софисты понятию «диалектика» придавали дурной оттенок: они считали, что диалектика представляет собой способ выдавать ложное за истинное. В дальнейшем произошло переосмысление этого понятия. Философы Нового времени, в особенности представители немецкого классического идеализма, пришли к выводу, что диалектика должна выступать в роли учения о всеобщих формах бытия, движения и развития, действительности и познания. Далее диалектика стала развиваться как учение о всеобщих законах развития природы, общества и мышления.

В то же время диалектику как учение о всеобщих законах начали рассматривать в качестве особого подхода к организации познавательной деятельности, т. е. в качестве метода. При этом диалектика выступает как способ изучения самодвижения различных явлений на основе анализа внутренних противоречий, присущих данному явлению.

Диалектический подход требует анализировать социальные явления в постоянном развитии, отличать простые изменения от тех, которые переводят определенное социальное явление от его низших форм к более высоким, от относительно простых к более сложным. Принципы диалектики в ее классической форме подразумевают, что социальное явление должно рассматриваться также в терминах социального прогресса. Диалектическая методология предлагает в качестве основы любому исследователю три закона, которым подчиняются объективный мир и человеческое познание:

- 1) закон единства и борьбы противоположностей;
- 2) закон перехода количественных изменений в качественные;
- 3) закон отрицания отрицания.

В первом законе находят выражение внутренние источники развития любого, в том числе социального явления. Второй закон указывает на механизм формирования новых качеств у данного явления. Третий закон объясняет, каким образом при всей изменчивости данного явления сущность его остается относительно постоянной. При отрицании отрицания развитие осуществляется не путем полного отбрасывания всех имеющихся свойств, а путем сохранения в новых свойствах, в изменяющейся сущности позитивного старого.

Диалектика оперирует также парными категориями, которые фиксируют отдельные закономерности, присущие объективному миру и познанию, как то сущность и явление, форма и содержание, причина и следствие, возможность и действительность и др.

Диалектический подход включает ряд принципов, важнейшие из которых следующие:

- 1) принцип конкретности истины;
- 2) принцип единства логического и исторического, абстрактного и конкретного;
- 3) практика — основной критерий истины.

Маркс считал, что диалектика в позитивное понимание существующего включает и понимание его необходимой гибели (отрицание). Каждую форму диалектика рассматривает в движении, т. е. с преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по природе своей критична и революционна.

Французский социолог Георг Гурвич разработал свою концепцию места диалектики в организации социологического познания. Он предложил соединить диалектику с эмпиризмом. В противоположность многим философам Гурвич отрицает существование диалектики в природном мире, но настаивает на том, что в отличие от естественно-научного познания социологическое познание должно быть диалектичным, так как социальная действительность по сути своей диалектична. Гурвич полагал, что диалектические процедуры необходимы, но они способны обеспечить только описание социального явления, а не его объяснение. С его точки зрения, диалектика — «санитарная служба» социально-научного познания. Гурвич не без основания считал, что трудности, переживаемые социологией в XX в., во многом связаны с неспособностью социологов использовать диалектические процедуры и что кризис в мировой социологии может быть преодолен с помощью применения этих процедур.

Исторический подход

Онтологическую основу исторического подхода определяют следующие положения:

- 1) существование и развитие социальной действительности в пространстве и времени;
- 2) постоянство изменения социальной действительности;
- 3) обусловленность социальных изменений сложным взаимодействием объективных и субъективных факторов.

Исторический подход требует изучения социальной действительности как изменяющейся во времени и пространстве, как процесса, который подчинен объективным закономерностям.

По существу исторический подход представляет собой форму организации познавательного процесса, в ходе которого осуществляется изучение социального явления посредством воспроизведения его причинно обусловленного и закономерного становления и развития. К историческому подходу необходимо обращаться, когда существует потребность объяснить наличие свойств, присущих данному явлению в данное время, при определении исторического места и роли данного явления и для понимания прошлого через настоящее. Используя исторический подход, исследователи отвечают на вопросы, как возникло явление, какие этапы прошло оно в своем развитии, каковы причины перехода данного явления от одного состояния в другое и чем стало данное явление на последующей стадии своего развития.

Исторический подход должен опираться на диалектический подход. Исторический подход предполагает анализ качественных изменений в структуре явления и анализ развития данного явления в форме его самодвижения, т.е. путем рассмотрения единства и борьбы противоположностей, которые для него характерны. При использовании исторического подхода следует избегать двух крайностей — архаизации и модернизации.

Архаизация — это способ рассмотрения явления, при котором для объяснения свойств, присущих ему в настоящем, используются категории, отражающие свойства, которыми явление обладало в прошлом. Модернизация — это способ рассмотрения социальных явлений, при котором формы описания современного состояния общественного явления применяются для объяснения того же явления на раннем этапе его существования.

Сравнительный подход и сравнительные социологические исследования

Сравнительный подход — стратегия исследовательской деятельности, цель которой заключается в выявлении общих и специфических свойств однородных

или разнородных социальных явлений. На основе сравнительного подхода изучают различные этапы становления и развития одного и того же социального явления или разных явлений, существующих в одно и то же время.

Сравнительный подход опирается на сравнение — познавательную операцию, в ходе которой на основе определенного критерия либо их совокупности устанавливается сходство и/или различие социальных явлений. Для установления сходства и различия одно социальное явление должно быть сопоставлено с другим или свойства, присущие явлению в одно время, должны быть сопоставлены со свойствами, присущими этому явлению в другое время. Логически операция сопоставления сводится к рассмотрению отношений $A = B$; $A < B$; $A > B$. Указанные отношения суть основные отношения сравнения.

Обращение к сравнительному подходу предполагает постановку и решение ряда специфических вопросов. Один из центральных вопросов: *возможно ли в принципе сравнение тех или иных социальных явлений?* Ведь сравнение имеет смысл лишь тогда, когда исследователь уверен в том, что те или иные явления в чем-то сходны. Стало быть, положительный или отрицательный ответ на вопрос о возможности и целесообразности обращения к сравнительному подходу зависит от некоторых онтологических представлений исследователя о подлежащих сравнению явлениях. Опираясь на уже имеющиеся знания о явлениях и/или на собственные представления о них, исследователь должен определить, имеется ли нечто общее в объектах, которые он намерен сравнивать. Когда это общее обнаружено, можно переходить к следующему этапу подготовки сравнения, а именно к определению оснований сравнения.

Таким образом, второй важнейший вопрос методологической организации сравнительного исследования: *каковы критерии, основания будущего сопоставления явлений или свойств одного и того же явления?* Ответ на этот вопрос также связан с онтологическими представлениями исследователя. Эти представления могут заимствоваться у других, а могут разрабатываться и самостоятельно. Сравниваться должны свойства, в которых выражена сущность (главное, определяющее) в сравниваемых явлениях. Если предполагаемое сравнительное исследование будет не только качественным, но и количественным, *следует определить, что и как* (с помощью какого измерительного инструмента) *будет измеряться*. Это третий вопрос методологии сравнительных исследований.

Четвертый вопрос связан с созданием модели выборки, т.е. с *определением качества и количества реально существующих объектов*, которые должны быть подвергнуты изучению и которые будут представлять (репрезентировать) всё множество объектов соответствующего типа.

Сформулированные выше четыре важнейших теоретико-методологических вопроса и определяют специфику обоснования социального исследования на основе сравнительного подхода. В остальном проблемы организации

таких исследований сходны с проблемами организации «обычного» социального исследования.

Принимая во внимание вышесказанное, можно определить основные, специфичные для сравнительных исследований этапы их организации и осуществления. *Первый этап* связан с корректной постановкой вопроса о возможности и целесообразности сравнения тех или иных явлений. *Второй этап* предполагает формулирование конкретных целей сравнения, а также поиск, обоснование и создание системы критериев сравнения. *Третий этап* — решение методологических проблем измерения интересующих исследователя явлений. *Четвертый этап* — построение выборки, определение объектов, подлежащих сопоставлению. *Пятый этап* — собственно исследование, т. е. изучение на основе идейного замысла и гипотез исследования ранее отобранных объектов. Остальные этапы организации и осуществления сравнительных исследований идентичны этапам «обычных» исследований.

Обращение к сравнительному подходу в социальных науках было обусловлено двумя основными обстоятельствами: во-первых, стремлением социологов установить некоторые «универсалии», т. е. повторяемость, регулярность явлений в человеческой истории, культуре, в социальном взаимодействии; во-вторых, желанием «удержать», не потерять свойства, присущие различным обществам, культурам. Другими словами, это стремление преодолеть нередко встречавшийся и встречающийся сегодня исследовательский этноцентризм.

Реализация сравнительного подхода требует умения оперировать понятиями социального времени и социального пространства. Неумение оперировать этими понятиями или игнорирование их роли в социальном исследовании часто приводило и приводит ученых к неверным или ограниченным выводам и оценкам. Поэтому выводы и оценки, полученные на основе изучения специфичных для данных культуры и общества свойств явлений, должны проверяться с помощью результатов межкультурных, межнациональных исследований. Сравнительные исследования могут проводиться как по оси социального времени, так и по оси социального пространства. Возможны и сравнительные исследования, где одновременно осуществляется социально-пространственное и социально-временное измерение социальных явлений.

В зависимости от ориентации сравнительных исследований на социальное время обычно выделяют кросс-секционные, панельные, когортные, трендовые исследования. Кросс-секционные исследования имеют целью сбор и анализ информации о различных группах населения, сосуществующих в одно и то же время, но находящихся на разных стадиях развития или в различных социально-экономических условиях. В основе панельных исследований лежит длительное изучение одной и той же группы людей через определенные интервалы времени. Объектом когортного исследования выступает конкретная воз-

растная подгруппа населения (когорты), изменения свойств которой изучают в течение определенного отрезка времени. Трендовые исследования фиксируют изменения, происходящие в течение конкретных промежутков времени в населении страны, региона (в генеральной совокупности).

В зависимости от ориентации сравнительных исследований на социальное пространство выделяют межнациональные, межгосударственные (межстрановые), межрегиональные исследования. Указанные исследования отличаются друг от друга по ориентации на основной объект анализа — нацию, государство (страну), регион, культуру. Объединяет эти исследования установка на проведение сравнения двух и более наций, государств, регионов, культур.

Сравнительные социальные исследования, выходящие за пределы отдельных стран, государств, культур, стали активно организовываться и осуществляться лишь с начала 1960-х годов. Движение за проведение таких исследований было поддержано Международным советом социальных наук при ЮНЕСКО. В 1970–1980-х годах в различных европейских странах были сформированы подразделения, институты, ответственные за выработку единых подходов для сбора, обобщения, хранения данных социальных исследований. Согласованная по ряду параметров работа различных учреждений привела к формированию межнациональных инфраструктур обслуживания социальных наук и проведению межгосударственных сравнительных исследований. Сегодня научные коллективы Европейского союза самостоятельно и во взаимодействии с коллегами из других стран уже реализовали ряд международных сравнительных проектов. А с начала 1990-х годов ЮНЕСКО приступила к реализации первой межправительственной программы в области социальных наук. Официальное название программы — Программа управления социальными преобразованиями (Management of Social Transformations — MOST).

Системный и комплексный подходы

Говоря о соотношении системного и комплексного подходов, мы используем несколько критериев: 1) происхождение подходов; 2) их разработанность, развитость; 3) своеобразие методологических установок; 4) своеобразие онтологии подходов, т. е. нацеленность каждого из них на специфические объекты; 5) сфера применения.

Системный подход разрабатывался на основе принципа системности. Этот принцип был выдвинут еще в XIX в.; к нему обращались и Маркс, и Спенсер, и другие социологи. Тем не менее основное содержание принципа системности получило развитие лишь во второй половине XX в.

Системный подход в качестве общенаучной исследовательской стратегии начал развиваться накануне Второй мировой войны. Его родоначальником был Л. фон Бергаланфи, разработавший его основные положения. Стоит заметить, что многие идеи Бергаланфи предвосхитил российский ученый А. Богданов,

основоположник тектологии — учения об организациях (оно было создано им в начале XX в.). Первоначально системный подход применили в биологии, в дальнейшем он был распространен на другие отрасли научного знания, в том числе и на социологию.

Комплексный подход возник позже системного. Его формирование проходило на основе положений системного подхода в 1970-х годах в отечественном обществоведении. Становление комплексного подхода не завершено, он всё ещё находится в процессе развития. В западной социологии понятие «комплексный подход» пока используется не часто. Западные исследователи оперируют другим понятием — «триангуляция», означающим применение различных методов, техник, инструментов, теорий для более успешного приближения к истине. Понятие триангуляции передает идею необходимости объединения в одном исследовании разных идей, методов, однако не дает ответа на вопросы о том, *на каких основаниях и как можно произвести это объединение*. Комплексный подход отвечает на указанные вопросы.

Говоря об общих свойствах системного и комплексного подходов, надо отметить, что они возникли на базе междисциплинарного движения в современной науке, получившего свое развитие после Второй мировой войны. В его основе лежало стремление ученых организовать исследование сложных объектов, сложных научных проблем, которые невозможно было ранее изучить с помощью познавательных средств, присущих отдельной дисциплине. Системный и комплексный подходы объединяет ориентация на изучение сложных объектов на основе мобилизации познавательных средств, присущих отдельным наукам, на основе их объединения в рамках одной коллективно разработанной и коллективно реализуемой научно-исследовательской программы. С появлением системного и комплексного подходов объективная тенденция науки к интеграции знаний получила методологически осознанное подкрепление.

Принципы системного подхода

Основное содержание системного подхода раскрывается через его базовые понятия. Таковыми выступают «система», «системообразующие связи и отношения», «структура», «окружающая среда», «уровни системы», «иерархия уровней системы» и т. д. Основное содержание комплексного подхода раскрывается не с помощью базовых понятий, а с помощью основополагающих принципов.

Системный подход в социологии главной задачей считает изучение социального явления в виде социальной системы. Часто под социальной системой (др.-греч. *σύντηξις* — составленное из частей, соединение) в социологии подразумевают целостное образование, основные элементы которого — люди, отношения между ними, нормы поведения и деятельности, роли и ценности. Системный подход исходит из утверждения, что каждая социальная система

содержит определенные качества, не сводящиеся к сумме свойств составляющих ее элементов.

В качестве основных типов социальных систем в социологии выделяют общественно-экономическую формацию, социальную общность, социальную организацию, социальные институты и личность.

Социальные системы бывают гомогенными, т.е. состоящими из одинаковых по своим свойствам элементов, и гетерогенными, т.е. состоящими из элементов разной природы, разного качества. Примерами гомогенных систем являются малые группы, социальные классы, профессиональные коллективы и т.п. Гетерогенные социальные системы подразделяются на: 1) социально-технические системы (предприятие, город), которые включают материально-вещественные элементы и человеческие ресурсы; 2) эколого-социальные системы (например, географический район).

Социальным системам присущ высокий уровень сложности по сравнению с другими типами систем. Особенностью социальных систем является их открытость и способность к адаптации на основе разработки и реализации различных стратегий деятельности.

Основные требования к использованию системного подхода могут быть представлены в виде последовательности определенных познавательных действий.

1. Необходимо выделить ту или иную систему из окружающей среды и установить взаимосвязи, которые существуют между системой и средой. Не определив среды, нельзя определить границы социальной системы.
2. Когда граница установлена, осуществляется определение состава системы, ее элементов.
3. Рассматриваются отношения между элементами и определяется структура системы.
4. Анализируются функции элементов по отношению к системе.
5. Выявляются системообразующие связи.
6. Определяются механизмы функционирования и развития данной системы.

Для овладения объективной сложностью систем можно использовать два приема: 1) декомпозицию, т.е. разбиение системы на элементы; 2) агрегирование, т.е. объединение некоторых классов элементов в общую структуру и систему.

Системное описание объекта проводится на двух уровнях: индивидуальном, когда описываются отношения между индивидами, входящими в состав системы; интегральном — надиндивидуальном, когда описываются отношения между различными целостностями.

Используя системный подход, социология разработала различные варианты системного представления общества. К ним следует отнести представление общества как:

- совокупности специфических общественных отношений;
- системы деятельностей;
- системы субъектов деятельности (как индивидуальных, так и коллективных);
- системы норм ценностей, идеалов;
- системы социальных институтов и системы социальных организаций.

В последние годы начал разрабатываться особый методологический подход, опирающийся на системные идеи и получивший название «методология мягкой системности» (*soft systems methodology*). (Подчеркнем, что данный подход не следует путать с подразделением систем на мягкие и жесткие.) Речь идет об особой разновидности методологического анализа, опирающегося на принцип системности.

Мягкая системность выступает не средством отражения реального мира в идеальных конструкциях, а способом непосредственного конструирования мира, его фрагментов, сфер и т.п. П. Чекленд, один из основателей подхода мягкой системности, писал, что мы сами превращаем мир в систему с помощью таких понятий, как «иерархия», «уровни», «связи», «контроль» и т.д. Методология мягкой системности сконцентрирована *не на истинных объяснениях объективных явлений, а на сугубо прагматической цели исправления проблемной ситуации*. Для мягкой системности единственной реальностью является возникновение проблемной ситуации. Главное ее назначение — моделирование проблемных ситуаций, рассмотрение возможностей вмешательства в эти ситуации, исправление этих ситуаций, придание им тех свойств, которые устраивали бы человека, благодаря чему мир становится партнером «в диалоге» субъекта с компонентами этого мира.

Принципы комплексного подхода

Комплексный подход в социологии часто понимается неправильно. Например, утверждается, что социология изучает социальные явления комплексно, что основным признаком социологических исследований является комплексность, которая вытекает из требования целостного рассмотрения социального явления. Утверждается также, что комплексность якобы проистекает из необходимости исследования социального явления как единства объективных и субъективных факторов. На самом деле эти характеристики присущи любой науке и не могут быть отнесены только к социологии.

Комплексность как особое свойство современной науки проявляется в формировании и развитии комплексного подхода в качестве особой стра-

тегии научно-исследовательской деятельности — комплексировании, т.е. в особом виде познавательной деятельности, направленной на объединение наук, дисциплинарных знаний и действий различных специалистов в целях многостороннего и целостного изучения сложных объектов. Комплексность проявляется также в организации и осуществлении комплексных исследований — нового типа организации познавательной деятельности.

Рассмотрим основные принципы комплексного подхода.

1. *Принцип многосторонности* означает требование в ситуации конкретного исследования изучать одновременно несколько свойств, сторон, аспектов, присущих сложноорганизованному объекту. Каждая из сторон может быть изучена либо отдельной наукой, либо двумя и более науками. Этот принцип опирается на более общий принцип научного познания — принцип всесторонности, который является общеметодологическим идеалом и ориентирует научное познание на целостное отображение изучаемых объектов. Однако принцип всесторонности не может быть реализован в ситуации конкретного исследования. Именно поэтому движение научного познания к всесторонности происходит через отдельные, следующие друг за другом многосторонние исследования.

2. *Принцип единства* исходных представлений об объекте изучения служит основой взаимного понимания представителей различных дисциплин в рамках единого научного исследования.

Различия в познавательной ситуации полидисциплинарных и комплексных исследований показаны на рисунках 16.4 и 16.5.

В комплексном исследовании вырабатываются такие представления о предмете, которые включают в себя знания различных наук. Все участвующие в исследовании ученые переосмысливают эти знания с целью построения системно организованного междисциплинарного предмета.

3. *Принцип мобилизации релевантных знаний* требует от исследователей проведения ретроспективного анализа структуры и содержания имеющихся знаний об объекте и выбора того, что имеет прямое отношение к изучению данного объекта.

4. *Принцип базовой дисциплины* подразумевает, что в рамках исследований должна быть определена наука, в которой содержится наиболее общее представление об изучаемом объекте, раскрывается сущность объекта. Как правило, в комплексных социальных исследованиях базовой дисциплиной, выступающей в роли организатора междисциплинарного взаимодействия, служит социология. Однако базовой может быть и другая дисциплина, — это определяется целями исследования.

5. *Принцип системной организации* предмета исследования означает, что предмет исследования должен быть построен не как случайное собрание знаний, заимствованных из разных дисциплин, а как новая композиция уже

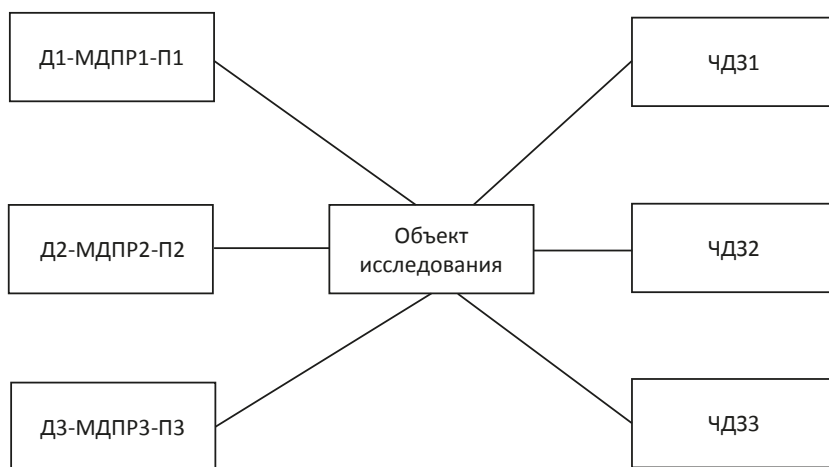

Рис. 16.4. Познавательная ситуация в полидисциплинарном исследовании¹:

Д — дисциплина, МДПР — монодисциплинарные представления о сущности объекта и предмета исследования, П — монодисциплинарный предмет исследования, ЧДЗ — частные дисциплинарные научные знания

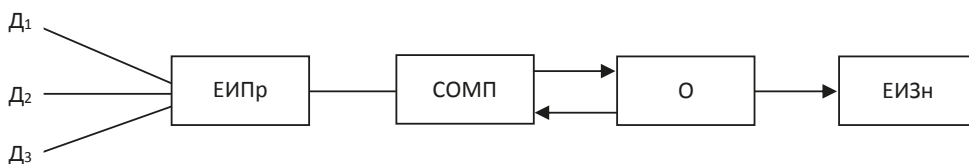

Рис. 16.5. Познавательная ситуация в комплексном исследовании²:

ЕИПр — единые исходные представления о сущности объекта и предмета исследования, СОМП — сложноорганизованный междисциплинарный предмет исследования, О — объект комплексного исследования, ЕИЗн — единые интегрированные знания

полученных знаний, привносящая в понимание предмета исследования новые качества.

6. *Принцип конгруэнтности* — совместимости знаний — предполагает, что в комплексные исследования должны вовлекаться знания, которые совмещаются, дополняют друг друга. Знания, не соответствующие единым представлениям, должны отбрасываться, хотя забывать об их существовании нельзя — иногда к ним следует возвращаться.

¹ Составлено по: *Иванов О. И. Методология социологии: учебно-методич. пособие. 2-е изд. СПб.: Социол. общ-во им. М. М. Ковалевского, 2003. С. 33.*

² Составлено по: *Иванов О. И. Методология социологии... С. 33.*

7. *Принцип единства познавательного процесса* и единомыслия участников конкретного исследования раскрывается с помощью двух других принципов: принципа единства цели исследования, которая разбивается на разнообразные познавательные задачи, согласованные друг с другом, и принципа единства идейного замысла.

8. *Принцип интеграции частных результатов* в единый целостный результат требует синтеза отдельных результатов в непротиворечивую конструкцию, дающую целостную характеристику изученному явлению.

Из сформулированных принципов следует, что не может быть комплексного социологического исследования, а может быть комплексное социальное исследование, в котором социология, как правило, занимает ведущее место базовой дисциплины, поскольку социология предлагает наиболее общие представления обо всех социальных явлениях.

Комплексные социальные исследования реализуются в четырех основных формах.

1. Комплексное междисциплинарное исследование, в котором достаточно двух дисциплин.
2. Комплексное междисциплинарное исследование, включающее отдельные области социогуманитарных дисциплин, а также дисциплин других рядов — например, комплексное социально-биологическое исследование.
3. Междисциплинарные комплексные терминальные (временные) программы, как правило, включающие комплекс социогуманитарных и других наук.
4. Междисциплинарные программы-стационары, носящие постоянный характер, которые создаются в целях длительного изучения сложно-организованных объектов; в них вовлекается большое количество разнообразных дисциплин.

Методологические установки структурно-функционального анализа

Структурно-функциональный анализ как самостоятельное направление методологической мысли стал развиваться после Второй мировой войны в США. Несколько десятилетий он был господствующим в американской социологии. В социологии структурно-функциональный анализ существует в двух формах: в форме метода и в форме содержательной теории. Как особый метод структурно-функциональный анализ был разработан Р.Мертоном, как содержательная теория получил развитие в работах Т.Парсонса.

Структурно-функциональный анализ в своем развитии прошел три этапа. На *первом этапе*, который характеризовался отказом от рассмотрения

истории общества, он развивался как альтернатива социологии XIX в., уделявшей недостаточно внимания разработке представлений о механизмах, обеспечивающих стабильность, устойчивость социальных систем, механизмах преемственности в развитии общества. На *втором этапе* структурно-функциональный анализ сосредоточил свое внимание на обосновании механизмов, закономерностей, обеспечивающих стабильность, устойчивость социальных систем. *Третий этап* связан с возвращением к проблематике развития социальных систем, но на новой основе — на основе использования структурных механизмов, вызывающих изменения в социальных системах.

Основное понятие структурно-функционального анализа — «функция» — используется в социологии в нескольких значениях:

- 1) роль, которую выполняет элемент социальной системы в ее организации как целого;
- 2) зависимость между социальными явлениями, выражаемая функциональной зависимостью переменных;
- 3) социальное действие, ставшее стандартным, регулируемое нормами и контролируемое социальными институтами;
- 4) механизм социального действия;
- 5) продукт социального действия.

Представители функционализма используют понятие функции в пятом значении, представляющем собой объективное следствие человеческой деятельности. Сначала функционалисты понимали под функцией только «положительные» результаты человеческой деятельности — в том смысле, что они способствуют устойчивости социальной системы. Приверженность функционалистов на раннем этапе к узкой трактовке понятия функции как последствий человеческой деятельности служила препятствием для развития функциональной теории, так как подобная трактовка не позволяла дать объяснение социальным изменениям. Функционализм по этой причине широко критиковался, и только Р.Мертон ввел такие новшества, которые позволили ему уйти от упреков в консерватизме, ангажированности.

Наряду с понятием «функция» Мертон ввел другое — «дисфункция». Это новшество позволило функционализму перейти к анализу механизмов, вызывающих социальные изменения. Понятие дисфункции определяет те объективные последствия человеческой деятельности, которые приводят к дезадаптации социальной системы, нарушают ее устойчивость и, аккумулируясь, вызывают социальные изменения. Введя это понятие, Мертон уточнил понятие функции и предложил ввести еще и понятие *зудфункции* для обозначения результата, способствующего устойчивости социальных систем, в противоположность дисфункции. Также он разделил результаты человеческой деятельности на два типа: *явные функции*, т. е. результаты человеческой деятельности, которые были предусмотрены субъектами деятельности, и *скрытые функции*,

т. е. результаты человеческой деятельности, которые являются побочным, непредусмотренным продуктом человеческой деятельности.

Мертон утверждал, что *социология должна заниматься прежде всего выявлением и прогнозированием дисфункций и скрытых функций*, так как это является самым трудным и важным в изучении социальных процессов. Если социология будет заниматься анализом дисфункций и скрытых функций, она перестанет быть наукой, которая объясняет общественные явления пост-фактум, оправдывает человеческую историю, и станет наукой, которая может критически анализировать процессы, происходящие в социальной действительности, и указывать на различные опасности, угрожающие устойчивости и целостности социальных систем.

Функции как объективные последствия человеческой деятельности соотносятся с различными компонентами социальной системы, разными уровнями социальных систем, при этом одна и та же функция может иметь разные значения для разных социальных систем. Учитывая эти сложные взаимосвязи между объективными последствиями человеческой деятельности и различными социальными системами, Мертон сформулировал требование завершения функционального анализа чистым балансовым итогом совокупности последствий. Это означает, что функциональный анализ можно считать завершенным, когда рассмотрены все связи между объективными результатами человеческой деятельности и различными социальными структурами, социальными институтами, социальными системами.

Мертоновский функциональный анализ не делает упора на статике. Используя понятие дисфункции, можно изучать динамику общества. Мертон предложил схему функционального анализа в форме приведенной ниже совокупности познавательных действий, которые должен совершить ученый-социолог.

1. Объектом функционального анализа должны быть стандартизированные, т. е. повторяющиеся, явления, и для их описания должны использоваться структурные понятия (стандартные образцы поведения, деятельности, социальные роли, социальные нормы, социальные структуры и т. п.).
2. Необходимо рассматривать альтернативные образцы поведения.
3. Следует выявлять значение деятельности в стандартных формах для членов групп.
4. Необходимо устанавливать различие между мотивами участия в поведении и его объективной стороной.
5. Требуется обнаружить и зафиксировать произвольно проявляющиеся закономерности в социальном взаимодействии.

Гуманитарно-личностный подход

Все социальные теории, в которых рассматриваются мир человека, духовность, смысложизненные ориентации, ценности, могут быть отнесены к гуманитарно-личностной парадигме. Если естественно-историческая парадигма настаивает на использовании объективных методов, то гуманитарно-личностная парадигма подчеркивает необходимость использования в социальном познании, в социологическом исследовании так называемых субъективных методов, т. е. таких, которые позволяют раскрыть индивидуально-личностную, информационную сторону социальной действительности. Использование субъективных методов дает социологу возможность получить человеческую проекцию объективных социальных законов.

Гуманитарно-личностный подход реализован в субъективном направлении российской социологии, в понимающей социологии и феноменологической социологии, в этнометодологии и конструкционизме.

Субъективное направление возникло в социологии в 1860–1870-х годах в России. Его развивали Лавров, Михайловский, Южаков. В то время российское общество находилось в состоянии застоя, неопределенности в отношении направления и целей своего развития. Необходимо было найти те социальные силы, которые могли бы разбудить общество.

Исходный тезис субъективного направления состоял в утверждении: главный двигатель общественного развития — личность. Его сторонники противопоставили два вида реальности: природную и общественную. В природе действуют объективные законы, в обществе — так называемые телеологические закономерности, в основе которых лежит деятельность человека.

Данное направление ориентировалось на использование в социальном познании и социальных преобразованиях ценностного подхода, предполагающего свободный выбор идеала, к которому должно стремиться общество. Сторонники субъективного направления считали, что социолог не имеет права занимать отстраненную позицию — он должен рассматривать все общественные явления на основе нравственных идеалов. Общество — та реальность, которая может стать воплощением нравственного идеала благодаря деятельности широких масс, вдохновляемых на общественные преобразования совокупностью высоконравственных личностей, каковой выступает интеллигенция. Южаков утверждал, что социология не должна ограничиваться только констатацией уровня развития тех или иных социальных явлений. Оценка относительной важности явлений на основе нравственного мирозерцания (идеала) — главная основа познавательных действий социолога, на ней строится социологическая теория. Такая теория должна не только объяснять, почему социальные явления имеют конкретные свойства, но и определять, какими должны быть социальные явления. Эти задачи решаются с помощью субъективного метода, применение которого делает необходимым

усложнение приемов исследования при усложнении самого материала, подлежащего исследованию.

Н. Михайловский полагал, что социолог не должен отказываться от использования объективных методов, но высший контроль над познавательным процессом и над рекомендациями, вытекающими из него, все-таки принадлежит субъективному методу. Субъективный метод заставляет социолога мыслить в категориях желательного и нежелательного, нравственного и безнравственного, сущего и должного, полезного и вредного. По существу, работы представителей субъективного метода предвосхитили теоретические поиски и методологические выводы, сделанные в XX в. представителями Франкфуртской школы при разработке критической теории общества. *Критическая теория общества*, созданная в 1930–1940-х годах, также основывалась на требовании к социологии не ограничиваться изучением объективных свойств, присущих обществу. С точки зрения Хоркхаймера, Маркузе и других ее создателей, социологическое исследование завершается только тогда, когда социолог показывает, какой должна быть социальная действительность.

Сторонники субъективного метода говорили о необходимости социологических объяснений социальной действительности не только с позиции объективности, не только на основе ценностного подхода, но и с позиций различных социальных групп, каждая из которых имеет свой собственный взгляд на социальные явления. Этот принцип сформулирован еще Лавровым, который утверждал, что исследователю необходимо встать на место «страждущих и наслаждающихся членов общества», а не занимать позицию «бесстрастного постороннего наблюдателя» социальных процессов. Тем самым Лавров предвосхитил развитие в западной социологии таких направлений, как понимающая и феноменологическая социология. Субъективное направление обогатило социологическую методологию. Оно ввело в правила социологического метода новые требования, а именно требования оценки социальных явлений с позиции нравственного идеала и рассмотрения социального явления не с точки зрения стороннего наблюдателя, использующего объективные методы, а с точки зрения конкретного коллективного субъекта общественной жизнедеятельности.

Понимающая социология по своим методологическим ориентациям восходит к идеям герменевтики (теория и практика истолкования текстов). Основное понятие герменевтики — «понимание». Один из родоначальников герменевтики Ф. Шлейермахер называл так понимание смысла текста, которое осуществляется в процессе его грамматической и психологической интерпретации. В соответствии с принципами герменевтики реконструкция смысла текста должна осуществляться через прояснение замысла создателя текста. Понимание направлено на постижение индивидуального, неповторимого.

Методология понимающей социологии была создана М. Вебером в конце XIX — начале XX в. Методологические представления о специфике социаль-

ного познания у Вебера формировались под влиянием Баденской школы неокантианства и под воздействием методологических установок герменевтики. Вебер, по существу, сформулировал новый предмет социологии. С его точки зрения, этим предметом должно быть социальное действие, т. е. такая форма человеческого поведения, в которой субъекты ориентируются на смыслы и значения друг друга. Социология, интерпретируя смысл и значения взаимодействующих субъектов, понимает социальное действие и пытается причинно объяснить его течение и результаты. Смысловая связь поведения, по Веберу, и является подлинным предметом понимающей социологии.

Результатом применения понимающего метода являются особо очевидные каузальные гипотезы. Эти гипотезы необходимо верифицировать объективными данными. Когда гипотезы подтверждаются, они превращаются в научные положения. *Понимание в социологии играет вспомогательную роль* — оно помогает формулировать гипотезы, на основе которых строится объяснение поведения людей. Объяснение в социологии, по мнению Вебера, — это телеологическое объяснение.

Феноменологическая социология была разработана в 1960-х годах П. Бергером и Т. Лукманом на основе идей их учителя А. Шюца. Развивая социальную феноменологию, Шюц опирался на учение Э. Гуссерля, который создал новое направление философии — феноменологическую философию. Одним из ключевых понятий феноменологической философии является понятие жизненного мира (*Lebenswelt*). Шюц переосмыслил это исходное понятие и стал подразумевать под ним мир, предшествующий объективирующей научной рефлексии. Жизненный мир — мир человеческой непосредственности, мир чувствований, сомнений, утверждений, мир, «не испорченный, не искаженный научной рефлексией». Можно сказать, что жизненный мир — это мир обыденного сознания и здравого смысла.

Феноменологическая социология требует от социолога обращения к понятиям, возникающим в жизненном мире, ибо эти понятия обладают подлинным содержанием и с их помощью передается подлинное знание о социальной действительности. Задачей социологии становится прежде всего анализ донаучных представлений о социальной действительности, анализ взаимодействия и взаимного влияния этих представлений.

Феноменологическая социология должна осуществлять феноменологическую редукцию, т. е. как бы выносить за скобки имеющееся научное знание. Она отказывается принять это знание на веру, ее задача — сопоставить конструкты, т. е. понятия разных уровней. Шюц выделял два уровня конструктов:

- конструкты первого порядка, которые развиты и используются в жизненном мире;
- конструкты второго порядка, которые разработаны и используются в социальных теориях.

Сопоставляя два эти уровня, феноменологический социолог должен критически проанализировать социальные понятия, осуществить их феноменологическое прояснение. В этом смысле феноменологическая социология, как новое направление, может использоваться в качестве способа критики социального знания, инструмента его пересмотра.

Феноменологическая социология стала одной из родоначальниц особой отрасли социологии — социологии повседневности. Предметом ее анализа является изучение исходных идей, понятий, суждений, лежащих в основе социологических школ и направлений. Такой поворот феноменологической социологии к истокам социального знания был обусловлен утверждением о том, что все науки, включая социологию, происходят из жизненного мира и задача каждой науки — вернуться к этому миру и рассматривать содержание своих теорий исходя из понятий и «теорий» здравого смысла. С точки зрения феноменологической социологии предметом изучения должна быть и сфера здравого смысла, обыденного сознания.

Этнометодология была создана Г. Гарфинкелем, который в 1967 г. выпустил книгу «Исследования по этнометодологии». Предметом этнометодологии являются этнометоды — методы построения практической деятельности, свойственные определенным культурам. Главная задача социологии, по мысли этнометодологов, заключается в выявлении субстанциональной рациональности общественной жизни. Социология должна заниматься выявлением и изучением смыслов действий.

Этнометодологи утверждают, что основной чертой повседневной деятельности являются фоновые ожидания, т. е. представления об общественном мире, которые выступают в роли правил взаимодействия людей. Сам процесс социального взаимодействия — это процесс обнаружения правил, которым взаимодействие подчиняется. Процесс поддержания правил и есть процесс создания социальных структур. Этнометодологи полагают, что для объяснения взаимопонимания участников социального взаимодействия надо обнаружить, *как* они говорят (не *что* есть предмет разговора, а *как* он организован).

Правила говорения обеспечивают понимание и согласие. В основе этих правил лежит формальное свойство всякого практического действия, независимо от его содержания. Структура социальной деятельности существует в той мере, в какой она понимается ее участниками. Процесс организации общественной жизни, поддержание социальных структур — это процесс понимания смыслов и значений, которыми руководствуются субъекты действия, процесс обнаружения и поддержания правил взаимодействия.

Этнометодология опирается на следующий ряд теоретико-методологических допущений:

- 1) социальное взаимодействие — это прежде всего речевое взаимодействие;

- 2) социальное исследование — это истолкование и интерпретация действий и речи участников диалога;
- 3) в ходе интерпретации социального взаимодействия необходимо выделить два слоя этого взаимодействия — разговор и понимание;
- 4) структура организации разговора тождественна синтаксису повседневной речи;
- 5) социальное взаимодействие не может быть сведено только к разговору, в нем содержится больше информации, чем выражается словом.

Социальное взаимодействие содержит фоновые знания, подразумеваемые смыслы, которые молчаливо поддерживаются его участниками. Этнометодология организует свои исследования таким образом, чтобы, помимо высказанного, выявить и изучить невысказанное и определить роль этого невысказанного в организации социального взаимодействия. С методологической точки зрения этнометодология выражает два уровня социального познания: 1) познание, осуществленное в повседневном опыте; 2) научное познание. Задачей этнометодологов является прояснение отношений между знанием, содержащимся в повседневном опыте, и знанием, сформированным в терминах социальной науки.

По мнению этнометодологов, социальная действительность не обладает объективными характеристиками. Напротив, социальная реальность создается в ходе речевой коммуникации, в ходе онтологизации субъективных смыслов и значений.

Основным методом социального познания является такого рода описание, которое ставит изучение общества в зависимость от деятельности его членов — главным образом в зависимость от специфики говорения, словоупотребления. В ходе описания осуществляется интерпретация социальных действий и формируются выводы относительно совместимости тех знаний, которые поддерживают социальное взаимодействие и понимание людьми друг друга, и создаваемых ими социальных структур.

В своей исследовательской практике этнометодологи используют участвующее наблюдение, лабораторный эксперимент, кризисный эксперимент, анализ записанных на пленку высказываний, речевого взаимодействия.

Этнометодологическая социология — социология повседневной жизни: она близка феноменологической социологии. Однако этнометодология идет дальше и помимо выявления явного в практической деятельности стремится выявить неявное, невысказанное, подразумеваемое.

Конструкционизм начал развиваться в западной социологии в последние десятилетия XX в. Это течение близко к символическому интеракционизму и опирается на его идеи и методологические подходы. Для конструкционистов социальная действительность не является объективным явлением, она задана

и определена субъектом социального действия. Социальная действительность создается в результате взаимодействия людей друг с другом.

В рамках конструкционизма выделяют три направления.

1. *Социальный конструкционизм*. Его представители — П. Бергер и Т. Лукман, авторы книги «Социальное конструирование реальности». Главный пафос книги связан с выявлением роли «знаний» участников социального взаимодействия в формировании социальной действительности.
2. *Социология научного знания*. В рамках данного направления изучается процесс достижения согласия в научном сообществе, взаимодействие между учеными, в ходе которого достигается взаимопонимание и признание того, что определенные знания можно квалифицировать как истинные. Основная идея направления: что реально в обществе, то и научно. Эта точка зрения спорна, так как не согласуется с установкой на использование объективных критериев.
3. *Когнитивный конструкционизм*. Основная идея направления: социальные явления постоянно изменяются; в основе этих изменений лежит деятельность группового сознания. Сторонники данного направления подчеркивают случайность, фрагментарность социальных событий, их зависимость от изменений в общественном сознании. Например, германская исследовательница К. Кнорр-Цетина выявляет роль фикций, вымыслов в развитии различных социальных институтов.

Таким образом, все направления конструкционизма стремятся к тому, чтобы изучить, как знания разных типов (научные, вненаучные, ненаучные) определяют социальные взаимодействия и их результаты.

Конструкционизм существует в двух следующих вариантах.

1. Так называемый *строгий конструкционизм*, требующий от социолога изучать деятельность группового сознания, диалог, дискурс, в ходе которого люди конструируют социальный мир, т. е. формируют свои представления о тех проблемах, которые их волнуют.
2. *Контекстуальный конструкционизм*, приверженцы которого считают, что деятельность конструкционистов должна включать анализ не только сознания группы, выдвигающей проблему, но и сознания других социальных групп и общества в целом. Они вводят в анализ социальных проблем дополнительную информацию, характеризующую ту или иную социальную проблему (например, статистические документы, данные наблюдений).

Контрольные вопросы

1. Что означает понятие «методология социологии»?
 - А) учение о методах научного исследования
 - Б) учение о путях научного поиска
 - В) учение о методах сбора, обработки и анализа эмпирической информации

2. Сколько существует основных представлений о социологической методологии?
 - А) два
 - Б) три
 - В) пять

3. Что является объектом методологии социологии?
 - А) социальный мир как целое
 - Б) отдельные сферы единого социального мира
 - В) процесс социологического познания и его составные части

4. Сколько групп основных понятий выделяется в социологической методологии?
 - А) пять
 - Б) четыре
 - В) три

5. Для чего предназначен методологический анализ?
 - А) для определения необходимых методов предстоящего исследования
 - Б) для постановки познавательных задач предстоящего исследования
 - В) для определения возможности и необходимости использования в конкретном научном исследовании системы познавательных средств

6. Каково число основных видов методологического анализа?
 - А) три
 - Б) пять
 - В) восемь

7. Что такое научный подход?
 - А) строго определенная последовательность конкретных познавательных действий
 - Б) особая стратегия исследовательской деятельности, опирающаяся на специальные принципы и методологические ориентации
 - В) совокупность средств получения новых научных знаний

8. Каков главный способ доказательства истинности научных теоретических высказываний?
 - А) их верификация
 - Б) их фальсификация
 - В) их реализация на практике
9. Что означает понятие «функция» у Р. Мертона?
 - А) функциональную зависимость между социальными явлениями
 - Б) продукт социального действия
 - В) способ выполнения социального действия
10. Какую роль в социологии М. Вебера играет метод понимания?
 - А) это главный научный метод
 - Б) этот метод выполняет вспомогательную роль и должен использоваться вместе с другими методами
 - В) этот метод предназначен для выполнения только одной функции — создания научных гипотез

Задание для самостоятельной работы

Проанализируйте книгу М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», с тем чтобы выявить методологические принципы, которые автор положил в основу своего исследования. Ответьте на вопросы:

- какие идеальные типы использовал автор в этой работе?
- какие корреляции и логические связи между явлениями рассматривал автор?
- какие принципы социологической методологии можно обнаружить в тексте Вебера?

Темы письменных работ и докладов

- ✓ Методология, ее уровни и функции в осуществлении и организации социологического познания
- ✓ Основные принципы научного познания
- ✓ Способы обоснования истинности научных социологических теорий
- ✓ Принцип объективности в научном социальном познании
- ✓ Законы общества и общественные законы. Объективные и научные социальные законы

Список дополнительной литературы по теме

Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований. М.: Аспект Пресс, 1995.

- Иванов О.И.* Методология социологии: учебно-методич. пособие. 2-е изд. СПб.: Социол. об-во им. М.М. Ковалевского, 2003.
- Иванов О.И.* Современный статус социологической методологии // Проблемы теоретической социологии. Вып. 6. / под ред. А.О. Бороноева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. С. 9–27.
- Изучение теоретической социологии: учебно-методическое пособие для семинарских занятий и самостоятельной работы студентов бакалавриата / под ред. Н.А. Головина. СПб.: Скифия-принт, 2014.
- Ионин Л.Г.* Философия и методология эмпирической социологии: учеб. пособие. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2004.
- Кравченко А.И.* Методология и методы социологических исследований: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2014.
- Тезаурус социологии: тематический словарь-справочник. Методология и методы социологических исследований / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013.
- Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2009.

Глава 17

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Социология призвана давать знание о том, как организована совместная жизнь людей и как эта организация обуславливает различные явления. *Знанием в общем смысле принято называть совокупность обоснованных и достоверных представлений* о чем-либо. Представления о социальных явлениях, которыми люди руководствуются как истинными, могут обосновываться разными способами. Для человека, верящего в идеи, предлагаемые каким-либо религиозным учением или идеологией, обоснованными и достоверными являются представления, соответствующие этим идеям, для человека, который доверяет не идеям, а только собственному опыту, — представления, соответствующие тому, что он наблюдал и наблюдает. В отличие от представлений сторонников какой-либо религиозной или идеологической доктрины представления социолога должны опираться не на идеи, принимаемые на веру, а на результаты исследования — систематического сбора и анализа эмпирических данных, т. е. данных, полученных путем опыта. Но по контрасту с наблюдениями и умозаключениями, в которых фиксируется жизненный опыт индивида, социологическое исследование — отнюдь не простое коллекционирование личных впечатлений и их оценка на основе здравого смысла. Эмпирическими данными для социолога являются не любые сведения, а только те, что получены в результате применения специальных научных процедур.

Социологическое исследование — это процесс изучения социальных явлений, осуществляемый как профессиональная деятельность. Поэтому изучение принципов, правил и процедур, следование которым обеспечивает обоснованность и достоверность результатов исследования, служит важнейшей частью теоретического знания и профессиональной подготовки социолога. Эта часть социологии называется методологией.

Методология в буквальном переводе с греческого — это учение о методах, т. е. о путях познания. Однако в современной науке содержание методологии гораздо шире. Методология включает анализ и изложение:

- онтологических предпосылок познания, основных принципов, обосновывающих и объясняющих способы получения научного знания, его приращения, развития и применения;

- правил организации и проведения исследования;
- содержания и техники применения различных методов сбора и анализа данных.

Данная глава посвящена второму из перечисленных компонентов — методологическому дизайну исследования¹. Под дизайном исследования (англ. *research design*) в социологии понимается процесс и результат проектирования формы проведения исследования. Проект исследования традиционно излагается в виде программы социологического исследования.

Программа социологического исследования

Базовые принципы социологического исследования, фиксируемые методологией, в каждом конкретном случае реализуются при формулировке и решении вопросов планирования и организации его проведения. Его замысел и план излагаются в программе социологического исследования — основном «технологическом» документе, позволяющем проводить исследование на профессиональной основе, а также судить о достоверности, научной и практической значимости полученных результатов на основе оценки качества избранных исследователями процедур. На практике составление программы исследования принимает одну из двух основных форм: в академической социологии — это разработка исследовательского проекта, в прикладной социологии — разработка технического задания на проведение исследования. Таким образом, разработка программы исследования — один из элементарных и необходимых профессиональных навыков социолога.

Структуру программы исследования образует последовательность из десяти пунктов — методологических, методических и организационных вопросов, принципиально важных для успешного осуществления исследования.

1. Исследовательская проблема.
2. Цель и задачи исследования.
3. Предмет и объект исследования.
4. Интерпретация основных понятий (операционализация).
5. Рабочие гипотезы.
6. Методы сбора и анализа данных.
7. Инструментарий исследования.
8. Место и время проведения исследования.
9. Исполнители.
10. Необходимые ресурсы.

¹ Первый компонент современной социологической методологии рассмотрен в предыдущей главе (16), а третий компонент будет рассмотрен в следующей главе (18).

Вопросы 1–5 образуют методологический раздел программы (общий замысел и стратегия исследования), вопросы 6 и 7 — методический раздел (способы и средства проведения исследования), вопросы 8–10 — организационный раздел (условия, необходимые для проведения исследования).

Для того чтобы уяснить сущность вопросов, решаемых социологами в ходе исследования, рассмотрим детально каждый из разделов и каждый из пунктов программы социологического исследования.

Общий замысел и стратегия исследования

Формулировка проблемы — это отправной пункт работы исследователя. Проблемой, вообще говоря, следует считать противоречие между наличием потребности и отсутствием средств ее удовлетворения. Проблемы, которые могут служить основанием для проведения социологического исследования, разделяются на два типа: научные и социальные (практические). Проблему можно назвать сугубо научной, когда, например, социологи сталкиваются с необходимостью объяснить какое-либо явление, но не располагают для этого концептуальными средствами, т. е. адекватной теорией или достаточным эмпирическим материалом — научными фактами. Проблема может считаться собственно социальной, когда, например, складывается ситуация конфликта между интересами каких-либо общностей (этнических, религиозных, профессиональных и т. п.) и те, кто заинтересован в урегулировании конфликта, нуждаются в знании эффективных способов осмысления данной ситуации и управления ею.

Формулируя подлежащую изучению проблему, социолог должен уметь обосновать научную или общественную значимость предлагаемого исследования. В рамках академической социологии это важно постольку, поскольку исследовательский проект должен получить одобрение руководства научно-исследовательской организации, в которой работает автор проекта, или фонда, в который он обращается с заявкой на финансирование исследования. В рамках прикладной социологии от постановки проблемы, т. е. от умения обосновать необходимость проведения исследования, зависит содержание технического задания, в частности перечня заказываемых исследователю работ.

Постановка цели исследования определяется характером выявленной проблемы. Целью исследования должно быть решение этой проблемы или, по крайней мере, вклад в ее решение. Соответственно, цели социологического исследования подразделяются в зависимости от характера проблемы на научные и прикладные. Научная цель подразумевает приращение знания, например построение теории какого-либо явления или процесса; прикладная цель подразумевает выработку управленческого решения, например формирование системы практических мер по разрешению конкретной проблемной ситуации. Исходя из общей цели исследования, следует сформулировать частные иссле-

довательские задачи, последовательное решение которых обеспечит достижение поставленной цели.

Предмет и объект исследования определяются в соответствии с поставленной целью. В исследованиях сугубо научного, фундаментального характера сначала определяется предмет, т. е. те социальные явления, процессы и взаимосвязи между ними, которые подлежат изучению, а затем — объект, т. е. те люди или те результаты деятельности людей, информация о которых может послужить материалом для обоснованных выводов о существовании изучаемого предмета. *Выбор объекта диктуется характером предмета исследования.* Например, если в качестве предмета исследования выступает электоральное поведение, то объектом изучения должен быть электорат, т. е. совокупность избирателей — людей, являющихся гражданами страны и достигших определенного возраста (в России — 18 лет). Если же предмет исследования — потребительское поведение, то в качестве объекта должна выступать уже несколько иная совокупность людей, включающая в числе прочих такие категории потребителей, как подростки и люди, постоянно живущие в стране, но не являющиеся ее гражданами. В прикладных исследованиях выбор объекта во многом предопределен тем, что заказчик исследования стремится решить проблемы конкретной организации, группы или общности людей. Социологи окончательно определяют объект исследования любого рода только после уточнения его предмета и пользуются одними и теми же методами выделения или организации изучаемого объекта.

Методы выделения объекта исследования

В социологии наиболее широко применяются четыре метода выделения/организации объекта исследования. В зависимости от того, какой из этих методов используется, исследование проводится как:

- выборочное;
- панельное;
- исследование отдельного случая (*case study*);
- эксперимент.

Исследователь, изучая мнения или поступки определенной категории людей (например, избирателей или потребителей), должен в идеале получить информацию о тысячах или даже миллионах людей. Такая стратегия исследования потребовала бы огромных затрат времени и материальных ресурсов. Но существует способ минимизации затрат на проведение исследования при сохранении необходимой степени достоверности результатов: в качестве объекта исследования берется не вся совокупность людей, интересующих социологов, а лишь часть этой совокупности, которая достаточно точно воспроизводит свойства целого. Эта часть, называемая *выборкой*, является моделью

генеральной совокупности (англ. *general* — общий, основной). Использование выборки вместо всей генеральной совокупности основывается на *репрезентативности* (от фр. *représentatif* — показательный) — способности выборки представлять генеральную совокупность в силу совпадения тех их статистических характеристик, которые интересуют исследователя.

Выборка — это репрезентативная часть генеральной совокупности, избираемая в качестве объекта исследования.

Согласно закономерностям, открытым статистиками и обоснованным математиками, максимальная репрезентативность обеспечивается, если выборка является случайной, т. е. единицы, ее составляющие, отбираются из генеральной совокупности произвольно, но при условии, что вероятность быть отобранными для всех этих единиц одинакова. Такое определение условий репрезентативности выборки может создать иллюзию простоты проведения выборочного исследования, однако, например, выбрав наугад место на улице и так же наугад обращаясь к прохожим, невозможно получить выборку, репрезентирующую всё городское население. Отбор, являющийся случайным в обыденном представлении, не случаен в статистическом смысле, поскольку при описанном подходе не все жители города имеют одинаковые шансы попасть в выборку. В зависимости от того, в каком месте (деловом центре или спальном районе, рядом с больницей или фабрикой) производится отбор, в полученной совокупности меняется представительство различных категорий людей. Добиться равной вероятности отбора для всех единиц генеральной совокупности в социологическом исследовании технически очень сложно, поэтому в исследовательской практике применяются различные способы построения случайной (вероятностной) выборки.

Механическая выборка (также называемая систематической) основана на отборе каждой k -й единицы (каждой сотой, тысячной и т. п.) из общего списка генеральной совокупности. Такими списками могут быть списки избирателей участковых избирательных комиссий, телефонные справочники и т. п. Единицы отбираются через интервал (или шаг отбора) k , который определяется как целая часть числа, получаемого делением объема генеральной совокупности на объем выборки. Первая отбираемая единица определяется случайным образом в диапазоне номеров списка от 1 до k , и далее до конца списка отбор осуществляется механически. Такая выборка возможна при наличии максимально полного списка, а он, если и существует, доступен социологам далеко не всегда.

Серийная выборка (по другой терминологии — кластерная, или гнездовая) основана на случайном отборе подлежащих исследованию серий

(кластеров) — групп единиц, естественным образом концентрирующихся в определенных местах. Исследуются только отобранные из генеральной совокупности серии. Исследование может быть сплошным (все единицы в каждой серии) или выборочным (делается выборка внутри каждой серии). Например, при изучении электорального поведения сериями (кластерами) могут быть избирательные участки, а при изучении электорального (потребительского, любого другого) поведения такой категории, как студенты, в качестве серий удобно взять учебные заведения. При серийной (кластерной) выборке реальной становится возможность снизить затраты на проведение исследования, поскольку сбор данных осуществляется в небольшом количестве мест. Следует, однако, отметить, что такая выборка будет нерепрезентативна, если формально одинаковые серии (кластеры) сильно различаются, например в качестве серий выступают крупные университеты с десятками тысяч студентов и небольшие вузы с несколькими сотнями студентов.

Проблему неоднородности позволяет решить *стратифицированная выборка* (от лат. *stratum* — слой), которая основана на случайном отборе единиц из нескольких слоев — внутренне однородных, но различающихся по какому-либо существенному для исследователей признаку совокупностей, составляющих генеральную совокупность. Отбор из слоев производится параллельно, т. е. такая выборка, по сути, является комбинацией подвыборок. Например, при изучении электорального поведения можно выделить два слоя и построить две подвыборки — городское население и жители деревень, а генеральную совокупность студентов можно стратифицировать, выделяя первокурсников, второкурсников и т. д.

Поскольку построение действительно случайной выборки — дело сложное и дорогостоящее, социологи иногда применяют и неслучайные выборки. Такие выборки базируются на целенаправленном, т. е. не случайном со статистической точки зрения, отборе единиц генеральной совокупности.

Квотная выборка (от англ. *quota* — доля) основана на отборе единиц разного типа в заранее определенных количествах. Соотношение квот моделирует соотношение социально-демографических категорий (половозрастных, этнических, профессиональных и т. п.) в генеральной совокупности, поэтому построение квотной выборки предполагает наличие информации о статистических характеристиках генеральной совокупности. Поскольку исследователю необходимо выдерживать заданные размеры квот (например, 15 студентов, 30 рабочих, 40 служащих, 15 пенсионеров), то формирование выборки приобретает характер не отбора, а подбора нужных единиц из генеральной совокупности. В результате нарушается принцип равной вероятности попадания в выборку и степень ее репрезентативности оказывается неопределенной. Квотная выборка не гарантирует точного воспроизведения характеристик генеральной совокупности, зато формируется она проще и быстрее, чем случайные выборки.

Выборка, формируемая методом «снежного кома», основана на включении в нее тех представителей генеральной совокупности, о которых сообщили лица, ставшие объектом исследования на предыдущем его шаге. Такой подход используется, когда люди интересующей социологов категории встречаются редко и информации о характеристиках данной генеральной совокупности недостаточно. Например, представителей редких профессий либо малочисленных этнических или религиозных общин при случайном отборе найти трудно, а при получении в ходе исследования информации и рекомендаций, где их искать и как вступить с ними в контакт, объем выборки быстро нарастает, подобно снежному кому.

Решение вопроса о том, какого типа выборку использовать, зависит от целей исследования и свойств генеральной совокупности. Если целью является получение статистических характеристик изучаемой совокупности, то рекомендуется применять один из способов построения случайной выборки, если же цель заключается в получении общего представления о специфике совокупности, то можно воспользоваться одним из методов построения неслучайной выборки. Если генеральная совокупность неоднородна, используют стратифицированную или квотную выборку. Если единицы, составляющие генеральную совокупность, образуют локализованные группы, более эффективной будет серийная (кластерная) выборка. Если единицы генеральной совокупности рассеяны и труднодоступны, следует использовать метод «снежного кома».

Другой важный вопрос состоит в том, каким должен быть объем выборки. Он определяется с учетом двух требований: *точности* и *экономичности*. Требования эти по существу противоположны: чем больше объем выборки, тем выше точность, но тем выше и затраты на проведение исследования; чем меньше выборка, тем она экономичнее, но тем менее точно воспроизводит свойства изучаемой генеральной совокупности.

Объем простой случайной выборки (n) можно определить по формуле

$$n = t^2 \sigma^2 N : (t^2 \sigma^2 + N \Delta^2),$$

где t — коэффициент доверия, определяющий, с какой вероятностью выборка дает надежные результаты, которые не выходят за пределы ожидаемой погрешности (например, при $t = 1$ с вероятностью 67 %, при $t = 2$ с вероятностью 95 %);

σ^2 — дисперсия (лат. *dispersio* — рассеяние), которая служит в статистике мерой отклонения внутри совокупности какого-либо параметра от его среднего значения (например, максимальная дисперсия для такого параметра, как распределение в совокупности избирателей ответа на вопрос, требующий однозначного ответа «да/нет», равна 0,25);

N — объем генеральной совокупности;

Δ — допустимая ошибка выборки, т. е. максимальная степень отклонения значения параметра в выборке от значения параметра в генеральной совокупности.

Таблица 17.1. Зависимость объема выборки от требуемой точности

Коэффициент доверия	Ошибка выборки, %	Объем выборки, единиц
1	5	100
2	5	400
2	3	1100
2	2	2500
2	1	10 000

Составлено по: Социология: учебник / под ред. Д. В. Иванова. М.: Проспект, 2016. С. 150.

ности (например, если в генеральной совокупности доля какой-то категории составляет 17%, то при $\Delta = 5\%$ выборка может давать результат от 12% до 22%).

Как видно из формулы, при большом объеме генеральной совокупности объем выборки зависит главным образом от избранного коэффициента доверия и от заданной ошибки выборки. В качестве примера рассмотрим, как с повышением требований к точности меняется объем выборки для генеральной совокупности российских избирателей, которая насчитывает приблизительно 100 млн человек (табл. 17.1).

Необходимая исследователю точность зависит от поставленной цели исследования. Если оно является *поисковым*, т.е. нацелено на выявление существенных характеристик изучаемого явления, принципиально, качественно отличающих его от других явлений, то объем выборки может быть минимальным. Если исследование является *мониторинговым* (от англ. *monitoring* — наблюдение, отслеживание), т.е. нацелено на измерение и точную оценку уже известных количественных параметров изучаемого явления, то объем выборки должен быть максимальным.

В том случае, если исследователю нужно изучить, изменяются ли с течением времени мнения, поступки определенной категории людей (избирателей, потребителей и т.п.), в идеале он должен при каждом последующем сборе информации вновь формировать выборку, но это требует больших временных и материальных затрат. Чтобы минимизировать эти затраты, социологи часто используют другой метод организации объекта исследования — проводят *панельное исследование* (от англ. *panel* — список присяжных). Панель — это отобранная совокупность людей, которая служит в качестве модели изучаемой генеральной совокупности и периодически обследуется на протяжении длительного времени. Панельные исследования широко используются, например, при изучении динамики потребительских предпочтений и рейтингов популярности телепередач. Включенные в панель потребители и телезрители

по договоренности с исследователями регулярно составляют отчеты о своих покупках и просмотрах телепередач, которые затем анализируются.

Еще один метод организации объекта исследования — *изучение отдельного случая*, или *кейс стади* (англ. *case study*). Кейс — это подлежащая изучению реальная ситуация, целостное и детальное описание, анализ и объяснение которой имеют решающее значение для достижения цели исследования. В чисто академических исследованиях принципиальным является вопрос общезначимости выводов и, следовательно, вопрос репрезентативности объекта, поэтому данная стратегия более характерна для прикладных исследований, в которых важно решить конкретную проблему, дать объяснение ситуации, сложившейся, например, в некоей организации или каком-то городе, безотносительно к тому, насколько данный объект репрезентативен по отношению к генеральной совокупности.

Специфическим методом организации объекта исследования является *эксперимент* — исследование, призванное выявить причинно-следственные связи в искусственно созданной и контролируемой исследователями ситуации. Для того чтобы установить связь между причиной и следствием, исследователи сами организуют воздействие определенного фактора на изучаемую ситуацию и фиксируют его эффект, т. е. изменение поведения людей в избранной для изучения или даже специально сформированной группе, организации, социальной общности (территориальной, профессиональной и т. п.). Чтобы избежать искажающего действия других факторов, объект исследования составляется из двух частей: *экспериментальной*, которая подвергается воздействию изучаемого фактора, и *контрольной*, которая находится в таких же условиях, за исключением действия изучаемого фактора.

Классическим примером экспериментального исследования является так называемый *Хоторнский эксперимент* — серия исследований, проведенных в 1924–1931 гг. на фабрике компании «Вестерн Электрик», расположенной в городе Хоторн близ Чикаго. Группа исследователей во главе с Элтоном Мэйо (1880–1949) изучала влияние различных факторов (условия труда, заработная плата, межличностные отношения в коллективе, стиль руководства) на производительность труда. Одним из значимых результатов исследований стало открытие «хоторнского эффекта». В ходе экспериментов, нацеленных на определение влияния на производительность труда (количество собранных работницами электроприборов) степени освещенности рабочего места, исследователи столкнулись с парадоксальным результатом. При повышении степени освещенности производительность труда возрастала, но возрастала она и при снижении освещенности. Проведя интервью с участниками эксперимента, исследователи установили, что изменение производительности обусловлено не учтенным ими ранее *социальным* фактором, способным компенсировать негативное действие *технического* фактора (ухудшение условий труда при снижении освещенности). Работницы, отобранные для проведения экспери-

ментов, воспринимали себя как особую группу, включение в которую является следствием их особых качеств, и стремились интенсивным трудом подтвердить этот статус.

В прикладных исследованиях эксперимент применяется для определения путей эффективного управления конкретными социальными процессами. В исследованиях фундаментального характера при помощи эксперимента осуществляется проверка теорий. Экспериментальное исследование более всего соответствует идеалу научной объективности, но оно всегда чревато этическими проблемами. Во-первых, нужно решить, насколько оправданно и безвредно манипулирование людьми. Во-вторых, следует определить, насколько справедливо ставить людей в неравные условия, как это бывает при проведении масштабных социальных экспериментов (например, апробация единого государственного экзамена (ЕГЭ) проводилась в начале 2000-х годов в нескольких регионах России, в то время как в остальных еще действовала прежняя система выпускных школьных экзаменов и вступительных экзаменов в вузах).

Все четыре метода организации объекта исследования — выборка, панель, кейс, эксперимент — обладают как достоинствами, так и недостатками. Исследователь должен осуществлять выбор метода, исходя из цели и предмета планируемого исследования.

Операционализация понятий

Интерпретация основных понятий, используемых исследователями, — это необходимый момент разработки программы исследования, поскольку проблема и предмет исследования формулируются при помощи теоретических понятий и для того чтобы в ходе исследования проверить правильность теории или объяснить собранные факты, нужно установить взаимно однозначное соответствие смысла теоретических понятий и эмпирических данных. Поэтому ключевые понятия перед началом исследования следует подвергнуть процедуре *операционализации*.

Операционализация — это процедура перевода теоретических понятий в переменные и эмпирические индикаторы.

Переменными в социологии называются понятия, служащие характеристиками объекта, которые принимают различные значения в зависимости от состояния объекта исследования. Сбор эмпирических данных в ходе социологического исследования является процессом *измерения переменных*. Измерять их можно различными способами, и результат измерения в значительной мере определяется выбором показателей, по которым исследователи намереваются судить о значении переменной в каждом конкретном случае измерения. На-

пример, понятие «социальный статус», широко используемое в социологии и указывающее на множество характеристик, определяющих положение индивида в отношениях с другими людьми, можно операционализировать при помощи такой переменной, как уровень дохода. Показателем уровня дохода, безусловно, является количество денег, получаемых индивидом, но в процессе социологического исследования едва ли удастся напрямую измерить это количество. В качестве эмпирического индикатора уровня дохода социологи чаще всего используют ответ самого индивида на вопрос об уровне дохода, но могут принять во внимание и другие показатели, например наличие/отсутствие собственного жилья, автомобиля и т. д.

Поскольку социолог, задумывая и планируя исследование, исходит из еще не решенной проблемы, он должен на основе опыта предшествующих исследований, здравого смысла или интуиции сформулировать вероятное ее решение в виде *гипотез — предположений о наличии и характере связей между переменными*. Формулируя гипотезы, исследователь упорядочивает множество переменных, полученное в результате операционализации. Гипотезы очерчивают поле анализа — *систему переменных*, которая выступает в качестве предварительной модели объекта исследования. При формулировании гипотез, исследователь максимально фокусирует на этом процессе свои внимание и усилия, но одновременно сужает сферу поиска, а это повышает риск упустить нечто важное с точки зрения избранного предмета исследования. Например, изучая электоральное поведение, социолог не в состоянии (да и не должен) в ходе одного исследования выявить, описать и объяснить все аспекты данного явления. В качестве гипотезы он может выдвинуть тезис о том, что намерение голосовать за того или иного кандидата или партию зависит от уровня дохода избирателя, но при этом неотработанной останется гипотеза о связи такого намерения с уровнем образования кандидата. Поскольку время проведения исследования и выделяемые на него ресурсы всегда ограничены, социологи выделяют из общего множества интересных гипотез лишь те, что наиболее важны для достижения поставленной цели исследования и будут проверяться в данном исследовании, — *рабочие гипотезы*.

Методика проведения исследования

Необходимый для проверки гипотез фактический материал может быть получен разными способами. В социологии в основном применяются методы сбора данных трех типов: *опрос, наблюдение, анализ документов*. Также принято делить методы на количественные и качественные — это различие связано с формой данных, получаемых с помощью того или иного метода.

Для *количественных* методов характерна высокая степень формализации данных, позволяющая получать информацию о распределении в изучаемой совокупности некоторого числового признака, рассматриваемого как пере-

менная. Скажем, задавая в ходе опроса множеству людей один и тот же вопрос и предлагая отвечать на него в строго фиксированной форме, можно представить результаты в виде процентного соотношения, например: «да» — 30 %, «нет» — 50 %, «затрудняюсь ответить» — 20 % и т. п.

Формализация данных, позволяющая проводить исследование как изменение количественных параметров, обычно достигается при использовании «закрытых» вопросов. «Закрытым» принято называть вопрос, сопровождаемый фиксированным набором вариантов ответа, из которых опрашиваемые социологами люди должны выбрать тот, который соответствует их представлениям. Набор вариантов ответа на «закрытый» вопрос на социологическом жаргоне называется «меню».

Шкалы — средства измерения на базе закрытых вопросов. В социологии применяют в основном три типа шкал:

- *номинальные*, позволяющие измерять доли классов, на которые разбивается совокупность полученных ответов (например, меню ответов на вопрос о наиболее предпочтительном виде городского транспорта «автобус — трамвай — троллейбус — метро» может быть представлена в виде шкалы «1 — 2 — 3 — 4»);
- *ранговые*, с помощью которых измеряются иерархии оценок (например, меню ответов на вопрос о порядке предпочтений при выборе вида транспорта «наиболее желательный — второй по степени желательности — третий...» можно представить в виде шкалы «1 — 2 — 3 — ...»);
- *интервальные*, позволяющие измерять собственно числовые параметры, характеризующие социальные явления и процессы (например, варианты ответа на вопрос об уровне ежемесячного дохода можно представить в виде шкалы, задающей интервалы «меньше 10 000 руб. — от 10 001 до 20 000 руб. — от 20 001 до 30 000 руб. — более 30 000 руб.»).

Полученные количественными методами данные можно подвергать статистическому анализу, выясняя наличие *корреляции* — статистически значимой связи между переменными. Например, если среди опрошенных мужчин ответ «да» на вопрос исследователя дали 70 %, а среди женщин — 30 %, то просматривается явная корреляция между такими переменными, как мнение по данному вопросу и пол опрашиваемых. В статистике разработаны многочисленные коэффициенты корреляции, позволяющие судить о степени связи между переменными. Наиболее простым примером может служить коэффициент ассоциации, или коэффициент Юла (Q), применяемый для переменных, которые могут принимать лишь два значения. Этот коэффициент рассчитывается по формуле

$$Q = (ad - bc) : (ad + bc),$$

где a, b, c, d — частоты значений, принимаемых переменными (табл. 17.2)

Таблица 17.2. Пример таблицы сопряженности

Пол	Варианты ответов	
	«Да», %	«Нет», %
Мужчины	40,0 (a)	25,0 (b)
Женщины	15,0 (c)	20,0 (d)

При $|Q| < 0,3$ корреляция считается слабой, при $|Q| > 0,7$ — очень сильной. Рассчитаем коэффициент ассоциации для условного набора данных, полученных с помощью двух номинальных шкал.

$Q = (40 \times 20 - 25 \times 15) : (40 \times 20 + 25 \times 15) = 0,36$, т. е. корреляция между полом опрашиваемых и характером ответа на вопрос присутствует, хотя и не очень сильная.

Количественные методы позволяют давать строго объективную интерпретацию получаемых данных, но сбор данных может быть весьма субъективным. В нашем примере опрашиваемым предлагается жестко заданная схема ответа на вопрос «да/нет». Таким образом исследователь заранее сводит многообразие индивидуальных мнений к совокупности однородных единиц, которую легко анализировать при помощи статистических процедур.

Количественные методы эффективны при изучении массовых процессов, стандартного поведения. Например, когда необходимо оценить степень популярности какого-либо товара, политика или телепередачи, можно качественно провести опрос сотен и тысяч людей, предлагая всем один и тот же набор «закрытых» вопросов в анкете или интервью. Если требуется оценить степень участия представителей различных социально-демографических категорий в каком-либо публичном событии (демонстрации, празднестве и т. п.), эффективным будет *невключенное наблюдение*, в ходе которого исследователь фиксирует со стороны по формальной схеме внешние признаки сотен и даже тысяч людей. При необходимости оценить степень распространенности какой-либо темы или позиции в сообщениях средств массовой информации, целесообразно применить *контент-анализ* (т. е. анализ содержания газет, журналов, теле- и радиопередач, рекламных объявлений и т. п.) путем подсчета числовых параметров документа (частоты упоминания чего-либо, количества строк или минут, отведенных какой-либо теме и т. д.).

Адекватные для массовых явлений и стандартного поведения количественные методы не позволяют исследовать специфические ценности индивидов и групп, стиль жизни небольших сообществ. Формализация данных о таких объектах не столько дает исследователю возможность получить информацию об особых качествах объекта, сколько лишает его такой возможности.

Для *качественных* методов характерно получение информации в виде неформализованных описаний объекта, которые интерпретируются с точки зрения *смысла* высказываний и поступков людей, созданных ими текстов, изображений и т. д. Качественные методы считаются «мягкими» по отношению к объекту, поскольку применяя их исследователи не навязывают ему заранее разработанных жестких схем в виде «закрытых» вопросов или наборов признаков, подлежащих фиксации при наблюдении. Наиболее распространенный инструмент получения качественных данных — «открытые» вопросы, т. е. вопросы, не предполагающие заранее определенных вариантов ответа. Применение «открытых» вопросов позволяет избежать влияния на характер получаемых данных субъективного мнения исследователя, как это бывает при использовании «закрытых» вопросов, когда, подбирая и формулируя варианты ответов на них, он исходит из собственных представлений об объекте, который следует изучать. Однако объективность при сборе данных качественными методами сочетается с субъективностью при их интерпретации, поскольку, в отличие от количественных методов, здесь неприменимы такие объективные критерии сопоставления данных, как процентные распределения, коэффициенты корреляции и т. п.

Выбор метода в конкретном исследовании зависит от его предмета и объекта. Так, качественные методы — глубинное и нарративное² интервью, включенное наблюдение³ — требуют больших затрат времени на сбор информации и не позволяют представлять собранный материал в компактной форме, поэтому они практически не применяются в исследованиях на больших выборках (при $n > 100$ единиц). В то же время адекватные для малознакомых исследователю или уникальных явлений качественные методы позволяют решать задачи, не решаемые при помощи количественных методов. Следовательно, количественные и качественные методы взаимно дополняют друг друга (рис. 17.1).

Наиболее эффективна стратегия комбинирования или чередования различных методов, позволяющая осуществлять контроль надежности результатов, полученных с их помощью. Например, массовый анкетный опрос может дополняться небольшой серией глубинных интервью, позволяющих выяснить, какой индивидуальный смысл вкладывается опрашиваемыми в стандартные формулировки и варианты ответов.

Достоинства каждого метода не обеспечивают надежность получаемых исследователем данных автоматически. Для того чтобы метод был эффективен, должен быть разработан адекватный *инструментарий исследования* — сово-

² Нарративным (от англ. *narrative* — рассказ, повествование) этот вид интервью назван, поскольку оно сводится к выслушиванию и записи рассказа опрашиваемого на заданную исследователем тему.

³ Включенным называется такое наблюдение, когда исследователь участвует в изучаемом процессе, фиксируя поступки и высказывания людей в естественных для них условиях.

		Степень контакта с объектом исследования	
		Высокая	Низкая
Степень формализации данных	Высокая	Стандартизованное интервью	Анкетирование (с использованием «закрытых» вопросов) Контент-анализ Невключенное структурированное наблюдение
	Низкая	Глубинное интервью Включенное наблюдение	Невключенное неструктурированное наблюдение Дискурсный анализ Анкетирование (с использованием «открытых» вопросов)

Рис. 17.1. Классификация методов сбора данных⁴

купность средств реализации применяемых методов сбора данных. Основными требованиями к разрабатываемому инструментарию являются простота и удобство фиксации данных, а также технологичность обработки данных при их анализе.

Главным средством реализации метода *анкетного опроса* является анкета. При разработке анкеты как инструмента сбора данных следует учитывать множество факторов, влияющих на ее эффективность. От числа вопросов, включенных в анкету, и их формулировок зависит то, как опрашиваемые их воспримут и насколько охотно и искренне будут на них отвечать. От того, предлагается заполнить анкету на интернет-сайте или на бумажном бланке, вручаемом лично респонденту, зависит, какие группы населения будут охвачены анкетированием. Важными могут оказаться и размер шрифта (у многих людей слабое зрение), и способ заполнения анкеты — написание развернутых ответов, проставление заранее оговоренных специальных знаков в соответствующих пунктах или надрыв края бланка анкеты в соответствующем месте (многие не имеют привычки постоянно носить с собой карандаш или ручку). Необходимо также учитывать, что полученные ответы нужно анализировать. Следовательно, еще одним инструментом должна стать инструкция для об-

⁴ Составлено по: Социология: учебник / под ред. Д.В.Иванова. М.: Проспект, 2016. С. 156.

работчика анкет, который будет формировать базу собранных данных, — он должен однозначно истолковывать то или иное слово, тот или иной знак в анкете, чтобы правильно классифицировать варианты ответов.

При сборе данных методом *интервью* инструментарием могут служить бланк интервью, в котором перечислены вопросы и предусмотрено место для записи ответов, а также инструкция для интервьюера, указывающая, как вести интервью и заполнять бланк. Но при проведении интервью большой длительности занести на бланк всё, что услышит интервьюер, весьма затруднительно. В таком случае более подходящим инструментарием станут диктофон и гайд (англ. *guide* — путеводитель) — общий план интервью, где определены перечень и последовательность обсуждаемых вопросов, которой должен придерживаться интервьюер, ведя беседу.

Средствами реализации метода *наблюдения* могут служить протокол или дневник наблюдения, а также средства аудио- и видеозаписи.

Применение метода анализа документов в количественной форме (*контент-анализ*) может потребовать разработки специального протокола — бланка, в котором фиксируются результаты чтения (просмотра или прослушивания) документов, а также инструкции для исполнителя. Адекватным инструментом контент-анализа в некоторых случаях может оказаться компьютер, оснащенный соответствующей программой и сканером, позволяющим «считывать» в потоке документов именно те данные, которые интересуют исследователя.

Вопросы организации социологического исследования

Место и время проведения исследования определяются заранее, поскольку они могут сильно повлиять на характер получаемых данных. Многие социальные процессы являются циклическими, сезонными и локальными. Так, не стоит проводить исследование предпочитаемых различными категориями людей форм отдыха летом, когда значительная часть генеральной совокупности путешествует или находится за городом, т. е. далеко от исследователей или даже вне зоны досягаемости. План исследования поведения группировок футбольных фанатов следует согласовывать с календарем чемпионата, чтобы не тратить время и средства на поиски объекта, который проявляет себя главным образом в дни матчей на стадионах и вокруг них.

Важен также сознательный выбор ситуации и условий сбора данных, поскольку в одной обстановке люди, чье мнение или поведение изучаются, легко идут на контакт с исследователем, нормально воспринимают его присутствие, а в другой уклоняются от общения либо дают искаженную информацию. Например, проводя интервью на рабочем месте респондента, следует учитывать, что он, возможно, будет стараться давать только такие ответы, которые согласуются с правилами поведения работников, политикой фирмы и т. п.

Подбор исполнителей определяется масштабами объекта исследования и избранными методами сбора и анализа данных. Для исследования количественными методами на выборке большого объема (несколько сотен или даже тысяч единиц) потребуются небольшая группа исследователей-профессионалов, которые будут руководить работой, и большой штат исполнителей, обладающих минимумом профессиональных навыков — умением распространить и собрать анкеты, провести структурированное наблюдение в соответствии с заданием, собрать материал для контент-анализа, создать базу данных при помощи стандартных компьютерных программ (EXCEL, SPSS, Statistika и т. д.). Для исследования качественными методами годятся только опытные профессионалы, владеющие техникой глубинного и нарративного интервью, включенного наблюдения.

Заключительный элемент программы — определение объема средств, требующихся на проведение исследования. Корректно составленная смета не менее важна для получения возможности реализовать замысел исследования, чем обоснование его научной и общественной значимости. Расчет планируемых затрат должен вестись с учетом предполагаемого источника финансирования. Исследователи могут рассчитывать на финансирование своей работы за счет: а) грантов, предоставляемых на конкурсной основе различными фондами — частными и государственными организациями, поддерживающими научно-исследовательскую деятельность; б) прямых заказов на проведение прикладных исследований для коммерческих, государственных и общественных организаций; в) средств, выделяемых из бюджета организации, в которой исследователи постоянно работают. Соответственно, финансовые расчеты исследователей должны быть убедительны для экспертов фонда, заказчиков или собственного руководства.

Если все десять рассмотренных выше программных вопросов, образующих фундамент исследования, решены обоснованно, то исследование несомненно будет социологическим, т. е. соответствующим стандартам профессионализма, существующим в данной сфере деятельности.

Контрольные вопросы

1. Какой из методов сбора данных можно назвать «качественным»?
 - А) стандартизированное интервью
 - Б) нарративное интервью
 - В) анкетирование с помощью вопросов-шкал
2. Что в социологии называется панельным исследованием?
 - А) одновременное проведение нескольких исследований
 - Б) серия уличных интервью
 - В) ряд повторных обследований одной выборочной совокупности

3. Что понимается в социологии под операционализацией?
 - А) процедура перевода теоретических понятий в переменные и эмпирические индикаторы
 - Б) определение последовательности действий по реализации исследовательского проекта
 - В) процедура перевода теоретических гипотез в эмпирические данные
4. Какие вопросы называются «закрытыми»?
 - А) вопросы, на которые респондент уже дал ответы
 - Б) вопросы, ответы на которые нужно выбрать из фиксированных наборов вариантов
 - В) вопросы, ответы на которые даются анонимно
5. Какая группа терминов обозначает виды выборок?
 - А) механическая, серийная, квотная
 - Б) случайная, типичная, генеральная
 - В) панельная, линейная, серийная
6. Что в социологии понимается под репрезентативностью?
 - А) характеристика эмпирических данных, указывающая на их точность и наглядность
 - Б) характеристика метода сбора данных, указывающая на его адекватность предмету исследования
 - В) характеристика выборки, указывающая на ее способность представлять генеральную совокупность
7. Что в социологии называется корреляцией?
 - А) логико-смысловая связь между высказываниями
 - Б) статистически значимая связь между переменными
 - В) операция анализа статистических данных
8. Что такое включенное наблюдение?
 - А) наблюдение за поведением респондентов, проводимое в рамках интервью
 - Б) наблюдение, которое исследователь ведет, участвуя в изучаемом событии или процессе
 - В) наблюдение, которое заранее было включено в программу исследования
9. Что такое инструментарий исследования?
 - А) совокупность средств реализации применяемых методов сбора данных
 - Б) технические устройства для обработки социологической информации

В) разработанные исследователями анкеты и инструкции по их заполнению

10. К какой группе методов относится контент-анализ?

- А) к качественным методам
- Б) к количественным методам
- В) к синтетическим методам

Задания для самостоятельной работы

Проведите операционализацию понятий, теоретическое содержание которых раскрыто в гл. 3, 5, по представленной схеме.

Теоретическое понятие	Переменные	Эмпирические индикаторы
Коммуникация		
Жизненный мир		
Социальный капитал		

Темы рефератов (докладов)

- ✓ Подход Ч. Миллса к операционализации понятий (по книге «Социологическое воображение»)
- ✓ Методы эмпирического исследования в социологии
- ✓ Проблема репрезентативности и конструирования выборки в социологии
- ✓ Обзор современных методов прикладной социологии
- ✓ Применение новых информационно-коммуникационных технологий в эмпирических социологических исследованиях
- ✓ Стратегия социологического исследования (по работам В. Ядова)

Список дополнительной литературы по теме

- Батыгин Г. С.* Лекции по методологии социологических исследований. М.: Изд-во Рос. ун-та Дружбы народов, 2008.
- Гидденс Э.* Социология / пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2005.
- Горшков М. К., Шереги Ф. Э.* Прикладная социология. Методология и методы. М.: Альфа-М, 2009.
- Готлиб А. С.* Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-групп, 2004
- Девятко И. Ф.* Методы социологического исследования. М.: Книжный дом «Университет», 2010.

- Иванов О. И.* Методология социологии. СПб.: Социологическое общество им. М. М. Ковалевского, 2003.
- Методы сбора информации в социологических исследованиях / под ред. В. Г. Андреевкова, О. М. Масловой. М.: Наука, 1990.
- Миллс Ч.* Социологическое воображение / пер. с англ. М.: Издательский дом NOTA BENE, 2001.
- Ноэль-Нойман Э.* Массовые опросы: Введение в демоскопию / пер. с нем. М.: Прогресс, 1978.
- Смелзер Н.* Социология / пер. с англ. М.: Феникс, 1998.
- Татарова Г. Г.* Методология анализа данных в социологии (введение): учебник для вузов. 2-е изд., испр. М.: NOTA BENE, 1999.
- Хеллевик О.* Социологический метод: практическое пособие по социологии / пер. с норв. М.: Весь мир, 2002.
- Ядов В. А.* Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. Москва: Омега-Л, 2007.

Глава 18

МЕТОДЫ СБОРА И АНАЛИЗА ДАННЫХ В СОЦИОЛОГИИ

Достоверность результатов социологического исследования напрямую зависит от того, какие методы сбора эмпирических данных в нем используются и каким образом. Поэтому необходимо разобраться в сущности каждого из практикуемых в социологии методов и освоить технику их применения.

Анкетирование

Анкетирование — это разновидность (наряду с интервью) метода опроса: сбор данных в виде письменных ответов, которые фиксируются опрашиваемым, в социологии обычно именуемым словом «респондент» (от англ. *to respond* — отвечать), в специально изготовленном вопроснике — анкете. Анкета как инструмент социологического исследования — это не просто перечень вопросов, интересующих исследователя, а система, в которой каждый вопрос является элементом, выполняющим отведенную ему функцию и вносящим тем самым вклад в достижение общей цели исследования. В зависимости от выполняемой функции выделяют четыре вида вопросов:

- вводные (контактные), призванные сконцентрировать внимание респондента на проблемах, которым посвящена анкета, и сформировать у него готовность отвечать на вопросы по тематике исследования;
- вопросы-«фильтры», нацеленные на определение того, в какой степени данный респондент может быть источником информации по данной тематике и какие из вопросов анкеты следует ему адресовать;
- основные (содержательные), направленные на получение информации собственно по предмету исследования;
- социально-демографические («паспортные»), ориентированные на получение информации о возрасте, поле, образовании, роде занятий респондента и других характеристиках, степень влияния которых на характер ответов на основные вопросы анкеты желает установить исследователь.

За полтора столетия применения этого метода выработана техника анкетирования — совокупность приемов составления, распространения, сбора и обработки анкет.

При составлении анкеты необходимо поместить в ее начале краткое обращение к респонденту, разъясняющее цели проводимого анкетирования таким образом, чтобы заинтересовать его и мотивировать его заполнить и вернуть анкету, а также содержащее общие инструкции по работе с анкетой. Вопросы следует группировать в блоки в зависимости от темы или адресата, помещая между блоками указатели-переходы («следующая группа вопросов только для ответивших “да”, ответившие “нет” переходят к вопросу №...» и т. п.).

Открывать анкету (блоки) следует вводными вопросами (не более двух), по возможности совмещая их с «фильтрами». Включать в число основных следует только вопросы, *необходимые* для достижения целей исследования, так как эффективное количество вопросов в анкете определяется не столько этими целями, сколько пределами заинтересованности и терпения респондентов, т. е. степенью риска получить формальные ответы — «отписки». «Массовому» респонденту без дополнительного контроля и стимулов со стороны исследователя можно предлагать не более 10–15 вопросов. Подготовленному и мотивированному интересной для него темой и уважением к его мнению респонденту-«эксперту» можно предложить анкету, содержащую до 40–50 основных вопросов.

Размещать блок вопросов о социально-демографических характеристиках респондента, именуемый на профессиональном жаргоне социологов «паспортичкой» или «хвостом», лучше в конце анкеты, с тем чтобы интерес к «персональным» данным не казался первостепенным и работа респондента с анкетой завершалась ответами, не требующими дополнительных размышлений.

При необходимости нужно снабдить инструкциями по регистрации ответов не только анкету в целом, но и отдельные вопросы (минимальное и максимальное число вариантов ответов, которые можно выбрать, условные знаки, фиксирующие выбор варианта ответа, и т. п.).

Решающее значение для успешного проведения анкетирования имеет формулировка вопросов, которая должна исключать ошибки в понимании респондентом их смысла и не навязывать подспудно определенный вариант ответа. Вопросы следует задавать «на языке респондента», т. е. с использованием привычных для опрашиваемых слов и грамматических конструкций. Следует избегать двойных отрицаний («Вы не считаете, что не следует...» и т. п.) и скрытого соединения разных вопросов в один («Считаете ли Вы, что социология — интересный и полезный предмет?» и т. п.). «Массовому» респонденту предпочтительнее предлагать «закрытые» вопросы, а «экспертам» — «открытые». Следует избегать монотонности при использовании однотипных по формулировке вопросов, переводя их в табличную форму (см. в качестве примера приведенную ниже схему).

С каким из нижеприведенных утверждений Вы согласны?	Согласен	Не согласен	Затрудняюсь ответить
В нашем регионе качество дорог низкое			
Региональные власти делают всё возможное, чтобы отремонтировать дороги			

Ясность вопросов, их однозначность и релевантность (от англ. *relevant* — относящийся к делу) целям исследования целесообразно проверять в ходе пробного, так называемого *пилотажного*¹ опроса, проводимого на небольшой выборке. На результаты исследования влияет также выбор способа распространения и возврата анкет, определяемый тем, что заочное анкетирование (например, почтовое и при размещении анкеты на интернет-сайте) обеспечивает меньший процент возврата, чем очное (в присутствии *анкетера* — участника исследования, занимающегося распространением и сбором анкет и при необходимости дающего пояснения и инструкции по их заполнению). Но очное анкетирование снижает степень анонимности, которая позволяет респонденту отвечать более искренно.

Обработка собранных анкет в основном сводится к обобщению полученных данных для последующего анализа (группировка, частотный анализ, корреляционный анализ и т. д.). В последние годы разработана серия компьютерных программ (например, пакет SPSS), обеспечивающих решение этих задач.

Достоинствами анкетирования как метода сбора данных являются: высокая эффективность при изучении мнений и установок, связанных со стандартным массовым поведением (избирателей, потребителей, телезрителей и т. п.); возможность при относительно небольших затратах исследовать масштабные объекты (выборка в несколько сотен или даже тысяч респондентов может точно репрезентировать структуру мнений или поведенческих установок населения страны, крупного города и т. п.); максимальная анонимность респондента, позволяющая ему свободно отвечать на идеологически и морально рискованные вопросы.

К недостаткам анкетирования можно отнести невозможность получать информацию об объекте непосредственно в момент события/действия (исследователь вынужден ограничиваться лишь мнениями по поводу произошедшего или предстоящего), а также непригодность для выявления специфических установок индивидов, изучения глубинных мотивов действий, особенно в нестандартных ситуациях. Но несмотря на критику, особенно со стороны приверженцев качественных методов, анкетирование остается в социологии самым популярным методом сбора данных.

¹ Термин, принятый в среде профессиональных социологов.

Интервью

Интервью — вторая (наряду с анкетированием) разновидность метода опроса. Это сбор данных в форме устных ответов на вопросы, задаваемые исследователем респонденту при личном общении. По характеру (типу) вопросов можно выделить следующие виды интервью:

- стандартизованное, базирующееся преимущественно на закрытых вопросах;
- глубинное, основанное на открытых вопросах;
- нарративное, которое не предполагает собственно вопросов, а сводится к выслушиванию и записи рассказа респондента на заданную исследователем тему.

Большую популярность в последние годы среди социологов-исследователей получил метод биографического интервью, который, по существу, является разновидностью нарративного интервью. Рассказ респондента о событиях личной жизни дает информацию не только о самом индивиде, но попутно о социально-историческом контексте, социальных нормах, социокультурных ценностях, паттернах взаимодействия, способах конструирования и поддержания идентичностей и т. д. По материалам множества биографических интервью можно реконструировать интересующие представления определенных социальных групп и общностей, их видение устройства общества и траекторий его трансформации. Развитие метода биографического интервью стало частью того движения в социологии, которое получило название «биографический поворот».

По форме или ситуации проведения различаются уличное, телефонное, офисное, квартирное интервью. Эти виды характеризуются разной степенью контакта с респондентом, разной эффективной продолжительностью, разным уровнем безопасности для интервьюера и различным количеством вопросов, определяемым видом интервью (табл. 18.1).

Техника интервью в первую очередь предполагает умение установить и поддерживать контакт с респондентом. В стандартизованном интервью количество вопросов не должно превышать указанного в таблице 18.1. В случае глубинного или нарративного интервью ограничителем выступает не число вопросов или обсуждаемых тем, а общая продолжительность беседы, которая может достигать до 2–3 часов. Запись данных в таком случае ведется с помощью технических средств — диктофона или видеокамеры. Запись затем подвергается расшифровке и переводится в текстовую форму, удобную для анализа и написания отчета или научной статьи. Процедура перевода аудиозаписи/ видеозаписи интервью в форму текста называется транскрибированием и является одной из наиболее трудоемких составляющих сбора и анализа данных методами глубинного и нарративного интервью.

Таблица 18.1. Характеристики различных видов интервью

Вид интервью	Степень контакта	Эффективная продолжительность	Уровень безопасности	Количество вопросов
Уличное	Средняя	Малая	Средний	4–5
Телефонное	Низкая	Средняя	Высокий	8–10
Офисное	Средняя	Средняя	Высокий	15–20
Квартирное	Высокая	Большая	Низкий	40–50
Квартирное с применением технологии Skype	Высокая	Большая	Высокий	20–30

Составлено по: Социология: учебник / под ред. Д. В. Иванова. М.: Проспект, 2016. С. 162.

При проведении интервью очень важно избегать «эффекта интервьюера» (влияние внешности и поведения исследователя на характер ответов респондента): опрашиваемый может стесняться отвечать на некоторые вопросы, воспринимать мимику и жесты интервьюера как знаки одобрения или неодобрения тех или иных ответов. При формулировке вопросов следует соблюдать те же правила, что и при составлении анкеты, однако преимущество интервью состоит в том, что интервьюер может разъяснить респонденту смысл вопроса, не наводя его при этом на определенный тип ответа. Еще одним преимуществом этого метода опроса является возможность получить дополнительную информацию о респонденте (внешность, манера одеваться, вести себя и т. д.).

Каждый случай интервью индивидуален, поскольку, стремясь добиться максимального контакта с респондентом, интервьюер приспосабливается к особенностям его понимания обсуждаемых тем и манере общаться. Но интервью, даже неформализованное, — не просто беседа на интересующие исследователя темы, а метод исследования, поэтому для получения сопоставимых данных необходима унификация процедуры интервьюирования, которая достигается применением стандартного инструментария — бланка интервью или гайда («путеводителя» по интервью, фиксирующего набор и последовательность обсуждаемых вопросов).

Главное достоинство интервью как метода сбора данных заключается в том, что оно позволяет выявить индивидуальные мнения, предпочтения, ценностные установки, мотивы действий. Недостатками данного метода можно считать невозможность получить информацию в момент совершаемого действия, отсутствие гарантии одинаковой формулировки вопросов всеми интервьюерами и наличие «эффекта интервьюера», а также ресурсоемкость.

Наблюдение

При использовании метода наблюдения устраняется основной недостаток, присущий всем разновидностям опроса, — невозможность получить информацию в момент события. Наблюдение — это сбор данных в виде регистрации (записи) результатов целенаправленного и непосредственного восприятия событий, явлений. По степени контакта с объектом исследования можно выделить два вида наблюдения — включенное и невключенное. *Включенное наблюдение* предполагает участие исследователя в изучаемом явлении, и потому эта разновидность данного метода называется также «участвующим наблюдением». Исследователь надолго погружается в повседневную жизнь тех людей и групп, чьи поступки и стиль жизни подлежат изучению, и во многом воспринимает их отношение к происходящему. Это позволяет лучше *понять смысл*, вкладываемый окружающими исследователя людьми в изучаемые явления. *Невключенное наблюдение* предполагает поддержание такой дистанции по отношению к объекту, которая обеспечивает возможность *объективно фиксировать* данные и одновременно позволяет избежать зависимости поведения исследователя от поведения объекта исследования.

По степени формализованности процедуры различаются структурированное и неструктурированное наблюдение. *Структурированное наблюдение* предполагает предварительное определение категорий наблюдения (действий, высказываний, вещей, ситуаций, подлежащих фиксации) и подбор индикаторов, указывающих на наличие/отсутствие и интенсивность той или иной категории. Соответственно, наблюдение, ведущееся по избранным заранее категориям, позволяет переводить результаты в количественную форму, но одновременно ограничивает круг данных наблюдения. Такой вид наблюдения эффективен, когда исследователь хорошо знаком со свойствами объекта и может отслеживать изменения в нем параметров, существенных для достижения цели исследования. Поисковое исследование следует проводить при помощи *неструктурированного наблюдения*, в ходе которого исследователь старается фиксировать всё, что, с его точки зрения, характеризует изучаемый объект. Не переводя заранее все категории наблюдения в переменные и индикаторы, исследователь путем неструктурированного наблюдения стремится дать максимально насыщенное качественное (а не количественное) описание объекта.

Первый элемент техники наблюдения — правильный выбор позиции наблюдателя, что позволяет устранить «эффект наблюдателя». Для того чтобы наблюдение не вносило искажений в изучаемое явление, исследователь должен скрывать от участников ситуации, в чем именно заключается его задача, но в этом случае он оказывается дистанцированным от объекта либо рискует быть «разоблаченным». Решением этой проблемы при включенном наблюдении является раскрытие исследователем своего статуса (но ни в коем случае не предмета исследования!) — тогда он может рассчитывать на доверие участ-

ников и на то, что они не будут изменять свои действия, релевантные предмету исследования. Невключенное наблюдение предполагает максимальную маскировку исследовательской работы, например при непосредственном контакте с объектом исследования допускается лишь малозаметное постороннему глазу внесение пометок в протокол наблюдения, а открытое ведение записей в дневнике наблюдения или видеосъемки могут осуществляться только на большой дистанции.

Даже неформализованное наблюдение ведется в строгом соответствии с процедурой, определяемой предметом исследования. Предмет исследования представлен в категориях наблюдения (в англо-американской традиции называемых «маркерами»), т. е. релевантных ему характеристиках объекта. Категории наблюдения делятся на основные (содержательные) и вспомогательные (относящиеся к ситуации или к индивидам) — своего рода аналог «паспортных» вопросов в анкете или интервью. Количество основных категорий должно быть небольшим (до 5–6), с тем чтобы не рассеивать внимание исследователя и не провоцировать избирательность их фиксации. Для того чтобы фиксировать категории наблюдения, следует определить единицы наблюдения, т. е. «носители» категорий, в качестве которых могут выступать люди или ситуации.

Основным инструментом индивидуального наблюдения является *дневник наблюдения*, в котором в хронологической последовательности фиксируются данные, относящиеся к избранным категориям наблюдения, а также комментарии исследователя. Если наблюдение осуществляется в нескольких местах и несколькими исследователями, то в качестве инструмента следует использовать стандартный протокол наблюдения, позволяющий привести результаты каждого наблюдения в форме, допускающей сопоставление (рис. 18.1).

Протокол наблюдения № _____ место проведения _____ время _____ исполнитель _____				
Единицы наблюдения	Категория 1	Категория 2	Категория 3	Примечания
1	×	×		
2		×		
3	×	×	×	

Рис. 18.1. Примерная форма протокола наблюдения

Наряду с главным достоинством метода наблюдения — сбором информации непосредственно о событии — у него есть и недостатки, ограничивающие его применение. Так, недостатком этого метода является высокая ресурсоемкость (в условиях естественного протекания социальных процессов

сбор интересующих сведений требует значительных временных затрат, а наблюдение масштабных объектов — большого числа исследователей). Другим недостатком можно считать высокий уровень риска для исследователя (присутствие «чужака» для наблюдаемых людей может выглядеть подозрительным, опасным и требующим защитных мер).

Анализ документов

Анализ документов — самый комфортный и наиболее «кабинетный» из всех методов сбора данных, он основывается на регистрации значимых для цели исследования элементов и свойств печатных, письменных, графических, видео- или аудиодокументов. Анализ документов, как и любой метод сбора данных в социологии, имеет количественную и качественную разновидности. *Качественный анализ документов* — это обнаружение неявных смысловых структур при помощи так называемого дискурсного анализа, своего рода «психоанализ» текстов, фильмов и т. п. В социологии чаще применяется количественная версия метода анализа документов — *контент-анализ*. Контент-анализ — это создание статистической модели большого массива стандартных документов, отражающих исследуемые социальные явления и процессы. В качестве массовых стандартных документов в современной социологии рассматриваются в первую очередь сообщения массмедиа — газетные и журнальные публикации, теле- и радиопередачи, — однако объектом контент-анализа могут стать и массивы частных фотографий, дневников, граффити и т. д.

Техника контент-анализа предполагает выделение категорий анализа — структурных и содержательных элементов текста (или изображения, видеоряда и т. п.), таких как тема, идеологическая направленность, стилистика. Чтобы измерить степень присутствия в изучаемом массиве документов данной категории, следует выделить *индикаторы* — признаки ее наличия или интенсивности. В качестве индикаторов могут выступать ключевые слова, характерные изображения и т. д. Количественную форму результатам анализа придает использование единиц счета (измерения), которыми могут быть, в зависимости от цели и предмета исследования, частота появления признака в анализируемом массиве документов, число строк или площадь (в квадратных сантиметрах) газетной публикации, в которой фиксируется признак, продолжительность (в минутах или секундах) телевизионных программ или сюжетов, содержащих признак. Если необходимо проанализировать очень большой массив документов, следует определить такую единицу анализа, чтобы можно было воспользоваться процедурой выборочного исследования. Например, установив в качестве единицы анализа номер ежедневной газеты, можно анализировать не всю годовую подшивку, а только ее десятую часть или, приняв за единицу анализа час телевизионного вещания, можно подвергнуть контент-анализу не 168 часов в неделю (24 часа × 7 дней), а выборочно 4–5 часов.

Особый элемент техники контент-анализа — построение структурных коэффициентов, выявляющих соотношение различных элементов в структуре анализируемого массива документов. Эти коэффициенты могут иметь прикладное значение. Например, можно измерить количество появлений рекламного объявления, приходящихся на единицу эфирного времени, или количество щитов наружной рекламы, приходящихся на единицу длины улицы. Такие данные могут быть существенными для принятия управленческих решений в сфере размещения и регулирования рекламы.

Основными достоинствами контент-анализа можно считать возможность исследовать информационные потоки, играющие важную роль в современной общественной жизни, и относительно низкую ресурсоемкость. В последние годы социологи получают возможность использовать специально разработанные пакеты прикладных программ, позволяющие вести анализ больших массивов контента, создаваемого пользователями социальных сетей в интернете. При этом хотя бы отчасти устраняется традиционно главный недостаток метода — косвенный характер информации, предопределяющий предметные ограничения в его применении: анализируются не сами социальные процессы, а *результаты их отражения* или *интеллектуальные процессы*, каким-то образом связанные с социальными процессами. Размещение текстов и изображений в социальных сетях, обмен сообщениями и комментариями могут быть непосредственной частью социальных процессов или даже главной их составляющей. Например, выкладывая в сеть фотографии и видеоролики, участники события — митинга, концерта, дружеского пикника и т. п. — могут тем самым воспроизводить его образ максимально близко к действительности и прямо в момент события.

Под воздействием изменений в способах и интенсивности социальных коммуникаций в последние десятилетия активное развитие получают социологические методы анализа визуальной информации, трансформируются методы работы с текстовой информацией (дискурс-анализ). Появление и распространение интернета, особенно версии Web 2.0, т. е. социальных сетей, наполняемых контентом самими пользователями, вызвали необходимость разработки и внедрения специальных методов сбора и анализа больших массивов цифровых данных. В результате возникло целое направление разработки и внедрения новых методов, совокупность которых получила название «большие данные» (*Big Data*).

Комбинированные методы сбора и анализа данных

Еще одним направлением развития методологии и техники социологических исследований стало соединение количественных и качественных методов в ходе одного процесса сбора и анализа данных. Всё чаще на разных стадиях исследовательского процесса социологи используют элементы и качественной, и ко-

личественной стратегий, пытаясь совместить такие разные методологические установки в непротиворечивой форме. В настоящее время активно разрабатывается комбинированная стратегия, называемая смешанной, или «микшированной» (от англ. *mix methods research*).

Ряд исследователей рассматривают ее как самостоятельную стратегию исследования, своеобразный «третий путь», предполагающий непротиворечивое сочетание в одном исследовании качественных и количественных способов сбора и анализа информации. Социологи сталкиваются с ситуациями, когда ответить на исследовательский вопрос оставаясь полностью в рамках одной из стратегий невозможно. Комбинированная стратегия призвана объединить лучшее из обеих стратегий: с одной стороны, глубокое, контекстуальное, но более трудоемкое качественное исследование, с другой — менее богатую смыслами и значениями, но более эффективную в предсказаниях количественную стратегию.

Комбинированная стратегия, задающая специфический исследовательский дизайн, предполагает наличие как теоретико-методологических оснований (определенной картины мира или сочетания нескольких картин мира), так и набора методов исследования, определяющих способ сбора, анализа и смешения качественных и количественных данных на разных стадиях в одном исследовании или серии исследований. Смешивая данные, полученные разными методами, исследователь стремится достичь наилучшего объяснения, понимания и описания исследуемого феномена. Выделяют несколько способов объединения методов сбора и анализа данных.

1. Слияние данных (*merged data*). В данном случае качественные и количественные данные собираются параллельно, а смешивание их происходит в процессе обработки и анализа. Такой дизайн позволяет более целостно рассмотреть изучаемый феномен или проблему, исследовать их на различных уровнях. Так, с помощью количественных данных мы можем получить информацию о структуре и траекториях потребительского поведения в социальной группе, а с помощью качественных данных прояснить мотивы принятия решений о покупках.

2. Последовательная связь данных (*connect the data*). Здесь речь идет о поэтапном сборе количественных и качественных данных. Результаты, полученные на первом этапе, кладутся в основу дальнейшего поиска — одни данные строятся на основе других. Например, сначала исследователь с помощью количественных методов изучает практики списывания среди студентов, а затем у нескольких участников берет глубинные интервью для прояснения смыслов, более подробного описания практик. Но, вероятно, чаще используется второй вариант, когда исследователь осуществляет поисковое исследование и получает качественные данные, которые становятся основой построения формализованных анкет и дальнейшего сбора количественных данных. Скажем, на первом этапе исследования мы можем изучить феномен насилия в семье с по-

мощью качественных методов, проведя несколько интервью или включенное наблюдение, а на втором этапе на основе полученных данных разработать шкалы и провести опрос среди населения.

3. Встраивание данных (*embed the data*). Этот способ сочетания методов сбора и анализа данных состоит в том, что данные одного типа играют вспомогательную роль, обеспечивая поддержку данным другого типа. Исследователи могут размещать числовую информацию в смысловых контекстах, а также обрамлять слова участников статистическими данными.

Микширование как стратегия используется и для создания синтетических методик, соединяющих основные традиционные виды сбора данных: опрос, наблюдение, анализ документов. Классическим примером такого микширования стал метод группового интервью, более известный под названием *фокус-группы*. Этот метод широко применяется в маркетинговых исследованиях (когда планируется выход на рынок новой торговой марки, нового рекламного ролика и т. д.) и политических исследованиях (когда нужна оценка имиджа и программы кандидатов или политических партий). С его помощью собирается фокусированное мнение, репрезентирующее целевые группы.

Собственно социологическим примером создания метода на основе стратегии микширования является биографический метод, включающий биографическое/нарративное интервью, анализ писем, дневниковых записей и мемуаров информантов, а также анализ личных фотоархивов и видеоматериалов. В качестве новейших примеров создания оригинальных методов путем микширования опроса, наблюдения и анализа документов можно рассматривать метод фотоинтервью и метод биографической прогулки.

Метод фотоинтервью

Визуальные источники иногда используются в качестве вспомогательного материала, например при проведении интервью. Идея техники фотоинтервью проста: в процесс исследовательского интервью включается рассмотрение фотографии и ее комментирование респондентом, комментирование как содержания самой фотографии, так и (даже в большей степени) проблем и вопросов, которые она актуализирует. Фотография выступает в качестве своеобразного ключа, который позволяет респонденту вспомнить прошлое, сконцентрироваться на значимых для исследователя вопросах. Исследователь дает респонденту рассмотреть фотографию, а затем ставит вопросы, которые должны выявить его мнение и знания на тему, представленную на фотографии. Таким образом, фотография является основой разговора о пережитом респондентом опыте.

Существует целый ряд методов, аналогичных фотоинтервью, — это и видеоинтервью, и интервью, основанное на привлечении рисованного изображения. На роль фотографии как проводника в мир воспоминаний могут пре-

тендовать практически любые визуальные образы — рисунки, фильмы (мультфильмы), граффити, рекламные плакаты, — хотя чаще всего используются именно фотографии. В рамках всех аналогичных фотоинтервью методов для работы с респондентом могут привлекаться образы, которые не находятся непосредственно перед нашими глазами, но которые легко вспомнить, — общеизвестные изображения, символы, персонажи из культовых кинофильмов или мультфильмов и т. п. Не обязательно предъявлять респонденту распространенный в современной массовой культуре образ Че Гевары, Ю. Гагарина или Волка из мультфильма «Ну, погоди!», чтобы он вспомнил о соответствующем персонаже. Главное, чтобы образ вызвал нужные воспоминания и ассоциации, заинтересовал, побудил респондента к рассказу, а обозначит его исследователь с помощью слов или покажет изображение — не важно.

В рамках фотоинтервью фотография используется:

- в качестве своеобразного зрительного стимула, пробуждающего воспоминания респондента и помогающего получить от него дополнительный словесный отклик, более значительный объем информации;
- как источник, который помогает респонденту понять тему интервью, задаваемые вопросы;
- как иллюстрация, требующая комментария, что актуально, например, при анализе существующих культурных различий или изучении субкультур.

Использование образов наравне со словами дает возможность получить более глубокий отклик у респондента, чем в случае использования одних лишь слов. Фотография пробуждает воспоминания, которые при ответе на вопрос в ходе традиционного интервью было бы невозможно извлечь из памяти респондента. Секрет таится в особенностях восприятия: визуальная информация стимулирует появление эмоций, ассоциаций, впечатлений, и, как следствие, события предстают перед вспоминающим человеком более полно и четко.

Помимо стимулирования или усиления воспоминаний или помощи в понимании темы и вопросов интервью, фотография может служить прекрасным средством, налаживающим контакт между интервьюируемым и интервьюером. В ситуации, когда человек испытывает смущение и дискомфорт, оттого что его личность и уникальный опыт являются предметом столь сильного интереса со стороны исследователя, обсуждение фотографии выступает своеобразным «спасательным кругом». Рассматривая фотографии, собеседники не обязаны удерживать контакт глаз и заполнять зависшие паузы в разговоре — они могут обращаться к фотографии как к нейтральному третьему.

Фотографии, используемые в ходе интервью для получения дополнительного отклика и, как следствие, более полной информации от респондента, могут быть разными. Помимо отдельных вещей, объектов или личностей фотографии могут представлять события, являющиеся частью коллективного

или институционального прошлого. Это могут быть фотографии школы, места работы либо снимки, отражающие события, случившиеся в течение жизни респондента в стране или в мире. Такие образы могут находить отклик у респондента, даже если не отражают конкретные моменты событий его жизни: они способны вызвать ассоциации и воспоминания, связанные чем-то схожим из пережитого опыта или с событиями эпохи. Для многих жителей России старших поколений таковой может быть фотография деревенской свадьбы (если они выросли в деревне) или фотография очереди в мавзолей Ленина. Используются также снимки из домашних фотоальбомов самого респондента, отражающие наиболее личные моменты его общения с семьей, близкими людьми, его представления о себе и собственном теле и т. п.

Перед тем как провести интервью, необходимо подготовить снимки — подобрать их из разных источников или сделать самостоятельно, ориентируясь на свои задачи. В связи с этим исследователь нередко какое-то время предварительно наблюдает за респондентом. Иногда в ходе такого наблюдения он фотографирует респондента в той или иной ситуации, а потом использует полученные фотографии в ходе интервью с ним. В рамках одного из проектов, посвященных изучению того, как дети влияют на внутрисемейные изменения, швейцарская историк и социолог Р. Штайгер фотографировала семьи с детьми представителей разных социальных классов ее страны. Ее съемка, сконцентрированная преимущественно на детях, позволяла с легкостью определить материальные обстоятельства семей, обзаведшихся первым ребенком, и фиксировать дальнейшие изменения этих обстоятельств. Исследователь через определенное время снова фотографировала семьи, отмечая, как их члены «взрослели», меняли место жительства, как семья обзаводилась вторым и следующими детьми. Таким образом, она вела что-то вроде специфического фотоальбома для каждой из исследуемых семей. Рассмотрение с представителями этих семей сделанных исследователем фотографий сопровождалось интервью, которое было сконцентрировано вокруг тематики семейных изменений.

Иногда наблюдение за респондентом необходимо для того, чтобы понять специфику деятельности человека и подготовить «работающие» фотографии. Подбор фотографий для фотоинтервью — задача не настолько простая, как кажется на первый взгляд. Может получиться так, что фотографии не только не вызовут желаемого отклика, но и спровоцируют обратный эффект, когда информант откажется продолжать интервью. В статье о возможностях включения фотографий в процесс исследовательского интервью Д. Харпер приводит пример собственного неудачного опыта общения с респондентами, когда предложенные им фотографии не вызвали никакого отклика, потому что были банальны. При изучении идентичности людей, занятых сельскохозяйственным и фермерским трудом, Харпер сделал фотографии, которые, как он понял впоследствии, были слишком похожи на образы, распространенные на страницах иллюстрированных специальных журналов по животноводству

и сельскому хозяйству. Эти фотографии не «сломали рамки» привычного видения фермерами своих повседневных действий. Исследователь вышел из ситуации за счет нескольких кадров, выполненных с помощью аэрофотосъемки и предложивших нестандартные перспективы видения результатов фермерского труда, а также за счет привлечения фотографий из далекого и недавнего исторического прошлого фермеров, — они-то и вызвали желаемый отклик.

О недостатках социологических исследований, включающих фотографию в процесс сбора и анализа данных, следует сказать отдельно. Эти недостатки свойственны и фотоповествованию, и фотоинтервью в равной степени. Бывает, что респондент излишне фокусируется на фотографиях, что отвлекает его от поставленной перед ним задачи (в фоторассказе) или уводит в сторону от темы интервью (в фотоинтервью). Если фотографии сделаны (подобраны) неудачно, то это становится дополнительным источником сложностей: из-за большого количества однотипных фотографий может рассеиваться внимание; из-за банальных снимков исчезает возможность содержательного комментирования, что приводит к потере данных.

Метод биографической прогулки

По технологии проведения этот метод наиболее близок к включенному, или участвующему, наблюдению. Биографическая прогулка — это метод, в котором биографическое интервью как реконструкция жизненного пути в целом или отдельных этапов жизни комбинируется с включенным наблюдением, проводимым во время прогулки по определенным городским маршрутам. Сначала с респондентом проводится первичное интервью, в котором задаются вопросы о городе проживания, о восприятии различных частей городского пространства, о поведенческих стереотипах в прошлом и настоящем. Определяются привычные городские маршруты, по которым респондент перемещался в молодости, фиксируется общее отношение к городу на тот момент, обсуждаются практики появления любимых и нелюбимых мест в городе. По итогам интервью выбирается одно из городских мест, где затем проводится прогулка респондента и интервьюера, которая дополняется вторым интервью (во время прогулки или по ее окончании). В ходе прогулки фиксируется то, как респондент описывает изменения городского пространства, свои ощущения от любимого ранее места в городе, событийный ряд, который ассоциируется у респондента с местом прогулки, другие впечатления о городе; также уточняются и дополняются все основные сюжеты из первичного интервью. Таким образом, идея метода заключается в постепенном разворачивании биографии индивида с помощью прогулки, которая позволяет реконструировать прошлое в пространственно-телесном опыте. Поскольку повседневное общение само по себе не располагает к детальным повествованиям о событиях прошлого, исследователю приходится искать методические приемы, которые выступили

бы в роли биографического импульса. Одним из удачных приемов можно считать биографическую прогулку, в ходе которой пространственные схемы дополняют биографический подход через погружение в прошлое.

В биографических прогулках проблематика мобильности в биографии индивида акцентируется через различные мета-сюжеты (жизненные «повороты» и «перекрестки»), которые так или иначе проявлялись в каждом интервью.

Аналогичный метод разрабатывается исследователями, изучающими потребительское поведение. Метод, получивший название «интервью на ходу» (англ. *walking interview*), представляет собой посещение магазина в сопровождении интервьюера и совмещает наблюдение и интервью. Для того чтобы понять, как ведет себя информант в той или иной ситуации, к чьим советам прислушивается, по какой логике действует в молле, исследователь сопровождает его во время похода за покупками.

Партисипаторные методы

В классических исследованиях существует четкая граница между позицией исследователя и позицией респондента/информанта. Респондент/информант выступает скорее объектом исследования нежели его полноправным участником. Однако под влиянием акционистской социологии А. Турена с ее методом социологической интервенции, концепции публичной социологии М. Буравого, критической социологии данные позиции в последние десятилетия активно пересматриваются. Всё большее распространение получают *партисипаторные* (от англ. *participation* — участие) методы исследования. В наибольшей степени они согласуются с качественной стратегией, предполагая более активную роль респондентов/информантов (представителей изучаемых сообществ) в процессе исследования и выработке коллективного знания. Иногда социолога называют своеобразным психотерапевтом, позволяющим информантам высказать свои скрытые переживания в процессе интервьюирования.

Партисипаторные методы предполагают альтернативный подход к процессу исследования, поскольку подразумевают скорее «исследование совместно с кем-либо», чем «изучение кого-то» или «для кого-то». Этот подход основывается на принципе, согласно которому обычные люди, так же, как и профессионалы, способны к критическому мышлению и анализу, а их знания содержательны и ценны. При таком подходе участники исследования самостоятельно проводят анализ проблемы, а исследователь лишь фасилитирует (от англ. *facilitate* — помогать, облегчать, способствовать) этот процесс, не акцентируя свою роль как эксперта. Часто данная стратегия реализуется в работе с различными группами, сталкивающимися с социальными проблемами. Предполагается, что исследование может становиться инструментом отстаивания интересов дискриминируемых групп, изменения их социальной ситуации. В данном случае ответственность и за производство знания, и за

его использование ложится на изучаемые группы. Понятие осознания, предложенное бразильским специалистом в области образования П. Фрэйром, является ключевым в партисипаторном исследовании. Данное понятие отражает тот факт, что люди, вовлеченные в глубокий анализ их собственной реальности, развивают понимание и способность действовать в направлении улучшения этой реальности.

Цель партисипаторного исследования — способствовать мобилизации ресурсов обычных людей, активизации их потенциала. В таком исследовании могут применяться разнообразные методы сбора и анализа данных. Важно, чтобы все участники четко понимали характер и смысл получаемой информации, знали, как ее применить, могли планировать действия, которые стоит предпринять, чтобы разрешить проблему. Партисипаторное исследование часто применяется в таких формах социальной работы, как работа с сообществом (*community work*), работа в группе, в том числе в группе самопомощи. Международный совет по образованию для взрослых в Онтарио (Канада) и Общество партисипаторных исследований в Азии в Новом Дели (Индия) — лишь отдельные примеры многочисленных организаций, осуществляющих продвижение этого метода на протяжении ряда лет. Партисипаторное исследование применялось в феминистских и других эмансипирующих проектах в различных странах, например в США, Канаде, Индии, Никарагуа, Филиппинах.

Инновационные методы сбора и анализа данных, постоянно разрабатываемые социологами, позволяют им следовать за тенденциями социальных изменений и получать информацию в том виде, который становится характерным для совместной жизни людей в современных условиях. Однако можно видеть, что в основе всех «поворотов» и «миксов» в методике социологических исследований остаются классические методы — опрос, наблюдение, анализ документов. Они модифицируются и комбинируются в различных соотношениях, что и приводит к появлению таких методов, как фокус-группа, фотоинтервью, биографическая прогулка и т. п.

Контрольные вопросы

1. Какой из методов сбора данных можно назвать «качественным»?
 - А) стандартизированное интервью
 - Б) нарративное интервью
 - В) анкетирование с помощью вопросов-шкал.
2. Какова эффективная продолжительность уличного интервью?
 - А) малая
 - Б) средняя
 - В) большая

3. Какая исследовательская стратегия лежит в основе метода «интервью на ходу» (*walking interview*)?
 - А) качественная стратегия
 - Б) количественная стратегия
 - В) комбинированная стратегия
4. В каком опросном методе применяются «закрытые» вопросы?
 - А) в анкетировании
 - Б) в нарративном интервью
 - В) в биографическом интервью
5. Какой метод позволяет собрать количественные данные?
 - А) нарративное интервью
 - Б) контент-анализ
 - В) анкетирование с использованием «открытых» вопросов
6. Что в социологии понимается под транскрибированием интервью?
 - А) перевод аудиозаписи интервью в текстовую форму
 - Б) запись ответов респондента интервьюером
 - В) корректировка формулировок вопросов интервью
7. Какой базовый метод сбора и анализа данных положен в основу технологии «больших данных»?
 - А) наблюдение
 - Б) анализ документов
 - В) опрос
8. Что такое включенное наблюдение?
 - А) наблюдение за поведением респондентов, проводимое в рамках интервью
 - Б) наблюдение, которое исследователь ведет, участвуя в изучаемом событии или процессе
 - В) наблюдение, которое заранее было включено в программу исследования
9. Что такое гайд интервью?
 - А) план интервью, определяющий набор и последовательность обсуждаемых вопросов
 - Б) инструкция для респондента, разъясняющая цели проведения интервью
 - В) инструктор, готовящий интервьюеров к работе с респондентами

10. К методам какой категории относится контент-анализ?
- А) к качественным методам
 - Б) к количественным методам
 - В) к микшированным методам

Задание для самостоятельной работы

Для каждого предмета исследования выберите из приведенного перечня методов сбора информации один в качестве основного и один в качестве вспомогательного. Впишите краткое обоснование своего выбора в соответствующую графу приведенной ниже таблицы.

Метод сбора данных	Выявление основных интересов и ценностей подростков	Определение уровня популярности телепередач	Выявление социально-демографических характеристик участников митинга
Анкетирование			
Интервью			
Наблюдение			
Контент-анализ			

Темы рефератов (докладов)

- ✓ Достоинства и недостатки анкетирования как метода сбора социологической информации
- ✓ Возможности количественных и качественных методов сбора социологических данных
- ✓ Обзор современных методов прикладной социологии
- ✓ Применение новых информационно-коммуникационных технологий в эмпирических социологических исследованиях
- ✓ Визуальные методы в социологии (по работам П. Штомпки)

Список дополнительной литературы по теме

- Батыгин Г. С.* Лекции по методологии социологических исследований. М.: Изд-во Рос-ун-та Дружбы народов, 2008.
- Гидденс Э.* Социология / пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2005.
- Горшков М. К., Шереги Ф. Э.* Прикладная социология. Методология и методы. М.: Альфа-М, 2009.
- Готлиб А. С.* Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-групп, 2004.
- Девятко И. Ф.* Методы социологического исследования. М.: Книжный дом «Университет», 2010.
- Ильин В. И.* Драматургия качественного полевого исследования. СПб.: Интерсоцис, 2006.
- Ковалёв Е. М., Штейнберг И. Е.* Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999.
- Мертон Р., Фиске М., Кендалл П.* Фокусированное интервью / пер. с англ.; под ред. С. А. Белановского. М.: Институт молодежи, 1991.
- Методы сбора информации в социологических исследованиях / под ред. В. Г. Андреевкова, О. М. Масловой. М.: Наука, 1990.
- Михайлова О. И., Гурова О. Ю.* Потребитель в молле: между свободой выбора и стратегиями ограничения потребительского поведения // Экономическая социология. 2009. Т. 10, №3. С. 41–57.
- Ноэль-Нойман Э.* Массовые опросы: введение в теорию демоскопии / пер. с нем. М.: Прогресс, 1978.
- Рождественская Е.* Биографический метод в социологии. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.
- Смелзер Н.* Социология / пер. с англ. М.: Феникс, 1998.
- Татарова Г. Г.* Методология анализа данных в социологии (введение): учебник для вузов. 2-е изд., испр. М.: NOTA BENE, 1999.
- Хеллевик О.* Социологический метод: практическое пособие по социологии / пер. с норв. М.: Весь мир, 2002.
- Штомпка П.* Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник. 2-е изд. / пер. с пол. М.: Логос, 2010.

Словарь терминов

АВТОРИТАРНАЯ ЛИЧНОСТЬ — социально-психологический тип человека, характеризующийся такими чертами, как конформизм, консерватизм, стереотипность мышления, лояльность к инстанциям власти и идентификация с фигурами власти, нетерпимость к «чужим» и «слабым» — представителям других этнических групп, оппозиционерам, маргиналам и т. п. Концепция авторитарной личности как «нового антропологического типа», который в XX в. стал массовым и, в силу присущих ему установок мышления и поведения, является социальной базой авторитарных и тоталитарных режимов, была разработана в 1930–1940-х годах исследователями, принадлежавшими к Франкфуртской школе (М. Хоркхаймер, Э. Фромм, Т. Адорно и др.).

АКТОРНО-СЕТЕВАЯ ТЕОРИЯ (АСТ) — исследовательский подход, основывающийся на рассмотрении социальных явлений как сложных сетей, образуемых разнородными компонентами — людьми, техническими устройствами, природными объектами. Идея создания теории принадлежит французскому исследователю Б. Латуру.

АНКЕТИРОВАНИЕ — разновидность (наряду с интервью) метода опроса: сбор данных в виде письменных ответов, фиксируемых опрашиваемым («респондентом»), в специально изготовленном вопроснике — анкете. В качестве инструмента социологического исследования анкета — это не просто перечень вопросов, интересующих исследователя, а система, в которой каждый вопрос — элемент системы, выполняющий отведенную ему функцию и вносящий тем самым вклад в достижение общей цели исследования.

АНОМИЯ — состояние общества, характеризующееся неопределенностью и, как следствие, неэффективностью социальных норм в качестве регуляторов индивидуального поведения. Понятие аномии в социологию ввел французский социолог Э. Дюркгейм, исследовавший проблему поддержания социальной солидарности при переходе от традиционного общества к обществу современного типа.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛЬНОЕ — процесс взаимной координации несколькими людьми своих поступков. По типу координации поступков можно выделить три формы социального взаимодействия: поведение, обмен действиями, отношение.

- ВИЗУАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ** — сбор и анализ данных, существующих в форме изображений (фотографий, рисунков, видеозаписей и т. д.). Применяются при изучении образов и репрезентаций социокультурных явлений во внешнем облике людей, в форме вещей и сооружений, в визуальных искусствах и средствах рекламы и пропаганды.
- ВИРТУАЛИЗАЦИЯ** — серия тенденций социальных изменений, характеризующихся замещением реальных объектов и действий образами, симулирующими реальность.
- ВЛАСТЬ** — социальное отношение, предполагающее возможность для одних людей проводить свою волю в процессе взаимодействия с другими людьми.
- ВЫБОРКА** — репрезентативная часть генеральной совокупности, избираемая в качестве объекта исследования. Согласно закономерностям, открытым статистиками и обоснованным математиками, максимальная репрезентативность обеспечивается, если выборка является случайной, т. е. единицы, ее составляющие, отбираются из генеральной совокупности произвольно, но при условии, что вероятность быть отобранной для всех единиц генеральной совокупности одинакова.
- ГАБИТУС** — набор усвоенных, но неосознаваемых схем восприятия и производства практик. В теории французского социолога П. Бурдьё габитус является моделью, позволяющей объяснять спонтанность, импровизационность практик, не прибегая к идее рефлексивного и свободного субъекта деятельности, а также воспроизводимости, устойчивости социального порядка, не прибегая к идее объективной детерминированности деятельности.
- ГЕНДЕР** — совокупность мыслительных и поведенческих установок, характерная для мужчин/женщин. В отличие от биологического пола, определяемого составом хромосом, гендер является «социальным полом», посредством которого сексуальная принадлежность человека идентифицируется в процессах взаимодействия.
- ГЛОБАЛИЗАЦИЯ** — серия тенденций социальных изменений, приводящих к смене локальной, территориально замкнутой социальной организации социальной организацией глобального типа.
- ГОСУДАРСТВО** — социальный институт, выполняющий в обществе функции осуществления власти, координации и интеграции политической деятельности, превращающий политическое взаимодействие в ролевую систему «гражданин — чиновник» и локализирующий это взаимодействие в специализированных учреждениях — правительстве, парламенте и т. д.
- ГРУППА СОЦИАЛЬНАЯ** — общность людей, возникающая на основе регулярного взаимодействия и характеризующаяся следующими признаками: 1) разделяемыми всеми членами группы ценностями и возникающими на их основе нормами взаимодействия внутри группы; 2) определенной структурой, складывающейся из статусов и ролей внутри группы; 3) внешними поведенческими и вещественными атрибутами принадлежности к группе; 4) связанными с атрибутами представлениями о различиях между членами группы и другими людьми — групповым сознанием.

ДЕВИАНТНОСТЬ — систематическое отклонение от нормативных ожиданий, которое затрудняет или делает невозможной координацию поступков индивида с поступками других людей.

ДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛЬНОЕ — действие, которое по предполагаемому действующим индивидом смыслу соотносится с действиями других людей и ориентировано на них. По степени осмысленности и в зависимости от того, какой смысл связывается с действием, немецкий социолог М. Вебер выделил четыре типа социального действия: 1) целерациональное, определяемое сознательным соотношением целей, средств и возможных последствий совершаемого поступка; 2) ценностнорациональное, основанное на вере в безусловную ценность (этическую, религиозную, эстетическую и т. п.) совершения определенных поступков, независимо от их последствий; 3) традиционное, основанное на длительной привычке совершать определенные поступки; 4) аффективное, обусловленное сильными переживаниями — эмоциями страха, гнева, любви и т. п.

ДИСКУРС — открытая и изменчивая речевая практика, в которой понятия не фиксируются в виде однозначных терминов, а постоянно обыгрываются посредством выстраивания ассоциативных рядов. В постмодернистской теории дискурс рассматривается как практика манипулирования знаками, которые формируют символические структуры, образующие для людей мир явлений и событий, воспринимаемых как социальная реальность.

ДИСФУНКЦИЯ — вредное воздействие структурного элемента системы на систему в целом, нарушающее ее стабильность и нормальное воспроизводство.

ЖИЗНЕННЫЙ МИР — сфера опыта, доступного индивидам в их повседневной жизни. Согласно концепции феноменологической социологии жизненный мир не является предметом размышлений — люди просто переживают его как очевидную реальность.

ИДЕНТИЧНОСТЬ — определение другими и самоопределение индивида как представителя социальной общности. Основные виды/компоненты идентичности: возраст; гендер; профессия; место жительства; гражданство/национальность; этничность.

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО — тип социальной организации, возникающий в условиях доминирования промышленных технологий в экономике и превращения такого рода технологий в универсальные, определяющие характер деятельности в других сферах — политике, науке и образовании, культуре, повседневной жизни.

ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЕ — процесс трансформации общества или его отдельных структур, фиксируемый эмпирически как сдвиг параметров, определяющих тип социальной организации.

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНЫЙ — устойчивый комплекс норм, регулирующих взаимодействие в определенной сфере жизнедеятельности и превращающих эту сферу в систему социальных ролей. На существование социального институ-

та указывают три основных признака: функция или функции; набор ролей; пространственно-временная локализация и материальные атрибуты взаимодействия.

ИНТЕРВЬЮ — разновидность метода опроса, сбор данных в форме устных ответов на вопросы, задаваемые исследователем респонденту при личном общении.

ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ — способ существования социальных феноменов, возникающих в процессе интерпретации индивидами ситуации взаимодействия. Интерсубъективность с точки зрения феноменологической социологии — это фундаментальная характеристика социальных феноменов.

КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ в социологии — методы получения информации в виде неформализованных описаний объекта, которые интерпретируются с точки зрения смысла высказываний и поступков людей, созданных ими текстов, изображений и т.д. Качественные методы считаются «мягкими» по отношению к объекту, поскольку, применяя их, исследователи не навязывают ему заранее разработанных жестких схем в виде закрытых вопросов или наборов признаков, подлежащих фиксации при наблюдении.

КЛАСС СОЦИАЛЬНЫЙ — группа статусов, выделяемая по критерию места в системе разделения труда и способа получения дохода. В современном обществе можно выделить шесть основных социально-экономических классов: политическая элита; капиталисты — собственники предприятий и ресурсов; свободные профессионалы — обладатели специфических навыков, приносящих доход в виде гонораров; фермеры — владельцы сельскохозяйственных угодий, сами работающие на собственной земле; наемные работники, разделяемые на две категории — «белые воротнички» (служащие) и «синие воротнички» (рабочие); получатели социальной помощи, занимающие маргинальное положение в классовой структуре.

КЛАССИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ — совокупность исследований, осуществленных в конце XIX — начале XX в. и предопределивших развитие социологии как научной дисциплины, имеющей собственную предметную область и собственные методы исследовательской работы.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ в социологии — методы получения информации о распределении в изучаемой совокупности некоторого числового признака, рассматриваемого как переменная. Полученные количественными методами данные можно подвергать статистическому анализу, выясняя, существует ли корреляция — статистически значимая связь — между переменными.

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ — метод сбора и анализа данных, заключающийся в создании статистической модели большого массива стандартных документов, отражающих исследуемые социальные явления и процессы. В качестве массовых стандартных документов в современной социологии рассматриваются в первую очередь сообщения массмедиа — газетные и журнальные публикации, теле- и радиопередачи.

КОНФЛИКТ СОЦИАЛЬНЫЙ — столкновение между индивидами и социальными группами, обусловленное неодинаковым распределением социально значимых ресурсов между различными социальными общностями.

КРИЗИС В СОЦИОЛОГИИ — ситуация, сложившаяся в социологии во второй половине XX в. как следствие критики господствующих парадигм. В ходе кризиса вновь приобрела актуальность проблематика предметной области и методов социологии, развернулись дискуссии о том, что и как должны изучать социологи, сложилась ситуация множественности парадигм.

КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВА — неомарксистский подход, опирающийся на концепцию общества как системы тотального, всепроникающего контроля. В критической теории господство и контроль в обществе связываются с незаметной для людей, происходящей исподволь трансформацией естественных для человека влечений в «ложные» потребности, удовлетворение которых ведет не к свободному развитию личности, а к укреплению сложившегося социального порядка.

КУЛЬТУРА — основанная на ценностях и определяющая образ жизни людей совокупность способов решения проблем. Способами решения жизненных проблем в культуре выступают артефакты, символы, ритуалы и обычаи. Культура определяет то, что люди знают и во что верят, как они понимают и оценивают окружающий мир, создают вещи и формулируют идеи.

ЛЕГИТИМНОСТЬ — правомочность в представлении людей инстанций власти и распоряжений, исходящих от носителей власти.

ЛИЧНОСТЬ — сознательный субъект целенаправленной деятельности, который формируется в результате индивидуального, обусловленного своеобразием жизненного опыта, усвоения и использования лишь части из тех способов мыслить и действовать, которые даны как возможности в рамках существующей социальной организации.

МАКРОСОЦИОЛОГИЯ — совокупность исследований, основывающихся на «реалистической» онтологической ориентации и сфокусированных на надиндивидуальных структурах. К предмету макросоциологии можно отнести устройство общества, взаимовлияние его частей (например, политических и экономических институтов), социальную эволюцию (например, изменение на протяжении десятилетий и даже столетий роли семьи в определении социального статуса индивидов), структуру общественного мнения (например, соотношение долей избирателей, поддерживающих различные политические партии) и т. п.

МЕТОДОЛОГИЯ — система представлений об исходных принципах и эффективных способах познания, положенная в основу исследовательской работы.

МИКРОСОЦИОЛОГИЯ — совокупность исследований, основывающихся на «номиналистической» онтологической ориентации и сфокусированных на взаимодействиях индивидов. К предмету микросоциологии можно отнести поведение внутри малых групп (например, в семье), взаимосвязь между осознанием индивида-

ми своего социального статуса и исполнением ими социальных ролей, ситуации, в которых индивиды социализируются, т.е. усваивают ценности и социальные нормы, и т.д.

МОБИЛЬНОСТЬ СОЦИАЛЬНАЯ — изменение социального статуса в системе социальной дифференциации. Мобильность бывает «вертикальной» (приводящей к повышению или понижению статуса) и «горизонтальной» (не сопровождающейся переходом в другой слой).

МОДЕРНИЗАЦИЯ — совокупность социальных изменений, ведущих к смене традиционного типа социальной организации современным типом. К числу модернизационных тенденций относятся индустриализация, секуляризация, научно-техническая революция, демократизация.

НАБЛЮДЕНИЕ — метод сбора данных в виде регистрации (записи) результатов целенаправленного и непосредственного восприятия событий, явлений. По степени контакта с объектом исследования можно выделить два вида наблюдения: включенное и невключенное.

НЕРАВЕНСТВО СОЦИАЛЬНОЕ — неодинаковый доступ к ресурсам в соответствии с социальным статусом. Социально значимые ресурсы разнообразны и варьируются от культуры к культуре, от эпохи к эпохе, но всё разнообразие может быть сведено к трем категориям: богатство, власть, престиж.

НОРМЫ СОЦИАЛЬНЫЕ — служащие регулятивами социального взаимодействия ожидания поведения, обусловленные ценностями как представлениями о должном.

НУКЛЕАРНАЯ СЕМЬЯ — форма семьи, для которой характерно наличие «ядра» — супружеской или партнерской пары, живущей вместе с детьми и ближайшими родственниками.

ОБМЕН СОЦИАЛЬНЫЙ — разработанная американским социологом Дж. Хомансом модель социального взаимодействия, рассматриваемого как процесс обмена, каждый участник которого получает выгоду в результате действий других участников и, в свою очередь, совершает действия, приносящие им выгоду. В качестве выгод рассматриваются как материальные, так и нематериальные, символические блага: знаки уважения, престижа, положительные эмоции и т.п.

ОБОСНОВАННАЯ ТЕОРИЯ (англ. *grounded theory*) — дескриптивная теория изучаемого объекта, создаваемая непосредственно в ходе эмпирического исследования и опирающаяся на обобщение полученных эмпирических данных. Основоположниками концепции обоснованной теории принято считать Б. Глэзера и А. Страусса.

ОБЩЕСТВО — исторически сложившийся тип социальной организации, т.е. социальной обусловленности явлений и процессов. Эта социальная организация явлений и процессов возникает вследствие совместной жизни, взаимодействий людей, оказывает влияние на их мышление и поведение, проявляется в поступках, идеях, вещах, созданных людьми во всех сферах их жизнедеятельности.

- ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ** — процедура перевода теоретических понятий в переменные и эмпирические индикаторы.
- ОТНОШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫЕ** — форма взаимодействия, для которой характерна координация поступков на основе соотнесения их с общественным положением участников взаимодействия. Поскольку поступки каждого индивида ориентированы не на ситуацию или содержание действий других участников взаимодействия, а на их принадлежность к той или иной статусной категории, взаимодействие обретает характер устойчивых, т. е. повторяющихся от ситуации к ситуации, связей взаимно ориентированных поступков — отношений сотрудничества, конкуренции, конфликта и т. д.
- ПАРАДИГМА** — принятый в данном научном сообществе способ постановки и решения исследовательских проблем.
- ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО** — тип социальной организации, возникающий на основе замещения промышленных технологий информационно-коммуникационными.
- ПОСТМОДЕРНИЗМ** — эстетическое и идейное течение, в основе которого лежит скептическое и даже ироническое отношение к ценностям, господствовавшим на протяжении XIX и большей части XX в. Отправной пункт постмодернизма — сомнение в том, что научный и технический прогресс, подчинение природных процессов и управление процессами социальными есть безусловное благо, что всё это избавляет человечество от материальных проблем, страхов и предрассудков; сомнение в том, что политическая и индивидуальная свобода гарантирует отсутствие несправедливости, неравенства и угнетения. Постмодернизм предполагает устранение традиционных бинарных оппозиций и уравнивание значений «нового» и «старого», «архаичного» и «современного», «рационального» и «иррационального», «объективного» и «субъективного», «научного» и «ненаучного» и т. д.
- ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИИ** — это социальная обусловленность явлений, проявляющаяся в связях, складывающихся между различными видами деятельности, событиями и ситуациями в ходе совместной жизни людей, и в следовании ценностям, моральным нормам, обычаям, привычкам, определяемым принадлежностью людей к общности — этнической, религиозной, профессиональной и т. п.
- ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ** — совокупность исследований, целью которых является получение практически полезного знания. Основным результатом прикладного исследования является выработка с помощью научных средств — теоретических моделей и эмпирических методик — решения конкретной проблемы за пределами сферы поиска научной истины. Исследования прикладного характера ведутся главным образом специализированными организациями, действующими на коммерческой основе и образующими своего рода индустрию исследований на заказ.
- ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛЬНОЕ** — в теории П. Бурдьё комплекс отношений, объединяющих и разделяющих агентов символически и физически. Символическое разделение — это разделение индивидов на категории, представители которых

больше или меньше стремятся взаимодействовать друг с другом, больше или меньше сходны по образу жизни. Соответственно, эти категории отстоят «ближе» или «дальше» друг от друга в социальном пространстве. Символическое разделение приводит к разделению физическому, когда жизнь представителей различных общностей (этнических, религиозных, профессиональных и т. д.) концентрируется в разных регионах, районах, кварталах, зданиях и т. п.

ПРОТОСОЦИОЛОГИЯ — совокупность созданных в середине — конце XIX в. проектов науки об обществе, заложивших концептуальные основы развития социологии, но остававшихся органичной частью философских и мировоззренческих доктрин.

РАЦИОНАЛЬНЫЙ ВЫБОР — центральное понятие научного подхода, основывающегося на рассмотрении социального взаимодействия как процесса координации действий людей, стремящихся к достижению индивидуальных целей. Рациональность выбора определяется оптимальностью стратегии поведения: индивид выбирает из альтернатив — фиксированного набора возможных вариантов действий — тот вариант, который даст наилучший результат.

РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ — свойство выборки представлять генеральную совокупность в силу совпадения тех их статистических характеристик, которые интересуют исследователя.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНАЯ — ожидаемое от индивида поведение в связи с его социальным статусом.

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ИНТЕРАКЦИОНИЗМ — разработанный американским социологом Г. Блумером исследовательский подход, основывающийся на концепции социального взаимодействия как процесса согласования людьми своих поступков с поступками других путем установления и изменения значений этих поступков. Взаимодействуя друг с другом, индивиды постоянно определяют и переопределяют значения действий друг друга в зависимости от развития ситуации и ориентируют свои последующие действия на эти значения.

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНАЯ — внутренне дифференцированная упорядоченная целостность, части которой — структурные элементы, вносящие вклад в поддержание социального порядка. В качестве структурных элементов рассматриваются устойчивые образцы деятельности людей

СОЦИАЛИЗАЦИЯ — процесс усвоения индивидом нормативных и ролевых ожиданий как навыков, необходимых для эффективного взаимодействия.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ — установка сознания, позволяющая выявлять социальную обусловленность явлений. Концепцию социологического воображения выдвинул американский социолог Чарльз Р. Миллс, предлагавший исследователям вырабатывать у себя такое свойство мышления, которое помогает увидеть личные проблемы как общественные, рассматривать индивидуальные события как проявления общественной жизни.

- СОЦИОЛОГИЯ** — профессиональная исследовательская деятельность, заключающаяся в систематическом сборе, анализе, интерпретации фактов социальной обусловленности явлений.
- СРЕДНЕГО УРОВНЯ ТЕОРИЯ** — частная (специальная) теория, с помощью которой описывается и объясняется некоторый ряд или определенная категория социальных явлений.
- СТАТУС СОЦИАЛЬНЫЙ** — позиция индивида в отношениях с другими людьми, характеризующаяся определенными правами, т. е. социально признаваемыми притязаниями на материальные и символические блага.
- СТРАТИФИКАЦИЯ СОЦИАЛЬНАЯ** — иерархическая дифференциация групп статусов, близких по уровню, т. е. по объему доступных благ.
- СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНАЯ** — устойчивое соотношение частей социальной системы, в качестве которых могут выступать комплексы социальных норм (институты) или социальные общности (классы, слои и т. п.).
- СТРУКТУРНЫЙ ФУНКЦИОНАЛИЗМ** — научный подход, основывающийся на рассмотрении общества как системы, внутренне дифференцированной и упорядоченной целостности, части которой — структурные элементы, вносящие вклад в поддержание системы, в ее воспроизводство. В качестве социальных структур рассматриваются любые устойчивые образцы (паттерны) деятельности людей, вклад каждого из которых в воспроизводство социального порядка, т. е. его положительная роль в социальной системе, — это функция данной структуры.
- ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ** — совокупность исследований, основным содержанием которых является построение концептуальных моделей, т. е. систем логически связанных утверждений, описывающих и объясняющих социальные явления. Особенностью теоретических исследований является то, что они ведутся без обращения непосредственно к объекту в процессе исследования.
- ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ** — подход, основывающийся на рассмотрении социального взаимодействия как процесса координации поступков людей, наделяющих действия друг друга смыслом, типичным для их жизненного опыта. Общность и устойчивость смыслов, придаваемых ситуациям взаимодействия, упорядочивает их и превращает в представлении участников взаимодействия в объективную реальность — социальные феномены, которые таким образом конструируются, хотя большей частью непреднамеренно, в сознании людей, придерживающихся общепринятых способов интерпретации как очевидных, естественных.
- ФУНКЦИЯ** — вклад какого-либо социального явления или процесса в воспроизводство социального порядка, т. е. положительная роль структурного элемента в социальной системе.
- ХАРИЗМА** — в теории власти М. Вебера сверхъестественные качества (святость, гениальность и т. п.) властителя или лидера, вера в которые оправдывает и делает правомерными его распоряжения или притязания на власть.

ЦЕННОСТИ — представления о должном, служащие мерилom оценки любых вещей, идей, поступков. Ценности задают универсальную формулировку всех жизненных проблем — хозяйственных, познавательных, моральных, политических и т. д. Решения этих проблем определяют образ жизни людей и становятся тем самым компонентами культуры.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ — совокупность исследований, основным содержанием которых является сбор и анализ фактических данных об объекте.

ЭТНОМЕТОДОЛОГИЯ — исследовательская стратегия, предложенная американским социологом Г. Гарфинкелем, суть которой состоит в изучении практикуемых индивидами в повседневной жизни методов объяснения, т. е. способов надления смыслом ситуаций и действий. Одновременно этнометодология является методом обнаружения латентных смысловых структур в привычных, обыденных ситуациях, рассматриваемых подобно тому, как этнографы рассматривают обычаи и ритуалы иных народов, непривычные и требующие усилий для раскрытия их смысла.

Указатель персоналий

Адорно Теодор (1903–1969) — германский философ и социолог, один из лидеров Франкфуртской школы. Развивал критический подход к исследованию культуры и искусства. Руководил исследовательским проектом «Авторитарная личность». Автор книг «Диалектика просвещения» (1947, совместно с М. Хоркхаймером), «Призмы. Критика культуры и общество» (1955), «Негативная диалектика» (1966).

Айзенштадт Шмуэль (1923–2010) — израильский социолог, внесший большой вклад в развитие теории модернизации. Автор работ «Политическая система империй» (1963), «Традиция, изменение и современность» (1973).

Александр Джеффри (р. 1945) — американский социолог, создатель неофункционалистского направления в социологической теории. Автор работ «Теоретическая логика в социологии» (1982–1983), «Неофункционализм» (1985).

Альтюссер Луи (1918–1990) — французский философ, разрабатывавший структуралистскую интерпретацию марксизма. Автор работ «За Маркса» (1965), «Позиции» (1976).

Аппадурай Аржун (р. 1936) — индийский и американский антрополог и социолог, разрабатывающий теорию глобальных символических пространств. Автор работы «Современность в полный рост: культурные измерения глобализации» (1996).

Бек Ульрих (1944–2015) — немецкий социолог, исследователь современного общества. Автор книг «Общество риска» (1986), «Что такое глобализация?» (1997).

Белл Дэниел (1919–2011) — американский социолог и футуролог, один из создателей теории постиндустриального общества. Автор книг «Конец идеологии» (1960), «Грядущее постиндустриальное общество» (1973), «Культурные противоречия капитализма» (1976).

Бергер Питер (1929–2017) — американский социолог, один из классиков феноменологической социологии; известен также как социолог религии и теоретик модернизации. Автор книг «Приглашение в социологию» (1963), «Социальное конструирование реальности» (1966, совместно с Т. Лукманом), «Священный полог» (1967), «Капиталистическая революция» (1986).

- Берджес Эрнст** (1886–1966) — американский социолог, один из лидеров Чикагской школы. Развивал социально-экологический подход к исследованию города. Автор книг «Введение в науку социологии» (1921, совместно с Р. Парком), «Город» (1926, совместно с Р. Парком и Р. Маккензи).
- Блау Питер** (1918–2002) — американский социолог, один из создателей теории социального обмена. Автор работ «Обмен и власть в социальной жизни» (1964), «Неравенство и неоднородность» (1977).
- Блумер Герберт** (1900–1987) — американский социальный психолог и социолог, классик символического интеракционизма. Исследовал различные формы массового поведения. Автор работ «Кино и поведение» (1933, совместно с Ф. Хаузером), «Символический интеракционизм: перспектива и метод» (1969).
- Бодрийяр Жан** (1929–2007) — французский социолог, один из создателей постмодернистской социальной теории. Разработал концепцию симуляции как манипулирования знаками, скрывающими исчезновение социальной реальности. Автор книг «Система вещей» (1968), «Общество потребления» (1970), «Символический обмен и смерть» (1976), «Симулякры и симуляция» (1981).
- Бороноев Асалхан Ользонович** (р. 1937) — советский и российский социолог, специалист по истории российской социологии, основатель и первый декан (1989–2000) факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета.
- Буравой Майкл** (р. 1947) — американский социолог, специалист в области социологии труда, автор концепции публичной социологии.
- Бурдьё Пьер** (1930–2002) — французский социолог, автор классических работ в области социологии культуры и социологии политики, создатель теоретического направления, получившего название «конструктивистский структурализм». Автор работ «Очерк теории практики» (1972), «Практический смысл» (1979), «Различие» (1980).
- Бухарин Николай Иванович** (1888–1938) — российский политический деятель, один из главных идеологов партии большевиков в 1920-х годах. Написал ряд работ, представивших марксизм в качестве социологической теории: «Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии» (1921), «К постановке проблем исторического материализма» (1923), «Дарвинизм и марксизм» (1932).
- Бюль Ахим** (р. 1956) — немецкий социолог, исследующий роль компьютерных технологий в современном обществе. Автор работы «Виртуальное общество» (1997).
- Валлерстайн Иммануил** (р. 1930) — американский историк и социолог, создатель теории мир-системы. Автор работ «Современная мир-система» (1974–1980), «Геополитика и геокультура» (1991).
- Вебер Макс** (1864–1920) — немецкий социолог, историк, экономист, чьи работы оказали решающее влияние на развитие практически всех социальных наук; автор концепции понимающей социологии и классических типологий социального

действия и власти. Главные идеи Вебера изложены в работах «Протестантская этика и дух капитализма» (1904–1905), «О категориях понимающей социологии» (1913), «Хозяйство и общество» (1921).

Виндельбанд Вильгельм (1848–1915) — немецкий философ, глава Баденской школы неокантианства. Развивал философию как учение об общезначимых ценностях. Ввел различие «номотетических» и «идеографических» наук. Автор работ «История новой философии» (1878–1880), «Прелюдии» (1884), «История древней философии» (1888).

Волков Вадим Викторович (р. 1965) — российский социолог, автор ряда работ о роли силового предпринимательства в становлении современного российского капитализма. В соавторстве с О. Хархординым написал книгу «Теория практик» (2008).

Вормс Рене (1869–1926) — французский философ и социолог, основатель журнала «Международное социологическое обозрение» (1893), Международного института социологии (1894), Парижского социологического общества (1895).

Гарфинкель Гарольд (1917–2011) — американский социолог, основоположник этнометодологии, автор книги «Исследования по этнометодологии» (1967).

Гваттари Феликс (1930–1992) — французский философ, один из создателей постмодернистской социальной теории. Развивал идеи радикальной критики современных форм мышления, культуры и социального порядка. В соавторстве с Ж. Делёзом написал книги «Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения» (1972), «Ризом» (1976), «Тысяча плато» (1980).

Гелен Арнольд (1904–1976) — немецкий философ и социолог, один из классиков философской антропологии. Автор работ «Человек. Его природа и положение в мире» (1940), «Первобытный человек и поздняя культура» (1956).

Гирц Клиффорд (1926–2006) — американский антрополог и социолог, основатель интерпретативной антропологии. Автор фундаментальной работы «Интерпретация культур» (1973).

Гидденс Энтони (р. 1938) — британский социолог, создатель теории структуриации, один из авторов теории рефлексивной модернизации. Автор книг «Конституирование общества» (1984), «Последствия современности» (1990).

Гиддингс Франклин (1855–1931) — американский социолог, один из первых преподавателей и популяризаторов социологии в США. Развивал идеи психологического эволюционизма. Автор работ «Основания социологии» (1896), «Исследования по теории человеческого общества» (1922).

Глэзер Барни (р. 1930) — американский социолог, один из создателей методологии обоснованной теории. В соавторстве с А. Страуссом написал книгу «Открытие обоснованной теории» (1967).

Гоулднер Элвин (1920–1980) — американский социолог, развивавший концепцию «критически-рефлексивной» социологии. Автор работ «Надвигающийся кризис

западной социологии» (1970), «Будущее интеллектуалов и становление нового класса» (1979).

Гофман Ирвин (1922–1982) — американский социолог и психолог, один из главных представителей символического интеракционизма. Создал концепцию драматургической социологии. Автор работ «Презентация себя в повседневной жизни» (1959), «Стигма» (1968), «Анализ фреймов» (1974).

Грановеттер Марк (р. 1943) — американский социолог, разрабатывающий сетевой подход в экономической социологии. Широкую известность получил после выхода статьи «Сила слабых связей» (1983).

Гумплович Людвиг (1838–1909) — австро-венгерский социолог польского происхождения, разрабатывавший дарвинистскую концепцию социальных явлений. Автор работ «Расовая борьба» (1883), «Основы социологии» (1885).

Гуссерль Эдмунд (1859–1938) — немецкий философ, основоположник феноменологии. Автор работ «Логические исследования» (1900–1901), «Идея феноменологии» (1907), «Философия как строгая наука» (1911).

Гэллуп Джордж (1901–1984) — американский журналист и исследователь общественного мнения. В 1935 г. основал Американский институт общественного мнения (Институт Гэллупа), который в настоящее время имеет отделения и проводит опросы общественного мнения в 20 странах мира.

Данилевский Николай Яковлевич (1822–1885) — русский социолог, создатель теории культурно-исторических типов, изложенной в книге «Россия и Европа» (1869).

Дарендорф Ральф (1929–2009) — немецкий социолог, жил и работал в Великобритании. Разработал теорию социальных конфликтов, соединяющую структурно-функционалистский и неомарксистский подходы. Автор работ «Социальные классы и классовый конфликт в индустриальном обществе» (1957), «Современный социальный конфликт» (1992).

Де Роберти Евгений Валентинович (1843–1915) — русско-французский социолог и философ. Автор работ «Прошедшее философии: опыт социологического исследования общих законов развития философской мысли» (1886), «Новая постановка основных вопросов социологии» (1909), «Современное состояние социологии» (1913).

Делёз Жиль (1925–1995) — французский философ, один из создателей постмодернистской социальной теории. Развивал идеи радикальной критики современных форм мышления, культуры и социального порядка. В соавторстве с Ф. Гваттари написал книги «Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения» (1972), «Ризома» (1976), «Тысяча плато» (1980).

Дильтей Вильгельм (1833–1911) — немецкий философ и историк культуры, создатель концепции понимающей психологии. Предложил деление научного знания на науки о природе и науки о духе. Автор работ «Введение в науки о человеке» (1883), «Построение мира истории в науках о духе» (1910).

- Добреньков Владимир Иванович** (р. 1939) — советский и российский философ и социолог, основатель и первый декан (1989–2014) социологического факультета Московского государственного университета.
- Дэвис Кингсли** (1908–1997) — американский социолог, исследовал проблемы урбанизации и стратификации. В соавторстве с У. Муром создал структурно-функционалистскую теорию социального неравенства. Автор книг «Человеческое общество» (1948), «Мировая урбанизация, 1950–1970» (1969–1972).
- Дюркгейм Эмиль** (1858–1917) — французский социолог, внесший выдающийся вклад в становление социологии как науки и учебной дисциплины. Разработал концепции общественной солидарности и аномии, создал социологическую теорию самоубийства. Автор работ «О разделении общественного труда» (1893), «Правила социологического метода» (1895), «Самоубийство» (1897).
- Заславская Татьяна Ивановна** (1927–2013) — российский социолог и экономист; одной из первых в нашей стране начала проводить исследования в области экономической социологии.
- Здравомыслов Андрей Григорьевич** (1928–2009) — российский социолог, в 1960-х годах был одним из организаторов первых социологических исследований в Ленинграде, автор ряда работ о социальных интересах и социальных конфликтах.
- Зиммель Георг** (1858–1918) — немецкий философ и социолог, разработал концепцию так называемой формальной социологии. Автор работ «Проблемы философии истории» (1892), «Философия денег» (1900), «Социология» (1908).
- Знанецкий Флориан** (1882–1958) — польский социолог, многократно выезжал для чтения лекций и проведения исследований в США. В соавторстве с У. Томасом провел исследование и написал книгу «Польский крестьянин в Европе и Америке» (1918–1920).
- Зомбарт Вернер** (1863–1941) — немецкий экономист и социолог, один из создателей теории развития капитализма. Автор книг «Современный капитализм» (1902), «Буржуа» (1913).
- Иванов Дмитрий Владиславович** (р. 1967) — российский социолог, автор работ по проблемам социальных изменений, в том числе книг «Виртуализация общества» (2000), «Глэм-капитализм» (2008).
- Каллон Мишель** (р. 1945) — французский социолог, специализирующийся в области исследований науки и технологий, один из ведущих разработчиков акторно-сетевой теории.
- Кареев Николай Иванович** (1850–1931) — русский историк и социолог. Автор работ «Сущность исторического процесса и роль личности в истории» (1889), «Введение в изучение социологии» (1897), «Общие основы социологии» (1919).
- Кастельс Мануэль** (р. 1942) — американский социолог испанского происхождения, исследовавший процессы урбанизации и развивавший концепцию постиндустри-

стриального общества. Автор работ «Информационный город» (1989), «Возникновение сетевого общества» (1996).

Китсьюз Джон (1923–2003) — американский социолог, основатель конструкционистского подхода к социальным проблемам. Автор книги «Конструирование социальных проблем» (1977, совместно с М. Спектором).

Ковалевский Максим Максимович (1851–1916) — русский историк, правовед, социолог. Известен своими работами по истории европейского феодализма. Внес большой вклад в популяризацию социологии и организацию ее преподавания в России. Автор работ «Социология и сравнительная история права» (1902), «Современные социологи» (1905), «Социология» (в 2 т., 1910), «Социология на Западе и в России» (1913).

Козер Льюис (1913–2003) — американский социолог, создатель функционалистской теории социального конфликта, изложенной в работе «Функции социального конфликта» (1956).

Кон Игорь Семенович (1928–2011) — российский психолог и социолог, в 1960–1970-х годах внес большой вклад в распространение среди отечественных социологов теоретических достижений западной социологии. Автор ряда работ по социальной психологии, социологической теории личности, сексологии.

Кондорсе Жан Антуан Никола́ (1743–1794) — французский философ, один из активных сторонников идеи просвещения; разработал концепцию исторического прогресса человечества. Автор трактата «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» (1794).

Конт Огюст (1798–1857) — французский мыслитель, основоположник социологии. Разработал концепцию позитивизма и создал теорию трех стадий интеллектуальной и социальной эволюции. Автор фундаментальных трудов «Курс позитивной философии» (1830–1842), «Система позитивной политики» (1851–1854).

Коулмен Джеймс (1926–1995) — американский социолог, разработавший теорию рационального выбора применительно к социальным явлениям. Автор книги «Основания социальной теории» (1990).

Кравченко Сергей Александрович (р. 1949) — российский социолог, автор концепции «играизации общества».

Кун Томас (1922–1994) — американский историк и социолог науки, разработавший концепцию развития научного знания как смены парадигм. Автор работы «Структура научных революций» (1962).

Лавров Петр Лаврович (1823–1900) — русский мыслитель, развивавший концепцию субъективного метода изучения социальных явлений. Автор цикла статей «Исторические письма» (1870).

Лазарфельд Пауль (1901–1976) — американский социолог австрийского происхождения; внес большой вклад в развитие методологии эмпирических и приклад-

ных исследований. Автор работ «Язык социального исследования» (совместно с М. Розенбергом, 1955), «Латентноструктурный анализ» (1959).

Лакан Жак (1901–1981) — французский психолог, создавший теорию структурного психоанализа, раскрывающую роль языковых символов в формировании и функционировании бессознательного. Автор работ «Функция и поле речи и языка в психоанализе» (1953), «Тексты» (1966).

Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919) — русский историк, социолог, ставший первым председателем Русского социологического общества им. М. М. Ковалевского (1916–1918). Автор работ «Основные принципы социологической доктрины О. Конта» (1902), «Методология истории» (в 2 т., 1910–1911), «Главнейшие направления в развитии номотетического построения исторического знания» (1917).

Латур Бруно (р. 1947) — французский социолог, специалист в области исследований науки и технологий, один из основоположников акторно-сетевой теории. Автор работ «Наука в действии» (1987), «Нового времени не было» (1991), «Пересборка социального» (2005).

Лебон Гюстав (1841–1931) — французский психолог и социолог, разработавший теорию массового поведения. Автор работ «Психология народов и масс» (1895), «Психология социализма» (1905).

Леви Марион (1919–2002) — американский социолог, один из основоположников теории модернизации. Автор работ «Революционное изменение семьи в современном Китае» (1949), «Модернизация и структура обществ» (1966).

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924) — российский политический деятель, один из идеологов большевизма и лидеров революции 1917 года. Написал ряд работ, внесших вклад в развитие марксистской теории капитализма, в том числе «Развитие капитализма в России» (1899), «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916).

Линтон Роберт (1893–1953) — американский социальный психолог и антрополог, разработавший концепцию социальной роли. Автор работ «Исследование человека» (1936), «Культурные основания личности» (1945).

Лиотар Жан-Франсуа (1924–1997) — французский философ, один из создателей постмодернистской социальной теории. Автор работ «Либидозная экономика» (1974), «Состояние постмодерна» (1979).

Лукач Дьёрдь (1885–1971) — венгерский философ, один из основоположников неомарксизма. Автор работ «История и классовое сознание» (1923), «Молодой Гегель» (1938).

Лукман Томас (1927–2016) — немецкий социолог, внесший большой вклад в развитие социологии религии и концепции феноменологической социологии. Автор работ «Проблема религии в современном обществе» (1963), «Социальное конструирование реальности» (1966, совместно с П. Бергером), «Невидимая религия» (1967).

- Луман Никлас** (1927–1998) — немецкий социолог, создатель теории самореферентных социальных систем. Автор работ «Социальные системы» (1984), «Общество общества» (1997).
- Маклюэн Маршалл** (1911–1980) — канадский философ и публицист, исследовавший роль средств массовой информации в развитии общества. Автор работ «Галактика Гутенберга» (1962), «Понимание медиа» (1964), «Война и мир в глобальной деревне» (1968, совместно с К. Фьоре).
- Малиновский Бронислав** (1884–1942) — британский антрополог польского происхождения, основоположник функционализма в социальных науках. Автор работы «Научная теория культуры» (1944).
- Маннгейм Карл** (1893–1947) — германский и британский философ и социолог, один из основоположников социологии знания. Автор работ «Идеология и утопия» (1929), «Диагноз нашего времени» (1943).
- Маркс Карл** (1818–1883) — немецкий философ и экономист, создатель концепции материалистического понимания истории, основоположник коммунистической идеологии. Автор ряда работ, составивших фундамент марксистского направления в социологии: «Экономическо-философские рукописи» (1844), «Тезисы о Фейербахе» (1845), «Немецкая идеология» (1846), «К критике политической экономии» (1859).
- Маркузе Герберт** (1898–1979) — германский и американский философ и социолог неомарксистского направления, один из лидеров Франкфуртской школы; разрабатывал критическую теорию общества. Автор книг «Разум и революция» (1941), «Эрос и цивилизация» (1955), «Одномерный человек» (1964).
- Мертон Роберт** (1910–2003) — американский социолог, внесший значительный вклад в развитие структурного функционализма. Ввел понятия латентной функции и дисфункции; разработал концепцию аномии как рассогласования ценностей и норм. Автор работ «Социальная теория и социальная структура» (1949), «Социология науки» (1973).
- Мид Джордж Герберт** (1863–1931) — американский философ и психолог; разрабатывал концепцию символического бихевиоризма, ставшую идейной основой парадигмы символического интеракционизма, созданной его учениками.
- Миллс Чарльз Райт** (1916–1962) — американский социолог, создавший концепцию социологического воображения. Автор работ «Властвующая элита» (1956), «Социологическое воображение» (1959).
- Милль Джон Стюарт** (1806–1873) — английский философ и экономист, развивавший идеи позитивизма. Автор трудов «Система логики» (1843), «Основания политической экономии» (1848).
- Михайловский Николай Константинович** (1842–1904) — русский социолог, один из создателей концепции субъективного метода в социологии. Автор работ «Что такое прогресс?» (1869), «Герой и толпа» (1882).

- Мур Уилберт** (1914–1987) — американский социолог, известный своими работами по проблемам социальной структуры и социальных изменений; разработал совместно с К. Дэвисом структурно-функционалистскую теорию социального неравенства.
- Мэйо Элтон** (1880–1949) — американский социолог и психолог, один из основоположников прикладной социологии, организаторов Хотторнского эксперимента и создателей концепции «человеческих отношений». Автор работы «Социальные проблемы индустриальной цивилизации» (1945).
- Ницше Фридрих** (1844–1900) — немецкий философ, развивавший критический взгляд на европейскую культуру. Автор работ «Рождение трагедии из духа музыки» (1872), «Так говорил Заратустра» (1883–1892), «К генеалогии морали» (1887).
- Осипов Геннадий Васильевич** (р. 1929) — российский социолог, внесший значительный вклад в возрождение отечественной социологии, организатор первых в СССР социологических исследований. Автор книг «Техника и общественный прогресс» (1959), «Современная буржуазная социология» (1964), «Социология и социализм» (1990).
- Парето Вильфредо** (1848–1923) — итальянский социолог и экономист. Анализировал социальные явления на основе концепции нелогического действия. Автор фундаментального труда «Трактат по общей социологии» (1916).
- Парк Роберт** (1864–1944) — американский социолог, один из лидеров Чикагской школы, создал концепцию социальной экологии. Автор работ «Введение в науку социологии» (1921, совместно с Э. Берджесом), «Социальная экология» (1936).
- Парсонс Талкотт** (1902–1979) — американский социолог, один из лидеров структурного функционализма, оказавший значительное влияние на всю современную социологию. Разработал теории социального действия и социальной системы. Автор работ «Структура социального действия» (1937), «Социальная система» (1951), «Система современных обществ» (1971).
- Поланьи Карл** (1886–1964) — англо-американский экономист, историк и социолог, развивавший концепцию укорененности экономики в социальных отношениях. Автор книг «Великая трансформация» (1944), «Дагомея и работоторговля» (1966).
- Поппер Карл** (1902–1994) — австрийский и британский философ и социолог, разрабатывавший методологию научного познания на основе концепции критического рационализма. На развитие социологии оказал влияние главным образом своей критикой марксизма и эволюционизма. Автор работ «Открытое общество и его враги» (1945), «Нищета историцизма» (1957).
- Риккерт Генрих** (1863–1936) — немецкий философ, один из лидеров Баденской школы неокантианства. Разработал концепцию двух форм образования научных понятий: генерализирующего образования понятий, свойственного естественным наукам, и индивидуализирующего образования понятий, свойственного историческим наукам. Автор работ «Введение в трансцендентальную философию. Пред-

мет познания» (1892), «Границы естественно-научного образования понятий» (1896), «Основные проблемы философии» (1934).

Ритцер Джордж (р. 1940) — американский социолог, разработавший представление о социологии как мультипарадигмальной науке, создатель теории макдональдизации общества. Автор работ «Социология: мультипарадигмальная наука» (1975), «Современная социологическая теория» (1992), «Макдональдизация общества» (1993).

Робертсон Роланд (р. 1938) — британский и американский социолог, один из создателей социологической теории глобализации. Автор работ «Международные системы и модернизация обществ» (1968, в соавторстве с Дж. Неттлом), «Глобализация: социальная теория и глобальная культура» (1992).

Руткевич Михаил Николаевич (1917–2009) — российский социолог, в 1960-х годах одним из первых проводивший в СССР эмпирические исследования. Автор ряда работ по проблемам социальной структуры и развития марксистской социологии.

Сен-Симон Клод Анри де Рувруа (1760–1825) — французский мыслитель, создавший концепцию индустриальной системы как идеального общественного устройства. Автор работ «Введение к научным трудам XIX века» (1807), «Новая энциклопедия» (1810), «Новое христианство» (1825).

Сикурел Арон (р. 1928) — американский социолог, развивавший феноменологический подход, один из создателей этнометодологии. Автор работ «Метод и измерение в социологии» (1964), «Когнитивная социология» (1973).

Смолл Албион (1854–1926) — американский социолог, руководитель первого в мире факультета социологии (1892) и основатель Чикагской школы. Автор книги «Общая социология» (1905).

Сорокин Питирим Александрович (1889–1968) — русский и американский социолог, разработал теорию социальной стратификации и мобильности, создал концепцию социокультурной динамики. Автор работ «Социальная мобильность» (1927), «Современные социологические теории» (1928), «Социальная и культурная динамика» (1937–1941).

Спенсер Герберт (1820–1903) — английский философ и социолог, крупнейший наряду с О. Контом представитель позитивизма. Создал оригинальную систему научного знания, основанную на концепции эволюционизма. Автор трудов «Социальная статика» (1851), «Основные начала» (1862), «Основания биологии» (1864–1867), «Основания социологии» (1874–1896).

Сталин Иосиф Виссарионович (1878–1953) — российский политический деятель, с середины 1920-х годов руководитель коммунистической партии и советского государства. Создал догматическую, вульгаризированную интерпретацию марксизма в работах «Краткий курс истории ВКП(б)» (1937), «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952).

- Страусс Ансельм** (1916–1996) — американский социолог, специалист в области социологии медицины; автор концепции обоснованной теории (совместно с Б. Глэзром).
- Тард Габриель** (1843–1904) — французский социолог, развивавший концепцию коллективной психологии как основы науки о социальных явлениях. Автор работ «Законы подражания» (1890), «Социальная логика» (1895).
- Тённис Фердинанд** (1855–1936) — немецкий социолог, один из основоположников социологии в Германии. Автор работ «Общность и общество» (1887), «Введение в социологию» (1931).
- Тернер Джонатан** (р. 1942) — американский социолог, разрабатывающий идею интеграции существующих в социологии парадигм. Автор работ «Структура социологической теории» (1978), «Возникновение социологической теории» (1981).
- Томас Уильям** (1863–1947) — американский философ и социолог, один из основоположников Чикагской школы. Совместно с Ф. Знанецким создал фундаментальный труд «Польский крестьянин в Европе и Америке» (1918–1920).
- Турен Ален** (р. 1925) — французский социолог, разрабатывающий концепцию социального акционализма. Автор работ «Социология действия» (1965), «Производство общества» (1973).
- Уорд Лестер** (1841–1913) — американский психолог, развивавший концепцию психологического эволюционизма. Автор работ «Динамическая социология» (1883), «Психические факторы цивилизации» (1893).
- Уотерс Малькольм** (р. 1946) — австралийский социолог, развивающий теорию глобализации. Автор работ «Современная социологическая теория» (1994), «Глобализация» (1995).
- Филиппов Александр Фридрихович** (р. 1958) — российский социолог, автор работ по истории социологии и социальной философии; разрабатывает концепцию социологии пространства.
- Фрейд Зигмунд** (1856–1939) — австрийский психолог, создатель концепции психоанализа, оказавшей большое влияние на развитие социологии, особенно критической теории общества и постмодернистской социальной теории. Автор работ «Толкование сновидений» (1899), «К психопатологии повседневной жизни» (1904), «Тотем и табу» (1913), «Будущее одной иллюзии» (1927).
- Фуко Мишель** (1926–1984) — французский мыслитель, один из создателей постмодернистской социальной теории. Оказал сильное влияние на современную философию, историю, социологию. Автор работ «История безумия в классическую эпоху» (1961), «Слова и вещи» (1966), «Надзирать и наказывать» (1975), «История сексуальности» (1976–1984).
- Хабермас Юрген** (р. 1929) — немецкий социолог и философ, создатель теории коммуникативного действия. Автор работ «Структурное изменение общественно-

сти» (1962), «Познание и интерес» (1968), «Теория коммуникативного действия» (1981).

Хархордин Олег Валерьевич (р. 1964) — российский политолог и социолог. Автор работ «Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности» (2002), «Теория практик» (2008, совместно с В. В. Волковым).

Хвостов Вениамин Михайлович (1868–1920) — русский социолог, правовед, философ, развивавший идеи неокантианства. Автор работ «Общественное мнение и политические партии» (1906), «Нравственная личность и общество. Очерки по истории социологии» (1911), «Основы социологии. Учение о закономерностях общественных явлений» (1919).

Хечтер Майкл (р. 1943) — американский социолог, развивающий концепцию рационального выбора. Автор работы «Принципы групповой солидарности» (1987).

Хоманс Джордж (1910–1989) — американский социолог, один из основоположников теории социального обмена. Автор работ «Человеческая группа» (1950), «Социальное поведение: его элементарные формы» (1961).

Хоркхаймер Макс (1895–1973) — германский философ и социолог, один из основателей Франкфуртской школы. Выдвинул идею создания критической теории. Автор работ «Традиционная и критическая теория» (1937), «Диалектика просвещения» (1947, совместно с Т. Адорно).

Шеффле Альберт (1831–1903) — немецкий экономист и социолог, развивавший органицистскую концепцию социальных явлений. Автор труда «Строение и жизнь социальных тел» (1875–1878).

Шилз Эдвард (1911–1995) — американский социолог, внесший значительный вклад в развитие структурного функционализма. Автор работ «К общей теории действия» (1951, совместно с Т. Парсонсом), «Интеллектуалы и власть» (1972).

Шпенглер Освальд (1880–1936) — немецкий философ, создатель концепции развития цивилизаций, изложенной в труде «Закат Европы» (1918–1922).

Штайн Лоренц фон (1815–1890) — немецкий философ и социолог, основоположник позитивистской социологии в Германии. Автор работ «Социализм и коммунизм во Франции» (1842), «Учение об обществе» (1856).

Штомпка Пётр (р. 1944) — польский социолог, автор работ по проблемам социальных изменений в постсоциалистических странах и по методологии визуальной социологии.

Шюц Альфред (1899–1959) — австрийский философ и социолог, создатель концепции социальной феноменологии, заложившей основы феноменологической социологии. Автор книги «Смысловое строение социального мира» (1932) и большого числа работ, изданных посмертно его учениками.

Эмерсон Ричард (1925–1982) — американский социолог, разработчик интегративной теории обмена. Автор работы «Теория обмена» (1972).

Энгельс Фридрих (1820–1895) — немецкий экономист и философ, друг и соратник К. Маркса, развивавший доктрину так называемого научного социализма. Автор работ «Манифест коммунистической партии» (1848, при участии К. Маркса), «Анти-Дюринг» (1878), «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884).

Южаков Сергей Николаевич (1849–1910) — русский публицист, социолог и экономист. Автор работ «Субъективный метод в социологии» (1873), «Дневник журналиста. Как изучать социологию» (1895).

Ядов Владимир Александрович (1929–2015) — российский социолог; в 1960-х годах был одним из организаторов первых социологических исследований в Ленинграде; автор ряда работ по теории социальных изменений и по теории личности.

Сведения об авторах

Ответственный редактор:

Иванов Дмитрий Владиславович — доктор социологических наук, профессор факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, специалист в области современной социологической теории и исследований социальных изменений. Автор более ста научных и научно-педагогических работ, в том числе монографий «Виртуализация общества» (2000), «Глэм-капитализм» (2008), «Время Че: Альтер-капитализм в XXI веке» (2012), учебных пособий «Социология: теория и история» (2006) и 'Classical and Modern Sociological Theories' (2016). С 2015 г. возглавляет кафедру теории и истории социологии СПбГУ. Под его руководством преподавателями кафедры подготовлен и издан учебник «Социология» (2016).

Авторский коллектив:

Асочаков Юрий Валентинович, канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры теории и истории социологии СПбГУ

Богомяккова Елена Сергеевна, канд. социол. наук, доцент кафедры теории и истории социологии СПбГУ

Бороноев Асалхан Ользонович, д-р филос. наук, профессор, почетный профессор СПбГУ, профессор кафедры теории и истории социологии СПбГУ

Бочкарёва Вера Игнатьевна, канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры теории и истории социологии СПбГУ

Бразевич Святослав Станиславович, д-р социол. наук, профессор, профессор кафедры теории и истории социологии СПбГУ

Головин Николай Александрович, д-р социол. наук, профессор, профессор кафедры теории и истории социологии СПбГУ

Иванов Олег Иванович, д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры теории и истории социологии СПбГУ

Ломоносова Марина Васильевна, канд. социол. наук, доцент кафедры теории и истории социологии СПбГУ

Мионов Денис Викторович, канд. социол. наук, доцент кафедры теории и истории социологии СПбГУ

Орех Екатерина Александровна, канд. социол. наук, доцент кафедры теории и истории социологии СПбГУ

Островская Елена Александровна, д-р социол. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории социологии СПбГУ

Смирнов Петр Иванович, д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры теории и истории социологии СПбГУ

Тхакахов Валерий Хазраилович, д-р социол. наук, профессор, профессор кафедры теории и истории социологии СПбГУ

Фетисов Владимир Яковлевич, д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры теории и истории социологии СПбГУ

Contents

Preface	7
Part I. Sociological Theories	
Chapter 1. Concept of theory in sociology.....	12
Chapter 2. Paradigms in sociology	21
2.1. Macrosociological paradigms	22
2.2. Microsociological paradigms.....	33
Chapter 3. Problem of multiparadigm condition and versions of its solution	49
3.1. Integrative paradigms in sociology.....	52
3.2. Alternative approaches towards the multiparadigm condition problem	59
3.3. Diversity of theories and unity of theoretical sociology	67
Chapter 4. Society as a basic concept of theoretical sociology.....	76
4.1. Concept of society in sociology.....	76
4.2. Historic types of society.....	79
4.3. Society as a system.....	85
4.4. Society as a discourse	90
Chapter 5. Models of social interaction and communication	96
5.1. Social interactions and social relationships	97
5.2. Sociological models of communication	106
5.3. Socialization.....	110

Chapter 6. Conceptions of social structure	126
6.1. Social institutions.....	127
6.2. Social differentiation and stratification	135
6.3. Structural factors of social problems.....	142
Chapter 7. Sociological conceptions of culture	148
7.1. Institutional and structural-functionalist conceptions of culture.	149
7.2. Conceptions of culture as a system of production and consumption	153
7.3. Conceptions of global culture and project of cultural sociology	157
7.4. Society as a complex phenomenon of culture.....	164
Chapter 8. Theories of social change	171
8.1. Classical theories of society's development.....	171
8.2. Modernization theories	175
8.3. Globalization theories.....	179
8.4. Virtualization theories.....	190
Chapter 9. Theories of social problems	215
9.1. Conceptions of social problems in the classical sociological theories	216
9.2. Constructionist theories of social problems	229
9.3. Complex approach toward study and solving of social problems ...	233

Part II. History of Sociology's Development

Chapter 10. Evolution of sociology	240
Chapter 11. Social doctrines from Ancient age to Enlightenment age	261
11.1. Preconditions of sociology emergence as a science.....	261
11.2. Ancient age social doctrines.....	264
11.3. Medieval age social doctrines	269
11.4. Renaissance social doctrines	271
11.5. Modern age social doctrines.....	274
11.6. Enlightenment age social doctrines.....	278

Chapter 12. Founders and classics of international sociology.....	286
12.1. Founders of social science in the 19 th century	286
12.2. First classics of sociology at the late 19 th century and early 20 th century.....	295
12.3. New classics of the 20 th century sociology	303
Chapter 13. Institutionalization of sociology in Russia	316
Chapter 14. Classics of Russian sociology	333
14.1. Classics of subjectivist school in Russian sociology	334
14.2. Representatives of neo-Kantianism stream in Russian sociology..	338
14.3. Classics of neo-Positivism stream in Russian sociology	344
14.4. Marxists in Russian sociology	348
Chapter 15. Trends of theoretical sociology's development in 20 th — early 21 st century	354
 Part III. Methodology of Sociology	
Chapter 16. Methodology of social knowledge.....	382
Chapter 17. Methodological basis of sociological research	412
Chapter 18. Methods of data collection and analysis in sociology.....	432
Glossary	451
Personalities Index	461
Contributors	474

Книги **Издательства СПбГУ** можно
ЗАКАЗАТЬ
на сайте издательства: **publishing.spbu.ru**
в интернет-магазинах: **ozon.ru; bookvoed.ru; URSS.ru**

ПРИБРЕСТИ
в книжных магазинах **СПбГУ Дом университетской книги**
Менделеевская линия, д. 5
6-я линия В. О., д. 15
Университетская наб., д. 11

А также в магазинах
Санкт-Петербурга: Сеть книжных магазинов «Буквоед»
Санкт-Петербургский Дом книги, Невский пр., д. 28
«Подписные издания», Литейный пр., д. 57
Москвы: «Библио-Глобус», ул. Мясницкая, д. 6/3
«Фаланстер», М. Гнездниковский пер., д. 12/27
Перми: «Пиотровский», ул. Ленина, д. 54

Учебное издание
СОЦИОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ
Учебник

Редактор *Г. Б. Ерусалимский*
Корректор *М. П. Соболева*
Компьютерная верстка *Ю. Ю. Тауриной*
Обложка *Е. Р. Куныгина*

Подписано в печать 28.12.2018. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 39. Плановый тираж 1000 экз. (1-й завод — 150 экз.). Заказ №

Издательство Санкт-Петербургского университета.
199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11.
Тел./факс +7(812)328-44-22
publishing@spbu.ru

publishing.spbu.ru

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.